

ВНѢШНІЙ БЫТЪ НАРОДОВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

~~~~~
СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВЕЙСА,

Профессора и преподавателя при корол. Академіи Художествъ въ Берлинѣ.

.....
ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ ОДЕЖДЫ И УТВАРИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

(отъ IX-го до XIV-го столѣтія).

Съ 336 отдѣльными изображеніями по рисункамъ сочинителя.

ЧАСТЬ 2-я.

ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ.

.....
Съ нѣмецкаго И. Васильева.

Издание К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

ИЗДАТЕЛЬ ГРАФЪ Н. КОМЪ, У ПРЕСВѢТЛѢЙШИХЪ БОРОТЬ. Д. ШИЛОВЪ.

1876.

О д е ж д а.

Тацитъ въ своей „Germania“ (гл. 46), говоритъ: „Фенны (финны) до невѣроятности дикаго нрава, бѣдность ихъ отвратительна. У нихъ нѣтъ ни орудій, ни лошадей, нѣтъ своего очага. Пищею имъ служатъ злаки, одеждою звѣриныя шкуры, ложею земля. Всю надежду они полагаютъ на стрѣлы, которыя, за неимѣніемъ желѣза, они снабжаютъ костяными остреями. Мужчинамъ и женщинамъ одинаково охота доставляетъ пропитаніе; какъ соучастницы мужей, жены требуютъ для себя долю добычи. Даже для дѣтей все убѣжище отъ звѣрей и дождей, составляетъ лишь плетень изъ сучьевъ; подъ нее возвращаются юноши, подъ нее укрываются старики. Однако, они въ этомъ находятъ болѣе счастія, чѣмъ въ потѣ лица трудиться на поляхъ, чѣмъ заниматься домашнимъ хозяйствомъ, чѣмъ со страхомъ и надеждою радѣть о судьбѣ другихъ и о собственной. Не заботясь ни о богатѣхъ ни о людяхъ, они достигли самаго труднаго, что сами не питаютъ никакого желанія.“ — Затѣмъ, относительно общаго характера одежды у германцевъ этотъ же писатель замѣчаетъ (гл. 17): „Общепотребительная одежда для прикрытія тѣла плащъ (sagum), сдерживаемый застѣжкою, или за неимѣніемъ ея, шипомъ. Такъ какъ кромѣ того на нихъ нѣтъ другой одежды, то они проводятъ цѣлые дни сидя у очага. Богатые для отличія носятъ особую одежду, не такую какую носятъ паряне и сарматы, со многими складками, но плотно облегающую тѣло и, такъ сказать, обрисовывающую всѣ формы его. Кромѣ того они носятъ и звѣриныя шкуры; тѣ которые живутъ по близости береговъ (Рейна) неряшливы, живущіе же дальше, (въ этомъ отношеніи) болѣе разборчивы такъ какъ торговля имъ не доставляетъ никакого комфорта. Они выбираютъ звѣрей, и содранныя съ нихъ шкуры обкладываютъ пестрыми шкурами животныхъ какихъ производятъ крайній океанъ и невѣдомое море. Одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ мужской; женщины впрочемъ чаще носятъ полотняныя одѣянія которыя онѣ обшиваютъ пурпуромъ, при томъ онѣ не удлиняютъ верхней части своей одежды въ рукава, (такъ что) руки и плечи голы и верхняя часть груди также открыта“.

I. Изъ двухъ приведенныхъ описаній первое настолько соотвѣтствуетъ обычной еще и теперь бытовой обстановкѣ нѣкоторыхъ живущихъ на сѣверѣ финскихъ и лапонскихъ племенъ ¹, что не требуетъ никакого поясненія. Другое же описаніе, по крайней мѣрѣ въ томъ что касается употребленія звѣринныхъ шкуръ, согласуется съ извѣстіями, хотя и позднѣйшаго времени, о характерѣ одежды древнихъ скандинавовъ. Потомъ, весьма вѣроятно даже что Тацитъ имѣлъ въ виду именно германскія племена, въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ говоритъ о населеніи жившемъ въ отдаленности отъ береговъ Рейна, и также когда онъ упоминаетъ въ особенности объ Эстіяцахъ, Ситонахъ, Суэвахъ и Сугонахъ (гл. 38; гл. 44 по 46).

Шкуры скандинавамъ доставляло, понятно, скотоводство, отчасти же и охота; впрочемъ, еще съ древнѣйшихъ временъ предметы эти добывались ими

¹ Ср. F. Claussen (переводъ P. A. Munch: Det norske Folks Historie и пр. стр. 123, потомъ G. Klemm. Allgemeine Kulturgesch. III. стр. 9 и сл.

мѣною отъ народовъ крайняго сѣвера, преимущественно отъ лопарей и финновъ. Въ послѣдствіи этотъ родъ торговли распространился по Исландіи и сѣверной Россіи, а приблизительно съ одиннадцатаго вѣка, также въ сѣверной Америкѣ ¹.—Скотоводство, съ цѣлью добыванія шкуръ, заключалось главнымъ образомъ въ уходѣ за рогатымъ скотомъ, овцами, козами и свиньями; впрочемъ, на разведеніе двухъ послѣднихъ породъ животныхъ, но въ особенности свиней, которыми народъ даже пренебрегалъ, далеко не обращалось такого вниманія какъ на воспитаніе рогатаго скота и овецъ. Въ странахъ ближайшихъ къ сѣверу во всѣ времена первое мѣсто въ числѣ домашнихъ животныхъ занималъ олень.—Охота, потомъ и упомянутый выше мѣстовый торгъ, доставляли въ изобиліи кромѣ тюленьихъ шкуръ, также болѣе или менѣе цѣнные мѣха, волчьи, медвѣжьи, куньи, собольи, потомъ чернобурыхъ лисицъ и бѣлокъ, бобровъ, выдръ и пр. Названные мѣха составляли самый главный вывозной товаръ сѣверной торговли, наравнѣ съ янтaremъ, сушеною рыбою, овечьей шерстью, пухомъ, китовымъ усомъ и корабельными канатами.

Наряду съ стародавнимъ употребленіемъ шкуръ, къ которому вскорѣ прибавилась и техника дубленія и выдѣлки кожъ ², сканлиनावъ было извѣстно также, какъ кажется, въ первыя же времена, производство шерстяныхъ и пеньковыхъ матерій. Изъ такого матеріала сдѣланы были по всей вѣроятности плащи германцевъ, которымъ, безъ сомнѣнія по ихъ сходству съ позднеримскимъ военнымъ плащемъ, ³ Тацитъ даетъ латинское названіе „сагумъ“ (sagum); бывшія изстари въ употребленіи у скандинавовъ болѣе грубыя матеріи назывались у нихъ либо „лодъ“ (lod, дерюгою), либо „флоки“ (flokki, войлокомъ), когда онѣ были плотнѣе. Въ позднѣйшее время, но когда именно, трудно опредѣлить, у нихъ была въ употребленіи еще другая, менѣе грубая шерстяная матерія подъ названіемъ „вадмалъ“ (vadmal) двоякаго сорта; простая или „хавнарвадмалъ“ (hafnarvadmál), и „моренде“ (môrende), съ коричневаго цвѣта полосами; самый грубый сортъ назывался „торговымъ сукномъ“ ⁴.

Вѣроятно уже въ позднѣйшее время они научились выдѣлывать полотно „линъ“ (lin), бывшее въ употребленіи еще во времена Тацита у жителей средней Германіи, или покрайней мѣрѣ среди женскаго поколѣнія этой страны. Въ особенности въ Норвегіи и въ Исландіи гдѣ ленъ плохо успѣвалъ, производство льняныхъ тканей оставалось на низкой степеніи развитія вплоть до исхода среднихъ вѣковъ, и все потребное количество этого товара получалось изъ чужихъ странъ, преимущественно изъ Англіи. О населеніи острова Рюгена разсказываютъ, что даже въ концѣ двѣнадцатаго уже вѣка оно свои произведенія обмѣнивало преимущественно на полотняныя издѣлія ⁵.—Впрочемъ, и у жителей сѣверныхъ странъ полотняныя одѣянія по-

¹ Объ открытіи Америки Норманнами въ 1000 г., а именно Лейфомъ счастливымъ, сыномъ Эрика рыжого, см. С. Rafn въ прибавл. къ Mémoires de la société royale des antiq. du Nord. 1848—49. Kopenh. 1852. Кромѣ того W. Volz. Beiträge zur Kulturgesch. стр. 221. и сл. K. Weinhold. Altnord. Leben, стр. 101; 360.—² Ср. F. Vogel. Gesch. der denkwürdigsten Erfindungen. (Объ употребленіи мѣховою одеждою): I. стр. 33 и сл. и (о введеніи кожевеннаго и сыромятнаго мастерства): II. стр. 444 и сл.—³ См. подробности въ первомъ отдѣлѣ этого тома, стр. 17.—⁴ K. Weinhold. Altnordisches Leben стр. 158.—⁵ Helmold. Chronic der Slaven. I. с. 38.

силъ главнымъ образомъ только прекрасный полъ, и въ особенности до позднѣйшихъ временъ, преимущественно болѣе зажиточныя женщины; бѣдный классъ, напротивъ, довольствовался сплошь грубыми неньковыми тканями (strigi, strigje и strie).

Всѣ прочія матеріи доставлялись уже въ послѣдствіе времени опятьтаки отчасти мирными торговыми сношеніями, отчасти же хищническими походами викингговъ. Къ числу такихъ предметовъ принадлежали преимущественно бывшія изстари въ ходу между жителями востока дорогія шерстяныя ткани, бумажныя и шелковыя матеріи, потомъ также принесенныя уже арабами въ Европу матеріи ¹. Начиная съ тринадцатаго столѣтія наиболѣе любимыми матеріями считались, изъ названныхъ иностранныхъ товаровъ: пурпуроваго и яркореааго цвѣта ткани и легкое сукно, а изъ различнаго рода бумажныхъ матерій, прозванныхъ (по древнему городу Каиру) „фостатъ“ или „фоссатъ“, въ особенности болѣе тонкія и окрашенныя въ красный цвѣтъ ткани ². Количество привозныхъ шелковыхъ матерій, какъ кажется, было не такъ значительно. Объ нихъ упоминается подъ названіями „пурпура, пфеллеля“ и пр. въ торговыхъ уставахъ за 1282 и 1302 года ³.

Жители сѣверныхъ странъ, въ особенности достигнувъ зрѣлаго возраста, вообще не любили щеголять пестрыми и свѣтлаго цвѣта нарядами. Для обиходной одежды они предпочитали болѣею частью цвѣта сѣрый и черный, иногда бѣлый или зеленый. Только особенныя парадныя одежды, преимущественно женскія, повидимому отличались цвѣтами синимъ, краснымъ и коричневымъ. Съ упадкомъ народныхъ обычаевъ однако, и когда франко-нѣмецкіе нравы уже успѣли укорениться въ странѣ, дворъ и знать въ отношеніе одежды слѣдовали иноземнымъ модамъ, подражая франкскому разнообразію цвѣтовъ въ одѣяніяхъ ⁴.

Почти тоже самое можно сказать и о способѣ изготовленія платья. Этими дѣломъ занимались исключительно хозяйки дома и женская прислуга, вплоть до того времени когда вмѣстѣ съ иноземными модами въ страну переселились особые швецы или портные, (sniddagar, skraddagar). Быть можетъ однако, что въ первое время, когда при Олафѣ тихомъ (между 1066 и 1093 гг.), стало распространяться такое щегольство ⁵, новомодныя одежды либо привозились уже готовыя, либо изготавливались на-дому по привезеннымъ образцамъ. Начиная же съ тринадцатаго вѣка во всѣхъ главныхъ городахъ встрѣчается уже не мало осѣдлыхъ ремесленниковъ исключительно занимавшихся изготовленіемъ одежды. Точно такъ и въ самой Норвегіи, гдѣ, вслѣдствіе новыхъ правъ дарованныхъ народу Магнусомъ VII Гаконсономъ, кромѣ хлѣбниковъ, сѣдельниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, оружейниковъ, шпажниковъ, сундучниковъ, мѣдниковъ, скорняковъ, маларовъ и гребенщиковъ образовались также сапожные мастера и портные ⁶.

А. 1. Одежда мужчинъ, до введенія опредѣленныхъ модъ, въ массѣ мужскаго населенія, преимущественно была приспособлена къ занятію его

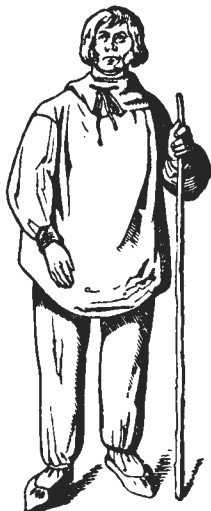
¹ См. подробности въ первомъ отдѣлѣ этого тома въ раз. м. — ² См. мж. пр. А. Arnold von Lübeck Chronic. III. 5. — ³ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 161. —

⁴ Arnold von Lübeck. въ прив. м. — ⁵ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 171. —

⁶ Тамъ же стр. 97.

морскими дѣломъ, даже до самаго исхода средних вѣковъ ¹. По этому, по всей вѣроятности, она соотвѣтствовала общеупотребительной донинѣ морской одеждѣ исландцевъ (фиг. 189), представляющей

Фиг. 189.

впрочемъ лишь усовершенствованіе древней одежды изъ звѣриныхъ шкуръ, переходившей изъ рода въ родъ до настоящаго времени между населеніемъ полярныхъ странъ ². Первоначально и до позднѣйшихъ временъ, какъ та, такъ и другая одежда, состояли изъ овчинъ, или тюленьихъ шкуръ ³. Только въ позднѣйшее время одежду эту, взамѣнъ употреблявшагося на нее прежде матеріала, стала изготавливаться изъ плотной дерюги, (lod), которая иногда пропитывалась дегтемъ. Такую одежду, не имѣвшую никакихъ украшеній, носили даже морскіе короли въ старину во время походовъ своихъ, и по ней грозному Рагнару дано было прозвище „lodbrok“ ⁴.

2. Изъ этой первоначальной, и такъ сказать типической, формы одежды, или наряду съ ней, выработались потомъ всѣ прочія части одеждъ, о которыхъ упоминаютъ древнѣйшіе сѣверные источники, саги и пр. Но такъ какъ въ теченіе времени, отъ постоянного устнаго передаванія этихъ сагъ, до настоящей и окончательно сложившейся формы ихъ, безъ

Фиг. 190.

всякаго сомнѣнія къ нимъ примѣшалось многое, что имѣло лишь временный интересъ, въ особенности относительно внѣшней стороны нравовъ и образа жизни, то для оцѣнки сказанныхъ отношеній, сагамъ можно довѣрять лишь за періодъ отъ одиннадцатаго до тринадцатаго столѣтія (стр. 58).

На основаніи такихъ свидѣтельствъ ⁵ у скандинавовъ вообще были въ употребленіи различнаго рода нижнія и верхнія одежды. Въ числѣ послѣднихъ нѣкоторыя надѣвались въ рукава (ismugsklaedi), другія же накидывались на плечи (yfirklaedi). Потомъ были въ употребленіи и головныя уборы и обувь. Нижнюю одежду (likvari) составляли главнымъ образомъ рубаха, штаны и поясъ. Верхняя состояла изъ нѣсколькихъ родовъ кафтановъ и плащей. Всѣ части одежды, за исключеніемъ

¹ На это указываетъ въ особенности Arnold v. Lübeck. III. 5. Ср. еще Olaf Dalin. Gesch. des Reiches Schweden. Перев. J. Benzeltierna и пр. I. стр. 88. и L. v. Holberg. Dänische Reichshistorie I. стр. 109.—² См. David Cranz. Historie v. Grönland и пр. 1770, и G. Gaymard. Voyage en Islande et Grönland. Paris 1842. и въ особенности G. Klemm. Allgem. Kulturgesch. III. стр. 8 и сл.—³ Въ Эддѣ сынъ «Карла» носитъ козью шкуру: см. F. Claussen и пр. стр. 144. потомъ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 72.—⁴ L. v. Holberg. Dänische Reichshistorie. I. стр. 109.—⁵ K. Weinhold. Altnord. Leben стр. 162 и сл.

нѣкоторыхъ плащей, были повидимому скорѣе узки чѣмъ широки (ср. фиг. 190). Въ Rigsmaal, о вѣншемъ видѣ „Карла“ говорится:

„борода его расчесана и лобъ открытый.

плотно къ тѣлу прилегають одежда его“.

Нижняя одежда изготовлялась всегда изъ полотна или пеньковой матеріи; послѣднія большею частью были короче, въ родѣ кафтановъ.

а. Рубаха (skyrt, рѣже serkr), вообще до позднѣйшихъ временъ удержала первоначальную простую форму. По уставу рубашка должна была имѣть небольшую выемку для головы, дабы она могла удержаться на плечахъ, въ противномъ случаѣ она считалась женскою рубашкою. Въ домашнемъ быту рубашка составляла нерѣдко единственную верхнюю одежду, и потому въ позднѣйшія времена знать и богатые люди иногда заказывали для себя по модѣ франковъ шелковыя рубашки, обшитыя дорогою бахромою.

б. Штаны, были отчасти длинныя до пятокъ (ökul или hökulbroekur), отчасти же доходили только до колѣнъ (bröker); иногда же штаны составляли одно съ чулками (leistabröker). У поясицы ихъ слерживалъ поясъ (bröklindi или brökbelti), а короткіе штаны сверхъ того по всей вѣроятности завязывались двумя выпущенными въ длину концами пониже колѣнъ. Штаны первыхъ двухъ видовъ вѣроятно самыя древнѣйшіе. Ихъ дѣлали изъ холста либо сукна, а въ зимнее время, или для большей прочности изъ плотной матеріи въ родѣ войлочной, или же изъ бычачьей и козловой кожи. Затѣмъ были въ употребленіи длинныя чулки (hosa) и носки (sekr, leistr). Первые въ старину доходили вѣроятно только до нижняго края короткихъ штановъ, составляя въ соединеніи съ ними родъ наколѣнниковъ. Въ позднѣйшее время чулки эти повидимому приняли форму франкскихъ штановъ, которые (закрывая вполнѣ ноги), ремнями и шнурками слерживались на подошвѣ и у бедра. Въ подтвержденіе сказаннаго сейчасъ достаточно указать на существованіе у скандинавовъ общеупотребительнаго названія особеннаго рода подвязки: „hosnasterti“ и „hosnareimr“. Впрочемъ еще при Олафѣ святомъ норвежскомъ (1015 по 1030), было въ обыкновеніи среди знатныхъ, по древнефранкскому и западнославянскому обычаю (см. выше стр. 12), украшать наколѣнники лентами, въ особенности шелковыми (silkeireimar, silkibönd), обвязывая ими крестообразно ноги до самыхъ колѣнъ.

в. Кромѣ упомянутаго выше пояся (bröklindi или brökbelti), скандинавами не рѣдко употреблялся еще особенный поясъ (belti ¹ или lindi). Послѣдній у людей незажиточныхъ состоялъ обыкновенно изъ какой либо матеріи или кожи; у богатыхъ же большею частью, изъ металла (бронзы, желтой мѣди и серебра), въ видѣ широкой цѣпи со многими звенами на шарнирахъ и даже украшенной дорогими камнями, или же также изъ названныхъ матеріаловъ и въ такомъ случаѣ поясъ украшался нанизанными на немъ звѣринными зубами, металлическими пуговками различной формы, бляшками и пр. Къ этому поясу обыкновенно привѣшивались ременный ножъ (tigilknifr) и мечъ, для чего къ нему придѣланы были особые ремни.

¹ При этомъ словѣ невольно приводится на память древнее этрусско-римское названіе перевязи „balteus“.

г. Вслѣдствіе суровости климата обувь безспорно изстари была извѣстна на сѣверѣ. Какъ у другихъ племенъ въ средніе вѣка ¹, и у народовъ стоящихъ на низкой степени развитія ², и даже теперь еще у бѣднѣйшихъ обитателей сѣверныхъ странъ, обувь въ первыя времена дѣлалась изъ шкуръ или кожи (фиг. 191. ср. фиг. 189), которая вырѣзывалась по ступнѣ, прорѣзывалась кругомъ дырочками, и продѣтыми въ нихъ длинными ремешками привязывалась къ ногамъ. Позднѣйшая, и болѣе усовершенствованной формы обувь (skö), дѣлалась на толстой или тонкой широкой подошвѣ, иногда обшивалась цвѣтною кожею (въ родѣ русскихъ сапоговъ) и завязывалась всегда крѣпкими ремнями. Смотра по необходимости, для хожденія по льду подвязывались подъ обувь острей (broddir), и для снѣга лыжи (skidur или öndur). Последнія состояли большею частью изъ длинныхъ парныхъ досчечекъ не много загнутыхъ съ носка. Для того чтобы на нихъ безопасно ходить и ими управлять служилъ длинный шестъ (skidageisli, skidastafr).

Фиг. 191.

л. Верхняя одежда (kyrtil), приблизительно до двѣнадцатаго вѣка, покроемъ своимъ повидимому соответствовала рубахѣ (skyrtá), и была немного длиннѣе послѣдней, такъ что едвали переходила за внѣшній, сдерживавшій ее поясъ. Начиная съ двѣнадцатаго столѣтія однако, вплоть до конца этого періода, упомянутая одежда постепенно увеличивалась въ объемѣ, такъ что подконецъ достигала даже до земли (dragkirtlana). Для лѣтняго времени она дѣлалась изъ какой либо ткани, зимою же она замѣнялась мѣховымъ „киртелемъ“. Особая видоизмѣненія этой древнѣйшей формы носили названія „hiurgr“ и „tgreja“. Первая бытъ можетъ походила на куртку; вторая (вѣроятно такого же покроя), покрайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена, надѣвалась обыкновенно поверхъ брони, и въ такомъ случаѣ она не имѣла рукавовъ.

е. Плащеобразныя верхнія одежды (yfirhöfn и upphlatr), смотря по назначенію ихъ или по средствамъ заказывавшихъ подобные предметы, мало по малу стали обдѣлываться еще богаче. Удержавшееся до новѣйшихъ временъ названіе самой употребительнѣйшей формы такихъ одеждъ „feldr“, какъ будто указываетъ на то, что она образовалась изъ мѣховой одежды. Сказанныя „фельдры“, (у нѣмцевъ „saldonen“), смотря по назначенію ихъ дѣлались либо изъ простаго сукна, либо изъ болѣе тонкой матеріи. Если одежда эта предназначалась для защиты отъ вѣтра и дождя, то для нея выбирался преимущественно первый изъ названныхъ матеріаловъ, т. е. грубое сукно. Въ такомъ случаѣ ее дѣлали большею частью въ видѣ длиннаго накиднаго плаща съ борами и пуговицами по бокамъ, и на столько просторнаго, что притянувъ его спереди, можно было по желанію покрывать имъ даже голову. Подобные накидные плащи для большей нарядности дѣлались обыкновенно изъ мягкой шерстяной или даже шелковой матеріи, и большею частью на покрой обычнаго изстари, простаго плаща, сдерживаемаго на плечѣ за-

¹ См. приводимые далѣе, въ слѣдующей главѣ, изображенія древнегерманской обуви.—

² См. Внѣшній бытъ народовъ и пр. I. фиг. 12 (повторенную здѣсь же), и фиг. 101. е.

стежкой¹. Такіе плащи, носившіе тоже названіе „*mötull*“ и „*skickja*“, сдѣлались въ послѣдствіе времени предметомъ особеннаго щегольства среди знатнаго сословія подражавшаго иноземнымъ модамъ, и въ числѣ жалуемыхъ королями подарковъ, считались даже особенно почетнымъ отличіемъ. Вслѣдствіе этого ихъ дѣлали не только изъ цвѣтной шелковой и „пурпуровой“ матеріи, но сверхъ того ихъ убирали отчасти вышитыми по матеріи или нашитыми на ней бордюрами, (и въ такомъ случаѣ плащи эти назывались „*tiglamöttul*“), отчасти же ихъ подбивали дорогимъ мѣхомъ, и въ добавокъ къ этой волочившейся одеждѣ для украшенія придѣлывалась большая застежка особенно роскошной отдѣлки.

ж. Въ числѣ другихъ верхнихъ одеждъ бывшихъ тоже въ употребленіи, но болѣе простаго устройства, упоминаются еще слѣдующія: „*kiafal*“, „*kufi*“, „*hetta*“ и „*stakr*“, затѣмъ „*bialfi*“ или „*bialbi*“, и „*olpa*“ или „*ulpa*“. Всѣ онѣ, лишь мало разнясь между собою, принадлежали по всей вѣроятности собственно къ разряду одеждъ надѣваемыхъ поверхъ другой. Такъ, въ особенности, изъ поименованныхъ сейчасъ, первыя три, какъ надо полагать, походили по формѣ своей на кафтанъ съ придѣланнымъ къ нему остроконечнымъ капишономъ („*kuflihött*“). Вся разница между ними заключалась въ сущности только въ длинѣ ихъ, да развѣ еще въ томъ, что къ этимъ одеждамъ иногда придѣлывались рукава, иногдаже только проемы для таковыхъ. Такая одежда безъ рукавовъ носила вѣроятно общее названіе „*kiafal*“; всѣже прочія одежды закрывавшія все тѣло до ногъ назывались „*kufi*“². „*Hetta*“ закрывала нижнюю часть живота. „*Stakr*“ не имѣлъ капишона, длина его доходила до половины ляшекъ. Эта одежда дѣлалась изъ шерстяной матеріи или на мѣху. „*Olpe*“, обыкновенно дѣлалась тоже изъ дерюги или грубаго мѣха (большею частью изъ волчьего или медвѣжьяго), и нерѣдко отличалась такою крѣпкою отдѣлкою, что могла служить даже на войнѣ надежною защитою; такого же рода была и „*bialfi*“, которою прикрывалась сверхъ того и шея.

з. Наконецъ, были еще въ употребленіи разнаго рода накидки, сходныя во всемъ съ куфлями (за исключеніемъ быть можетъ только матеріала), и достаточной длины и ширины чтобы ими окутать все тѣло. Ихъ употреб-

¹ У К. Weinhold, Altnord. Leben стр. 167, описаніе этихъ двухъ родовъ плаще-образныхъ одѣяній довольно темно. Вотъ слово въ слово что онъ говоритъ: «Относительно позднѣйшаго времени мы должны различать два рода «фелъдовъ». Одинъ изъ нихъ, согласно съ древнимъ образцомъ, длинный, съ борами и изъ толстаго сукна; онъ надѣвался черезъ голову и застегивался съ боковъ и пр. Другой родъ, направленный къ модѣ; обшивался на рукахъ бордюрами—(стало-быть онъ былъ съ рукавами!)—изготавливался иногда изъ сукна двухъ цвѣтовъ и пр. и на плечахъ сдерживался застежкою». — Если точнѣ представимъ себѣ каждую изъ приведенныхъ формъ, первую, въ видѣ одежды надѣваемой сверхъ другой и застегивающейся съ боковъ; вторуюже, въ томъ же родѣ, приспособленную и съ длинными рукавами, то окажется, что для сдерживанія какъ той, такъ и другой формы одежды, не было никакой надобности въ застежкахъ, и что въ обоихъ случаяхъ послѣднія были бы даже совершенно непримѣны. Поэтому, примѣненіе какой-либо застежки непременно наводитъ на предположеніе еще третьей формы подобной накидной одежды, а именно такой, на какую указано было мною выше, и которая къ тому же была въ употребленіи въ Германіи и пр. съ самыхъ древнѣйшихъ временъ вплоть до позднѣйшихъ годовъ средне-вѣковой эпохи. См. объ этомъ въ слѣдующей главѣ. — ² Относительно одной какойто формы кіафала говорится, что одежда эта застегивалась между ногами. К. Weinhold, Altnord. Leben. стр. 169.

ляли преимущественно въ дорогѣ или чтобы не быть узаннымъ, и въ такомъ случаѣ надѣвался также на лице родъ маски, (grima). Такая одежда носила общее названіе кара и карі, и потомъ еще—verja, veste и hekla, безъ сомнѣнія по нѣкоторымъ незначительнымъ разностямъ въ формѣ.

и. Въ числѣ головныхъ уборовъ самымъ употребительнымъ была невысокая шляпа съ широкими полями (höttir) изъ кожи, мѣха или войлока (profahettir) съ подбородникомъ (kverband). Въ послѣдствіе времени, преимущественно среди знатнаго сословія, наряду съ другими иноземными принадлежностями костюма, вошли въ употребленіе также разнаго рода шапки и колпаки, которые однако къ концу средневѣковаго періода считались особыми предметами украшенія.

к. Наконецъ были въ употребленіи и наручники, въ первое время въ видѣ рукавицъ (см. выше стр. 28 и фиг. 156), изъ коихъ въ послѣдствіе выработалась обычная нынѣ форма пятипалыхъ перчатокъ, отличавшаяся нерѣдко роскошнымъ украшеніемъ.

Б. 1. Относительно женской одежды можно вообще принять, что не только въ первыя времена, но и гораздо позднѣе еще она едва ли чѣмъ либо отличалась отъ мужской. Тацитъ даже прямо указываетъ на это, по крайней мѣрѣ по отношенію къ среднегерманскимъ племенамъ, приводя при этомъ какъ исключительное явленіе употребленіе женщинами у этихъ германцевъ полотняныхъ одѣжій съ пурпуровою оторочкою (стр. 75). Затѣмъ, въ подтвержденіе сходства одежды у обоихъ половъ можно привести что у германскихъ скандинавовъ до позднѣйшихъ временъ женскія одежды носили одинакія названія какъ и мужскія. Судя по этому всего вѣроятнѣе предполагать, что различіе въ одѣждѣ того и другого пола дѣйствительно установилось лишь послѣ того какъ водворились иноземныя моды.

2. а. Совершенно какъ у мужчинъ, нижнюю одежду женщинъ составляла опятьтаки сорочка (skyrta), съ тою лишь разницею, что отверстіе для головы у женской рубашки было значительно больше (оно доходило до груди), вслѣдствіе чего сверху надѣвался шейный платокъ. Въ такомъ нарядѣ изображается еще въ—„Rigsmaal“ супруга „Карла“:

„На головѣ ея чепецъ, (hovefaldr), на шеѣ ожерелье, на груди косынка, а на плечахъ бахрама“,—

На-ночь „skyrta“ не снималась или замѣнялась другой, ночной рубашкою, такъ называемою nattsérkr.—Обыкновенно, или даже постоянно, это нижнее одѣяніе дѣлалось изъ холста; впрочемъ, между женщинами знатнаго сословія еще въ прежнія времена вошло въ обычай, въ особености днемъ, носить длинную до земли нижнюю одежду изъ крашеннаго холста, какъ въ томъ же „Rigsmaal“ разсказывается про жену „Карла“:

„Подъ покрываломъ сидѣла она, съ ожерельемъ на груди, въ синемъ одѣяніи (рубашкѣ), скусавшемся до земли“¹.

Въ позднѣйшія времена богатые носили нерѣдко шелковыя рубашки украшенныя по краямъ золотымъ шитьемъ.

¹ Мѣста эти приведены по переводу F. Клаузен.

б. Кромѣ того женщины носили еще короткіе по колѣно штаны (*brôkr*), въ позднѣйшее время безъ сомнѣнія ихъ надѣвали только подъ рубашку. Эта часть женской одежды также была сходна съ соотвѣтствовавшею ей мужскою, но въ послѣдствіе ее стали дѣлать безъ зада, съ разрѣзомъ.

в. Сюда же надо прибавить длинныя чулки (*hosar*) или простые носки съ тесмою для завязыванія (*sockaband*), и различной формы обуви, совершенно сходную съ мужскою (стр. 80).

г. Поверхъ рубашки надѣвался „киртель“ (*kyrtel*), одежда охватывавшая довольно плотно тѣло отъ шеи до бедеръ, а потомъ расширявшаяся постепенно до ступней и еще ниже¹; впрочемъ, бывали въ употребленіи эта форма до введенія иностранныхъ модъ, мы не знаемъ. Киртель дѣлался то съ длинными, то съ короткими рукавами. Какъ видоизмѣненія этой одежды, о покрое коихъ однако мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, можно привести такъ называемые *pámkyrtill* и *staeniza*.

д. Употребляемый женщинами поясъ (*belti, lindi*), по формѣ своей и отдѣлкѣ былъ точно такой какъ у мужчинъ. Къ нему привѣшивались на ремнѣ (какъ и теперь еще), сумочка, простая либо съ украшеніями, кошелекъ (*fëssòd*), ножъ и ножницы; у замужнихъ также и ключи. Сумочки эти, либо кожанныя, либо изъ холстины, шерстяной или шелковой матерій, смотря по особому устройству ихъ, носили различныя названія, *pung, pungia, pus, poki, sod* и (когда бывали бôльшаго размѣра) *skgreppa*.

е. Къ самымъ употребительнымъ одеждамъ какія женщины надѣвали поверхъ другихъ одѣяній, кромѣ древняго фельдра, носимаго въ позднѣйшее время преимущественно только бѣднѣйшаго класса женщинами, принадлежали и здѣсь опятьтаки накидки въ родѣ плащей, формы мужскихъ *móttull* или *skickja* (стр. 81). Кромѣ того у нихъже были въ ходу роль волочившихся мантий (*staeda*), потомъ короткіе только до бедеръ плащи *hökull* или *hekla*, и такъ называемый *kast*.

ж. Сравнительно съ описанною нами одеждою мужчинъ и женщинъ, головныя уборы представляютъ значительную разницу; тѣмъ болѣе что, въ особенности у женщинъ, эта часть костюма стала развиваться самостоятельно еще въ древнѣйшія времена, и потому еще въ ту пору составляла отличительную особенность женскаго пола. Оставляя въ сторонѣ самый простѣйшій способъ покрыванія головы помощію накинутого на голову полотнянаго платка (*sveigr*), употребляемый еще въ настоящее время, головныя уборы женскіе по большей части состояли изъ высококовзвитыхъ наголовниковъ въ родѣ чалмъ. Сюда относятся прежде всего „*faldgr*“ и упоминаемый еще въ „*Rigsmaal*“ „*hovefaldgr*“, составляющій украшеніе паровой супруги (стр. 82). Какъ тотъ, такъ и другой, отличаясь вѣроятно только различной вышиною, въ сущности представляли собою конусообразныя возвышенія, на искусственное сооруженіе коихъ употреблялось иногда не менѣе двадцати локтей матеріи. Такая матерія, обыкновенно полотняная, у богатыхъ и знатныхъ большею частью украшалась золотымъ шить-

¹ См. объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

емъ. Наряду съ этимъ головнымъ уборомъ были въ употребленіи, высокій и изогнутый на подобіе рога, свитой наголовникъ, прозванный по формѣ своеѣ *krökfaldr*¹, потомъ и другіе еще уборы, носившіе каждый свое особое названіе, смотря вѣроятно по расположенію обвоя на нихъ, такъ напр. *skupla* и *motre*. Замужнія женщины впрочемъ носили и простые чепцы (*hufa*), и также, хотя въ исключительныхъ только случаяхъ, наравнѣ съ молодыми дѣвицами надѣвали и настоящія мужскія шляпы.

3. Наконецъ, едвали нужно упомянуть, что также между женщинами были въ ходу перчатки (стр. 82).

II. А. Что касается собственно самоукрашенія, то о первоначальномъ грубомъ характерѣ его и приемахъ, въ настоящее время, понятно, не можетъ быть рѣчи. Насколько доходятъ сказанія, и могутъ служить свидѣтельствами могильныя древности (въ особенности для южной скандинавіи), самоукрашеніе повидимому играло важную роль еще въ глубокой древности. По крайней мѣрѣ относительно предметовъ служившихъ для украшенія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, сказанное не подлежитъ сомнѣнію, и потому позволительно предполагать, что такимъ же вниманіемъ пользовались также и косметическія средства, а въ особенности тщательная уборка волосъ и бороды. Вообще же можно принять, что въ этомъ отношеніи у жителей сѣверныхъ странъ въ доисторическое время существовали такіе же почти порядки, какіе по разсказу Тацита были въ ходу у жителей средней Германіи²; что напр. какъ у послѣднихъ, такъ и на сѣверѣ, отдѣльныя племена между собою различались свойственнымъ каждому изъ нихъ способомъ уборки волосъ, и наконецъ, что коротко остриженные волосы тоже на сѣверѣ почитались освященнымъ обычаемъ признакомъ рабства и безчестія.

1. Такое понятіе повидимому удержалось во всей силѣ среди мужчинъ по крайней мѣрѣ до тринадцатаго вѣка, и до этого времени мужской полъ носилъ хотя и гладкіе, но всегда длинныя волосы. Только съ введеніемъ иноземныхъ обычаевъ знатные стали стричь волосы и даже совершенно сбривали ихъ на затылкѣ отъ ушей внизъ. То же самое дѣлалось и съ бородою. Первоначально полныя бороды, стали подстригаться въ кружокъ или клиномъ, и получать опредѣленный размѣръ, соотвѣтствовавшій общему складу волосъ. Усы въ особенности, которыхъ однако вообще большею частью не носили, въ позднѣйшее время измѣняемы были многократно, смотря по прихотямъ господствовавшей моды.³

2. Женщины тоже часто распускали длинныя волосы свои, преимущественно когда волосы у нихъ отъ природы были курчавы и волнисты, что всегда считалось за особенную красоту. Обыкновенно же женщины заплетали ихъ въ нѣсколько длинныхъ прядей, которыя онѣ спускали по спинѣ. Первый и простѣйшій изъ приведенныхъ способовъ носить волосы былъ особенно въ ходу между молодыми дѣвицами и замужними. Коса, или скорѣе особенный способъ заплетанія волосъ, составлялъ убранство невѣстъ. Старшія и замужнія женщины почти всегда ходили съ покрытою головою.

¹ Ср. рисунки у Olafson и Provensen, Reisen пр. I. таб. IV по VII, потомъ P. Gaumard. Voyage en Islande въ прил. м.—² Вѣшн. бытъ народовъ и пр. II. стр. 53. — ³ Такъ мж. пр. при Олафѣ святомъ норвежскомъ (1015—1030) было въ обычаѣ носить очень длинныя бороды. K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 183.

Б. Что касается собственно предметовъ для украшенія, то, судя по вещамъ найденнымъ въ древнѣйшихъ могилахъ разбираемой нами эпохи, или „желѣзнаго вѣка“, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ нихъ многія не были изготовлены въ Скандинавіи, но привезены издалека. Въ числѣ ихъ нѣкоторыя вещи, преимущественно нѣсколько изящной работы шейныхъ украшеній, обручей, застежекъ для одеждъ и т. п. носятъ положительно отпечатокъ азіатскихъ и греческихъ издѣлій. Вообще же, во всей массѣ этихъ остатковъ число дѣйствительно сѣверныхъ произведеній ограничивается въ сущности только разнаго рода кольцами (baugar), плоскими пряжками, съ змѣеобразно переплетающимися, фантастическими украшениями. Упомянутые „баугары“ или кольца служили не только украшениями, но (въ обиходныхъ сношеніяхъ) замѣняли собою и деньги, а корольками жаловались за воинскія и другія необычайныя заслуги. Согласно этому, смотря по стоимости суммы, которую требовалось уплатить, или по роду отличія заслужившаго награды, кольца эти нерѣдко разрѣзывались на нѣсколько кусковъ, и потому люди особенно щедрые на такіе осколки, прозваны были кольце-или бауге-дробителями (Ring или Baugenbrecher).

Наиболѣе употребляемыми на выдѣлку предметовъ украшенія металлами были золото, серебро и бронза. Золото и серебро доставлялись вѣроятно преимущественно изъ восточныхъ странъ, съ Алтайскихъ и Уральскихъ горъ, а мѣдь и олово изъ Англіи. Еще въ глубокой древности люди умѣли поддѣлывать металлы, наводя напр. золото на мѣдь.¹ Первоначально золотыхъ-дѣлъ-мастерствомъ, какъ и прочими ремеслами, занимались самостоятельно люди свободные. Въ послѣдствіе же изъ нихъ образовались наемные мастера, которые, принимаемые съ почетомъ при дворахъ и также богатыми помѣщиками, всегда у нихъ находили работу на весьма выгодныхъ условіяхъ. Тамъ, въ просторныхъ мастерскихъ, они занимались своимъ искусствомъ, имѣя многочисленныхъ подручныхъ себѣ помощниковъ и учениковъ, которые у нихъ обучались мастерству.² Этотъ порядокъ продолжался безъ измѣненія покрайней мѣрѣ до самаго исхода тринадцатаго вѣка т. е. до образованія самостоятельныхъ ремесленныхъ цеховъ.

По многочисленнымъ изслѣдованіямъ найденныхъ въ могилахъ скелетовъ при которыхъ находились украшенія, и также на основаніи письменныхъ свидѣтельствъ, оказывается, что почти всѣ предметы украшенія извлеченные изъ земли, носимы были одинаково какъ мужскимъ такъ и женскимъ поломъ. Такіе предметы, за исключеніемъ различныхъ отдѣльныхъ принадлежностей къ нимъ, какъ то, стеклянныхъ бусъ и т. под. вещей, состоятъ изъ металлическихъ головныхъ обручей, діадимъ, обручей носимыхъ на шеѣ, на рукахъ, на лодыжкахъ, колецъ, серегъ, ожерелій, длинныхъ и короткихъ булавокъ, пряжекъ, застежекъ и т. под.³

а. Сохранившіеся доселѣ головные обручи большею частью изъ золота, и преимущественно имѣютъ форму либо расплюсканнаго къ серединѣ лба массивнаго кольца, либо болѣе или менѣе выпуклой діадимы въ родѣ

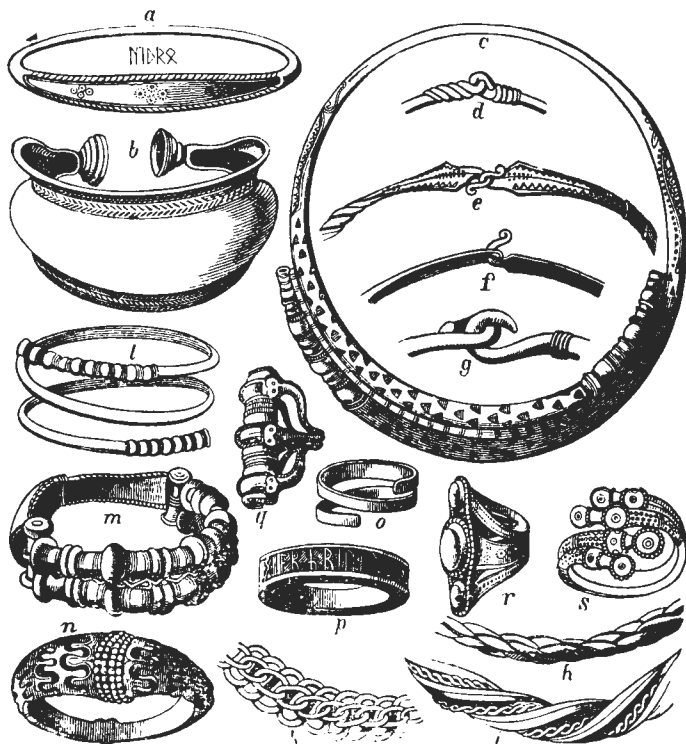
¹ О найденныхъ вещахъ подобнаго рода см. Antiquarisk Tidskrift 1843—45, стр. 213.—

² K. Weinhold. Altnord. Leben стр. 92. — ³ См. приведенныя выше, стр. 56. прим. 1. сочиненія «изъ области сѣверной археологіи».

полумѣсяца (фиг. 192. а. b). Обручки эти бываютъ и замкнутые и открытые, и иногда на нихъ встрѣчаются украшенія въ видѣ кружковъ; на нѣкоторыхъ нацарапаны также руническія надписи (фиг. 192. а). Кромѣ того были въ употребленіи начельники (skarband, höfudband) въ особенно-стиже часто въ позднѣйшее время; сперва они дѣлались изъ какой либо матеріи, позже однако большею частью изъ шелковой, въ видѣ простой ленты или украшенной золотымъ шитьемъ. Мало-по-малу щегольство подобнаго рода лентами дошло до того, что противъ нихъ изданъ былъ законъ.¹

б. Еще разнообразіе шейные обручки (lindbaugar) или звѣзвидныя кольца. Ихъ обыкновенно дѣлали изъ массивнаго золота или серебра, или изъ соединенія обоихъ этихъ металловъ (electrum); они состояли либо изъ одного только обручика, либо на половину изъ двойнаго (фиг. 192. c), но всегда попадались или совершенно замкнутые шейные обручки, илиже съ смычкомъ въ видѣ крючка (фиг. 192. d—g). Потомъ встрѣчаются гладкіе и витые. На первыхъ выбиты нерѣдко кругомъ простыя украшенія вродѣ точекъ, звѣздочекъ, кружковъ, полукружковъ и т. п.; вторые иногда довольно искусно закручены въ одну или нѣсколько проволокъ наподобіе витей, или-

Фиг. 192.

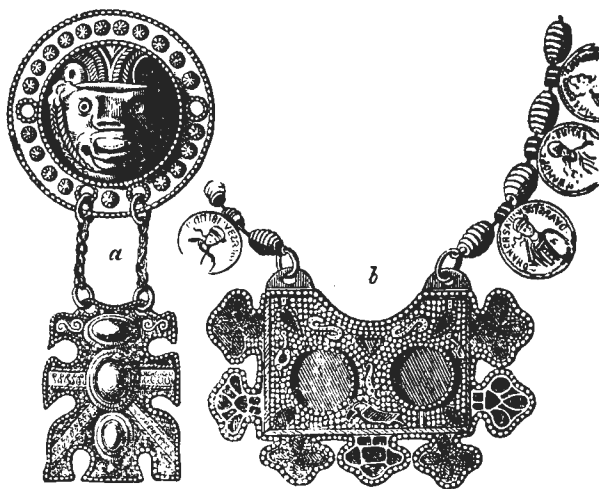
же собраны изъ множества мелкихъ звеньшекъ, составляющихъ вмѣстѣ одну многоколѣнчатую цѣпь (фиг. 192. h. i. k).

¹ К. Weinhold. стр. 180.

в. Запястья для рукъ и для ногъ носятъ вообще такой же отпечатокъ. Преимущественно въ нихъ мы встрѣчаемъ формы схожія съ упомянутыми сейчасъ сочетаніями, и сверхъ того еще примѣненіе многократно извивающейся спирали (фиг. 192. т. п. 1.).

г. Перстни отчасти схожи съ употребляемыми въ настоящее время. Въ числѣ ихъ нѣкоторые состоятъ изъ гладкаго обручика, или носятъ какую либо надпись; другіе опять представляютъ спираль, илиже искусно закручены. Перстни болѣе роскошной отделки обложены одною или нѣсколькими пластинками, болѣею частью покрытыми цвѣтною стеклянною поливою, или съ вставленными въ нихъ, цвѣтными же, либо рѣзными камнями (фиг. 192.

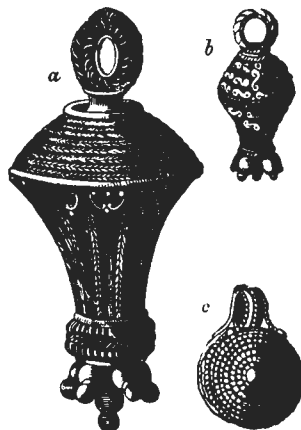
Фиг. 193.

о. р. q. г. s). Настоящіе перстни съ печатью повидимому вошли въ употребленіе не ранѣе какъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ.

д. Наряду съ упомянутыми выше шейными кольцами были въ ходу особаго рода ожерелья (мен), весьма различнаго устройства. Это были отчасти металлическія, золотыя и серебряныя цѣпи, отчасти нитки изъ византійскихъ камней, пестрыхъ стеклянныхъ бусъ и т. п. съ мелкими и крупными подвѣсками. Къ такимъ принадлежали главнымъ образомъ золотыя византійскія монеты, или поддѣланныя подъ нихъ такъ называемые—брактеаты; затѣмъ небольшіе нагрудные щитки, обложенные перѣдко сканью, иногда также цвѣтною поливою и камнями. Большая же часть подобныхъ подвѣсокъ однако, и въ особенности нагрудные щитки, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ (фиг. 193. а. б.), по всей вѣроятности привезены изъ Византіи. Точно такъ и другія еще подвѣски съ подобными же украшеніями,

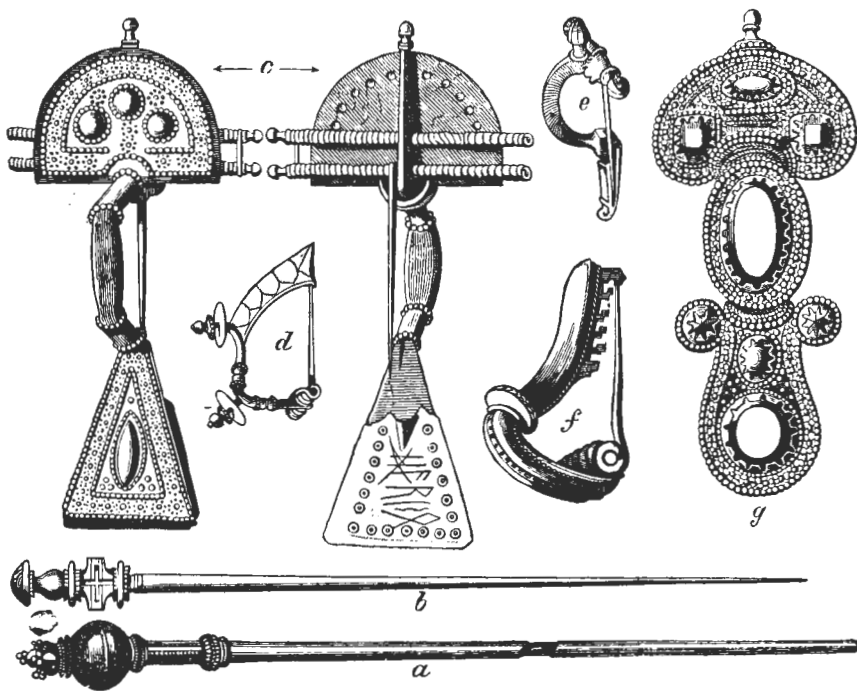
Фиг. 194.

которыя какъ надо полагать, женщины носили не на груди, но въ ушахъ въ видѣ серегъ (фиг. 194. а. в. с.).

е. Наконецъ, булавки и застежки для одежды, представляютъ почти всѣ формы отъ незатѣйливой булавки съ головкою, до изящно отдѣланной пряжки. Булавки собственно раздѣляются главнымъ образомъ какъ по длинѣ, такъ и по формѣ и обдѣлкѣ головокъ, лицевая сторона коихъ часто болѣе или менѣе изящно отдѣлана (фиг. 195. а. в.). Застежки, напротивъ, представляютъ всевозможныя переходныя формы, отъ изогнутой булавки на шпальнерѣ, до „брошки“ съ пластинкою (фиг. 195. с. d. e. f.; фиг. 196. а. в. с. d.

Фиг. 195.

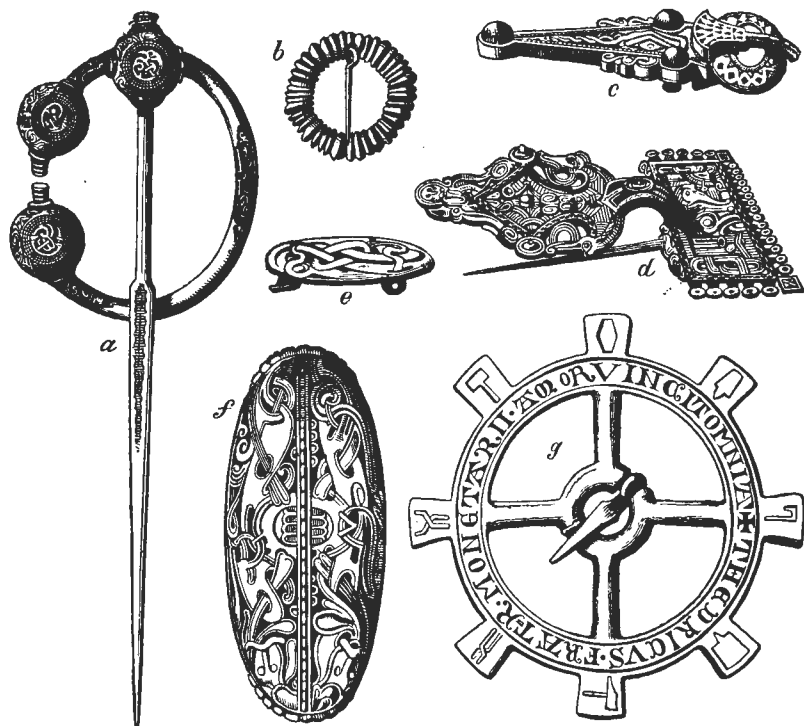

е.). У этихъ послѣднихъ шпилька всегда забираетъ въ особаго рода желобокъ находящійся подъ пластинкою. Пластинкиже бываютъ, то четырехугольной формы, то овальной или трилистной, то полукруглой или треугольной, но часто также согнутой колѣчатой и болѣе или менѣе выуклой формы, и сплошь покрыты украшеніями. Самую употребительную орнаментовку составляютъ точки, полукруги и круги, расположенные во вкусѣ стараго времени, и болѣею частью начеканные; отчасти выуклости съ фасетками, между которыми расположены цвѣтные камни, стеклыши или поливы (фиг. 195. g), наконецъ ленты и полосы, переплетающіяся и извивающіяся въ видѣ змѣй и драконовъ (фиг. 196. с. d. e. f.). Этотъ послѣдній родъ украшеній свойственъ былъ преимущественно сѣвернымъ народамъ, и повидимому только у нихъ и выработался (стр. 72). Пряжки состоятъ обыкновенно изъ кольца съ украшеніями и на шпенькѣ проходящемъ по кольцу, или вращающемся на

украшеніи въ серединѣ кольца (фиг. 196. а. в. г.); впрочемъ были найдены также пряжки, въ точности соответствующія употребляемымъ нынѣ (фиг. 203. d.). Пряжки эти служили впрочемъ не столько для прикрѣпленія одежды, а скорѣе для того чтобъ удержатъ натянутые ремни, подобно, напр. пояснымъ пряжкамъ. Въ числѣ другихъ еще найденныхъ въ могилахъ предметовъ украшенія слѣдуетъ привести, четыреугольные и продолговатые, брон-

Фиг. 196.

зовые, серебряные и золотые листы, частью глухіе, частью же съ прорѣзью, и болѣе или менѣе изукрашенные, составляющіе, какъ надо полагать, части обкладки на ремняхъ и кожаныхъ издѣліяхъ, и на утвари ¹.

ж. Въ заключеніе замѣтимъ, что изъ предметовъ украшенія принадлежащихъ къ такъ называемому „бронзовому“ вѣку ², по всей вѣроятности многіе были еще въ употребленіи и въ позднѣйшее время, хотя впрочемъ только въ среднемъ и нисшемъ сословіяхъ.

III. Что было сказано о предметахъ украшенія можно отнести почти въ такойже мѣрѣ и къ оружію вообще и способъ изготовленія его. ³. Хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что германцамъ давно уже извѣстна была обра-

¹ A. Worsaae. Nordiske Oldsagar. (1859) стр. 90. № 392; стр. 91. № 394, 395; стр. 99. № 417, 418; стр. 102. № 429.—² Вѣщн. бытъ нар. и пр. II. стр. 55.—

³ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 190, въ немъ A. Worsaae. Nordiske Oldsagar. и пр.

ботка желѣза, какъ объ этомъ говоритъ Тацитъ (гл. 6), тѣмъ не менѣе однако они, но въ особенности скандинавы, значительнѣйшую часть оружія добывали для себя въ тѣ древнія времена повидимому смѣлыми набѣгами, грабежемъ и торговлею. Многія вооруженія въ числѣ тѣхъ кои найдены были въ сѣверныхъ могилахъ обличаютъ очевидно азіатское происхожденіе ¹; и кромѣ того, есть прямые доказательства, что еще въ новѣйшую эпоху имъ доставлялись преимущественно стальные клинки изъ далекихъ восточныхъ странъ, а въ осьмомъ и девятомъ вѣкахъ также изъ сѣверной Франціи (стр. 44 и сл.).

Въ виду значенія какое, по воинственному нраву своему, житель сѣвера придавалъ хорошему вооруженію, обработка желѣза въ его глазахъ считалась занятіемъ благороднымъ, а тотъ, кто въ немъ отличался, достойнымъ особеннаго уваженія. Добывались услуги подобныхъ мастеровъ, и вслѣдствіе этого, какъ въ золотыхъ-дѣлъ-мастерствѣ, такъ и въ кузнечномъ, образовались въ послѣдствіи мало-по-малу наемные рабочіе, которыхъ даже короли наперерывъ старались привлекать къ себѣ, коль скоро мастера эти приобрѣтали извѣстность. Кромѣ упоминаемыхъ въ преданіяхъ славныхъ и многоискусныхъ мастеровъ Мимира и Виланда или „Волундера“, олицетворяющихъ собою указанныя выше ремесловыя отношенія, лѣтописи сообщаютъ завѣрно, что король Свейнъ Ульфссонъ датскій (1047—1076), завелъ у себя по мастерской для кузнечнаго дѣла, для золотыхъ дѣлъ мастерства и граненія камней, коими завѣдывали искусные мастера.

Насколько позволяютъ намъ судить имѣющіяся на лицо свѣдѣнія, и также древности найденныя въ могилахъ, вооруженіе, по крайней мѣрѣ до тринадцатаго вѣка не было еще правильно устроено, и состояло главнымъ образомъ только изъ разнаго рода копій, мечей, топоровъ и щитовъ. Лишь въ видѣ исключеній нѣкоторые болѣе достаточные воины носили металлическіе шишаки и латы ². И даже еще въ началѣ этого періода, и послѣ того уже какъ было введено болѣе правильное распредѣленіе вооруженія, поступившіе на военную службу вольные люди обязаны были вооружаться лишь вышеупомянутымъ оружіемъ, и только матросамъ на корабляхъ вмѣнялось имѣть кромѣ того еще лукъ со стрѣлами. Не ранѣе какъ послѣ 1263-го года, королемъ Магнусомъ издано было повелѣніе, въ силу котораго вооруженіе соразмѣрялось съ наличными средствами каждаго поступавшаго на службу воина, такъ что у самыхъ бѣднѣйшихъ, безъ исключенія, вооруженіе оставалось прежнее, слѣдующій затѣмъ классъ отличался щитомъ лучшаго качества (двойнымъ и краснаго цвѣта), въ слѣдовавшемъ за нимъ разрядѣ прибавлялся къ вооруженію еще желѣзный шишакъ, наконецъ у самаго зажиточнаго все это дополнялось латами. Въ Сюдерманландіи, напротивъ, почти въ то самое время когда состоялось приведенное сейчасъ постановленіе, шлемъ составлялъ уже обязательную часть народнаго вооруженія, да кромѣ того тамъ немного ранѣе были уже почти въ общемъ употребленіи нагрудныя латы и луки. Тоже самое почти было и въ Ютландіи, гдѣ въ особенности

¹ K. Weinhold, въ прив. соч. стр. 103 и сл. A. Worsaae, въ прив. соч. стр. 119. № 496.—² Olaf Dalin. Geschichte des Reiches Schweden. I. стр. 197.

кормчимъ на корабляхъ предписывалось, при обычномъ общемъ вооруженіи имѣть каждому по самострѣлу и по три дюжины болтиковъ.

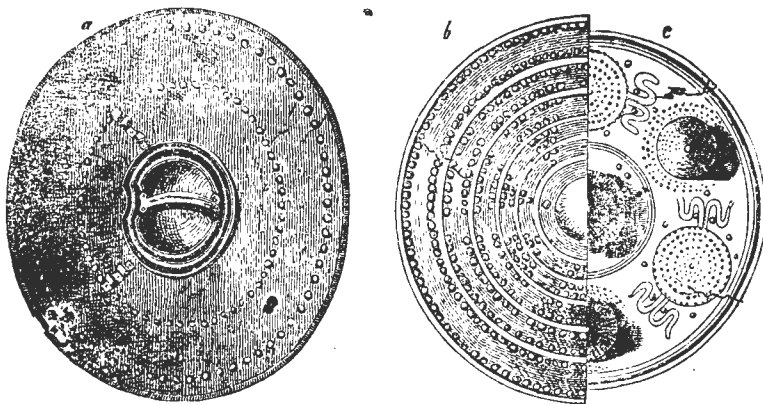
Знатнымъ сословіямъ по всей вѣроятности предоставлялось всегда на волю имѣть вооруженіе отличавшееся еще большимъ богатствомъ, какъ въ особенности всѣмъ лицамъ принадлежавшимъ къ королевской дружинѣ. Но наврядъ ли форма вооруженія опредѣлялась какимъ либо точнымъ образцомъ, исключая развѣ только для самаго низшаго разряда этихъ тѣлохранителей. Въ дружинѣ короля Магнуса каждый простой воинъ носилъ толстое полукафтанье, желѣзный шпашакъ, щитъ, мечъ, копье и лукъ съ тремя дюжинами стрѣлъ, а каждый „юнкеръ“ (*skutilsveinar*) полную кольчугу, и вмѣсто лука самострѣлъ. Такъ называемые „гости“ однако, (непринадлежавшіе къ свитѣ), были вооружены однимъ лишь лукомъ при двухъ дюжинахъ стрѣлъ, копьемъ, мечемъ и щитомъ¹. Точно такъ какъ въ Византіи и вообще на востокѣ, и на сѣверѣ существовалъ обычай присвоивать особыя названія оружію отличнаго качества, которое потомъ переходило по наслѣдству изъ рода въ родъ. Кромѣ того существовало повѣрье въ таинственное искусство завораживать оружіе, такъ что носившіе такое оружіе становились неуязвимы. Въ мирное время вооруженіе развѣшивалось обыкновенно на показъ по стѣнамъ внутри жилыхъ покоевъ.

1. а. Въ числѣ оборонительнаго оружія первое мѣсто занималъ щитъ (*skjöld*), и именно въ средней Германіи даже въ то время, когда римляне впервые ознакомились съ населявшимъ ее народомъ. Судя по свѣдѣніямъ сообщаемымъ Цесаремъ и Тацитомъ², щиты состояли либо изъ доски, либо изъ крѣпкой плетеницы изъ прутьевъ, формы продолговатаго четырехугольника, и окрашенной по лицевой сторонѣ въ какой либо цвѣтъ, притомъ же иногда они были такой величины, что совершенно закрывали собою сражавшагося. — Таково было, приблизительно, устройство щитовъ у скандинавовъ въ старину, но и въ позднѣйшее время они состояли, хотя уже не изъ плетеницы, но все-таки изъ досокъ окрашенныхъ по лицевой сторонѣ въ различные цвѣта (большею частью въ красный или бѣлый); доски были преимущественно липовыя, отъ чего щиты эти за просто прозваны были „липами“ (*Linde*). Въ позднѣйшую пору для большей устойчивости ихъ часто обшивали толстою кожею, и къ нимъ придѣлывались ободъ и скрѣпы изъ металла. Длина такихъ щитовъ равнялась приблизительно тремъ и четыремъ футамъ при соответственной ширинѣ. Еще въ одиннадцатомъ столѣтіи конница въ полномъ боевомъ вооруженіи имѣла тяжелые щиты, длина коихъ отъ глазъ доходила за стремени. Вѣроятно до этого столѣтія въ конницѣ еще удержалась древнѣйшая форма щитовъ въ видѣ продолговатаго четырехугольника, между тѣмъ какъ уже стало обычаемъ придавать щитамъ треугольную форму, сдвигая ихъ во всю длину книзу по прямой линіи либо съ изгибомъ, и украшая ихъ притомъ особыми фигурными знаками, красками и изъ металла³. Во внутренней сторонѣ такого щита находилась рукоятка (*mundridi*), а непосредственно подъ верхнимъ прямымъ краемъ его длинный ремень, помощью котораго щитъ накидывался на шею какъ на главную точку опоры. Позднѣй-

¹ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 192 и сл. — ² Caesar. Bell. gallic. II. 33. Tacitus. German. c. 6. 43. Annal. II. 14. — ³ См. слѣдующую главу о „вооруженіи“.

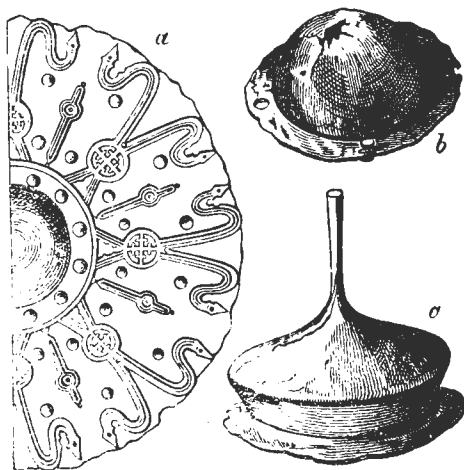
шими видоизмѣненіями его были такъ называемые „тарчи“ (turga или tor-guskiöld), потомъ большіе „осадные щиты“, употребляемые при приступѣ (aftaks skilder), и „буклеры“ (buklarar). Изъ названныхъ щитовъ „тарчи“ и „осадные щиты“ отличались главнымъ образомъ необыкновенной крѣпостью, а „буклеры“ сверхъ того еще формою своею и объемомъ. Последніе были со-

Фиг. 197.

вершенно круглой формы, и поэтому вообще соответствовали повидимому найденнымъ въ довольно значительномъ числѣ, большимъ круглымъ щитамъ, бывшимъ въ употребленіи въ южной Даніи еще въ „бронзовомъ“ вѣкѣ (фиг. 197. а. б. с.). Остатки щитовъ принадлежавшихъ къ „железному“ вѣку,

Фиг. 198

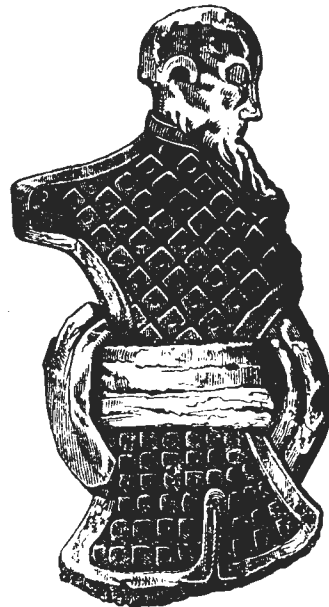
найденные въ тѣхъ же мѣстахъ, ограничиваются немногими, различной формы железными шипками (пупами), служившими для того, чтобы увеличить устойчивость средней части щита (фиг. 198. б. с.). Сюда остается еще прибавить, какъ образчики обычнаго въ тѣ времена способа украшенія щитовъ

вообще, нѣсколько фрагментовъ металлической оковки съ упоминаемыхъ нами предметовъ, и о которыхъ было говорено выше (фиг. 198. а.).

6. Для защиты груди въ первыя времена по всей вѣроятности довольствовались вмѣсто латъ, какимъ либо полукафтanjemъ и особаго рода камзоломъ, изъ очень крѣпкаго матеріала (плотнаго войлока, дерюги и вообще грубой ткани), или же изъ жесткой кожи (лосей либо бычачьей). Подобнаго рода брони удержались даже до двѣнадцатаго вѣка, притомъ не только среди менѣе зажиточнаго класса, но также у богатыхъ, хотя въ числѣ послѣднихъ нѣкоторые гораздо раньше еще обладали уже настоящими панцырями, доставшимися имъ въ видѣ добычи на войнѣ, или же привезенными или изъ походовъ какъ рѣдкостныя и драгоценныя вещи. Поэтому весьма вѣроятно, что всѣ подобнаго рода рѣдкія вооруженія отчасти соответствовали устройствомъ своимъ кольчатымъ бронямъ, бывшимъ въ ходу съ древнѣйшихъ временъ у западныхъ народовъ, въ особенности у бриттовъ и галловъ¹; отчасти же, съ другой стороны, также окованнымъ металлическими скрѣпами курткамъ и чешуйчатымъ бронямъ, бывшимъ тоже изстари въ употребленіи у грековъ и на востокѣ². Предположеніе это подтверждается однимъ фрагментомъ отъ небольшой металлической фигуры, найденнымъ вмѣстѣ съ другими остатками въ гробницѣ королевы Тиры, умершей въ десятомъ вѣкѣ (фиг. 199). Первые попытки придавать болѣе устойчивости упомянутымъ древнимъ войлочнымъ или кожанымъ камзоламъ, вызванныя опятьтаки, какъ надо полагать, иноземнымъ вліяніемъ, ограничивались вѣроятно обкладкою ихъ отдѣльными желѣзными кольцами или бляхами, пока въ двѣнадцатомъ вѣкѣ не была принята окончательно сложившаяся между тѣмъ въ Англіи и вообще на материкѣ, форма полной кованной одежды или брони (brünne), состоявшей изъ кольчатой рубахи (brynja), съ такового же рода рукавами (brynstukus), рукавицами (brynglofar), штанами (brynho-sas) и шапкою (brynkottur), вмѣстѣ съ полукафтаномъ³. Достойно замѣчанія, что въ Даніи (въ Ютландіи) найдена была кольчатая рубаха, на которой кольца не были склепаны (по обыкновенію), но просто только загнуты⁴. Иногда вмѣсто кафтана, поверхъ брони надѣвалась волчья шуба.

в. Вѣроятно такимъ же образомъ у скандинавовъ сложился и головной уборъ. Покрайней мѣрѣ до двѣнадцатаго вѣка онъ состоялъ также болѣею частью только изъ войлочной и кожаной шапки, мѣстами съ металличе-

Фиг. 199.

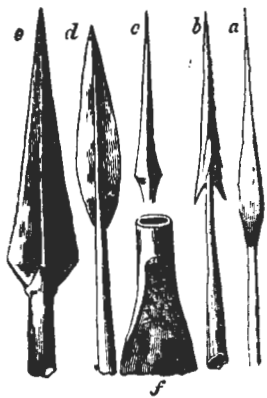

¹ Вѣш. бытъ народовъ и пр I. стр. 244. II. стр. 96; 321 и сл.—² См. «первый отдѣлъ» этого труда.—³ См. слѣдующую главу.—⁴ K. Weinhold, Altn. Leben. стр. 210. Antiq. tidskrift 1849—51. стр. 111.

скою накладкою (въ видѣ лучковъ и выпуклостей). Безспорно только послѣ этихъ шапокъ, которыя впрочемъ были еще въ ходу въ самомъ исходѣ среднихъ вѣковъ, стали входить въ употребленіе, въ соотвѣтствіе бронямъ, (brünne), кромѣ кольчатыхъ шапокъ также шишаки изъ желѣза и стали (stälhüfa), и даже настоящіе шлемы (hialmr). Первые были изъ цѣльнаго металла, и—(какъ будетъ подробнѣе изложено далѣе),—первоначально имѣли форму болѣе или менѣе плоской, либо завершавшейся тупою коническою верхушкою шапки, безъ всякаго навѣса для защиты глазъ или носа, и снабженной развѣ только весьма крѣпкимъ ободомъ (hringhreifdr) по нижнему краю (barmr). Эти шапки надѣвались сверхъ кольчатой шапки закрывавшей только темя, затылочную часть головы и щеки. Въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія, спереди у середины лба, къ нимъ стали придѣлывать широкую полосу изъ желѣза для защиты носа, или наносникъ (nefbiörg); точно такъ и затыльникъ, къ чему въ послѣдствіи прибавленъ былъ еще подбородникъ или нащечникъ (kinnbiargir), который подвязывался подъ шлемъ¹. Въ такомъ видѣ осталась эта часть доспѣха до тринадцатаго столѣтія когда были введены закрытые кругомъ и снабженные наличникомъ (andlitbörg) „котельные шлемы“ (Kesselhelm), т. е. шлемы съ забраломъ.—Подъ древніе стальные шишаки, равно также и подъ настоящіе шлемы, которые подчасъ отличались весьма роскошнымъ убранствомъ, на голову надѣвалась обыкновенновъ видѣ подкладки подъ шлемъ, шапка изъ холста или кожи на толстомъ подбѣ.

2. Что касается нападательнаго оружія, то по отношенію къ древнѣйшимъ временамъ, здѣсь опять-таки примѣнимо какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльности, все то что объ оружіи тойже эпохи у среднихъ германцевъ рассказываетъ Тацитъ². Судя по этимъ извѣстіямъ нападательное оружіе

Фиг. 200.

ограничивалось вообще не очень длиннымъ копьемъ которое Тацитъ называетъ фрамеєю (framea), съ узкимъ и короткимъ желѣзнымъ остриемъ; потомъ метательными копьями меньшихъ размѣровъ и мечемъ, по исчисленію коихъ, тотъ же историкъ какъ объ особенности замѣчаетъ, что главнымъ оружіемъ была всетаки „фрамея“.

а. Въ числѣ множества остатковъ древняго оружія найденныхъ на сѣверѣ, значительнѣйшую часть, какъ въ подобныхъже находкахъ въ среднегерманскихъ земляхъ³, составляютъ бронзовые и желѣзные наконечники копій весьма различныхъ формъ (фиг. 200 а—f). Эти наконечники разнѣ величины, отъ пяти дюймовъ до одного фута, и часто не шире двухъ, или двухъ съ половиною дюймовъ при весьма значительной длинѣ. Большая часть изъ нихъ формы продолговатаго древеснаго листка; отчасти шилообразной,

¹ Ср. изображеніе всадника во всемъ вооруженіи на древнескандинавскихъ церковныхъ дверяхъ, вырѣзанное на деревѣ, у A. Worsaae. Nord. Olds. стр. 127. № 505. и подобныя этому изображенія на приводимыхъ ниже деревянныхъ сѣдальщахъ (фиг. 213. а. б).—

² Tacitus. German. гл. 6, 14, 46. Histor. IV. 29, 61. стр. тоже Seneca (письмо) 36.—

³ G. Klemm. Germanische Alterthumskunde стр. 245 и въ прав. выше мѣстахъ; егоче: Werkzeuge und Waffen I. стр. 31—40; стр. 259—283.

ромбоической или же треугольной формы; послѣдніе снабжены иногда однимъ либо двумя крючьями. Кроме того встрѣчаются отдѣльные клинки, формы плоскихъ стамезокъ (фиг. 200. f). Послѣдніе однако едва ли служили оружіемъ (*palstab pâlstafr*), какъ многіе полагаютъ, но по всей вѣроятности принадлежали къ разряду ремесленныхъ орудій. Всѣ эти клинки снабжены съ тупого конца трубкою (*falr*) съ ушками для вставленія древка.

Для древка выбиралось преимущественно ясеневое дерево (*askr*), отъ чего и само оружіе прозвано было „аскръ“. Древко большею частью оставлялось въ его натуральномъ сѣроватомъ видѣ; иногда его обивали желѣзомъ, или же украшали блестящими гвоздями, а если древко было крѣпкое и тяжелое то къ нему придѣлывалась особая рукоять.

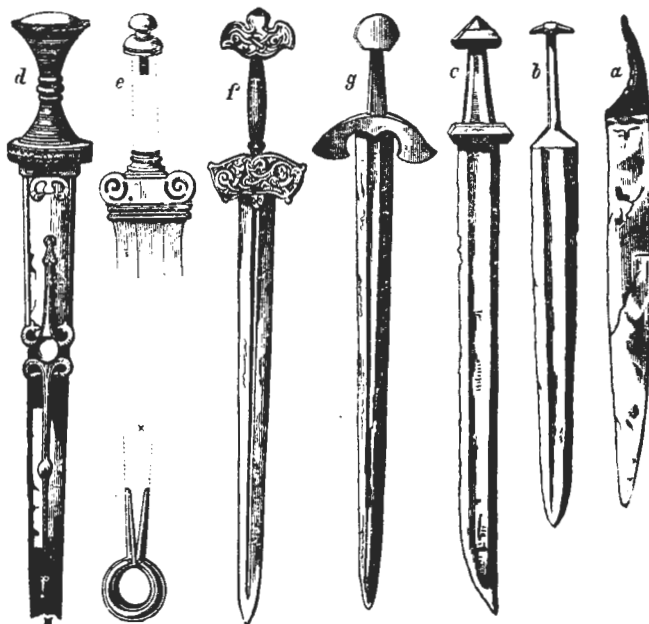
Какъ видно по разнообразію найденныхъ наконечниковъ, у скандинавовъ еще въ глубокой древности, подобно тому какъ у среднихъ германцевъ, были уже въ употребленіи различнаго рода копья и дротики. Быть можетъ даже что еще въ древнѣйшія времена уже были въ ходу всѣ тѣ рода оружія, о которыхъ, какъ объ общепотребляемыхъ упоминаютъ саги, сложившіяся лишь въ позднѣйшее время. Такъ, преимущественно крючистое копье (*krokâspiot*), на оконечности котораго помѣщался крюкъ, иглистое копье (*fiadrarspiot*), съ завершавшимся на подобіе штыка наконечникомъ, потомъ схожее вѣроятно съ предъидущимъ коловратное (*rennispiot*), и обиходное копье (*huggspiot*), желѣзный наконечникъ котораго иногда имѣлъ до двухъ локтей въ длину и завершался длиннымъ, четырехугольнымъ, широколезнымъ остриемъ. Копье это служило главнымъ образомъ для пробиванія желѣзной брони (*bryn*), и потому обыкновенно называлось бронеломомъ (*brynpvarar*). Сюда надо прибавить еще копье на ремнѣ (*snaevispiot*), другое еще копье (*mâlaspiot*), форму котораго теперь нельзя уже опредѣлить; всѣхъ медвѣжье копье (*biarnsvida*), и наконецъ, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, всѣ вообще образовавшіяся въ Европѣ дотолѣ различныя формы копій, употреблявшихся на турнирахъ (*burstöng*) и пр. и пр.— Къ метательнымъ копьямъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ принадлежали, *algeir* или *azger*, и *gaflok* или *gaflak*, то и другое небольшія копья, и съ слабыми остриями.

6. Наряду съ копьемъ, а въ новѣйшее время даже послѣ копья, главнымъ оружіемъ считался мечъ ¹.— Настоящій сѣверо-германскій мечъ такъ называемаго „желѣзнаго“ вѣка, судя по уцѣлѣвшимъ доселѣ мечамъ (фиг. 201), предназначался преимущественно для удара, и въ этомъ заключается главное различіе его отъ древнихъ бронзовыхъ мечей, носящихъ всѣ положительныя болѣе характеръ оружія служащаго для укола ². Первые изъ названныхъ мечей были длиннѣе и шире, чѣмъ послѣднеупомянутые, а въ позднѣйшее время длина ихъ доходила даже иногда до четырехъ футовъ; потомъ, наконечникъ у первыхъ не имѣетъ ланцетообразной формы вторыхъ, но оканчивается обыкновенно прямымъ, утончающимся къ острію и обоюдоострымъ клинкомъ съ закругленнымъ или треугольнымъ концемъ. Сверхъ того, тогда какъ клинки бронзовыхъ мечей большею частью прикрѣплялись къ ру-

¹ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 196. — ² Стр. Вѣщн. бытъ народ. и пр. II. 68. фиг. 231 и 232.

кояти только немногими заклепками, у желѣзныхъ, напротивъ, почти безъ исключенія рукоять придерживается помощью небольшой гайки четырехугольной формы, пропущенной непосредственно изъ желѣзнаго корня клинка (фиг. 201. b g). Къ этимъ мечамъ впервые стали придѣлываться поперечники (högggró) для отпариванія ударовъ.

Фиг. 201.

Мы уже упомянули выше (стр. 90) какое важное значеніе имѣло для жителя сѣвера описанное нами оружіе. Соответственно тому онъ любилъ украшать свой мечъ различными прибавками. Такъ напр. рукоять (medalkaflí), состоявшая обыкновенно изъ дерева обтянутаго кожей, нерѣдко украшалась слоновой либо другою костью, иногда же ее обвивали серебряною или золотою проволокою, или обкладывали шишками изъ такихъ же металловъ, причемъ сама головка меча (hiölt) изящно обдѣлывалась какимъ либо цѣннымъ матеріаломъ. Около тринадцатаго столѣтія къ рукояти стали иногда придѣлывать особый крюкъ (hönk), дабы помощью прикрѣпленнаго къ нему ремня лучше удержать на рукѣ мечъ. — Подобноже металлическою обкладкою украшаемы были также и ножи (skid) (фиг. 201. d), и въ исключительныхъ случаяхъ даже драгоценными камнями. Обыкновенно ножи дѣлались изъ кожи и въ первые времена пристегивались ремнями къ верхнему поясу; въ послѣдствіе къ нимъ былъ придѣланъ отдѣльный кожаный ремень который обматывался вокругъ тѣла. Когда мечъ не висѣлъ на поясѣ, но его держали свободно въ рукахъ (подобно трости), что нерѣдко встрѣчалось въ одиннадцатомъ вѣкѣ и даже въ позднѣйшее время, тогда упомянутый сейчасъ длинный ремень обматывался вокругъ ноженъ и рукояти дабы изъ нихъ не выпадалъ мечъ; впрочемъ, для этой цѣли употреблялись повидимому также особые тесемки (fridbönd).

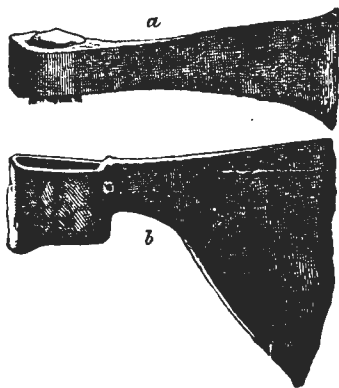

в. Кромѣ меча былъ въ ходу еще родъ оружія меньшихъ размѣровъ для удара и укола, которое по формѣ и примѣненію скорѣ походило на ножъ и кинжалъ, и носилось за поясомъ. За исключеніемъ длиннаго ножа (*sax*) (фиг. 201 а), и принесеннаго съ востока, изогнутаго „ятагана“ и пр., орудія эти въ сущности походили на небольшіе мечи и ланцетообразные наконечники копей, съ рукоятями болѣе или менѣе изящно украшенными. Къ подобнаго рода ножамъ, носимымъ за поясомъ, принадлежали такъ называемые *refdi*, *svida*, *glädel* и *skälm*.

г. Два рода оружія, служившіе для нанесенія ударовъ, были извѣстны еще въ глубокой древности, это молотъ и топоръ. Они встрѣчаются подъ разнообразнѣйшими формами въ числѣ остатковъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ, отъ формы грубоотесаннаго куска камня, до нерѣдко изящно отдѣланныхъ, двойныхъ молотовъ и сѣкиръ соединенныхъ съ молотомъ¹. Въ числѣ ихъ, нѣсколько бронзовыхъ сѣкиръ отличаются не только своеобразиемъ и стройностью формъ, но и характеромъ орнаментовки, тогда какъ каменные топоры представляютъ почти всѣ переходныя къ нимъ формы, и даже слѣды какъ бы обратнаго вліянія на нихъ формы бронзовыхъ сѣкиръ.

Въ разсматриваемую нами эпоху молотъ (*hamar*), въ качествѣ оружія, уступивъ мѣсто желѣзной сѣкирѣ (*öxi* или *euxi*), окончательно перешелъ въ область былинъ и народныхъ преданій². Тѣмъ большее значеніе стали теперь пріобрѣтать сѣкира и топоръ, считавшіеся постоянно главнѣйшимъ ударнымъ оружіемъ³. Ихъ почитали наравнѣ съ мечомъ, и точно такъ имъ придавали особыя наименованія, а рукояти убирали разнообразными металлическими, золотыми и серебряными украшениями. Величина ихъ была весьма различна, и судя по нѣкоторымъ указаніямъ, достигала иногда значительныхъ размѣровъ. Клинокъ, какъ видно по нѣкоторымъ экземплярамъ найденныхъ въ могилахъ сѣкиръ (фиг. 202 а. б), довольно схожъ съ лопастью употребляемыхъ нынѣ топоровъ, а у боевыхъ сѣкиръ отличается сверхъ того очень широкимъ изогнутымъ лезвіемъ (*munp*) съ красиво загнутыми концами. Были въ употребленіи кромѣ того молоты-сѣкиры о двухъ клинкахъ (*taparöxir*). На существованіе другихъ еще видовъ, устройство которыхъ однако трудно опредѣлить, указываютъ названія разнаго рода топоровъ *stieggia*, *skeggexi*, *barda*, *snaga* и *hugna*, также *sparda* и *heptisax*⁴; послѣдній вѣроятно родъ пики. — Большія сѣкиры обыкновенно носились на особыхъ ремняхъ черезъ лѣвое плечо, а малыя большею частью на поясѣ.

Фиг. 202.

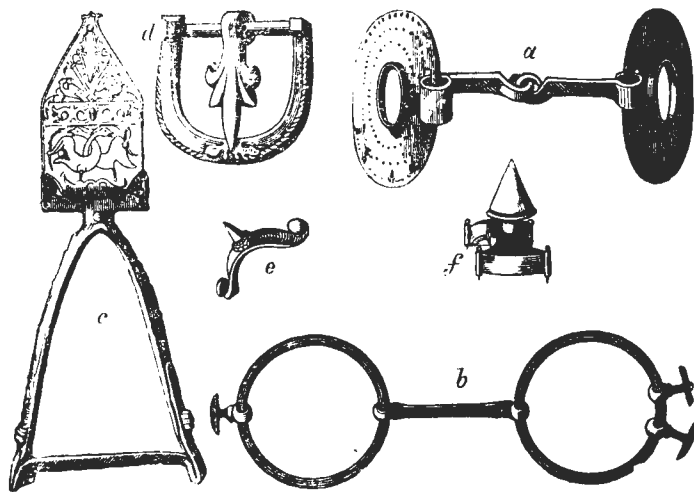
¹ Внѣшній бытъ народ. и пр. II. стр. 66 и рис. — ² J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. 2 изд. стр. 64; стр. 162. — ³ Helmold. Chron. Slav. I. с. 34. — ⁴ K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 204, не безъ основанія въ этомъ древнескандинавскомъ топорѣ усматриваетъ предшественника позднѣйшихъ временъ алебарды.

д. Палица (klumbur) и дубина (kylfa) считались всегда второстепеннымъ оружіемъ, точно такъ и праща, а въ позднѣйшія времена и лукъ (handbogar), которые почти всѣ безъ исключенія, наравнѣ съ метательными копьями, баграми, абордажными крюками, большими сваями и пр. употреблялись главнымъ образомъ на судахъ.—Палица состояла какъ въ старыя времена, отчасти изъ тяжеловѣсной, болѣе или менѣе грубо отесанной дубины, преимущественно изъ дубоваго лѣса, довольно длинной и нерѣдко окованной желѣзомъ; отчасти же изъ кованной желѣзной полосы съ шарообразно отпущеннымъ на ней концемъ. Изъ нихъ образовалась въ послѣдствіе извѣстная боевая булава, состоявшая изъ деревяннаго древка съ деревяннымъ же шаромъ на концѣ, усаженнымъ желѣзными иглами ¹.—Лукъ изготовлялся всегда изъ дерева, преимущественно изъ вязаго (almar) или тисоваго (уг), въ позднѣйшее же время, но никакъ не ранѣе исхода двѣнадцатаго вѣка, вмѣсто его все болѣе и болѣе вошли въ употребленіе само стрѣлы (lasbogar; ambristi).

е. Весьма важную часть полнаго вооруженія наконецъ, составляла и конская сбруя, въ особенности у жителей сѣверныхъ странъ, отличавшихся изстари пристрастіемъ къ верховой ѣздѣ, какъ ж. пр. доселѣ еще населеніе Исландіи, и у которыхъ даже женщины почти вездѣ съ давнишнихъ временъ приучались къ верховой ѣздѣ. ²

Какъ ни проста была сбруя у незажиточныхъ классовъ населенія, которые большею частью довольствовались мѣшкомъ набитымъ сѣномъ вмѣсто

Фиг. 203.

сѣдла, или покрываломъ изъ грубой шерстяной матеріи, да веревочною уздечкою, на столько выказывалось богатство въ конскихъ принадлежностяхъ для ѣзды среди знатныхъ сословій. Судя по свѣдѣніямъ дошедшимъ до насъ, еще въ довольно отдаленныя времена полная сбруя состояла глав-

¹ См. слѣдующую главу. — ² К. Weinhold. Altn. Leben. стр. 308 и сл.

нымъ образомъ изъ сѣдла (trogssödul), раскрашеннаго пестрыми цвѣтами и позолоченнаго, съ украшеннымъ въ соотвѣтствіе сѣдлу покрываломъ (sö-dulklaedi) на немъ, узды, стременихъ принадлежностей (slagalar; pä-reslettur), все это усаженное камнями или металлическою накладкою. — Нѣсколько принадлежностей подобнаго рода конскихъ збруй были найдены при раскопкахъ¹; такъ мж. пр. части изящной бронзовой обкладки, многія большія сѣдельныя пряжки (фиг. 203. d), части желѣзныхъ удицъ (фиг. 203 a, b), отдѣльныя и отчасти весьма изящно украшенныя высокія желѣзныя стремени (фиг. 203. c), шпоры изъ бронзы и желѣзные съ шипами (фиг. 203. e, f)², и массивныя желѣзныя подковы.

ж. Въ заключеніе замѣтимъ, что на войнѣ, вѣроятно еще въ самыя раннія времена, сигналы подавались посредствомъ различной формы рожковъ и полевыхъ значковъ, въ особенности же для этого употреблялись знамена. Въ числѣ рожковъ въ первыя времена главное мѣсто занимали бычачьи рога. Ихъ нерѣдко украшали металлическою накладкою изъ бронзы или серебра³. Благодаря, быть можетъ, торговымъ сношеніямъ съ Византіею и востокомъ, у скандинавовъ появились кромѣ того настоящіе охотничьи рога, вырѣзанные изъ слоновыхъ клыковъ, и бывшіе изстари въ употребленіи въ тѣхъ странахъ⁴. Въ южнойже Даніи были сверхъ того находимы большія выгнутыя трубы (фиг. 204), принадлежащія несомнѣнно еще къ бронзовому періоду. — Знамена украшались были обыкновенно изображеніемъ животнаго, имѣвшимъ какое либо отношеніе къ лицу находившемуся во главѣ отряда⁵. Такъ мж. пр. на знамени Рагнара Лодброкка, считавшемся мастерскимъ произведеніемъ рукъ дочерей его, представленъ былъ летящій орелъ, по которому само знамя прозвано было „орломъ“ (hrafn). Въ послѣдствіе времени народное повѣрье нѣкоторымъ знаменамъ стало приписывать особенныя силы, такъ напр. знамя Эрика Едвардсона (1161) считалось непобѣдимымъ и его носилъ народъ торжественно въ процессіяхъ во время всеобщихъ бѣдствій и моровыхъ язвъ⁶.

Фиг. 204.

1. а. Какъ у всѣхъ культурныхъ народовъ, такъ и у скандинавовъ еще въ раннія времена одежда какъбы символически олицетворяла извѣстныя общественныя положенія и отношенія. Явный намекъ на это мы встрѣчаемъ еще въ „Ригсмалѣ“ (rigsmaal), этомъ безспорно древнѣйшемъ по преданію, сѣверномъ поэтическомъ сказаніи, въ помѣщенномъ тамъ описаніи раздѣленія сословій (см. стр. 82 прим.). Въ немъ говорится о рабѣ и его женѣ, что они были одѣты въ „плохую одежду“, и что дитя ихъ „по цвѣту тѣла его“, прозвано было трелемъ (träl). Затѣмъ описывается свободный человѣкъ и жена его, отъ которыхъ начало свое ведетъ „сословіе крестъ-

¹ A. Worsaae. Nordiske Oldsager. стр. 115—118. — ² F. Lisch. Jahrb. etc für meklenb. Alterth. VI. стр. 144. съ рис. — ³ L. v. Holberg. Dänische. Reichshistorie 2 изд. I. стр. 107. — Потомъ III. стр. 67. — ⁴ A. Worsaae. стр. 158. № 557. a. b. — ⁵ K. Weinhold. стр. 323. — ⁶ Olaf Dalins. Geschichte d. Reiches Schweden. II. 94.

янь“: „мужъ облѣывалъ прялочный шестикъ, борода у него расчесана, лобъ открытый, одежда плотно обхватываетъ тѣло его и пр., возлѣ него жена собираетъ прясть простую ткань. На головѣ у ней чепецъ, на шеѣ украшеніе, на плечахъ платокъ и оборка на рукавахъ“ и пр. Наконецъ о господствующемъ сословіи сказано: „хозяинъ дома сидѣлъ готовя тетиву на лукъ и заостря стрѣлы, между тѣмъ какъ хозяйка то смотрѣла на руки, то приглаживала складки и поправляла рукава. Сидитъ она въ покрывалѣ, съ ожерельемъ на груди, въ длинномъ платьѣ синяго цвѣта; брови ея сверкаютъ, груди и плечи бѣлые свѣга и пр.“

Поэтическое сказаніе отличаетъ здѣсь „раба, слугу или треля“ отъ остальныхъ двухъ сословій не потому только, что цвѣтъ „тѣла его черный“, что само по себѣ уже указываетъ на его происхожденіе отъ какаголибо племени непринадлежавшаго къ тѣмъ сословіямъ, но поработеннаго ими, но сверхъ того выставляетъ какъ особенность „плохую его одежду“. Правда, исчисляемая въ упомянутомъ сказаніи вѣшнія особенности одежды, по большей части обуславливаются скорѣе какъ будто степенью имущественнаго достатка, между тѣмъ однако, сопоставляя съ этимъ другія свидѣтельства, мы должны будемъ допустить, что подобныя отличительныя примѣты существовали дѣйствительно также у скандинавовъ еще въ глубокой древности. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести свѣдѣнія сообщаемыя Тацитомъ и другими писателями ¹, что въпервыхъ, народы обитающіе въ средней Германіи безъ исключенія отращиваютъ длинные волосы и бороду, а короткоостриженные волосы считаютъ признакомъ невольности и позорнымъ наказаніемъ; потомъ замѣтку Тацита собственно о Свевахъ, что народъ этотъ носитъ длинные волосы, которые онъ зачесываетъ на затылокъ и подвязываетъ снизу въ узелъ, чѣмъ онъ и отличается отъ прочихъ германскихъ племенъ и отъ рабовъ, и что головной уборъ князей ихъ былъ еще наряднѣе. Свѣдѣнія эти вполне согласуются и съ письменными преданіями сѣверныхъ народовъ, хотя впрочемъ онѣ и принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени.—Кромѣ того, въ противоположность оицѣтаки свободнымъ классамъ, людямъ несвободнымъ строго воспрещалось носить оружіе ². Въ позднѣйшее время впрочемъ существовалъ повидимому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай (въ видѣли наказанія?) отмѣчать рабовъ, подвергая ихъ какомулибо неслишкомъ тяжкому увѣчью, какъ напр. разрѣзыванію ноздрей и т. под.

б. Съ послѣдовавшимъ развитіемъ общественныхъ сношеній, способствовавшимъ еще болѣе рѣзкому раздѣленію сословій ³, возникло нѣсколько новыхъ вѣшнихъ отличій. Однако, при свойственной сѣвернымъ народамъ привязанности къ обычаямъ родной старины, вѣшности эти усваиваемы были ими не вдругъ, но лишь послѣ водворенія въ странѣ Христіанства, и главнымъ образомъ благодаря вліянію германцевъ, примѣру которыхъ скандинавы слѣдовали во всемъ, хотя на первое время у нихъ еще удержались нѣкоторыя народныя особенности.

¹ Tacitus. German. c. 19. 31. 38.—J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer стр. 284. 285. 339. K. Weinhold. Altn. Leben. стр. 182. — ² J. Grimm. стр. 340.—339—266.—

³ F. Claussen (no P. Munch). Die nordischgermanischen Völker. стр. 150.—Arnold von Lübeck. Chron. III. 5.

1. Прямое и несомнѣнное подтвержденіе сказаннаго представляютъ на сѣверѣ королевская власть какъ вершина господствующаго сословія, а затѣмъ и само сословіе это со всѣми его различными степенями чиновъ. Оставляя въ сторонѣ условія при которыхъ изъ чистовоиственнаго устройства королевской власти и господствующаго сословія мало-по-малу выработалось стройное органическое правленіе, мы не встрѣтимъ никакихъ вѣрныхъ указаній, чтобы на сѣверѣ королямъ, вольнымъ дружинникамъ ихъ или придворнымъ присвоиваемы были какіялибо внѣшнія отличія и особые знаки достоинства, исключая развѣ только, что всѣ эти лица (какъ люди свободные), носили длинные волосы. Изъ прелѣдущаго мы знаемъ что отважный морской витязь Рагнаръ, по его „крайне грубой и неизящной одеждѣ“, прозванъ былъ — *Iodhrok*. Затѣмъ, мы знаемъ что въ южной части Даніи была найдена вещь въ родѣ короны, литая изъ бронзы и внутри пустая ¹, почти совершенно схожая съ бронзовыми коронами какія находимы были многократно въ Мекленбургѣ ², но по ихъ незначительной величинѣ дають поводъ сомнѣваться, дѣйствительноли онѣ служили головнымъ украшеніемъ и даже знаками королевскаго достоинства, тѣмъ болѣе что вещи эти принадлежать, какъ полагають, еще къ началу бронзоваго вѣка ³. Въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ, служащихъ доказательствомъ тому что у сѣверныхъ королей были въ ходу подобныя украшенія какъ атрибуты высшей власти наравнѣ со всѣми прочими царскими отличіями существовавшими изстари у грековъ и пр. ⁴, мы должны привести кромѣ небольшихъ рѣзныхъ изображеній ⁵, изготовленныхъ безъ сомнѣнія неранѣе одиннадцатаго вѣка, еще нѣсколько хорошо сохранившихся печатей, принадлежащихъ однако уже позднѣйшей порѣ.

2. Совершенно другое мы видимъ по отношенію къ нарядамъ неофициальнымъ. Здѣсь главную роль играли, понятно, капиталъ и личный произволъ, безъ различія чина и званія, и потому, съ одной стороны люди богатые и короли, слѣдуя прихотямъ своимъ, нерѣдко одѣвались въ дорогія одѣянія и украшенія; съ другой, у королей установился обычай, высокопоставленныхъ чиновниковъ за особые заслуги награждать парадными одѣяніями, золотымъ оружіемъ и украшениями, и чести такой удостоиваемы были въ особенности придворные пѣвцы или „скальды“ ⁶. Всѣ подобнаго рода отличія до позднѣйшихъ временъ носили впрочемъ всегда характеръ лишь почетныхъ наградъ неимѣвшихъ нисколько значенія атрибутовъ, хотя впрочемъ весьма вѣроятно что ониже потомъ по большей части включены были въ разрядъ настоящихъ официальныхъ знаковъ отличія заимствованныхъ скандинавами отъ иностранцевъ.

¹ См. иж. пр. *Histor. antiquar. Mittheil.* и пр. Kopenh. 1835. 103. A. Worsaae. *Nordiske Oldsager*. 48. № 219. — ² F. Lisch. въ прив. соч. X. 272. и пр. — ³ Во второй части этого труда (стр. 62) авторъ того мнѣнія, что эти короны служили знаками достоинства князей и вождей. Но, имѣвъ случай видѣть эти вещи лично, въ немъ возникло сомнѣніе. Вопервыхъ, (мекленбургскія) короны очень тяжелы, а потомъ, діаметръ ихъ такъ малъ, что онѣ могли помѣститься развѣ только на какомълибо остроколючемъ головномъ уборѣ и сверхъ того въ нихъ устроены шпалеръ и смычка, нисколько не соответствующіе предполагаемому назначенію упомянутыхъ королей. — ⁴ См. слѣдующую главу. — ⁵ A. Worsaae въ прив. соч. стр. 160. № 560. стр. 153. № 546, 547. стр. 192. № 619, 622. — ⁶ K. Weinhold. *Alt. Leben*. 327, особ. 337 и сл. J. Grimm. *Deutsche Rechtsalterthümer*. 250.

3. До водворенія на сѣверѣ Христіанства, ни тамошніе короли, ни сословіе языческихъ жрецовъ, по всей вѣроятности не отличались какоюлибо особенною, исключительно имъ присвоенною одеждою. Только относительно верховныхъ жрецовъ у готовъ, есть повидимому поводъ заключить, что при совершеніи жертвоприношеній они надѣвали на голову широкія шляпы¹. Впрочемъ, неизвѣстно еще, существовалили вообще въ языческой скандинавіи организованное сословіе жрецовъ, и небылоли скорѣе предоставляемо на волю частнымъ лицамъ совершать обряды языческаго культа². Въ древнѣйшія времена безъ всякаго сомнѣнія, обязанности жрецовъ (какъ-то, отравленіе жертвоприношеній и пр.) находились въ тѣсной связи съ должностію судьи и были одинаково доступны всякому свободному; а такъ какъ короли постоянно исполняли высшую судейскую должность, то вѣроятно они же и занимали первенствующее мѣсто между жрецами. Такое положеніе естественно должно было совершенно измѣниться съ водвореніемъ Христіанскаго ученія, представители котораго съ самаго начала явились въ облаченіи установленномъ тою церковью къ которой они принадлежали, т. е. въ облаченіяхъ римскокатолической церкви³.

II. Тотъ же отпечатокъ простоты какимъ отличалась общественная жизнь скандинавовъ когда ея не коснулось еще иноземное вліяніе, выказывается также во внѣшнихъ явленіяхъ частной жизни того времени⁴, ограничивавшихся главнымъ образомъ немногими символическими формами для извѣстныхъ случаевъ въ тѣсномъ семейномъ кругѣ и сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Въ разрядъ первыхъ входило приданое для невѣсты при ея обрученіи и отдачи за-мужъ. Кромѣ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ приношенія брачующимся подарковъ приближенными ихъ, и прочихъ связанныхъ съ этимъ церемоній и празднествъ, при обрученіи совершался прежде всего обмѣнъ колець⁵, а при введеніи въ мужнину семью повобрачная являлась въ прическѣ особеннаго рода (стр. 84 внизу), и въ бѣломъ полотняномъ покрывалѣ закрывавшемъ ее почти съ головы до ногъ и даже лице⁶. Вскорѣ по совершеніи брака мужъ вручалъ женѣ своей всѣ домашніе ключи⁷, которые съ этой минуты жена носила постоянно на поясѣ какъ бы въ знакъ новаго своего положенія въ качествѣ хозяйки дома. Съ этихъ же поръ она и не распускала болѣе волосъ своихъ по плечамъ какъ прежде, но связавъ ихъ узломъ покрывала чепцомъ. — Не вдаваясь въ разборъ другихъ подобнаго же рода формальностей соблюдавшихся въ тѣ времена при различныхъ случаяхъ, какъ то при разводѣ и пр., замѣтимъ только, что невѣрность жены наказывалась тѣмъ, что виновная (если ее не лишали жизни на мѣстѣ), изгонялась за порогъ дома въ одной рубашкѣ и плащѣ и съ отрѣзанными волосами⁸. Подвергшіяся изпачиванію, обязаны были (въ силу судебного

¹ J. Grimm. въ прив. соч. стр. 272. Его же: Deutsche Mythologie (2 изд.) I. стр. 81 и сл. — ² K. Weinhold. Altn. Leben. стр. 327 утверждаетъ прямо что «не существовало ни касты жрецовъ ни поэтовъ». — ³ За омофоръ шведскіе архіепископы обязаны были платить Риму извѣстную сумму. Въ 1153 г. за него платили до 4474 риксдалеровъ; въ 1316 г. уже около 8780 риксд. Olaf Dalins. Gesch. des Reiches Schweden. II. стр. 74. Въ 1163 г. при церемоніи посвященія на архіепископской мантии сзади были нашиты «три золотыя короны по голубому полю», знакъ древнѣйшаго шведскаго герба. — ⁴ K. Weinhold. Altn. Leben. 237 и сл. — ⁵ J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. 177. 432. — ⁶ K. Weinhold. стр. 247. — ⁷ J. Grimm. Deutsche Rechtsalt. 443 и сл. — ⁸ J. Grimm. въ прив. соч. 711.

постановленія)¹, — „съ согбеннымъ тѣломъ, распустивъ волосы и въ изорванной одеждѣ“, немедленно извѣстить судъ о постигшемъ ихъ безчестіи. — Повидимому лишь по водвореніи Христіанства на сѣверѣ возникъ обычай носить трауръ по усопшимъ родственникамъ и близкимъ, изъ чего можно заключить, что первобытному глубокому и наивному чувству германскаго племени, былъ чуждъ подобный способъ выраженія грусти внѣшними траурными признаками.

Къ числу крайне простыхъ формальностей общежитія принадлежалъ обычай, распространившійся въ особенности въ познѣйшее время, передъ высокопоставленными людьми снимать шляпу, плащъ и перчатки².

III. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что національные костюмы³ встрѣчаемые донинѣ кое-гдѣ на сѣверѣ, за исключеніемъ немногихъ особенностей перешедшихъ въ нихъ отъ древнихъ временъ, наврядли восходятъ даже начала шестнадцатаго вѣка, а что касается главнѣйшихъ въ нихъ частей, то по большой части даже принадлежать уже къ семнадцатому и восемнадцатому вѣку, и въ сущности только народы крайняго сѣвера, какъ то финны, гренландцы и лапландцы сохранили первоначальный свой костюмъ.

У т в а р ь.

Изъ дошедшихъ до насъ различныхъ предметовъ утвари чисто норманнской работы временъ язычества, безспорно значительнѣйшую часть составляютъ сосуды изъ глины и металла и нѣсколько небольшихъ металлическихъ орудій. За исключеніемъ немногихъ фрагментовъ обличающихъ характеръ сѣверныхъ издѣлій, всѣ подобнаго рода вещи какія кромѣ того найдены были въ сѣверныхъ странахъ, отчасти римскаго происхожденія, отчасти византійскаго, илиже принадлежать уже къ познѣйшей эпохѣ, и въ этомъ случаѣ онѣ носятъ отпечатокъ иноземноевропейскаго искусства или вліянія его. Въ числѣ ихъ бѣльшая часть принадлежитъ къ концу средневѣковаго періода, т. е. ко времени отъ исхода двѣнадцатаго до начала пятнадцатаго столѣтія.

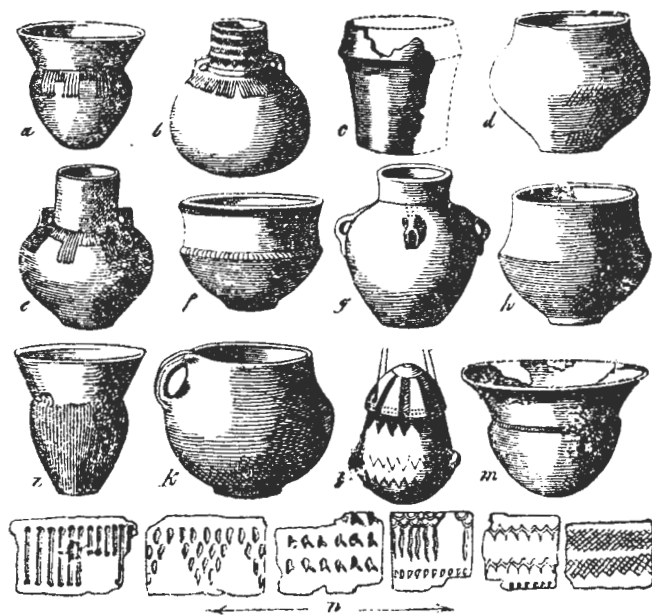
I. Изъ сказаннаго нами можно до нѣкоторой степени составить понятіе о ходѣ развитія утвари у жителей сѣвера въ первоначальные времена. За недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣній, мы въ правѣ заключить на основаніи указанныхъ выше бытовыхъ условій, что по крайней мѣрѣ до того времени когда скандинавы стали болѣе поддаваться иноземному вліянію, вся хозяйственная обстановка ихъ носила характеръ крайней простоты, и кромѣ, быть можетъ, немногочисленной комнатной мебели изъ дерева, заключалась въ предметахъ образчиками которыхъ для насъ служатъ приведенные выше со-

¹ У негоже: 633. — ² K. Weinhold. Altn. Leben. стр. 177 и 454. — ³ См. поименованныя уже выше сочиненія Olavsen и Povelsen, P. Gaymard и др. объ исландскихъ костюмахъ въ особ. J. Keyser, om Nordmaendenes Klædetragt Christiania. 1847. G. Eckersberg. Norwegische Trachten и пр. Svenska Nationaldrägar и пр. 1846 и сл. Danske Nationaldrägar и пр. 1854. H. Schlichting. Trachten der Schweden и пр. 1854. A. Tidemann. Norsk Bondeliv и пр. 1851.

суды и пр. и что, какъ въ костюмѣ, такъ и въ обдѣлкѣ утвари скандинавы въ слѣдующее за этимъ время придерживались иноземныхъ образцовъ.

А. 1. При одномъ лишь взглядѣ на значительное количество найденныхъ сосудовъ изъ глины, можно съ достовѣрностью предположить, что еще въ раннія времена производство это достигло значительныхъ размѣровъ. Хотя упоминаемые сосуды принадлежатъ къ разнымъ эпохамъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ выказывается общая всѣмъ черта въ томъ, что всѣ эти сосуды сформованы отъ руки, безъ станка, обожжены на огнѣ и, что они всѣ отличаются почти одинаковою формою и окраскою (фиг. 205 а—п; 206 а—е) Цвѣта сосудовъ, обусловливаемые глиною изъ которой они дѣлались и степенью обжиганія ихъ, представляютъ всѣ оттѣнки отъ желтаго, краснаго, коричневаго до чернаго; формою же сосуды эти, смотря по искусству горшечника, или потому, для какой цѣли они назначались, весьма разнообразны, то въ видѣ горшковъ, котловъ, кружекъ, то въ видѣ чашъ, корзинъ, бокаловъ и пр. но съ преобладающимъ стремленіемъ къ урчюобразной формѣ. Главное различіе ихъ составляетъ разность въ технической обдѣлкѣ и въ расположеніи орнаментовъ, соотвѣтственная времени когда были слѣзаны эти сосуды. Способъ приготовленія глинянаго раствора, въ который постоянно

Фиг. 205.

примѣшивался толченый гранитъ (глиммеръ, кварцъ и полевої шпатъ), усовершенствуясь постепенно, требовалъ соотвѣтственной тому орнаментовки сосудовъ, которая въ послѣдствіе времени стала характеристическимъ мѣриломъ для опредѣленія времени изготовленія ихъ. Такъ напр. на древнѣйшихъ сосудахъ мж. пр. и „каменнаго вѣка“, украшенія представляютъ самое простое сочетаніе черточекъ, точекъ и ломаныхъ линій (фиг. 205. п); въ

„бронзовомъ вѣкѣ“, напротивъ, преобладаютъ концентрическіе круги, спи-

Фиг. 206.

ральныя и волнистыя линіи и т. п. (фиг. 207. а—г); наконецъ, на сосудахъ „железнаго вѣка“ до паденія язычества, орнаментъ состоитъ изъ змѣеобразно

Фиг. 207.

извивающихся линій, переходящихъ отъ самыхъ простыхъ изгибовъ до художественнаго лентообразнаго сплетенія (фиг. 208. в. с).—Полагаемъ, излишне

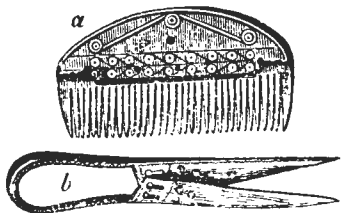
упомануть, что глиняные сосуды открытыя въ древнихъ могилахъ, отнюдь не принадлежали исключительно только къ утвари употребляемой при погребеніи, какъ прежде думали, но что вещи эти по большой части употреблялись въ обиходномъ быту, и полагались въ могилу усопшихъ единственно въ видѣ приношеній близкимъ его, илиже въ предположеніе, что онѣ ему понадобятся на томъ свѣтѣ. При томъ же сосуды предназначаемые для храненія остатковъ отъ сожженныхъ труповъ, отличались во все времена главнымъ образомъ особенною, большею частью пузатою урнообразною формою (ср. фиг. 205 d. f—h; фиг. 206 с—е). Сказанное сейчасъ (въ большей еще степени) относится также къ металлическимъ сосудамъ. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются формы напоминающія вполнѣ существующія нынѣ формы кухонной утвари (фиг. 207 е. f); но есть и другія напр. чаши и котлы изъ золота, которыя по всей вѣроятности принадлежали къ жертвенной утвари. Кромѣ приведенныхъ нами сосудовъ, найдено еще множество бронзовыхъ, большею частью изящной отѣлки, и иногда даже съ клеймомъ римской фабрики, потомъ и стеклянные сосуды, безспорно италійскаго или восточнаго происхожденія ¹.

Фиг. 208.

2. Ремесленные орудія того времени уцѣлѣвшія донынѣ, ограничиваются разнаго рода каменными и металлическими топорами, молотами, остроконечными и плоскими долотами, большими и малыми рѣзцами или ножами съ прямыми, изогнутыми и гранеными клинками, изогнутыми, серпообразными, длинными шилами, иглами, щипцами, различнаго рода инструментами въ видѣ щипчиковъ, желобчатыхъ ложечекъ и пр. Кромѣ того отъ хозяйственныхъ орудій той отдаленной эпохи до насъ дошли части плуговъ, бронзовые обручи съ рукоятками отъ деревянныхъ бочекъ, каменные жомы и т. п. Въ числѣ туалетныхъ принадлежностей найдены ножницы, въ родѣ тѣхъ коими нынѣ стригутъ овецъ, костяные гребни и бронзовые, но большею частью съ однимъ только рядомъ зубьевъ (фиг. 209 а. б).

Фиг. 209.

Б. 1. Все эти предметы, неисключая упомянутыхъ выше сосудовъ, судя по письменнымъ свидѣтельствамъ, были въ тѣ времена въ общемъ употреб-

¹ A. Worsaae. Nordiske Oldsager, стр. 71 и сл.

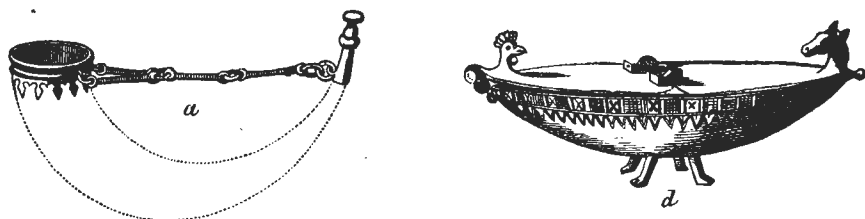
леніи на сѣверѣ. Въ этихъ свидѣтельствахъ, принадлежащихъ хотя и позднѣйшему времени, упоминается также о другихъ еще предметахъ утвари, отъ которыхъ однако не осталось слѣдовъ, или которые вошли въ употребленіе въ новѣйшее уже время. Сюда принадлежатъ, разнаго рода столовая посуда и сосуды для питей, не считая множества глиняныхъ сосудовъ, и комнатной утвари, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, или мебели (о чемъ говорено будетъ далѣе) ¹. Судя по упомянутымъ письменнымъ свидѣтельствамъ столовая утварь, или точнѣе, утварь предназначавшаяся для яствъ, состояла преимущественно изъ „корытцевъ“ (trogr, trygill), или въ замѣнъ ихъ изъ лотковъ, глубокихъ и мелкихъ мисокъ и тарелокъ (diskr или skutildiskr) изъ дерева, глины или металла. Тарелки, которыя вошли въ употребленіе навѣрно уже въ позднѣйшее время, и въ ту пору служили для такойже цѣли какъ и нынѣ; корытца и миски, напротивъ, назначались повидимому исключительно только для жидкихъ и кисельныхъ яствъ, тогда какъ всѣ крѣпкія кушанья, печенья, фрукты и даже мясо клались прямо на столъ безъ посуды. Для принятія жидкой пищи орудіемъ служила щепка, а въ богатыхъ домахъ особаго устройства ложечки (sleif, pvara). Подобныя ложечки вырѣзывались красиво изъ дерева или кости ², и во время обѣда клались возлѣ тарелокъ на столъ въ особомъ влагаищѣ. Всѣ твердыя кушанья разрѣзывались предварительно и подносились ко рту пальцами, безъ помощи вилокъ. Утиральники или „салфетки“ не были въ употребленіи, хотя впрочемъ у знатныхъ существовало обыкновеніе во время и по окончаніи обѣда утирать руки, для чего подавались тазъ (munnlanger) и полотенце (handklaedi); иногда и на самый столъ накрывалась (бѣлая) скатерть (borddukr).

2. Большимъ разнообразіемъ отличались сосуды служившіе для храненія питей, какъ видно уже по названіямъ ихъ. Не считая привезенныхъ изъ чужихъ странъ различнаго рода сосудцевъ изъ бронзы, изъ дорогихъ металловъ и стекла (стр. 106), отличавшихся болѣе или менѣе роскошною отдѣлкою, въ писаніяхъ упоминается объ особеннаго рода кубкахъ (bikarar), чашахъ (kalkir), носившихъ разныя названія смотря по формѣ ихъ, (justa, full, ker или kar, staup, bordker); о чашечкахъ въ родѣ блюдцевъ изъ глины, дерева или бронзы, изъ золота и серебра; наконецъ, не забыты и любимые изстари на сѣверѣ бычачьи и буйволовыя рога, украшенные рѣзбою и обложенные дорогимъ металломъ. Много найдено подобнаго рода окладовъ (фиг. 210 а), равно также и нѣсколько кубковъ изъ серебра, и въ числѣ ихъ одинъ кубокъ изящной работы, открытый въ гробницѣ Тиръ Данебѣдъ (Thyrа Daneböd) (фиг. 208 б), и принадлежащій стало быть покрайней степени къ десятому вѣку ³. До введенія Христіанства, между ратными людьми существовалъ обычай, черепа убитыхъ непріятелей употреблять какъ сосуды для питья и обдѣлывать металлическою оправою подобно рогамъ ⁴.—Въ

¹ К. Weinhold. Altnordisches Leben. стр. 144 и сл., особ. 151 и сл.—² P. Gaimard. Voyage en Islande et Grönland Taf. I. 45. bis.—³ A. Worsaae. Nordiske Oldsager. стр. 114. № 472.—⁴ См. мнѣнія за и противъ этого обычая, который нѣкоторые изслѣдователи, какъ слишкомъ варварскій, охотно относятъ въ область мифовъ, въ особ. G. Masch и J. Ritter въ Jahrb. и пр. IX. 361; X. 260; XIV, 306, гдѣ упрямается встать относящіяся сюда мѣста изъ древнесѣверныхъ поэтическихъ сказаній.—

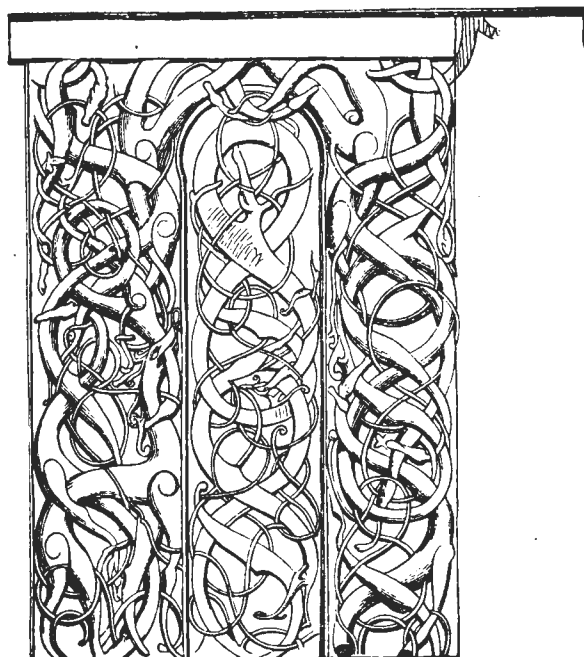
путешествіе скандинавы обыкновенно возили съ собою напитки въ флягахъ изъ крѣпкой кожи (ledrflaska).

Фиг. 210.

3. Изъ сосудовъ предназначавшихся для сбереженія и храненія жидкостей, лѣтописцы упоминаютъ о различнаго рода кувшинахъ и мисахъ, бочкахъ и мѣхахъ. Назначеніе всѣхъ этихъ предметовъ было такоеже какъ и нынѣ; кувшинъ (kanna), служилъ преимущественно для разливанія напитковъ, а миса (bolla), какъ и теперь еще, смотря по величинѣ ея, либо для подаванія напитка на столъ, либо какъ сосудъ для питья въ родѣ употребляемыхъ въ настоящее время въ Норвегіи такъ называемыхъ боллэ (bolle). Бочки (ker) большею частью были значительной величины, мж. пр.

Фиг. 211.

такъ называемыя ölker и metker, состоявшія обыкновенно изъ дерева и въ которыхъ хранилось пиво. Кромѣ того были и другія, не менѣе объемис-

тыя вмѣстилища, называемыя ашъ (asch или askre), къ которымъ можно причислить и ванны (kerlang) для купанья. Затѣмъ слѣдуютъ различныя небольшіе сосуды съ ручками (skapter), и другіе легкіе деревянные сосуды вѣроятно подобныхъ же формъ, носящіе отчасти одинаковое названіе какъ и кожаные мѣхи (verpill), и много всякаго рода посудинокъ въ родѣ шаекъ и корзинъ; послѣднія употреблялись преимущественно либо для храненія припасовъ, либо для приготовленія нѣкоторыхъ видовъ яствъ и питей.

II. А. О формѣ и устройствѣ комнатной утвари въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, единственное понятіе даютъ письменные источники, если не считать немногихъ дошедшихъ до насъ фрагментовъ, и нѣсколько штукъ уцѣлѣвшей донныя мебели, хотя и принадлежащихъ къ позднѣйшей уже эпохѣ. Упомянутые фрагменты, составляющіе вообще самыя древнѣйшіе остатки подобнаго рода предметовъ, состоятъ всего изъ нѣсколькихъ продолговатыхъ досокъ или щитовъ, найденныхъ въ приведенной уже выше гробницѣ Тире Данебѣдъ ¹, затѣмъ изъ немногихъ деревянныхъ рѣзныхъ вещей ², и наконецъ изъ наличниковъ и половинокъ отъ дверей норвежскихъ и исландскихъ церквей и тоже рѣзныхъ ³. Упомянутыя доски относящіяся къ десятому вѣку представляютъ простой, переплетающійся орнаментъ, частью рѣзной работы, частью, расписанный масляною краскою въ разные цвѣта. Прочіе рѣзные предметы принадлежатъ вѣроятно къ одиннадцатому вѣку, а самыя древнія изъ названныхъ дверей только къ исходу того же вѣка. Въ особенности эти двери, какъ мж. пр. и косяки у дверей Урнесской церкви въ Сойнѣ въ Норвегіи (фиг. 211), и двери сломанной, къ сожалѣнію, деревянной церкви въ Тиндѣ тамъ же (фиг. 212), приблизительно двѣнадцатаго вѣка ⁴, обличаютъ свойственное изстари сѣверному искусству стремленіе къ сочетанію, столько же своеобразному, сколько и замысловатому, переплетающихся въ видѣ лентъ, фантастическихъ изображеній животныхъ, и образующихъ одно вполне завершенное цѣлое.

Въ числѣ уцѣлѣвшей мебели, принадлежащей впрочемъ, какъ мы замѣтили выше, уже къ позднѣйшему времени, назовемъ нѣсколько деревянныхъ креселъ довольно однообразной отдѣлки (фиг. 213. а. б.), съ рѣзбою, относящихся, быть можетъ, еще къ началу тринадцатаго вѣка, и служившихъ, судя по устройству ихъ, такъ называемыми „барскими

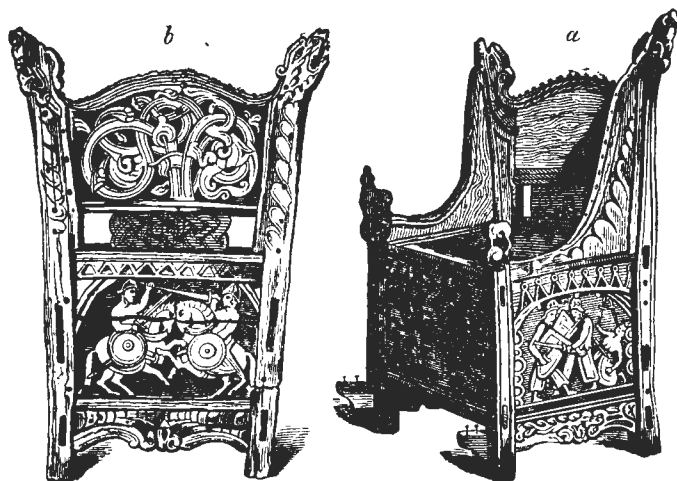

Тинд.

¹ A. Worsaae, Nord. Oldsager. 114. № 475. — Тамъ же: 128. № 506, 507; стр. 129. № 508. — Тамъ же: 127. № 503; J. C. Dahl. Denkmale и пр. на многихъ таблицахъ. — ⁴ Изображенія см. у С. Dahl и пр. J. v. Hefner—Alteneck и С. Becker. и пр. —

сѣдалищами“ (hoysede) ¹. Потомъ широкій стулъ съ ящикомъ изъ Исландіи (фиг. 214), начала 15-го вѣка, и другіе еще предметы новѣйшей эпохи,

Фиг. 213.

Фиг. 214.

напр. болѣе или менѣе изящные рѣзные деревянные ящички или ларчики ², прессы для бѣлья и матерій, какія и теперь еще въ употребленіи (фиг. 215).

По этимъ остаткамъ мы видимъ, что значительнѣйшая часть подобнаго рода предметовъ изготовлялась изъ дерева. Иногда впрочемъ для большей крѣпости ихъ обивали металломъ, или обшивали жестию, служившею въ то-же время и украшеніемъ.

¹ A. Worsaae и пр. 156. № 555. 556 и пр.—² Olaf Dalins. Gesch. des Reiches Schweden II, стр. 125.

Б. Домашняя утварь, на основаніи тѣхъже опятьтаки письменныхъ свидѣтельствъ, заключалась главнымъ образомъ въ разнаго рода сидѣнья, столахъ, кроватяхъ, сундукахъ и ларяхъ и, сравнительно весьма про-

Фиг. 215.

стыхъ приборахъ для отопленія и освѣщенія. Вообще внутренняя обстановка и убранство жилыхъ помѣщеній къ концу двѣнадцатаго вѣка представляли крайне бѣдный видъ, такъ что даже о шведскихъ короляхъ того времени упоминается ¹, что у нихъ небыло, ни отдѣльныхъ спаленъ, ни особыхъ кроватей, чему однако наврядъли можно повѣрить (см. ниже).

1. Для сидѣнья у жителей сѣвера были скамьи, стулья и кресла. Болѣе всего были въ употребленіи скамейки различной величины, либо неподвижныя, стоявшія вдоль по стѣнамъ, либо переносныя (*forsaeti*), съ устроеннымъ подъ сидѣньемъ ящикомъ (фиг. 214). Стулья повидимому первоначально дѣлались большею частью о трехъ ножкахъ, и сталибыть имѣли скорѣе видъ „табуретовъ“. Вездѣ въ „нѣмецкомъ правѣ“, гдѣ упоминается о символическомъ значеніи стула, онъ носитъ названіе „треножника“ ². Быть можетъ что въ старину форма эта установлена была для отличенія обыкновенныхъ стульевъ отъ почетныхъ сѣдалищъ знати и должностныхъ лицъ, королей и судей, стулья коихъ (*domstolar*), судя по описаніямъ, всегда были о четырехъ ножкахъ. По всей вѣроятности только эти, такъ сказать, официальные сѣдалища, имѣли спинку и ручки, и сверхъ того отличались болѣе роскошною отдѣлкою (фиг. 213. а. б.), хотя впрочемъ и обыкновенные стулья также дѣлались съ украшеніями. Такъ какъ упомянутые сѣдалища были довольно высоки, то, чтобы удобнѣе было на нихъ садиться къ нимъ приставлялась скамейка (*fötpallr*).—Всѣ вообще сидѣнья и также скамейки обивались матеріею или звѣриными шкурами (преимущественно медвѣжьею), а упомянутыя выше почетныя сѣдалища сверхъ того обкладывались подушками и тюфяками.

2. Столы состояли сплошь изъ крѣпкой продолговатой доски на станкѣ о четырехъ ножкахъ, и едвали чѣмъ либо отличались отъ столовъ употребляемыхъ нынѣ въ сельскомъ быту. Столы въ богатыхъ домахъ, покрайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, нерѣдко украшались разнообразною рѣзбою, а большіе столы устраивались такъ, что ихъ можно было удобно разбирать и отставлять въ сторону каждый разъ послѣ обѣда. Кромѣ того у богатыхъ

¹ J. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer стр. 187. — ² Тамъ же: стр. 763.

были небольшіе столы (*trapezur*), на которые ставились сосуды для питья; вообще же въ домахъ знати столы покрывались скатертью.

3. Ложе у незажиточнаго класса населенія состояло изъ кожанаго мѣшка (*húdföt*), набитаго по большей части только соломой, сѣномъ или травой, и достаточно широкаго, чтобы спящій могъ укрыться въ немъ до головы. У богатыхъ зато спальни помѣщались особо, въ отдѣльной части дома (*lokhvî-lur*, *lokrejur*, *hvilagolf*), и были снабжены хорошо устроенными кроватями. Эти ложа, по большей части двуспальные и нерѣдко значительной ширины, состояли изъ деревянной кровати (*stoks*), (деревяннаго станка), на высокихъ ножкахъ, съ устроеннымъ спереди приступкомъ для входа (*fôtbord*). На эти кровати предварительно клалась соломенная подстилка которая покрывалась сукномъ (*legvita*) или холстомъ, затѣмъ на эту покрытую подстилку полагались тюфякъ (*bolstrar*, *dynr*), а поверхъ тюфяка одѣяло (*aklaedi*, *földur*). Тюфяки въ послѣдствіе времени стали набивать нерѣдко птичьимъ пухомъ, тогда какъ, даже въ позднѣйшія времена вмѣсто одѣялъ довольствовались шерстяными полостями (*blöjur*) или медвѣжьими шкурами. Еще позднѣе у богатыхъ вошло въ обычай. (въ подражаніе иноземной модѣ), всю кровать завѣшивать завѣскою (*arsali*, *assali*), и даже покрывать сѣну у которой она стояла матеріею въ родѣ ковровой (*reckjurefill*).—Малыя дѣти спали въ деревянныхъ люлькахъ (*vagga*) ¹.

4. Остальная мебель ограничивалась въ сущности различной величины сундуками и ящиками (*kista*, *örk*), и упомянутыми уже выше (стр. 110) ящиками устроенными подъ стульями и скамьями. Къ числу такогже рода предметовъ домашней утвари надо отнести и баулы или сундуки (*skiptikistur* и *kofrur*), служившіе для удобнѣйшей перевозки вещей въ дорогѣ, и снабженные обыкновенно съ этой цѣлью особыми скобками. Затѣмъ, сюдаже относятся иденежныя кружки (въ видѣ тумбочекъ) и пр.—Всѣ эти и прочія переносныя вмѣстилища, служившія для храненія разнаго рода вещей запирались на замокъ, для чего въ первыя времена употреблялись простые ключи вродѣ крючка (или отмычки), а въ послѣдствіи болѣе или менѣе искусно сдѣланные ключи съ бородками ².

5. Жилые покои нагрѣвались первоначально либо огнемъ разведеннымъ на очагѣ, либо огнемъ отъ горѣвшихъ полѣнъ для которыхъ посерединѣ портиковъ ставились особыя каменные плиты въ извѣстномъ разстояніи однѣ отъ другихъ. Впервые настоящія печи, какъ говорятъ, введены были Олафомъ тихимъ норвежскимъ, и вѣроятно только послѣ него жилые покои получили названіе „*ofnstofa*“, (т. е. печныхъ комнатъ).

6. Огни эти, да горѣвшіе факелы и лучины, составляли въ тоже время и весь приборъ для освѣщенія, покрайней мѣрѣ до того времени, когда, благодаря иноземному вліянію, скандинавскіе народы не ознакомились съ свѣтильнымъ масломъ и свѣчами съ необходимыми для пользованія ими приборами, какъто, лампами, подсвѣчниками и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этогоже времени стали употреблять также фонари (*skridlios*).

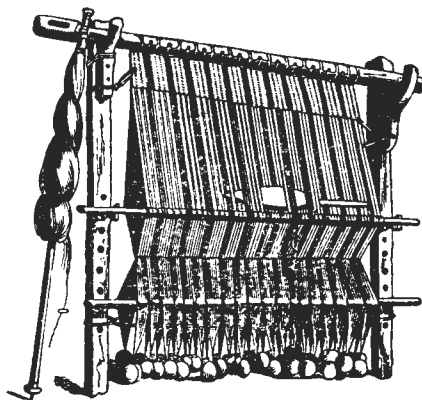
¹ K. Weinhold: Altnord. Leben стр. 282. — ² 2. A. Worsaae. Nordiske Oldsager. стр. 113. № 465; 466.

7. Относительно внутренняго убранства комнатъ слѣдуетъ указать въ особенности на изстари существовавшій обычай завѣшивать стѣны коврами, обычай, доведенный впоследствии до крайней степени роскоши богатыми и знатными классами, употреблявшими на такое убранство по большей части дорогія, вышитыя матеріи, которыя получались ими изъ чужихъ странъ за высокую цѣну.

8. Въ заключеніе, къ поименованнымъ выше предметамъ домашней утвари, можно также отнести всѣ орудія какія употреблялись при изготовленіи пряжи, шерсти и носильнаго платья, такъ какъ во всякомъ благоустроенномъ хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ до возникновенія особыхъ ремесловыхъ цеховъ, всѣ эти вещи были въ большомъ ходу. То были главнымъ образомъ (какъ и теперь еще въ бѣдномъ классѣ и у сельчанъ), — разнаго рода прялки, веретена, чесалки (для расчески шерсти), вязальныя и другія иглы, мотовила, пяльцы и пр. и наконецъ, самый главный предметъ — ткацкій станокъ (vefstadr). За исключеніемъ, быть можетъ, многочисленныхъ глиняныхъ кружковъ просверленныхъ по серединѣ и употреблявшихся для веретенъ въ глубокую старину, до насъ не дошли никакіе изъ поименованныхъ сейчасъ орудій; тѣмъ не менѣе однако, эти вещи сохранили повидимому первоначальную древнюю форму свою почти безъ измѣненій, такъ въ особенности у населенія Исландіи и сосѣднихъ съ нею Феррерскихъ и Оркнейскихъ острововъ. Употребляемая этими народами орудія, и преимущественно ткацкіе станки у феррерцевъ (фиг. 216), доселѣ еще носятъ отпечатокъ крайней простоты ¹. Къ вышеназваннымъ ремесленнымъ орудіямъ, употреблявшимся въ домашнемъ быту, слѣдуетъ причислить также упомянутые уже прежде прессы для матерій и бѣлья (фиг. 215).

III. Тоже самое почти должно сказать и о земледѣльческихъ, рыболовныхъ и охотничихъ снарядахъ ². Относительно послѣднихъ остается замѣтить лишь то, что въ новѣйшія времена огнестрѣльное оружіе вытѣснило стародавнее метательное оружіе, какъ-то копья, дротики и пр.

Фиг. 216.

¹ Устройство ткацкаго станка и производство на немъ работы, К. Weinhold (Altnord. Leben, стр. 321), описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Къ навою (rifr), утвержденному на двухъ стойкахъ (hleinar, leiner) и вращающемуся на нихъ, укрѣпляются непосредственно нити (garn. gadn, renning, rendegarnet), не проходя черезъ бедро (hðvöld). По серединѣ основа натягивается помощью шеста лежащаго на двухъ колышкахъ, но преимущественно тяжестью каменной (kliasteinar), привязанныхъ къ моткамъ каждой нити въ отдѣльности. Большой ланцетовидный инструментъ изъ витоваго уса (skeid) служитъ въ тому чтобы прибавить утокъ который затягивается вѣрно узломъ (hraell, gaelur). Ткачъ работаетъ стоя».

² См. рисунки снятые съ древнихъ изображеній этихъ орудій на скалахъ въ Норвегіи у Holmberg. Skandinaviens håll ristningar 18; 112. Потомъ К. Weinhold. Altnordisches Leben стр. 62 и сл.

1. Самымъ обыкновеннымъ у древнихъ скандинавовъ охотничьимъ оружіемъ были лукъ (изъ тисоваго дерева) и копья. Лукъ употреблялся главнымъ образомъ для охоты на птицъ. Стрѣлы были двухъ родовъ, острокопечныя и тупыя, послѣднія служили для того только чтобы оглушать дичь. Копья составляли самое главное оружіе въ охотѣ на красную дичь и звѣрей, и потому длина и толщина ихъ были не одинаковы, такъ мж. пр. копья съ которыми скандинавы ходили на медвѣдей, отличались особенною крѣпостію (стр. 95). — Кромѣ того на дичь охотились посредствомъ ямъ и разнаго рода западней, но преимущественно силками (*gildgrur*), капканами, сѣтями и т. п.; птицъ и мелкихъ четвероногихъ травили также соколами и ястребами.

2. Рыболовные снаряды, отличавшіеся еще въ раннюю пору очень практичнымъ устройствомъ, состояли изъ весьма разнообразныхъ видовъ удъ (*öngul*), лесъ (*dorg*), рыбьихъ ножей (*agnsax*), острогъ, багровъ (*ljustrur*) и множества разнаго рода сѣтей. Изобрѣтеніе послѣднеупомянутаго орудія приписывается Локи. Сѣти, въ первыя времена вязались не изъ нитокъ, но какъ до позднѣйшихъ временъ въ Исландіи, изъ тонкихъ ремней, и смотря по величинѣ и формѣ носили каждая особое названіе. Самые большіе неводы назывались *pót*, изъ нихъ же тѣ коими ловили рыбу въ зимнюю пору или подъ льдомъ *vintarnot*, а малыя сѣти, формы кошеля, обыкновенно *miardar*. Наловленная рыба сохранялась въ деревянныхъ садкахъ (*fiskigadr*, *fiskiahús*).

3. Наконецъ, что касается земледѣльческихъ и сельскохозяиственныхъ хъ приборовъ, то усовершенствованіе ихъ едва ли не задержалось долѣе другихъ отраслей, такъ какъ воздѣлываніе земли на сѣверѣ вообще подвигалось лишь медленно впередъ (стр. 69). Относительно главнаго изъ такихъ орудій, плуга, преданіе сохранило намъ лишь два названія *agrdr* и *plogr*, изъ чего можно предположить, что въ старину у скандинавовъ существовали два рода плуговъ. Къ нимъ можно еще прибавить борону (*harf*) и металлическій серпъ.

4. Перевозка тяжестей сухимъ путемъ производилась отчасти на вьючныхъ лошадяхъ, отчасти же на возахъ; зимою же главнымъ образомъ на саняхъ. Въ первомъ изъ названныхъ случаевъ, товары, тщательно уложенные во вьюкахъ, привязывались на спину животному. Путешественники, собираясь въ дальній путь даже охотнѣе выбирали этотъ способъ передвиженія чѣмъ пользоваться телѣгами. — Повозки были вообще о двухъ, либо четырехъ колесахъ, съ продолговатымъ четырехугольнымъ кузовомъ, утвержденнымъ непосредственно на осяхъ, и сверху обтянутымъ чехломъ (*bloeja*, *tiald*). — Сани состояли либо изъ простыхъ деревянныхъ полозьевъ (*sledar*), либо снабжены были особымъ сидѣньемъ (*vagnsledar*).

5. Въ заключеніе остается только прибавить, что какъ въ Лифляндіи и другихъ странахъ, такъ и въ Скандинавіи, найдены были складные бронзовые вѣсы изящной работы и различнаго рода гири ¹. Впрочемъ, большая часть этихъ вещей принадлежала вѣроятно иностраннымъ торговцамъ.

¹ A. Worsaae. Nordiske Oldsager. стр. 112. № 461; 462.

IV. 1. Въ числѣ игральныхъ приборовъ для препровожденія времени, за исключеніемъ дѣтскихъ игрушекъ, состоявшихъ изъ различной мелкой утвари, куколъ и пр., первое мѣсто занимали издревле игральныя кости и шахматы. Скандинавы подобно южнымъ германцамъ ¹, еще въ самыя раннія времена до такой степени пристрастились къ игрѣ въ кости въ особенности, что законодательная власть позднѣвшихъ временъ нашлась вынужденною значительно ограничить эту азартную игру лишая ослушниковъ покровительства законовъ. Кости были ² такіе же какъ и нынѣ, хотя и не всегда вполне кубической формы, но немного выше и уже нынѣшнихъ ³.

Трудно опредѣлить съ точностью время когда у скандинавовъ введены были игральныя кости и шахматы ⁴. Весьма возможно что та и другая игра къ нимъ перешла съ востока еще въ давнее время, хотя такому предположенію противорѣчитъ повидимому форма дошедшихъ до насъ фигуръ употреблявшихся, какъ полагаютъ, при шахматной игрѣ. Упомянутыя фигуры и всѣ прочія относящіяся къ этой игрѣ пѣшки, вырѣзаны аляповато большею частью изъ слоновой или моржевой кости и изображаютъ королей и духовныхъ, отчасти и всадниковъ и женщинъ на коняхъ (дамъ?), но всѣ въ костюмѣ новѣйшаго времени и бывшемъ въ ходу уже послѣ введенія Христіанства.—Тоже самое надо сказать и о прочихъ найденныхъ игральныхъ шашкахъ носящихъ также по отдѣлкѣ своей отпечатокъ позднѣйшаго времени ⁵. Впрочемъ, въ древнѣйшихъ могилахъ найдено также нѣсколько шашекъ безъ всякихъ украшеній, и служившихъ, какъ полагаютъ, для той же шашечной игры, изъ чего можнобы заключить, что игра эта извѣстна была еще въ весьма отдаленное время. Но, какъ бы то нибыло, достоверно лишь то, что игры, въ родѣ приведенныхъ сейчасъ, но о которыхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, извѣстны были на сѣверѣ еще задолго до десятаго вѣка и считались одною изъ любимѣйшихъ забавъ. Изображеніе двухъ играющихъ въ шашки мужчинъ, встрѣчается даже на одномъ изъ роговъ найденныхъ близъ Тондерна ⁶.

2. Кромѣ этихъ нешумныхъ, и скорѣе комнатныхъ игръ, скандинавы смолу весьма усердно упражнялись на открытомъ воздухѣ въ различныхъ играхъ мячами и шарами (*knattleikr soppoleikr*, *sköfuleikr*), потомъ въ бросаніи копій, ножей, камней и пр., какъ и вообще во всѣхъ упражненіяхъ способствующихъ развитію физическихъ силъ ⁷.

3. Музыкальное искусство, напротивъ, соотвѣтствовавшее въ гораздо-меньшей степени серьезному характеру жителей сѣвера, подвигалось лишь медленно впередъ, и ограничивалось либо пѣніемъ, либо легкимъ подыгрываніемъ почти исключительно только на арфѣ, пляскамъ и чтенію поэтическихъ произведеній. Какого устройства была арфа въ первыя времена, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но надо полагать, что до того времени когда на сѣверѣ господствующими стали штецкіе обычаи и образъ

¹ Tacitus. German. c. 24.—² K. Weinhold. Altnord. Leben. стр. 469 и сл.—³ A. Worsaae и пр. 112. № 463.—⁴ Съ Виѣшн. бытъ нар. и пр. I. Ч. 1. стр. 90; 182; 313—314; 366 и въ др. м.—⁵ A. Worsaae. въ пр. соч. стр. 160. № 363.—⁶ P. E. Müller. Antiq. Unters. и пр. таб. 2. (3-я вѣтка снизу).—⁷ Подробности у K. Weinhold. Altnord. Leben. 293 и сл.

цы, форма и устройство арфъ были до крайности просты. Послѣ этого времени однакожъ (т. е. съ двѣнадцатаго вѣка), нѣмецкими музыкантами, переселившимися въ Скандинавію, введены были въ эту страну всѣ музыкальные инструменты на какихъ они играли. Точно такъ въ позднѣйшее время тудаже перенесены были такимиже музыкантами любимыя давно уже въ Германіи комедіи съ маленькими подвижными куколками (små-gasckar).

V. А. Относительно, наконецъ, предметовъ употреблявшихся при языческомъ культѣ, мы принуждены довольствоваться описаніями составленными уже въ позднѣйшее время, и на основаніи которыхъ съ нѣкоторою вѣроятностію можно допустить, что жреческая утварь была довольно значительна, но что тѣмъ не менѣе, изъ числа составлявшихъ ее предметовъ, только съ немногими связано было какое-либо болѣе глубокое символическое значеніе. Упоминаемыя описанія принадлежатъ исключительно перу христіанскихъ проповѣдниковъ, сообщающихъ о томъ чему сами они были очевидцами, и касаются главнымъ образомъ внутренняго устройства и убранства языческихъ капищъ. Судя по этимъ описаніямъ, внутри каждаго храма, на особаго рода подножѣ стояло деревянное изображеніе какого либо языческаго божества, и передъ нимъ обложенный желѣзомъ жертвенникъ на которомъ горѣлъ „вѣчный огонь.“ Возлѣ него находились предметы употреблявшіеся при торжественномъ отбираніи священной клятвы, какъ то, золотое или серебряное кольцо, кропило для кропленія жертвенною кровью, и мѣдный сосудъ судебъ наполненный этою кровью. „Въ Убсольскомъ (Усальскомъ) капищѣ,“—говоритъ Адамъ Бременскій въ своемъ описаніи (Lib. IV. с. 26), — „сооруженномъ изъ чистаго золота, народъ поклоняется изображеніямъ трехъ различныхъ божествъ. Самый могущественный изъ нихъ Торъ, возсѣдающій на тронѣ посреди трапезнаго отдѣла; справа и слѣва сидятъ Воданъ и Фрикко. Должность каждаго изъ этихъ трехъ божествъ, они (т. е. скандинавы-язычники) опредѣляютъ такъ: ¹ Торъ, какъ полагаютъ они, обитаетъ въ эфирѣ, управляетъ громомъ и молніею, посылаетъ дождь и вѣтеръ, ясную погоду и плодородіе. Другое божество Воданъ, т. е. неистовство, завѣдываетъ войною и даетъ мужество человѣку въ виду непріятеля. Третій, Фрикко, посылаетъ на смертныхъ миръ и наслажденіе. Встрѣчаются иногда изображенія послѣдняго съ большимъ мужскимъ удомъ. Водана они изображаютъ вооруженнымъ, въ родѣ того какъ наши (т. е. германскіе язычники) представляютъ Марса. Торъ со скипетромъ олицетворяетъ повидимому какъ-бы Юпитера.“

1. О внѣшнемъ видѣ и устройствѣ изображеній языческихъ божествъ или кумировъ мы встрѣчаемъ нѣсколько болѣе подробныя указанія въ другихъ источникахъ ². Судя по этимъ извѣстіямъ, болѣе чѣмъ вѣро-

¹ Подробнѣе объ этихъ божествахъ и значенія ихъ у J. Grimm. Deutsche Mythol. и пр. — ² C. F. Köppen. Literarische Einleit. in die nord. Mythol. стр. 18. J. Grimm. Deutsche Mythol. стр. 93. K. Weinhold. Altu. Leben. стр. 420.

явно, что каждое изъ божествъ которымъ скандинавы поклонялись имѣло свое особое изображеніе, и что при изготовленіи такихъ кумировъ, постоянно обращалось большее вниманіе на возможно точное подражаніе натурѣ. Идолы почти безъ исключенія вырѣзывались изъ дерева, иногда въ человѣческой ростъ, и обыкновенно расписывались въ различные цвѣта или украшались серебромъ, золотомъ и дорогими одѣянiями. Наибольшая роскошь проявлялась повидимому въ отдѣлкѣ атрибутовъ, состоявшихъ преимущественно изъ золота; и потому вполне правдоподобно, что упомянутые уже не разъ рога въ Тондернѣ или Галехусѣ принадлежать къ числу фрагментовъ подобнаго рода кумировъ (стр. 72 пр. 3).—Безъ сомнѣнія наряду съ большими и богатоукрашенными статуями боговъ, составлявшими украшеніе преимущественно однѣхъ только капищъ, существовали подобныя же идолы меньшаго размѣра изъ глины, бронзы или благороднаго металла, служившіе для домашняго культа, хотя впрочемъ въ числѣ этихъ мелкихъ фигуръ найденныхъ въ древнихъ могилахъ, лишь немногія имѣли несомнѣнно такое назначеніе.

2. Съ другой стороны, въ числѣ довольно массивныхъ колецъ значительнаго объема, какія нерѣдко встрѣчаются въ Даніи и въ Германіи, нѣкоторыя не безъ основанія учеными принимаются за священные древнія клятвенныя кольца, о которыхъ упомянуто выше¹. Только немногія изъ этихъ колецъ изъ бронзы, а большая часть изъ золота, и всѣ одинаково согнуты въ овальную форму, и въ томъ мѣстѣ гдѣ они распираются на обоихъ концахъ каждаго кольца придѣланы по пустому полушарію, такъ что оба полушарія смыкаясь гладкою поверхностью своею представляютъ какъ бы одинъ шаръ. Пустота въ полушаріяхъ объяснялась тѣмъ, что въ нихъ первоначально хранились какіе либо символы почитавшіеся священными, и можетъ быть даже, Яркнасскій камень.

3. Прочая найденная утварь языческихъ временъ, служившая, какъ полагаютъ, тоже для языческаго культа, ограничивается главнымъ образомъ нѣсколькими металлическими, а въ особенности золотыми котлами, плоскими чашами различной величины (фиг. 207 a. b. d. e. f.), и немногими другими предметами назначеніе коихъ впрочемъ трудно опредѣлить. Такимъ образомъ приведенные сейчасъ сосуды можно принять за жертвенную утварь, принадлежности которой составляли безъ сомнѣнія еще разные другіе предметы, какъ-то большіе и малые жертвенники ножи и т. п.—Къ приведенной утвари примыкаютъ тѣсно орудія волшебницъ, или такъ называемыхъ „мудрыхъ женъ“, т. е. главнымъ образомъ, большой котелъ въ которомъ приготавливались изъ травъ волшебные напитки. Такъ какъ женщины эти занимались въ то же время и врачеваніемъ болѣзней, то безъ сомнѣнія надо полагать, что при этомъ онѣ пользовались также какими либо хирургическими орудіями хотя и довольно грубой отдѣлки.

Б. Съ введеніемъ Христіанства вся эта языческая утварь естественно

¹ Объ этихъ кольцахъ см. F. Lisch и пр. XVI. 268 съ замѣтками изъ J. Grimm. Deutsche Mythol. II. 923; потомъ изображенія въ „Leitfaden zur nord. Alterthumsk. 43. и A. Worgaave. Nordiske Oldsager 85. № 367.

мало-по-малу утратила свое значеніе, пока наконецъ не была совершенно вытѣснена обрядностью христіанской церкви ¹.

VI. Погребальная утварь отличалась простотою. Пока существовалъ общій обычай сжигать умершихъ она ограничивалась главнымъ образомъ ко-стромъ, не рѣдко увѣшаннымъ дорогими коврами, и погребальными урнами (стр. 106) предназначаемыми для храненія пепла, изъ глины, или небольшими, каменными вѣстелищами нарочно изваянными для этой цѣли ². Впоследствии, когда сталъ распространяться обычай хоронить трупы въ землѣ начали употреблять деревянные гробы. То были первоначально выдолбленные изъ дубоваго отрубка колоды грубой отдѣлки, замѣнившіеся позже сколоченными изъ нѣсколькихъ досокъ вѣстелищами на подобіе ящика. Кромѣ того, когда на сѣверѣ вездѣ уже погребеніе совершалось по обрядамъ христіанской церкви, кое-гдѣ сохранился еще обычай стародавнихъ временъ хоронить вѣстѣ съ умершимъ оружіе его, утварь, предметы украшенія и пр.; а если усопшій при жизни отличился храбростію на войнѣ или въ морскихъ походахъ, то тѣло его, вѣстѣ съ принадлежавшими умершему при жизни вещами и съ трупомъ любимаго имъ коня, полагалось на горящій корабль и прелоставлялось на произволъ морской стихіи (сравни стр. 54).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Народы южной и средней Европы *).

(Италіицы, остготы, лангобарды, бургунды, франки, германцы).

Историческій обзоръ.

Еще задолго до окончательнаго покоренія западноримской имперіи народами сѣвера, главную опору ея составляло войско, состоявшее по большей части изъ германцевъ. Почти единственно только помощью этой „варвар-

¹ См. въ слѣдующей главѣ отдѣлъ «о богослужебной утварѣ». — ² J. Grimm. Über das Verbrennen der Leichen. Berlin. 1850. K. Weinhold. Altn. Leben. 480. A. Worsaae. 123 № 504.

*) При изобиліи матеріаловъ мы ограничимся пока указаніемъ слѣдующихъ сочиненій. I. О костюмѣ въ средніе вѣка вообще: R. v. Spalart. Versuch über das Kostüm и пр. 10 томовъ. Wien 1796—1837. Продолженіе, томъ I—IV, мѣстами не вполне точно, и потому пользоваться имъ лишь съ осторожностью. J. Ferrario. Le costume и пр. 17 томовъ въ листъ. Milan 1816—1827. II. Wagner. Trachtenbuch des Mittelalters и пр. München 1830. St. Watson. Costumes of the middle age и пр. London. M. P. Lacroix. Le Moyen âge et la Renaissance и пр. 5 томовъ in 4 Paris 1848—1851. J. H. v. Hefner—Alteneck. Trachten и пр. Frankfurt 1840—1854. Отдѣлъ первый A. v. Eye и J. Falke. Kunst und Leben der Vorzeit и пр. Nürnberg 1855. Ch. Louandre. Les arts somptuaires и пр. Paris 1858. — II. Для Италіи: Кромѣ приведенныхъ сейчасъ сочиненій: C. Bonnard. Costumes historiques и пр. Paris 1845. Fabio Mutinelli. Del costume veneziano и пр. Venezia 1831. Сравни соч. указанныя въ первой части втораго тома этого труда въ примѣчаніи, стр. 44 и сл. относящіеся къ Италіи, и H. Leo. Gesch. der ital. Staaten. Hamburg 1829 и сл. Т. I—IV. III. Для средней Европы и преимущественно Германіи: 1) древнѣйшее время или такъ называемый желѣзный вѣкъ. K. E. Förstemann. Neue Mittheil. и пр. Halle 1834 и сл. (это

ской“ силы, позднѣйшимъ императорамъ удалось отстоять свою державу противъ собственнаго народа. И хотя наемники эти, благодаря многочисленнымъ льготамъ дарованнымъ имъ императорами, предавались разслабляющему вліянію распутной римской жизни, тѣмъ не менѣе они сознавали себя настоящею господствующею властью въ государствахъ.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно если войско распоряжавшееся по своему произволу, свергавшее и возводившее на тронъ императоровъ, мало-по-малу также отъ своихъ начальниковъ старалось силою добиться особыхъ для себя преимуществъ, выходившихъ изъ предѣловъ дозволяемаго. Когда наконецъ противъ притязаній ихъ съ энергіею возсталъ панноніецъ Орестъ, и изгнавъ императора Непота, присвоилъ себѣ силою регенство надъ сыномъ своимъ Ромуломъ Августуломъ, вспыхнуло кровавое возстаніе, зачинщикомъ котораго былъ Одоакръ, начальникъ императорскихъ тѣлохранителей. Возстаніе это кончилось смертью Ореста и низложеніемъ Ромула, вмѣсто котораго сенатъ передалъ правленіе въ руки восточноримскому императору Зенону, выговоривъ при этомъ для Одоакра санъ патриція и начальство надъ Италіею.

Одоакръ, хотя и небылъ облеченъ внѣшними знаками императорскаго сана, но тѣмъ не менѣе благоразуміемъ своимъ и умѣренностью счумѣлъ удержаться на высокомъ мѣстѣ на которое его поставила судьба. Не каса-

продолженіе къ F. Kruse. Deutsche Alterth. и пр. Halle. 1824 и сл. G. Klemm. Handb. der germ. Alterthumsk. Dresden 1836. K. Preusker. Blicke и пр. Leipzig 1841. W. и L. Lindenschmidt. Das germ. Todtenlager и пр. Mainz. 1848. L. Lindenschmidt. Die Alterth. и пр. Mainz. 1862 и сл. Еромѣ. Die vaterl. Alterth. Mainz. 1860; къ нему Н. v. Dürrieh и W. Menzel. Die Heidengräber и пр. Stuttgart. 1847. Wilhelm, Graf von Württemberg. Archäolog. graphische Vergleichen и пр. въ Correspondenzblatt der Geschichts und Alterth. Vereine годъ 1861. № I и сл. 2) Христіанское средневѣковое время. Кромѣ приведен. под. I. сочиненій, въ особ. J. Falke. Die deutsche Trachten- und Modenwelt и пр. Leipzig. 1858. G. D. J. Schotel. Bijdrage etc. Sgravenhage 1856, изъ древнихъ соч. F. D. Gräter. Braga und Hermoden и пр. Leipzig. 1796.—IV. Изъ множества пособій сдѣдуетъ привести кромѣ указанныхъ Т. II. ч. 1. стр. 44 и сл. Прии. 1. Н. Pertz. Monumenta и пр. Hannover. 1826—52. F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst. и пр. Leipzig 1840—42, особенно Т. V и VI. G. Klemm. Kulturgesch. и пр. Leipzig. 1851. J. Scherr. Gesch. deutscher Cultur и пр. Leipzig. 1854. W. Barthold. Gesch. der deutsch. Städte и пр. Leipzig. 1850 (ср. къ нему K. D. Hüllmann. Städtewesen и пр. Bonn 1826—29. C. Jäger. Schwäb. Städtewesen Stuttgart 1831). K. Weinhold. Die deutschen Frauen и пр. Wien. 1851. H. A. Berlepsch. Chronik der Gewerke и пр. S. Gallen. Th. Schacht. Aus und über Ottokars v. Horneck Reimchronik и пр. Mainz. 1821. U. F. Kopp. Bilder und Schriften der Vorzeit. Mannheim 1819; (ср. L. Spangenberg. Beiträge и пр. Halle. 1822.) G. W. Lochner. Zeugnisse и пр. Nürnberg. 1837. M. Haupt. Zeitschrift и пр. Leipzig 1841—1855, K. Schnaase. Gesch. d. bild. Künste. Düsseldorf 1843. III—VI. J. G. Büsching. Abmal des Herzogs Heinrich IV von Breslau и пр. Breslau 1826. C. P. Lepsius. Über das Alterthum и пр. Naumburg. 1822. C. M. Engelhardt. Herrad von Landsperg и пр. Stuttg. 1818. F. H. Müller. Beiträge и пр. Leipzig und Darmstadt. 1837. F. H. von der Hagen. Bilder aus dem Ritterleben и пр. Berlin. 1856. Еромѣ. Minnesinger и пр. Berlin. 1860. F. Kugler. Kleine Schriften. Stuttg. 1853. въ особ. T. I. F. de Vigne. Vademecum и пр. Gand. 1844. H. Shaw. Dress and Decorations of the Middle Ages London. 1848. Costume du moyen-âge etc. Paris 1847. R. Jacquemin. L'art et le costume du IV au XIX Siècle и пр. Paris. 1859. Еромѣ. Iconographie и пр. Paris. 1862 и сл.—Другія еще пособия, отчасти для изученія извѣстныхъ эпохъ костюма, отчасти относящіяся къ нѣкоторымъ отдѣламъ его, являе къ особиннымъ отраслямъ культуры (рыцарству, духовенству и пр.), и преимущественно къ исторіи утвари, показаны въ текстѣ въ соотвѣствующихъ имъ мѣстахъ.

ясь вообще коренныхъ установленій страны, онъ главнымъ образомъ занялся облегченіемъ и улучшеніемъ крайне бѣдственнаго положенія народа, возстановивъ вновь консульскую должность и заставивъ уважать законы. Среди этихъ заботъ оприведеніи въ исполненіе предначертаннаго имъ плана, невзирая на препятствія встрѣчаемыя имъ въ внутреннемъ разстройствѣ государства, въ 489 году противъ него выступили остготы, предводимые Теодорихомъ, и окруживъ его въ Равеннѣ, послѣ упорной борьбы длившейся три года захватили его въ плѣнъ и въ 493 г. умертвили. — Эта побѣда Теодориха, которому передъ этимъ императоръ Зенонъ ввѣрилъ охраненіе нижнепридунайскихъ областей, порѣшило окончательно господство варваровъ надъ Италіею. Когда въ 490 г. этотъ смѣлый завоеватель явился въ Римъ въ сопровожденіи всего народа своего, римляне встрѣтили его какъ избавителя, и самъ восточно-римскій императоръ скрѣпя сердце принужденъ былъ признать его королемъ готовъ.

Первымъ важнымъ дѣломъ Теодориха было надѣлить своихъ остготовъ третью частью земли. Разбогатѣвъ такимъ образомъ вдругъ, остготы подобно предшественникамъ своимъ, вскорѣ стали предаваться вѣшнимъ удовольствіямъ и усваивать нравы побѣжденныхъ, между тѣмъ какъ послѣдніе нерѣдко склонялись къ грубоватымъ обычаямъ побѣдителей своихъ. Такой вредный обмѣнъ не соответствовалъ планамъ Теодориха. Стараясь смягчить дикіе нравы своего народа, онъ тѣмъ энергичнѣе противодействовалъ одичанію римлянъ. Познакомившись еще въ прежнія времена съ греческою образованностью и полюбивъ великолѣпіе и искусство, онъ болѣе всего дорожилъ сохраненіемъ и развитіемъ римской художественной и ремесленной дѣятельности, какъ и римской образованностью вообще. Но въ такойже мѣрѣ онъ дорожилъ и тѣмъ, чтобы готы его не утратили энергіи и боевой способности, и потому онъ нашелъ нужнымъ отдѣлить другъ отъ друга оба народа, установивъ для нихъ особые законы, соответствовавшіе духу каждой изъ обѣихъ національностей. Хотя съ одной стороны эта мѣра и благопріятствовала видамъ Теодориха, тѣмъ не менѣе она не могла воспрепятствовать готамъ предаваться нѣгѣ въ виду быстро возраставшаго въ его правленіе благосостоянія государства, какимъ, со временъ лучшихъ императоровъ Римъ еще не пользовался. Пока царствовалъ Теодорихъ зло это уравнивалось его личною энергіею, но вскорѣ по его кончинѣ въ 526 г. оно дало себя чувствовать пагубными послѣдствіями, когда ближайшіе преемники короля, въ безсиліи своемъ дать отпоръ натиску византійцевъ, почти спустя десять лѣтъ, принуждены были имъ покориться.

Однако, этотъ новый успѣхъ одержанный восточноримской имперіею, былъ весьма непродолжителенъ. Византія обязана была имъ главнымъ образомъ помощи лангобардовъ, которыхъ императоръ Юстиніанъ въ 527 поселилъ въ Панноніи. Лангобарды, едва ли не самый дикій изъ пришедшихъ съ сѣвера германскихъ племенъ, ознакомившись со временъ упомянутаго похода съ соблазнами Италіи, вскорѣ послѣ смерти греческаго полководца своего Нарсеса старались завладѣть страню. Подъ предводительствомъ Альбоина, и подкрѣпляемые двадцатью тысячами саксовъ, они въ 568 г. двинулись на сѣверную Италію и вихремъ покорили себѣ всю Италію, за исключеніемъ

Равенны, Рима, Неаполя и южной Калабріи, оставшихся за греческой имперіею. Превосходя грубостью остготовъ, и не обладая къ тому даже восприимчивостью ихъ къ цивилизаціи, лангобарды наврядли не содѣйствовали скорѣе одичанію италійскаго народа, чѣмъ сами поддались смягчающему вліянію послѣднихъ.

Передъ тѣмъ еще какъ подъ начальствомъ Θεодориха великаго остготы утвердились въ Италіи, племена западныхъ готовъ, или вестготы, хозяйничавъ въ этой странѣ при Аларикѣ, съ 403 г. въ 410 г. переселились въ западныя области Галліи подъ предводительствомъ шурина его Атаульфа, женившася на дочери Θεодосія Галлѣ Пласидіѣ. Благодаря общему разстройству римскаго государственнаго колосса, и столькоже слабости и непостоянству характера (римско-)галлскаго населенія, Атаульфъ въ четыре года успѣлъ въ этой странѣ сдѣлать важныя пріобрѣтенія. Замысливъ стать единовластнымъ, и тѣснимый высланнымъ противъ него изъ Рима войскомъ, онъ бросился въ Испанію, гдѣ послѣ удачнаго покоренія Аррагоніи и Каталоніи онъ былъ въ 415 г. убитъ подъ Барселоною. Послѣ семидневнаго правленія жестокаго Сигериха, погибшаго тоже отъ руки убійцы, ему наследовалъ столь же смѣлый какъ и энергическій Валлія. Покоривъ въ четыре года всю Испанію и югозападную Галлію, онъ положилъ такимъ образомъ прочное основаніе вестготскому царству, которое спустя пятьдесятъ лѣтъ, сверхъ значительныхъ областей въ самой Испаніи, обнимало почти все пространство земли между Пиренеями, Роною, Луарою и средиземнымъ моремъ и кромѣ того всю Овернь.—Такъ какъ изъ всѣхъ германскихъ племенъ вестготы въ особенности считались самыми способными къ образованію, и притомъ, сравнительно съ покоренными ими населеніемъ составляли значительное меньшинство, а само населеніе это, по большой части давно уже оброманилось, то они довольно скоро усвоили себѣ обычаи побѣжденнаго ими народа.

Изъ многочисленныхъ другихъ дружинъ которыя во время великаго переселенія направились преимущественно на сѣверозападъ, преобладающаго господства достигли, съ одной стороны бургунды съ салингійскими вандалами, а съ другой племена франкскія. Хотя всѣ эти племена еще въ прежнія времена, т. е. еще до конца третьяго вѣка не разъ пытались утвердиться въ *gallia belgica* и *lugdunensis*, однако, не ранѣе какъ въ началѣ пятаго вѣка имъ удалось водвориться въ этой странѣ. Между тѣмъ какъ бургунды около 406 г. подъ предводительствомъ Гундикара брали Лионъ и Отанъ (*Antun*), и послѣдній избиралъ резиденцію своею сперва Женеву потомъ Віэнну, приблизительно между 418 и 440 г. франки полагали основаніе своему государству. Съ этихъ поръ самыя энергическія попытки римлянъ вытѣснить эти племена оставались тщетны, и хотя Аэтію удалось временно нанести имъ чувствительный уронъ и ослабить ихъ, однакожъ, тягостныя послѣдствія этого пораженія для бургундовъ прекратились лишь со смертію Гундикара, погибшаго въ 436 г. въ борьбѣ съ гуннами, а для франковъ тоже съ кончиною короля ихъ Кловиса (Хлодвига), около 448 г.

Бургунды, стѣсняемые въ главныхъ дѣйствіяхъ своихъ побѣдами Аэтія,

въ первое время въ сношеніяхъ съ римлянами выказывали по возможности мирное настроеніе, но лишь только представился первый благопріятный случай, новый повелитель ихъ Гундерихъ, Гундикаровъ сынъ, выступилъ противъ римлянъ съ своимъ войскомъ, отнялъ у нихъ области захваченныя ими, и присоединилъ ихъ вновь къ остальнымъ частямъ государства. Въ такомъ видѣ, послѣ его смерти, въ 473 г., оно перешло къ его сыну Хильперіку, у котораго однако, спустя нѣсколько лѣтъ (477), родной его братъ Гундибальдъ попытался силою отнять власть, которую впрочемъ ему удалось захватить лишь по смерти Хильперика, погибшаго въ этой борьбѣ въ 491 году.

Въ царствованіе Гундибальда, оказавшаго странѣ важныя заслуги собраніемъ „бургундскихъ законовъ“ и различными полезными учрежденіями, могущество и границы государства значительно увеличились. Онъ лично завоевалъ Туринъ и несмотря на то что въ послѣдствіи его стали сильно стѣснять родной братъ его Годагизель, въ союзѣ съ Хлодовигомъ I королемъ франковъ, и вскорѣ потомъ этотъ послѣдній опять вмѣстѣ съ Теодорихомъ, Гундибальдъ тѣмъ не менѣе сумѣлъ удержаться, и заключивъ тѣсный союзъ съ франками противъ вестготовъ овладѣлъ даже укрѣпленнымъ городомъ Нарбонною. Это возрастаніе могущества Бургундіи продолжалось однако только до кончины Гундибальда, послѣдовавшей въ 516 г. Сынъ и преемникъ его Сигисмундъ, принужденный искать убѣжище въ монастырѣ спасаясь отъ возставшаго противъ него народа, и попавъ въ руки Хлодовиговымъ сыновьямъ, въ 524 г. погибъ въ заточеніи. Хотя преемнику его Гундомару и удалось побѣдоносно отразить послѣдовавшее затѣмъ нападеніе франковъ подъ предводительствомъ Хлодоміра орлеанскаго, и такимъ образомъ обезпечить себѣ миръ на нѣкоторое время, но, при вторичномъ вторженіи ихъ подъ начальствомъ Клотара и Хильдеберта онъ былъ побѣжденъ и лишился царства, которое между собою раздѣлили побѣдители. Послѣ того Бургундія стала франкской провинціею, а съ 613 г. составляла даже особое герцогство. — Въ самое цвѣтущее время, и даже при Гундибальдѣ страна эта обнимала бассейны Роны, Соны и верхней Луары; границы ея на югѣ составляли Дюранса и отроги коттійскихъ альпъ, на сѣверѣ морванскія горы, плоскогорье Лангра и Вогезы. Что касается нравственной физіономіи этихъ племенъ, то въ особенности бургунды, при свойственной имъ воспріимчивости къ высшему образованію и цивилизаціи, вскорѣ слились съ романскимъ населеніемъ страны какъ бы въ одинъ народъ, такъ что Гундибальдъ въ установленныхъ имъ законахъ, почти не полагалъ различія между этими населеніемъ и родичами своими бургундами.

Дабы лучше объяснить причину успѣховъ пріобрѣтенныхъ германскими завоевателями мы должны имѣть въ виду и то, что еще до начала переселенія побѣжденные ими народы по большой части либо обратились уже въ Христіанство, либо склонялись къ принятію его. Такъ между готами христіанское ученіе вообще стали распространять еще до исхода третьяго вѣка преимущественно военно-плѣнные. Потомъ, когда въ 376 г. вестготы, тѣснимые гуннами, обратились за помощью къ римскому правительству, послѣднее отъ нихъ же потребовало взамѣнъ перехода ихъ въ Хри-

стіанство, вестготы съ полною готовностью приняли господствовавшее въ то время аріанское ученіе. Черезъ нихъ ученіе это распространилось между прочими германскими племенами, потомъ отъ нихъ проникло даже въ Испанію, и принесено было вандалами въ Африку а остготами при Теодорихѣ въ Италію. Бургунды, принявъ съ начала католическую вѣру, вскорѣ обратились также въ аріанство къ которому принадлежали и Лангобарды.

Между франками въ Галліи, гдѣ вскорѣ послѣ Константина Христіанство признано было, такъ сказать, народною религіею, оно хотя и не нашло особенно благоприятной для себя почвы, но и не встрѣтило также слишкомъ упорнаго сопротивленія, при томъ же, нерасположеніе къ новой вѣрѣ продолжалось не долѣе конца пятого вѣка, когда Хлодвигъ I, побуждаемый женою своею Клотильдою и обѣтомъ даннымъ имъ въ критическій моментъ сраженія подъ Цюльпихомъ въ 496 г. добровольно отрекся отъ языческой вѣры.

Хлодвигъ, воспріявъ св. крещеніе отъ рукъ святого Ремигія въ Реймсѣ, по обряду католической церкви, выступилъ вскорѣ гонителемъ аріанскаго ученія провозгласивъ его ересью. Къ нему примкнули алеманы и другія германскія племена, такъ что, для торжества католической церкви все болѣе и болѣе стало уменьшаться число послѣдователей аріанскаго ученія, признававшаго въ Иисусѣ Христѣ не единосущнаго Сына Божія, но человѣка, пока наконецъ съ паденіемъ лангобардскаго королевства въ началѣ осьмаго вѣка, ученіе это само не заглохло совершенно.

Крещеніе Хлодвига окончательно рѣшило первенство франковъ надъ западными народами. До вступленія его на царство, въ 486 г., народы эти между собою жили нетолько въ постоянныхъ раздорахъ, но и въ отношеніи культа и національности своей остались чуждыми ороманившемуся населенію Галліи. Положеніе это измѣнилось послѣ того какъ Хлодвигъ въ составъ народа своего формально включилъ галловъ, и, по наущенію высшаго духовенства, покоривъ вестготовъ слѣдовавшихъ еще аріанскому ученію, государство ихъ присоединилъ къ своей державѣ; и наконецъ, частью усмиряя, частью истребляя всѣхъ франскихъ королей, онъ такимъ образомъ успѣлъ утвердить единовластіе. Съ этого времени могущество франковъ постоянно возрастало; границы и внутреннія силы государства увеличивались, несмотря на то даже, что вскорѣ по смерти Хлодвига государство было раздѣлено, и что подобныя раздѣлы повторялись не разъ до воцаренія каролинговъ, а государство вообще подвергалось многочисленнымъ смутамъ.

Съ другой стороны франки лишь весьма туго подвигались на пути умышленнаго прогресса. Свойственная изстари всѣмъ германскимъ племенамъ необузданность и дикость нрава, пустила слишкомъ глубокіе корни въ характерѣ франковъ, такъ что имъ не легко было усвоить себѣ римскую образованность встрѣченную ими въ Галліи. Благодаря постояннымъ войнамъ которыя они вели въ этой странѣ пока ихъ не слилъ еще Хлодвигъ въ одинъ народъ вмѣстѣ съ галльскимъ населеніемъ, и разбогатѣвъ отъ награбленной ими добычи, наряду съ этими качествами между ними развились и начатки той безнравственности и одичалости, о которой въ ужасающихъ картинахъ

свидѣтельствуется исторія королей изъ дома Меровея, т. е. исторія династїи „Меровинговъ,“ угасшей съ Хильперикомъ III въ 752 году.¹ Даже послѣ обращенія франковъ въ Христіанство все еще продолжалось это состояніе нравственнаго упадка, и хотя оно въ послѣдствїи нѣсколько смягчилось благодаря вмѣшательству и вліянію духовенства, основавшаго церкви и монастыри, тѣмъ не менѣе, для совершеннаго искорененія зла нужна была мощная свѣтская рука, какая послѣ прекращенія вполнѣ развратившагося рода меровинговъ, явилась въ лицѣ Карла великаго.

То что подготовлено было энергическими предшественниками Карла, Пипиномъ Геристальскимъ, Карломъ Мартелломъ, Карломанномъ, Грифономъ и Пипиномъ малымъ (родителемъ Карла), въ ихъ качествѣ майордомовъ (домоправителей), все это Карлъ великій привелъ въ исполненіе самымъ блестящимъ образомъ когда по смерти брата своего въ 771 г. онъ наслѣдовалъ всему государству. Будучи въ душѣ нѣмцемъ и глубоко проникнутъ христіанскимъ духомъ, и одаренъ ктому же воспримчивостію къ искусству и наукамъ, онъ все вниманіе свое обратилъ на то чтобы силою меча не только упрочить могущество и значеніе своего народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ также укрѣпить и возвысить его духъ, знакомя его съ остатками римской образованности. Какъ ревностный поборникъ Христіанства и непреклонный полководецъ, онъ поставилъ себѣ главной задачею покореніе остальныхъ языческихъ племенъ. Никогда не отчаяваясь въ счастїи и не теряя изъ-виду цѣли своей, возстановляя въ собственномъ государствѣ спокойствіе и порядокъ и воюя безпрестанно съ саксами, онъ въ немногіе годы, до 786, покорилъ остатки лангобардскаго королевства, затѣмъ въ 787 до 789 баварцевъ и вильцевъ, и вскорѣ потомъ въ 791 по 799 г. многочисленныя племена аваровъ, обитавшихъ въ нынѣшней Австріи, въ которой съ этого времени водворилось нѣмецкое населеніе. Вслѣдствіе этихъ побѣдъ и другихъ, одержанныхъ Карломъ въ Испаніи, слава объ немъ проникла до отдаленнаго востока. Въ 800 г. Карлъ великій былъ коронованъ въ Римѣ папою Львомъ III, римскимъ императоромъ; въ 803 г. онъ довершилъ покореніе и обращеніе въ Христіанство саксовъ; потомъ, отъ 805 по 806 г. велъ удачную войну противъ чеховъ, такъ что, умирая въ 814 г. въ своемъ дворцѣ въ Ахенѣ, онъ оставилъ сыну Лудовику благочестивому имперію обнимающую кромѣ Франціи и Голландіи, значительнѣйшую часть Германіи, Истрію, почти всю Италію, и Испанію до рѣки Эбро, и сверхъ того онъ принудилъ чеховъ и сербовъ платить ежегодную дань.

Ни Лудовику благочестивому, прямому наслѣднику Карла, ни комулибо изъ позднѣйшихъ каролинговъ, не была подъ силу великая задача не только управлять столь обширнымъ государствомъ, но даже сохранить его въ цѣлости. Лудовикъ, не обладая достаточною силою души чтобы даже заставить духовенство и знать уважать въ немъ царское величіе, принужденъ былъ въ 817 г. раздѣлить имперію между тремя сыновьями своими Лотаромъ, Пипиномъ и Лудовикомъ. Вслѣдствіе этого раздѣла меж-

¹ J. W. Loebell. Gregor von Tours и пр. 1839.

ду братьями возникли раздоры за престолъ и кровавыя смуты, продолжавшіяся даже между потомками ихъ. Гибельныя послѣдствія такого положенія дѣлъ усложнились еще болѣе слабымъ характеромъ большей части этихъ потомковъ, и сверхъ того также безпрерывными набѣгами венгровъ, норманновъ и сарациновъ, такъ что наконецъ заключенъ былъ въ 843 г. раздѣльный договоръ въ Вердѣнѣ, въ силу котораго государство раздѣлено было на три большія области, Францію, Германію и Италію, причемъ и положено было начало къ постепенному раздѣленію по народностямъ населеній этихъ областей. Однако, хотя въ сущности такимъ образомъ устранена была главная причина смутъ, тѣмъ не менѣе прочный порядокъ водворился не ранѣе какъ по престѣненіи карловингова дома, т. е. по смерти Лудовика III малаго въ 911 году.

Въ Германіи порядокъ установился впервые послѣ кратковременнаго и не особенно счастливаго правленія свободно-избраннаго короля Конрада I, когда въ лицѣ герцога Генриха I „птицелова“ воцарился полный свѣжей силы, родъ саксонскихъ герцоговъ. Въ Генрихѣ страна пріобрѣла наконецъ мужа обладавшаго съ врожденной кротостью, умомъ и энергіею для того чтобы справиться съ глубокимъ разстройствомъ въ которомъ находилась страна. Онъ счумѣлъ водворить въ ней спокойствіе и укрѣпить связь германскихъ земель съ короною; потомъ, покоривъ чеховъ, завладѣлъ Лотарингіею и одержавъ рѣшительную побѣду надъ венграми при Мерзебургѣ въ 933 г. онъ дѣлами своими упрочилъ могущество свое даже за предѣлами своего государства.

Переустройство предпринятое такъ счастливо Генрихомъ, послѣ кончины его въ 936 г. продолжалъ съ такоюже осмотрительностью и энергіею, сынъ его и наслѣдникъ Оттонъ I. Съ болѣшимъ еще вниманіемъ чѣмъ отецъ его онъ сталъ слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Италіи, гдѣ именно въ это время неурядицы и безпрестанные захваты власти узурпаторами стали принимать опасныя размѣры. Оттонъ, будучи призванъ на помощь Адельгейдою, вдовою умершаго въ юныхъ лѣтахъ короля Италіи Лотара, заточенною въ темницѣ графомъ Беренгаромъ, воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ и, усмиривъ предварительно отложившихся славянъ, выступилъ съ войскомъ противъ Беренгара. Побѣдивъ врага онъ женился на молодой вдовѣ Адельгейдѣ, и ставъ такимъ образомъ обладателемъ италянскій короны, присоединилъ ее опять къ Германіи отъ которой она была отдѣлена въ 887 г., при Карлѣ толстомъ. Въ продолженіе этого времени, съ 826 г. сарацины водворились въ южной Италіи и заняли также Сицилію.

Такуюже энергію какую обнаружилъ Оттонъ въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ выказалъ также при усмирении внутри имперіи многократныхъ возстаній вельможъ и вассаловъ, которыхъ, частью убѣжденіемъ, частью силою принудилъ подчиниться законамъ государства. Когда, воспользуясь этими смутами, Венгры въ 955 г. значительною силою вторглись въ его имперію, онъ нанесъ имъ такое рѣшительное пораженіе при Аугсбургѣ на Леховомъ полѣ, что они навсегда прекратили свои набѣги.

Обладая съ 961 г. ломбардійскою короною, онъ въ 962 году заставилъ короновать себя въ Римѣ папою императоромъ, послѣ чего вскорѣ вступилъ въ

переговоры съ Византією, прося для сына своего Оттона руки цесаревны Теофаны. Оттонъ, бывъ провозглашенъ наслѣдникомъ еще въ 961 г. для большаго скрѣпленія соединенія Италіи съ Германією, а въ 967 г. даже коронованъ императоромъ, вслѣдъ за кончиною отца своего въ 973 г., и спустя годъ послѣ совершенія брака, принялъ бразды правленія надъ всей имперією.

Съ присоединеніемъ вновь италіянскаго королевства къ Германіи начались опять поѣздки нѣмецкихъ императоровъ въ Римъ, прекратившіяся было послѣ низложенія Карла толстаго ¹. Съ этихъ поръ главнымъ образомъ началась роковая связь Германіи съ Италією, продолжавшаяся вплоть до прекращенія династіи Гогенштауфеновъ, связь, имѣвшая конечно значительное вліяніе на развитіе образованія въ Германіи, и раскрывшая передъ нею сокровищницу классической древности, но тѣмъ не менѣе бывшая источникомъ великихъ для нея бѣдствій. Благодаря этой связи даже самымъ могущественнымъ изъ государей приходилось истощать свои силы въ изнурительной борьбѣ противъ папъ и въ подавленіи покушеній отложиться со стороны подвластныхъ имъ герцоговъ и всего дворянства.

Отношенія эти наконецъ приняли столь опасный оборотъ еще при самомъ Оттонѣ I, что послѣдній принужденъ былъ низложить папу Іоанна XII и предпринять лично путешествіе въ Италію. Положеніе это ухудшилось затѣмъ еще болѣе при преемникахъ его Оттонѣ II и Оттонѣ III, вслѣдствіе постоянно возраставшихъ внутреннихъ смутъ. Оттонъ II, будучи принужденъ въ первое время царствованія своего сосредоточить силы свои частью противъ поляковъ и чеховъ, частью противъ Франціи, могъ удѣлить на дѣла въ Италіи лишь крайне необходимыя силы. Сынъ и наслѣдникъ его Оттонъ III, напротивъ, почти все свое вниманіе сосредоточилъ на одну только Италію. Вслѣдствіе воспитанія полученнаго имъ отъ матери Теофаны и бабушки Адельгейды, онъ съ молодыхъ лѣтъ вообще склонялся болѣе къ римскимъ нежели къ германскимъ обычаямъ, за что и не пользовался любовью своего народа. Онъ предпочиталъ жизни въ собственномъ государствѣ пребываніе въ Италіи, и каждый разъ когда туда отправлялся, онъ оставался въ этой странѣ гораздо долѣе чѣмъ того требовали обстоятельства. Естественнымъ послѣдствіемъ такого пристрастія къ Италіи было то, что связь соединявшая ее съ Германією под конецъ значительно ослабла. Во время третьяго отсутствія Оттона, которое почти равнялось переселенію, германскіе князья, опасаясь чтобы государство ихъ не упало на степенъ италіянской провинціи, стали совѣщаться о мѣрахъ могущихъ предотвратить опасность, но въ это время, въ 1002 г. умеръ императоръ Оттонъ, какъ говорила молва отъ яда.

Избраніе Генриха II, возбудивъ продолжительныя внутреннія и вѣшнія усобицы и войны, лишь мало содѣйствовало скорому и прочному скрѣпленію сильно расшатаннаго государственнаго тѣла, такъ что для полнаго возстановленія прежняго его могущества нужна была энергическая помощь.

¹ D. Nasemann. Die Römerzüge и пр. 1855.

Въ 1024 г. со смертью Генриха II прекратился саксонскій императорскій домъ и возведена была на престолъ въ лицѣ Конрада II династія франкская.

Какъ ни трудна была задача которая досталась Конраду, но обладая вполне качествами необходимыми для ея разрѣшенія, онъ сумѣлъ опять водворить въ имперіи давно желаемое спокойствіе. Возвѣстивъ особою грамотою „Божій миръ“ онъ этимъ еще болѣе упрочилъ внутреннюю связь государства. Кромѣ того онъ значительно содѣйствовалъ поднятію торговли и ремеслъ учредивъ въ главныхъ торговыхъ мѣстахъ особые торговые суды.

Послѣ смерти Конрада въ 1039 г. власть перешла къ сыну его Генриху III черному. Энергія, смѣлость и предпріимчивый духъ, невиданные со временъ Карла великаго ни въ одномъ изъ прежнихъ правителей, поставили государство на высочайшую степень могущества и славы. Подобно Карлу непоколебимый въ рѣшеніяхъ своихъ, Генрихъ никогда не отступалъ даже передъ жестокостью, и въ продолженіе своего правленія низложилъ трехъ папъ. Не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, онъ съ крайней суровостью укрощалъ враговъ своихъ и безпощадно наказывалъ сопротивлявшихся ему вельможъ. Подобными дѣйствіями, и поддѣрживая строгими постановленіями „миръ Божій“, Генриху удалось сохранить порядокъ и упрочить благосостояніе гражданъ; но съ другой стороны, онъ противъ себя возстановилъ дворянство и высшее духовенство, и раздраженіе ихъ, слѣдствовавшее въ его правленіе, по смерти его въ 1056 г. разразилось самыми гибельными послѣдствіями надъ сыномъ его и наслѣдникомъ Генрихомъ IV.

Безчисленные бѣдствія которыми во время малолѣтія Генриха надѣлили Германію честолюбивые воспитатели его, захватившіе въ свои руки управленіе государствомъ, на долго поколебали въ народѣ обаяніе верховной власти, и ввергли вновь государство въ глубокое разстройство. И даже въ позднѣйшее время, когда, въ сознаніи величія своего, Генрихъ въ отмщеніе за понесенное имъ церковное покаяніе, низложилъ папу Григорія VII, и усмиривъ герцога Рудольфа швабскаго, провозглашеннаго между тѣмъ императоромъ, ему удалось водворить въ Германіи спокойствіе только на весьма короткое время, такъ какъ умы въ ней до крайности были возбуждены воззваніями къ крестовому походу и кровавымъ гоненіемъ на евреевъ. Наконецъ, лишившись всего черезъ младшаго сына своего Генриха, и принужденный бѣжать, онъ въ 1106 г. умеръ въ Люттихѣ.

Частыя отсутствія Генриха V изъ Германіи, вынуждаемые его борьбою съ папствомъ еще болѣе усилили въ ней мятежническія усобицы. Онъ умеръ въ 1125 г. не успѣвъ возстановить спокойствіе въ государствѣ и съ нимъ прекратился домъ франкскихъ императоровъ. Ему наслѣдовалъ Лотарь (II) саксонскій (1125—38), но и при немъ не прекратились раздоры терзавшіе имперію, а напротивъ, даже усилились еще болѣе вслѣдствіе покровительства оказываемаго имъ нѣкоторымъ лѣннымъ князьямъ, стараясь ослабить другихъ, какъ имъ. пр. домъ Гогенштауфеновъ.

Съ избраніемъ этого дома въ лицѣ Конрада III (въ 1138 г.), бразды правленія перешли въ руки одной изъ самыхъ энергическихъ, благородныхъ и до-

стойныхъ династій. Первые годы Конрадова царствованія были посвящены частью улаженію споровъ о владѣніяхъ съ имперскими князьями, частью приготовленіямъ къ новому крестовому походу (1145—49), окончившемуся для него самымъ бѣдственнымъ образомъ. Въ позднѣйшіе годы, упорныя и безуспѣшныя войны его противъ поляковъ, ему не позволили съ надлежащимъ вниманіемъ слѣдить за внутренними дѣлами имперіи, но при всемъ томъ, невзирая на постигнувшія его несчастія, онъ успѣлъ остановить на время дальнѣйшее распаденіе государственнаго тѣла, и при кончинѣ своей, устранивъ отъ престола малолѣтнаго сына своего, онъ оставилъ въ цѣлости государство племяннику своему Фридриху I, Барбаросса.

При желѣзной твердости и безпощадной строгости какія обнаружилъ Фридрихъ I когда послѣ коронованія своего въ Франкфуртѣ онъ принялъ въ свои руки правленіе, ему навѣрно удалось бы на долго упрочить въ Германіи внутренній миръ, еслибы въ продолженіе своего царствованія онъ не обратилъ силы свои, еще въ большей степени чѣмъ предшественники его, почти исключительно только на италіянскія дѣла и на борьбу съ папою.

Эти роковыя войны принудившія Фридриха шесть разъ совершить продолжительные походы въ Италію, и окончившіяся только со смертію его, постигшею его во время крестоваго похода въ 1190 г. положили начало главнымъ образомъ той разрозненности отъ которой доселѣ еще страдаетъ Германія *. Между тѣмъ, онъ не только расширилъ предѣлы имперіи, но и значительно поднялъ ея внутреннее благосостояніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ извнѣ упрочилъ достоинство и величіе ея.

Сынъ и наслѣдникъ Фридриха, Генрихъ VI, далеко не обладалъ благородными качествами отца своего, и несмотря на то что вообще ему благоприятствовало счастье, ему не удалось упрочить за своею династією императорскую власть. Еще при жизни своей онъ принудилъ князей присягнуть въ вѣрности сыну его Фридриху, но вскорѣ по кончинѣ Генриха, присяга была забыта и въ Германіи снова загорѣлась опустошительная междоусобная война двухъ враждебныхъ партій. Избранный одною изъ нихъ королемъ, Филиппъ швабскій, въ 1208 погибъ отъ руки убійцы; король противной ей партіи, Оттонъ IV брауншвейгскій, потерпѣвъ рѣшительное пораженіе при Бувинѣ (1214), долженъ былъ удалиться въ свои родовыя владѣнія, и только послѣ этого Фридрихъ II признанъ былъ императоромъ всею Германією.

Царствованіе Фридриха II доставило государству лишь кратковременное и непрочное спокойствіе. Оно ознаменовалось непрерывною борьбою императорства съ папствомъ; борьбою, окончившеюся однако торжествомъ послѣдняго, выдвинувшаго орудіями своими противъ Фридриха анти-императоровъ въ лицѣ Генриха Распе тюрингенскаго, а послѣ пораженія его, Вильгельма голландскаго. Фридрихъ воевавшій между-тѣмъ въ Италіи, и угрожаемый со всѣхъ сторонъ, послѣ тщетныхъ усилій примириться съ папою, умеръ не бывъ оцѣненъ по достоинствамъ своимъ и ненавидимый многими.

* Это было писано въ шестидесятыхъ годахъ.—Пр.

Послѣ низложенія Фридриха II, борьба намѣстника его Конрада противъ Вильгельма голландскаго довела Германію до окончательнаго разстройства. Конрадъ, помышлявшій скорѣе объ утвержденіи власти своей въ Италіи чѣмъ о войнѣ въ Германіи, и съ этою цѣлью ввѣрившій управленіе въ ней намѣстнику, открылъ, такимъ образомъ князьямъ и городамъ широкій просторъ добиваться давножелаемой ими самостоятельности и независимости. При такихъ обстоятельствахъ, которыя притомъ еще болѣе усложнились со смертію Конрада и его противника, государственная власть на столько лишилась обаянія, что никто изъ нѣмецкихъ князей не рѣшался принять упраздненную германскую корону, такъ что ее приобрѣлъ за деньги Ричардъ Кромвель, братъ Генриха III англійскаго. Только въ 1272 г., т. е. спустя тринадцать лѣтъ, и когда уже умеръ Ричардъ, и Конрадинъ швабскій погибъ отъ руки палача, имперскіе князья наконецъ избрали изъ среды своей достойнаго правителя въ лицѣ Рудольфа I. габсбургскаго.

Въ виду совершенно измѣнившагося между тѣмъ положенія государства, для возстановленія въ немъ хотя нѣсколько обезпеченнаго закономъ порядка и спокойствія, нужна была теперь не столько энергія и рѣшительность, сколько вѣрное пониманіе тогдашнихъ обстоятельствъ, и умѣнье правильно пользоваться ими. Всѣ эти качества въ связи съ свѣтлымъ умомъ и честностью соединялъ въ себѣ Рудольфъ, такъ что ему дѣйствительно удалось, если и не совсѣмъ предотвратить неминуемое распаденіе имперіи, то по крайней мѣрѣ остановить дальнѣйшее ея развитіе. Сознавая вполнѣ что власть „германскаго императора“ глубоко упала, и что всѣ усилія сопротивляться стремленію къ свободѣ князей и городовъ останутся тщетными, Рудольфъ рѣшился формально утвердить привилегіи которыя послѣдніе приобрѣли или присвоили себѣ самовластно, а князей старался привязать къ себѣ тѣмъ, что дочерей своихъ выдалъ за самыхъ могущественныхъ изъ нихъ, какъ-то за графовъ пфальцскаго, саксонскаго, баварскаго и бранденбургскаго. Единственною заботою его стало упрочить порядокъ въ Германіи и увеличить могущество имперіи, и оставляя безъ вниманія Италію онъ отказался даже отъ верховныхъ правъ своихъ на римскую область въ пользу папы, и такимъ образомъ положилъ основаніе свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ надъ церковною областью. Побѣда одержанная имъ надъ Отто каромъ богемскимъ доставила ему всѣ австрійскія области, а разрушеніе многочисленныхъ разбойничихъ замковъ и установленіе законовъ для обезпеченія внутренняго мира, водворили всюду въ странѣ спокойствіе. Не пользуясь любовью народа, а скорѣе внушая къ себѣ ненависть и страхъ, ему не удалось, наперекоръ желанію имперскихъ князей, добиться избранія сына своего Альбрехта римскимъ королемъ. Вслѣдъ за кончиною Рудольфа въ 1291 г., начались происки имперскихъ князей въ пользу Адольфа нассаускаго, избраніе котораго послѣдовало спустя десять мѣсяцевъ и возбудило вновь безпорядки, окончившіеся только побѣдою Альбрехта надъ Адольфомъ павшимъ въ 1293 г. въ сраженіи при Гельгеймѣ. Завоевавъ такимъ образомъ верховную власть, Альбрехтъ I (австрійскій), посредствомъ строгихъ и насильственныхъ мѣръ мало по малу водворилъ опять въ Германіи законный порядокъ. Но и на этотъ разъ спокойствіе было непродолжительно, ибо вскорѣ послѣ того какъ Альбрехтъ въ 1308 г. былъ убитъ племянникомъ своимъ

Іоанномъ швабскимъ, возобновились опять раздоры, послужившіе графамъ и князьямъ весьма удобнымъ случаемъ еще съ большею настойчивостью расширить самовластно присвоенныя ими права.

Опустошенія коими сопровождались переселеніе народовъ и основаніе государствъ въ Германіи, не могли благотворнымъ образомъ вліять на развитіе нравовъ и общественной жизни. Какъ въ германскихъ племенахъ утвердившихся въ Италіи и въ ороманившихся провинціяхъ римской имперіи, такъ и въ чисторимскомъ населеніи этихъ странъ, переворотъ, вызванный указанными событіями, долженъ былъ неминуемо произвести смѣшеніе народностей, при чемъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности должна была утратить свой первоначальный характеръ. И несмотря на то что въ особенности племя остъ-и вестъ-готовъ, бургунды и съ ними лангобарды, каждое по мѣрѣ свойственной ему воспріимчивости, усвоило себѣ образованность побѣжденнаго имъ народа, а племена внутри германіи долго еще сохраняли первобытную простоту нравовъ, тѣмъ не менѣе однако, всѣ эти начатки высшей культуры заглохли вскорѣ опять, когда господство досталось въ руки вполне одичалымъ франкамъ. До воцаренія каролинговъ крайній нравственный упадокъ и дикая грубость составляли отличительную черту характера народовъ вездѣ на западѣ, исключая развѣ только нѣкоторыхъ отраслей въ югозападной Галліи и вестготовъ въ Испаніи.

При такомъ положеніи дѣлъ, даже энергія самого Карла великаго въ первое время могла благотворно и успѣшно дѣйствовать на развитіе лишь отдѣльныхъ сторонъ народнаго быта; и потому, какъ ниблестящи были успѣхи пріобрѣтенныя имъ силою оружія, однако вліяніе его на нравы осталось вообще ничтожнымъ. Всѣ усилія Карла дать болѣе здоровое направленіе жизни германскаго народа, стараясь, съ одной стороны, воскресить въ немъ древній духъ, съ другой, сберегая и распространяя остатки римской образованности, были постигнуты и оцѣнены вполне только немногими избранными умами изъ близкихъ ему людей. Напротивъ, въ массѣ народа, не обладавшей достаточною подготовкою ни воспріимчивостью, мѣры которыя проводилъ этотъ государь съ безпощадною строгостью и не обращая вниманія на незрѣлость народа, еще болѣе усиливали въ немъ умственную анархію и привели только къ одному внѣшнему усвоенію, большею частью неправильно понятымъ, элементовъ римской образованности. Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ его заботъ была сильная реакція противъ его образовательныхъ плановъ, обнаружившаяся вскорѣ послѣ его кончины, и поддерживаемая раздорами возникшими между его наслѣдниками. Въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ безпрестанныхъ смутъ и опустошительныхъ набѣговъ дикихъ венгровъ и норманновъ, всѣ дальнѣйшія старанія на этомъ пути отодвинуты были на задній планъ, и принужденіе съ какимъ народъ имъ покорялся, подконецъ смѣнилось всеобщимъ пренебреженіемъ всякимъ умственнымъ прогрессомъ. Въ продолженіи этого смутнаго времени, когда политическій произволъ замѣнилъ законъ и гражданскій порядокъ, монастыри, и главнымъ образомъ нѣкоторые нѣмецкіе монастыри ¹, стали единственными убѣжищами и хранилищами наукъ

¹ K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste. III. стр. 493 и сл.

и искусствъ, вслѣдствіе чего еще болѣе стало увеличиваться разстояніе отдѣлявшее и прежде духовное сословіе отъ мірянъ.

Съ прекращеніемъ династіи каролинговъ и послѣдовавшимъ затѣмъ окончательнымъ раздѣленіемъ различныхъ народныхъ группъ на три большія государства, Германію, Францію и Италію, произошла также коренная перемѣна въ бытовыхъ отношеніяхъ этихъ народовъ. Первый значительный толчекъ къ этому подало главнымъ образомъ болѣе тѣсное соединеніе между собою германцевъ при саксонскихъ императорахъ Генрихъ I и Оттонъ I. Тогда какъ во Франціи и Италіи продолжались внутреннія безурядицы, а въ первомъ изъ названныхъ государствъ преобладающее господство знатныхъ тормозило всякій прогрессъ, въ это же время въ установившейся „германской имперіи“, благодаря дѣятельности и энергіи названныхъ государей, подготавливалась успѣшно почва для свободнаго развитія народа. Съ восстановленіемъ спокойствія и порядка въ Германіи, и возобновленіемъ сношеній ея съ Италіею, какъ бы впрочемъ гибельны онѣ ни были съ политической точки зрѣнія, стала мало-по-малу пробуждаться любовь къ искусству и наукамъ; и несмотря на то что длязанятія классическими науками приносились въ жертву преданія народной старины, тѣмъ не менѣе оно содѣйствовало очищенію вкуса и смягченію нравовъ. Правда, что на первыхъ порахъ плодами отъ этихъ занятій воспользовалась не масса народа, но единственно только духовенство, такъ какъ оно именно почти исключительно обладало надлежащею для этого подготовкою; однако, въ виду господствовавшей общей скудости научныхъ знаній, такое явленіе составляло уже значительный шагъ впередъ на пути всеобщаго развитія. Вообще же, съ этого времени весь хаосъ разнообразныхъ представленій, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ, въ которомъ безотчетно вращались умы, сталъ принимать болѣе опредѣленный образъ, и ходъ общаго умственнаго развитія отъ этого пріобрѣлъ болѣе твердое основаніе. Подъ мощнымъ правленіемъ названныхъ государей дѣло обращенія язычниковъ въ Христіанство постоянно расширялось, обрядность и уставы римско-католической церкви развивались, и въ монастыряхъ какъ и въ учреждавшихся вновь монастырскихъ училищахъ, примѣръ подаваемый лично Оттономъ возбуждалъ самое живое рвеніе къ занятію науками и искусствами. Наконецъ, развитіемъ лѣнной системы, сооруженіемъ укрѣпленныхъ замковъ и учрежденіемъ епископствъ, положены были первыя сѣмена къ развитію въ послѣдствіе времени прочныхъ гражданскихъ и общинныхъ порядковъ ¹. Около этого же времени въ области художественной дѣятельности возникла болѣе самостоятельная форма изображенія, выразившаяся въ такъ-называемомъ—романскомъ стилѣ.

Между тѣмъ какъ среди постоянныхъ внутреннихъ и вѣншихъ колебаній и броженій, дѣло образованія хотя и медленно подвигалось впередъ, народъ, въ пробудившемся сознаніи грѣховности своей, не безъ страха и трепета взиралъ на приближавшійся исходъ десятаго вѣка, ибо, на основаніи давно распространившагося предсказанія, съ наступленіемъ одиннадцатаго столѣтія всѣ ожидали неминуемой кончины свѣта и суда Божія надъ грѣшниками ². „Однако, старый міръ продолжалъ существовать. И по мѣрѣ того

¹ K. Hüllmann Städtewesen des Mittelalters. Bonn 1836—29. — ² K. Schnaase. Gesch. des bild. Künste. IV. 1 Abth. стр. 9 и сл.

какъ исчезалъ страхъ и воскресала надежда на новую жизнь, душевная тоска овладѣвшая сердца́ми людей замѣнялась потребностью покаянія и совершенной преданностью волѣ Провидѣнія. Исполненные чувства благодарности за свое избавленіе, люди другъ другу наперерывъ стали соревновать въ богоугодныхъ дѣлахъ, путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ, жертвованіяхъ на монастыри и церкви и пр. Казалось, — говоритъ лѣтописецъ, — будто міръ, совлекши съ себя все вѣтхое, готовился облечь себя въ блистающія бѣлизною, праздничныя богослужебныя ризы⁴.

Въ царствованіе двухъ первыхъ франкскихъ императоровъ Конрада II и Генриха III сѣмена гражданственности успѣли уже пустить прочныя корни, и въ тоже время торговля и промышленность пріобрѣли болѣе самостоятельности и свободы. Вслѣдствіе этихъ и другихъ, болѣе внѣшнихъ условій вытекавшихъ главнымъ образомъ изъ развитія дворянскихъ и лѣнныхъ отношеній, въ это самое время благодаря преобладающему вліянію духовенства, положено было начало будущему различію въ нравахъ и образѣ жизни сословій дворянъ и гражданъ.

Какъ ни слаба была при такихъ условіяхъ внутренняя связь общественныхъ отношеній, и какъ ни бѣдны были вообще формы тогдашней жизни, однако въ царствованіе упомянутыхъ государей, формы эти успѣли уже на столько окрѣпнуть, что дальнѣйшее развитіе ихъ въ данномъ направленіи могло совершиться съ болѣею свободою. Не взирая на безпрестанныя смуты и многочисленныя перемѣны коимъ подвергалось внутреннее управленіе государства въ продолженіе злополучнаго царствованія Генриха IV¹, общественныя отношенія тѣмъ не менѣе стали все болѣе и болѣе принимать рѣзко опредѣленный отпечатокъ. Всему этому, конечно, весьма много содѣйствовало съ одной стороны и то, что Генрихъ съ болѣею послѣдовательностью чѣмъ предшественники его заботился о процвѣтаніи городовъ, надѣляя ихъ преимуществами подвинувшими въ значительной степени впередъ торговлю и общественныя сношенія; съ другой, крестовые походы, положившіе начало образованію замкнутой въ себѣ корпораціи рыцарей, наряду съ развивавшимся сословіемъ гражданъ. Съ самаго начала крестовыхъ походовъ духовенство снова пріобрѣло значительный перевѣсъ, который съ этого времени оно тѣмъ болѣе ревностно старалось за собою удержать, что оно жестоко было притѣсняемо прежде Генрихомъ пятымъ.

Послѣ того какъ городская община въ силу дарованныхъ ей привилегій, нѣкоторымъ образомъ сравнена была съ прочими государственными учрежденіями, значеніе ея въ короткое время значительно возросло. Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій этого было то, что всѣ занимавшіеся однороднымъ промысломъ, для большаго огражденія интересовъ своихъ стали тѣснѣе сближаться и составлять особыя товарищества, — цехи, гильдіи, артели¹, послужившіе прочнымъ основаніемъ ихъ будущему благосостоянію, и давшіе вмѣстѣ съ тѣмъ развитію городского быта направленіе соотвѣтственное общинному устройству. Тогда какъ, по крайней мѣрѣ вплоть до начала двѣ-

¹ W. E. Wild a. Das Gildewesen im Mittelalter. Halle 1831.

надцатаго вѣка, горожане страдали отъ произвола и постоянныхъ притѣсненій дворянства, по большой части грубаго, надменнаго и войнолюбиваго, положеніе ихъ теперь благодаря болѣе вѣрному пониманію собственной силы, измѣнилось уже на столько, что они въ состояніи были дать отпоръ притѣснителямъ прибѣгая нерѣдко даже къ оружію для защиты своихъ правъ. По мѣрѣ того какъ города и цехи, образовавъ изъ себя правильно вооруженную силу, неутомимымъ рвеніемъ своимъ съумѣли мало-по-малу возвыситься на степень сильныхъ и уважаемыхъ корпорацій, въ нихъ стало быстро возрастать сознание собственнаго достоинства, содѣйствовавшее еще большому скрѣпленію и объединенію общественныхъ отношеній. Для огражденія гражданъ отъ грубости и произвола сильныхъ были изданы строгія постановленія обезпечивавшія личныя права и собственность; и учрежденіемъ особаго совѣта изъ гражданъ дано было определенное и законное направленіе развитію городской жизни. Пробудившимся сознаниемъ пріобрѣтенной личной свободы, въ связи съ необходимостью взаимной поддержки, проложенъ былъ путь къ будущему общественному самоуправленію. Съ умноженіемъ дохода увеличились потребности, и въ тоже время стали возрастать требованія, которыя каждый членъ общества налагалъ на себя и равно на всѣхъ окружавшихъ его. Такому положенію благопріятствовало еще въ особенности и то, что при самомъ возникновеніи городовъ въ нихъ поселились отчасти свободные, отчасти лѣнно-обязанные собственники, которые теперь совокупно съ оскѣлыми имперскими и епископскими чиновниками, и въ качествѣ соучаствующихъ въ общемъ управленіи, пользовались привилегированнымъ положеніемъ. Отсюда возникло непосредственно первенствующее сословіе „патріцевъ“, а затѣмъ, по образцу его, среди гражданъ самихъ, и смотря по ихъ происхожденію, личному достоинству или даже капиталу, образовались строго определенныя разряды чиновъ. Все это, однакоже, были пока болѣе или менѣе одни только начатки, да и само общество въ городахъ вообще еще мало созрѣло для высшихъ, духовныхъ интересовъ, и главнымъ образомъ стремилось лишь къ полезному и практическому.

Несравненно шире и свободнѣе выработались формы жизни на почвѣ родовой или унаслѣдованной, личной свободы, среди оскѣлаго дворянства или „благороднаго“ рыцарства ¹, при дворахъ и въ замкахъ, вдали отъ городовъ. Хотя и въ этой средѣ, въ особенности съ учрежденія лѣнныхъ отношеній, образовались извѣстныя степени чиновъ, восходившія отъ мелкаго дворянства до самыхъ высшихъ чиновъ и даже до государя, однако все эти чины связывало сознание единаго происхожденія, и пріобрѣтеннаго каждымъ при рожденіи права носить оружіе. Въ рѣзкую противоположность горожанамъ, присвоившимъ себѣ оружіе только для защиты своего имущества, свободно-рожденное дворянство пользовалось оружіемъ по праву рожденія, какъ средствомъ, искони и исключительно только ему принадлежащимъ, для умноженія имущества и расширенія своей власти. Не заботясь нисколько о доставленіи себѣ удобствъ жизни, цѣною того тяжелаго физическаго и ум-

¹ Литература исторіи рыцарства довольно обширна. Подробный указатель относящихся сюда сочиненій у А. Frenzel. Der Führer durch das historische Museum in Dresden и пр. 1850.

ственного труда, какому подвергаться вынужденъ былъ гражданинъ, оно считало себя, напротивъ, въ правѣ отнимать силою добро нажитое послѣднимъ въ потѣ лица. Съ возрастаніемъ городовъ и увеличеніемъ благосостоянія ихъ, значительнѣйшая часть дворянства, преимущественно мелкаго, стала еще въ большей мѣрѣ предаваться свойственной сословію этому страсти къ ссорамъ и дикому своеволію.

Однако, такое положеніе нарушавшее явно общественный порядокъ, именно по этому содѣйствовало главнымъ образомъ нравственному поднятію рыцарскаго сословія. Необходимость обуздывать самоуправство членовъ его, заставляя ихъ подчиняться извѣстнымъ вѣшнимъ стѣсненіямъ, сознавалась даже самими рыцарями, и побудила ихъ приступить къ болѣе правильному устройству ихъ взаимныхъ (или сословныхъ) отношеній. — Первый рѣшительный толчекъ къ этому дала Франція, съ одной стороны, учрежденіемъ въ 1041 г. извѣстнаго „Божія мира“ (*treuga Dei*), въ силу котораго, для окончательнаго рѣшенія споровъ оружіемъ устанавливаемы были опредѣленные сроки; съ другой стороны, преобразованіемъ турнировъ на болѣе правильныхъ началахъ, чему (какъ полагаютъ) содѣйствовалъ умершій въ 1066 г. Годэфриу де Прэлья. Постановленія эти всюду были приняты почти безъ измѣненій, и такъ какъ обязанности налагаемыя ими на отдѣльныхъ лицъ, направлены были главнымъ образомъ къ самымъ благороднымъ цѣлямъ, то благодаря этому, значеніе рыцарства сразу возрасло. Съ этихъ поръ своеволіе рыцарства сдерживалось благодѣтельными предписаніями „страха Божія, охраненія церквей, защиты женщинъ и слабыхъ, честности въ бою, и вѣрности данному слову“, предписаніями, тѣмъ болѣе для него обязательными, что по собственной свободной волѣ оно обязалось клятвою имъ подчиниться. — Однако, хотя предписанія эти какъ и прочія, связанныя съ ними, вѣшнія требованія, еще при самомъ обнародованіи ихъ стали уже обнаруживать благодѣтельное дѣйствіе, тѣмъ не менѣе для полного развитія и придаванія имъ истинно нравственной силы, требовалось глубокаго духовнаго преобразованія ихъ, какое именно произвели вскорѣ крестовые походы. Не будь этихъ походовъ, указанное нами развитіе совершилось бы навѣрно весьма одностороннимъ образомъ, несмотря на то что основаніе его было самое благое, и безъ сомнѣнія оно коснулосьбы главнымъ образомъ скорѣе только формы, нежели внутренняго содержанія. Съ началомъ крестовыхъ походовъ однако, то что прежде было одною лишь условною формою, однимъ только приличіемъ, преобразилось въ новую форму подъ вліяніемъ Христіанскаго воодушевленія и возбужденныхъ имъ воззрѣній, и обѣты подвизаться на пути нравственнаго развитія, произносимые устами только, превратились теперь въ плодотворныя дѣла. — Какъ между гражданами, такъ и среди рыцарства, обнаружилось теперь стремленіе къ внутреннему объединенію, и въ подражаніе образовавшимся прежде уже монашескимъ орденамъ, возникли свѣтскіе и духовные рыцарскіе ордена.

Въ виду этого движенія духовенство продолжало неустанно стремиться къ расширенію своего значенія и могущества, и движимое единственно заботою о личныхъ интересахъ, оно оставалось чуждымъ указанному выше нравственному возрожденію, а въ отношеніе умственнаго развитія вообще по

большой части коснѣло въ невѣжествѣ. Въ Италіи въ особенности, невѣжество духовныхъ лицъ доходило до того, что въ 1085 г. можно было не ошибаясь утверждать, что самъ папа не былъ въ состояніи вполне правильно истолковать текстъ бесѣды, и что рукоположившій его кардиналъ-священникъ не умѣлъ даже правильно читать ¹. Понятно, что было и не мало людей составлявшихъ похвальное исключеніе, и старавшихся всѣми силами противодѣйствовать такому злу, но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ самыя энергическія усилія ихъ могли благотворно дѣйствовать лишь на сравнительно небольшой кругъ людей стремившихся къ просвѣщенію. Вообще же въ это время преимущественно міряне обнаруживали искреннее стремленіе къ умственному обновленію и къ усвоенію болѣе глубокихъ нравственныхъ понятій. Много содѣйствовало такому настроенію и то, что наука изъ рукъ духовенства вскорѣ перешла къ мірянамъ, и подъ влияніемъ схоластической философіи, распространившейся изъ Франціи, здѣсь приобрѣла для себя болѣе твердую почву въ правильно устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ; затѣмъ, что умы все болѣе и болѣе стали обращаться опять къ древней народной поэзіи, причемъ, правда, герои языческихъ сказаній, для христіанскихъ цѣлей преобразованы были въ христіанскихъ героевъ.

Только къ концу двѣнадцатаго вѣка общественная жизнь, послѣ всякаго рода колебаній, какъ будто установилась и достигла небывалаго дотоѣ оживленія; такъ напр. въ 1177 году, когда Фридрихъ I съ папою Александромъ III заключилъ миръ, убѣдившій народъ, что ни императоръ, ни папа не были исключительно призваны надъ нимъ господствовать; потомъ въ 1184 году, ознаменовавшемся великолѣпнымъ „весеннимъ празднествомъ“, устроеннымъ этимъ же государемъ въ Майнцѣ. Стремленіе къ прогрессу, во всѣхъ его направленіяхъ, всюду встрѣчало поощреніе; всѣ стали живѣе сознавать свои личныя права, и каждый членъ общества въ отдѣльности порывался всѣ свои силы посвятить самостоятельному творчеству, и даже посредственности увлекаемы были въ общее движеніе людьми одаренными высшими способностями. Граждане и рыцари стали мало по малу сближаться ², и между тѣмъ какъ первые, благодаря прочно устроенному городскому управленію и возрастающему богатству достигали вполне самостоятельнаго значенія, рыцарство съ его стороны развивалось въ полномъ блескѣ подъ влияніемъ новыхъ воззрѣній и исполняя возложенныя на него обязанности, такъ что между обѣими корпораціями возникло самое благотворное взаимодѣйствіе. — Это живое движеніе которымъ увлечено было даже само духовенство, возбудивъ въ то же время въ высокой степени чувство къ изящному, должно было естественно вызвать художественныя потребности во всѣхъ слояхъ общества. Вообще, какое то мягкое или поэтическое настроеніе заступило теперь мѣсто прежнихъ жесткихъ и рѣзкихъ отношеній, и въ противоположность господствовавшимъ дотоѣ воззрѣніямъ, породило почти безграничное уваженіе и превозношеніе женственности, достигнувшія высшаго идеальнаго выраженія своего въ почитаніи Пресвятой Дѣвы, а затѣмъ и въ томъ своеобразномъ и глубоко захваты-

¹ K. Sehnaase. Gesch. и пр. IV. стр. 146. A. Neander, стр. 200. 227 и 237. — ² Ср. иж. пр. небольшое но весьма любопытное и поучительное сочненіе А. Kaufmann. Cäsarius von Heisterbach. Cöln. 1850. въ особ. стр. 43 и сл.

вающемъ процвѣтаніи искусства, о которомъ столь поразительно свидѣлствуютъ пѣсни миннезенгеровъ, и самые величественные памятники зодчества въ родѣ знаменитаго кѣльскаго собора.

Одежда.

Изъ провинцій римской имперіи, послѣ всей Италіи и южныхъ придунайскихъ областей, (какъ-то, Ретіи, Винделиціи, Норикъ и Панноніи), болѣе другихъ и продолжительнѣе подвергались вліянію Рима съ самаго ихъ покоренія, преимущественно Испанія, Галлія и Британнія. Съ распространеніемъ римской рѣчи, римскихъ обычаевъ и бытовыхъ формъ, въ эти страны проникла также и римская одежда еще въ сравнительно раннюю эпоху. О быстромъ усвоеніи ея народами Испаніи упоминаютъ еще Діодоръ и Страбонъ, какъ о фактѣ которому римляне придавали немалое значеніе, и для отличенія тамошняго населенія (въ особенности же жителей прибрежныхъ Гуадалквивиру), писатели эти называютъ ихъ по римской одеждѣ ихъ „*stolati*“ и „*togati*“¹. Относительно Бриттовъ Тацитъ (*Tacitus Agric. c. 22*), говоритъ что—„и у нихъ тоже вошли въ употребленіе римская одежда и тога“. Наконецъ, тоже самое замѣчаетъ о Галліи Діонъ Кассій, писатель жившій впрочемъ сто лѣтъ позднѣе, называя южную часть этой страны прямо, „*gallia togata*“ (*Dio Cass, XLVI 55.*).

Хотя по отношенію къ періоду времени отъ перваго до третьяго столѣтія² свѣдѣнія эти вообще вѣрны, зато мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о костюмѣ послѣ этого времени вплоть до окончательнаго паденія римской имперіи. Всѣ прочія извѣстія о названныхъ провинціяхъ до этой поздней эпохи ограничиваются большею частью описаніями военныхъ дѣйствій и правовъ, не касающимися въ подробности ни формы одежды, ни измѣненій какимъ по всей вѣроятности она подвергалась въ продолженіе этого времени. По этимъ извѣстіямъ можно однако съ нѣкоторою достовѣрностью заключить, что въ ороманизованныхъ областяхъ, передовые классы, или знать, во всемъ подражали господствовавшей тогда въ римской столицѣ роскоши, и что только въ нисшихъ и большею частью обѣднѣвшихъ, классахъ, сохранились болѣе или менѣе первобытныя народныя особенности. Къ передовымъ сословіямъ принадлежали главнымъ образомъ, римскіе чиновники, и тѣ римскія семейства, которыя, переселившись въ эти страны постепенно, тамъ размножились и по большой части обогатились; затѣмъ, кромѣ туземныхъ или давно уже водворившихся, но тоже зажиточныхъ, провинціаловъ, еще не малое число старинныхъ туземныхъ фамилій, изъ рода въ родъ пользовавшихся пожалованными имъ Римомъ наслѣдственными почетными отличіями, какъ

¹ Въѣши. бытъ народовъ и пр. I. 2. стр. 95. — ² Діонъ Кассій писалъ въ концѣ втораго или началѣ третьяго вѣка; Діодоръ, Страбонъ и Тацитъ еще въ первомъ вѣкѣ, и послѣдній уже въ исходѣ его.

напр. сенаторскимъ достоинствомъ. Хотя эти классы далеко небыли самыми значительными по численности своей, но такъ какъ къ нимъ принадлежали положительно всѣ передовые люди, то вліяніе ихъ было на столько значительно, что придавало общественной жизни чисто римскій характеръ.

Все что сказано было въ „Введеніи“ къ предъидущей части о римской жизни, равно и свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми правдивыми писателями, какъ напр. Амміаномъ Марцеллиномъ въ четвертомъ вѣкѣ, и блаженнымъ Іеронимомъ въ исходѣ тогоже вѣка, о непомѣрной страсти къ роскоши, все это почти вполне примѣнимо также къ явленіямъ общественной жизни въ провинціяхъ римскаго государства. Не повторяя въ подробности всего что оба названныхъ писателя рассказываютъ о глубокомъ нравственномъ упадкѣ римлянъ, мы ограничимся здѣсь немногими общими указаніями, необходимыми для нагляднаго обрисованія тогдашнихъ бытовыхъ отношеній. Такъ напр. Амміанъ, сравнивая образъ жизни знатныхъ съ простотою предковъ ихъ замѣчаетъ, что — „мѣриломъ достоинства и знатности между ними служатъ, вышины ихъ парадныхъ колесницъ и великолѣпіе ихъ одеждъ¹. Длинные, влачащіяся одѣянія ихъ“, — продолжаетъ тотъже писатель, — „изъ шелка и пурпура, пышно собранныя и сдерживаемыя застѣжками на плечахъ и подвязанныя вокругъ тѣла поясами, развѣваясь на нѣтру, выставляютъ на показъ тонкія ткани нижнихъ одеждъ, на которыхъ чрезвычайно искусно вышиты изображенія различныхъ животныхъ. Сопровождаемые толпою служителей они неистово несутся по улицамъ. Даже матроны и знатныя женщины подражаютъ примѣру сенаторовъ, которыхъ крытыя парадныя колесницы безпрестанно снуютъ по всѣмъ концамъ обширнаго города и предмѣстій его.“

„Когда эти знатныя существа изволятъ отправляться въ публичныя бани, то съ самаго вступленія туда они принимаютъ на себя надменный и повелительный тонъ.“ — „Послѣ ванны они тутъже надѣваются на себя множество драгоценныхъ перстней и другія почетныя отличія, а изъ запаса принесеннаго ими съ собою бѣлья изъ тончайшаго полотна, они выбираютъ одежду, какая въ этотъ моментъ имъ наиболѣе приглянется.“

„Отправляясь кудалибо за-городъ они берутъ съ собою всю дворню.“ — „Впереди ѣдутъ люди съ поклажею и гардеробомъ; непосредственно за ними слѣдуетъ ватага поваровъ и служителей нисшаго разряда, заведывающихъ кухнею и столомъ. Главное ядро составляетъ рой невольниковъ, увеличивающійся нерѣдко сбѣгающими празднымъ народомъ, или приживальцами самаго нисшаго разряда. Аріергардъ состоитъ изъ евнуховъ, слѣдующихъ по возрасту, старшіе впереди. Значительное число и непріятный видъ этихъ существъ возбуждаютъ отвращеніе въ зрителяхъ, проклинаящихъ память Семирамиды, виновницы жестокаго искусства воспрепятствовать цѣлямъ природы, убивая въ зародышѣ надежду будущихъ поколѣній“.

Тотъже писатель, говоря о духовенствѣ въ Римѣ, согласно съ пока-

¹ Ammian. XIV. Гл. 6 и XXVIII. Гл. 4. — E. Gibbon. гл. XXXI. гл. XXV. — J. Burckhardt. Die Zeit Constantins. стр. 479 и сл.

заніями другихъ очевидцевъ изъ Христіанъ, замѣчаетъ въ особенности по поводу тщеславія епископа Дамазъа, что алчность съ какою послѣдній и также епископъ Урсинъ домогались архіерейской катедры, превосходила всякую мѣру обыкновеннаго тщеславія. „Впрочемъ,“ — прибавляетъ при этомъ Амміанъ, — „когда беру въ соображеніе блескъ столичной жизни, для меня становится понятнымъ, что подобная высокая награда способна возбудить алчность честолюбцевъ и породить самые неистовые и упорные ссоры. Ибо тотъ, которому достается такое мѣсто, можетъ быть увѣренъ, что къ нему потекутъ изъ рукъ знатныхъ римскихъ женъ, самые цѣнные подарки; и одѣвшись въ изящное платье, ему можно будетъ кататься по городу въ богатой колесницѣ; и самые роскошные царскіе обѣды не сравнятся съ обиліемъ и богатствомъ стола римскаго архіерея“.

Блаженный Іеронимъ еще съ большею подробностью распространяется о жизни упомянутыхъ сословій. Коснувшись, подобно Амміану, также тщеславія знатныхъ женщинъ, являющихся открыто въ богатоукрашенныхъ носилахъ, разрумяненныхъ и окруженныхъ евнухами, и принимающихъ на себя наружно благочестивый и смиренный видъ, тогда какъ втайнѣ онѣ предаются самому низкому распутству, — Іеронимъ съ такою же рѣзкостью говорить также о значительномъ числѣ духовныхъ лицъ, думающихъ болѣе о чувственныхъ наслажденіяхъ, домогательствѣ наслѣдствъ и роскошной жизни, нежели о честномъ исполненіи обязанностей ихъ высокаго сана. „Нѣкоторые изъ нихъ корчатъ изъ себя аскитовъ, отпускаютъ волосы и длинную бороду, ходятъ босикомъ и въ черной мантии. Другіе, помышляя только о томъ, какъ бы заглядывать женщинамъ въ лице, расхаживаютъ въ красивыхъ одѣяніяхъ, съ изящно причесанными волосами, съ кольцами на всѣхъ пальцахъ и распространяя далеко вокругъ себя благоуханіе. Дабы сберечь обувь свою они семенятъ на цыпочкахъ, такъ что походкою своею напоминаютъ скорѣе женижковъ, чѣмъ іереевъ. Иные оныя, стараются преимущественно только узнать имя, жительство и характеръ знатныхъ женщинъ, съ тѣмъ чтобы при удобномъ случаѣ, хотя бы даже въ самой спальнѣ этихъ женщинъ, подкравшись къ нимъ, выманить лестью какой либо подарокъ. Наконецъ, есть и такіе, которые, пренебрегая всякимъ стыдомъ, открыто предаются самымъ гнуснымъ страстямъ“. — Если принять во вниманіе, что съ самаго начала процвѣтанія Византіи, вліяніе ея главнымъ образомъ отразилось на Римѣ и Италіи, и что быстро распространявшаяся въ Византіи страсть къ роскоши, изъ этого города непосредственно проникла въ Римъ, а затѣмъ оттуда охватила провинціи, то нетрудно составить приблизительную картину о нравахъ и одеждѣ тамошнихъ высшихъ сословій, въ то время когда этими областями завладѣли полчища германцевъ.

Относительно послѣднихъ, свѣдѣнія которыя мы имѣемъ за все продолженіе времени ихъ насильственнаго распространенія на югъ Европы такъ недостаточны, что не позволяютъ составить точное понятіе хотя бы только о внѣшнемъ бытѣ этихъ народовъ. Мы должны довольствоваться скудными извѣстіями сообщаемыми нѣсколькими римскими писателями о немногочисленныхъ отрасляхъ этихъ племенъ, кои, переступивъ римскія границы, воевали съ римлянами въ сравнительно раннюю еще эпоху. Затѣмъ, кромѣ Та-

цита описанія нравовъ германцевъ средней Европы ¹ въ исходѣ перваго вѣка, почти единственными памятниками остаются, какъ нѣмыя и шаткія свидѣтельства, вещи, отытыя въ могилахъ древнихъ германцевъ, до такой степени сходственныя съ описанными уже прежде (стр. 85) могильными древностями скандинавовъ, что ими до нѣкоторой степени подтверждается тождественность происхожденія, существовавшая между тѣми и другими въ продолженіе долгаго періода времени. Но что касается собственно характера одежды этихъ племенъ, и вѣроятныхъ измѣненій ея послѣ Тацита, то объ этомъ почти никакихъ указаній не даютъ ни письменныя свидѣтельства, ни могильныя древности. И потому, на основаніи свидѣтельствъ гораздо позднѣйшаго времени, можно почти съ достовѣрностью принять, что описываемая въ нихъ одежда удержалась въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ у племенъ поселившихся внутри Германіи, но что, съ другой стороны, она постепенно измѣнялась у тѣхъ племенъ, которыя, находясь въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ римлянами подвергались вліянію послѣднихъ. Въ пользу такого предположенія можно указать какъ на существовавшія безспорно между римлянами и ближайшими къ нимъ германцами, мѣновыя торговыя сношенія, такъ въ особенности еще на замѣчаніе приведеннаго выше писателя (Tacitus. Germ. гл. 17), что—„многія женщины носили одежду обшиту пурпуромъ“. Вообще же, судя по подробному описанію костюма племенъ покорившихъ римскую имперію, у выше названныхъ позднѣйшихъ писателей, и сравнивая этотъ костюмъ съ древнѣйшею одеждою описываемою Тацитомъ, не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, что и эта одежда съ теченіемъ времени совершенствовалась, и получала болѣе или менѣе своеобразный, или, національный отпечатокъ, соотвѣтственно нѣкоторымъ народнымъ особенностямъ этихъ племенъ.

Достоинно замѣчанія однако, что, за исключеніемъ немногихъ извѣстій половины пятаго вѣка, сообщаемыхъ Сидоніемъ Аполлинаріемъ, епископомъ Клермонскимъ въ Овернѣ, ни одно изъ вышеприведенныхъ описаній не доходитъ далѣе половины или конца пятаго столѣтія, т. е. эпохи до которой безспорно могли произойти не малыя перемѣны. Самый ранній изъ этихъ повѣствователей Аврелій Кассіодоръ, секретарь Θεодориха, составилъ исторію готовъ, отъ которой однако сохранились лишь извлеченія въ одномъ сочиненіи современника его Иорнадеса, епископа Равеннскаго (550), посвященномъ тому же предмету. Къ нему примыкаютъ Прокопій Кесарійскій (553), историкъ старѣе его лишь немногими годами, а въ концѣ шестого столѣтія Исидоръ, епископъ Севильскій (595), и Григорій, епископъ Турскій. Исидоръ оставилъ по себѣ кромѣ собранія папскихъ постановленій, сочиненіе въ родѣ всемірной хроники; Григорій же, не говоря о другихъ древнѣйшихъ франкскихъ историкахъ, подробную исторію франковъ, которая въ седьмомъ вѣкѣ продолжена была Фредегаромъ схоластомъ. За названными писателями слѣдуютъ Павелъ Варнефридъ, діаконъ въ Форли или Аквилѣ, нотарій (секретарь) короля Дезидерія, написавшій въ концѣ осьмого вѣка исторію лангобардовъ, и въ заключеніе, Эйнгардъ, составившій

¹ Внѣшн. бытъ народовъ и пр. I. 2. стр. 33 и сл.

замѣтки о жизни Карла великаго въ началѣ девяятаго столѣтія; о позднѣйшихъ писателяхъ мы не будемъ говорить.

I. Въ предъидущемъ упоминалось часто о томъ, что изъ племенъ вторгнувшихся въ Италію, готы ранѣе другихъ усвоили римскіе нравы, объ усвоеніи ими также въ раннюю пору римской одежды, свидѣтельствуется положительно и прежде всего извѣстіе, что еще вестготскій король Атаульфъ при бракосочетаніи своемъ съ Галлою Плацідіею являлся народу въ римской одеждѣ, изъ чего мы вправѣ заключить, что по крайней мѣрѣ приближенные его и знать вообще слѣдовали его примѣру. Еще менѣе подлежитъ сомнѣнію, что и преемникъ его Теодорихъ одѣвался по римски, такъ какъ послѣдній при дворѣ императора Зенона имѣлъ полную возможность ознакомиться лично съ греческою пышностью и къ ней пристраститься. Писатели притомъ же указываютъ въ особенности и на то, что онъ остроговъ своихъ вскорѣ принудилъ одѣваться по римски, и что самъ онъ всегда любилъ окружать себя всѣмъ внѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ римскаго двора.

II. Не то мы видимъ у нѣкоторыхъ отраслей вестготовъ и у бургундовъ, отличавшихся повидимому другими обычаями, если впрочемъ въ сообщаемомъ Сидоніемъ Аполлинаріемъ описаніи брачнаго торжества какого-то князя, писатель этотъ имѣлъ въ виду какое-либо изъ упомянутыхъ сейчасъ племенъ, что однако, къ сожалѣнію трудно рѣшить¹. Неговоря о нарядѣ этого князя, имя котораго Сигисмеръ, костюмъ сопровождающихъ его людей довольно еще схожъ съ древнегерманскою одеждою, хотя къ нему и прибавлено немало иноземныхъ и позднѣйшихъ частности. Вотъ описаніе этого наряда: „молодой князь, по языческому обычаю, шествуетъ окруженный провожатыми, одѣяніе его изъ пурпура, чистаго золота и молочнобѣлаго шелка. Лице его и волосы красноватаго оттѣнка. Видъ этихъ князей и ихъ провожатыхъ внушаетъ страхъ даже въ мирное время. Ноги до лодыгъ обуты въ мѣхъ. Колѣни, ляжки и икры голы. На нихъ узкая одежда съ пестрыми полосами, достигающая едва до колѣнъ, съ рукавами закрывающими только верхнюю часть рукъ у плечъ. Поверхъ этой одежды они носятъ военные плащи зеленого цвѣта, обшитые кругомъ пурпуровою каймою. Съ плечъ спускаются мечи на перевязяхъ проходящихъ поперекъ обложенныхъ выпуклостями кожаныхъ поясовъ, охватывающихъ ихъ станъ. Вооруженіе составляетъ для нихъ украшеніе. Въ правой рукѣ они носятъ копья и боевыя сѣкиры, лѣвый бокъ защищенъ щитомъ, сверкающіе металлическіе ободы котораго и золотыя (или позолоченныя) шишки свидѣлствуютъ о богатствѣ и страсти къ щегольству“. Тотъ же писатель, кромѣ того, говоря вообще объ обыкновенной одеждѣ, въ особенности у вестготовъ, и разумѣя при томъ вѣроятно только нисшіе классы, замѣчаетъ, что одежда эта состоитъ сплошь изъ довольно грязныхъ холщевиковъ (вродѣ рубахъ), съ накинутымъ сверху тулупомъ доходящимъ приблизительно до икръ, и обуви

¹ E. Gibbon *гл.* XXXIX. См. также Sidonius Apollinaris. I. *epist.* II. и Jordanes. *de rebus Geticis* *гл.* 31.

вроде башмаковъ изъ коневьей кожи, связанныхъ просто ремнемъ. Въ остальномъ надо замѣтить, что и у готовъ, точно такъ какъ у древнихъ германцевъ, коротко стриженные волосы и бритая борода считались признакомъ неволи или безчестія; затѣмъ, что и головные уборы, согласно древнему обычаю, составляли рѣдкое явленіе даже между знатыми, и были въ употребленіи лишь у нѣкоторыхъ лицъ духовнаго званія.

III. Значительное уклоненіе отъ древнегерманскаго костюма представляла одежда лангобардовъ, судя по описанію сообщаемому Павломъ Варнефридомъ объ одномъ стѣнномъ изображеніи, которое въ началѣ седьмаго вѣка, королева Теуделинда велѣла написать въ сооруженномъ ею дворцѣ въ Монсѣ. Далѣе этотъ же писатель утверждаетъ положительно, что лангобарды еще при первомъ вторженіи ихъ въ Италію (около половины шестаго вѣка), отнюдь не ходили съ непокрытыми ногами, подобно древнимъ германцамъ, но что всѣ носили сплошь „бѣлые наголенники, прикрывавшіе ноги отъ колѣнъ донизу“, или вѣроятнѣе, что они обвязывали ноги бѣлыми холщевыми повязками отъ лодыгъ вверхъ до самыхъ колѣнъ ¹. На упомянутой картинѣ, по словамъ тогоже Павла, „ясно было видно какъ въ то время лангобарды стригли волосы и какова была одежда и наружный видъ этого народа. На затылкѣ и задней части головы волосы были сбиты совершенно гладко, на прочихъ частяхъ головы они спускались по щекамъ въ уровень съ ртомъ, а посерединѣ лба были раздѣлены проборомъ. Одежда лангобардовъ была широка и большею частью изъ холста, какъ та, какую носили англосаксы, и кругомъ обшита широкими полосами другаго цвѣта. Обувь съ разрѣзомъ на подъѣмѣ почти до большаго пальца, и затянута кожаными шнурками (см. выше фиг. 191 и помѣщенную далѣе фиг. 227). Впослѣдствіе однако они стали носить штаны, сверхъ которыхъ надѣвали шерстяные наголенки когда они выѣзжали верхомъ; эта часть одежды впрочемъ была заимствована ими уже отъ римлянъ“. Для большаго подтвержденія сказаннаго приведемъ свидѣтельство саксонскаго инока, упоминающаго въ своемъ спискѣ лангобардскихъ королей, что король Адельоальдъ ² впервые сталъ носить штаны, и что съ того времени одежда эта, получившая названіе *hosis*, сдѣлалась самою любимою принадлежностью королевскаго наряда ³.

Все что сказано было доселѣ объ усвоеніи римской одежды остготами а за ними и лангобардами, подтверждается вполнѣ тоже позднѣйшими извѣстіями, судя по которымъ названные народы, по утвержденіи могущества своего въ Италіи, и благодаря сношеніямъ съ Византією, еще значительнѣе развили римской костюмъ обогативъ его восточною пышностью. Главными дѣятелями въ этомъ отношеніи были короли и вельможи, однако примѣръ поданный ими не могъ не воздѣйствовать также и на прочія сословія. Такъ мж. пр. въ „жизни папы Григорія II, (первой половины осьмого вѣка), сказано о королѣ Ліутпрандѣ лангобардскомъ, что—„сотворивъ молитву угроба апостола, онъ тамъже сложилъ свою воинскую одежду, свой плащъ, поясъ, позолоченный мечъ, вмѣстѣ съ золотой короной и серебрянымъ кре-

¹ Paulus Diaconus I. гл. 24. — ² Царствовалъ приближ. между 616 и 626 годами. — ³ J. Falke. Geschichte der deutschen Trachten-und Modenwelt. I. стр. 24.

стомъ". Затѣмъ, въ „хроникѣ Новалезской“ говорится о „массивныхъ золотыхъ запястьяхъ“ богатыря Альгиса, а „въ хроникѣ Салернскаго инокѣ“, о несмѣтныхъ сокровищахъ короля Дезидерія и множества одѣяній его изъ золотой и серебряной парчи. Наконецъ, въ этойже хроникѣ упоминается кромѣ того еще о необыкновенномъ великолѣпіи двора Арихиса въ слѣдующихъ словахъ: — „когда къ Арихису прибылъ посолъ Карла великаго, Арихисъ собралъ многочисленное войско, дабы съ пышностью и почетомъ принять посла, и съ этою цѣлью выстроилъ войска соответственно различію одежды ихъ и вооруженія. По лѣстницѣ дворца своего онъ разставилъ въ два ряда мальчиковъ державшихъ на рукѣ каждый по ястребу или другой подобнаго рода птицѣ. Позади ихъ были выстроены юноши въ цвѣтѣ лѣтъ, съ соколами или другими охотничими птицами; въ числѣ этихъ юношей нѣкоторые заняты были усердно игрою въ шашки. Непосредственно за ними стояли мужчины у которыхъ волосы были съ просѣдью, и наконецъ, позади ихъ старики и посреди ихъ на золотомъ сѣдалищѣ самъ король“. Въ крайнемъ изумленіи отъ такого великолѣпія, посолъ, обратясь къ Арихису воскликнулъ: „Мы не только видѣли то о чемъ слышали; но увидѣли и то, объ чемъ прежде никогда и не слыхали“. Но на слѣдующій день, увидѣвъ „всю мудрость Арихиса, и дворецъ воздвигнутый имъ для себя, и пищу за столомъ его, и жилища для рабовъ его и слугъ, и одежды ихъ, и виночерпиевъ, посолъ воскликнулъ исполненный удивленія: „вѣрно то, что я слышалъ на родинѣ своей о глубокой мудрости твоей и о великолѣпіи твоёмъ; но я не вѣрилъ тѣмъ, которые мнѣ объ этомъ говорили, пока теперь самъ не пришелъ и не увидалъ собственными глазами своими, что мнѣ и въ половину всего не пересказали“.

Хотя въ этомъ описаніи отчасти слово-въ-слово повторяются библейскія слова о встрѣчѣ царицы Савской съ Соломономъ (III Царствъ X.), и слѣдовательно оно можетъ казаться подражаніемъ библейскому сказанію, но наврядъ ли лѣтописецъ воспользовался бы имъ, еслибы дѣйствительно выше-названный Арихисъ не прославился великолѣпіемъ своимъ. Описаніе это впрочемъ, само по себѣ и даже въ частностяхъ, напоминаетъ обстановку обычную въ подобныхъ случаяхъ при дворахъ греческихъ и арабскихъ государей. Кстати укажемъ рядъ миниатюрныхъ изображеній подтверждающихъ вышесказанное покрайней мѣрѣ по отношенію къ одеждѣ. Этими миниатюрами украшенъ списокъ древне-лангобардскихъ законовъ, хранящійся въ монастырѣ Пресв. Троицы въ Ла-Кавѣ; и хотя названная рукопись никакъ не восходитъ далѣе начала одиннадцатаго вѣка, тѣмъ не менѣе стиль миниатюръ, какъ уже было замѣчено однимъ писателемъ¹, безспорно указываетъ на то, что картины эти всѣ, безъ исключенія воспроизведенія съ значительно древнѣйшихъ оригиналовъ. Несмотря на крайне грубое исполненіе, и мѣстами неопредѣленный и сбивчивый колоритъ, однакожъ, во всѣхъ этихъ изображеніяхъ, въ костюмѣ, за исключеніемъ покрытія ногъ, (отъ колѣнъ до ступицъ), замѣтно уже больше разнообразія и богатства благодаря именно римскому вліянію,

¹ J. v. Hefner Alteneck. Trachten des christlichen Mittelalters I. таб. 25 и 26 съ текстомъ. A. v. Eye (и J. Falke). Kunst und Leben der Vorzeit I. (таб. 9).

(фиг. 217). Одежда на менѣ знатныхъ почти во всемъ сходна съ чисто римско-византійскимъ костюмомъ, и состоитъ изъ узкихъ штановъ (*hosis*) и ту-

Фиг. 217.

ники съ узкими рукавами, доходящей до колѣнъ и опоясанной вокругъ тѣла (фиг. 217. с.) На высшихъ чиновникахъ и вельможахъ вообще нижняя одежда такаяже, но несравненно богаче украшена, потомъ на этихъ лицахъ довольно широкіе плащи (фиг. 217. b), болѣе или менѣе роскошной отдѣлки. Наконецъ, нарядъ королей, (несчитая знаковь королевской власти), у однихъ, состоитъ изъ точно такихъ же одеждъ, но съ еще болѣе роскошными украшеніями (фиг. 217), у другихъже, вмѣсто короткой, доходящей до колѣнъ тунники, изъ чисто византійской, спускающейся до земли, нижней одежды со многими складками. Притомъ, вездѣ мы встрѣчаемъ упомянутое выше своеобразное покрытіе голеней въ видѣ крестообразной повязки, отличающейся у знатныхъ большимъ объемомъ и изяществомъ, такъ что изъ этого можно повидимому заключить, что такой способъ покрывать нижнюю часть ногъ удержался въ продолженіи всѣхъ временъ (стр. 141), а въ послѣдствіе, когда вошли въ употребленіе длинныя римскіе штаны, то поверхъ ихъ уже повязывались ноги. Впрочемъ, сами лангобарды въ первое время владычества своего въ Италіи, имѣли повидимому нѣкоторое вліяніе на внѣшность римлянъ, судя по тому, что король Ліутпрандъ, послѣ покоренія имъ Италіи, приказалъ многимъ знатымъ римлянамъ стричь волосы и одѣваться по обычаю лангобардовъ. Сказанное подтверждается тоже другими свидѣтельствами указывающими на то, что римляне отличались особеннаго рода прическою; потомъ, около половины десятаго вѣка объ нихъже го-

ворится, что многіе знатные римляне имѣютъ обыкновеніе носить бороду и завивать волосы, и кромѣ того украшать себя дорогими нарядами и золотыми запястьями.

Объ одеждѣ женщинъ у всѣхъ вышеприведенныхъ племенъ, писатели намъ не сообщаютъ почти никакихъ положительныхъ извѣстій. Между тѣмъ, едвали можно сомнѣваться, что въ скоромъ времени и прекрасный полъ усвоилъ себѣ римскую одежду и подчинился всѣмъ измѣненіямъ ея. Какъ образчики такого измѣненія римской одежды въ позднѣйшее уже время, укажемъ на шесть статуй святыхъ мученицъ, произведенія, какъ полагаютъ, осьмого вѣка, коими украшена внутренность одной капеллы въ старомъ монастырѣ бенедиктинцевъ въ Чивидаль въ Фріуль¹. Это статуи святыхъ Хризогона и Зоила, а затѣмъ, святыхъ мученицъ Анастасіи, Ирины, Агапіи и Хіоніи. Первые двое представлены въ простой монашеской рясѣ; послѣднія, въ богато украшенной одеждѣ (фиг. 218. а. б). Ни объ этихъ рабо-

Фиг. 218.

тахъ, ни о другихъ подобнаго рода произведеніяхъ этой ранней эпохи нельзя утвердительно сказать, повторяется ли въ нихъ только искони принятая отъ Византіи, форма изображенія, илиже въ нихъ переданъ костюмъ, бывшій дѣйствительно въ употребленіи въ то время когда они возникли? Послѣднее

¹ А. Lenoir въ J. Gailhabaud Denkm. der Baukunst выпускъ 59. Къ нему F. Kugler. Gesch. der Baukunst I. стр. 402.

предположеніе вѣроятнѣе, тѣмъ болѣе что въ этихъ работахъ видно уже смѣшеніе древнеримскаго костюма съ византійскимъ (ср. фиг. 11. в. с; фиг. 38).

IV. Что касается франковъ, то, по свойственной этому племени привязанности къ кореннымъ обычаямъ своимъ, одежда у нихъ удержала первобытный народный характеръ свой не только сравнительно долѣе чѣмъ у другихъ народовъ, но даже никогда его не утрачивала вполне, и только измѣнялась постепенно, усваивая нѣкоторыя особенности романогалльскаго костюма, такъ что, въ сущности, одежда у нихъ развивалась довольно самостоятельно. О первоначальной формѣ франкской одежды, какъ и вообще о костюмѣ этого народа въ древнѣйшія времена, самыя раннія свѣдѣнія сообщаетъ вкратцѣ Сидоній Аполлинарій около половины пятаго столѣтія. „Волосы у франковъ длинныя и бѣлокурыя, глаза голубые; крупныя и крѣпкія члены ихъ обхватываетъ плотно прилегающая къ тѣлу одежда, и одни только колѣни непокрыты. Вокругъ тѣла они носятъ поясъ; боевыми скирами своими они поражаютъ (врага) съ извѣстнаго разстоянія; шутя владѣютъ они щитомъ, и натискомъ своимъ предупреждаютъ бросаемое въ нихъ копьѣ. Съ младенческихъ лѣтъ потѣхою для нихъ война; когда они побѣждены, они не знаютъ страха и храбры до самой смерти“. Сказанное подтверждается также извѣстіями сообщаемыми Прокопіемъ и продолжателемъ исторіи его Агапіемъ изъ Эолиды.

А. Объ этой эпохѣ владычества меровинговъ мы находимъ болѣе обильныя и подробнѣйшія извѣстія въ исторіи Григорія Турскаго, указывающаго въ особенности на то, что вскорѣ по утвержденіи власти своей, короли и вообще знать, съ жадностью стали собирать богатства и предаваться крайней роскоши. Въ этомъ отношеніи наиболѣе отличался дворъ при Хлодвигѣ. Государственная казна, обогатившись значительными сокровищами отбитыми этимъ королемъ у Аларика, и съ другой стороны имуществомъ отнятымъ имъ у многихъ франкскихъ князей, достигла громаднѣйшихъ размѣровъ въ правленіе Хильперика I.

До чего доходила расточительность среди знати въ тѣ времена, покажутъ намъ слѣдующіе два примѣра, выбранные изъ многихъ. „По смерти младшаго сына Хильперика и Фредегунды, когда послѣдняя въ печали своей приказала сжечь принадлежавшіе умершему платьѣ изъ шелковыхъ и другихъ матерій и прочіе предметы украшенія, то для отправки этихъ вещей потребовалось не менѣе четырехъ телегъ. Золотыя и серебряныя вещи она велѣла расплавить и отложить въ сторону, дабы ничего не оставить въ прежнемъ видѣ, что могло бы пробудить снова ея печаль.“ „Снаряжая приданое для дочери своей Ригунты, она прибавила столько золота, серебра и одеждъ къ значительнымъ драгоценностямъ которыя даны были Хильперикомъ, что послѣдній при видѣ всего этого сталъ опасаться что ничего у него не останется болѣе. Взглянувъ на него гнѣвно, королева, обращаясь къ франкамъ, сказала; не думайте чтобы изъ всего этого я чтолибо взяла изъ королевской сокровищницы. Все что вы видите здѣсь взято отъ моего имущества. — Но вещей было такое множество, что для отправки золота, серебра и всѣхъ прочихъ предметовъ украшенія потребовалось пятьдесятъ телегъ“.

Въ чемъ состояли названные предметы украшенія, намъ объясняютъ отчасти могильныя древности желѣзнаго вѣка, отчасти также извѣстія того времени. По тѣмъ и другимъ свидѣтельствамъ очевидно, что кромѣ роскошно отдѣланныхъ поясовъ, разныхъ украшеній для одеждъ въ видѣ обшивокъ и золотого шитья, въ это время какъ и прежде, у мужчинъ и у женщинъ, главное мѣсто занимали золотыя запястья и кольца, діадимы и ожерелья. Въ особенности повидимому цѣнились высоко, богато украшенные поясы и застежки, судя потому, что изъ всѣхъ относящихся сюда древностей, наибольшимъ богатствомъ формъ отличаются преимущественно пряжки и обкладки отъ поясовъ, потомъ и упомянутыя сейчасъ застежки для одеждъ. Что касается характера орнаментовки на этихъ предметахъ, то, какъ уже сказано было прежде (стр. 85 и сл.), въ нихъ почти въ одинаковой степени какъ и въ сѣверныхъ могильныхъ древностяхъ, преобладаютъ преимущественно извѣстные, свойственные вообще сѣверному искусству, своеобразные, змѣевидно извивающіеся, и нерѣдко весьма искусно переплетающіеся извивы, причемъ и здѣсь украшенія весьма часто состоятъ изъ механическаго соединенія двухъ различныхъ металловъ, и главнымъ образомъ изъ прокладки серебромъ по желѣзу.

О покроѣ одеждъ мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ точныхъ свѣдѣній, и должны довольствоваться немногими отдѣльными намеками и общими описаніями, приводимыми Григоріемъ Турскимъ. Такъ мж. пр. этотъ историкъ упоминаетъ о какойто знатной и гордой женщинѣ въ Суассонѣ, которая „сидя высоко на конѣ, вся украшенная драгоценными вещами и камнями и блистая золотомъ, въ сопровожденіи служительницъ отправлялась въ церковь слушать обѣдню“. Потомъ, указавъ на то, что даже монахини позволяли себѣ расточительный образъ жизни, онъ рассказываетъ „что игуменья какого то монастыря святой Радегунты въ Пуатье играла часто въ шашки, пировала съ мірянами, и не устыдилась даже, изъ плотной шелковой алтарной завѣсы сшить платье для своей племянницы, а золотыя бляшки конями обшить былъ край этой завѣсы она употребила на ожерелье для неяже. Таже игуменья заказала будтобы для своейже родственницы весьма цѣнный, украшенный золотомъ, головной уборъ, въ которомъ послѣдняя являлась на маскарадахъ устраиваемыхъ игуменьею внутри монастырскихъ стѣнъ“. — Въ томъ же рассказѣ упоминается между прочимъ еще о какойто нарядѣ или верхней одеждѣ особаго рода, употребляемой женщинами и называемой мафорсъ, которою онѣ закрывались съ головы до ногъ. Тотъ же писатель кромѣ того упоминаетъ не разъ о томъ, что женщины немолодыхъ лѣтъ и преимущественно бѣдныя, большею частью носятъ одежды темнаго и чернаго цвѣта, но при этомъ опять таки онъ не объясняетъ каковъ былъ покрой этихъ одеждъ. Далѣе онъ говоритъ что черная одежда означаетъ трауръ, а бѣлая надѣвалась при крещеніи. Затѣмъ онъ рассказываетъ о какомто епископѣ, присвоившемъ себѣ собственною властью право носить сапоги; и наконецъ о двухъ мнимыхъ чудотворцахъ, изъ коихъ одинъ носилъ власяную одежду съ капюшономъ, а другой колобій (длинную одежду безъ рукавовъ), съ накинутою сверху мантиею, и посохъ въ видѣ креста, увѣшанный множествомъ склянокъ съ мазию. — Единственное указаніе по которому можно до нѣкоторой степени заключить о формѣ одеждъ, это облаченіе которое пожа-

ловано было греческимъ императоромъ Анастасіемъ Хлодовику при нареченіи послѣдняго консуломъ и патриціемъ, причемъ ему вручены были и знаки присвоенные этому званію, длинная пурпуровая нижняя одежда, пурпуровая мантия и діадема ¹. Судя по этому есть поводъ предполагать, что послѣ Хлодовика, по крайней мѣрѣ между знатными обоого пола и въ особенности при торжественныхъ случаяхъ, стала все болѣе и болѣе входить въ употребленіе одежда обычная среди знатныхъ римлянъ въ западно-и восточно-римской столицахъ; хотя, съ другой стороны, весьма возможно, что именно по образцу этой римской одежды развился „древнефранкскій“ костюмъ. Въ такомъ случаѣ можнобы считать приблизительно вѣрнымъ олицетвореніемъ упоминаемой нами одежды, фигуры въ порталахъ нѣкоторыхъ сѣверофранцузскихъ соборныхъ церквей, напр. въ Корбелѣ, Шартрѣ, Буржѣ и пр. фигуры замѣчательныя по весьма древнему отпечатку ихъ, хотя онѣ изваяны навѣрно не ранѣе какъ въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія ². Въ числѣ названныхъ произведеній, преданіе указываетъ на корбельскія какъ на изображенія самого даже Хлодовика и супруги его Клотильды (фиг. 219. а. б).—Въ за-

Фиг. 219.

ключеніе слѣдуетъ замѣтить, что однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ королей меровингова дома считались, длинные полные волосы,

¹ Gregor von Tours. T. III. гл. 29, VI. гл. 31; IX. гл. 6; II. гл. 38; VII. гл. 33.—

² K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste im Mittelalter III, стр. 110 и сл.—

такъ что, по этой примѣтѣ народъ ихъ прозывалъ „кудрявыми королями“; другой атрибутъ ихъ — копье ¹.

Б. Страсть къ пышнымъ нарядамъ между знатными, удержавшись еще до временъ Каролинговъ, съ воцареніемъ Карла великаго уступила мѣсто бѣльшей простотѣ такъ какъ императоръ старался ввести опять первоначальную народную одежду. Между тѣмъ и эта одежда подвергалась различнымъ измѣненіямъ подъ иноземнымъ вліяніемъ, такъ что, въ это время, то что называлось народнымъ костюмомъ уже нисколько не соответствовало настоящей древней одеждѣ, представляя значительныя разности какъ въ отношеніе матерій, такъ и по многимъ другимъ частностямъ. Сказанное подтверждается вполне даже при одномъ бѣгломъ сравненіи древнихъ описаній внѣшняго вида франковъ, съ позднѣйшими извѣстіями объ одеждѣ самого Карла великаго и франковъ вообще (стр. 145 и сл.). „Императоръ Карлъ“, говоритъ его біографъ, „носилъ старинную франкскую одежду. Непосредственно на тѣлѣ онъ носилъ полотняную рубашку и такуюже исподнюю одежду, сверхъ этого онъ надѣвалъ камзолъ обшитый шелковыми полосами и штаны; затѣмъ онъ повязывалъ ноги и надѣвалъ башмаки. Только въ зимнее время онъ закрывалъ плечи и грудь еще особымъ кафтаномъ изъ тюленьей кожи и собольяго мѣха, и носилъ также плащъ зеленоватаго цвѣта и на боку мечъ съ рукоятью и перевязью изъ золота и серебра. Иногда, въ особенности въ торжественные случаи или когда онъ принималъ иностранныхъ пословъ, онъ носилъ мечъ украшенный еще богаче золотомъ и драгоценными камнями. Иностранной одежды онъ не терпѣлъ, какъ бы роскошна она ни была, и никогда не носилъ, исключая только двухъ разъ въ Римѣ, когда уступая желанію папы Адріана, а въ другой разъ просьбѣ преемника этого папы Льва, онъ согласился надѣть на себя длинную тунику, хламиду и римскія сандалии. Только при торжественныхъ случаяхъ онъ показывался въ шитомъ золотомъ одѣяніи и башмакахъ унизанныхъ драгоценными камнями, въ мантии застегнутой на золотыхъ крючкахъ и въ золотомъ вѣнцѣ украшенномъ дорогими камнями на головѣ. Въ обыкновенные дни одежда его лишь мало отличалась отъ простой народной одежды.“

Съ эпохою Каролинговъ открывается для запада рядъ послѣдовательныхъ памятниковъ живописи и вааянія, олицетворяющихъ вполне наглядно, и въ связи съ письменными свидѣтельствами дальнѣйшія измѣненія франкской одежды. Первымъ звеномъ въ этомъ ряду является воспроизведеніе одного мозаичнаго произведенія съ изображеніемъ Карла великаго, хотя и посредственное по выполненію, но весьма точное; оно было сдѣлано, по всей вѣроятности, еще при жизни императора и до прошедшаго столѣтія составляло одно изъ украшеній трибуны такъ называемаго „triclinium majus“ дворца Сан'Джіованни въ Латеранѣ ². Хотя изображенный здѣсь костюмъ не вполне соответствуетъ приведенному выше описанію, тѣмъ не менѣе въ немъ

¹ Fredegar. гл. 9. Gregor v. T. VII. гл. 33. — ² См. у F. G. Guttonsohn а J. M. Knapp. Denkmale der christlichen Religion oder Sammlung der ältesten Kirchen oder Basiliken mit Text von C. Bunsen, Rom. 1843. Тетрадь IV и V и пр.—J. D. Fiorillo. I. Введеніе стр. 42.

замѣтна смѣсь франкской одежды съ римскою (фиг. 220). Мы видимъ здѣсь съ одной стороны, что нижняя часть ногъ императора обвита повязкою, согласно обычаю франковъ, и что на немъ плотноприлегающая къ тѣлу туника, доходящая только до колѣнъ; съ другой стороны, на немъ чисто грекоримская накидка (*chlamys*, *sagum*, франкскій *saumon*), и голова его покрыта чѣмъ-то вроде митры. Кромѣ того волосы его не длинные и кудрявые, какіе искони имѣли обыкновеніе носить меровинги (стр. 147), но острижены по римски, прическа, какую съ этихъ поръ франкскіе короли стали носить почти постоянно.

Фиг. 220.

Другія особенности въ одеждѣ этогоже императора указаны въ описаніи его торжественнаго погребенія помѣщенномъ въ „*Lorsche Jahrbücher*“.—„Карлъ былъ похороненъ въ Ахенѣ, въ сооруженной имъ церкви Пресвятой Дѣвы. Тѣло его, набальзамированное, поставлено было въ склепъ въ сидячемъ положеніи на золотомъ креслѣ. На поясѣ императора виситъ золотой мечъ, руками онъ придерживаетъ золотое евангеліе, лежащее на его колѣняхъ. Онъ сидитъ прислонивъ плечи къ спинкѣ кресла, голова его съ достоинствомъ поднята вверхъ, и на ней утвержденъ вѣнецъ посредствомъ золотой цѣпи. Въ самый вѣнецъ вложенъ былъ кусокъ отъ креста Господня. Склепъ наполненъ былъ благовонными веществами, бальзамомъ, мускусомъ и драгоценностями изъ золота. На императорѣ царская одежда и лицо его закрыто пеленою прикрѣпленной подъ вѣнцомъ. На тѣло его надѣта власяница, какую при жизни онъ носилъ постоянно, а поверхъ царской одежды надѣта золотая пилигримская котомка, которую онъ имѣлъ обыкновеніе носить когда отправлялся въ Римъ. Золотой скиптръ и золотой щитъ, освященный папою Львомъ, положены были въ ногахъ. Послѣ всего этого склепъ его былъ закрытъ и опечатанъ“.

Изъ вышесказаннаго видно, что Карлъ великій, несмотря на его старанія обуздать излишнее щегольство дорогими одеждами, небылъ лично врагомъ внѣшняго великолѣпія, хотябы для того только, дабы придавать болѣе блеска своему царскому достоинству. Судя по этому, надо полагать, что и знать продолжала по прежнему предаваться страсти къ пышности, и развѣ только старалась теперь, насколько было возможно, согласовать ее съ принятыми формами. Иначе и не могло быть при тогдѣшнемъ положеніи дѣлъ послѣ того какъ Карлъ могучею рукою сплотилъ государство, и когда благосостояніе народа увеличивалось и даже иноземныя державы вступали въ болѣе тѣсныя сношенія съ императорскимъ дворомъ. И если, съ одной стороны, на внѣшній бытъ франковъ имѣли рѣшительное вліяніе постоянно дружественныя отношенія Карла съ папами и его заботы о распространеніи римской образованности, то съ другой, едвали не такоеже вліяніе оказывала также и Визавтія. Отношенія Карла къ восточной имперіи были довольно близки, судя по тому во первыхъ, что онъ дочь свою выдалъ за греческаго императора, а потомъ, что, по свидѣтельству греческихъ писателей, онъ самъ искалъ руки императрицы Ирины, не говоря даже о томъ, что онъ обмѣни-

вался посольствами съ греціею. Какъ бы ни было, но безсомнѣнно то, что благодаря вѣшмъ этимъ сношеніямъ и связямъ, а въ особенности посольствамъ приходившимъ всегда съ цѣнными подарками даже изъ Персіи, казна Карла обогащалась дорогими тканями и предметами роскоши, что само по себѣ поддерживало общую склонность къ роскоши, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждало къ подражанію этимъ произведеніямъ. — На западѣ, преимущественно во вѣхъ сѣверныхъ областяхъ, сохранился еще въ полной силѣ обычай, все что требовалось для одежды изготовлять на дому руками женской прислуги, и для этого въ большихъ хозяйствахъ и въ особенности при дворѣ императора, существовали особыя „женскія отдѣленія“. Однако, вскорѣ приготовленіе дорогихъ одѣяній стало любимымъ времяпрепровожденіемъ, и даже главнымъ занятіемъ, не только женщинъ высшаго круга, но и цѣлыхъ женскихъ обителей, въ которыхъ главнымъ образомъ обращалось вниманіе на искусное вышиваніе. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова сказанныя Эйнгардомъ въ похвалу воспитанія дочерей Карла, — „которыхъ заставляли сидѣть за прялкою и за веретенкомъ и прясть шерсть, дабы онѣ не предавались лѣности и не привыкали къ тунеядству“. Хотя вышиваніемъ занимались также въ вышеназванныхъ „женскихъ отдѣленіяхъ“ и преимущественно въ императорскихъ, о благоустройствѣ и дѣятельности коихъ Карлъ особенно заботился, однакожъ, главное производство этихъ мастерскихъ составляло по преимуществу выдѣлка шерсти и льна для приготовленія тканей и одѣяній невысokaго достоинства.

Какъ мало достигали своей цѣли старанія императора обуздать страсть къ роскошнымъ одѣяніемъ, объ этомъ всего нагляднѣе свидѣтельствуется особое постановленіе объ одеждѣ, которое еще въ 808 году Карлъ вынужденъ былъ обнародовать. Въ этихъ правилахъ опредѣлены крайнія цѣны, не свѣше тридцати сольдовъ — за кафтанъ, подбитый куньимъ или выдровымъ мѣхомъ самаго высokaго достоинства, и десять сольдовъ за такой же кафтанъ на тонкомъ сурковомъ мѣху; изъ чего можно кетати судить, какъ роскошничали еще въ то время мѣховыми одеждami. Между тѣмъ, посылая подарки Гаруну-ар-Решиду, Карлъ, кромѣ испанскихъ лошадей, муловъ и собакъ, послалъ калифу только ткани изъ фрисландской шерсти, бѣлыя, сѣрыя и синія, такъ какъ по дошедшимъ до него слухамъ, эти предметы считались рѣдкостью на востокѣ и потому были очень дороги.

Только съ точки такого положенія дѣлъ, для насъ стануть понятны, во-первыхъ, разсказъ объ истинно-царскомъ нарядѣ супруги и дочерей императора, въ лѣтописи Ангильберта, старшаго совѣтника короля Піпина, а впоследствии духовника Карла великаго, и потомъ вообще тѣ свѣдѣнія о пышныхъ одѣяніяхъ франковъ, какія сообщаетъ „Санктъ-Галленскій монахъ“. Такъ напр. первый изъ приведенныхъ сейчасть писателей, описывая въ Панегрикѣ посвященномъ имъ Карлу великому, блестящій выѣздъ на охоту въ которомъ участвовали на лошадяхъ императоръ съ своимъ семействомъ, говоритъ слѣдующее:

„Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, окруженная многочисленными провожательницами, изъ высокихъ палатъ своихъ показалаь супруга великаго Карла. Блισταющія свѣжестью плечи ея соперничаютъ съ цвѣтомъ розъ, и

обвитые волосы не уступают въ блескъ пурпуру. Окрашенными въ пурпуръ повязками обвита голова ея вокруг висковъ снѣжной бѣлизны; золотыми нитями связана мантия; на головѣ ея играютъ драгоценные камни, и золотыми лучами сверкаетъ корона. Платье изъ тончайшаго полотна, дважды окрашеннаго въ пурпуръ, и на блестящей шеѣ горитъ множество всякаго рода камней⁴.

„За ней слѣдуетъ блестящая вереница дамъ. Впередѣ всѣхъ на легкомъ конѣ ѣдетъ гордо шагомъ Родруда. Дивно красуется на золотистыхъ волосахъ ея пурпуровая головная повязка унизанная рядами сверкающихъ камней какъ и золотая корона украшающая ея голову. Великолѣпная мантия затянута на груди застежкой⁴.

„Послѣ нея между дамами и въ сонмѣ провожательницъ выступаетъ красую свою Берта окруженная дѣвицами. Золотой обручъ обвиваетъ ея голову сіяющую дивной красотой. Золотыми шнурками переплетены бѣлокурые блестящіе волосы, и бѣлоснѣжную грудь ея ласкаетъ пушистая куница. Также и платье богато украшено благородными камнями играющими огнемъ въ безчисленныхъ рядахъ, и между ними сверкають топазы въ золотой оправѣ⁴.

„За нею ѣдетъ потомъ окруженная дѣвицами и въ нарядѣ ослѣпительной бѣлизны и залитая золотомъ, царевна Гизала, тонкая ткань ея покрывала исполосана вся пурпуровыми нитями⁴.

„Потомъ, вся украшенная драгоценностями, выступаетъ Родаида, легкую рысью обгоняя рой ликующихъ спутницъ своихъ, съ ногъ до шеи и волосъ блистая пестрыми камнями. На прекрасныхъ плечахъ прикрѣплена золотой булавкой шелковая мантия, роскошно унизанная рѣзными камнями. На миловидной головкѣ ея корона съ драгоценными камнями⁴.

„Вслѣдъ за нею скачетъ Оеодрада съ цвѣтущимъ лицомъ и сіяющимъ челомъ. Отъ блеска ея волосъ тускнѣетъ золото; вокругъ шеи вьется рядъ сверкающихъ изумрудовъ; руки и ноги, лице и щеки, все такъ и горитъ. Подобно звѣздамъ мечутъ искры огненные глаза; издали привлекаетъ на себя взоры мантия ея съ чернобурою опушкой; красивыя ножки ея обуты въ прекрасный Софокловъ котурнь!⁴

Приведенное описаніе, въ связи съ нѣкоторыми изображеніями, хотя и позднѣйшаго времени (фиг. 224), даетъ несомнѣнно довольно наглядное понятіе объ общемъ нарядѣ женщинъ высшаго круга. Въ запискахъ „Санктъ-Галленскаго монаха“, напротивъ, слѣдующимъ образомъ описывается одежда мужчинъ въ концѣ девятаго вѣка: „Славный Карлъ отправлялся обыкновенно по утрамъ къ обѣднѣ въ длинной одеждѣ съ шлейфомъ, вышедшей теперь уже изъ употребленія какъ и само названіе ея. Послѣ утренняя молитвословія онъ возвращался въ свои покои, гдѣ облачался въ царскую одежду соотвѣтственно времени года⁴. Говоря затѣмъ объ одеждѣ древнихъ франковъ, и разумѣя при этомъ одежду бывшую въ употребленіи при Карлѣ великомъ, онъ продолжаетъ, уступая очевидно впечатлѣнію всеобщей страсти къ роскоши позднѣйшей уже и современной ему эпохи (см. далѣе): — „У древнихъ франковъ одежда состояла

—изъ башмаковъ украшенныхъ снаружи золотомъ и съ шнурками длиною въ три локтя, изъ ярко-краснаго цвѣта повязокъ на ногахъ, и подъ ними такогже цвѣта полотняныхъ штановъ, украшенныхъ искуснымъ шитьемъ и крестообразно обвитыхъ кругомъ бинтами. Затѣмъ слѣдуетъ рубашка изъ лощеного полотна и поверхъ ея перевязъ съ мечомъ. Этотъ мечъ, съ блестящими на немъ крестиками, сберегался на гибель язычникамъ въ ножнахъ обтянутыхъ кожею, а поверхъ кожи бѣлою, натертою свѣтлымъ воскомъ полотняною тканью. Костюмъ этотъ довершала сѣраго или синяго цвѣта одежда четырехугольной формы перекинутаая черезъ плечи такимъ образомъ, что спереди и сзади каждый изъ обѣихъ концовъ спускался до ногъ, между тѣмъ какъ съ боковъ она едва достигала до колѣнъ“, стало-быть это было что-то вродѣ древней римской пэнулы (paenula) (фиг. 8).— При этомъ франки въ правой рукѣ носили палку съ правильно расположенными сучками изъ прямого древеснаго ствола, красивую, крѣпкую и надежную, съ ручкою изъ золота или серебра, украшенною изящною выпуклою отдѣлкою“. Вслѣдъ за этимъ, рассказчикъ, признаваясь самъ что онъ имѣлъ въ виду одежду позднѣйшаго времени и отличавшуюся бѣльшею нарядностью, говоритъ: „такой костюмъ я видѣлъ, не бывавъ никогда лично въ франконіи благодаря черепашьей лѣности своей, на главѣ франковъ, Лудовикъ германскомъ, скончавшемся въ 876 году, при посѣщеніи имъ монастыря святаго Галла“. Затѣмъ онъ продолжаетъ намекая на прежнее время, — „Но, такова уже природа человѣка, когда франки смѣшавшись съ галлами въ войскѣ, увидали какъ эти послѣдніе щеголяли своею воинскою одеждою пурпуроваго цвѣта, прельщаемые новостью, они стали пренебрегать древнимъ обычаемъ и подражать галламъ. Строгій императоръ (великій Карлъ), имъ не препятствовалъ, находя что одежда эта удобнѣе на войнѣ. Но какъ только онъ сталъ замѣчать что фрисландцы, употребляя во зло снисходительность его, короткіе кафтаны свои стали продавать по такимъ же цѣнамъ, по какимъ они прежде продавали самые длинные, онъ запретилъ имъ всѣмъ покупать какой либо другой одежды кромѣ бывшихъ дотолѣ въ употребленіи длинныхъ и просторныхъ плащей, прибавляя къ этому: какая польза отъ этого тряпья. Закрыватья имъ когда лежу на кровати я не могу, когда сижу на конѣ оно меня не защищаетъ ни отъ вѣтра ни отъ дождя, а приключись потребность какая, то пожалуй отморозишь себѣ ноги“.

Приведенный выше разсказъ не только по отсутстію исторической связи, но также по встрѣчающемуся въ немъ противорѣчію, какъ относительно усвоенія франками галльской роскоши, такъ и по описанію древне-франкской одежды, никакъ не можетъ считаться вѣрнымъ изображеніемъ костюма въ эпоху Карла великаго, но скорѣе представляетъ результатъ произвольнаго смѣшенія отдѣльныхъ указаній со смутными воспоминаніями о роскоши господствовавшей при жизни писателя. Поэтому и приводимый ниже подобнагоже рода разсказъ о Карлѣ этогоже повѣствователя, столькоже заслуживаетъ вѣроятія какъ и предъидущій, ибо и здѣсь цѣль писавшаго только, передать потомству примѣръ строгости императора. Дѣйствіе происходитъ въ Италіи. „Карлъ, самый бодрѣйшій изъ бодрыхъ франковъ, находясь на нѣкоторое время въ (той) странѣ для того, чтобы на мѣсто скончавшагося епископа опредѣлить достойнаго ему преемника, какъто

въ праздничный день послѣ обѣдни сказалъ приближеннымъ своимъ: „дабы, проводя время безъ дѣла не впасть въ лѣность, отправимтесь на охоту, всѣ въ томъ платьѣ какое теперь на насъ“. Но день былъ холодный съ дождемъ, и на Карлѣ былъ только овчинный тулупъ, едвали большей цѣны чѣмъ тотъ плащъ въ которомъ святой Мартинъ, радостно и съ обнаженными руками, принесъ угодную Богу жертву. Прочіеже, провожатели Карла, прибывъ по случаю праздника изъ Падуи, куда венеціанцы навезли всевозможныя богатства съ востока, явились одѣтыми, кто, въ шкурки финикійскихъ птицъ, обшитыя шелковой матеріею, и полосами оранжевыми и изъ тирскаго пурпура, украшенными павлиньими и другими перьями, кто опять также щегольски въ кунью или горностаевую мѣховую одежду. Въ такомъ нарядѣ они рыскали по-лѣсу, и вернулись наконецъ домой, съ одеждою изорванною сучьями и шипами, промокшею отъ дождя и перепачканою кровью убитыхъ звѣрей или содранною съ нихъ шкуръ. Тутъ лукаво сказалъ Карлъ: „одежду свою никто да не сниметъ съ себя до паступленія ночи, такъ лучше на насъ же пусть обсохнется“. Послѣ этого повелѣнія всѣ принялись хлопотать болѣе о тѣлѣ своемъ, чѣмъ объ одеждѣ, отыскивая гдѣ бы погрѣться у огня. Но возвратившись опять на службу къ царю, и пробывъ при немъ до глубокой ночи, они были наконецъ отпущены имъ на покой. Но какъ только они стали снимать съ себя тонкіе мѣха и еще болѣе тонкія шелковыя одѣянія, все стало трескаться по всѣмъ складкамъ и по швамъ, какъ трескается сухой лѣсъ, и стали они вздыхать и плакаться, что столько денегъ побросали въ одинъ день. Императоръже на слѣдующій день велѣлъ имъ явиться въ томъже самомъ костюмѣ. Они пришли, и такъ какъ теперь ни на комъ уже не было блестящей одежды, но на всѣхъ торчало полинялое тряпье, Карлъ приказалъ своему камерарію: „ступай, принеси сюда мой тулупъ.“ Тулупъ оказался цѣлъ и бѣлъ, императоръ взявъ его въ руки и показавъ всѣмъ присутствовавшимъ сказалъ: „О вы, народъ безразсудный, ну-ка, какой мѣхъ цѣннѣе и полезнѣе, тулупъли этотъ, купленный мною за шиллингъ, или ваши мѣха, стоявшіе не фунты, а многіе таланты?“ Тутъ всѣ понурили головы боясь встрѣтить его грознаго взора“.

Оставляя въ сторонѣ эти рассказы, мы видимъ по другимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, что описываемая упомянутымъ монахомъ одежда „древнихъ“ франковъ, въ дѣйствительности болѣе соответствуетъ позднѣйшей одеждѣ, бывшей въ употребленіи послѣ смерти Карла великаго, и въ особенности придворной при Лудовикѣ благочестивомъ, Карлѣ лысомъ и Лотарѣ. О Лудовикѣ, прямомъ преемникѣ императора Карла, біографъ его Тэганъ упоминаетъ, что подобно предшественнику его Карлу онъ „никогда не показывался въ золотой порфирѣ, исключая въ торжественные случаи“. Впрочемъ, судя по описанію торжественныхъ выходовъ этого императора, очевидно что нарядъ его въ нѣкоторыхъ частностяхъ пышностью своею превосходилъ прежнія облаченія. Такъ напримѣръ, кромѣ общеупотребительныхъ одѣяній и оружія, т. е. рубашки, шитыхъ золотомъ штановъ, золотого пояса съ золотымъ мечомъ, широкой мантии изъ золотой ткани и золотого вѣнца, кромѣ этихъ вещей, Лудовикъ въ торжественные дни надѣвалъ — „золотую туннику, золотые наножики и въ рукѣ держалъ золотой жезлъ (скаптръ)“. Сверхъ того, объ этомъже императорѣ повѣствуется, что въ высокаторжественные

праздники, какъ-то, въ особенности при крещеніи язычниковъ, и въ каждую Пасху онъ раздавалъ постоянно и большею частью даже лично, изячно отдѣланныя одѣянія и различные предметы для украшенія. „Въ первый день Пасхи“, — говоритъ все тотъ же Санктъ-Галленскій монахъ, — „онъ раздавалъ подарки всѣмъ пфальцкимъ служащимъ, и вообще всѣмъ состоящимъ на службѣ при дворѣ, каждому соответственно его чину; такимъ образомъ, что болѣе знатные получали перевязи для меча или пояса и самыя дорогія одежды, какія императору подносились были постоянно со всѣхъ концовъ его обширнаго государства. Людиже менѣе знатные награждаемы были фрисландскими плащами различныхъ цвѣтовъ; конюхи, хлѣбники и повара получали холщевыя и шерстяныя одежды и ножи соответственно званію и занятіямъ ихъ. Наконецъ, даже и нищіе небыли забыты, имъ давалось по одѣждѣ бѣлаго цвѣта.“—Когда совершалось крещеніе язычниковъ, какъ это случалось нерѣдко, крещаемые получали отъ крестныхъ отца и матери, которыхъ имъ назначала церковь: „дорогую франкскую одежду, оружіе и различнаго рода украшенія“, и въ добавокъ „лично отъ государя, бѣлое крещальное одѣяніе.“ При такихъ торжествахъ, представлявшихъ удобный случай воспріемникамъ выставить на показъ свое богатство, и цѣнностью подарковъ выказывать свое христіанское рвеніе, приношенія эти нерѣдко значительно превосходили обычную въ такихъ случаяхъ мѣру. Нагляднымъ примѣромъ тому можетъ служить составленное Эрмольдомъ Нигеллусомъ описаніе крещенія изгнаннаго изъ Даніи короля Гаральда и его семейства, при которомъ воспріемниками были самъ императоръ и семейство его, и представляющаго въ то же время вѣрную картину щегольства роскошными одѣяніями, господствовавшего среди знати при дворѣ Лудовика:

„Возрожденный духомъ Гаральдъ, въ бѣломъ одѣяніи вступаетъ въ блестящій домъ въ которомъ обитаетъ воспріемникъ его. Августѣйшій государь ему вручаетъ самыя цѣнныя подарки, какіе только могла доставить земля франкская: одѣяніе украшенное камнями и алымъ пурпуромъ, и кругомъ окаймленное золотою полосою. Къ бедру Гаральда онъ прикрѣпляетъ великолѣпный мечъ на золотой перевязи, который онъ самъ носилъ. Затѣмъ обѣ руки ему повязываютъ золотыми лентами, и вокругъ стана препоясываютъ поясомъ унизаннымъ множествомъ дорогихъ камней. На голову его государь возлагаетъ великолѣпную корону согласно обряду, а къ пяткамъ привязываютъ золотыя шпоры. На широкихъ плечахъ сверкаетъ золотомъ мантия, и бѣлыя перчатки покрываютъ его руки.—Затѣмъ и императрица отъ себя подарила много прекрасныхъ вещей Гаральдовой супругѣ Юдиои: платье богатоукрашенное золотомъ и драгоценными камнями, какое съ равнымъ искусствомъ одна только Минерва въ состояніи исполнить. Голова королевы обита золотыми повязками унизанными каменьями. На груди ея, освященной теперь святымъ крещеніемъ красуется великолѣпное наперсное украшеніе, и вокругъ шеи вьется гибкая цѣпь изъ сканнаго золота, на рукахъ ея запястья какія носятъ женщины. Станъ ея охватываетъ поясъ упругій, золотой, унизанный множествомъ камней, и съ головы сзади спущено покрывало блестящее золотомъ. Такимъ же образомъ любящее сердце Лотара нарядило также и сына Гаральда, подаривъ ему прекрасную шитую золотомъ одежду. Наконецъ и провожателей

королевской четы также одѣли въ франкскую одежду, милостиво подаренную имъ императоромъ“.

„Черезъ обширный дворъ въ церковь шествуетъ императоръ, усердный посѣтитель святаго Божьяго храма; весь въ золотомъ одѣяніи сверкающемъ драгоценными камнями. Радостно продолжаетъ онъ путь свой опираясь на слугъ, правую руку его поддерживаетъ Хильтвинъ а лѣвую Элизахаръ, между тѣмъ какъ впереди его идетъ Герунгъ, держа въ рукѣ жезлъ по установленному порядку, и изслѣдуя путь передъ стопами императора шествующаго въ золотой коронѣ на священной главѣ. За нимъ идетъ Лотаръ благочестивый въ свѣтломъ одѣяніи, и вслѣдъ за нимъ Гаральдъ, и позади его провожатели въ подаренныхъ имъ красивыхъ одѣяніяхъ. Весело впереди отца скачетъ рѣзвясь миловидный отрокъ Карлъ по звонкимъ мраморнымъ плитамъ. Дивно сіяетъ Юлионъ въ блестящемъ украшеніи великой государыни, которую сопровождаютъ двое князей съ особымъ почетомъ, Матфридъ и Гугонъ, чувствуя въ лицѣ ея августѣйшую супругу ихъ вѣнценоснаго повелителя, оба статные съ виду мужи въ золотыхъ одѣяніяхъ. Вслѣдъ за императрицею идетъ и Гаральдова супруга, радуясь полученнымъ подаркомъ. Тутъ мы видимъ и Фридуизуса, за нимъ слѣдуетъ толпа учениковъ, ихъ вѣра чиста и одежда ихъ безъ пятна. Позади ихъ наконецъ идутъ прочіе всѣ которыхъ праздничными одѣяніями одарилъ императоръ“.

Съ такою же щедростью Лудовикъ награждалъ также духовенство и папу, какъ объ этомъ съ достоинствомъ похвалою упоминаетъ тотъ же Эрмольдъ Нигеллусъ:

„Онъ отпустилъ Стефана пожаловавъ ему много подарковъ: два кубка изъ золота и камней, чтобы изъ нихъ онъ пилъ влагу которою Бахусъ надѣлилъ человѣческій родъ; благородныхъ коней и множество другихъ лошадей какихъ производитъ страна франковъ; вещи изъ золота, серебряные сосуды, пурпуровыя одѣянія и полотна блестящей бѣлизны. Что прибавить еще? Сторицею воздано было ему за подарки которые привезены были имъ изъ Рима. Все это пошло на его священную особу. Затѣмъ императоръ щедрою рукою одарилъ и служителей святаго мужа, давъ каждому изъ нихъ милостиво и соответственно званію ихъ: одежды различныхъ цвѣтовъ, охватывающія плотно все тѣло, сшитыя по образцу принятому въ доброй франкской землѣ; коней разукрашенныхъ, съ гордо поднятыми шеями и на которыхъ не легко было садиться владѣльцамъ ихъ. Обрадованный подарками, святой мужъ, согласно желанію своему, отправился съ своими спутниками обратно въ Римъ“.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что несмотря на то что въ покрое одежды съ теченіемъ времени вкрались различныя особенности, о франкской одеждѣ упоминалось постоянно какъ объ одеждѣ своеобразнаго вида. Между тѣмъ, сличая съ миниатюрными рукописями каролинговъ временъ, изъ коихъ нѣкоторыя доходятъ даже до 814-го года (фиг. 221), извѣстія объ одеждѣ бывшей всюду въ употребленіи въ то раннее время, и главнымъ образомъ изображенія въ греческихъ и англосаксонскихъ миниатюрахъ, мы замѣтимъ во всемъ относящемся одежды столько сходственнаго, что нельзя будетъ признать типическою чертою даже и той узкости въ покроѣ одежды,

какую нѣкоторые писатели, и въ томъ числѣ также Эрмольдъ Нигеллусъ, выставляютъ какъ самую характеристическую особенность „франкской“

Фиг. 221.

одежды. Оставляя въ сторонѣ украшенія, во всѣхъ названныхъ изображеніяхъ безъ исключенія, мужчины какъ высшихъ, такъ и низшихъ сословій, представлены если не въ строго древне римской одеждѣ, то большею частью

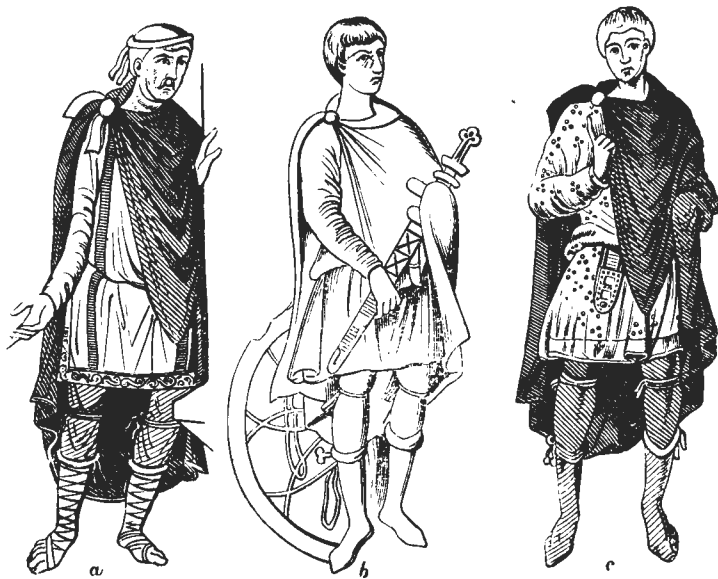
Фиг. 222.

въ туникѣ достигающей до колѣнъ и не слишкомъ просторной, но съ длинными узкими рукавами, въ штанахъ въ обтяжку и короткихъ полусапогахъ или

сапогахъ, (и въ такомъ случаѣ только колѣни обвязаны повязкою), илиже съ повязками на нижней части ногъ (фиг. 222. а. б. с). Затѣмъ, въ одной Библии въ церкви С. Павла въ Римѣ¹, временъ Карла лысаго, изображены сановники и князья (фиг. 223. а. б. с) въ четырехугольных плащахъ,

Фиг. 223.

Фиг. 224.

¹ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. XL. Ch. Louandre et Hangard—Maugé. Les arts somptuaires. T. I. J. von Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. таб. 37.

а другіе съ мечемъ, большимъ, овальной формы щитомъ и копьемъ. Женщины, напротивъ, изображенны въ тойже Библіи С. Павла весьма нагляднымъ образомъ, одѣты все сплошь въ болѣе или менѣе роскошно украшенныя нижнія одежды, доходящія до самыхъ пятокъ, сверху на нихъ накинута, или прикрѣплена застежкой на груди плащъ, а на ногахъ разноцвѣтные башмаки съ тупыми носками. — Въ виду указаннаго сходства въ одеждѣ слѣдуетъ предположить, что подъ такъ называемою — своею образною франкскою одеждою, подразумѣвался въ сущности нарядъ королей и самыхъ высшихъ придворныхъ чиновъ, въ противоположность именно весьма длинной и просторной византійской придворной одеждѣ; предположеніе это подтверждается крайней мѣрѣ современными указаніями о пышности Карла лысаго.

Объ этомъ король лѣтопись фульдскаго монастыря за 876 годъ говоритъ: „По возвращеніи своемъ изъ Италіи въ Галлію, Карлъ, какъ говорятъ, сталъ носить новомодныя и необычайной формы одежды. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ отправлялся обыкновенно въ церковь въ длинной и широкой далматской мантии, обвязанной поясомъ, спускавшимся до ногъ; въ шелковомъ наглавникѣ и съ вѣнцомъ. Пренебрегая совершенно древнимъ обычаемъ франкскихъ королей, онъ считалъ наиболѣе для себя приличнымъ греческое великолѣпіе. Отмѣнивъ королевскій титулъ, онъ приказалъ чтобы впредь его величали „императоръ и Августомъ“ надъ всеми королями которые царствовали по-сю-сторону моря, давая этимъ уразумѣть насколько онъ выше ихъ“. — Самымъ точнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ однако, служить лѣтопись С. Бертена. Въ помѣщенномъ здѣсь описаніи собора духовныхъ въ Понтионѣ въ 876 г., лѣтописецъ съ особеннымъ удареніемъ выставляетъ фактъ, что въ день открытія этого собора, 21 Іюня утромъ, „на императорѣ было шитое золотомъ одѣяніе франкскаго покроя, а что при закрытіи собора, Іюля 16, императоръ явился въ греческомъ орнатѣ съ короною на головѣ“. Въ этойже лѣтописи сказано кромѣ того, что въ числѣ подарковъ присланныхъ папою, отличались въ особенности скиптръ и золотой жезлъ; потомъ, что супруга императора тоже получила подарки, одѣянія и запястья, роскошно унизанныя драгоценными камнями; и далѣе, что царскія регаліи этого императора, доставшіяся послѣ его смерти Людовику отъ Рихильды, заключались въ слѣдующемъ: „въ мечѣ, прозванномъ мечомъ святаго Павла, царской одеждѣ съ короною, и золотомъ жезлѣ (скиптрѣ) украшенномъ драгоценными камнями. Затѣмъ, можно привезти двѣ миниатюры принадлежащія несомнѣнно къ девятому вѣку, и въ которыхъ изображены по всей вѣроятности Карлъ лысый (фиг. 225. а), а въ другой, сводный братъ его Лотарь (фиг. 225. б), и могущія также служить подтвержденіемъ тому, что при названныхъ короляхъ франкская одежда была преимущественно въ ходу. Одежда у обоихъ представляетъ гораздо болѣе сходства съ описаніями франкской одежды, чѣмъ съ чистовизантійскою придворною одеждою, ибо здѣсь мы не видимъ ни мантии, ни шелковаго наголовья, но короткую тунику и лентообразную повязку на нижней части ногъ, составлявшую отличительную особенность настоящефранкскаго костюма. Здѣсь же кстати слѣдуетъ замѣтить, что орнатъ франкскихъ государей, какъ впрочемъ видно уже по самимъ изображеніямъ, еще отнюдь не установился окончательно, но,

что касается основной его формы, постоянно держался общепринятого покроя, подвергаясь впрочем различным измѣненіямъ въ частностяхъ, какъ

Фиг. 225.

то въ особенности въ цвѣтѣ одеждъ, и въ характерѣ орнаментовки зна-
ковъ отличія царскаго достоинства ¹. Такъ, напр. дабы ограничиться однимъ
только примѣромъ, Карлъ, отправляясь въ походъ на Аттиньи противъ нор-
манновъ, кромѣ весьма цѣнныхъ запястій и многихъ другихъ предметовъ
для украшенія, везъ съ собою не менѣе трехъ коронъ самой роскошной ра-
боты, которыя, вмѣстѣ съ прочими вещами пропали по безпечности каз-
нохранителя, но, за исключеніемъ немногихъ цѣнныхъ камней въ послѣдствіе
были опять отысканы.

В. Таковъ былъ внѣшній характеръ такъ называемой франкской оде-
жды, и оставляя въ сторонѣ роскошный нарядъ королей и двора ихъ, вообще
характеръ одежды господствовавшей на западѣ до конца каролинговыхъ
временъ или до исхода девятого вѣка. Въ такой, хотя въ сущности романизо-
ванной, формѣ, одежда эта долго еще отвѣчала требованіямъ времени, и бла-
годаря этому удержалась почти безъ измѣненія около двухъ столѣтій. Но и по-
слѣ даже она измѣнилась не вдругъ, но лишь постепенно, и возвращаясь ча-

¹ Изъ прилагаемыхъ здѣсь рисунковъ, подъ фиг. 225. а. Карлъ лысый изображенъ въ слѣ-
дующихъ цвѣтахъ: корона золотая съ синими и зелеными камнями, подобой краснаго
цвѣта; плащъ краснофіолетоваго цвѣта (пурпуроваго), обшитый золотомъ, кайма вокругъ
него золотая съ синими и зелеными камнями попеременно; застежка на плащъ золо-
тая; туника синяя съ золотыми украшениями и золотою каймою, обсаженною зелеными
камнями; штаны краснаго цвѣта съ золотыми шнурами; башмаки изъ золотой царчи.—
На фиг. 225. б., изображающей Лотара, корона золотая съ красными ободками и такого же
цвѣта крапнями по обручу; плащъ фіолетовый (пурпуровый) съ золотомъ; туника
синяя съ золотомъ; штаны красные, цвѣта вишневари, съ золотыми шнурами; застежка
на плащъ и жезлъ золотые съ красными полосками, ободками и крапнями.

сто къ старымъ формамъ, притомъ же главнымъ образомъ только въ вышнихъ сословіяхъ.

1. Наглядное подтвержденіе вышесказаннаго, въ связи съ приведенными изображеніями временъ Карла лысаго и съ другими памятниками того же времени, представляютъ картины одного псалтыря половины десятаго вѣка, и хранящагося въ штуттгартской королевской библіотекѣ¹. Хотя время исполненія этихъ картинъ надо считать по крайней мѣрѣ пятидесятью годами позднѣе, тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ немногихъ частныхъ, форма одежды въ нихъ, какъ мужской такъ и женской, осталась все еще прежняя (фиг. 228; фиг. 229). Совершенно такого же вида одежда представлен-

Фиг. 226.

ная на многочисленныхъ памятникахъ одиннадцатаго столѣтія, мж. пр. въ изображеніяхъ на гильдесгеймскихъ бронзовыхъ дверяхъ (фиг. 226), а что касается основной формы ея, то мы ее встрѣчаемъ даже на памятникахъ вплоть до четырнадцатаго столѣтія, въ сценахъ олицетворяющихъ нисшія сословія, или народъ, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Всѣ измѣненія совершившіяся въ одеждѣ этого класса, ограничивались тѣмъ, что принадлежавшіе къ нему мужчины носившіе дотолѣ штаны (что впрочемъ насколько не составляло общаго обычая), постепенно перестали покрывать ихъ, замѣняя теперь наголенные повязки войлочными или кожаными сапогами или полусапогами; потомъ, что съ десятаго вѣка мужчины стали покрывать голову по обычаю саксовъ особаго рода соломенными шляпами; и наконецъ (приблизительно съ двѣнадцатаго вѣка), что они стали слѣдовать заведенію еще ранѣе между знатію обычаю, удлинять нижнюю одежду, а къ плащу прикрѣплять родъ капишона².— Женщины въ то же время, смотря по состоянію ихъ, слѣдовали преимущественно модамъ принятымъ въ высшемъ кругу (см.

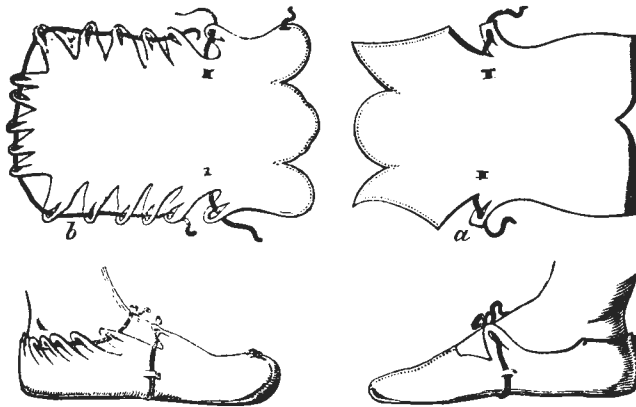
¹ K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste и пр. IV. Отд. 1. стр. 340. —

² Hefner-Altenneck. Trachten des christl. Mittelalters. I таб. 89 (въ одиннадцатомъ столѣтію).

ниже). О саксахъ конца десятаго вѣка упоминается между прочимъ, что народъ этотъ возбуждалъ во франкахъ удивленіе необычайною одеждою своею, состоявшею за исключеніемъ соломенныхъ шляпъ, изъ довольно просторной туники и длиннаго плаща. Вмѣстѣ съ тѣмъ они носили длинныя копья, небольшіе щиты, а на боку длинный ножъ, называемый са съ; сверхъ того, въ противоположность предкамъ своимъ шестаго вѣка, которые стригли волосы и брили бороду, нынѣшніе саксы отпускаютъ себѣ волосы до самихъ плечъ. — Впрочемъ, въ низшихъ сословіяхъ во все время, наряду съ сапогами и полусапогами оставалась въ употребленіи древняя подвязная кожаная обувь, состоявшая просто изъ кусковъ кожи съ ремнями, какъ видно по двумъ подобнаго рода башмакамъ, найденнымъ въ гробницахъ приблизительно десятаго вѣка близъ Оберфлахта въ Швабіи (фиг. 227).

Фиг. 227.

а. Если теперь мы обратимся къ одеждѣ высшихъ сословій, которая съ этого времени оставалась единственнымъ образцомъ, и рассмотрим вообще названныя картины въ псалтырѣ, мы увидимъ, что хотя форма одежды осталась безъ измѣненія, но тѣмъ не менѣе внѣшнее убранство ихъ значительно измѣнилось вслѣдствіе прибавленія разнаго рода украшеній, и что кромѣ того также часто мѣнялся цвѣтъ одежды. Въ мужской одеждѣ такая перемена выказывается съ одной стороны въ увеличеніи числа бордюровъ по краямъ (фиг. 228. с), потомъ, въ особенности въ формѣ штановъ, каждая половина коихъ представляла два различныхъ цвѣта, красный и синий, или красный и зеленый и т. д. (фиг. 228. а.), при чемъ этимъ цвѣтамъ соотвѣтствовалъ также цвѣтъ обуви. Обувь почти безъ исключенія составляютъ полусапоги (фиг. 228. с. d. e. f.), и лишь немногіе изъ изображенныхъ лицъ, и въ числѣ ихъ короли, которые впрочемъ, согласно съ извѣстіями о Карлѣ лысомъ (стр. 58) представлены, то въ короткой, то въ длинной туникѣ¹, носятъ на ногахъ башмаки подобно женщинамъ.

¹ Такъ какъ въ другихъ сочиненіяхъ не упоминается о длинной туникѣ въ этихъ изобр., то мы укажемъ здѣсь у J. v. Hefner—Alteneck. I. таб. 75 рисунки A. и D.

б. Женская одежда на картинахъ въ томъ же псалтырѣ, напротивъ, указываетъ на незначительное измѣненіе совершившееся въ ней съ теченіемъ

Фиг. 228.

времени главнымъ образомъ въ нижнемъ платьѣ (фиг. 229). Сюда относится ношеніе верхней туники съ широко раскрытыми короткими рукавами (фиг. 229. d); форма эта однако вошла въ общее употребленіе только въ

Фиг. 229.

слѣдующемъ, одиннадцатомъ столѣтіи (см. далѣе). На всѣхъ женщинахъ башмаки, по большей части краснаго цвѣта. Въ остальномъ костюмѣ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ схожъ съ прежнимъ, хотя и встрѣчаются уже отдѣльныя попытки къ заимствованію малоудобныхъ длинныхъ, влачащихся одѣяній, какими отчасти въ десятомъ вѣкѣ уже отличались монахини ¹.

¹ Такъ им. пр. въ Jahrbücher von Quedlinburg за 999 годъ сказано объ игуменѣ Матильдѣ: «Мы видѣли ее часто, но украдкою, когда, подобравъ платье свое подобно крестьянкамъ, она отправляла столь любимое ею занятіе (раздичу милостыни), не стѣсняясь одеждою, и раздававшую обѣими руками милостыню, вмѣсто того чтобы раздавать ее одною только правою, между тѣмъ какъ лѣвою она подбирала одежду».

2. Согласно съ этими картинами, прочія письменныя свидѣтельства за это время лишь подтверждаютъ употребленіе мужчинами преимущественно короткой тунники. Такъ мж. пр. у Видукинда, за 936 годъ, въ подробномъ описаніи церемоніи коронаванія Оттона I сказано, что „последній на торжество это явился въ тѣсно обхватывающей тѣло одеждѣ франк-скаго покроя“, и только „пурфира съ золотомъ застежкой, принадлежащая къ знакамъ царскаго достоинства, спускалась до самой земли“. Далѣе тотъ-же писатель говоритъ, что хотя Оттонъ, противъ стариннаго обычая, не брилъ бороду но ее отпускалъ всю, однако онъ никогда не промѣнялъ народ-ной одежды на иностранную. — Лиутцрандъ, посолъ императора Оттона, по поводу видѣнной имъ при греческомъ дворѣ длинной, весьма широкой и пышной одежды, замѣчаетъ (гл. 40 и 37), не безъ нѣкоторой желчи и на-мѣреннаго преувеличенія оскорбленнаго дипломата, что одежда франкскихъ королей нисколько не похожа на такую „бабью одежду“; что короли франковъ носятъ „изящную короткую прическу“, и покрываютъ голову шляпою, а не „бабыимъ чепцомъ“ подобно повелителямъ грековъ. Однако, сколько ни горячится посолъ чтобы въ смѣшномъ видѣ изобразить велико-лѣпіе греческаго двора, тѣмъ не менѣе онъ самъ пытался тайно присвоить себѣ нѣсколько кусковъ дорогаго пурпура, мало того, въ немъ возбуждаетъ даже зависть одно воспоминаніе о томъ, что у него отнято было опять по-хищенное, и съ негодованіемъ онъ восклицаетъ: „Стыдъ и срамъ! изнѣжен-ные, женоподобные люди, носящіе широкіе висячіе рукава, бабьи повойники и покрывала; народъ лживый, безполюй, тунеядный, емули пользоваться преимуществомъ носить пурпуръ, а не тѣмъ, кто мужественны, опыты въ бою, храбры, кои исполнены вѣры и любви, бояся Бога и ведутъ благо-честивую жизнь! Можетъ ли быть оскорбленіе болѣе унизительное чѣмъ подобное притязаніе!“ Впрочемъ, не смотря на явное пристрастіе къ націо-нальной одеждѣ, общество отнюдь не пренебрегало роскошью, напротивъ, оно любило по прежнему рядиться въ дорогія матеріи и украшенія, и сами короли поощряли роскошь при дворѣ, желая этимъ возвысить блескъ соб-ственной особы своей. Такъ мж. пр. монахъ Руотгеръ неоднократно упо-минаетъ о „пурпуровыхъ одеждахъ“ придворныхъ служителей, а въ дру-гомъ мѣстѣ разсказывается, что королева служащимъ при ней чинамъ да-ривала кромѣ цѣнныхъ одѣяній, часто даже и золотыя цѣпочки. У Видукин-да наконецъ, упоминается не только о подобнаго рода почетныхъ цѣпочкахъ и застежкахъ, а (въ хроникѣ его за 912 годъ) даже объ одной золотыхъ дѣлѣ мастерской, въ которой онѣ изготовлялись, но сверхъ того о весьма цѣнной застежкѣ герцога Гуга, „дивно отливающей блескомъ разноцвѣт-ныхъ камней“, уступленной имъ королю, и пожертвованной послѣднимъ на престолъ святаго Стефана.

Что касается женской одежды, относительно которой наши свѣдѣнія нѣсколько скуднѣе, то въ „житіи королевы Матильды“ о послѣдней сказано, что по полученіи ею извѣстія о смерти „герцога“ Генриха, „она сняла съ себя княжескія одѣянія, въ какія нарядила себя будучи уже вдов-ою. Послѣже смерти достойнѣйшаго короля Генриха, она носила постоян-но одноцвѣтное платье, но не для виду, ибо сверхъ него она надѣвала полотняную одежду, и для украшенія она довольствовалась весьма не-

многими золотыми вещами⁴. До этого времени однако она носила много цѣнныхъ вещей, въ томъ числѣ два чрезвычайно искусной работы браслета изъ золота, прилаженныхъ такъ плотно къ рукамъ, что снять ихъ могъ лишь золотыхъ дѣлъ мастеръ¹. — Потомъ монахиня Гротсуита сообщаетъ о святой Гербергги, посвятившейся служенію Господу, не смотря на знатное происхожденіе свое и совершившуюся уже помолвку ея: „не вдругъ она рѣшилась, для избѣжанія вниманія, оставить платье свое, блиставшее золотомъ, но продолжала носить великолѣпную одежду къ которой она привыкла“. А когда игуменья Ода ей приказала показать себя жениху, она вышла къ нему „во всей красѣ великолѣпно украшеннаго одѣянія, съ кольцами и драгоценными камнями по обычаю невѣстъ“.

Фиг. 230.

нѣмецкая, то не была ли она сдѣлана по греческому образцу². Какъ бы то ни было, изображеніе само по себѣ во всякомъ случаѣ олицетворяетъ нарядъ одного лишь этого императора. Къ тому же такое мнѣніе подтверждается еще однимъ извѣстіемъ объ Оттонѣ III, въ которомъ, хотя съ одной стороны и

Г. Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія, что попытка Карла лысаго, при саксонскомъ дворѣ ввести визавтійскій костюмъ, въ особенности при Оттонѣ I, осталась безъ послѣдствій, и развѣ только въ числѣ князей нѣкоторые по временамъ надѣвали при короткой нижней одеждѣ длинную тунику. Такъ было потомъ также при второмъ и третьемъ Оттонахъ, невзирая даже на близкія отношенія перваго изъ нихъ къ греческому двору, по случаю обрученія его съ Теофану, и несмотря на то что Оттонъ III съ малолѣтства находился подъ вліяніемъ своей матери, этой же Теофаны, и бабушки своей Адельгейты. Правда, въ собраніи дѣ Кюни въ Парижѣ хранится доска изъ слоновой кости, современная Оттону II и его супругѣ, и на которой оба изображены въ чисто-греческомъ одѣянніи (фиг. 230), но трудно рѣшить, не греческая ли это работа, а если она

¹ *Leben der Königin Mathilde*, гл. 16, 15. и 6. ср. также *Leben der Kaiserin Adalheid*, гл. 10, 11. — ² См. подробности у Du Sommerard. *Les arts au moyen âge*. II. таб. 11. — K. Schnaase. *Gesch. u. pr. II*, отд. 2, стр. 469, 501. — Ch. Louandre et Hangard — Maugé. *Les arts somptuaires I*. (рисунки).

говорится прямо, что этотъ императоръ „прилагалъ въ свое время не малое стараніе чтобы воскрешать древне-римскій (т. е. греческій) обычай, почти уже совершенно оставляемый“, однакоже съ другой стороны, тутъже и прибавлено, „что относительно этихъ нововведеній ходили весьма разнообразныя слухи“. Во всякомъ случаѣ еще при этомъ государѣ нововведенія эти не были всеѣмъ по вкусу, и тѣмъ менѣе могли возбудить къ подражанію большинство общества. Какъ наглядное подтвержденіе сказаннаго можно привести въ особенности рукописный служебникъ съ миниатюрами, принесенный въ даръ Ахенскому соборному капитулу Оттономъ III въ 1000 г. ¹. Здѣсь императоръ одинъ только представленъ въ длинной „далматской“ или греческой туникѣ доходящей до самыхъ ступицъ, въ настояще-греческомъ вѣнцѣ и широкой порфирѣ; окружающіе его, воины и ленные князья, напротивъ, все въ одеждѣ прежняго покроя, короткой туникѣ, обыкновенномъ плащѣ, узкихъ штанахъ и полусапогахъ.

Однако, хотя приведенныя выше событія на первыхъ порахъ лишь мало подвинули впередъ и ускорили дальнѣйшее измѣненіе одежды, тѣмъ не менѣе они не остались совершенно безъ вліянія, содѣйствовавъ мало-по-малу большому распространенію, по крайней мѣрѣ въ высшихъ классахъ, длинной туники и нѣкоторыхъ другихъ особенностей богатаго византійскаго костюма. Главный толчекъ къ этому подало безспорно сближеніе Оттона III съ Италіею, такъ какъ благодаря этому увеличился въ значительной степени привозъ товаровъ оттуда на сѣверъ, притомъже и сѣвероиталіянская торговля въ особенности, еще съ начала девятаго столѣтія поддерживала довольно правильныя сношенія съ византійскою имперіею ². Когда отъ Ліутпранда, посла Оттона I въ Византію, потребовали выдачи похищенныхъ имъ пурпуровыхъ матерій (стр. 163), онъ замѣтилъ: „что предметы эти не единственные въ ихъ родѣ, ибо на его родинѣ (въ верхней Италиі) женщины и монахи носятъ подобныя одѣянія“, а на вопросъ „откуда они получаютъ эти матеріи“, онъ отвѣтилъ: „отъ венеціянскихъ и амальфійскихъ торговцевъ, которые привозятъ къ намъ подобные предметы“. — Вообще же въ Италиі до этого времени, и наряду съ нравственною одичалостью пустившею глубокіе корни въ этой странѣ, развилась непомѣрная расточительность и страсть къ роскоши, которыя, встрѣтивъ въ лицѣ папы (963) самаго усерднаго поощрителя ³, во всякомъ случаѣ именно въ это время значительно содѣйствовали развитію сношеній съ Византіею. Этой страсти къ роскоши благопріятствовало сверхъ того еще то обстоятельство, что по крайней мѣрѣ начиная съ шестаго вѣка, Сицилія въ особенности, невзирая на господство въ ней мухамеданскихъ и норманнскихъ влестителей, осталась вполнѣ византійскою, и также на будущія времена сохранила

¹ J. v. Hefner—Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. табл. 47. особенно табл. 48 и текстъ.—² Ср. вообще C. F. v. Rumohr. Ital. Forsch. II. стр. 218. 316.—K. Schnaase. Gesch. и пр. I. отд. 2. стр. 565 и сл. 570. 580.—F. H. Ungewitter. Gesch. des Handels, и пр. (изд. 2). стр. 90 и сл.—³ То былъ недоброй памяти папа Іоаннъ XII; смотри объ немъ: Liutprand. Geschichte Kaiser Otto's гл. 10; гл. 15; затѣмъ K. D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters IV. стр. 284.—K. Schnaase, Gesch. der bild. Künste im Mittelalter II. Отд. 2. стр. 164.—J. Falke. Gesch. der deutsch. Trachten—und Modenwelt. I. стр. 75.

этотъ характеръ, какъ, по отношенію къ костюму и донынѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя мозаическія изображенія въ палермскомъ соборѣ ¹.

а. Главнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ такихъ византійскихъ товаровъ въ сѣверной Италіи была Венеція ². Изъ этого города товары шли черезъ Швейцарію на Цюрихъ, а потомъ, отчасти черезъ посредниковъ, состоявшихъ по большей части изъ евреевъ, либо внизъ по рѣкѣ Рейну, либо черезъ внутреннія области Германіи на Нюрнбергъ въ Польшу и Пруссію. Какъ ни ничтожны были въ царствованіе первыхъ Оттоновъ эти торговые обороты, и хотя даже при Оттонѣ III они, быть можетъ, все еще ограничивались не особенно правильнымъ обмѣномъ, зато послѣ смерти этого государя торговля значительно поднялась, благодаря тому особому покровительству, какое купцамъ оказывалъ преемникъ его Генрихъ II. Еще въ 1004 году, второмъ его царствованія, онъ даровалъ особыя права купцамъ, обезпечивавшія ихъ имущество и личность; затѣмъ и послѣдующіе императоры продолжали оказывать имъ покровительство; наконецъ, въ 1095 году, даже папа Урбанъ II объявилъ себя верховнымъ покровителемъ купцовъ.

б. Въ числѣ главнѣйшихъ родовъ товаровъ употребляемыхъ на одежду, и которые привозились въ Германію въ постоянно возрастающемъ количествѣ вышеуказанными путями, слѣдуетъ назвать, кромѣ множества разнаго рода нарядныхъ вещей, преимущественно византійскія шелковыя матеріи. ³ Правда что здѣсь подобнаго рода ткани извѣстны были еще прежде, но такъ какъ это были почти исключительно почетные подарки, присылаемые греческими императорами или персидскоарабскими и испаномавританскими калифами, то вещи эти поступали прямо въ сокровищницу королей. Теперь же онѣ стали появляться на рынкѣ, и предлагаться покупателямъ высшаго круга на выборъ, хотя и за весьма дорогую цѣну. — Все тѣмъ же путемъ, къ концу одиннадцатаго вѣка сталъ поступать въ продажу родъ бархата, предполагая, что именно такого рода ткани обозначались подъ названіями употребляемыми въ тѣ времена, какъ то: „самитъ, самисъ, эксамитумъ. Самый высшій сортъ пурпура, между тѣмъ, и теперь еще, какъ кажется, составлялъ продуктъ, коимъ исключительно распорядились одни византійскіе государи, и который вывозился иногда тайно (см. стр. 165) Еще до 1100 года императоръ Алексій I., по уговору ежегодно посылалъ вѣмецкому императору по-сто кусковъ матерій окрашенныхъ пурпуромъ, *ἐκατόν βλαττία*. — Понятно, что и теперь, какъ въ прежнія времена, были въ употребленіи ткани, изстари выдѣлываемыя въ самой странѣ, какъ-то, льняныя и шерстяныя матеріи, производство которыхъ съ теченіемъ времени значительно усовершенствовалось. Первые, выдѣлывались по прежнему весьма высокаго ка-

¹ См. относящіеся сюда рисунки въ: Serra di Falco, del Duomo di Monreale e di altre chiese siculo Normanne. Palermo. 1838. въ особ. таб. X и таб. XI; еще лучше у: T. Hittorf und Zanth. Architecture moderne de la Sicile и пр. Paris. 1835, и фигуру короля Рожера у Gally Knight. Saracenic and Norman remains to illustrate the Normans in Sicily. Lond. 1840. въ большой листъ. Къ этимъ сочиненіямъ K. Schnaase. Geschichte der bild. Künste im Mittelalter. II. Отд. 2. стр. 173. — ² Eroже. Gesch. d. bild. Künste и пр. II. Отд. 2. стр. 173. — Н. Ungewitter. Geschichte des Handels, des Industrie und Schiffahrt. (Изданіе 2). стр. 149 и сл. — ³ См. выше (стр. 47 прим. 2) литературу о шелкѣ и шелковыхъ издѣліяхъ.

чества, главнымъ образомъ въ сѣверо-и юговосточныхъ областяхъ, населенныхъ еще по большой части славянами, въ моравіи, богеміи и силезіи; а шерстяныя матеріи преимущественно въ областяхъ по нижнему теченію Рейна и въ Нидерландахъ. Сукна выдѣлываемыя въ этихъ мѣстахъ раздѣлялись на тонкія и плотныя; въ числѣ послѣднихъ наичаще употреблялась еще при Карлѣ великомъ, такъ называемая фризовая ткань (или байка). Тѣ же самое надо сказать и о полотнѣ, изъ различныхъ сортовъ котораго въ одиннадцатомъ вѣкѣ изготавливались упоминаемыя Адамомъ бременскимъ *faldones* (одежды со складками, съ борами), составлявшія въ торговлѣ съ сѣверными народами, по свидѣтельству того же писателя, предметъ для размѣны на дорогіе мѣха. Съ всеобщимъ распространеніемъ роскоши въ описываемое здѣсь время, увеличилась въ особенности и страсть къ дорогимъ мѣхамъ, — „запахъ отъ которыхъ“, — по сѣтованіямъ все того же Адама бременскаго, — „внесъ въ нашъ міръ смертоносную заразу кичливой гордости и тщеславія. Всѣми средствами, правыми и неправыми, мы гоняемся за дорогою одеждою на кушемъ мѣху, какъ будто за высшимъ блаженствомъ, тогда какъ тѣ, (сѣверные племена), шкуры эти цѣнятъ не дороже помета, и такимъ образомъ мы сами надъ собою чинимъ судъ“. Впрочемъ, въ десятомъ вѣкѣ упоминается также о русскихъ мѣхахъ, какъ о почетныхъ подаркахъ конями между собою обмѣнивались государи. Вслѣдствіе такого щегольства мѣхами, товаръ этотъ, начиная съ двѣнадцатаго вѣка стали различать на „пестрый“, (*varium*, *varo*, *vajo*), въ родѣ мягкаго сурковаго мѣха, „сѣрый“, (*griseum*), или бѣличій, и „пестросѣрый“, (*varium griseum*), т. е. смѣсь обоихъ названныхъ разрядовъ. Вообще дороже всего цѣнился соболь, бобръ и горностаи, а къ концу одиннадцатаго вѣка пошли въ моду рыжіе лапчатые плащи, (*gulae*, *gueules*).

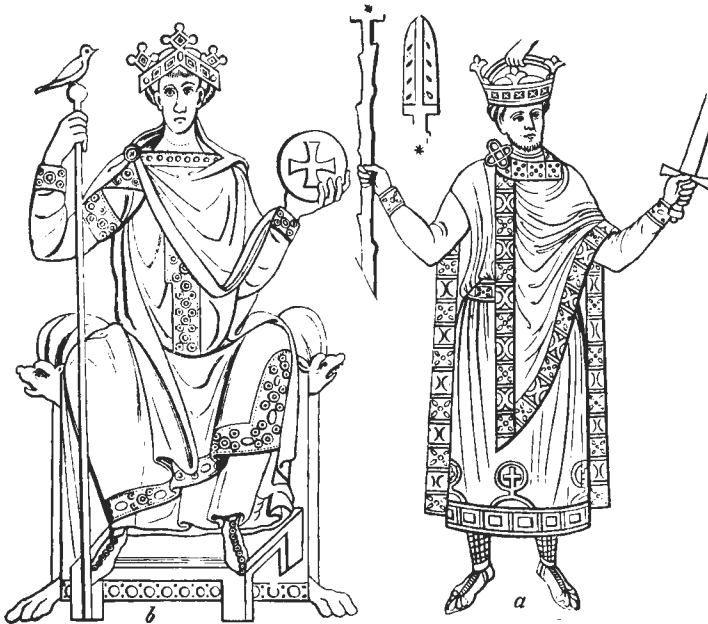
в. Что касается цвѣтовъ, то хотя и теперь все еще предпочитались большею частью самыя яркіе цвѣта, какъ то бѣлый, голубой, свѣтлозеленый, пунцовый, яркочелтый, пурпуровый и т. д., однако при сочетаніи ихъ соблюдалась нѣкоторая гармоничность, и теперь гораздо рѣже чѣмъ въ прежнія времена встрѣчается непосредственное сопоставленіе однихъ возлѣ другихъ рѣзкихъ колеровъ, напр. краснаго съ зеленымъ, желтаго съ синимъ и пр. — Искусство вышивать¹ ко тканямъ значительно усовершенствовалось за все это время. Имъ занимались какъ прежде почти исключительно женщины высшаго круга, въ особенности въ Англіи; также и въ женскихъ монастыряхъ, въ числѣ которыхъ по этой части отличались преимущественно бенедиктинскія аббатства на Рейнѣ и Дунаѣ: но вышиваніе теперь уже не ограничивалось болѣе однимъ лишь рутиннымъ подражаніемъ неизмѣннымъ греческимъ образцамъ, но самостоятельно производило многофигурныя композиціи туземнаго изобрѣтенія. Еще Оттонъ III имѣлъ мантию на которой были вышиты событія изъ Апокалипсиса, по всей вѣроятности рукою Матильды кведлинбургской; впрочемъ, о значительномъ развитіи искусства вышиванія въ эпоху о которой мы говоримъ, свидѣлствуютъ сверхъ того еще многія подобнаго рода богатыя одѣянія сохранившіяся до нашего времени. Такъ мж. пр. торжественная мантия въ ко-

¹ K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste im. Mittelalter и пр. II. отд. 2. стр. 343 и сл.—F. Bock. Gesch. der liturg. Gewänder im Mittelalter I. стр. 146.

торой короновались венгерскіе короли, вышитая вѣроятно въ 1031 году Гизелою, благочестивою супругою Стефана святаго ¹; затѣмъ, три вышитыя золотомъ облаченія, пожертвованныя въ бамбергскій соборъ императоромъ Генрихомъ II. Впрочемъ, въ сказанное время, подобнаго рода облаченія составляли еще рѣдкое исключеніе, и обладателями ихъ были развѣ только короли и высшее духовенство, такъ что страсть къ роскошнымъ одѣяніямъ покажется должна была довольствоваться почти исключительно привозными греческими или мавританскими матеріями.

г. Измѣненія совершившіяся въ формѣ одежды въ продолженіе времени отъ одиннадцатаго до двѣнадцатаго вѣка, представляетъ наглядно довольно значительный рядъ миниатюрныхъ изображеній того времени. По хронологическому порядку, и въ отношеніе собственно мужскаго костюма, этотъ рядъ открывается нѣсколькими изображеніями императора Генриха II, относящимися стало быть къ періоду отъ 1002 по 1024 годъ. Три изъ этихъ изображеній приложены къ одной грамотѣ положенной самимъ Генрихомъ въ ризницу бамбергскаго собора, и хранящейся теперь въ мюнхенской королевской библіотекѣ ². Вездѣ въ этихъ картинахъ гдѣ императоръ представленъ въ полномъ орнатѣ, на немъ длинная туника и длинная пышная мантия, та и другая одежда дорогихъ цвѣтовъ, и богато украшены драгоценными камнями. Впрочемъ, на двухъ изображеніяхъ ³, украшенія и форма

Фиг. 231.

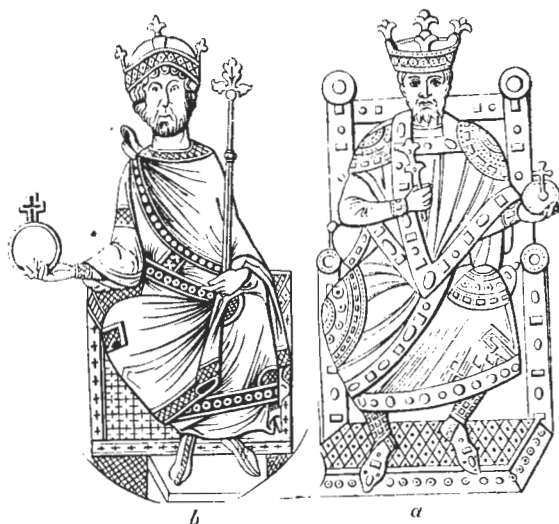

¹ F. Bock, *Gesch. der liturg. Gewänder*. I, стр. 156 и сл. таб. III.—Потомъ у него же I, стр. 164, таб. IV.—² J. v. Hefner-Altenneck, *Trachten des christl. Mittelalters* I, таб. I. 2. 7. въ текстѣ стр. 2, 3 и 9.—³ Didron, *Annales archéologiques* XVIII, стр. 154.

знаковъ царскаго достоинства, какъ то, короны, скиптра и державы, носятъ скорѣе отпечатокъ прежнихъ обычныхъ въ германіи формъ царскаго наряда, (фиг. 231. а, б), тогда какъ въ облаченіи императора на третьей миниатюрѣ выдержанъ вполне до мельчайшихъ частныхъ настояще-греческій характеръ (фиг. 232. а.)¹. Этому послѣднему изображенію соответствуетъ другое, тогоже императора, на одномъ ковчегѣ для мощей находящемся въ Парижѣ въ Луврѣ (фиг. 232. б), но по всей вѣроятности изготовленномъ

Фиг. 232.

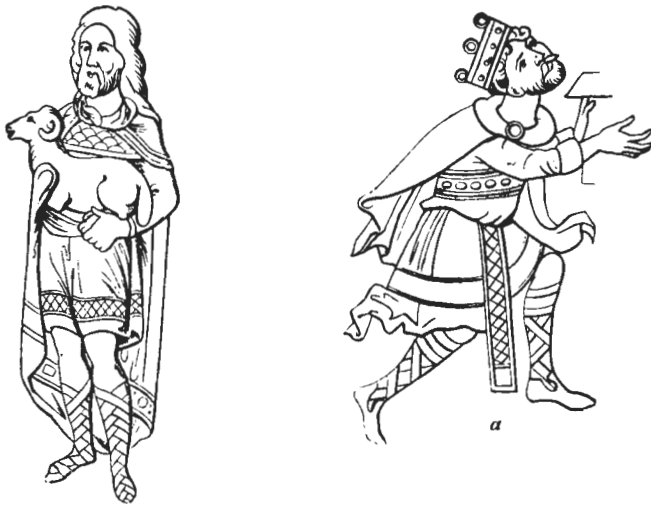

уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи². Если, съ одной стороны, вышеприведенныя миниатюры, наравнѣ съ другими современными имъ изображеніями лицъ высшаго круга, служатъ явнымъ доказательствомъ значительнаго распространенія въ началѣ одиннадцатаго вѣка въ высшемъ обществѣ, длинной „далматской“ туники и другихъ особенностей греческаго костюма, то, съ другой стороны, нѣтъ недостатка и въ такихъ свидѣтельствахъ, что до самого конца этого періода оставалась въ употребленіи также „древнефранкская“

¹ Цвѣта на фигурѣ 231. а. слѣдующіе: корона, золотая, обложенная внутри цинковыми; мантия, синяя; туника, бѣлая съ золотой обшивкою; чулки, краснаго цвѣта; башмаки, золотые. Рукоять меча, поясъ, и кошель золотые: — у фиг. 231. б: корона, золотая съ краснаго и зеленаго цвѣта камнями; скиптръ, золотой; держава, золотая съ бѣлыми крестомъ; мантия, синевадозеленаго цвѣта, вокругъ шеи золотая кайма съ золотыми и красными камнями; верхняя туника пурпуроваго цвѣта съ золотыми бортами, красными и зелеными камнями; нижняя туника, бѣлая; чулки, красные; башмаки, черные, унизанные красными камнями въ бѣлой оправѣ; — фиг. 232. а: корона, золотая обложенная внутри красными; мантия, синебагроваго пурпура съ золотой каймою обложенною красными и синими камнями и бѣлыми жемчугомъ; туника, синевадозеленаго цвѣта съ золотой каймою и красными, синими и бѣлыми камнями. Кнѣпки на одеждахъ золотыя съ бѣлыми крапинами и пр. скиптръ, золотой съ двумя бѣлыми камнями; держава, золотая, съ синими полемъ посерединѣ, бѣлыми крестомъ и бѣлыми точками; чулки, красные съ темнокрасными полосами; краины свѣтлокраснаго цвѣта; башмаки золотые съ красными, синими и бѣлыми камнями; ремни золотые, синіе по краямъ. —² J. v. Hefner-Alteneck. Trachten в пр. I. таб. 43.

одежда. Прямь подтвержденіемъ вышесказаннаго можетъ служить другое изображеніе тогоже императора, помѣщенное въ числѣ миниатюръ одной рукописи хранящейся въ бамбергской библіотекѣ ¹, и въ которомъ императоръ, не считая византійской перевязи на немъ, представленъ въ древнемъ народномъ костюмѣ, въ короткой туникѣ, короткомъ плащѣ и съ повязкою на ногахъ ² (фиг. 232. а). Изъ этого легко убѣдиться, что такого рода изображенія относящіяся къ этой эпохѣ, отнюдь не основывались на одномъ только преданіи, какъ можнобы было заключить разсматривая нѣкоторыя изъ этихъ произведеній (фиг. 233. б). Притомъ же, о первыхъ крестоносцахъ (въ исходѣ

Фиг. 233.

одиннадцатаго вѣка), упоминается въ особенности, что при вступленіи ихъ въ Византію, на нихъ была богатая франкская одежда ³, и что, въ послѣдствіе, когда, въ подражаніе восточнымъ народамъ, они стали носить обычные на востокъ длинные кафтаны, франки по этому случаю принимали за епископа брата Готфрида бульонскаго, Бальдуина ⁴. Вообще однако, на памятникахъ живописи и вазиія, въ особенности второй половины одиннадцатаго столѣтія, въ изображеніяхъ высшихъ классовъ общества, лишь изрѣдка можно встрѣтить короткую франкскую одежду, и значительнѣйшее число этихъ изображеній, какъ напр. фигуры императоровъ на такъ называемомъ мечѣ святаго Маврікія, хранящемся вмѣстѣ съ другими регаліями нѣмецкихъ государей въ Вѣнѣ, либо почти совершенно сходственны съ костюмомъ императора Генриха на послѣдней изъ вышеупомянутыхъ миниатюръ, либо представляютъ смѣсь туземной, т. е. франкской одежды съ византійской,

¹ Цвѣта на фиг. 233. а. слѣдующіе: корона золотая; мантия, краснаго цвѣта съ золотой застѣжкой; верхняя туника, зеленая съ золотыми наймами; перевязь, золотая; нижняя туника, синяго цвѣта; чулки съ фіолетоваго цвѣта повязкою; башмаки, золотые.—² K. Schnaase. Gesch. и пр. II. отд. 2. стр. 30. Прим.—³ Wilhelmi, historia belli sacri, seu expedit. Hierosolim. X. 2.—⁴ J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. таб. 58 съ текстомъ.

какъ напр. рисунки сдѣланные перомъ, въ одной рукописи парижской библіотеки (фиг. 234). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что начиная съ одиннадцатаго столѣтія стало обнаруживаться стремленіе къ такому сля-

Фиг. 234.

нію, выказывавшееся вплоть до половины того вѣка въ возраставшемъ распространѣніи какъ длинной туники, такъ и богатыхъ, узорчатыхъ греческихъ матерій. Къ исходу этой эпохи, форма одежды, сливаясь все болѣе съ характеромъ византійскаго костюма, достигаетъ наконецъ того богатства, какое намъ представляетъ напр. бронзовая надгробная плита Рудольфа швабскаго въ мерзебургскомъ соборѣ, изготовленная въ 1080 году (фиг. 235). Наконецъ, въ дополненіе къ вышесказанному приведемъ одно извѣстіе 994 года, о Титмарѣ мерзебургскомъ, подтверждающее также употребленіе еще въ сравнительно раннее время, длинной туники, т. е. той формы одежды, съ которой именно и началось вышесказанное измѣненіе; въ этомъ извѣстіи говорится, что Титмаръ, во время опаснаго путешествія, и конечно только изъ предосторожности, носилъ свѣтское платье, закрывавшее духовную одежду его.

Въ числѣ другихъ особенностей касающихся костюма мужчинъ, слѣдуетъ еще упомянуть о возобновленіи обычая отпускать бороду, и затѣмъ о нѣкоторыхъ видахъ головныхъ уборовъ, входившихъ все болѣе въ употребленіе въ это время. Относительно перваго пункта, мы знаемъ, изъ приведеннаго выше замѣчанія Видукина (стр. 163), что около половины десятаго вѣка отдѣльныя личности высшаго круга впервые стали опять носить бороды, и судя по изображеніямъ за все это время вплоть до двѣнадцатаго вѣка, обычай этотъ господствовалъ повидимому только среди этихъ

сословіи, и быть можетъ составлялъ даже отличительный признакъ ихъ. И дѣйствительно, за исключеніемъ небольшого числа изображеній представляющихъ людей низшаго класса и лицъ высшаго духовенства, почти только одни короли и князья, да еще

Фиг. 235.

„три повозавѣтныхъ царя (вохва) (фиг. 234) представлены въ бородѣ (ср. фиг. 231. а; фиг. 232 и сл.). Благодаря сношеніямъ запада съ Византією, между знатыми вошли въ употребленіе особаго рода шапки изъ матеріи, совершенно похожія на древнюю фригійскую шапку (фиг. 234), форма которыхъ впрочемъ отчасти была извѣстна еще ранѣе, и замѣнявшія на войнѣ иногда металлическіе шишаки (ср. фиг. 222. а, и отдѣлъ о „вооруженіи“). На ряду съ этими шапками изъ ткани, отличавшимися иногда болѣе или менѣе богатою золотою обшивкою по околышу, стали мало-по-малу появляться шляпы съ мѣховою либо золотою опушкою. Низшіе классы, напротивъ, и въ это время все еще держались стараго обычая непокрывать голову, и только уступая необходимости они надѣвали простые круглыя кожаные шапки, или покрывали голову лоскутомъ соломенной плетеницы, который привязывали къ головѣ шнуркомъ (стр. 160).

Остается еще прибавить, что въ высшихъ классахъ общества все болѣе сталъ распространяться обычай непосредственно на голомъ тѣлѣ носить (большую частью) полотняныя рубашки; что касается формы штановъ, то мы можемъ здѣсь лишь повторить что было сказано объ этой части одежды у норманновъ. — Лѣгонисцы осьмага до двѣнадцатаго вѣка неоднократно восхваляютъ нѣсколькихъ современныхъ имъ мужей, отличавшихся особымъ благочестіемъ, и отвергавшихъ употребленіе подобныхъ рубашъ ¹, какъ несогласное съ понятіями аскитизма, и прикрывавшихъ тѣло свое грубою власяною одеждою, какую изстари носили подвижники, палагавшіе на себя добровольно самое строгое покаяніе, или грѣшники состоявшіе подъ церковною эпитимією. — Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть, что въ одиннадцатомъ вѣкѣ нѣкоторые щеголи изъ высшаго круга стали носить туники окрашенныя на половину въ различныя цвѣта, въ родѣ того какъ, по излюбленной модѣ предъидущаго столѣтія окрашивались штаны (стр. 161); затѣмъ, что, кромѣ множества вещицъ для украшенія, вродѣ пѣпочекъ съ приделанными къ нимъ зеркальцами ² изъ полированной серебряной жести, теперь введено было также употребленіе перчатокъ (ср. стр. 154 и сл.).

¹ Такъ иж. пр. Титмаръ рассказываетъ что епископъ Эйль надѣвалъ рубашку и штаны только когда снѣ служилъ обѣдню. — ² Судя по одному извѣстію, не вполне достоверному впрочемъ, подобнаго рода зеркальца носили на своихъ башмакахъ еще во времена Карла великаго духовные изъ «С. Мартини де ла Туръ», дабы удобнѣе созерцать свое достоинство. А. Berlepsch. Chronik и пр. стр. 105.

2. Женская одежда между тѣмъ и въ одиннадцатомъ столѣтіи осталась въ сущности такоюже какою была прежде. По свойственному ей изстари сродству съ западноримскою и византійскою одеждою, всякое измѣненіе въ первое время должно было необходимо отразиться не столько въ формѣ ея, сколько главнымъ образомъ въ качествѣ матерій изъ которыхъ она приготовлялась и также во внѣшней ея отдѣлкѣ, а въ этомъ отношеніи женскій полъ сумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами которыя ему доставляла развивавшаяся торговля (стр. 166). По этому то стали все болѣе входить въ моду роскошныя греческія одѣянія и ткани; и какъ на единственное серьезное измѣненіе совершившееся въ одеждѣ, можно указать теперь на всеобщее усвоеніе женскимъ поломъ, болѣе короткихъ верхнихъ одеждъ, съ болѣе широкими висячими рукавами различной длины, моды, начавшейся впрочемъ еще въ десятомъ вѣкѣ и благодаря которой нижняя одежда пріобрѣла теперь самостоятельное значеніе ¹, (фиг. 237 а. б. с; ср. фиг. 229 d). Соответственно тому верхняя одежда стала еще роскошнѣе отдѣливаться чѣмъ въ прежнее время, и иногда даже украшалась посерединѣ кругомъ широкой обшивкою (фиг. 237 е); въ такомъ же родѣ, и такимъ же бордюромъ обшивались и рукава на плечахъ и по краямъ (фиг. 237. б). Кромѣ того теперь еще въ большемъ количествѣ употреблялись всякаго рода украшенія ², такъ нж. пр. дорогіе пояса и застѣжки, браслеты (отчасти спиральной формы, отчасти украшенные эмалью и головками), ожерелья, золотыя серги (inaures и ottinga), кольца съ дорогими камнями, шпильки для волосъ, рѣзные, богатоукрашенные гребни изъ сложенныхъ кости или бива ³, прозрачныя покрывала и т. п.; затѣмъ, отчасти чисто греческіе или азіатскіе головные уборы, въ видѣ болѣе или менѣе роскошно украшенныхъ круглыхъ шапочекъ и наголовниковъ (фиг. 237 а. б; фиг. 238; фиг. 239).— Еще въ началѣ одиннадцатаго столѣтія, наряду съ обыкновенною женскою одеждою прикрывавшею все тѣло, существовала другая, совершенно иного характера, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ сътованія Титмара мерзебургскаго, указывающаго на скромный видъ одной матроны — „нисколько не походящей на женщинъ

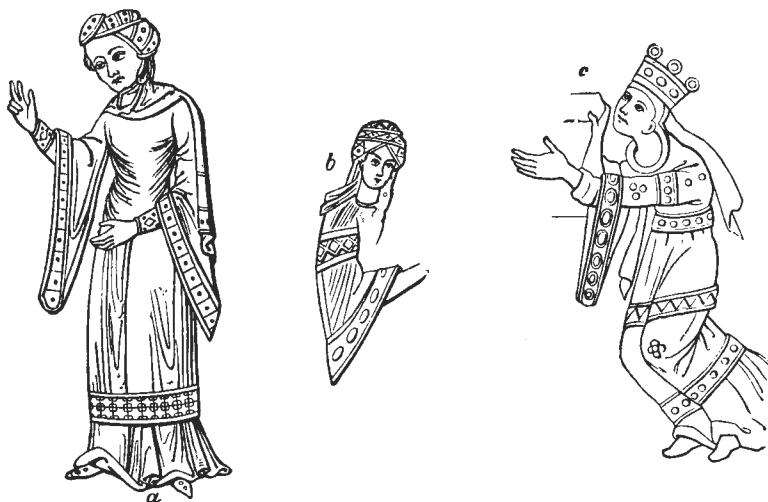
Фиг. 236.

¹ J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalt. I. таб. 42. — ² Въ Monum. Boic. упоминается о золотыхъ дѣлѣ мастерѣ, жившемъ еще въ 1011 г. по имени Перенгеръ. Ср. G. Klemm. Culturgesch. и пр. I стр. 111 и сл.; 161 и сл. — ³ Нѣсколько экземпляровъ подобнаго рода гребней, отчасти богатоукрашенныхъ камнями, сохранилось доселѣ. Такъ нж. пр. гребешокъ для бороды принадлежавшій Генриху I, въ Кведлинбургѣ. у F. Kugler. Kleine Schriften и пр. потомъ у J. v. Hefner-Alteneck и C. Becker. Geräthschaften и пр. I. таб. 61. другой таѣже I. таб. 28, изъ дерева, и еще такъ наз. гребешокъ святой Гильдегарды; въ ея же, Trachten des christl. Mittelalters. I. таб. 38.

настоящаго вѣка, которыя, обнажая непристойнымъ образомъ нѣкоторыя части своего тѣла, раскрываютъ то что въ нихъ есть продажнаго передъ

Фиг. 237.

взорами любителей, и въ такомъ видѣ, не зная никакого стыда, показываются въ народѣ“. Впрочемъ, подъ словомъ „обнажать“, Титмаръ по всей вѣроятности разумѣваетъ не наготу безусловную, какъ подтверждается также и другими свидѣтельствами¹, но скорѣе намекаетъ на употребленіе платья тѣсно обхватывающаго тѣло и сталобыть обрисовывающаго вполнѣ его формы. Такого рода одежда тѣмъ не менѣе была способна возбуждать жалобы духовенства; въ особенности въ томъ ея видѣ, въ какомъ ее представляютъ нѣкоторыя миниатюры, какъ полагаютъ одиннадцатаго вѣка (фиг. 238; фиг. 239)², но по художественному исполненію соответствующія скорѣе второй половинѣ двѣнадцатаго.

Относительно убранства волосъ женскій полъ слѣдовалъ древнему обычаю, распуская свободно волосы, или, подвязывая ихъ вверхъ лентами украшенными обыкновенно шитьемъ и прикрѣпляя прическу изящными шпильками.

Д. Съ развитіемъ городской жизни въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія и учрежденіемъ въ городахъ цеховъ и гильдій, всѣ извѣстныя дотолѣ отрасли промышленности достигли еще большаго процвѣтанія, а съ другой стороны, благодаря свободному развитію торговли, привозимые товары все болѣе проникали въ народъ, и сверхъ того къ нимъ прибавлялось много новыхъ предметовъ. Вообще однако, развитіе это шло на первыхъ порахъ довольно медленно но твердо, и уже во второй половинѣ этогоже вѣка, вслѣдствіе сильнаго

¹ J. Falke. Geschichte der deutschen Trachten-und Modenwelt I. стр. 76.—² J. v. Hefner-Alteneck. Trachten der christl. Mittelalters. I. таб. 90.

толчка произведеннаго крестовыми походами, оно стало быстро приближаться къ важному и обильному по послѣдствіямъ своимъ повороту (стр. 135).

Фиг. 238.

Фиг. 239.

а. Благодаря главнымъ образомъ крестовымъ походамъ кругъ торговыхъ предпріятій значительно расширился, вслѣдствіе чего установилось болѣе прямое сообщеніе съ востокомъ. Съ этого времени сношенія съ тамошними народами стали правильнѣе, и не ограничивались уже преимущественно только путемъ черезъ Венецію. Вскорѣ и другіе города въ Италіи примкнули къ торговому движенію, какъ мж. пр. Пиза и Генуа, вслѣдствіе чего открылись новые пути для торговыхъ оборотовъ съ югомъ. Такимъ образомъ еще въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, торговля обѣихъ этихъ постоянныхъ соперницъ богатой Венеціи овладѣла на западѣ средиземнаго моря Сицилією и побережьемъ сѣверной Африки и Испаніи. И хотя даже въ послѣдствіе времени генуэзцамъ, ни въ Византіи, ни на востокѣ не удалось сокрушить господства богатыхъ венеціянцевъ давно уже основавшихъ колоніи свои въ этихъ странахъ, тѣмъ не менѣе, по окончаніи крестовыхъ походовъ они захватили въ свои руки главную торговлю съ Египтомъ. Пиза между тѣмъ, нѣкогда важное торговое мѣсто, утратила мало-по-малу прежнее свое значеніе и пала почти одновременно съ могуществомъ Гогенштауфеновъ; взамѣнъ стала возвышаться Флоренція, хотя она никогда не принимала дѣятельнаго участія во внѣшнихъ, заморскихъ торговыхъ предпріятіяхъ.

Главнѣйшими посредниками въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ остались однако по прежнему венеціянцы. Владѣя уже колоніями на западѣ еще съ

двѣнадцатаго вѣка, какъ напр. въ Марсели, онѣ также въ Византіи, императоръ Эманиилъ въ 1147 г., успѣли пріобрѣсти привилегіи, передавшія въ ихъ руки почти всю торговлю съ Греціею и востокомъ. Вопреки строгимъ предписаніямъ церкви, венеціянцы съ этого времени поддерживали постоянныя сношенія съ трудолюбивыми сарацинами, извлекая для себя прибыли преимущественно въ Иконіи, а затѣмъ, какъ самые дѣятельные соперники генуэзцевъ, также въ Египтѣ и Тунисѣ. Завладѣвъ такимъ образомъ почти всѣми товарами какіе производили западъ и востокъ, венеціянцы весьма ловко умѣли открывать себѣ доступъ вездѣ, и даже въ самыхъ отдаленныхъ странахъ имѣли своихъ повѣренныхъ, такъ что въ началѣ тринадцатаго вѣка обороты ихъ простирались уже не только на всю Грецію, Сирію, малую Азію и Африку (гдѣ важнѣйшими торговыми пунктами считались главнымъ образомъ Александрія, Каиръ, Тунисъ и Триполисъ), потомъ за Кипромъ до Арменіи, Дамаска, Алеппа и Таны на Азовскомъ морѣ, но даже до Испаніи, Франціи, Фландріи и Англіи. Къ этому надо прибавить, что въ торговыхъ договорахъ которые венеціянцы заключали, они постоянно умѣли блюсти личную выгоду свою, благодаря свойственной имъ только предусмотрительности и чуткости, и нерѣдко даже, какъ въ особенности во Франціи и въ Германіи имъ удавалось избавиться отъ платежа пошлинъ на многіе товары и отъ другихъ налоговъ.

Судя по обширнымъ политическимъ и другимъ связямъ, соединявшимъ между собою Италію и Германію, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что между обѣими этими странами существовало постоянное товарное движеніе, хотя мы не имѣемъ объ этомъ положительныхъ извѣстій, покрайней мѣрѣ относительно начала этого періода. Вообще, болѣе вѣрныя свѣдѣнія мы встрѣчаемъ не ранѣе какъ около половины двѣнадцатаго вѣка, а по нимъ мы можемъ заключить, что подобнаго рода отношенія существовали и ранѣе этой эпохи. Такъ мж. пр. сохранилось извѣстіе, что кромѣ ломбардовъ, тусковъ и венгровъ въ Венецію пріѣзжали тоже закупать товары французы, швабы и баварцы ¹. Въ послѣдствіи, при Оттонѣ IV и Фридрихѣ II, число нѣмецкихъ купцовъ принимавшихъ участіе въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ увеличилось настолько, что для нихъ построенъ былъ въ Венеціи особый амбаръ; и вслѣдствіе этого, въ такойже пропорціи стало увеличиваться также число прибывавшихъ туда италіянскихъ купцовъ. Сверхъ того, какъ западные народы вообще, такъ въ особенности и нѣмцы, мало-по-малу ознакомились также съ торговыми сношеніями существовавшими издавна уже у славянскихъ племенъ съ Византіею и востокомъ, такъ что они могли получать оттуда товары двоякимъ путемъ.—Благодаря возрастающему благосостоянію городовъ, упомянутое выше, первое торговое движеніе италіянцевъ въ концѣ двѣнадцатаго вѣка достигло уже до Аугсбурга, Регенсбурга и Вѣны, несчитая указавшихъ выше (стр. 166) мѣстъ, а затѣмъ черезъ перекупщиковъ проникло въ Богемію, Франконію, Эрфуртъ и Магдебургъ, и потомъ векорѣ до Гамбурга, Любека и Бремена. На нижнемъ Рейнѣ городъ Кѣльнъ изстари былъ самымъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ, и еще въ прежнія времена, но въ особенности при Оттонѣ IV, ему удалось пріобрѣсти въ

¹ F. v. Raumer. Gesch. der Hohenstaufen V. стр. 469; 477.

Англіи нѣкоторыя преимущества, въ силу которыхъ нѣмцамъ дозволено было въ самомъ Лондонѣ учредить особый складъ для товаровъ. Позднѣйшее торговое движеніе, или восточное, напротивъ, смѣшавшись съ италіанскимъ и русскимъ торговымъ движеніемъ, ограничилось Вѣною, Лорхемъ и Регенсбургомъ, и черезъ посредство вторыхъ рукъ развѣтвилось частію на Бреславль, Краковъ и Прагу, частьюже проникло въ глубь Помераніи, гдѣ ему пришлось столкнуться съ сѣвѣрною торговлею.

Что касается собственно сѣвѣрной торговли, то объ ней мы уже прежде замѣтили, что она перешла въ руки нѣмцевъ, послѣ того какъ, процвѣтавъ въ продолженіе неопредѣленнаго времени благодаря участію славянъ, послѣдніе не были мало-по-малу покорены нѣмцами (Т. II. Ч. 2. стр. 7). Еще въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія нѣмцы играли главную роль въ большей части значительнѣйшихъ торговыхъ городовъ на сѣверѣ, какъ мж. пр. въ 1135 г. въ Висби на островѣ Готландѣ. Потомъ торговыя сношенія ихъ, возрастая постепенно все болѣе, распространились съ одной стороны на Скандинавію, Швецію, Норвегію и Данію (стр. 73), съ другой, черезъ Лифляндію, Эстонію до Пскова и Новгорода (стр. 23), и на всю Пруссію и Померанію. Кромѣ морскихъ путей, торговля направлялась на суши отчасти какъ въ прежнія времена по старымъ вѣзжалымъ дорогамъ, отчастиже пользовалась новопроложенными, боковыми дорогами. Въ числѣ главнѣйшихъ боковыхъ дорогъ, одна дорога шла отъ Данцига въ Старгардъ; другая, на Штеттинъ, Верле, Мекленбургъ, Любекъ до Шлезвига, а отъ этого послѣдняго мѣста, какъ кажется, направлялась въ Фландрію и даже въ сѣвѣрную Францію. Фландрія, по крайней мѣрѣ съ второй половины двѣнадцатаго столѣтія составляла какъ-бы общій узелъ, не только для торговыхъ сношеній съ сѣверомъ со включеніемъ сюда и Англіи, но тоже и съ югомъ, такъ какъ изъ всѣхъ прочихъ городовъ Фландріи Брюгге (или Брюжъ) славился какъ складочное мѣсто. Далѣе, для скорого сбыта товаровъ въ самыя отдаленныя страны, представляла удобнѣйшій случай срочная ярмарка въ Ахентъ. Затѣмъ, въ концѣ этогоже періода гамбургскіе, бременскіе и любекскіе купцы, заключивъ между собою „ганзейскій союзъ“, завладѣли всею сѣвѣрною торговлею и вступили въ тѣсныя сношенія съ италіанскою и восточною торговлею. По примѣру сѣверогерманскихъ купцовъ, основавшихъ давно уже склады въ Венеціи, ганзейцы эти въ Лондонѣ завели свои торговые дома (Stallhof, Steelgard или Guildhall); и вскорѣ по окончаніи крестовыхъ походовъ, Бременъ и Любекъ стали тоже отправлять корабли на востокъ, и оттуда привозить восточные товары прямо на сѣверъ ¹.

6. Что касается товаровъ которые вышеописанными способами распространялись на всемъ западѣ въ постоянно возрастающемъ количествѣ, то въ числѣ ихъ безспорно первое мѣсто принадлежало все еще греческимъ товарамъ, со включеніемъ сюдаже и восточныхъ, какъ предметамъ пользовавшимся всегда наибольшимъ спросомъ. Оставляя въ сторонѣ множество предметовъ о которыхъ нѣтъ надобности здѣсь упоминать, равно также и такія византійскія произведенія кои обращались еще прежде (стр. 166), приведемъ теперь глав-

¹ K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste im Mittelalter. III. стр. 601 и сл.

нѣйшіе привозные товары. Изъ Египта или черезъ эту страну (включая сюда тоже Аравію и Индію), привозились кромѣ различнаго рода сырыхъ матеріаловъ, какъ то, шелка сырца, хлопка, индійской стали, золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, птичьихъ перьевъ, слоновьей кости и пр. не только самыя разнообразнѣйшія матеріи изъ бумаги, льна, полушелка и шелка, но также готовыя одежды, какъ напр. богато украшенныя воинскія одежды, пояса и пр. и отчасти очень цѣнныя вещи служившія для украшенія. Затѣмъ слѣдуютъ произведенія сѣверной Африки и Испаніи, которыя тоже предварительно привозились въ сѣверную Италію, а именно въ Венецію, и въ заключеніе продукты которые производила сама Италія. О многихъ изъ поименованныхъ предметовъ было уже говорено прежде, и мж. пр. упомянуто было также не разъ о мавританскихъ ткальняхъ (Т. II. Ч. 1. стр. 177 и сл. и 179 и сл.). Къ вещамъ служившимъ для украшенія, (начиная съ половины двѣнадцатаго столѣтія), принадлежали разнаго рода галантерейный товаръ, какъ то искусственныя вѣтки, жемчужныя нитки, кольца, золотыя и коралловыя вещи, зеркала въ болѣе или менѣе изящной рѣзной оправѣ изъ слоновой кости, поясные ножи и пр. Относительно матеріи, самыя разнообразнѣйшія шелковыя и полушелковыя ткани доставляла Италія, такъ какъ шелководство и искусство приготовленія шелковыхъ тканей изъ Сициліи вскорѣ перевезены были въ Венецію, а оттуда проникли во Флоренцію, Болонью, Верону, Сіенну и Падуу, такъ что къ концу этого періода, въ 1249 г. въ Венеціи уже существовало нѣсколько большихъ фабрикъ славившихся своими издѣліями, и въ которыхъ работали искусные мастера изъ Греціи и Азіи.

Вслѣдствіе такого развѣтвленія промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, и безпрестаннаго подвоза всякаго рода тканей изъ отдаленныхъ странъ, возникъ цѣлый рядъ названій для отличанія этихъ товаровъ, названій, часто заимствованныхъ отъ мѣстностей гдѣ эти матеріи производились, частью тоже отъ способовъ ихъ изготовленія или отдѣлки, илиже наконецъ составленныхъ совершенно произвольно, каковы были по всей вѣроятности названія товаровъ бывшія въ ходу на сѣверѣ, и быть можетъ даже главнымъ образомъ въ Германіи, гдѣ часто переименовывались непривычныя для уха иностранныя имена. Для примѣра приведемъ одно мѣсто изъ ринованной хроники Оттокара фонъ Хорнека, изъ описанія коронованія Вечеслава въ Прагѣ въ 1297 г., и въ которомъ говорится по поводу покупки парадныхъ одѣяній, что: „послано было въ дальнія, трудно доступныя страны, за одѣяніями, какихъ, въ равномъ великолѣпіи невозможно было найти въ Фландріи; то были ткани:—Seyden, Czendel и Platigen, Sameit, и Siglat, Phelle, и Plyat, Achnartein и ткань изъ Tasmе, которая получается изза моря, и цѣны своей никогда не теряетъ, ибо она выткана изъ аравійскаго золота. И также изъ Тріента привезено было по королевскому велѣнію весьма драгоцѣнное одѣяніе“¹.—Нѣмецкіе поэты двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣка, сверхъ того часто упоминаютъ о „ниневійскомъ шелкѣ изъ Багдада и Александріи, изъ Адрамаута, Ассагаука, Аламансура, Пелькіунте, Пеуріенте, Эсидэмонисъ, Агаирсіенте, Табронита, страны

¹ Th. Schacht, aus Ottokar's von Horneck Reimchronik. Mainz, 1821. стр. 300.

еюіповъ, Зазаманка^а и пр. обозначая подробности названія различныхъ сортовъ матерій: „балдахинъ, біалъть или пліалъть, сиклатъ, пальматъ, пфавинъ, триблатъ, пфеллеръ, тирасъ, тимитъ, тафтъ, маррохъ, синдель^а и м. др.,¹ причемъ этиже поэты кстати приплетываютъ много диковиннаго о мѣстахъ и способахъ приготовленія упомянутыхъ предметовъ. Выше другихъ цѣнилась матерія пфеллель, и отличавшійся лоскомъ своимъ балдахинъ, который доставлялъ Багдадъ (Баальбекъ), а быть можетъ болѣе ихъ даже почитался бархатъ который къ концу двѣнадцатаго вѣка на западѣ сталъ распространяться болѣе и болѣе среди знатныхъ. Болѣе всего однако былъ въ ходу сиклатъ или циглатъ, въ который иногда вышивались золотомъ узоры и пропускались золотыя нити, быть можетъ въ подражаніе балдахину, между тѣмъ какъ тафтъ, по всей вѣроятности, а синдель или цендаль (сендаль или сендель) безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали къ разряду болѣе легкихъ и не очень цѣнныхъ матерій, употреблявшихся часто въ обиходномъ быту.—Искусство приготовленія шелковыхъ тканей распространилось далѣе на сѣверъ никакъ не позднѣе исхода тринадцатаго вѣка, ибо около этого времени въ Цюрихѣ уже существовали шелковыя фабрики, и кромѣ того теперь стало уже чаще упоминаться о „регенбургскомъ“ цендалѣ; но при всемъ томъ въ этихъ краяхъ эта отрасль фабричнаго производства еще долго оставалась на сравнительно низкой степени развитія.

Между тѣмъ, потребление другихъ иностранныхъ матерій, за исключеніемъ развѣ только индійскихъ и египетскихъ бумажныхъ тканей, все болѣе уменьшалось на западѣ по мѣрѣ того какъ стали усовершенствоваться ткацкія и другія фабрики, издавна существовавшія въ тѣхъ мѣстахъ, и на которыхъ изготовлялось все что относилось до одежды; такъ напр. въ самой Германіи и сосѣднихъ съ нею земляхъ, суконныя и полотняныя фабрики, изъ коихъ теперь еще главнѣйшими считались древнѣйшія (стр. 166 и сл.). Съ этого времени, т. е. съ половины двѣнадцатаго вѣка, въ особенности сукнодѣліе, изъ областей прилегающихъ къ нижнему Рейну, стало распространяться почти на всю западную Европу, но не смотря на это, „фрисландскія“ сукна все еще по прежнему предпочитаемы были туземнымъ. До сихъ поръ сырая шерсть употребляемая на выдѣлку суконъ, получалась либо отъ туземнымъ овецъ, либо изъ Англіи и Венгріи; но вскорѣ изъ Испаніи стала привозиться шерсть отъ тонкорунныхъ овечьихъ породъ, разведенныхъ въ этой странѣ арабами (Т. II. Ч. 1 стр. 179), такъ что мало-по-малу появились весьма разнообразныя сорта суконъ. Вслѣдствіе этого еще до тринадцатаго столѣтія возникло много новыхъ названій, какъ то, для тонкихъ и мягкихъ суконъ — Scharlach, Saja (французское Saye) или Serge (sergium) и Rasch (съ нидерландскаго Arras), для болѣе плотныхъ сортовъ — Fritschal, Bogram, Barragan (Bocarani, Pukeranium, Bougran, Gogrein, и Gogran) и наконецъ для грубыхъ суконъ — Loden, Fries и Kamelot. Изъ этихъ сортовъ, Bogram приготовлялся постоянно изъ овечьей пражы съ тонкой козьей шерстью; напротивъ, Kam e-

¹ G. Klemm. Culturgeschichte des christl. Europas. I. стр. 103. — J. Falke. Die deutsche Trachten und Modenwelt. I. стр. 162 и сл. — F. Bock. Gesch. der liturgischen Gewänder des Mittelalters. I. стр. 98, 102.

lot, который самымъ лучшимъ образомъ выдѣлялся въ сѣверной Италиі, состоялъ либо изъ одной только верблюжьей шерсти, либо съ прибавленіемъ къ ней овечьей. Другая, подобнагоже рода матерія, подъ названіемъ *Becker*, приготавлилась въ отличномъ качествѣ въ Регенсбургѣ; такъ называемыя „тарсійскія“ матерія, состояли по всей вѣроятности изъ тибетской козьей шерсти. — Затѣмъ, почти въ этоже время, для обозначенія различныхъ сортовъ полотень возникли особыя наименованія, какъто, кромѣ общепотребительнаго для тонкихъ полотень (стр. 167), *Faldone*, названія — *Zwillich*, *Belker* и *Schetter* для бывшихъ наиболѣе въ ходу грубыхъ сортовъ, изъ коихъ послѣднее (*Schetter*) по всей вѣроятности означало лощенный холстъ ¹. — Въ числѣ разнаго рода подарковъ которые греческому императору поднесены были Генрихомъ Львомъ, первое мѣсто занимали безспорно шарлаховыя одѣянія и самыя тонкія полотна, какъ превосходнѣйшія произведенія туземной (т. е. нѣмецкой) промышленности.

Красильное искусство между тѣмъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Нидерландахъ, тоже значительно усовершенствовалось, благодаря употребленію привезенныхъ изъ Италиі разныхъ иноземныхъ красильныхъ веществъ ². На ряду съ чернымъ и коричневымъ цвѣтами, преобладавшими почти исключительно до этой эпохи, появились теперь другіе, благодаря болѣе разумному и правильному примѣненію въ красильномъ дѣлѣ нѣкоторыхъ веществъ, какъ то мж. пр. вайды или синильника, такъ называемыхъ бразильскихъ или кермесовыхъ зеренъ (*coccus*), шафрана и желтаго корня, такъ что мало-по-малу краски получавшіяся изъ чужихъ странъ стали вытѣсняться туземными. Во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка Ипернъ пользовался уже большою извѣстностью за крашенныя сукна, и въ скоромъ времени почти такую же славу приобрѣли Фландрія по въ особенности Регенсбургъ по производству шарлаховыхъ суконъ. Этотъ послѣдній сортъ, носившій обыкновенно названіе шарлахъ (*escarlatum*, *scarlascum* и *scarleta*) когда онъ былъ краснаго цвѣта, употреблялся и теперь еще какъ въ прежнія времена, главнымъ образомъ только на парадныя одѣянія, вскорѣ однако даже въ высшихъ сословіяхъ стали входить въ моду еще другіе сорта шарлаха, „коричневый“, изъ Гента, а нѣсколько позднѣе „зеленый“ и „синій“. Такъ напр. архіепископъ кѣльнскій Энгельбертъ далъ тамошней Вейссенской партіи почетныя одѣжды изъ краснаго шарлаха на зеленой подкладкѣ; и въ 1240, при торжественной встрѣчѣ герцога Леопольда въ Вѣнѣ купечество этого города ему поднесло между прочимъ „зеленыя, коричневыя, синія, шарлаховыя и другія дорогія одѣянія“ ³. Въ нисшихъ классахъ гражданъ остались по прежнему въ ходу преимущественно сѣрый и коричневый цвѣта. — Вообще однако, теперь стали видимо выходить постепенно изъ употребленія яркіе цвѣта и все болѣе замѣняться въ одѣждѣ мягкими; но при всемъ томъ удер-

¹ K. D. Hüllman. *Städtewesen des Mittelalters* I. стр. 217, 221, 226 и въ другихъ мѣстахъ. — ² Свѣдѣнія о красильномъ искусствѣ и его усовершенствованіи очень темны. Ср. J. N. Bischof. *Ein Versuch der Gesch. der Färbekunst* и пр. потомъ, J. Beckmann. *Beiträge zur Gesch. der Erfind.* Томъ I. въ особенности F. Vogel. *Geschichte der denkw. Erfindungen* III. 301 и сл. — ³ W. Lochner. *Zeugnisse über das deutsche Mittelalter* I. стр. 53 и сл. J. Falke. *Die deutsche Trachten und Modenwelt* I. стр. 158 и сл.

жалось въ полной силѣ прежнее неизящное раздѣленіе одежды на разноцвѣтныя полосы, и отчасти даже нѣсколько усилилось.

Такъ какъ производство разноцвѣтно-узорчатыхъ тканей, (бывшее въ тѣсной связи съ производствомъ шелковыхъ тканей), составляло нѣкоторымъ образомъ, секретъ византійцевъ и сарациновъ даже во времена гораздо позднѣйшія разбираемой нами эпохи, то въ замѣну этого производства, и въ виду усиливавшагося стремленія къ роскоши, въ Англіи и Франціи стало успѣшно развиваться искусство вышиванія по тканямъ. Изъ монастырей бенедиктинокъ, бывшихъ первоначальными мѣстами подобнаго рода работъ, искусство это въ продолженіи двѣнадцатаго вѣка перешло сперва въ монастыри весьма распространеннаго въ то время цистерціанскаго ордена ¹, а потомъ, уже въ тринадцатомъ вѣкѣ, оно перешло и въ прочія возникавшія тогда духовныя общины святаго Доминика, Франциска Ассизійскаго и т. д., наконецъ, этимъ дѣломъ стали заниматься также міряне какъ особою промысловой отраслью. Вслѣдствіе этого производство вышиванія вскорѣ стало усовершенствоваться и принимать болѣе своеобразный характеръ, какъ относительно формы вышиваемыхъ на ткани узоровъ, такъ и въ самомъ способѣ сочетанія и расположенія орнаментовъ, такъ что, съ половины тогоже тринадцатаго вѣка, подражаніе восточнымъ образцамъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіеся съ того времени одѣянія, почти совершенно уже было вытѣснено возникавшею тогда, такъ называемою германскою художественною формою ². При всемъ томъ однако, греческія и арабскія парадныя одѣянія были еще долго въ ходу повсюду на западѣ, но употребленіе ихъ подконецъ ограничилось дворомъ и высшими чинами духовенства при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Мало-помалу однако и туземное искусство вышиванія принялось за изготовленіе подобнаго же рода парадныхъ облаченій, и преимущественно въ этихъ работахъ оно выказывало замѣчательное совершенство, примѣняя въ этомъ дѣлѣ почти всѣ извѣстныя дотолѣ мелкія художества какъ-то, главнымъ образомъ золотыхъ дѣлъ мастерство, эмалевую или финифтяную работу, и наконецъ даже и миниатюрную живопись по пергаменту, для мелкихъ изображеній которыя вставлялись въ ткани. Этотъ послѣдній способъ украшенія, возникшій приблизительно въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія въ Англіи, и прозванный по этому „opus anglicum“, пріобрѣлъ вскорѣ такой успѣхъ, что еще въ половинѣ тогоже вѣка изъ Англіи были отправляемы въ Италію одѣянія съ подобнаго рода украшеніями.—Въ рукахъ промышлявшихъ вышиваніемъ какъ ремесломъ, оно главнымъ образомъ служило для украшенія военной одежды, шлемовыхъ подвязокъ, шарфовъ, попонъ, знаменъ, парадныхъ шатровъ и т. п., вообще всѣхъ принадлежностей рыцарской одежды, къ которымъ можно было примѣнять вышивныя украшенія.

Прежнее щеголянье дорогими мѣховыми одеждами не только не уменьшилось, но приняло еще болѣе широкіе размѣры съ тѣхъ поръ какъ стала развиваться торговля съ сѣверомъ. Сѣтованія Адама бременскаго на роскошь въ одиннадцатомъ вѣкѣ (стр. 167), къ концу двѣнадцатаго почти буквально по-

¹ K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste и пр. III. стр. 408 и сл. ² F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder и пр. I. стр. 206, 211, 213, и сл. 221 и сл.

вторяются Гельмгольдомъ, указывающимъ при этомъ на сѣверныя страны какъ на главный ея источникъ. Трудно рѣшить впрочемъ, прибавились ли въ послѣдствіи еще новыя дорогіе мѣха къ извѣстнымъ дотолѣ сортамъ, что однако весьма вѣроятно. Достоверно между тѣмъ, что съ начала двѣнадцатаго вплоть до конца среднихъ вѣковъ только высшимъ сословіямъ дозволялось носить иностранныя мѣха, гражданамъ же и простому народу оно было запрещено закономъ, и разрѣшалось лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ по особенному представленію. — Рыцарское сословіе, болѣе другихъ пользовавшееся мѣховыми одеждами, въ этомъ отношеніи весьма часто употребляло во зло дарованное ему право, какъ вообще и другія права, чѣмъ нерѣдко возбуждало противъ себя законную кару. Такъ мж. пр. Филиппъ II и Рихардъ III во время крестоваго похода (въ 1190 г.), вынуждены были сопроводившимъ ихъ рыцарямъ запретить ношеніе одеждъ на соборѣ, горностаевои и другихъ цѣнныхъ мѣхахъ, тогда какъ еще первые крестоносцы, при Готфридѣ бульонскомъ въ 1096 г., бывшими на нихъ, подобнымиже цѣнными одеждами возбудили удивленіе греческаго императора Алексія, и цѣнный мѣховой товаръ составлялъ главную часть дорогой добычи, доставшейся сельджукамъ въ 1187 году, при взятіи ими стана крестоносцевъ. — Мѣхъ почти исключительно употреблялся для подклада подъ одежду, и частью также въ видѣ опушки; одеждыже крытыя мѣхомъ съ обѣихъ сторонъ, во всякомъ случаѣ рѣдкое явленіе, и ими пользовались для защиты себя лишь люди одряхлѣвшіе отъ старости или больные. Едва ли также можно будетъ указать на какое либо важное нововведеніе относящееся до отдѣлки и подбирания различныхъ сортовъ мѣховаго товара за все время вплоть до конца тринадцатаго вѣка, судя по тому обстоятельству, что въ продолженіе всего этого длиннаго періода не прибавилось новыхъ названій мѣховъ къ существовавшимъ уже прежде (стр. 167). Впрочемъ, изъ соединенія слова *corset* (*cheurs*), обозначаващаго подкладъ скроенный по формѣ нижней одежды, и глагола „*warchen*“ (*würken*, работать), въ двѣнадцатомъ вѣкѣ сложились слово *Korsen-Warcher*, изъ котораго въ послѣдствіи образовались *Korsener*, *Kürsener* и *Kürschner* (скорнякъ), служившее общимъ наименованіемъ для всѣхъ занимавшихся пушнымъ дѣломъ.

Ближе всего къ скорнякамъ подходили кожевники и производители кожаныхъ издѣлій. Скорняки и кожевники во все продолженіе тринадцатаго вѣка, постоянно поименованы совместно въ гражданскихъ спискахъ города Аугсбурга. — На западѣ Европы, у народовъ ближайшихъ къ сѣверу (въ особенности у нѣмцевъ, нидерландцевъ и англичанъ), кожевничество даже въ гораздо позднѣйшія времена, ограничивалось исключительно только простою выдѣлкою туземныхъ кожъ. Лишь долго послѣ того какъ (по крайней мѣрѣ съ двѣнадцатаго уже вѣка), вошли въ употребленіе болѣе тонкія восточныя кожи, мароккинъ, сафьянъ и кордовацкая кожа, впервые въ Марсели въ 1272 г. сдѣланы были попытки поддѣлывать кожи на подобіе иноземныхъ. Приблизительно въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, кожевники, занимавшіеся дотолѣ въ то же время и производствомъ кожаныхъ издѣлій, раздѣлились, и изъ нихъ образовались отдѣльные разряды кожевниковъ для тонкихъ и крашенныхъ кожъ, сыромятниковъ и производителей издѣлій изъ кожи. По-

слѣдніеже опять стали потомъ раздѣляться (смотря по роду занятій ихъ), на сапожниковъ, перчаточниковъ, ремесниковъ, шорниковъ, сумочниковъ и т. д. изъ коихъ послѣдніе въ исходѣ тринадцатаго вѣка уже составляли особый цехъ. Около половины этой же эпохи кромѣ городовъ Страсбурга, Цюриха, Марсели и Намюра, высокимъ достоинствомъ отличались кожаныя издѣлія нидерландскихъ городовъ ¹.

Относительно изготовленія одеждъ, послѣ всего сказаннаго уже прежде, остается только прибавить, что въ продолженіе двѣнадцатаго вѣка, и этимъ занятіемъ также, стали заниматься мало-по-малу особые мастера-вые, такъ что изъ занятія домашняго круга, оно сдѣлалось самостоятельнымъ ремесломъ. Занимавшійся такимъ ремесломъ въ Германіи прозванъ былъ Snider, а во Франціи talierer, хотя названія эти въ то же время обозначали торговца сукномъ, или вообще мелочнаго торговца тканями, какими первоначально были безъ сомнѣнія занимавшіеся шитьемъ одеждъ. Лишь въ позднѣйшее время, съ тринадцатаго вѣка, начинаютъ входить въ употребленіе другія названія (Mentler, Gewand-и Flickschneider), а еще позднѣе „мужскіе“ и „женскіе портные“.—Къ числу самыхъ древнѣйшихъ документовъ, въ которыхъ о портныхъ упоминается какъ объ особомъ цехѣ, принадлежитъ гильдейская грамота Генриха Льва 1152 года къ гамбургскимъ портнымъ; затѣмъ цеховая грамота гельмштедтскихъ портныхъ 1244, и другая 1276 годовъ, въ силу которой гёксарскимъ магистратомъ разрѣшается тамошнимъ портнымъ учредить братство въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ разнаго рода товаровъ какіе доставляли торговыя сношенія, или коими снабжали народъ многочисленныя общества, на западъ было привезено крестоносцами множество восточныхъ и византійскихъ произведеній искусства, составлявшихъ по большой части военную добычу. Количество такихъ предметовъ было весьма значительно, и къ тому же оно постоянно возросло въ продолженіе всего долгаго періода крестовыхъ войнъ. Такъ мж. пр. при разграбленіи одного изъ каравановъ Рихардомъ „львинымъ сердцемъ“, крестоносцамъ досталось, не считая „зерноваго хлѣба, муки, лекарственныхъ веществъ, перца, воска, корицы, сахара, мѣховъ для воды, шахматовъ, палатокъ и пр., еще серебряные сосуды и подсвѣчники, оружіе, золото и серебро, шелковыя ткани, олѣянныя тканья и вышитыя самой разнообразной отдѣлки“. При взятіи „латинянами“ Константинополя въ 1204 г., по свидѣтельству достоверныхъ очевидцевъ, они въ этомъ городѣ нашли такое огромное число золотыхъ и серебряныхъ вещей, и цѣнныхъ шелковыхъ и бархатныхъ матерій, что „иные изъ участвовавшихъ въ походѣ, которые прежде принуждены бывали съ голода просить милостыни въ войскѣ, теперь, послѣ равнаго раздѣла между вѣми военной добычи, вдругъ стали богатыми и ни въ чемъ не нуждались“ ².

¹ K. D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters. I. стр. 46 и сл. 72 и сл.—A. Berlepsch. Chronik vom ehrbaren und uralten Schneiderhandwerk и пр. стр. 12 и сл.—F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder. I. стр. 218.—² G. de Ville-Hardoin. Histoire de la conquête de Constantinople chap. CXXXII.—Wilh. de Tyr. arch. hist. lib. V. cap. XXIII. у F. Bock. Geschichte der liturg. Gew. и пр.

Е. Если теперь мы обратимся къ картиннымъ изображеніямъ разбитаго нами эпохи, обнимающей двѣнадцатый и тринадцатый вѣкъ, мы убѣдимся что одежда, въ основной формѣ своей, и теперь еще сохранила прежній отпечатокъ, невзирая на разнообразныя измѣненія по отношенію къ матеріямъ. Еще болѣе, оставляя безъ вниманія нѣкоторыя частности, мы увидимъ что этотъ основной характеръ удержался даже еще до конца тринадцатаго вѣка, и вся перемѣна которую въ одеждѣ естественно долженъ былъ произвести переворотъ всѣхъ жизненныхъ отношеній въ царствованіе Фридриха I, въ сущности не столько коснулась покроя ея, но скорѣе содѣйствовала тому, чтобы одеждѣ придать болѣе изящный общій видъ ¹.

I. Самыя раннія изъ такихъ изображеній, и въ которыхъ вообще выказывается уклоненіе отъ прежняго обычая, относятся всѣ къ второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ нѣсколько миниатюръ въ разныхъ пергаментныхъ рукописяхъ ², многочисленныя изображенія коихъ, дополняя другъ друга въ отношеніе главнаго, въ то же время даютъ возможность довольно вѣрно судить также о частностяхъ. На основаніи этихъ изображеній какъ и примыкающихъ къ нимъ памятниковъ тринадцатаго вѣка ³, и также письменныхъ преданій того време-

¹ По крайней мѣрѣ таково впечатлѣніе какое производитъ одежда представленная на памятникахъ искусства того времени. Но, основывая наше мнѣніе единственно только на этомъ впечатлѣніи, мы конечно не беремъ на себя рѣшить, насколько ему соотвѣтствовала дѣйствительность. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но надобно будетъ допустить, что художественное настроеніе того времени могло отразиться также на вѣшность костюма. Мы отсылаемъ читателя на сочиненіе J. Falke (Die deutsche Trachten- und Modenwelt. I. стр. 74 и сл.), въ которомъ этотъ пунктъ весьма подробно и основательно разсматривается авторомъ. — ² Кромѣ относящихся сюда изображеній въ поименованныхъ выше (стр. 118 прим.) сочиненіяхъ J. Ferrario, J. v. Hefner-Alteneck, A. v. Eye, Ch. Louandre и пр. смотри въ особенности: G. Döbler. Vorstellungen aus dem Leben des heiligen Wenzel и пр. Prag. 1811. E. M. Engelhardt. Herrad von Landsperg, Aebtissin zu Hohenburg oder St. Odilien im Elsass и пр. и сочиненіе ея: Hortus deliciarum съ 12 гравир. картинками. F. Kugler. Werinher von Tegernsee und die Bilder seines Gedichts vom Leben der Maria и пр. Еромѣ: Die Bilderhandschrift der Eneide и пр. Потомъ еромѣ: Kleine Schriften и пр. I. стр. 56 и сл. W. Grimm. Ruolandes Liet. и пр. Göttingen 1838. F. Klopffleisch. Drei Denkmäler mittelalterlicher Malerei и пр. съ 11 литогр. табл. и 66 позитивами. Iena. 1860. K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste im Mittelalter II (Отд. 2) стр. 452 и сл. III. стр. 628 и сл. — ³ Число сохранившихся памятниковъ принадлежащихъ въ этой эпохѣ довольно значительно. Кромѣ изображеній помѣщенныхъ въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ, много другихъ заключается и описано въ разныхъ объективныхъ сочиненіяхъ о зодествѣ, ваини, миниатюрной живописи и пр. Такъ жж. пр. у G. Puttrich. Denkmale der Baukunst и пр. 5 томовъ. Leipzig. 1836 — 52. J. Gailhabaud. L'architecture du V au XVII siècle etc. Paris. 1852. E. Förster. Denkmale deutscher Baukunst, Bildnerei und Malerei и пр. Leipzig. 1857. C. Heideloff. Die Kunst des Mittelalters in Schwaben и пр. Stuttgart. 1855. G. Heider, R. v. Eitelberger und J. Hieser. Mittelalterliche Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaates. Stuttg. und Wien. 1857. Levi Elkan. Albumblätter и пр. Leipzig, London, Paris. C. P. Lepsius. Über das Alterthum und die Stifter des Doms zu Naumburg и пр. 1822. J. G. Dorst. Grabdenkmäler. Ein Beitrag и пр. О надгробныхъ памятникахъ въ отдѣльности, съ указаніемъ относящейся къ этому предмету литературы. см. J. Faber. Conversationslexicon ber bild. Kunst. Leipzig. 1843. Томъ VII. стр. 364 — 440 и сл. H. Otte. Handbuch der christl. Kunst-Archäologie и пр. Leipzig. 1854. стр. 192 и сл. — По части миниатюръ см. G. F. Waagen. Kunstwerke und Künstler in Deutschland. Berlin. 1835 и сл. F. Kugler. Kleine Schriften и пр. Stuttg. 1853. K. Schnaase. Gesch. der bildenden Künste im Mittelalter V. стр. 632 и сл. къ нему: F. v. Hagen. Bildersaal allddeutsch. Dichter и пр. съ 45 грав. Berlin 1856. Изображенія фресокъ того времени, отчасти не изданныя еще, во множествѣ въ бер-

ни ¹, измѣненіе совершившееся въ формѣ одежды заключалось во первыхъ въ томъ, что одежда обоихъ половъ мало-по-малу сравнилась; при чемъ, подъ господствующимъ вліяніемъ женщинъ (Т. II. Ч. 2. стр. 135), мужская одежда стала походить болѣе на женскую; а потомъ, въ распространившемся тогда стараніи показывать формы тѣла, вслѣдствіе чего всѣ стали носить узкое платье, плотно обхватывавшее въ особенности верхнюю часть тѣла.

1. Впрочемъ, даже въ памятникахъ конца двѣнадцатаго вѣка замѣтны пока лишь весьма слабые признаки такого измѣненія костюма. Въ нихъ мужская одежда въ особенности, ничѣмъ почти не отличается отъ одежды въ одинанадцатомъ вѣкѣ, и подобно послѣдней, она теперь еще, и даже вплоть до конца тринадцатаго столѣтія, заключается въ изстари обычныхъ рубашкѣ, верхней туникѣ, штанахъ и плащѣ, безъ всякаго прибавленія къ нимъ какихълибо новыхъ одеждъ. Въ совокупности, все что вполне достоверно извѣстно объ одеждѣ мужчинъ заключается въ слѣдующемъ:

а. Непосредственно на тѣло надѣвалась главная изъ исподнихъ одеждъ (Nider-wat или Nider-kleid) рубашка „Nemede“. Она дѣлалась обыкновенно изъ полотна, и вполне походила еще на тунику закрытую спереди и съ короткими рукавами, какъ видно по многимъ изображеніямъ спящихъ и покоящихся на постели раздѣтыхъ людей ².

б. Поверхъ рубашки надѣвались штаны (Hose, Caliga). Эта часть одежды удержала прежнюю форму узкаго трико, доходившаго въ видѣ длинныхъ чулковъ только до половины ляшекъ, или до бедра, гдѣ, посредствомъ придѣланныхъ къ ней съ боку тесемъ, связывалась съ портками вродѣ кальсоновъ употребляемыхъ при купаньи (femoralia) (фиг. 240. с). Иногда штаны закрывали собою также всю нижнюю часть живота, въ родѣ того какъ употребляемые нынѣ штаны, но въ обѣихъ названныхъ формахъ закрывали и ступню, либо всю, либо одинъ лишь подъемъ, оставляя свободными пальцы ногъ. Съ другой стороны, къ концу двѣнадцатаго вѣка встрѣчается еще новая форма штановъ, въ видѣ широкихъ шараваръ, которыя завязывались на чреслахъ ремнемъ пропущеннымъ въ поясъ (фиг. 240. а). Эта послѣдняя форма употреблялась повидимому рѣдко, и была единственно въ ходу только въ бѣдномъ классѣ. Точно такъ и первая изъ описанныхъ сейчасъ формъ штановъ въ родѣ длинныхъ чулковъ мало-по-малу перешла отъ высшихъ классовъ къ низшимъ, такъ какъ въ первыхъ она замѣнилась цѣльнымъ трико. Эти послѣдніе тоже завязывались шнурками такимъ образомъ, что шнурки, отъ наружнаго пояса черезъ нарочитыя отверстія въ верхней одеждѣ, пропускались въ соответствовавшія имъ отверстія расположенныя по верхнему краю триковыхъ штановъ. Эти штаны,

линск. кабинетъ гравюръ, и пр. число стеклописныхъ изображеній не такъ значительно. Объ этомъ многое въ тѣхъ же сочиненіяхъ. Особенно у S. Boisserée. Denkmale der Baukunst am Niederrhein. 12 таб. II. Müller. Beiträge zur deutschen Kunst- und Geschichtskunde I. таб. 9. A. Camesina. Die ältesten Glasgemälde и пр. Wien. 1859.

¹ F. v. d. Hagen. Minnesinger. Deutsche Liederdichter des 12. 13. und. 14. Jahrhunderts. 4 Тома. Leipzig. 1838. Потомъ много изданій объ отдѣльныхъ поэтахъ, F. v. d. Hagen. W. Grimm. K. Lachmann. W. Wackernagel. K. Simrock. L. Tieck: A. Keller. L. Ettmüller. San-Marte. A. Schmeller и другіе. — ² Впрочемъ, встрѣчается тоже много изображеній людей, неснявшихъ на ночь обыкновенной туники съ длинными рукавами. Ср. въ слѣд. отдѣлѣ объ «утвари» изображенія кроватей изъ «Hortus deliciarum».

какъ и упомянутые выше длинные чулки, были всегда тканые, изъ шерсти или шелка и различныхъ цвѣтовъ, т. е. либо одного только (преимуще-

Фиг. 240.

ственно краснаго) цвѣта, или въ то́же время съ полосками другаго цвѣта, либо половинки штановъ были каждая разнаго цвѣта.

в. Покрайней мѣрѣ до начала тринадцатаго вѣка общую у вѣсѣхъ обувь составляли обычныя изстари башмаки и хотя и рѣжѣ, полусапожки. Первые по прежнему состояли либо изъ матеріи, (и вѣроятнѣе большею частью изъ войлока), или изъ тонкой кожи; полусапожкиже почти всегда дѣлались изъ кожи. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, по всей вѣроятности также сохранились вообще прежняя форма и способъ обдѣлки, и только форма башмаковъ отчасти измѣнилась въ томъ, что ихъ чаще стали дѣлать съ вырѣзкою на подъемѣ, которая либо оставлялась открытою (фиг. 242. а), либо затягивалась шнурками (фиг. 241. а. б); затѣмъ, ихъ иногда дѣлали также съ разрѣзомъ съ боковъ, и форма носковъ стала значительно острѣе (фиг. 242. с), согласно модѣ которую (по слухамъ) еще въ 1089 г. ввелъ графъ Фулько Анжускій или Анжерскій, дабы скрыть уродливую форму своихъ ногъ ¹.—Относительно цвѣта обуви господствовалъ совершенный произволъ, хотя вообще болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе черныи цвѣтъ. Въ нисшихъ и бѣлыхъ классахъ удержался кромѣ того еще прежній древнѣйшій способъ обуваться, обвязывая ноги бинтами (стр. 141), хотя впрочемъ многіе и теперь еще имѣли обыкновение ходить босыми ². Въ тринадцатомъ вѣкѣ знатные почти все носили трико, вслѣдствіе чего непремѣнно подъ ступнею подшивалась крѣпкая кожаная подошва.

¹ Подробности объ этой формѣ носковъ у F. Beckmann. Vorrath kleiner Anmerkungen. Berlin. 1795 и сл. стр. 37, 40 по 52, и 143. Потомъ J. Vulpinus. Curiositäten и пр. Weimar 1811 и сл. — ² F. Kugler. Encycl. въ его «Kleine Schriften» и пр. I. стр. 41 и сл.

г. Нагляднѣ всего вышесказанная переѣна выказывается въ формѣ нижней одежды Рос или Rock, этой главнѣйшей части костюма. До самаго исхода двѣнадцатаго столѣтія она подвергалась разнымъ измѣненіямъ, которыя хотя въ сущности и не коснулись прежней основной ея фор-

Фиг. 241.

Фиг. 242.

Вѣйсь IV.

мы, но тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ образомъ подготовили позднѣйшее ея преобразование. Сравнивая на примѣръ, всѣ относящіяся сюда изображенія, съ изображеніями предидущаго періода, мы увидимъ что эта одежда въ теченіе времени стала вообще уже, и за исключеніемъ нисшихъ классовъ и слугъ, въ тоже время отчасти и длиннѣе, не говоря о прочихъ перемѣнахъ, относящихся до внѣшней отдѣлки (фиг. 241. а. в. с; фиг. 242. а. в.). Въ этомъ классѣ людей все еще была и еще долго оставалась въ ходу, старомодная короткая туника съ рукавами, хотя и она, въ особенности между служащими, стала замѣтно приближаться къ длинной одеждѣ знатныхъ сословій, вслѣдствіе того именно, что многіе соответственно занимаемымъ ими высшимъ чинамъ, стали удлинять тунику даже до того, что ради удобства принуждены бывали съ боковъ подбирать свою одежду (фиг. 241. а. в. с; 242. а. в. с; ср. фиг. 240. в. с). Къ тому же съ этихъ поръ вошло въ обыкновеніе, гораздо чаще чѣмъ въ прежнее время подпоясывать одежду, и нѣкоторые изъ щеголявшихъ длинными одеждами носили ихъ открытыми спереди во всю длину отъ пояса до ногъ, и нерѣдко нижній край одежды вырѣзывался узкими городками (фиг. 242. в.). Иногда на эту одежду надѣвалась другая нижняя одежда почти такого же вида, но безъ рукавовъ, и которая не препоясывалась (фиг. 243. с).

Фиг. 243.

Изъ обѣихъ названныхъ одеждъ, никогда не выходившихъ въ послѣдствіи изъ употребленія, первая, обыкновенно называемая *Sukkenie*, со временемъ еще болѣе сѣззилась въ верхней части (фиг. 243. а. в.), и иногда даже зашнуровывалась. Напротивъ, къ другой, носившей названіе *Scharpen, Warkus* и *Карре*, прибавлены были въ послѣдствіи капишонъ или рукава, или даже то и другое вмѣстѣ, и въ такомъ случаѣ рукавамъ

давалась постоянно форма либо болѣе или менѣе длинныхъ и широкихъ полу-рукавовъ, либо широкихъ висячихъ рукавовъ (фиг. 244 а. б. с; фиг. 245 с) ¹. Впрочемъ, подобнаго рода одежда закрывавшая совершенно все тѣло,

Фиг. 244.

Фиг. 245.

была въ употребленіи не только въ обиходной и общественной жизни, а скорѣе во время путешествія и на охотѣ. Для этой забавы существовалъ

¹ F. Kugler. *Kleine Schriften* I. стр. 34 и 42. G. Büsching. *Ritterzeit und Ritterwesen*. Leipzig. 1823. I. стр. 245 и сл. F. v. d. Hagen. *Über die Gemälde in den Sammlungen der altdeutschen lyrischen Dichter* и пр. Berlin. 1846. стр. 9 и сл.

однако еще особенный костюмъ, такъ называемый „Pirsgewant“¹, одну изъ принадлежностей котораго составляла преимущественно родъ короткой мѣховой накидки, защищавшей грудь и спину и открытой съ боковъ (фиг. 245. б). Въ обыкновенные дни и въ домашнемъ быту мужчины надѣвали по прежнему, либо одну только вышеупомянутую, первую нижнюю одежду съ узкими рукавами, носившую тоже иногда названіе „Karre“, либо эту же, да сверхъ нея извѣстную намъ простую одежду безъ рукавовъ (фиг. 243. а. б. с.).

Всѣ прочія измѣненія въ названныхъ одеждахъ касались только матеріала и отдѣлки. О первомъ было уже говорено выше (стр. 177); относительно отдѣлки остается только замѣтить, что она все болѣе и болѣе стала упрощаться, преимущественно вслѣдствіе того, что съ конца двѣнадцатаго вѣка почти совершенно вышли уже изъ употребленія бывшія дотолѣ въ большомъ ходу широкія обшивки на воротѣ, нижнемъ краѣ одежды и на рукавахъ (фиг. 243 и сл. сравни фиг. 240. с. фиг. 241, 242)². Съ другой стороны, мода на одежды изъ двухъ различныхъ цвѣтовъ, или такъ называемая *mi-parti*, возникшая еще въ десятомъ вѣкѣ и примѣнявшаяся тогда преимущественно только къ штанамъ, распространилась въ это время, или точнѣе уже въ тринадцатомъ вѣкѣ, на всю одежду, представлявшую теперь не только двѣ половины разныхъ цвѣтовъ, но и самое разнообразное сочетаніе поперечныхъ полосъ и цвѣтовъ (фиг. 246. а. б. с. d; фиг. 247.

Фиг. 246.

а. б. с. d; ср. фиг. 242 б; фиг. 244. б. с). Ношеніе подобныхъ одеждъ, изображавшихъ гербовые цвѣта извѣстныхъ знатныхъ родовъ, осталось еще на долго присвоено, въ видѣ ливрей, однимъ лишь служителямъ знатныхъ; и такъ какъ, въ силу подобнаго же рода отношеній подчиненности, первѣйшіе чины и вассальные князья тоже носили, или обязаны были носить цвѣ-

¹ Nibelungen стихъ 3822 и сл. и Parcival 605. 3. — ² H. Müller. Beiträge zur deutschen Kunst- und Geschichtskunde I. № XI, потомъ J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christlichen Mittelalters I. таб. 69.

та своихъ повелителей, то вскорѣ названная одежда была принята даже самыми высшими сословіями (фиг. 243. а; фиг. 244. в. с), и благодаря этому обстоятельству въ четырнадцатомъ вѣкѣ она уже сдѣлалась обычною во всѣхъ классахъ. Самый способъ изготовленія ея состоялъ частью въ томъ, что цвѣтныя полосы пришивались одна къ другой, частьюже что въ верхней одеждѣ оставлялись прорѣзы, такъ что въ нихъ видѣлась исподняя одежда другого цвѣта; впрочемъ этотъ послѣдній способъ былъ введенъ уже въ позднѣйшія времена.

Фиг. 247.

д. Плащъ, постоянно сохранялъ свойственную ему изстари форму полукруглой и болѣе или менѣе широкой, накидной одежды. Въ теченіе времени однако измѣнился нѣсколько способъ ношенія плаща; вмѣсто того чтобъ носить эту одежду такъ какъ это дѣлалось обыкновенно въ прежнее время, и какъ надѣвался римскій плащъ, т. е. на одно только лѣвое плечо и застегнувъ плащъ на правое, плащъ сталъ теперь вполне соответствовать своему назначенію закрывая собою спину и плечи, и завязывался спереди тесьмою. Этотъ измѣненный способъ ношенія плащей, начавшійся еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, принимался однако довольно медленно, такъ что, по крайней мѣрѣ вплоть до конца этой эпохи древній обычай оставался въ большемъ ходу. Въ то же время отдѣлка плаща, какъ и прежде еще кафтана, стала роскошнѣе, и длина его увеличивалась соответственно положенію и средствамъ лица кому онъ принадлежалъ (фиг. 241. а. в; фиг. 242. с). Лишь послѣ того какъ въ тринадцатомъ вѣкѣ обѣ формы продержались на одинаковой почти степени въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, древнѣйшая изъ нихъ замѣнилась повсемѣстно позднѣйшею (фиг. 248. а. в. с). Одновременно съ преобразованіемъ совершавшимся съ плащемъ, стали мало-по-малу выходить изъ моды обшивки на немъ, бывшія дотолѣ въ общемъ употребленіи; но замѣнъ ихъ плащи стали теперь изготовляться изъ разныхъ цѣнныхъ матерій, даже изъ шелка и бархата и съ мѣховой подкладкою. Затѣмъ, мѣсто прежней цвѣтной тесьмы, или неширокаго ремня,

коими завязывался плащъ, заступила теперь застежка, получившая самостоятельное значеніе какъ украшеніе, вслѣдствіе чего ее часто стали дѣ-

Фиг. 248.

лать изъ благороднаго металла въ видѣ витой цѣпочки или решетки обложенной разноцвѣтными драгоценными камнями. Кромѣ того въ послѣдствіи, т. е. къ концу тринадцатаго столѣтія, къ плащу пришивался иногда мѣховой

Фиг. 249.

воротникъ (фиг. 249. b). Впрочемъ, еще во второй половинѣ этого періода, плащъ все болѣе и болѣе сталъ замѣнять въ обиходномъ быту Карре,

Warkus или Schapperun, одежды, которые въ продолженіи времени тоже стали дѣлаться на мѣху или оторачиваться имъ (фиг. 249. а).

е. Хотя въ продолженіе всего долгаго періода времени о которомъ идетъ рѣчь, обычай покрывать голову составлялъ сравнительно рѣдкое явленіе, тѣмъ не менѣе до конца двѣнадцатаго вѣка остались все еще въ употребленіи обычныя въ прежнія времена круглыя шапки болѣе или менѣе сплюснутой формы (фиг. 240. б), потомъ остроконечныя мѣховыя и войлочные шапки съ пуговкою вверху, и простыя соломенные шляпы съ широкими, опущенными внизъ полями. Двѣ послѣднія, весьма древнія формы, остались въ ходу въ бѣдныхъ и нисшихъ классахъ, тогда какъ въ кругу знатныхъ, съ начала тринадцатаго вѣка эти круглыя шапки стали постепенно выходить изъ моды и замѣняться разными другими новыми формами, въ числѣ которыхъ впрочемъ нѣкоторыя при самомъ появленіи ихъ, (и какъ отличія присвоенныя извѣстнымъ чинамъ и сословіямъ), приобрѣли особое офиціальное значеніе, какое потомъ онѣ постоянно сохраняли (см. далѣе).

Оставляя въ сторонѣ эти исключительныя и скорѣе церемоніальныя отличія, всѣ прочія вполне произвольно придуманныя новыя формы, заключались въ разнаго рода колпакахъ, шапкахъ и настоящихъ шляпахъ. Къ разряду первыхъ принадлежалъ родъ колпака, плотно обхватывавшаго верхнюю часть головы, и завязывавшагося подъ подбородкомъ помощью двоихъ ушковъ, закрывавшихъ иногда обѣ щеки (фиг. 250; ср. фиг. 248. с). Колпачки эти были по большей части бѣлаго цвѣта, иногда также краснаго или зеленаго, или съ разноцвѣтными полосами, и часто украшались кругомъ по краю узкою обшивкою. Вообще же всѣ подобнаго рода наголовники, плотно прилегавшіе къ голодѣ, надѣвались главнымъ образомъ при полномъ вооруженіи подъ кольчатымъ шлемомъ, потомъ и въ домашнемъ быту и во время путешествія.

Фиг. 250.

Болѣе разнообразія встрѣчается въ шапкахъ. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимали, отличавшіяся вообще большею простотою, круглыя шапки различной вышины, обыкновенно съ завороченнымъ къ верху краемъ (фиг. 249. б). Всѣ измѣненія какимъ подвергался этотъ видъ шапокъ, оставляя въ сторонѣ цвѣтъ и украшенія, касались во первыхъ, тульи, которая въ разныя времена представляла, то правильную полусферическую форму, то круглымъ клиномъ выдавалась вверхъ, то опять вдавливалась внутрь, и въ этомъ случаѣ по срединѣ ея помѣщалась пуговка. Затѣмъ измѣнялась также форма края или околыша этихъ шапокъ, ширина котораго была весьма различна и иногда выдавалась даже выше тульи. Онъ былъ совершенно ровный, и большею частью съ узкою оторочкою по верхнему краю или съ городками. Иногда, при этойже формѣ, околышъ загибался въ ширину на нѣсколько граней (обыкновенно шесть или восемь), и городки и даже весь околышъ обшивались мѣхомъ (фиг. 249 б; ср. фиг. 245. а). О богатой отдѣлкѣ такихъ шапокъ между знатыми, свидѣтельствуемъ мж. пр. описаніе наряда дряхлаго и больнаго короля Анфортаса, на кото-

ромъ была—„дорогая шапка, крытая кругомъ собольимъ мѣхомъ и съ шарикомъ вверху изъ сверкающаго рубина“¹. Однако и эти шапки употреблялись главнымъ образомъ только на охотѣ или во время путешествія, и съ этой цѣлью къ нимъ придѣлывались почти всегда длинныя тесьмы, такъ что онѣ свободно откидывались на спину (фиг. 245. а). — Другой видъ шапокъ, бывшій въ большемъ употребленіи также въ обиходной жизни, въ противоположность описаннымъ сейчасъ жесткимъ шапкамъ, состоялъ изъ борчатой повязки изъ ткани, (шелка или тонкой шерсти). Внутри повязки вставлялся вѣроятно какой либо жесткій ободъ, изъ котораго она возвышалась покрывая массою своею либо одну только верхнюю часть головы (фиг. 243. с), либо, спускаясь концами въ видѣ широкихъ лопастей, закрывала весь задъ головы до плечъ (фиг. 249. а). Иногда на самыхъ большихъ изъ такихъ колпаковъ вышивались богатыя украшенія и разныя изображенія, для чего самымъ удобнѣйшимъ мѣстомъ служили именно висячіе концы колпака. Такъ, мж. пр. сохранилось преданіе объ украшеніяхъ на шапкѣ крестьянскаго парня Гельмбрехта, весьма любившаго щеголять, на которой были представлены всякаго рода птицы и сцены изъ троянской войны, исторіи Карла и Роланда, и Дитриха бернскаго, (Tristan, 4066; 6002). Прочія относящіяся сюда шапки и пр. состояли въ сущности только изъ повязокъ свитыхъ изъ платковъ приблизительно на восточный манеръ.

Что касается шляпъ, то въ нихъ вообще удержалась основная остроконечная форма, и только во внѣшней отдѣлкѣ ихъ, отличающейся большею нарядностью, да въ немногихъ частностяхъ, замѣтно уклоненіе отъ старины. Шляпы, почти безъ исключенія были болѣе или менѣе жестки, и сплошь подходили на воронку съ острымъ либо закругленнымъ концемъ и разной величины. Поля были широки и загнуты вверхъ одинаково со всѣхъ сторонъ; иногда они нѣсколько болѣе выдавались спереди и только сзади равномерно окружали голову (фиг. 245. b). По всей вѣроятности шляпы дѣлались большею частью изъ шерстяной ткани или плотнаго войлока, и для большей нарядности окрашивались въ разные цвѣта или обшивались каймою повыше полей. Болѣе дорогія шляпы затѣ покрывались мѣхомъ либо совершенно, либо только по полямъ; иногда также, по англійскому обычаю, онѣ обшивались сплошь павлиньими перьями (фиг. 245. b), и кромѣ того къ нимъ придѣлывались обыкновенно ленты для завязыванія, такія же какъ у шапокъ.

Около половины двѣнадцатаго столѣтія возникла мода на другой еще головной уборъ, бывшій до этого времени въ маломъ употребленіи, на такъ называемый Schapel, Schappil или Schappelin; имъ пользовались частью въ видѣ украшенія при другихъ головныхъ покрывахъ, частью также какъ совершенно самостоятельнымъ украшеніемъ. Вообще подъ этими названіями подразумѣвался всякаго рода неширокій головной обручъ, изъ чего бы онъ ни состоялъ, изъ матерій или металла, и со включеніемъ даже вѣнковъ, либо изъ натуральныхъ цвѣтовъ, либо изъ искусственныхъ, изъ коихъ въ особенности послѣдніе въ тринадцатомъ столѣтіи составляли весьма любимое украшеніе². — Изъ металлическихъ Schapel, состоявшихъ по всей вѣроятности

¹ Parcival. 231, 8. — F. v. d. Hagen. Handschriftengemälde und andere bildliche Denkmale der deutschen Liederdichter des 12. bis 14. Jahrhunderts. — ² G. Büsching. Über das Tragen der Kränze im Mittelalter, въ „Kunstblatt“. Stuttg. 1823. № 37 и его же Ritterzeit und Ritterwesen I. стр. 251 и сл.

сти изъ позолоченнаго серебра, а иногда также изъ золота, самая употребительная форма былъ тонкій, гладкій, либо витый обручъ, унизанный мелкими розетками въ видѣ цвѣтковъ, или (при совершенно гладкомъ обручѣ), усаженный зубцами вродѣ коронъ. Впрочемъ, обручи эти нерѣдко украшались драгоценными камнями и жемчугомъ, или замѣнялись даже нитками изъ камней и жемчуга, обычай встрѣчаемый однако только у знатныхъ и богатыхъ (ср. фиг. 243. b; фиг. 245. а. с; фиг. 248. а).

ж. Перчатки остались по прежнему въ употребленіи, но ихъ рѣдко носили въ обиходномъ быту, а главнымъ образомъ при полномъ вооруженіи, въ дорогѣ и на охотѣ, и въ такомъ случаѣ ихъ дѣлали обыкновенно съ отворотами (фиг. 245. а. с) ¹. Потомъ, съ половины двѣнадцатаго вѣка сталъ распространяться обычай носить придѣланную непосредственно къ поясу или привязанную къ нему на длинныхъ шнуркахъ, сумку (кошель) изъ плотной матеріи или кожи и весьма разнообразной формы, украшенную отчасти изящными тиснеными узорами, шитьемъ или металлическою обкладкою (фиг. 251; ср. фиг. 260. а). Эти сумки для милостыни (франц. *aumônières*) мало-по-малу распространились до такой степени, что въ концѣ тринадцатаго столѣтія образовался уже особый цехъ „сумочниковъ“, занимавшихся исключительно изготовленіемъ подобныхъ сумокъ ².

Фиг. 251.

2. Что сказано было о мужской одеждѣ относится одинаково и къ женской одеждѣ, съ тою лишь особенностью, что всѣ измѣненія коимъ подвергалась первая, въ этой послѣдней совершались сравнительно ранѣе, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ даже гораздо рѣшительнѣе, какъ мж. пр. удлиненіе и суженіе нижней одежды.

а. Слѣдующія опятьтаки изображенія двѣнадцатаго вѣка, мы видимъ что и женщины, подобно мужчинамъ, непосредственно на тѣлѣ носили одежду, которая, смотря по тому какъ и когда онѣ ею пользовались, соответствовала либо настоящему кафтану, либо нынѣшнимъ рубашкамъ. Хотя женщины поверхъ этой одежды обыкновенно носили другую, главную, а съ второй половины двѣнадцатаго вѣка даже и третью одежду, тѣмъ не менѣе, очень часто и въ особенности въ домашнемъ быту, онѣ надѣвали либо одну только первую одежду, либо эту и поверхъ ея еще послѣднюю упомянутую

¹ Исторія перчатокъ помѣщена въ: *Neueste Dresdener Nachrichten* № II. (Febr. 1863). —² Изъ жизнеописанія архіепископовъ Анскара и Римберта видно, что еще въ девятый вѣкъ отчасти были въ употребленіи подобнаго рода сумки. Такъ напр. оба святителя носили на поясѣ калиту или кошелекъ съ деньгами, дабы имѣть возможность немедленно надѣвать приходившихъ нищихъ, когда случайнымъ образомъ отсутствовалъ казначей. (*Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit*. IX стол. 8. Т. стр. 76 и 111. — X. Willemm. *Monuments* и пр. I. таб. 68, 114. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. *Les arts somptuaires*. Т. II. 12 — 16 Siècle. таб. 2. F. Bock. *Gesch. der liturg. Gewänder* и пр. I. стр. 218.

верхнюю одежду (фиг. 255. а. б. с и сл.). Такимъ образомъ рубашка эта, съ длинными и узкими рукавами, закрывала собою вполнѣ все тѣло отъ шеи до пальцевъ ногъ; впрочемъ, соотвѣтственно ея примѣненію, она дѣлалась

Фиг. 252.

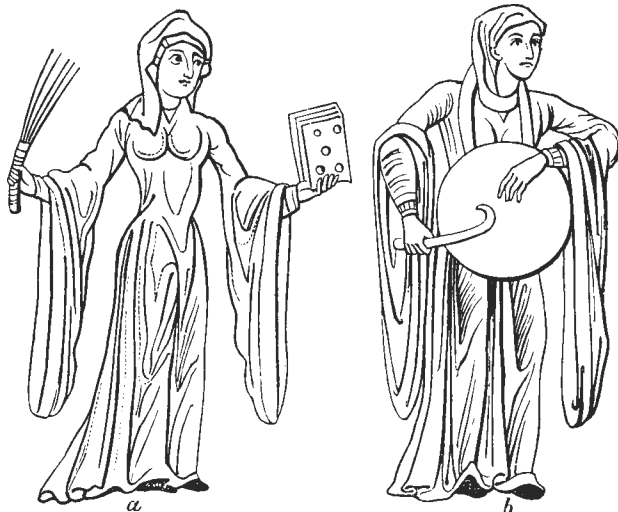

а

болѣе или менѣе бористою, иногда просто изъ холста, иногда изъ болѣе цѣнной матеріи (преимущественно шелка), и для большей нарядности окрашивалась въ разные цвѣта, и украшалась шитьемъ и обшивкою; при этомъ женщины иногда подвязывали ее поясомъ, иногда носили безъ пояса. — Прислужницы, за немногими исключеніями, не знавшія другой одежды, изготавливали себѣ рубахи постоянно изъ какихъ либо болѣе грубыхъ шерстяныхъ тканей (фиг. 252).

6. Та одежда которая обыкновенно (и даже чаще чѣмъ главная одежда), надѣвалась на рубашку и подчасъ ее замѣняла, около половины двѣнадцатаго столѣтія приняла форму плотнообхватывавшаго верхнюю часть тѣла, длиннаго платья съ шлейфомъ и рукавами значительно расширявшимися постепенно отъ плечъ внизъ въ видѣ висячихъ рукавовъ; или, наоборотъ, съ рукавами совершенно узкими до кистей рукъ, а потомъ уже расширявшимися (фиг. 253. а. б; фиг. 254: фиг. 257. d). Къ концу этого періода форма упоминаемой здѣсь одежды достигла полнаго развитія своего,

Фиг. 253.

а

б

и дабы еще плотнѣе обтягивать ею тѣло, стали теперь иногда оставлять вдоль обоихъ боковъ разрѣзы для зашнуровыванія (фиг. 254; ср. 257. с). Сверхъ того, одежду эту въ этоже время повидимому дѣлали иногда съ болѣе или менѣе широкимъ разрѣзомъ отъ шеи до пояса, какъ видно мж. пр. на изображеніяхъ къ поэмѣ Верингера о „Житіи Маріи“, если въ нихъ не представлено раздираніе одеждъ въ знакъ скорби, что тоже воз-

можно. Вообще, и эта одежда, подобно мужскому кафтану, увеличиваясь въ объемѣ, стала терять обычную свою отдѣлку, оторочки и пр.; такъ что въ это столѣтіе, даже при самой роскошнѣйшей отдѣлкѣ, какъ напр. на фигурѣ „Супербіи“ въ миниатюрной рукописи Герралды фонъ Ландспергъ, все украшеніе ограничивается нашивкою на верхней части рукавовъ. Взамѣнъ, теперь пошли въ ходъ цѣнныя матеріи, и рукава стали дѣлаться на мѣховой подкладкѣ, или покрайней мѣрѣ оторачиваться мѣхомъ.

Фиг. 254.

в. Несмотря однако на роскошный виѣшній видъ подобныхъ платьевъ, и на узкій покрій ихъ, льстившій тщеславію прекраснаго пола, послѣ формальнаго запрещенія ихъ духовенствомъ за ихъ непомѣрную длину, состоявшагося на одномъ соборѣ 1195 года, онѣ были вытѣснены еще въ первой четверти тринадцатаго вѣка другою одеждою, болѣе широкаго покроя. То была упомянутая уже выше накидная одежда безъ рукавовъ и съ сборками (Sukni или Suckenie), которая вскорѣ потомъ принята была тоже мужчинами, но отъ мужской постоянно отличалась значительнѣйшею длиною, такъ что во время ходьбы женщины ее всегда съ боку подбирали (фиг. 255. с; ср. фиг. 258. с). Такъ какъ женщины никогда не носили одну только эту одежду, но ее всегда надѣвали поверхъ рубашки, то мало-по-малу онѣ стали удлинять и эту послѣднюю до размѣровъ платья съ болѣе или менѣе длиннымъ шлейфомъ (фиг. 255. а. в. с; фиг. 258. а. в. с). Въ такомъ видѣ рубашка служила единственнымъ платьемъ, изрѣдка только женщины надѣвали полъ нее еще родъ короткой рубашки изъ очень тонкой матеріи. Вообще надо замѣтить, что именно эта одежда во всѣхъ отношеніяхъ соответствовала мужской рубашкѣ и кафтану, въ особенности также въ

отношеніе окраски ея въ два цвѣта (фиг. 256; фиг. 255. а. б; ср. фиг. 243. а. б).

Фиг. 255.

г. Относительно формы другихъ видовъ верхнихъ одеждъ, о которыхъ упоминается нѣкоторыми поэтами тринадцатаго вѣка, едвали возможно сообщить какія либо точныя свѣдѣнія. Къ числу ихъ принадлежали такъ на-

Фиг. 256.

зываемыя: Kurze-Bolt, одежда бывшая въ употребленіи преимущественно въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и исчезнувшая послѣ этого времени; затѣмъ одежды подъ названіями Surkot и Schwanz (Schwänzelin). Первая была навѣрное родъ короткой накидки; Surkot, по всей вѣроятности монашеское платье вродѣ нарамника, стало бытъ разрывное съ боковъ и съ отверстіемъ для головы, и спускавшееся спереди и сзади; наконецъ Schwanz, Schwänzelin, по самому значенію этого слова, означало одежду съ хвостомъ, по всей вѣроятности Suckenie.

д. Почти одновременно съ преобразованіемъ кафтана, т. е. собственно въ началѣ тринадцатаго столѣтія, сталъ пріобрѣтать все большее значеніе и верхній поясъ. Хотя онъ и теперь далеко не вѣсти былъ принятъ, и въ особенности изрѣдка только надѣвался сверхъ верхнихъ одеждъ (фиг. 255. а. б. в), тѣмъ не менѣе, съ этого времени онъ сталъ опять однимъ изъ главныхъ предметовъ щегольства. Съ этой цѣлью пояса стали изготовляться въ видѣ длинной и узкой ленты изъ шелка, бархата или кожи, укра-

шенной золотымъ шитьемъ или золотою обкладкою, иногда даже и драгоценными камнями, пояса эти дѣлались большею частью такой длины, что, спускаясь отъ пряжки сдерживавшей ихъ спереди они достигали до самыхъ коленъ (фиг. 255. b).

Фиг. 257.

е. Все что было сказано о мужскомъ плащѣ (стр. 191) примѣнно вполне также къ плащу какой женщины надѣвали поверхъ прочихъ одеждъ. Какъ мужской, такъ и женскій плащъ еще къ концу двѣнадцатаго вѣка (фиг. 257. d), изъ простыхъ накидокъ превратились въ болѣе широкіе плащи, прикрывавшіе всю спину (фиг. 258. a. b. c), и точно съ такою же послѣдовательностью въ обоихъ измѣнялись матеріалъ, способъ отдѣлки, украшенія и пр. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ отъ тринадцатаго вѣка, плащи у обоихъ половъ до такой степени были сходны, что ими легко было обмѣниваться не возбуждая на себя вниманія. Съ половины этого столѣтія впрочемъ, повидимому къ однимъ только женскимъ плащамъ стали придѣлываться небольшіе откидные воротники треугольной формы, спускавшіеся до половины груди (фиг. 258. b). Весьма возможно впрочемъ, что только плащи нѣ-

Фиг. 258.

которыхъ высокопоставленныхъ лицъ дѣлались съ подобными воротниками, и что вообще мода на нихъ продержалась не долго.

ж. Почти то же самое должно сказать и о прочихъ верхнихъ одеждахъ замѣнявшихъ у женщинъ иногда плащъ. Одежды эти также вполне соответствовали по формѣ и по матеріалу мужскимъ одѣяніямъ служившимъ для одинаковой цѣли, какъ напр. такъ называемымъ Schapereun и Карре съ широкими полурукавами и капишономъ (стр. 188). Женщины сверхъ того по примѣру мужчинъ надѣвали иногда широкій мѣховой воротникъ (пелерину?) закрывавшій шею и плечи (ср. фиг. 249. b).

з. До самаго конца двѣнадцатаго вѣка женщины покрывали голову по прежнему круглыми шапочками, болѣе или менѣе изящной отдѣлки, платками вродѣ покрывалъ и повязками въ видѣ чалмъ (фиг. 252; фиг. 253. а. b). Однако, въ этоже время стали уже появляться иногда высокіе головные уборы на подобіе чалмъ (фиг. 254), а съ тринадцатаго вѣка, отчасти въ подражаніе иноземнымъ модамъ, возникло столько разнообразныхъ видовъ головныхъ уборовъ, что въ этомъ отношеніи женщины далеко превзошли мужчинъ.

Самый простѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный, родъ головнаго убора, употребляемый одинаково обоими полами, это былъ вышеописанный Schapel, состоявшій либо изъ металла, либо изъ однихъ цвѣтовъ, и къ которому женщины иногда придѣлывали ленту для завязыванія подѣ подборкомъ (фиг. 259. d). Всѣ прочіе уборы заключались главнымъ образомъ въ головномъ платкѣ, покрывалѣ, и въ такъ называемыхъ — Rise и Gebende, различныхъ видовъ шапкахъ, сѣткахъ и настоящихъ шляпахъ. Изъ нихъ каждый составлялъ самъ по себѣ уборъ, илиже надѣвался въ связи съ какимълибо другимъ уборомъ (большею частью вмѣстѣ съ шапелемъ), за исключеніемъ однако шляпъ, которыя впрочемъ вошли въ моду уже въ позднѣйшее время, т. е. не ранѣе второй половины тринадцатаго вѣка, и притомъ въ эту эпоху встрѣчались еще очень рѣдко.

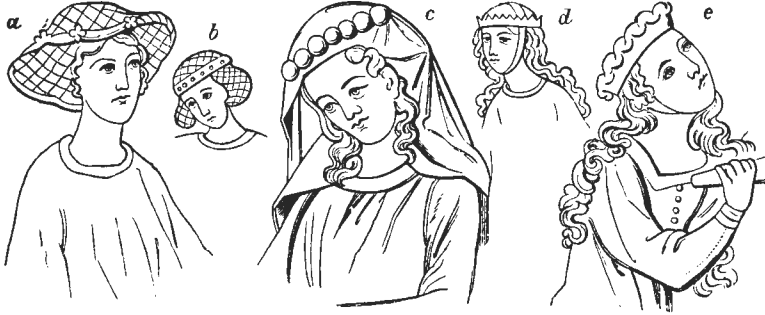
Женщины, какъ въ старину такъ и теперь покрывали голову накидывая на нее платокъ или покрывало. Последнее большею частью состояло изъ довольно тонкой матеріи и длина его увеличилась теперь настолько, что оно закрывало плечи и верхнія части рукъ (фиг. 259 с; ср. 258. а). Такого рода покрывала составляли главнымъ образомъ уборъ молодыхъ дѣвицъ; старшіяже и замужнія женщины и вдовы носили преимущественно (но отнюдь не постоянно), упомянутую выше Rise. Это было тоже платокъ, но болѣе длинный и узкій, которымъ женщины искусно обвивали голову и нижнюю часть лица (за исключеніемъ глазъ и носа), откидывая назадъ на спину черезъ одно плечо конецъ этого платка, при чемъ сама матерія удобно складывалась въ изящныя складки, на что въ особенности обращалось не малое вниманіе въ высшихъ сословіяхъ.

Такъ называемое Gebende составляло совершенно противоположный предъидущему головной уборъ. Подъ этимъ названіемъ обозначалось вообще все „связанное“, и все „чѣмъ чтолибо связывалось“, и потому уборъ этотъ всегда плотно охватывалъ голову и не имѣлъ складокъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя произвольныя уклоненія отъ этой формы и вѣтшнюю,

подчасъ богатую, отдѣлку, упомянутый уборъ въ сущности составлялъ лишь простую повязку, закрывавшую подбородокъ и щеки (фиг. 259. d), и большую часть въ связи съ шапочкою съ жесткимъ околышемъ (фиг. 259. e;

Фиг. 259.

фиг. 255. с; фиг. 258. b); изрѣдка впрочемъ, женщины носили одну эту шапочку безъ повязки. Иногда поверхъ названной простой повязки, но также и при шапочкѣ, женщины надѣвали въ видѣ украшенія еще Schapel или вѣнецъ (фиг. 259. d; фиг. 258. b), и вообще, для большей нарядности, какъ повязку такъ и шапочку (состоявшія обыкновенно изъ бѣлой матеріи), дѣлали изъ бархата и шелковой ткани, и обшивали ихъ и иногда даже украшали дорогими камнями. Такъ мж. пр. въ Тристанѣ упоминается о „Gebende“ прекрасной Исольты, — „превосходившемъ богатствомъ камней и шитья всѣ подобнаго рода уборы, и на которое надѣта была еще корона“; и въ другомъ мѣстѣ, что — „Исольты, поверхъ шелковаго „Gebende“, носила постоянно вѣночекъ изъ живыхъ цвѣтовъ“. Если прибавить къ этому еще другія мѣста вродѣ разсказа напр. въ „Нибелунгахъ“ о Хримхильдѣ которая, „встрѣтаясь съ королемъ Этцелемъ принуждена была „поднять вверхъ“ Gebende, дабы королю дать возможность поцѣловать ее въ губы“, то мы должны будемъ допустить, что повязка о которой рѣчь, иногда закрывала тоже нижнюю часть лица.

Что касается шапокъ, то изъ нихъ самую употребительнѣйшею формою оставалась всегда вышесказанная жесткая шапка которую женщины носили при Gebende. Къ концу тринадцатаго вѣка, не считая нѣкоторыхъ частныхъ прибавившихся во внѣшней отдѣлкѣ этихъ шапокъ, ихъ стали по верхнему краю оторачивать чѣмъто вродѣ бахромы, и какъ надо полагать дорогимъ мѣхомъ (фиг. 259. e; фиг. 255. c). Кромѣ этихъ и бывшихъ прежде еще въ ходу, круглыхъ шапочекъ, женщины носили другія менѣе жесткія, плоскія шапки, и сверхъ того, еще особый родъ шапокъ съ четырехугольной формы тулеею, концы которой слегка были загнуты; но эта послѣдняя форма составляла во всякомъ случаѣ лишь рѣдкое исключеніе ¹.

Почти въ такомъ же употребленіи были и головныя сѣтки, въ которыя въ особенности удобно укладывались полные волосы, и состоявшія изъ шер-

¹ J. v. Hefner-Altenesch. Trachten des christl. Mittelalters. I. таб. 94.

стяного, а у богатыхъ изъ шелкового, золотого или серебряного кружева. Этими сѣтками женщины покрывали либо только одну верхнюю часть головы, либо (чаще всего) также и щеки, завязывая сѣтки на головѣ лентами или помощью Schapel (фиг. 259. b).—Шляпы, наконецъ, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ, обтягивались иногда также сѣтками (фиг. 259. а), и видомъ своимъ подходили ближе всего къ изстари обычной въ сельскомъ сословіи простой формѣ соломенныхъ шляпъ. Вѣшняя отдѣлка женскихъ шляпъ измѣнялась очень часто, и въ особенности быловъ-большомъ ходу сплошное украшеніе шляпъ павлиньими перьями Pfawen-huot, заимствованное прекраснымъ поломъ отъ мужчинъ.

з. Обувь, насколько вообще о ней можно судить, состояла попрежнему изъ тѣснообхватывавшихъ ноги полусапожекъ и короткихъ сапоговъ съ наголенками сшитыхъ отдѣльно на каждую ногу. Преобладающій цвѣтъ обуви былъ черный; на украшеніе ея употреблялись цвѣтная кожа, шелкъ, парча, шитье и бисеръ, а въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, возникла мода на длинные носки, но продержалась не долго (ср. фиг. 254).

и. Подобно мужчинамъ, и женщины знатнаго рода тоже носили (короткія) перчатки, составлявшія быть можетъ для нихъ, по женскому этикету, нарядъ болѣе обязательный чѣмъ для мужчинъ; точно такъ онѣ носили разнаго рода кошелки, прикрѣпленные почти исключительно къ поясу на длинномъ ремнѣ.

II. Около половины двѣнадцатаго вѣка украшенія, въ тѣсномъ значеніи этого слова, то есть вещи коими украшали тѣло, стали мало-по-малу выходить изъ употребленія, по мѣрѣ того какъ въ обществѣ распространялось болѣе глубокое понятіе о естественной красотѣ формъ и преимущественно о красотѣ человѣческаго тѣла, и вслѣдствіе этого все большее значеніе приобрѣтало ученіе о красотѣ, указывавшее правила гармоническаго сочетанія вѣшнаго убранства. Ученіе это, вытекавшее непосредственно изъ восторженнаго почитанія женственности, вскорѣ сосредоточилось на опредѣленныхъ предметахъ и, согласно начальному характеру своему, преимущественно на женской красотѣ, что съ другой стороны не осталось безъ вліянія и на самихъ мужчинъ ¹.

1. Кромѣ обычнаго попеченія о поддержаніи чистоты тѣла посредствомъ частаго употребленія ваннъ и натиранія лица бѣлилами и румянами, къ которому по временамъ прибѣгали женщины (въ чемъ, какъ говорятъ, флорентинки, къ соблазну духовенства, весьма были искусны), главный предметъ заботъ для обоихъ половъ составляли во лосы, какъ природное украшеніе челоуѣка ².

а. Бороду носили впервыхъ, почти безъ исключенія, только простой народъ и евреи, какъ неподлежашіе никакому этикету, а затѣмъ, въ видѣ отличія, самые высшіе и знатные классы (фиг. 241. а. b; фиг. 248. b). Всѣ прочія сословія, какъ то преимущественно рыцарство и почетнѣйшіе граждане, съ двѣнадцатаго вѣка почти до конца четырнадцатаго, съ малыми иск-

¹ См. обстоятельное разсужденіе объ этомъ у J. Falkе. Die deutsche Trachten- und Modenwelt. I. стр. 86 и сл.—² Подробности у G. Klemm. Culturgeschichte des christlichen Europas I. стр. 117 и сл.

люченіями брили бороду.—Что касается уборки волосъ на головѣ, то, въ совершенную противоположность обычной дотолѣ короткой прически, теперь установилась мода отпускать длинные волосы. Перемѣна эта совершилась впрочемъ сравнительно довольно медленно и съ частыми колебаніями отъ одной крайности въ другую, такъ что собственно не ранѣе какъ въ началѣ тринадцатаго вѣка установилась окончательно длинная прическа. Съ этого времени всѣ стали носить длинные волосы доходившіе почти до плечъ и подстриженные спереди и сзади (фиг. 243 по 247; ср. фиг. 240 и сл.); кромѣ того волосы завивались или закручивались, а въ позднѣйшее время, вмѣсто того чтобы подстригать волосы на лбу, стали дѣлать проборъ и зачесывать волоса назадъ (фиг. 248. а. б. с).

6. Почти тоже самое приходится сказать и о женской прическѣ, съ тою однако особенностью, что женщины, освободившись отъ стѣснявшихъ ихъ обычаевъ старины, стали отпускать длинные волосы не подстригая ихъ, не только гораздо ранѣе чѣмъ мужчины, но и послѣ постоянно распускали пышные волосы свои по спинѣ волнистыми кудрями. Такова была общая прическа у знатныхъ дѣвицъ, покрайней мѣрѣ до конца двѣнадцатаго вѣка (фиг. 257), и даже послѣ еще она оставалась наиболѣе употребительною (фиг. 255 а. б. с), хотя на ряду съ нею постоянно были въ ходу также другія формы женскихъ причесокъ, преимущественно въ гражданскомъ сословіи. Такъ мж. пр. замужнія женщины, даже высокаго круга, имѣли обыкновеніе подбирать волосы вверхъ и завязавъ покрывать упомянутымъ выше *Gebende* (фиг. 258. б; ср. фиг. 253. а. б; фиг. 254); затѣмъ, нѣкоторыя женщины, обвязавъ волосы широкими лентами въ одну косу или въ двѣ, спускали эти жесткіе витки по спинѣ, или перекинувъ черезъ плечи на грудь (фиг. 256; фиг. 257. с). Впрочемъ въ Германіи не многія женщины послѣдовали этой модѣ, несмотря на то что она возникла во Франціи, и какъ въ этой странѣ, такъ и въ Англіи въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка очень полюбилась даже въ самыхъ высшихъ кругахъ общества (фиг. 219. а. б).

2. Хотя предметы, служившіе для украшенія остались все тѣже какъ въ прежнее время, однако съ конца двѣнадцатаго столѣтія, употребленіе ихъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ постепенно уменьшалось, по мѣрѣ того какъ упрощивалась отдѣлка одеждъ. Это въ особенности замѣтно въ слѣдующія пятьдесятъ лѣтъ, послѣ чего однако изъ Франціи стала опять распространяться роскошь, сперва въ верхней Италіи, а оттуда далѣе въ Германіи. Въ богатой Флоренціи пышность и мотовство преимущественно между женщинами достигли снова такихъ размѣровъ, что правительство вынуждено было принять строгія мѣры противъ этой роскоши, и въ 1299 году установило ежегодный налогъ въ 50 лиръ за право „носить на головѣ или на платьѣ драгоценные или только поддѣльные камни, равнымъ образомъ и золотыя и серебряныя украшенія“¹.

а. Одновременно съ возобновленіемъ моды на украшенія оживилось также золотыхъ дѣлъ мастерство. Хотя эта отрасль никогда не прекра-

¹ K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste im Mittelalter. III. стр. 25 и сл.—стр. 782. 801.

щалась, однако доселѣ она ограничивалась преимущественно производствомъ церковныхъ вещей, сосудовъ и пр.; теперь же, когда вслѣдствіе возраставшаго требованія на предметы роскоши, золотыхъ дѣлъ мастерство вновь вошло въ моду, оно стало также раздѣляться, подобно прочимъ ремесламъ, на различныя отрасли, образуя такимъ образомъ самостоятельные цехи. Такъ напр. въ Германіи, еще въ тринадцатомъ вѣкѣ, города Аугсбургъ и Нюрнбергъ славились тонкостью и изяществомъ своихъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій; затѣмъ и Ульмъ, гдѣ къ концу этого же періода отличался въ особенности золотыхъ дѣлъ мастеръ Бертольдъ. Такимъ образомъ изготовленіемъ вещей служившихъ для украшенія занимались одновременно отдѣльные мастера—золотыхъ дѣлъ, рѣзбы по камню, по слоновой кости и пр. и кромѣ того въ подспорье имъ, все болѣе и болѣе развивалось янтарное дѣло, главнымъ мѣстомъ производства котораго были, какъ и въ прошлыя времена, прибрежные города въ Помераніи, и сверхъ того также Гамбургъ, Любекъ, Антверпенъ и Брюгге, отправлявшіе издѣлія свои даже въ Византію ¹.

б. По мѣрѣ того какъ развивался вкусъ къ изящному, вещи служившія для украшенія стали тоже принимать болѣе художественный отпечатокъ. Въ числѣ такихъ предметовъ, браслеты, коими украшали себя также и мужчины, съ конца двѣнадцатаго вѣка стали исключительно только украшеніемъ женскаго пола наравнѣ съ серьгами. Такъ иж. пр. о браслетахъ упоминается не разъ въ Нибелунгахъ, какъ объ исключительно женскомъ украшеніи, съ которымъ женщины никогда вполне не разставались, хотя въ тринадцатомъ вѣкѣ онѣ пользовались имъ уже рѣже. Тоже самое было и съ серьгами, которыя, судя по памятникамъ того времени, въ исходѣ двѣнадцатаго столѣтія встрѣчаются почти только въ низшемъ классѣ (фиг. 252).

в. Изъ украшеній бывшихъ въ употребленіи одинаково у мужчинъ и у женщинъ, не считая упомянутыхъ уже прежде Schapel и пояса (стр. 194 и сл.), слѣдуетъ привести прежде всего кольца и перстни, застѣжки на плащахъ и застѣжныя булавки, какъ вещи составлявшія въ особенности предметъ щегольства по богатству отдѣлки ихъ. Общество теперь не удовлетворялось уже болѣе обыкновенными золотыми и серебряными кольцами какъ прежде, но требовало въ нихъ настоящихъ произведеній пластическаго искусства. Сказанное относится преимущественно къ застѣжкамъ для плащей, объ части коихъ, называемыхъ Tassel, изображали большею частью какихъ-либо животныхъ, листья или гербовые знаки (фиг. 258. а); затѣмъ и къ булавкамъ, носившимъ названіе Fürsrappe, и представлявшимъ подобнаго же рода формы (ср. фиг. 258. б).

III. 1. Все что сказано было объ одеждѣ въ отдѣльности, относилось главнымъ образомъ къ одѣянію знатныхъ сословій, дворянства и рыцарства. Сословіе гражданъ, напротивъ, долго еще, даже до половины тринадцатаго вѣка, сохранило прежнюю простоту свою, которую впрочемъ на него налагало стѣсненное внѣшнее положеніе и возникшія вслѣдствіе этого умѣренность и бережливость. Относительно одежды однако, простота эта

¹ H. A. Berlepsch. Chronik der Gold und Silberschmiedekunst и пр. 35. 78. 92.

едвали могла выказываться въ чемълибо другомъ какъ только въ выборѣ менѣ цѣнныхъ матерій, и въ неупотребленіи дорогихъ мѣховъ въ силу извѣстнаго предписанія (стр. 182), и наконецъ, вообще въ менѣ роскошной отдѣлкѣ одежды; но наврядъ ли простота нравовъ и обычаевъ гражданъ отразились также въ покроѣ одежды, который постоянно измѣнялся соотвѣтственно модѣ. Но послѣ названной эпохи, гражданство, въ сознаніи силы своей и значенія какое ему придавали пріобрѣтаемыя имъ богатства, мало-по-малу старалось высвободиться отъ стѣснявшаго его положенія, и въ особенности во время какихъ либо празднествъ и торжественныхъ шествій оно нерѣдко перещеголяло высшія сословія пышными нарядами.

2. Примѣру поданному гражданами не замѣдали послѣдовать люди принадлежавшіе къ сословію служащихъ, а за ними и болѣе зажиточные изъ крестьянъ, преимущественно близъ большихъ городовъ. Впрочемъ, этотъ послѣдній классъ людей, по самому роду занятій его, менѣ другихъ подвергся вліянію моды, такъ что, жены и дѣти ихъ продолжали носить прежнюю простую одежду изъ грубой шерстяной ткани и холста (стр. 160). Тѣмъ не менѣе, около половины тринадцатаго вѣка, австрійскіе „Dögrer“, или селчане, съ ихъ женами и дѣтьми подверглись сильнымъ нападкамъ рыцаря Нитгарта, за ихъ расточительность и кичливость; онъ упрекаетъ ихъ за то, что они стараются подражать рыцарямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь одно изображеніе того времени (фиг. 260 a. b. c), что мужчины между ними, по примѣру знатныхъ людей, носятъ узкіе кафтаны съ длинными рукавами, подбитые или отороченные мѣхомъ, воротники съ пуговками, дорогія шляпы, перчатки, длинные мечи, шпоры и пр.

3. Наряду съ этими людьми щеголявшими одеждами существовалъ конечно и тогда, какъ всегда, многочисленный классъ нуждающихся и дѣйствительныхъ нищихъ, у которыхъ не было почти одежды для покрытія тѣла. Кромѣ того было тоже не мало разнаго рода искателей приключеній и бродягъ добывавшихъ себѣ пропитаніе на счетъ благотворителей, и особенно какимъ либо промысломъ низшаго разряда, которымъ зачастую прикрывали темныя дѣла свои. Къ числу подобныхъ искателей счастья принадлежалъ довольно значительный классъ странствующихъ музыкантовъ, скормороховъ и пр. распространившихся всюду съ конца двѣнадцатаго вѣка; и потомъ также странствующие монахи, или такъ называемые *vagantes*. Первые, получавшіе нерѣдко въ вознагражденіе за игру свою изношенное

платье (ср. фиг. 246. с), до такой степени стали презираемы народомъ въ послѣдствіи времени, что прямо были объявлены лишенными правъ.

4. Что касается наконецъ евреевъ, то вообще по положенію ихъ въ государствѣ, имъ воспрещалась всякая роскошь, несмотря на то что большинство ихъ обладало значительными капиталами. На нихъ государство смотрѣло какъ на пришельцевъ и враговъ Христовой вѣры, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оно имъ оказывало снисхожденіе, а большею частью жестоко преслѣдовало, и изъѣявъ ихъ изъ общаго законнаго права, предоставило имъ какъ единственную защиту, милосердіе государя той страны въ которой они проживали. Для нихъ установлена была закономъ особая одежда отличавшая ихъ какъ отъ лицъ духовнаго званія, такъ и вообще отъ христіанъ. Въ силу этого закона существовавшего еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, но безъ всякаго сомнѣнія возникшаго гораздо ранѣе этой эпохи ¹, евреямъ запрещалось брить бороду (что впрочемъ имъ запрещалъ и религіозный законъ ихъ), имъ предписывалось носить шляпы формы сахарной головы, бѣлаго или оранжеваго цвѣта, съ висячими узкими полями и такихъ-же поперемѣнно цвѣтовъ (фиг. 261. а. в. с. d. e.). Затѣмъ, на церковныхъ соборахъ 1233, 1267 и др.

Фиг. 261.

годовъ, законъ этотъ былъ дополненъ постановленіемъ, чтобы шляпы евреевъ были вогнуты на подобіе роговъ, чтобы на нижней одеждѣ на груди, или на плащѣ, для отличенія помѣщено было изображеніе колеса, и наконецъ, чтобы и жены ихъ отличались своеобразнымъ головнымъ уборомъ.

¹ Такъ мж. пр. въ «жизнеописаніи архіепископа Анскара соч. Риббертомъ», десятаго вѣка, въ гл. 4 сказано: «и вошелъ въ дверь мужчина высокаго роста, въ еврейской одеждѣ» и пр.

5. Всѣмъ этимъ предписаніямъ должны были подчиняться также дѣти евреевъ, тогда какъ, напротивъ, дѣти христіанъ всегда носили одежду обычнаго въ извѣстное время покроя, и лишь съ тою особенностью, что до исхода двѣнадцатаго вѣка дѣти обоюго пола все еще продолжали носить прежнюю короткую верхнюю рубашку (фиг. 262. а), которую въ послѣдствіе мало-по-малу вытѣснила болѣе длинная одежда (фиг. 262. б).

IV. Еще прежде было замѣчено, что короли и императоры у германскихъ племенъ, для церемоніальной или отличительной одежды ихъ властительнаго сана, усвоили первоначально западноримскій костюмъ и въ особенности одежду патриціевъ, а въ послѣдствіе времени отчасти подражали тоже греческому царскому наряду. Далѣе мы видѣли что до самого исхода одиннадцатаго вѣка не установилось еще постоянной, опредѣленной формы для такой одежды (стр. 143 и сл; стр. 146 и сл; стр. 158).¹ То же самое мы замѣчаемъ и во все продолженіе двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ, и не только по отношенію къ украшеніямъ королей, которыя вообще часто измѣнялись, но даже относительно коронаціоннаго наряда и регалій нѣмецкихъ императоровъ, такъ что можно полагать, что дошедшія до насъ царскія регаліи наврядъ ли въ полномъ составѣ ихъ употреблялись исключительно въ качествѣ знаковъ царскаго сана ранѣе эпохи вѣнчанія Людовика IV (т. е. 1328 года), но по всей вѣроятности лишь съ коронаванія Сигизмунда (1414)². Такъ напр. при вскрытіи гробницы Фридриха II въ

Фиг. 262.

¹ У франковъ во времена Меровинговъ знаками королевской власти считались копье, и длинныя, вѣдрыя волосы. Gregor von Tours II. гл. 9. VII. гл. 33.—При возведеніи герцога Арихиса въ достоинство патриція и регента Сициліи, послы императора Карла ему поднесли золототканья одѣянія, мечъ, гребенку и ножницы, дабы облечь и постричь его, согласно императорскому слову: Briefe Papst Hadrians an König Karl v. Jahr 788.—Сокровище Людовика составляли, королевскія украшения, какъ то короны, оружіе пир. Онъ оставилъ Лотарю корону и мечъ украшенный золотомъ и дорогими камнями: Grösseres Leben Ludwigs des Frommen гл. 63. Смотри потомъ описаніе коронаванія Оттона I въ 936 г. у Widukind II. гл. 1.—Сынъ Генриха IV требуетъ царскихъ регалій, креста, короны, конья и прочаго: Leben Kaiser Heinrichs IV. У Генриха IV, между тѣмъ, остался только мечъ да корона, которые онъ послалъ сыну черезъ вѣрнаго ему камерарія Эркенбалда и черезъ епископа Бергарда Мюнстерскаго: Jahrbücher von Hildesheim. Какъ регаліи при коронаваніи императоровъ приводятся перстень, порфира и остальные необходимыя для этого вещи: у Helmold. Chronik der Slaven, гл. 32; сравня приводимыя выше сочиненія о царскихъ регаліяхъ.—² J. Roemer-Büchner. Die Wahl und Krönung der deutschen Kaiser zu Frankfurt am Main. Frankf. a. M. 1858. стр. 43 и сл. противъ соч. F. Bock. Die Kleinodien des heil, römischen deutschen Reichs въ «Mittheilungen der k. k. österreichischen Centralcommission». Wien II. стр. 52 и сл.

Палермѣ, императоръ этотъ найденъ былъ въ полномъ царскомъ нарядѣ¹, и даже съ державою; между тѣмъ, въ то время когда онъ короновался въ Ахенѣ, въ 1222 г., существовало особое постановленіе, чтобы каждый разъ по совершеніи обряда вѣнчанія на царство римско-германскаго короля, одѣяніе въ которое онъ былъ облаченъ, оставляемо было въ даръ ризницѣ церкви Пресвятой Дѣвы. Однако, хотя послѣ этого, въ 1262 г., король Рихардъ въ эту же церковь пожертвовалъ корону богатоукрашенную драгоценными камнями, позолоченный скипетръ и державу, и два одѣянія съ вышитыми на нихъ собственнымъ гербомъ своимъ, и приказалъ при томъ, чтобы при каждомъ коронованіи новаго короля употребляемы были эти регалии, для каковой цѣли ихъ и надлежало хранить, тѣмъ не менѣе, изъ названныхъ вещей, при коронованіи Рудольфа въ 1273 г. не доставало уже скипетра, вѣдѣнъ котораго король долженъ былъ держать распятіе въ рукахъ. О судьбѣже постигшей прочіе находившіеся тамъ же знаки королевскаго сана мы совершенно умалчиваемъ.

Фиг. 263.

А. И такъ, судя по приведеннымъ указаніямъ, къ которымъ можно прибавить также изображенія на царскихъ печатяхъ и въ особенности печать Фридриха II (фиг. 263), оказывается, что со временъ Генриха II въ составъ царскаго торжественнаго наряда входили неизмѣнно слѣдующія части: во первыхъ, извѣстныя туники, нижняя, и верхняя, спускавшаяся до самыхъ ногъ, съ принадлежащимъ къ ней поясомъ, древнеримская мантия, чулки, башмаки и перчатки, затѣмъ корона, скипетръ, державка и мечъ (ср. фиг. 231; фиг. 232). Надо впрочемъ замѣтить что внѣшнее убранство названныхъ предметовъ, и въ особенности форма короны и скипетра подверга-

¹ F. Daniele. J. Regali Sepolcri del Duomo di Palermo. Napoli. 1784: Голова императора покоилась на кожаной подушкѣ, рядомъ съ нею лежала державка. На головѣ императора была открытая корона, украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями. На немъ была полотняная нижняя одежда доходившая до ногъ и опоясанная веревкою. Одежда эта была обшита по краямъ золотомъ, подъ лѣвымъ плечомъ былъ нашитъ красный крестъ, а на рукавахъ золотомъ кувшечскія буквы. Поверхъ этой одежды была надѣта другая шелковая алая цѣпъ съ широкими рукавами, тоже обшитая золотомъ каймою и обвязанная шелковымъ поясомъ съ вышитыми на немъ розами. Все это закрывалось мантиею краснаго шелка, богато обшитою мелкими орлиными изображеніями и другими украшениями. На груди мантия сдерживалась овальной формы застежкою украшенною большимъ аметистомъ и дорогою жемчужиною окруженными изумрудами. На ногахъ были длинныя, широкіе штаны и шелковые штابلеты съ стальными шпорами. На лѣвомъ бедрѣ висѣлъ мечъ съ деревянною рукою, обвитою золотою проволокою, на перевязи изъ шелка малиноваго цвѣта съ вышитыми украшениями. Руки, непокрытыя были скрещены на груди. На среднемъ пальцѣ правой руки былъ перстень съ большимъ изумрудомъ. — Описанный нами нарядъ съ достовѣрностію принимаемъ былъ за тотъ самый, который носилъ Оттонъ IV, и на Госларскомъ сеймѣ переданъ былъ Фридриху второму.

лись различнымъ измѣненіямъ смотря по волѣ или прихоти нѣкоторыхъ властителей¹.

Но съ другой стороны, главнѣйшимъ частямъ царской одежды съ давнишнихъ временъ придавалось особое символическое значеніе, которое какъбы выдѣляло царскій нарядъ изъ чисто мірскихъ роскошныхъ одѣяній, и ставило его на ряду даже съ священными церковными облаченіями. О такой символизации упоминается еще въ обстоятельномъ описаніи избранія и коронованія Оттона I въ 936 г., вообще, перваго торжества подобнаго рода о которомъ сохранилось подробное извѣстіе. Въ этомъ описаніи говорится что „на престолѣ разложены были регалии; золотой мечъ съ перевязью, мантия съ застежками, діадема и жезлъ со скипетромъ; затѣмъ, архіепископъ Хильдибертъ, подошедъ къ престолу и взявъ съ него мечъ и перевязь, возложилъ ихъ на короля со слѣдующими словами: Приими этотъ мечъ и изгони имъ всѣхъ противниковъ Христа, язычниковъ и дурныхъ христіанъ, ибо волею Всевышняго тебѣ дана власть надъ всѣмъ государствомъ франковъ дабы ты упрочилъ миръ для всѣхъ христіанъ. Взявъ потомъ застежки и мантию и возложивъ на короля, онъ сказалъ: эта длинная одежда достигающая до земли да будетъ тебѣ постояннымъ напоминовеніемъ, чтобы ты съ ревностью радѣлъ о вѣрѣ и сохраненіи мира до кончины дней твоихъ. Затѣмъ вручая королю скипетръ и жезлъ онъ прибавилъ: пусть эти знаки тебѣ послужать всегда напоминовеніемъ что твой долгъ управлять подданными твоими съ отеческою строгостью, и главнымъ образомъ оказывать помощь служителямъ Бога, также и вдовамъ и сиротамъ; и да не изсякнетъ никогда съ главы твоея елей милосердія, дабы въ семъ мірѣ и въ будущемъ ты стяжалъ вѣнецъ вѣчной награды. Послѣ этого архіепископы Хильдибертъ и Викфридъ кѣльнскій, помазавъ короля св. Миромъ возложили на главу его золотой вѣнецъ“. Держава, найденная въ могилѣ Фридриха II, была безъ креста и наполнена землею, какъ объясняетъ Готфридъ Витербскій, духовникъ Фридриха I, — „*intus habet plenum terrestri pondere fundum*“. На памятникахъ двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣка, и въ особенности въ миниатюрахъ, и на упомянутыхъ выше царскихъ печатахъ, короны имѣютъ вообще видъ болѣе или менѣе широкаго, унизаннаго дорогими камнями обруча, съ прилѣпленными къ нему небольшими щитками, выдающимися за верхній его край, отчастиже состоятъ изъ узкаго обода съ четырьмя зубцами въ видѣ лилій (фиг. 263). Скипетръ имѣетъ обыкновенно форму короткаго жезла съ лиліею или крестомъ на верхнемъ концѣ, рѣже съ изображеніемъ орла².

Относительно сохранившихся доселѣ знаковъ царскаго сана собственно и нѣмецкихъ императоровъ несомнѣнно, что хотя въ совокупности

¹ О коронахъ вообще у J. G. Krünitz. Oekonomisch—technol. Encyclopädie. T. LIII стр. 646. и сл. J. v. Hefner — Alteneck. Trachten и пр. Ch. Louandre и Hanguard—Maugé. Les arts somptuaires и пр. I. France, VI—XII-me siècles.—² По J. Römer—Büchner (Die Siegel der deutschen Kaiser и пр. стр. 5 и сл.) не подлежитъ сомнѣнію, что одноглавый орелъ впервые встрѣчается на скипетрѣ Генриха III, затѣмъ на щитахъ, на печатахъ маркграфа Леопольда австрійскаго 1136 г., на печатахъ нисшихъ имперскихъ чиновъ 1246 г.; далѣе, у Альфонса вастальскаго, впервые съ сіяніемъ на скипетрѣ и т. д. Двухглавый орелъ встрѣчается считаа со временъ Сигизмунда какъ отличительный атрибутъ императорскаго сана отъ королевскаго.

всѣ эти вещи стали входить въ употребленіе въ гораздо позднѣйшее уже время, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются при коронованіи еще въ прежнія времена, даже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Предметы входившіе въ составъ коронаціоннаго наряда главнымъ образомъ слѣдующіе ¹:

1. Чулки (*tibialia*). Шелковые, красномалинового цвѣта съ золотымъ шитьемъ, немного выше колѣнъ, гдѣ оканчиваются широкою каймою въ видѣ отворота, на которой по арабски находятся слова „великолѣнная королевская повязка“.

2. Башмаки (*calceamenta, sandaliae*), въ концѣ прошлаго столѣтія было башмаковъ большихъ и малыхъ много экземпляровъ, теперь же изъ нихъ уцѣлѣли лишь малые. Обувь эта тоже изъ шелка красномалинового цвѣта и украшена золотымъ шитьемъ изображающимъ грифоновъ и сирѣнь, богато унизана жемчугомъ и кругомъ оторочена золотою тесьмою. Въ числѣ ихъ у одной пары носки нѣсколько острѣе, и съ боковъ башмаки украшены изображеніемъ, по всей вѣроятности, орла.

3. Нижняя одежда (*dalmatica, tunica talaris*). Эта одежда изъ шелковой матеріи самаго темнаго фіолетоваго цвѣта, закрытая спереди, съ длинными рукавами и доходитъ нижеколѣнъ. У ворота довольно широкій выемъ который затягивается посредствомъ шнура проходящаго по золотому рубцу. Украшенія этой нижней одежды ограничиваются широкою обшивкою на рукавахъ у запястій изъ красной узорчатой шелковой ткани, и обшитою золотомъ и жемчугомъ въ перемежку съ искусно эмальированными золотыми пластинками, и подобноуже каймою изъ золотого шитья по нижнему краю.

4. Верхняя одежда (*alba, camisia*), состояла изъ тяжелой, плотной бѣлой шерстяной ткани; длина ея два локтя три четверти, рукава длинные и очень широкіе къ концамъ, и тоже украшенные по краямъ весьма богатымъ шитьемъ. Украшеніе на этой одеждѣ состоитъ, во первыхъ, на каждомъ рукавѣ, изъ широкаго бордюра низаннаго жемчугомъ по золотому фону, у самихъ рукъ и повыше локтя; затѣмъ, изъ широкаго, четырехугольнаго, и въ томъ же родѣ богато украшеннаго нагрудника, и наконецъ, по всему нижнему краю, изъ довольно широкаго подольника изъ красномалиновой шелковой ткани, съ вышитыми по немъ золотыми узорами, и отороченнаго сверху и снизу узкою обметкою изъ шелка такого же цвѣта, и по которой сверху и снизу идетъ въ два ряда жемчужная нить. На каждой изъ этихъ обметокъ вышита надпись гласящая что эта одежда была изготовлена мавританскими художниками въ Палермѣ, въ 1181 году въ правленіе Вильгельма I.

5. Поясъ (*zona, cingulum*), которымъ опоясывалась а́льба; это была довольно широкая золотая тесьма съ изображеніями животныхъ и трезубчатыми лапками изъ золоченаго серебра.—Сохранился поясъ изъ плотной, крѣпкой

¹ Въ настоящее время Ф. Воск, по порученію австрійскаго правительства заняты составленіемъ роскошнаго изданія, въ которомъ кромя приведенныхъ нами регалій и пр. помѣщены будутъ и другія, хранящіяся въ разныхъ мѣстахъ, регаліи германскихъ императоровъ и королей, также и венгерскія и богемскія и пр. всѣ въ натуральную величину.—Кромѣ того отдѣльныя извѣстія у Е. v. Еус: М. Р. Lacroix и F. Seré; Ch. Louandre и Haggard—Maugé, потомъ и у J. Römer—Büchner. Die Wahl und Krönung der deutschen Kaiser, стр. 43 и сл.

шелковой ткани синяго цвѣта и украшенный филигранною работою. Сверхъ того упоминается и о другомъ еще поясѣ, въ которомъ основа шелковая и вишневаго цвѣта, а утокъ изъ обтянутыхъ золотомъ шелковыхъ нитей, образующихъ латинскую надпись, слова которой однако расположены ткачемъ такъ произвольно, что въ нихъ никакого смысла не доберешься.

6. Перчатки (*chirothecae*), состоятъ изъ плотной, краснопурпуровой шелковой ткани, онѣ сшивныя (не вязаныя), и снаружи богато украшены лиственными узорами изъ золота и жемчуга, и мелкими эмальированными золотыми бляшками, съ внутреннейже стороны золотыми украшеніями въ романскомъ стилѣ. — Одна сохранившаяся доселѣ пара такихъ перчатокъ, кои впрочемъ не употреблялись при коронованіи, сдѣлана изъ кожи и отчасти обшита позолоченою серебряною проволокою и мелкимъ жемчугомъ.

7. Коронаціонная мантия (*pluviale, pallium imperiale, paludamentum, tegumen*); полукруглой формы, застегивающаяся на груди, длиною въ пять футовъ, шириною въ шестнадцать, изъ плотной, темнокрасной узорчатой шелковой ткани. Воротъ отороченъ золотомъ, застежка богато украшена дорогими камнями, у каждаго изъ концовъ ея на самой мантии помѣщается по одному круглому щитку изъ золота, съ весьма изящною эмалью. Узоръ изъ золотого шитья съ жемчужною низью, идущій вдоль спины по самой серединѣ мантии и расходящійся у верхняго конца въ обѣ стороны на три почти горизонтальныя, листообразныя вѣтки, раздѣляетъ мантию на двѣ равныя половины. Каждая изъ этихъ половинъ почти сплошь покрыта вышитымъ золотомъ и густо унизаннымъ жемчугомъ изображеніемъ льва съ лежащимъ подъ нимъ верблюдомъ. Вся мантия притомъ кругомъ обшита весьма богатымъ бордюромъ, а вдоль передняго края украшена довольно широкимъ уборомъ изъ золотого шитья съ жемчугомъ между двумя рядами сплошнаго жемчуга; по нижнему же краю мантии вышита золотыми („куфическими“) буквами арабская надпись, также окаймленная сверху и снизу жемчугомъ. Судя по этой надписи эта мантия была изготовлена для сицилійскаго норманскаго короля Роберта Гуискарда въ годъ бѣгства пророка (хаджры), въ 528 году (1133-мъ по Р. Х.), въ „благоденственномъ городѣ Палермо“, изъ чего возникло предположеніе, что названная одежда по всей вѣроятности вошла въ составъ царскаго наряда только при послѣднихъ Гогенштауфенахъ. Первоначальная (нынѣ зашитая) подкладка, состоитъ изъ темнозеленой шелковой матеріи съ узоромъ болѣе свѣтлаго оттѣнка и съ грушеобразнымъ по ней золотымъ шитьемъ въ мавританско-сицилійскомъ вкусѣ, а вдоль по разрѣзамъ съ боковъ, изъ подобнойже, но еще болѣе роскошной матеріи.

8. Корона (обыкновенно называемая короною Карла великаго), вся золотая, аѣсу въ ней четырнадцать марокъ одиннадцать три четверти лота, она осьмигранная и всѣ восемь щитковъ обода закруглены вверху, по коронѣ идетъ дуга, исходящая изъ креста находящагося на переднемъ щиткѣ, и соединяющая этотъ передній щитокъ съ соотвѣствующимъ ему заднимъ. Вдоль по дугѣ возвышаются восемь другихъ щитковъ, тоже закругленныхъ и съ весьма богатыми украшеніями изъ жемчуга; на послѣднемъ

изъ нихъ выложены мелкимъ жемчугомъ слова **CHVONRADUS DEI GRATIA ROMANORV IMPERATOR AVG.** Щитки нижняго ряда неодинаковой величины, и расположены въ такомъ порядкѣ, что между двумя малыми щитками приходится попеременно по одному большому, главнѣйшій изъ коихъ передній на лбу. Щитки этого ряда, равно также и крестъ, украшены сверхъ того множествомъ драгоценныхъ камней, расположенныхъ симметрически соотвѣтственно ихъ величинѣ, формѣ и цвѣту, и связанныхъ другъ съ другомъ изящною филигранною работою. Мелкіе же щитки этого ряда украшены сверхъ того еще эмальированными изображеніями библейскихъ лицъ, Соломона, Давида, Езекии и І. Христа съ латинскими надписями. — Другое украшеніе этойже короны, отъ котораго однако не сохранилось никакихъ остатковъ, составляло вѣроятно *sudarium*, или убрूसъ, украшенный соотвѣтственно прочимъ частямъ царскаго наряда, и спускавшійся по обѣимъ сторонамъ (ср. фиг. 263), подобно лентамъ епископскихъ митръ (*infulae, fanones*). — Судя по характеру работы, и съ другой стороны по надписи находящейся на дугѣ короны, нѣкоторые не безъ основанія полагаютъ, во первыхъ, что нижняя часть короны, состоящая изъ восьми щитковъ, составляла нѣкогда самостоятельное украшеніе и что она была изготовлена византійскими художниками въ одиннадцатомъ вѣкѣ; а затѣмъ, что крестъ вмѣстѣ съ дугою были прибавлены въ позднѣйшее время, никакъ не ранѣ эпохи Конрада IV, если даже не позднѣе.

9. Скипетръ (*sceptrum, virga*). Первоначальный скипетръ, какъ сказано было выше (стр. 208), давно уже потерянъ. Изъ сохранившихся доселѣ, самый древнѣйшій, относящійся впрочемъ только къ концу тринадцатаго вѣка, имѣетъ форму жезла двухъ футовъ длины, онъ внутри пустъ, изъ позолоченаго листового серебра, перехваченъ въ трехъ мѣстахъ позолоченными выпуклыми кольцами, и оканчивается вверху жолудемъ съ четырьмя дубовыми листьями изъ коихъ по два обращены концами вверху и по два внизъ. — Другой скипетръ, едва ли новѣе по времени слѣланъ изъ серебра, цилиндрической формы и внутрипустой. — Есть еще третій экземпляръ, собственно имперскій скипетръ, но какъ оказалось, по всей вѣроятности произведеніе нюрнбергскаго золотыхъ дѣлъ мастерства.

10. Держава (*potum, globus*), состоитъ изъ шара въ 3 и $\frac{3}{4}$ дюйма въ діаметрѣ, весьма искусно выбитаго изъ листового золота и наполненнаго смолистою массою. Онъ обведенъ крестообразно двумя обручами, на точкѣ пересѣченія коихъ утвержденъ золотой крестъ украшенный какъ и верхняя половина обручей разноцвѣтными камнями. На одномъ желтомъ сафирѣ креста вырѣзанъ какойто знакъ изъ буквъ, который нѣкоторые принимаютъ за имя *Conrad*, другіе за имя *ХРИСТОС*, а еще другіе считаютъ за знаки солнца, луны, овна, козерога и рыбъ. Вся эта работа относится, по видимому къ половинѣ двѣнадцатаго вѣка. — Двѣ другія сохранившіяся державы, обложенныя сплошь драгоценными камнями, наврядли когдалибо входили въ составъ царскихъ регалій.

11. Три меча богатой отдѣлки, изъ коихъ каждый считается принадлежавшимъ отдѣльному герою. Одинъ изъ этихъ мечей, извѣстный подъ названіемъ „меча святаго Маврикія, и относящійся приблизительно къ

двѣнадцатому вѣку, служилъ церемоніальнымъ мечомъ, какой при коронаваніи носили передъ императорами. Клинокъ, трехъ футовъ съ дюймою длины и почти двухъ ширины у корня рукоятки, закругленъ на концѣ; рукоять съ ея прямою дужкою образуетъ какъбы крестъ, съ довольно широкою, круглою головкою вверху. Последняя какъ и дужка изъ серебра съ легкою позолотою; на головкѣ съ одной стороны вырѣзанъ одноглавый орелъ съ надписью: „BENEDICTVS. DOS. DES“, (т. е. b. Dominus Deus), а съ другой щитъ раздѣленъ надвое, съ половиною орла на одной изъ частей, и на другой, съ тремя львами другъ надъ другомъ и остатками словъ: „EVS QVI DOCET MANVS“. Сверхъ того можно явственно разобрать слова, съ одной стороны: „† CRISTVS: VINCIT: CRISTUS: REINAT“, а на другой: „† CRISTVS: VINCIT: CRISTVS: REIGNAT CRISTO. INPERAT“. Ножны изъ тонкихъ золотыхъ листовъ, раздѣлены по обѣимъ плоскимъ сторонамъ равномерно на семь продолговатыхъ площадокъ, посредствомъ узкихъ горизонтальныхъ поясковъ изъ нѣсколькихъ рядовъ драгоценныхъ камней, преимущественно сянго цвѣта; на каждой изъ семи плоскостей изображены по одному королю въ полномъ царскомъ облаченіи, и всѣ они обращены головами къ концу меча; ножны, по острымъ краямъ обложены жемчугомъ и драгоценными камнями ¹.—Второй мечъ, по преданію, былъ подаренъ Карлу великому арабскимъ калифомъ Гарун'омъ-ар'-Решид'омъ. Это древневосточная сабля, не очень кривая, въ ножнахъ зеленоватаго цвѣта, украшенныхъ на обоихъ концахъ довольно толстымъ золотымъ наборомъ съ драгоценными камнями; такимъже образомъ обложена и рукоять. Впрочемъ, какъ сабля, такъ и въ особенности ножны къ ней, подвергались не разъ починкамъ, и на послѣднихъ нѣкоторыя части даже въ семнадцатомъ вѣкѣ были дополнены.—Третій мечъ, наконецъ, носящій названіе меча императора Карла великаго, быть можетъ самый новѣйшій изъ трехъ, и изготовленъ былъ, какъ полагаютъ не безъ основанія, по заказу Карла IV, сталобить уже въ половинѣ четырнадцатаго вѣка. Клинокъ, обоюдоострый, двухъ съ четвертью дюймовъ ширины у корня рукояти, имѣетъ въ длину два фута одиннадцать дюймовъ и по серединѣ слегка выточенъ желобкомъ. Рукоять изъ позолоченнаго серебра, съ граненою прямою головкою. На каждой изъ плоскихъ граней головки помѣщается по одному треугольному щитку съ эмальированнымъ гербовымъ знакомъ, такъ напр. на одной грани изображенъ по золотому полю черный одноглавый орелъ; на другой, по красному полю богемскій левъ. Ножны всецѣло изъ листового золота, богато украшены филигранною работою, и раздѣлены рядами густой жемчужной нити расположенными зигзагомъ, на четырехугольные и треугольные площадки, изъ коихъ первыя идутъ по серединѣ ноженъ въ длину, и за исключеніемъ верхней площадки на которой тоже изображенъ одноглавый орелъ, сплошь украшены пестрою фицифтяною обкладкою.

12. Одинъ евангелиарій, найденный, по преданію, въ могилѣ Карла великаго. Хотя теперешній переплетъ на этомъ евангелиаріи сдѣланъ въ

¹ По этому расположенію изображеній, слѣдуетъ заключить, что этотъ мечъ всегда въ ножнахъ носимъ былъ передъ императоромъ, ибо въ этомъ только случаѣ фигуры сохраняютъ правильное положеніе.

пятнадцатомъ вѣкѣ, тѣмъ не менѣе весьма возможно что сама книга писана еще въ осьмомъ вѣкѣ.—Мы включили ее сюда по той причинѣ что императоры обыкновенно на ней приносили присягу.

Кромѣ исчисленныхъ нами регалій, которыя почти всѣ, за исключеніемъ поясовъ съ латинскою надписью, скипетровъ, мечей, короны и державы, произведенія мавританско-сицилійскаго искусства двѣнадцатаго вѣка, къ числу государственныхъ драгоценностей принадлежали: сохранившаяся доселѣ роскошная стола или орарь, и не менѣе роскошно отдѣланная, такъ называемая туничеселла или дальматика туничеселла; обѣ эти одежды впрочемъ принадлежать уже къ второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть нѣсколько царскихъ отличій и имперскихъ регалій, лишь изрѣдка употреблявшихся при коронованіи императоровъ, и изъ коихъ къ тому же многія пропали безслѣдно до перенесенія этихъ вещей въ Вѣну. Къ числу послѣднихъ принадлежать:

13. Пара перчатокъ не столь богатой отдѣлки какъ сохранившіяся доселѣ. 14. Пара дорогихъ сандалій, мавританско-сицилійской работы двѣнадцатаго вѣка. 15. Убрусъ (*sudarium*), о которомъ было упомянуто уже прежде (стр. 212), тоже двѣнадцатаго вѣка. 16. Пара золотыхъ шпоръ. 17. Два браслета изъ позолоченнаго эмальированнаго серебра, и 18. Капуръ (*capusium*), составлявшій принадлежность къ сохранившейся доселѣ дальматикѣ.

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ до нынѣ имперскихъ регалій, достоинъ замѣчанія въ сущности только наконечникъ такъ называемаго святаго копья (*lancea et clavus Domini*), по той собственно причинѣ, что этотъ предметъ составлялъ часть регалій еще первыхъ салійскихъ императоровъ (фиг. 231).—Прочая святыня состоитъ изъ частей различныхъ предметовъ имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ самому І. Христу, или частицъ отъ мощей святыхъ (Павла, Петра, Анны пророчицы, Іоанна и другихъ).

Эти священные предметы хранились прежде въ особомъ кіотѣ, который, для охраненія ихъ отъ святотатственныхъ покушеній, привѣшенъ былъ на цѣпяхъ къ замку свода надъ олтаремъ.

Б. Въ какое время установилась окончательно и впервые вошла въ употребленіе, опредѣленная форма императорскаго наряда, это вопросъ на который дать положительный отвѣтъ, почти такъ же трудно, какъ опредѣлить съ точностью когда, и при какихъ условіяхъ, высшее дворянство или имперскіе чины, графы, князья и герцоги, выработали соответствовавшіе сану ихъ особые отличительные знаки. Не имѣя другихъ свидѣтельствъ для разъясненія этого вопроса кромѣ однихъ только памятниковъ изобразительнаго искусства принадлежащихъ къ тому же сравнительно къ новѣйшей эпохѣ, мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью принять лишь то, что подобныя внѣшнія отличія существовали еще въ тринадцатомъ столѣтіи, и что какъ въ это время, такъ и вплоть до конца четырнадцатаго, они главнымъ образомъ заключались въ головныхъ уборахъ своеобразныхъ формъ. Сказанное подтверждается изображеніями, правда, довольно грубыми, одной рукописи „саксонскаго права“ того вѣка, и въ которыхъ при всей аляповатости рисунка, весьма точно пе-

реданы внѣшнія отличія сословій. Въ дополненіе къ этому свидѣтельству можно привести и другіе еще современные ему памятники отличающіеся отчасти истинно высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Несмотря на нѣкоторыя измѣненія проглядывающія мѣстами и въ этихъ изображеніяхъ, въ нихъ можно всетаки довольно явственно усмотрѣть внѣшніе признаки коими отличались, напр. владѣтельный князь, отличіе котораго составляла круглая шапка расширявшаяся кверху и вдавленная довольно глубоко внутрь по срединѣ на темени посредствомъ протянутого по ней лучка, кромѣ того онъ отличался и тѣмъ что оставался съ покрытою головою, тогда какъ вассаллы являлись передъ нимъ съ обнаженною головою ¹. Герцогъ, затѣмъ, отличался остроконечной шапкою, схожею на дожескую, но съ загнутымъ назадъ концемъ, и съ ободомъ съ четырьмя зубцами вокругъ шапки, изображающими иногда лиліи. Наконецъ, маркграфъ и графъ, носили такъ называемый биретъ, состоявшій изъ гладкой неглубокой шапки съ широкимъ мѣховымъ околышемъ, или изъ тупой конической шапки съ такимъже околышемъ, по которой отъ середины лба протянута была широкая золотая тесьма (или золотой лучекъ?) къ затылку ².—Вообще владѣтельныя лица и сановники отличались, частью вѣнкообразною повязкою на лбу, частью зубчатою короною, а властители кромѣ того еще жезломъ, въ знакъ верховной власти, хотя и неизвѣстно, всегдали ему придавалось значеніе скипетра. Сверхъ всего этого, лица принадлежавшія къ дворянскому роду пользовались правомъ выставять на показъ свои гербовые щиты ³. Гербы, хотя и возникли еще въ десятомъ вѣкѣ, однако достигли полнаго развитія только благодаря крестовымъ походамъ, и въ особенности турнирамъ, и учрежденной по поводу ихъ должности герольдовъ.

В. Въ такомъ же мракѣ неизвѣстности, какимъ покрыто начало установленія отличительныхъ знаковъ царскаго сана, теряется также начало возникновенія тѣхъ внѣшнихъ отличительныхъ знаковъ, кои присвоиваемы были, какъ отдѣльнымъ имперскимъ чинамъ, и корпораціямъ королевскихъ служителей, такъ и различнымъ городскимъ вѣдомствамъ, такъ что и въ этомъ отношеніи опятьтаки достовѣрнымъ можно считать лишь то, что ранѣе двѣнадцатаго столѣтія нигдѣ еще не встрѣчаются подобнаго рода знаки, и что собственно только съ конца этого вѣка они начинаютъ пріобрѣтать значеніе прочно установленныхъ отличій.

1. Что касается, вопервыхъ, дворцовыхъ служителей, то объ нихъ, правда, сохранилось не мало извѣстій весьма раннихъ временъ, но ни одно изъ нихъ не разъясняетъ занимающій насъ вопросъ, и мы изъ нихъ узнаемъ только, что изъ этихъ дворцовыхъ служителей, происхождение которыхъ те-

¹ U. F. Kopp. Bilder und Schriften. I. стр. 60. Потомъ и стр. 117.—² A. Camesina. Die ältesten Glasgemälde и пр. въ: Jahrbuch der K. K. österr. Central. com. и пр. Т. II. стр. 169. гдѣ изображены двойная форма маркграфской шляпы и также княжеской короны. Затѣмъ см. F. Klopffleisch. Drei Denkmäler и пр. таб. III. S. D'Agincourt. P. I. таб. LV. 4. с.—³ Относительно геральдики см. сочиненія: J. Grimm. Ch. Bernd. въ особ. Carl Ritter von Mayer и пр. De Magny. Livre d'or de la noblesse européenne. 4 vols. 4°. Tyroff. Wappenbuch (Österreich) 16 томовъ. (Bayern) 13 томовъ. Th. Bernd. (Preussen) 2 тома. J. G. Dorst Württemberg. Wappenbuch. и пр. и пр.

ряется въ глубокой древности, въ послѣдствіи образовались четыре главные государственныя должности, маршала, сенешала, кравчаго и стольника, а послѣ коронованія Оттона I (936) отчасти даже какъ наследственное достоинство, и коллегія позднѣйшихъ курфюрстовъ. За исключеніемъ отдѣльных извѣстій, разбросанныхъ въ сочиненіяхъ разныхъ писателей послѣ Григорія Турскаго, и въ коихъ говорится, что государи по временамъ надѣляли служащихъ богатыми одеждами, оружіемъ и украшеніями, т. е. извѣстій по которымъ ничего нельзя съ достовѣрности заключить, самый ранній намекъ о существованіи церемоніальнаго наряда мы встрѣчаемъ въ описаніи поэта Эрмольда Нигеллуса, обряда крещенія совершеннаго надъ датскимъ королемъ Гаральдомъ въ девятомъ вѣкѣ при дворѣ императора Лудовика. При этомъ торжественномъ дѣйствіи, по крайней мѣрѣ распорядитель и открывавшій шествіе, равно и сановникъ предшествовавшій императору, носили особый жезлъ, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста:

„Вотъ идетъ Адгальвигъ, держа въ рукахъ жезлъ которымъ разгоняетъ тѣснящуюся толпу дабы открыть дорогу императору, съ князьями, супругою и сыномъ. Черезъ обширный дворъ въ церковь шествуетъ императоръ“.... „Гильвингъ ведетъ его подъ правую руку, лѣвую руку поддерживаетъ Элисахаръ, между-тѣмъ какъ впереди его идетъ Герунъ, держа трость согласно обычаю, и изслѣдывая путь подъ стопами императора выступающаго въ золотой коронѣ на священной главѣ“.

Въ этой поэмѣ которая явно рассчитана на то, чтобы представить въ возможно блестящемъ свѣтѣ великолѣпіе императорскаго двора, это единственное мѣсто которое можно отнести къ нашему предмету. О прочихъ служащихъ въ поэмѣ упоминается только вскользь:

„Петръ, старшій изъ хлѣбниковъ, и Гунто, отдавая приказанія поварамъ, спѣшатъ, разставивъ столы рядами по обычаю, накрывать бѣлыя скатерти, и на мраморный столъ они ставятъ кушанья. Одинъ изъ нихъ раздаетъ хлѣбъ, а другой мясо, всюду видна золотая столовая утварь. Между кравчими поставленъ Оттонъ приготовить напитки изъ Бахусова милаго дара“.... „Дивятся датчане угощенію и оружію коими обладаетъ императоръ, и красивымъ слугамъ и пажамъ“.

Первое достовѣрное извѣстіе объ опредѣленныхъ отличіяхъ присвоенныхъ вышеназваннымъ служителямъ, по всей вѣроятности встрѣчается не ранѣе 1212 г. въ героической поэмѣ „Wigalois“ Вирнта фонъ Гравенберга, въ которой при описаніи богатаго наряда „(оберъ) трухзесса“ или стольника, говорится, что— „онъ ѣхалъ на статномъ конѣ, и что на немъ былъ бѣлый панцырь и зеленый кафтанъ; и богатый шлемъ съ полосою изъ бѣлаго горностая, вверху которой вышито было золотомъ блюдо, дабы всѣмъ было извѣстно что онъ есть трухзесъ. Щитъ у него новый съ изображеніемъ звѣря, дивной работы изъ чистаго золота“ и пр.

Судя по этому описанію надо полагать что и для остальныхъ трехъ главныхъ должностей, маршала, шенка и камерарія, равно также и для многочисленныхъ подчиненныхъ имъ служителей, существовали подобнаго же рода опредѣленные внѣшнія отличія. Что касается камерарія, то, въ описаніяхъ изображающихъ этого сановника во время исполненія имъ служебныхъ обя-

занностей, о жезлѣ упоминается какъ о присвоенномъ должности этой знакѣ отличія:

„Тутъ произошла страшная давка когда они возвращались послѣ коронованія. Камераріи стоя у воротъ разгоняли толпу ударами.“

При всемъ томъ однако, подобнаго рода знаки нетолько въ продолженіе этого періода, но и въ позднѣйшее время, употребляемы были повидимому и главнымъ образомъ только при болѣе значительныхъ дворахъ, и даже здѣсь лишь при совершенно исключительныхъ торжественныхъ случаяхъ. Такъ мж. пр., въ одной миниатюрѣ рукописнаго сборника пѣсенъ Манессе (составленнаго между 1280 и 1328 гг.), король Венчеславъ II богемскій, изображень въ полномъ нарядѣ, окруженный знатнѣйшими чинами государства, и между тѣмъ, ни на одномъ изъ нихъ мы не видимъ особаго внѣшняго отличія въ одеждѣ (фиг. 264), соответствующаго какой либо должности.

Отличительная одежда семи курфюрстовъ или князей избирателей, о которыхъ въ полномъ составѣ ихъ упоминается впервые вообще не ранѣе 1275 года, состояла для всѣхъ членовъ этой коллегіи, изъ длинной красной мантии на горностаѣ и обшитой такимъже мѣхомъ, съ широкимъ горностаевымъ воротникомъ, и изъ шапки опушенной тоже мѣхомъ и краснаго цвѣта. Для четверыхъ свѣтскихъ князей шапка была бархатная, для духовныхъ-же князей суконная. Впрочемъ, наврядли ранѣе исхода тринадцатаго вѣка этимъ шапкамъ усвоено было значеніе отличительнаго должностнаго знака ¹.

Остается еще упомянуть о нисшихъ придворныхъ чинахъ, внѣшнее отличіе коихъ составляла указанная нами уже прежде одежда украшенная гербовыми цвѣтами ихъ господъ. Къ этому классу людей принадлежали наконецъ, и придворные шуты, встрѣчаемые при нѣкоторыхъ дворахъ начиная съ двѣнадцатаго вѣка, и для которыхъ тоже были установлены особые отличительные знаки, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста въ Парсивалѣ:

„И къ самому концу его шапки привязали кукушку какъ истому шуту. Потомъ на него надѣли штаны изъ сырой телячьей шкуры“.

Общезвѣстные наряды шутовъ, съ ослиными ушами, пѣтушьимъ гребнемъ, шапкою съ бубенчиками и длинными рукавами съ нашитыми на нихъ гремушками, дубиною, лисьимъ хвостомъ и пр. возникли впервые едвали ранѣе конца четырнадцатаго вѣка, или въ слѣдующее затѣмъ время вплоть до шестнадцатаго вѣка.

2. Что касается наконецъ особыхъ отличительныхъ знаковъ кои присвои-

¹ Въ находившемся нѣкогда въ Триэрскомъ государственномъ архивѣ, а нынѣ хранящемся въ Кобленцѣ «codex Balduini 1353 года, курфюрсты не отличаются опредѣленною одеждою даже и на томъ изображеніи, гдѣ они (всѣ семеро) представлены со-вѣщающимися. Какъ на этомъ рисункѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ этой миниатюрной рукописи они представлены то съ непокрытою головою, то въ шапкѣ плотно прилегающей къ головѣ и (не всегда) краснаго цвѣта. Точно такъ и мантия не вездѣ краснаго цвѣта, и по формѣ своей почти не отличается отъ императорской и отъ мантий прочихъ высшихъ чиновъ. Она разрывана по бокамъ подобно нарамнику и на мѣху, съ мѣховымъ же воротникомъ, съ котораго сзади спускается чтото вродѣ кашпона, но очевидно составляющее принадлежность самой одежды, и только случайно приподнятое на воротникъ.

ваемы были нѣкоторымъ городскимъ учрежденіямъ, то легко понять, что подобные знаки могли выработываться вообще только когда гражданское общество уже болѣе окрепло и развилось, стало быть, говоря о Гер-

Фиг. 264.

маніи, никакъ не ранѣ воцаренія гогенштауфеновъ, т. е. двѣнадцатаго вѣка. Должностныя лица въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось управленіе областями, городами и менѣе значительными мѣстами, были васалы либо королей, либо герцоговъ, либо епископовъ. Въ селахъ такимъ лицомъ былъ Dorfammann (староста) или villicus (тоже Maier, или Schulze); въ болѣе значительныхъ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ главными лицами были, Vogt, Zöllner и Münzmeister. Лишь послѣ того какъ отчасти мирнымъ путемъ, но болѣею частью силою, упразднены были эти чиновники (какъ прежде еще шёффены), и должности ихъ перешли исключительно въ руки гражданъ, городское управленіе стало приобрѣтать все большее значеніе и силу. Въ то же время развивалось все болѣе городское право, и судебная власть, или городское судебное управленіе послужило основаніемъ городского совѣта; и люди коимъ ввѣрена была судебная власть,

т. е. преимущественно судьи, вмѣстѣ съ прочими членами совѣта стали наконецъ главными распорядителями всего городского хозяйства. Для этихъто высшихъ чиновниковъ и были установлены по всей вѣроятности еще въ весьма раннюю пору всѣ тѣ форменныя отличія въ какихъ они являлись при исполненіи служебныхъ обязанностей, и о которыхъ упоминается такъ обстоятельно еще въ древнѣйшихъ судебныхникахъ тринадцатаго вѣка. Въ силу подобныхъ предписаній, въ которыхъ обращено вниманіе даже на тѣлодвиженія, судья, на стулѣ своемъ о четырехъ ножкахъ и болѣе или менѣе богато отдѣланномъ, обязанъ былъ сидѣть — „подобно льву сердитому, положивъ правую ногу на лѣвую, съ мантиєю на плечахъ, и не имѣя оружія при себѣ“, и „въ судѣ, ни шѣффены ни судьи, не должны имѣть на себѣ шапокъ и пр. ни быть въ перчаткахъ, но имѣть бѣлую трость безъ коры“ — Потомъ и *Schultheiss* и *Lantgraf* (сельскіе судьи), тоже обязаны были сидѣть; точно такъ и прочіе *Schörren*, занимавшіе по порядку каждый свое мѣсто на особой шѣффенской скамьѣ. Последнимъ впрочемъ тоже присвоены были трость и мантия, и сверхъ того особой формы желтая шляпа съ полями, конецъ которой нѣсколько загнутъ былъ назадъ: кромѣ того въ прежнія времена они носили при себѣ ножъ, обычай который однако въ послѣдствіи былъ отмѣненъ.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о форменныхъ отличіяхъ прочихъ чиновниковъ, можно однако принять за достовѣрно, что служащіе нисшихъ разрядовъ, какъ напр. въ особенности городскіе разсылные, во многихъ мѣстахъ носили для отличія одежду съ цвѣтами герба того города къ которому они принадлежали; точно такъ и простая трость составляла отличительную принадлежность полицейскаго служителя ¹.

Кромѣ придворныхъ чиновъ и городскихъ учреждений, нѣкоторые древніе гражданскіе роды, или „патриціи“, потомъ и различные ремесленные цехи, тоже усвоили себѣ мало-по-малу особые знаки вродѣ гербовъ, и которые они носили либо на одеждѣ, либо въ видѣ знаменъ при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ или враждебныхъ столкновеніяхъ. Такъ мж. пр. въ тринадцатомъ вѣкѣ два знатнѣйшихъ рода патриціевъ въ Базелѣ, Шалеры и Мѣнхены, соединившись чтобы дать отпоръ врагамъ своимъ, избрали знакомъ для своего знамени зеленого попугая въ бѣломъ полѣ, вслѣдствіе чего они были прозваны „обществомъ попугая“ (*Gesellschaft vom Psittich*). Противная имъ партія, выставившая значкомъ своимъ красную звѣзду въ бѣломъ полѣ, получила прозваніе „общества звѣзды“ (*G. v. Stern*). Понятно, что подобныяже знаки носили также служители тѣхъ родовъ, и нерѣдко даже бѣдные граждане, принимавшіе по доброй волѣ сторону за какого либо вліятельнаго патриція дабы обезпечить себѣ покровительство его.

Что касается различныхъ ремесленныхъ цеховъ, то обыкновенно они выбирали для себя знаками простыя эмблемы своего ремесла и чаще всего изображенія какого либо изъ употребляемыхъ ими ремесленныхъ орудій, или даже готоваго издѣлія. Съ того времени какъ цехи стали носить

¹ F. U. Копр. въ пр. соч. J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. 2. стр. 750, 761 и сл.

оружіе, они значки свои превратили въ знамена и въ этомъ видѣ послѣднія въслѣдствіе перешли къ болѣе правильно организованной городской милиціи, главное ядро которой составляли постоянно товарищи по ремеслу распределенные по цехамъ.

V. Дабы составить болѣе точное понятіе о характерѣ вооруженія и прослѣдить постепенное измѣненіе его частей въ отдѣльности послѣ паденія западноримской имперіи, мы должны, за первый періодъ отъ пятого до девятого вѣка, обратиться опять таки главнымъ образомъ къ могильнымъ древностямъ, о которыхъ говорено было много разъ уже прежде (стр. 139 и сл.), и служащимъ единственнымъ указаніемъ въ виду сравнительно скудныхъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ и изображеній ¹. Судя по однородному характеру этихъ древностей, принадлежащихъ тѣмъ не менѣе различнымъ отраслямъ кореннаго германскаго племени, франкамъ, англо-

¹ Кромѣ поименованныхъ выше, стр. 118, сочиненій, содержащихъ тоже значительное число относящихся сюда изображеній, см. I. Для древнѣйшихъ временъ: L'Abbé Cochet. La Normandie souterraine и пр. Paris. 1855. II. Для среднихъ вѣковъ: 1. Преимущественно историческаго содержанія: De Lacurne de St. Palaye. Memoirs sur l'ancienne chevalerie. Paris. 1759. 3 Тома. Нѣмецкій переводъ J. L. Klüber. Das Ritterwesen и пр. Nürnberg. 1788, второй томъ котораго содержитъ описаніе рыцарскаго вооруженія, въ дополненіе къ французскому оригиналу. J. Strutt. Dress and habits of the people of England. London 1796 по 1799. Fr. Grose. Military antiquities и пр. London 1801. 2 T. J. G. Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen. Leipzig. 1823. 2. T. Gervais de Larne. Recherches sur la tapisserie и пр. Caen. 1824. Ср. къ нему: Maurey d'Orville. Notice historique sur la tapisserie brodée par la reine Mathilde. Paris. An. XII. и M. Achille Jubinal. Les anciennes tapisseries historiques (Nancy, Bayeux, Dijon. и пр. и пр. S. B. Meyrick. A critical inquiry into ancient armours etc. London 1844. 3 T. къ нему: D. Meyrick. Engraved illustrations of ancient arms and armour (by J. Scelton). Oxford 1830. G. Finke Abbildung und Beschreibung von alten Waffen und Rüstungen in der Sammlung von Meyrick. Съ англ. Berlin. 1834. A. Jubinal. Notice sur les armes défensives etc. en Espagne, depuis l'antiquité jusqu'au 16-me Siècle. Paris. 1840. C. N. Allou. Etudes sur les armes et armures du moyen-âge etc. Nouvelle Série tome IV. Eroже: Casques du moyen-âge и пр. tome X. XI. Boucliers. tome XIII. F. von Leber. Wiens kaiserliches Zeughaus и пр. Leipzig. 1846, особенно T. II. J. R. Planché. British Costume etc. London. 1849. G. Klemm. Culturgeschichte des christ. Europas. Leipzig. 1851. K. v. Sava. Bemerkungen über Waffen etc. Wien. 1849. J. Hewitt. Aient armour and weapons etc. Oxford. 1855. E. v. Sacken. Die k. k. Ambraser Sammlung. Wien. 1855. C. v. Mayer. Heraldisches ABC Buch и пр. München 1857. W. v. Peuker. Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten. Berlin 1860. 2. Тома (подробности объ оружій и вооруженія.—2. Сочиненія замѣчательныя преимущественно по рисункамъ и описанію: (одежды, оружія, гробничныхъ памятниковъ и пр.) N. X. Willemin. Monum. français inéd. etc. Choix de costumes civils et militaires, d'armes, armures etc. Paris. 1839. 2 Тома. J. Asselin. Armes et armures, meubles etc. Paris. 1842. F. de Vigne. Vademecum du peintre, ou recueil de costumes du moyen-âge. Gand. 1844. A. Jubinal. La armeria real, ou collection des principales pièces du musée d'artillerie de Madrid. Paris. J. A. Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. St. Petersb. et Carlsruhe. 1847. J. A. Worsaae. Nordiske Oldsagar i det kongelige Museum i Kjobenhavn. Kiobenh. 1859. E. Cutts. Manual of Sepulchral slabs and cross. 83 табл. отъ 9 до 17 вѣка. Manual of monumental brasses, by Oxford architectural society. 56 гравюръ отъ 1277 по 1800 г. C. Boutell. The monumental brasses of England, расположено въ хронолог. порядкѣ и по сословіямъ. 149 гравюръ. Eroже: Christian monuments in England and Wales, отъ 11 до 16 вѣка. G. Stottard. Monumental effigies in Great-Britain. London. 1817. G. Cotmans. Sepulchral brasses in Norfolk and Suffolk. 173 табл. London. 1838 и сл. и мн. др. соч.

саксамъ, бургундамъ и алеманнамъ, можно заключить, что у всѣхъ этихъ народовъ, за исключеніемъ развѣ только вестготовъ и лангобардовъ (стр. 140 и 141), еще долго послѣ того какъ они утвердились уже въ римскихъ провинціяхъ, удержалась первоначальная форма вооруженія, и что послѣдняя лишь весьма медленно слилась съ римскимъ вооруженіемъ, но никогда не была вполне имъ вытѣснена. Подобное явленіе можно объяснить съ одной стороны тѣмъ, что упомянутые народы единственно своему оружію обязаны были покореніемъ римлянъ; съ другой, что сами римляне, вслѣдствіе усилившейся между ними распушенности, еще при Адрианѣ отказались отъ прежняго полного вооруженія своего, какъ слишкомъ для нихъ обременительнаго (Т. II. Ч. 1. 17 и 18) ¹. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется отчасти, что спустя нѣсколько вѣковъ (въ концѣ тринадцатаго столѣтія), пришлось, такъ сказать, вновь изобрѣсти нѣкоторыя части вооруженія, отличавшіяся еще въ глубокой древности весьма практическимъ устройствомъ, такъ между прочимъ „цѣльный металлическій кирасъ“ покрывавшій грудь и спину, и „шлемъ съ забраломъ“, закрывавшійся кругомъ помощью подвижныхъ щитковъ ².

А. Не повторяя здѣсь всего что сказано было уже прежде въ отдѣльности объ устройствѣ вооруженія у остготовъ при Θεодорикѣ, затѣмъ и у вестготовъ и лангобардовъ въ продолженіе шестаго и седьмаго вѣковъ, и наконецъ у франковъ въ періодъ времени отъ пятаго до осьмаго вѣка, мы напомнимъ только вкратцѣ, что у всѣхъ этихъ народовъ вплоть до названной сейчасъ эпохи, главнѣйшія части вооруженія состояли изъ щитовъ различной формы, копій, мечей, ножей, боевыхъ сѣкиръ и луковъ, словомъ, изъ общезвѣстныхъ уже родовъ наступательнаго оружія.

1. а. Щитъ, почти единственный видъ охранительнаго оружія отъ котораго сохранились образцы. Судя по нимъ щиты были частью правильно-круглой формы, подобно древнескандинавскимъ (стр. 91 и сл.), частью овальной или яйцеобразной формы, вродѣ римскихъ (рагма), затѣмъ они были либо плоски, либо (большею частью) выпуклы и обыкновенно небольшого размѣра ³, исключая впрочемъ готическаго щита, отличавшагося, по свидѣтельству древнихъ писателей, весьма значительнымъ объемомъ ⁴. Щиты и теперь еще, какъ въ прежнее время, дѣлались преимущественно изъ дерева обтянутаго крѣпкою кожею, а для большей устойчивости ихъ либо сплошь покрывали металлическими полосами или пластинками по лицевой поверхности, либо по серединѣ только оковывали металлическою выпуклостью. Выпуклость эта, имѣвшая обыкновенно полусферическую или конусообразную форму (фиг. 198), пришивалась къ щиту крѣпкими гвоздями, и на небольшихъ щитахъ, у которыхъ вырѣзывалась прикрываемая ею часть доски, она способствовала удобнѣйшему утвержденію рукояти. Послѣдняя сама по себѣ

¹ См. Вышній бытъ народовъ и пр. I. Часть 2. стр. 317 и сл. въ особ. 320 и сл. — ² Вышш. 6. нар. и пр. I. Ч. 2. стр. 320 и сл. — ³ Судя по разсказу Григорія Турскаго (III. 15. и IV. 30), что у франковъ по два воина на одномъ щитѣ переплывали черезъ рѣку, надо будетъ допустить, что размѣры щитовъ у этого народа въ нѣкоторыхъ случаяхъ были очень значительны. — ⁴ Procopius. Bell. gothic. I. 22.

увеличивала силу сопротивленія внутренней стороны щита, и съ этой цѣлью дѣлалась изъ металла въ видѣ скобы, оба конца которой, расходясь отъ середины нѣ три полосы каждый, утверждались на внутренней сторонѣ щита влину. Впрочемъ, такого рода устройствомъ отличались вѣроятно только щиты знатныхъ, несмотря на то что у нѣкоторыхъ сановниковъ, какъ мж. пр. у роскошно одѣтыхъ спутниковъ готскаго принца Сигисмера, накладка на щитахъ была даже изъ золота, или по крайней мѣрѣ позолочена (стр. 140). Въ этихъ же высшихъ классахъ кромѣ того, вплоть до девятого вѣка, существовалъ обычай, имѣть при себѣ на войнѣ щитоносца, обязанность котораго съ одной стороны состояла въ томъ, чтобы прикрывать господина своего вооруженнаго впрочемъ также щитомъ, а съ другой, въ случаѣ надобности имѣть для него наготовѣ запасный щитъ ¹.

б. Хотя не открыто почти никакихъ образчиковъ другихъ видовъ охранительнаго оружія относящихся къ разсматриваемой нами эпохѣ, за исключеніемъ только двухъ шишаковъ, да весьма сомнительныхъ частей отъ кольчугъ и чешуйчатыхъ броней, тѣмъ не менѣе было бы большою ошибкою изъ этого заключить, что такого оружія вовсе не существовало. Подобному предположенію противорѣчатъ во первыхъ уже найденные два шишака, а затѣмъ и свидѣтельство Григорія Турскаго, утверждающаго положительно, что Хлодовикъ обязанъ былъ жизнью единственно только своему панцырю, устоявшему противъ сильныхъ ударовъ непріятельскихъ копій. Далѣе, тотъ же историкъ говоритъ о зломъ Леудастѣ, что послѣдній „пришелъ къ епископу въ бронѣ и латахъ, съ колчаномъ на плечахъ, въ шлемѣ и держа въ рукѣ копьѣ“. Кромѣ того у этого же писателя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминается о какихъ то кольцахъ отъ панцыря и большихъ шпорахъ (см. далѣе).

Хотя по вышесказанному не подлежитъ сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ среди знатныхъ сословій были въ употребленіи кирасы и шлемы (и быть можетъ также наконечники, что впрочемъ еще не доказано), однакоже мы не имѣемъ почти никакихъ точныхъ данныхъ, чтобы судить объ устройствѣ и о предполагаемой формѣ этихъ предметовъ. Между тѣмъ, отсутствіе всякихъ образчиковъ подобнаго рода вещей, само уже наводитъ на предположеніе, что эти части вооруженія изготавливались по прежнему главнымъ образомъ изъ кожи, которая, для большей устойчивости мѣстами только обкладывалась металлическимъ наборомъ. Быть можетъ что кромѣ того существовали и панцыри, устроенные по образцу древнеримскихъ кирасъ, равно также и цѣльные металлическіе шишаки, какіе, судя по миниатюрнымъ изображеніямъ „Библии Карла лысаго“, по крайней мѣрѣ въ девятомъ вѣкѣ кое гдѣ были въ употребленіи, (фиг. 266) ². Весьма возможно также, что наряду съ этимъ вооруженіемъ существовала форма чешуйчатыхъ кирасъ ³, заимствованная отъ римскаго войска временъ Граціана, и также кольчатая броне, изобрѣтеніе которыхъ Варронъ (въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.)

¹ Procopius. Bell. gothic. IV. 36. Paulus Diaconus II. 28.—² Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires etc. I. France IX siècle (milieu).—³ Tacitus. Histor. I. 79. Justinus Histor. XLI. 2.

приписывалъ древнимъ галламъ ¹. Но какъ бы то нибыло, всетаки надо принять, что у франковъ, изъ всѣхъ видовъ оружія, охранительное оружіе доселѣ удержало наиболѣе сходства съ римскимъ вооруженіемъ, но что, въ то же время, имъ пользовались только князья и высшіе воинскіе чины, и притомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

2. Главнымъ наступательнымъ оружіемъ, образчики котораго, напротивъ, весьма многочисленны, были какъ и прежде, мечъ, длинный и короткій ножъ, копье и сѣкира. Сѣкира, мечъ и копье считались главнымъ оружіемъ франковъ; тогда какъ длинный ножъ, носившій обыкновенно названіе *sahs* или *sax*, и длинное копье составляли главное оружіе саксовъ ².

а. Мечи, подобно употребляемымъ на сѣверѣ (стр. 95 и сл.), назначались главнымъ образомъ для удара, и соответственно сему, отличались только длиною и лезвиемъ.—Мечи отъ 2½ до 3½ футовъ длины, при 2 до 3 дюймовъ ширины, были всегда обоюдоострые, и по всей вѣроятности походили на римскую *spatha* ³, заимствованную римлянами можетъ быть отъ самихъ германцевъ, и названіе которой присвоиваемо было такогже вида мечамъ у франковъ. Короткіе мечи, напротивъ, были почти исключительно однолезвийные, и рѣдко длиннѣе 1½ до двухъ футовъ, при 1½ дюймѣ ширины, илиже 2½ футовъ длины при двухъ дюймахъ ширины. Эти мечи назывались *semispatha*, или обыкновеннѣе, на франкскомъ нарѣчій *semimasachus* ⁴; названіе указывающее на то, что они считались только особымъ видомъ древняго, тяжелаго ножа *sahs* или *sax*. Одинъ богатоукрашенный мечъ въ этомъ родѣ, былъ найденъ въ гробницѣ Хильперика въѣстѣ съ золотыми вещами ⁵.—Впрочемъ, были въ употребленіи и длинныя мечи обѣ однимъ лезвемъ, какъ свидѣлствуютъ громадныя мечи въ четыре фута длины и три дюйма ширины съ широкимъ обухомъ, открытые въ Фронстеттскихъ могилахъ, и у которыхъ рукоять сама по себѣ покрайней мѣрѣ въ футѣ длины, такъ что сражавшимся приходилось держать ихъ обѣими руками. Въ значительномъ количествѣ найденнаго доселѣ оружія подобнаго рода, упомянутыя мечи можно считать явленіемъ чисто одиначнымъ, и потому есть основаніе предполагать, что ихъ употребляли въ дѣло лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. „Скрамасаксы“, какъ оружіе вообще довольно увѣсистое, отличались отъ вышеприведенныхъ длинныхъ мечей повидимому длинными рукоятями, хотя во всемъ остальномъ они съ ними совершенно сходны, преимущественно же что касается украшеній на рукояти, на ножнахъ и на перевязи, состоявшей большею частью изъ кожи. Рукоять дѣлалась обыкновенно безъ поперечнаго прута, который большею частью замѣняла широкая круглая, либо продолговатая тарелка, лишь не-

¹ Arrian. *Tactic.* 3. II. Polybius. VI. 21. Эти брони были по всей вѣроятности кожаныя съ густонашитыми на нихъ кольцами. См. подробности у F. v. Leber. *Das kaiserliche Zeughaus*. II, стр. 492 и сл.—² Gregor von Tours. II. 27.—Widukind I. 6. стр. 160 и сл. стр.—³ Vegetius. II. 15.—⁴ Gregor von Tours. IV. 51. *Gesta Francorum*. 35.
⁵ Самое точное изображеніе хромотитграфированное въ натуральную величину съ этого меча, см. у Peigné-Delacourt. *Recherches sur le lieu de la bataille d'Attila en 451*. Таб. II. и III.

много выдававшаяся съ боковъ. Главную красу рукоятъ составляла головка, обыкновенно нѣсколько закругленная и украшенная выложенными, или лѣтвыми выпуклыми орнаментами. Иногда головка дѣлалась изъ цѣльнаго золота, со вставленными въ металлъ цвѣтными стеклышками или драгоценными камнями; таково напр. украшеніе на Хильпериковомъ мечѣ, о которомъ упомянуто выше. Сама рукоять, состоявшая большею частью изъ крѣпкаго дерева обтянутаго кожей, украшалась такимъ же образомъ, золотомъ обкладкою со стеклышками или камнями. Ножны, обыкновенное устройство коихъ описано „Санктъ Галленскимъ монахомъ“ согласно съ гробничными находками (стр. 151 и сл.), украшались металлическимъ наборомъ, какъ и принадлежавшая къ нимъ перевязь. Такъ имъ. пр. у Григорія Турскаго говорится про нечестивыхъ сыновей маіордома Вадло, что ими поднесена была королю въ даръ перевязь, обложенная золотомъ и драгоценными камнями, и великолѣпный мечъ, рукоять котораго блистала золотомъ и испанскими драгоценными камнями. Было вообще въ обычаѣ среди высшихъ, въ видѣ почетныхъ подарковъ, или *singulum militare*, жаловать подобными богатоукрашенными перевязями ¹.

б. Ножи были различной величины, отъ одного фута до шестнадцати дюймовъ. Они назначались главнымъ образомъ для удара, но не были совершенно обоюдоостры подобно кинжаламъ позднѣйшихъ временъ, а лишь на одну треть длины къ концу, такъ что въ то же время они могли служить и метательнымъ орудіемъ. Для нихъ имѣлись тоже влагалища, и отчасти съ подобными же украшениями какъ на ножнахъ для мечей.

в. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о топорахъ или сѣкирахъ, наиболѣе распространенномъ и, такъ сказать, національномъ оружіи у всѣхъ почти народовъ, покрайней мѣрѣ вплоть до исхода осьмаго вѣка. Основная форма ихъ была скандинавская (фиг. 202), и хотя современные писатели имъ часто даютъ латинское названіе двойнаготопора (*bipennis*), тѣмъ не менѣе среднеевропейскіе топоры были по видимому вообще обѣ одной только лопасти какъ и римскія сѣкиры (*securis*), названіе которыхъ они также носили. Въ девятомъ вѣкѣ, когда сѣкиры мало-по-малу стали выходить изъ употребленія въ Европѣ, прежнее наименованіе этого орудія замѣнилось названіемъ франсиска, заимствованнымъ отъ франковъ. Такъ какъ сѣкиры назначались не только для удара, но главнымъ образомъ для бросанія въ непріятеля (стр. 140), то къ нимъ придѣлывалась всегда короткая рукоять, и надо полагать, нѣсколько изогнутую, къ которой, быть можетъ, прикрѣплялся длинный ремень, чтобы брошенное орудіе опять притянуть.

г. Что касается копій употребляемыхъ помянутыми народами, то къ нимъ примѣнимо вполне все что уже сказано было выше (стр. 94) о древнихъ копьяхъ сѣверныхъ народовъ. Сюда можно прибавить лишь то, что почти до десятаго вѣка копьѣ играло роль метательнаго орудія или *ger*, и лишь послѣ этого времени стало употребляться также какъ ударное орудіе или *speer*. Потомъ, судя по многимъ экземплярамъ желѣзныхъ копій дошедшихъ до на-

¹ Gregor von Tours. II. 42. X. 21. и въ др. м.

шего времени, и у которыхъ одно желѣзо трехъ и четырехъ футовъ длины и снабжено острымъ крючкомъ, многіе не безъ основанія полагаютъ, что копья эти тождественны съ „ангонъ“ (angon) описываемымъ Агаѳіемъ, и кромѣ того съ древнимъ, чисто римскимъ „пилумъ“ (pilum).

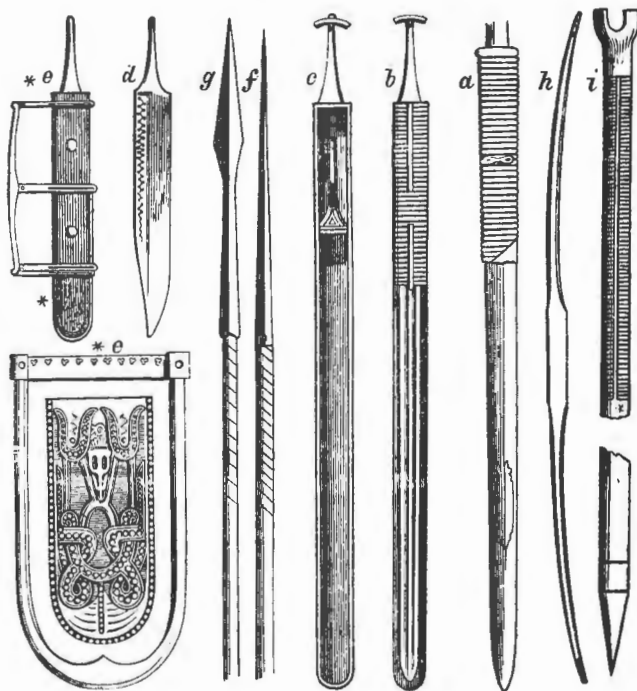
д. Ручной лукъ, наконецъ, со всѣми принадлежностями къ нему, хотя во времена Тацита не употреблялся уже болѣе на войнѣ у народовъ средней Германіи, тѣмъ не менѣе однако, съ четвертаго столѣтія считался одною изъ главныхъ частей вооруженія у готовъ, алеманновъ и франковъ, и, кажется, также у лангобардовъ, у которыхъ лукъ составлялъ самое главное охотничье орудіе ¹. Григорій Турскій рассказываетъ о франкахъ, заимствовавшихъ лукъ вѣроятно отъ галловъ у которыхъ онъ издревле былъ въ ходу, что, когда ихъ преслѣдовалъ римскій полководецъ Квинтинъ по болотистымъ полямъ, они на него напали изъ своихъ засадъ, и „оттуда, какъ бы съ башенъ бросали въ него такимъ множествомъ стрѣлъ какъ будто изъ метательнаго орудія ². Стрѣлы эти были напитаны сокомъ изъ ядовитыхъ растений, такъ что малѣйшая царапина на кожѣ причиняемая ими влекла неминуемо за собою смерть.“ Стрѣлы сохранялись въ колчанѣ, носимомъ на плечѣ (стр. 222). О формѣ и устройствѣ стрѣлъ и также луковъ, можно составить понятіе по значительному числу найденныхъ въ могилахъ экземпляровъ этого оружія. Стрѣлы у всѣхъ племенъ состояли одинаково изъ крѣпкаго деревяннаго округленнаго прута съ наконечникомъ ланцетовидной или ромбидальной заостренной формы, съ крючкомъ или безъ такового, или же просто съ шилообразно заостреннымъ концемъ (ср. фиг. 200). Последнюю, самую простую форму, представляютъ вполнѣ уцѣлѣвшія длинныя деревянные стрѣлы (фиг. 265. i), найденныя въ могилахъ у Лупфена близъ Оберфлахта въ Швабіи, вмѣстѣ съ хорошо сохранившимися тоже луками (фиг. 265. h), разными копьями, длинными мечами и ножами (фиг. 265 a—g), подтверждающими вполнѣ что сказано было выше объ устройствѣ и формѣ вооруженія (стр. 161). Луки, соотвѣтствующіе англійскимъ, имѣютъ въ длину шесть футовъ и сдѣланы изъ дубоваго лѣса.

е. Относительно прочихъ видовъ оружія, какъ то, каменныхъ и желѣзныхъ молотовъ, деревянныхъ и металлическихъ палицъ, кои также какъ у сѣверныхъ народовъ, употреблялись только въ исключительныхъ случаяхъ, здѣсь пришлось бы повторить почти все, что по этому поводу уже сказано было при разборѣ устройства вооруженія у народовъ крайняго сѣвера (стр. 97 и сл.). То же самое должно сказать и о вооруженіи боевыхъ коней, и о всѣхъ конскихъ принадлежностяхъ; тѣмъ болѣе, что отрытые въ древнихъ могилахъ во Франціи, въ Англіи, и Германіи, остатки удилъ, стремень, сѣделъ, пряжекъ, ременныхъ наборовъ и пр. вообще сходны съ такового рода предметами найденными въ Скандинавіи (ср. фиг. 203. a—f). Наконецъ, что касается употребленія острыхъ шпоръ, извѣстныхъ и въ прежнія времена (стр. 99), то, судя по тому обстоятельству что въ мо-

¹) Tacitus. Germ. 46. Vegetius. I. XX. Sidon. Apollin. Epist. II. 1. Ammian. Marcellinus. XIV. 10. Paulus Diaconus. V. 33. VI. 57. — ² Caesar. Bell. gall. VII. 31. Strabo. IV. 4. Gregor von Tours. II. 9.

гиллахъ найдены были всегда одиночныя шпоры, есть поводъ предполагать, что конники въ то время носили одну только шпору, и по всей вѣроятности на лѣвой ногѣ. По нѣкоторымъ намекамъ современныхъ писателей ¹, какъ и

Фиг. 265.

по фрагментамъ золотыхъ и богатоотдѣланныхъ конскихъ принадлежностей, найденнымъ въ могилѣ Хильперика, можно заключить, что конскій уборъ особенно у королей, отличался иногда не малымъ великолѣпіемъ.

Б. Описанное сейчасъ вооруженіе удержалось съ незначительными перемѣнами вѣроятно до начала одиннадцатаго столѣтія. Наврядъ ли впрочемъ помянутыя перемѣны заключались въ чемъ либо другомъ, какъ въ большемъ распространеніи введеннаго вновь римскаго охранительнаго вооруженія (см. стр. 222 и сл.), чему отчасти содѣйствовали опустошительные походы норманновъ, направляемые съ девятаго вѣка преимущественно на Францію, и также набѣги венгровъ на Германію.

1. Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведемъ здѣсь составленное въ концѣ девятаго вѣка описаніе „Санктъ-Галленскаго монаха“, о полномъ вооруженіи императора Карла великаго и приближенныхъ его. И хотя въ сущности нельзя вполне довѣрять ни приводимому описанію, ни другимъ рассказамъ о Карлѣ великомъ многорѣчиваго инокъ, тѣмъ не менѣе

¹ Sidonius Apollinaris. Ep. XX. .

не подлежит никакому сомнѣнію, что всѣ его рассказы основаны на личномъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ того времени (ср. стр. 151 и сл.). Рассказавъ какимъ образомъ „грозный“ Карлъ со всею его воинскою силою собрался въ походъ противъ короля лангобардовъ Дезидерія, чтобы его обложить въ Павіѣ, онъ продолжаетъ ¹: „Вотъ онъ самъ, желѣзный Карлъ, на немъ желѣзный шлемъ, руки защищены желѣзными наручами, желѣзная грудь и широкія плечи желѣзными латами; въ высокоподнятой лѣвой рукѣ онъ держитъ копье, ибо правая всегда готова схватиться за побѣдоносный мечъ. Лядвеи его, которыя другіе оставляютъ голыми, чтобы удобнѣе было садиться на коня, у него съ передней стороны сплошь покрыты желѣзными чешуями. О желѣзныхъ поножахъ я не буду говорить, ибо такія носило все войско. На его щитѣ все было желѣзное. Даже конь его, шерстью и силою казался желѣзнымъ. И слѣдую его примѣру, всѣ провожатые его постарались по возможности явиться въ такомъ же вооруженіи, не только тѣ, которые шли впереди его, но также и тѣ которые слѣдовали по сторонамъ и позади его, и вообще вся (?) воинская сила. Желѣзомъ покрылись поля и дороги. Оно сверкало на солнцѣ, и на немъ отражались лучи его. Народъ оцѣпенѣлый отъ страха поклонялся холодному желѣзу, и ужасъ блеска его проникалъ въ самыя нѣдра земли“.

Что это описаніе не есть праздный вымыселъ, а напротивъ, важный матеріалъ по отношенію къ эпохѣ Карла великаго, тому служатъ доказательствомъ постановленія изданныя этимъ императоромъ ². Въ нихъ, за 801 годъ, упоминается какъ объ обычномъ уже въ ту пору охранительномъ оружіи, о (кольчатыхъ) наручахъ (*argillae*), шлемѣ, щитѣ, на ножникахъ, латахъ (*lorica*, *brunnieae* и *bauga*); затѣмъ, за 805 годъ, встрѣчается предписаніе всѣмъ владѣющимъ двѣнадцатю „манзенами“ земли, явиться въ армію вооруженными кирасомъ (*brunniea*). Потомъ, въ жизнеописаніи Лудовика благочестиваго рассказывается, что этотъ императоръ въ торжественныхъ случаяхъ носилъ золотые наножики ³. Кроме того, въ тотъ же періодъ упоминается и въ другихъ памятникахъ о „панцырѣ, шлемѣ, наножикахъ и пр.“ ⁴, какъ о принадлежностяхъ полного вооруженія ⁴.—Всѣ прочія свидѣтельства могущія дать точнѣйшее понятіе о формѣ и устройствѣ такого вооруженія, какъ напр. въ особенности миниатюрныя рукописи, доходятъ не далѣе второй половины девятаго вѣка. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ опятьтаки указать прежде всего упомянутые уже не разъ рукописи временъ императоровъ Лотара и Карла лысаго (стр. 158), и въ особенности одинъ Евангеліарій въ парижской бібліотекѣ, писанный по всей вѣроятности для перваго изъ названныхъ императоровъ; а по отношенію къ формѣ вооруженія при второмъ, „Библію С. Павла, хранящуюся въ настоящее время въ церкви С. Каликста въ Римѣ“ ⁵. Затѣмъ надо при- вести еще одну Библію и молитвенникъ съ миниатюрами, находящіяся обѣ въ Парижѣ въ „*musée des souverains*“ ⁶.

¹ Mönch von St. Gallen. II. 17. — ² Baluze. Capitular. rerum Francor. I. стр. 961. и въ др. м.—³ Thegan. Leben Ludwigs d. Frommen. гл. 19. — ⁴ Paulus Diaconus. V. 40.—⁵ Seroux d'Agincourt. Peint. I. таб. XL до XLV.—⁶ Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Въ этомъ соч. помѣщено нѣсколько образчиковъ, (до 7), изъ обѣихъ рукописей.

Судя по изображеніямъ вооруженныхъ воиновъ, помѣщеннымъ въ этихъ рукописяхъ, мы ясно видимъ, что до этой эпохи, по крайней мѣрѣ отчасти,

Фиг. 266.

въ войскахъ введено было опять древнѣйшее римское охранительное вооруженіе, но что, въ то же время, наряду съ нимъ (и быть можетъ подъ греческимъ вліяніемъ), образовалась уже самостоятельно другая, отличавшаяся отъ римской, форма вооруженія. Такъ, напр. если сравнить всѣ относящіяся сюда изображенія съ соответствующими имъ изображеніями на римскихъ памятникахъ прежнихъ эпохъ, то, хотя мы и найдемъ совершенное сходство въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности въ формѣ кираса или грудныхъ латъ (фиг. 266, сравни съ нею фиг. 55 и слѣдующія), зато, большинство ихъ представляетъ весьма замѣтную разницу, не только въ отношеніи грудныхъ латъ, но тоже въ формѣ шлемовъ. Въ упомянутой выше, болѣе самостоятельной, формѣ вооруженія, устройство шлема, почти безъ исключенія представляетъ видъ довольно глубокаго полусферическаго таза, либо вполнѣ изъ желѣза, либо изъ кожи, но съ желѣзными на немъ лучками; отчасти съ нащечниками, отчасти тоже и безъ таковыхъ, и въ такомъ случаѣ ихъ замѣняли довольно длинные выпуски

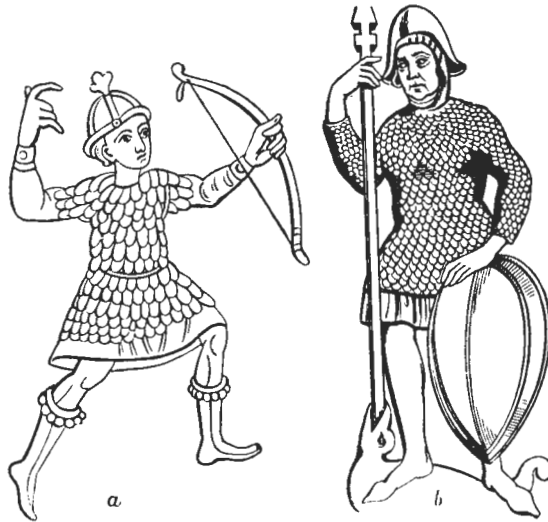
Фиг. 267.

шлема (фиг. 266). Иногда щеки и уши прикрывались подвижными навѣсцами приделанными къ шлему, илиже выступавшею частью кираса (фиг. 267. а. б. с). Относительно кираса, надо замѣтить, что по устройству своему онъ скорѣе приближается къ греческимъ изображеніямъ того времени, и вездѣ представляетъ собою либо чешуйчатую броню, либо весьма не длинную куртку, обложенную металлическими выпуклыми бляшками, иногда къ этимъ курткамъ прикрѣплялись ремни съ подобною же накладкою (фиг. 267. а; ср. фиг. 59; фиг. 60). Нигдѣ не встрѣчаются наконечники, но зато почти вездѣ войны вооружены ручными щитами извѣстныхъ и обычныхъ формъ (фиг. 266; фиг. 267. а. б. с. d. e; сравни фиг. 58; фиг. 59 и слѣд.).

Наряду съ этими видами охранительнаго оружія, устройство конихъ несомнѣнно засвидѣтельствовано памятниками и еще удержалось въ продолженіи десятаго вѣка, какъ видно по изображеніямъ того времени (фиг. 268. а. б), были также въ ходу, заимствованныя отъ древнихъ галльскихъ племенъ,

Фиг. 268.

кольчатая брони (стр. 611), которыя не должно впрочемъ смѣшивать съ кольчатыми рубахами позднѣйшихъ временъ или настоящими кольчугами, съ которыми онѣ ничего общаго не имѣютъ. Кольчатая брони о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, состояли изъ крѣпкой кожи или матеріи, на которой были нашиты кольца одно возлѣ другаго рядами, либо такимъ образомъ, что одно кольцо на половину прикрывало слѣдующее, и ряды ихъ въ горизонтальномъ направленіи отходили то въ правую, то въ лѣвую стороны ¹. Впрочемъ, этотъ послѣдній видъ кольчатыхъ броней, прозванный по устройству его „кольчатымъ въ закрой“, изобрѣтенъ, какъ надо полагать, въ позднѣйшее время, никакъ не ранѣ исхода девятаго вѣка. Приблизительно къ этому же времени надо отнести измѣненія происшедшія въ устройствѣ чешуйчатыхъ броней и шлема, и состоявшія въ томъ, что на первыхъ, въ замѣнъ обычныхъ, чешуевидныхъ пластинокъ, съ этого времени все чаще стали употребляться продолговатыя, широкія и косоугольныя пластинки; а что касается шлемовъ, что эти послѣдніе стали получать отчасти болѣе заостренную форму, частью же приближаться къ формѣ такъ называемой фригійской шапки (фиг. 234), съ прибавленіемъ иногда особаго, широкаго затыльника ².

¹ F. v. Leber. Das kaiserliche Zeughaus. II. стр. 493 и сл. F. de Vigne. Vademecum du peintre. стр. 22 и сл. таб. 56 и 57. — ² N. Allou. Casques du moyen âge etc. Ch. Louandre et Hangard Maugé. Les arts somptuaires etc. I. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christlichen Mittelalters таб. I. 63. Ege und Falke. Kunst und Leben и ир. I.

Сказанное нами подтверждается также свидѣтельствами нѣкоторыхъ писателей десятаго столѣтія, у которыхъ кромѣ того говорится, что упомянутое охранительное оружіе нерѣдко отличалось богатыми украшеніями; потомъ, что иногда также употреблялись наножики для защищенія ногъ, и наконецъ, что для прикрытія груди существовали еще особаго рода брони. Такъ, мж. пр. у Ліутпранда сообщается извѣстіе, что на Генрихѣ, братѣ императора Оттона, въ сраженіи при Биртенѣ на Рейнѣ въ 939 г., была тройная броня¹, но что несмотря на это, императоръ былъ такъ сильно контуженъ ударомъ тяжелаго меча по рукѣ, что вопреки стараніямъ врачей, онъ каждый годъ страдалъ отъ боли. Другой опять историкъ Титмаръ, отмѣчаетъ въ своей хроникѣ на 990 годъ, что одинъ изъ отрядовъ арміи Оттона II, „съ головы до ногъ вооруженъ былъ въ желѣзные латы“². Далѣе, въ поэмѣ о „Вальтарѣ“, относящейся къ этойже эпохѣ³, упоминается о чешуйчатой бронѣ (*squamosus thorax*), а въ подробномъ описаніи вооруженія самаго Вальтара, еще кромѣ того о панцырѣ (*logica*), о кругломъ щитѣ (*ragma*), украшенномъ дорогими камнями и расписанномъ различными цвѣтами, потомъ о шлемѣ съ краснымъ гребнемъ и золотыхъ наножикахъ, (*ostegae*). Въ заключеніе всего можно прибавить, что въ числѣ подарковъ которые посолъ Ліутпрандъ поднесъ греческому императору, кромѣ панцырей, мечей, копій и дротиковъ, значатся также щиты украшенные золоченою выпуклою оковкою. Достойна замѣчанія замѣтка тогоже Ліутпранда на 926 годъ, что потеря единственной шпоры почиталась равносильною безчестію; потомъ, что въ девятомъ вѣкѣ существовали также брони для лошадей, какъ видно изъ поэмы Эрмольда Нигеллуса (I. 405).

2. Наврядъ ли до самого конца этого періода произведены были еще какія либо другія преобразованія и усовершенствованія въ формѣ и устройствѣ наступательнаго оружія, и къ сказанному остается только прибавить, въпервыхъ относительно боевыхъ сѣкиръ, что приблизительно съ девятаго вѣка это нападательное орудіе все болѣе и болѣе стало выходить изъ употребленія, хотя впрочемъ оно и не было совершенно оставлено³. Затѣмъ еще, что есть поводъ полагать, что уже къ исходу десятаго вѣка наряду съ обычными дотолѣ простыми ручными луками, былъ изобрѣтенъ родъ самострѣловъ, кои отчасти употреблялись даже для боя въ открытомъ полѣ. Впрочемъ, еслибы предположеніе это основано было на болѣе вѣрныхъ данныхъ, то и въ такомъ случаѣ надо будетъ принять, что эти самострѣлы были только грубое подражаніе бывшимъ изстари въ употребленіи въ римскомъ войскѣ ручнымъ метательнымъ орудіямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „гастраретай“ (*γαστραφῆται*). Почти единственные намеки,

¹ Устройство подобныхъ броней описано у F. v. Leber. Das kaiserliche Zeughaus. II. стр. 505.—² J. Fischer. Sitten и пр. 1784; относить эту поэму къ V и VI вѣку. Смотри однако San Marte. Walther von Aquitanien. Ein Heliendgedicht des 10 ten Jahrh. (Переводъ). Magdeburg. 1853.—³ Боевыя сѣкиры встрѣчаются хотя и рѣже но и въ позднѣйшее время. Bruno въ своемъ: Sachsenkrieg, гл. 63, разсказываетъ о герцогѣ Бертольдѣ, что „у послѣдняго въ спальнѣ было всегда множество сѣкиръ съ блестящими желѣзными клинками, противъ которыхъ немогли устоять никакіе щиты ни шлемы, дакъ бы дрѣвки они ни были“.

по которымъ съ нѣкоторымъ основаніемъ можно заключать, что въ такую раннюю пору на западѣ были уже въ ходу самострѣлы, ограничиваются во-первыхъ, однимъ изображеніемъ драгоценнаго рукописнаго толкованія украшеннаго миниатюрами, на книгу Эзекииля, епископа Гаймона, конца десятаго (?) вѣка, и хранящагося въ парижской библіотекѣ ¹; потомъ, однимъ мѣстомъ въ „хроникѣ Новалезе“ ², составленной впрочемъ не ранѣ первой половины одиннадцатаго столѣтія. Наконецъ, предполагая даже что вышеназванное оружіе дѣйствительно было извѣстно на западѣ еще въ ту раннюю эпоху, то всетаки большая часть относящихся къ ней письменныхъ свидѣтельствъ и памятниковъ изобразительнаго искусства положительно не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что на первыхъ порахъ орудіе это употреблялось лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, тогда какъ, вплоть до исхода двѣнадцатаго столѣтія простой ручной лукъ, не говоря о копѣѣ и пращѣ ³, по прежнему постоянно служилъ главнѣйшимъ метательнымъ орудіемъ (ср. фиг. 265. h; фиг. 268. a). Въ такомъ именно вооруженіи Эрмольдусъ Нигеллусъ, въ приведенной нами уже не разъ „хвалебной поэмѣ“ своей, изображаетъ франковъ подъ Кордовомъ, въ тотъ моментъ когда — „ни единымъ словомъ не возражая на рѣчь его (?), Хильтибертъ вдругъ схватившись за лукъ, мигомъ сталъ противъ кричавшаго врага. Одною рукою держа роговой лукъ, онъ другою натягиваетъ тетиву. Полетѣла стрѣла и вонзилась въ темный мозгъ, оставляя древко свое въ разверстомъ для крика рту противника“. И точно такъ представленъ также сопровождающій армию Лудовика благочестиваго — „народъ саксовъ, вооруженный большими колчанами“. Впрочемъ, самъ Лудовикъ слылъ за весьма искуснаго метателя копій и превосходнаго стрѣлка изъ лука ⁴.

О бретанцахъ аббатъ Регино сообщаетъ ⁵, правда, уже въ концѣ девятаго вѣка, что у этого народа способъ вести войну отличается отъ военныхъ приемовъ гунновъ въ томъ, что у послѣднихъ въ ходу ручные луки, тогда какъ единственное оружіе тѣхъ метательныя копья. Если это извѣстіе не основано на какомъ либо недоразумѣніи, что весьма вѣроятно, то приведенный въ немъ фактъ слѣдуетъ положительно считать исключительнымъ явленіемъ, тѣмъ болѣе что изъ вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ видно ⁶, что и въ продолженіи десятаго и даже въ тринадцатомъ вѣкѣ, были вездѣ и постоянно въ ходу простые луки (bogo, roko, hoge, bogi) съ колчаномъ (chochar, kocher) и стрѣлами (strala), какъ оружіе употребляемое на войнѣ. Но въ то же время это самое оружіе употреблялось и на охотѣ, какъ мж. пр. видно изъ жалобъ поданныхъ Оттону I духовенствомъ на папу Іоанна XII въ 963 г., пристрастившагося будтобы къ „охотѣ съ лукомъ и колчаномъ“ ⁷.

¹ Образчики изъ этой рукописи у Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires и пр. I. особ. France, X siècle (fin): Siège de la ville de Turg. — ² Глава 14, въ которой говорится о борьбѣ Карла великаго съ Деизидеріемъ. — ³ Ermoldus Nigellus I. стихъ 370 и сл. потомъ 310 и сл. въ особенности стихъ 361 и сл. также III. стихъ 263. — ⁴ Thegan. Leben Ludwigs гл. 19. — ⁵ Regino. Chronica на 860 и 889 года. — ⁶ Относительно десятаго вѣка см. Waltharlied стихъ 794, гдѣ упоминается даже объ отравленныхъ стрѣлахъ. Потомъ и Beowulflied стихи 1445 и 2442; наконецъ и G. Klemm. Werkzeuge und Waffen стр. 318 и сл. — ⁷ Liutprand. Geschichte des Kaisers Otto. гл. 10 и 15.

Насколько позволяютъ судить имѣющіяся на лицо свидѣтельства, всѣ прочіе виды наступательнаго оружія остались вообще безъ измѣненія вплоть до начала одиннадцатаго вѣка. Мечъ по прежнему считался главнымъ наступательнымъ орудіемъ, и потому на украшеніе его обращалось особое вниманіе (стр. 148; 153 и также стр. 154), а въ числѣ почетныхъ подарковъ жалуемыхъ великими міра онъ занимаетъ первое мѣсто. Сказанное подтверждается сверхъ того свѣдѣніями сообщаемыми о франкахъ въ концѣ девятаго вѣка, но которыя можно примѣнить и ко всѣмъ прочимъ западнымъ народамъ, о томъ, что у франковъ битвы рѣшались главнымъ образомъ мечомъ. Въ мирное время за королями и высшими вельможами несли мечъ особо назначенные для этого „меченосцы“¹. Наряду съ обоюдоострымъ длиннымъ мечомъ удержался и широкій „скрамасаксъ“ объ одномъ лезвѣ (стр. 223), какъ видно изъ Вальтаровой поэмы, когда витязь этотъ, надѣвая на себя военныя принадлежности, — „привязываетъ къ лѣвому бедру мечъ обоюдоострый, а къ правому, по паннопійскому обычаю, другой, наносящій смертельныя раны только одною стороною“.

Что касается наконецъ копья, этого главнѣйшаго послѣ меча наступательнаго оружія, то, кромѣ сказаннаго объ этомъ выше (стр. 224), можно привести столько свидѣтельствъ тому, что вплоть до одиннадцатаго вѣка были въ употребленіи копья и главнымъ образомъ какъ метательное орудіе, что мы можемъ ограничиться здѣсь указаніемъ на приведенные уже рисунки (фиг. 266; фиг. 267; фиг. 268), прибавляя къ этому только, что нѣкоторые современные писатели иногда упоминаютъ о особыхъ „франкскихъ“ копьяхъ². — Почти тѣже самое должно сказать о пращѣ³ считавшейся впрочемъ уже второстепеннымъ оружіемъ; зато о топорахъ, утратившихъ совершенно значеніе военнаго оружія, теперь упоминается лишь мимоходомъ, какъ о военнорабочьемъ орудіи, напр. въ „лѣтописяхъ Фульдскаго монастыря“ за 896 годъ, по поводу описанія взлома воротъ.

В. Хотя и другіе памятники изобразительнаго искусства того времени наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что рассматриваемое нами устройство вооруженія удержалось еще до конца одиннадцатаго вѣка безъ всякихъ измѣненій, тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что еще въ началѣ этогоже вѣка предприняты были нѣкоторые нововведенія въ способѣ вооруженія. Предположеніе это основано на томъ, что хотя нововведенія эти дѣйствительно обнаруживаются впервые лишь тридцать или пятьдесятъ лѣтъ спустя, но именно тогда, когда онѣ уже далеко распространились, т. е. какъ бываетъ всегда съ какоюлибо новизною, когда они были уже оцѣнены массою и приняты ею.

Нововведенія о которыхъ мы говоримъ относились опять-таки главнымъ образомъ къ охранительному оружію, и притомъ, какъ видно по изображеніямъ и письменнымъ свидѣтельствамъ этого періода, ко всѣмъ его частямъ въ отдѣльности.

¹ Thietmar. Chronica IV. гл. 22. — ² и ³ Ermoldus Nigellus. I. стихъ 371. III. с. 230, 371, 456 и 493.

а. Такъ напр. что касается во первыхъ тѣхъ частей воинской одежды кои предназначались непосредственно для защищенія тѣла, какъ то брони и на-
ножниковъ, то наряду съ общеупотребительными въ ту пору формами брони, возникли еще двѣ новыя, отличавшіяся отъ тѣхъ главнымъ образомъ большею гибкостью. Одна изъ этихъ новыхъ формъ представляетъ собою „кольчатую рубаху“, на которой однако обычныя для такихъ брони большаго размѣра кольца весьма значительно убавлены. Эти мелкія кольца соединены въ цѣпи и въ такомъ видѣ, или каждымъ колечкомъ отдѣльно либо въ закрой, нашиты на какуюлибо матерію болѣе легкую чѣмъ та, изъ какой прежде дѣлались кольчуги, и по всей вѣроятности преимущественно на суровую холстину. Другая форма брони отличалась отъ предъидущей тѣмъ, что вмѣсто колецъ на такогоже рода ткани нашивались тоже мелкія, совершенно круглыя, четырехугольныя, или продолговато-косогольныя, металлическія пластинки или щитки, либо гладкія, либо выпуклыя. Последняя форма „пластинчатыхъ“ брони (*cotte à rondaches*) была въ ходу преимущественно во Франціи и въ Англіи; первая же главнымъ образомъ въ Германіи, наряду съ прежними кольчатыми и чешуйчатыми бронями (*brigandine*)¹. Вскорѣ по этому способу стали изготавливаться цѣльныя рубахи съ длинными рукавами, наручниками и колпакомъ, и также длинныя наножники, закрывавшіе переднюю часть лядвей подобно древнимъ металлическимъ наножникамъ, и которые частью завязывались помощью ремня пониже коленъ, частью же стягивались сзади. Изображеніе подобной цѣльной или сплошной брони можно встрѣтить въ числѣ миниатюръ одного евангелиарія Генриха II (фиг. 269), и быть можетъ что писатели одиннадцатаго столѣтія, упоминая о какомъто „сплошномъ вооруженіи“, имѣли въ виду вышеописанную броню, хотя впрочемъ, съ другой стороны, нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій частью не идутъ къ настоящему случаю, частью же явно преувеличены, какъ напр. извѣстіе будтобы въ 1078 году въ арміи саксовъ было до 60,000 „вполнѣ вооруженныхъ“ ратниковъ.—Несмотря на то что такого рода броня, носящая у тоглашнихъ писателей названія „*logica hamata, ringel otero halsperga vel prunia, thorax, prunia* и „*oscreas*“ или „*reiperga*“, уже сама по себѣ представляла весьма надежную защиту, тѣмъ не менѣе однако нѣкоторые носили двойную и даже тройную броню. Съ другой стороны опять, многіе для выгоды нерѣдко закрывали наножниками только одну ногу, именно ту, которая не была защищена щитомъ; обычай, который, какъ говорятъ, въ десятомъ вѣкѣ норманнами перенесенъ былъ въ Италію, а оттуда распространился далѣе на сѣверъ².

б. Почти одновременно съ помянутыми нововведеніями произошли также немаловажныя измѣненія въ устройствѣ шлемовъ и щитовъ. Шлемы (*heln, helmus* или *elnus*), начиная съ этого времени дѣлались обыкновенно изъ толстаго листоваго желѣза; форма ихъ была либо остроконечная конусообразная, либо невысоко цилиндрическая съ плоскимъ верхомъ, и крѣпкимъ ободомъ, отъ котораго сфереди спускалась металлическая поло-

¹ I. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. табл. 12. и таб. 33 съ относящимися къ ней текстомъ.—² F. v. Leber. Das kaiserliche Zeughaus II. стр. 500.

са по направленію носа, или такъ называемый „*nasal*“; иногда къ шлему, какъ и прежде, сзади придѣлывался кромѣ того и затыльникъ (фиг. 269; ср. фиг. 267; фиг. 286). Въ такомъ видѣ шлемъ надѣвался сверху вышеупомянутого кольчатого колпака составлявшаго нераз-

Фиг. 269.

дѣльную часть кольчуги (фиг. 269), а при такомъ устройствѣ наносникъ представлялъ весьма практическое нововведеніе ¹. Насколько послѣдній дѣйствительно охранялъ лице отъ ударовъ, показываетъ случай съ герцогомъ Рудольфомъ, который, получивъ сильный ударъ мечемъ по лицу отъ двоюроднаго брата своего маркграфа Улона въ битвѣ при Гогенбургѣ въ 1075 г., обязанъ былъ спасеніемъ своимъ единственно только „выступу наносной части“ своего шлема.

в. Щиты хотя и остались, по прежнему, деревянные, обтянутые кожей и окованные желѣзомъ, но въ самой формѣ они представляютъ значительное уклоненіе, сравнительно съ прежними временами. Почти исключительными формами стали теперь, либо продолговатый овалъ, либо остроугольный треугольникъ съ нѣсколько закругленными углами; притомъ и размѣры щитовъ значительно увеличились, вслѣдствіе чего съ внутренней стороны, сверхъ обычной рукояти, къ щитамъ почти у самого края ихъ, стали прикрѣплять особый ремень, чтобы накинувъ ремень на шею, удобнѣе нести щитъ (фиг. 269; стр. 91 и сл.). Щиты впрочемъ и теперь украшались болѣе или менѣе богатою обдѣлкою, и сверхъ обычной металлической оковки ихъ обивали по краямъ ободомъ, а по серединѣ выпукlostью; иногда даже въ самый ободъ вставлялись мѣстами дорогіе камни (стр. 230).

г. Обычай одѣвать въ латы боевыхъ коней удержался по прежнему; впрочемъ, къ нѣкоторымъ принадлежностямъ конскаго вооруженія стали теперь тоже примѣнять новоизобрѣтенный способъ изготовленія кольчатыхъ броней. Потомъ, изъ разсказа о смерти рыцаря Годабальда, приверженца императора Генриха IV, можно заключить что въ этоже время обращалось уже особенное вниманіе на подкованіе лошадей ². По отношенію къ щегольству роскошно отдѣланными сбруями, какое себѣ позволяли нѣкоторые, замѣчательно извѣстіе сообщаемое въ „житіи епископа Бернварда“ гильдесгеймскаго (гл. 28), о томъ, что кардиналъ-священникъ Фридрихъ, будучи посланъ въ качествѣ папскаго намѣстника къ императору, явился верхомъ на сѣдлѣ, покрытомъ по римскому обычаю подобно папскому сѣд-

¹ Кромѣ приведенныхъ уже прежде сочиненій, см. N. Allou. *Casques du moyen-âge* и пр. P. Lacroix. IV. *Armures* V. A. Jubinal et Sansonetti. *La tapisserie de Bayeux*. H. Carter. *Ancient architecture of England*. стр. 54 и пр. — ² Годабальдъ, желая убѣдиться правильно ли подкована его лошадь, и поднявъ для этого одну изъ заднихъ ногъ животнаго, былъ пораженъ имъ такъ сильно въ лобъ, что отъ этого удара лишился жизни. Bruno. *Sachsenkrieg* гл. 79 въ 1076 году.

лу пурпуровымъ покрываломъ.—Шпоры и теперь еще сохранили прежнюю форму простыхъ металлическихъ шиповъ (фиг. 235).

2. а. Изъ разныхъ видовъ наступательнаго оружія, отчасти тоже измѣнившагося въ теченіе первой половины одиннадцатаго вѣка, болѣе всѣхъ прочихъ измѣнился обоюдоострый мечъ. Клинокъ этого меча, сохраняя прежнюю наибольшую длину свою, приблизительно въ три фута, въ это время сталъ дѣлаться шире у корня рукояти и значительно суживаться къ концу который большею частью закруглялся ¹. Вслѣдъ за этимъ измѣненіемъ поперечный пруть для отражанія ударовъ сталъ дѣлаться нѣсколько шире, а для уравниванія вѣса прибавившагося отъ желѣза, увеличилась теперь значительно въ размѣрѣ и повѣсу тожеголовка на рукояти. Затѣмъ измѣнились также устройство перевязи и способъ прикрѣпленія меча. Въ замѣнъ обычнаго дотолѣ способа прикрѣпленія меча, состоявшаго въ томъ, что мечъ непосредственно прикрѣплялся къ обыкновенному поясу, илиже къ какому либо крѣпкому ремню замѣнявшему поясъ, и что тотъ и другой застегивались на пряжку, въ это время вошла въ употребленіе совершенно особаго устройства перевязь, исключительно только для меча. Эта перевязь состояла изъ двухъ ремней загнутыхъ каждый на одномъ изъ концовъ ушкомъ. Сквозь эти ушки продѣвались ножны меча. Другой конецъ у одного изъ ремней былъ разрѣзанъ въ длину на два узкихъ конца, у другогоже ремня въ соотвѣстствіе имъ сдѣланы были на концѣ два узкихъ горизонтальныхъ разрѣза, одинъ поверхъ другаго. Когда мечъ привязывался къ бедру, названные узкіе концы одного ремня сперва продѣвались черезъ разрѣзы другаго, а затѣмъ завязывались двойнымъ узломъ обыкновенно спереди на животѣ, иногда также, хотя и рѣже на правомъ боку (фиг. 269). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда воинъ держалъ мечъ свободно въ рукахъ, послѣдній крестообразно обматывался обоими главными ремнями (фиг. 248. б). Остается прибавить, что особенное вниманіе обращалось на украшеніе всѣхъ положительныхъ частей и принадлежностей меча, ноженъ, рукояти (hilze ж. или gehilze муж.) и пр., въ то же время теперь все болѣе и болѣе распространялся обычай глубокой старины, давать особыя прозвища какимъ либо извѣстнымъ мечамъ ².

б. Трудно рѣшить какимъ измѣненіямъ подвергся короткій однолезвийный мечъ, такъ какъ въ изображеніяхъ его лишь рѣдко можно встрѣтить, и едва ли гдѣ-либо форма его точно передана сравнительно съ изображеніями длиннаго меча. Между тѣмъ есть много письменныхъ указаній, что короткій мечъ не выходилъ изъ употребленія. Тѣ же самое надо сказать и о ножахъ и кинжалахъ, о которыхъ и въ позднѣйшее время упоминается какъ о метательныхъ орудіяхъ.

в. Что касается копья, которое въ эту пору употреблялось болѣе чѣмъ

¹ J. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. таб. 65.—² Много подобныхъ прозвищъ приведены у G. Büsching-Ritterzeit und Ritterwesen 1. стр. 192. и сл. G. Klemm. Culturgeschichte des christl. Europa. 1 стр. 431 и сл. Егоже: Werkzeuge und Waffen. стр. 191 и сл.

когда либо прежде для удара изъ руки, то соответственно такому назначенію оружіе это готовилось теперь крѣпче и прочнѣе (фиг. 269). Кромѣ того было принято украшать копья у самого наконечника маленькимъ флюгеромъ изъ ткани ¹, и хотя подобный способъ украшенія существовалъ и прежде (фиг. 266), но только съ этого времени ему стали придавать особенное символическое значеніе ². Значки эти (франц. *reppon*, лат. *pendo*), первоначально имѣли форму остраго треугольника; въ такомъ видѣ они были присвоены теперь исключительно такимъ рыцарямъ у которыхъ не было въ подчиненности опредѣленнаго числа ленниковъ, или которые по недостатку средствъ не могли содержать на жалованьи другихъ рыцарей. Напротивъ, рыцари для которыхъ не существовало подобнаго рода препятствій имѣли право ходатайствовать у князей или воинскаго начальства о дозволеніи замѣнять свои значки „знаменемъ“. Формальность эта состояла просто въ томъ, что у значка отрѣзывался отвѣсно конецъ, чѣмъ вѣшнымъ образомъ удостовѣрялось право этихъ рыцарей распускать собственное знамя. Отсюда у этихъ же рыцарей (нѣм. *Panierherr*, франц. *banneret*, лат. *ve-xillarius*) возникъ обычай во время лагернаго стоянія водружать „ленное копьѣ“ у входа шатра.—Это обстоятельство повело постепенно къ раздѣленію копій на метательныя и ударныя.

г. Древній лукъ, достигавшій нѣрѣдко длины въ человѣческій ростъ служилъ постоянно оборонительнымъ оружіемъ, хотя въ исходѣ этой же эпохи и преимущественно въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ сѣверной Италіи, отчасти уже замѣчаются попытки ввести въ употребленіе самострѣлы; но по всей вѣроятности устройство этого оружія не было еще въ эту пору приспособлено къ бою въ открытомъ полѣ.

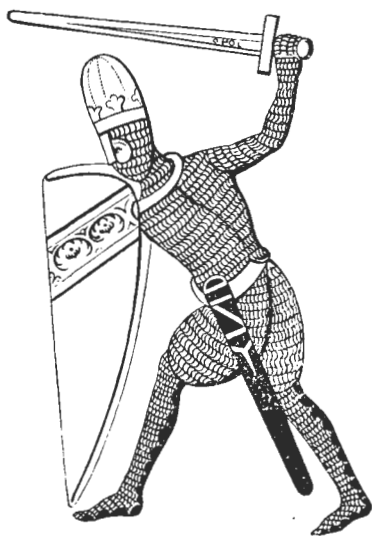
д. Праща, топоръ и палица, переставъ быть оружіемъ рыцарей, и утративъ по этому первоначальное боевое значеніе свое, перешли въ качествѣ оборонительныхъ орудій къ крестьянскому сословію. Генрихъ IV, будучи принужденъ спастись бѣгствомъ послѣ битвы при Эльстерѣ (въ 1080 году)—„потерялъ много ратниковъ, погибшихъ полъ ударами топоровъ и дубинъ гнавшихся за нимъ отовсюду крестьянъ“ ³.

Г. Таково вообще было, и осталось безъ видимой перемѣны, устройство оружія и вооруженія у народовъ средней и южной Германіи, покрайней мѣрѣ вплоть до половины двѣнадцатаго вѣка, и судя по изображеніямъ въ рукописяхъ, даже позднѣе еще, въ исходѣ этого же вѣка, мы встрѣчаемъ лишь весьма мало дѣйствительно важныхъ нововведеній. Но съ другой стороны, изъ этихъ же миниатюръ и другихъ еще свидѣтельствъ оказывается, что именно съ конца двѣнадцатаго вѣка, благодаря безъ сомнѣнія развитію турнировъ, а быть можетъ и вліянію втораго крестоваго похода, стало нѣтолько усиливаться щегольство оружіемъ, но измѣняться тоже и форма оружія, а главнымъ образомъ самый складъ и способъ употребленія военной одежды.

¹ Ср. мж. пр. J. v. Hefner-Alteneck. *Trachten* 1. таб. 48 (къ 1002 году) и таб. 65 (для конца одиннадцатаго столѣтія).—² De Lacurne de St. Palaye. *Ritterwesen* и пр. перов. Klüber II стр. 98. G. Büsching. *Ritterzeit* 1. стр. 170 и сл.—³ Bruno. *Sachsenkrieg*. гл. 61 и 123.

1. а. Если станемъ разсматривать пока только вооруженіе изображенное въ упомянутыхъ нами миниатюрахъ, то мы въ немъ дѣйствительно найдемъ лишь ничтожныя перемѣны, какъ уже было замѣчено выше. При томъ же, измѣненія эти выказываются собственно только въ главнѣйшихъ изъ видовъ охранительнаго оружія, но и здѣсь за все время до исхода двѣнадцатаго вѣка, они ограничиваются, во первыхъ тѣмъ, что возникшія въ предъидущемъ вѣкѣ кольчатыя рубахи съ рукавами (стр. 233) стали дѣлаться не въ прежнемъ уже видѣ отдѣльно, но въ соединеніи съ широкими по колѣни и кольчатыми же штанами; затѣмъ, что шлемъ (не теряя обычной основной формы своей), иногда достигалъ значительной вышины, и къ нему нерѣдко прибавлялся усовершенствованный наличникъ. Кромѣ того, либо въ видѣ отличительнаго знака, или просто для большей нарядности, на шлемахъ помѣщались часто, либо спереди на лбу, либо вверху особыя украшенія. Щиты наконецъ, значительно увеличились въ объемѣ и стали дѣлаться съ загнутыми съ обѣихъ сторонъ краями, а въ то же время размѣръ прежнихъ треугольных щитовъ уменьшился и щиты эти стали плоски, сверхъ того ихъ стали украшать по лицевой сторонѣ изображеніями вродѣ гербовъ (фиг. 270; фиг. 271).

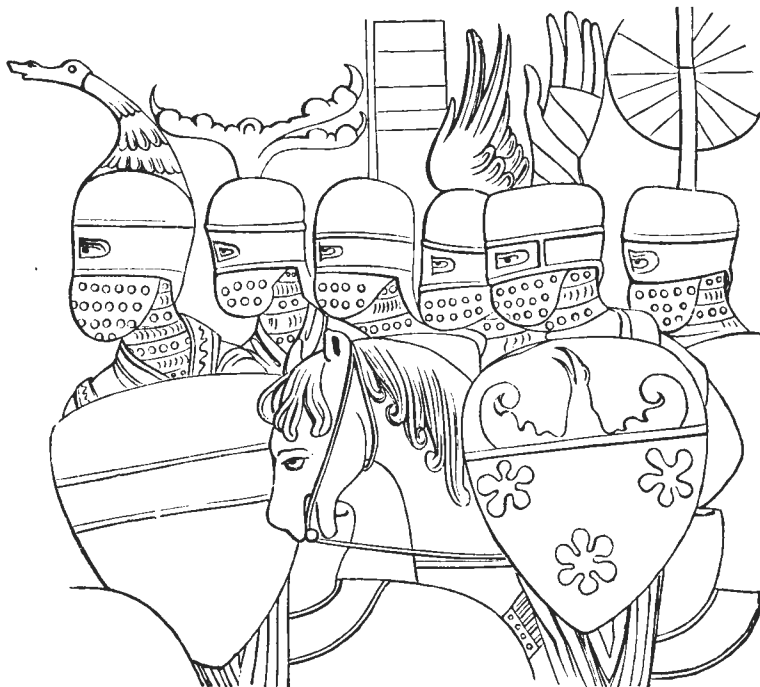
Фиг. 270.

Перейдя теперь отъ изображеній къ извѣстіямъ сообщаемымъ нѣкоторыми писателями объ оружіи въ отдѣльности, мы должны прежде всего коснуться страсти къ щегольству оружіемъ, о которой уномянули немного выше. Еще съ давнихъ поръ рыцарство отличалось страстью щеголять богатоотдѣланнымъ вооруженіемъ, на что не безъ горькой ироніи намекаетъ неизвѣстный біографъ Генриха IV и современникъ этого императора, упоминающая (за 1103 годъ) о рѣзкой перемѣнѣ которая совершилась въ положеніи дворянства привыкшаго къ хищничеству, когда, благодаря возстановленію мира и спокойствія у него отнято было право на грабежъ: „они (т. е. дворяне), которые еще не такъ давно не хотѣли носить другихъ одеждъ кромѣ окрашенныхъ въ яркопурпуровый цвѣтъ, увѣряютъ теперь, что для нихъ самыя лучшія одежды тѣ, которыя природа окрасила въ ихъ натуральный цвѣтъ. Золото утѣшилось, впродъ имъ не будутъ таптывать въ грязь, ибо нужда заставитъ отнынѣ (рыцарей) носить желѣзныя шиоры“. Хотя словъ этихъ не слѣдуетъ принимать буквально, тѣмъ не менѣе и другія свидѣтельства, какъ мж.пр. поэма „о королѣ Руотеръ“, прямо указываютъ на распространеніе между рыцарями щегольство золотыми бронями, шлемами и щитами обложенными золотыми орнаментами, и мж. пр. даже штанами носимыми на войнѣ и богатоунизанными драгоценными камнями и т. под. Слѣдующее описаніе Вулканова щита, изъ рукописи Энеиды можетъ

дать общее понятіе о способѣ украшенія щитовъ въ эту пору: „онъ былъ обложенъ внутри тесьмами и кожей, прибитою къ щиту золотыми гвоздями,

Фиг. 271.

доска обрѣзанная и согнутая какъ слѣдуетъ, была обтянута кожей, ремни изъ кордованской кожи, для красы обшиты были бордюромъ, стараніями Венеры, а подъ нихъ подложенъ былъ бархатъ, не знаю зеленаго или краснаго цвѣта. Это было сдѣлано нарочито, дабы ремень не прикасался и не протиралъ кожи на шеѣ тому, кто накиннулъ на себя щитъ“¹.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ родовъ брони, не исключая и древнѣйшихъ тяжелыхъ кольчатыхъ и чешуйчатыхъ кирасъ (стр. 229), болѣе всего предпочитались новѣйшаго устройства мелкокольчатая брони (стр. 233), хотя не подлежитъ сомнѣнію, что съ половины двѣнадцатаго вѣка, на ряду съ этою послѣднею формою образовалось нѣсколько новыхъ формъ, отличавшихся отчасти еще большею практичностью. То были вопервыхъ, родъ чешуйчатыхъ панцирей, которые впрочемъ никогда не вошли во всеобщее употребленіе, и затѣмъ два совершенно новыхъ вида кольчатыхъ брони.—Эти чешуйчатая брони отличались отъ прежнихъ тѣмъ, что чешуи на нихъ были не металлическія какъ на прежнихъ броняхъ, но либо изъ крѣпкой, про-

¹ F. Kugler. Kleine Schriften und Studien zur Kunstgeschichte. 1. стр. 44.

кипяченой кожи ¹, либо изъ рога ². Последній видъ чешуй безъ сомнѣнія азіятскаго происхожденія, ибо подобнаго рода способъ изготовленія броней, былъ издревле въ ходу у многихъ восточныхъ кочевыхъ племенъ и преимущественно у Сарматовъ и Пароянъ (ср. ф. 99; ф. 153 а. в. с.) ³. Такъ напр. въ поэмѣ Wigalois (стихъ 7371 и сл.) говорится: „на немъ была сверхъ бѣлой куртки надѣта броня, то было языческое издѣліе, изъ широкихъ роговыхъ плитъ (чешуй). Она была обложена рубинами и разными драгоценными камнями оправленными въ золото“. Новый примѣръ богатаго украшенія воинской одежды. Объ устройствѣ холщевыхъ броней о которыхъ тоже упоминается у нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній ⁴. — Упомянутые сейчасъ два новыхъ вида кольчатыхъ броней состояли, одинъ, изъ „кожанныхъ полосъ“, второй, представлялъ какъ бы „сплетеніе“ изъ мелкихъ колецъ. Первый составлялъ нѣкоторымъ образомъ другой лишь видъ той чешуйчатой рубахи „въ закрой“, на которой чешуи одного ряда, до половины прикрывали чешуи слѣдующаго ряда, и отъ ней отличался главнымъ образомъ только тѣмъ, что вездѣ по тѣмъ мѣстамъ гдѣ одинъ рядъ колецъ прикасался другому, сверху накладывалась крѣпкая кожаная тесьма (какъ вдоль такъ и поперекъ), такимъ образомъ что рядъ колецъ перемежался съ кожаной полосой (фиг. 272). „Плетеная“ кольчатая рубаха, напротивъ, состояла исключительно изъ весьма мягкихъ колецъ, изъ коихъ каждое

Фиг. 272.

кольцо само по себѣ большею частью держалось на заклепкѣ, и захватывало по четыре другихъ кольца, такъ что по общему виду своему такая рубаха походила на кольчатую ткань, которая, какъ сказано въ миниатюрной рукописи Энеиды (Eneidt) ⁵, „не обременяла тяжестью своею плечъ и столь же мало стѣсняла движеніе какъ холстинная одежда“, и которую, какъ значитъ въ другомъ мѣстѣ, — „можно стряхнуть въ щитъ“, — такъ сказать, какъ „сыпается хлѣбъ“.

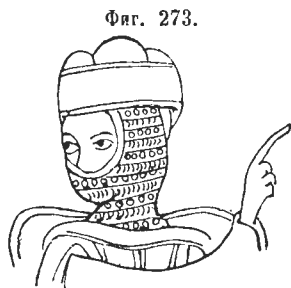

Стало быть рубаха эта походила совершенно на звенчатая брони, бывшія въ употребленіи на востокѣ по всей вѣроятности еще съ давнишнихъ временъ (фиг. 122. в). Послѣ этого едва ли можно бухеть сомнѣваться, что рубахи эти изобрѣтены были на востокѣ, а оттуда только во время крестовыхъ походовъ стали распространяться у западныхъ народовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ сочиненіяхъ гораздо древнѣйшаго времени, какъ то жж. пр. въ „поэмѣ о Беовульфѣ“, составленной приблизительно въ осьмомъ вѣкѣ, упоминается уже о подобнаго рода „плетеной кольчатой бронѣ“, но этому не должно удивляться въ виду высказаннаго выше предположенія от-

¹ См. Вѣщій бытъ нар. и пр. Т. I. Ч. 2. стр. 321. — ² Такъ жж. пр. судя по одной запискѣ въ Кельнской лѣтописи на 1115 г. люди въ одномъ отрядѣ арміи Генриха V. были вооружены непроницаемыми кирасами изъ рога. F. v. Raumer. Gesch. der. Hohenst. (2). V. стр. 560. — ³ См. Вѣщій бытъ нар. и пр. Т. I. Ч. 2. стр. 13. — ⁴ F. v. Leber. Das kaiserl. Zeughaus II. стр. 497. — ⁵ F. Kugler. Kleine Schr. и пр. 1 стр. 43. прим. 1.

носителю происхожденія помянутыхъ броней, и принимая къ тому же во вниманіе существовавшія еще въ тѣ раннія времена торговыя сношенія съ веро-западной Европы съ Востокомъ. Во всякомъ случаѣ однако, употребленіе подобныхъ броней на западѣ ранѣе крестовыхъ походовъ, составляло явленіе крайне рѣдкое, тѣмъ болѣе, что даже въ тринадцатомъ вѣкѣ, подобное вооруженіе по высокой стоимости его доступно было лишь ограниченному числу знатнѣйшихъ рыцарей, тогда какъ большинство ихъ носило преимущественно кольчатая брони съ „кожаными полосами“ (см. далѣе).

6. Почти одновременно съ введеніемъ плетеныхъ кольчатыхъ рубахъ, а отчасти даже вслѣдствіе этого изобрѣтенія, произошли тоже нѣкоторыя измѣненія въ прочихъ разрядахъ оборонительнаго оружія. Такъ напр. употребляемые доселѣ и открытые сзади наконечники (фиг. 269; фиг. 270), стали замѣняться теперь постепенно настоящими, глухими кругомъ „желѣзными штанами“, состоявшими изъ „частаго мелкокольчатого сплетенія“, изъ какого сдѣланы были кольчатая рубаха¹. Рукавицы или перчатки которыя прежде соединялись непосредственно съ рукавами брони, стали употребляться теперь чаще въ видѣ отдѣльной части общаго вооруженія, а соединенный съ броней кольчатый колпакъ (hufela), для большей защиты прикрываемыхъ имъ частей увеличился значительно въ объемъ (фиг. 273). Сверхъ того подъ этотъ колпакъ или эту сѣтку надѣвался, какъ впрочемъ и въ прежнее

Фиг. 273.

время, еще особый наголовникъ (bunthawe или harnaschkappe) на толстомъ подбоѣ или изъ какой либо плотной матеріи (фиг. 250). Наряду съ обычными въ это время формами шлема возникли различнаго вида шишаки (фиг. 273), и кромѣ того стали все болѣе входить въ употребленіе закрытые шлемы (helm-vaz), большею частью формы горшка, кои надѣвались низко на голову, такъ что закрывали носъ, и снабженные узкими отверстіями для глазъ (фиг. 271). Въ то же время и украшенія помѣщаемыя обыкновенно на шлемахъ (cimber, cimierde или cimier), стали принимать болѣе опредѣленныя формы, схожія съ гербовыми знаками, и въ соотвѣтствіе имъ измѣнилась также форма орнаментовъ коими дотолѣ украшались щиты въ видѣ росписи или металлической обкладки.

2. Въ формѣ и устройствѣ наступательнаго оружія напротивъ, не произошла повидимому никакая важная перемѣна даже до самаго исхода этой эпохи, если не считать что значки на копьяхъ стали еще разнообразнѣе, и что наряду съ луками чаще стали употребляться самострѣлы. Такъ напр. Генуэзцы, опасаясь послѣдствій провозглашенныхъ Фридрихомъ I на Ронкальскомъ полѣ верховныхъ правъ надъ городомъ ихъ, стали набирать въ свою рать значительное число пращниковъ и лучниковъ съ самострѣлами.

¹ F. Kugler. Kleine Schriften 1. стр. 43. къ Eneidт стихъ 5657.

3. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ одеждѣ въ собственномъ значеніи этого слова, т. е. той, которая надѣвалась либо подъ воинскую одежду, либо сверху ея, и, какъ уже было сказано выше, одновременно съ оборонительнымъ оружіемъ подвергалась довольно значительнымъ измѣненіямъ. Одежда эта (безспорно съ давнихъ еще поръ), ограничивалась общеупотребительнымъ въ гражданскомъ быту исподнимъ платьемъ и курткой, (*wambasium*; *gobisson*; *gambesson*; *gambeso*), изъ плотной матеріи или кожи, которая надѣвалась подъ доспѣхъ дабы ослабить силу ударовъ. Теперь же, преимущественно въ сѣверной Германіи сталъ распространяться обычай (перенесенный по всей вѣроятности изъ Франціи или Англіи), сверхъ доспѣха носить особое полукафтанье ¹, назначеніе котораго было, предохранять отъ пыли дѣнное вооруженіе и умѣрять весьма чувствительное дѣйствіе на него солнечныхъ лучей. Кафтанъ этотъ (*wäfenrok*, *wäfenhemede*), общимъ складомъ своимъ походилъ на упомянутый уже прежде шаперунъ (фиг. 243. с), съ тою лишь разницею, что онъ доходилъ только до колѣнъ и спереди и сзади былъ съ разрѣзомъ, для того чтобы удобнѣе было сидѣть на конѣ (ср. фиг. 274. а). Эта одежда, состоявшая по всей вѣроятности изъ бѣлаго сукна или холста и не имѣвшая никакихъ украшеній, ни даже обшивки, представляя удобное мѣсто для украшенія, стала въ скоромъ времени предметомъ щегольства. Еще до конца этого періода полукафтанье это стало обшиваться по нижнему краю широкою коймою или обдѣлываться городками, съ пришитыми къ нимъ кисточками, иногда на груди вышивалось какое либо гербовое изображеніе. Во Франціи и въ Англіи въ особенности щегольство подобнаго рода еще въ 1190 году достигло такихъ размѣровъ, что въ этомъ же году король Ричардъ въ Англіи, и Филиппъ Августъ во Франціи были вынуждены издать противъ такой роскоши особыя запрещенія.

Д. Всѣ приведенные доселѣ виды и части вооруженія, не исключая даже вооруженія боевыхъ коней, замѣнивагося отчасти тоже болѣе легкимъ кольчатымъ плетеніемъ, все это потомъ уже въ тринадцатомъ столѣтіи стало отдѣлываться не только съ большею еще роскошью, но съ второй половины того же вѣка, даже обогатилось новыми воинскими принадлежностями. Въ то же время нѣкоторыя части стараго вооруженія были переустроены болѣе сообразно съ ихъ назначеніемъ, такъ въ особенности наступательное оружіе, которое, въ противоположность прежнему времени, въ началѣ этой эпохи значительно усовершенствовалось.

1. Охранительное вооруженіе, прикрывавшее непосредственно тѣло, едва ли въ чемъ либо измѣнилось, и все что по этому поводу можно привести ограничивается тѣмъ, что въ это время башмаки, соединенные съ кольчатыми штанами, отчасти стали дѣлаться съ болѣе утонченными носками; затѣмъ, что къ шпорамъ прибавились колечки (фиг. 247. b; стр. 235); и на-

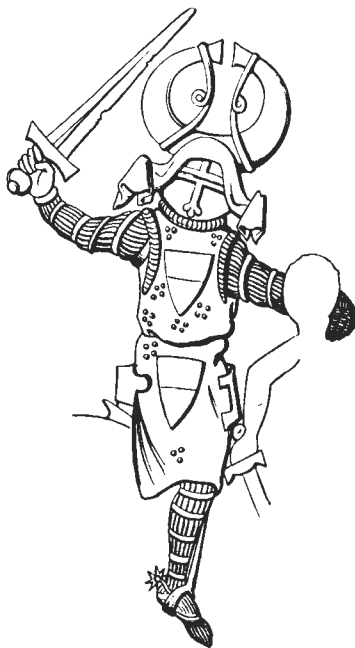
¹ F. Kugler. *Kleine Schriften* и пр. 1. стр. 43. 44 и сл. 53. *Helmsoldt*. Въ *Chronik der Slaven* 1. 87. говорятъ о рыцаряхъ герцога Генриха носившихъ брони подъ кафтанамъ; но здѣсь дѣло идетъ собственно о военной хитрости помянутыхъ рыцарей, желавшихъ скрыть отъ непріятеля что они вооружены.

конецъ, что къ упомянутымъ выше шлемамъ, закрывавшимъ лице до носа, и глухимъ со всѣхъ сторонъ, тоже прибавилась часть закрывавшая кругомъ затылокъ и подбородокъ (*bart, barbet, barbier, barbière*), и доходившая до плечъ. Эта нижняя часть шлема, въ которую продѣланы были отверстія для пропуска воздуха, первоначально, т. е. до половины этого столѣтія имѣла форму нѣсколько суживавшуюся книзу, потомъ стала дѣлаться большею частью совершенно отвѣсною (фиг. 274. b; фиг. 277; ср. фиг. 278. c). Въ такомъ видѣ и почти безъ всякихъ измѣненій, остались названные части вооруженія вмѣстѣ съ „плетеными“ кольчужными рубахами (*iserkolze; cotte de mailles*; фиг. 274 a. b; фиг. 276), и при кольчатыхъ кирасахъ съ „кожаными полосами“ (фиг. 275; фиг. 279) и чешуйчатыхъ броняхъ, даже вплоть до тринадцатаго столѣтія. Послѣдній родъ броней однако съ этого времени встрѣчается все рѣже, а приблизительно около половины этогоже столѣтія былъ изобрѣтенъ еще новый видъ броней, собственно для защищенія груди, который впрочемъ мало пошелъ въ ходъ (см. далѣе).

Фиг. 274.

Фиг. 275.

Совершенно другое мы видимъ по отношенію къ украшенію вооруженія. Щегольство оружіемъ, вопреки многократнымъ запретительнымъ постановленіямъ, постоянно возростало, благодаря главнымъ образомъ все болѣе увеличивавшейся роскошной обстановкѣ рыцарскихъ игръ, и въ скоромъ времени все что въ состояніи была изобрѣтать роскошь, сосредоточивалось на великолѣпнѣйшихъ и воинскихъ одѣяннѣхъ и вооруженіяхъ. Прежде всего щегольство завладѣло кафтанами и конскою сбруею, но вскорѣ распростра-

нилось также и на металлическое вооруженіе, хотя послѣднее было гораздо менѣе приспособлено къ украшенію.

а. Что касается „плетеныхъ“ кольчатыхъ рубахъ, извѣстныхъ съ этого времени подъ названіемъ *halsperg*, франц. *haubert*¹, то у нихъ (а быть можетъ и у кольчатыхъ броней съ кожаными полосами), все украшеніе заключалось на первыхъ порахъ вѣроятно только въ томъ, что по краямъ (т. е. внизу, вокругъ шеи и на рукавахъ), вмѣсто желѣзныхъ колецъ приставлялись кольца изъ металла болѣе цѣннаго и другого цвѣта; или, что желѣзные кольца покрывались позолотою на извѣстную ширину, либо наконецъ, обшивались чѣмъ либо цвѣтнымъ.

б. Въ подобномъ же родѣ были украшаемы и шлемы. На нихъ края нижней (нашейной) части, затѣмъ отверстія для глазъ и даже швы соединявшія четыре части изъ которыхъ состоялъ шлемъ, обводились другимъ металломъ, или ихъ также золотили (фиг. 274. b). Съ тѣхъ поръ какъ былъ введенъ обычай украшать верхъ шлемовъ какими либо знаками (*cimierde*), въ выборѣ этихъ послѣднихъ открылось широкое поле для страсти къ щегольству, такъ что вскорѣ появились шлемы украшенные — „ангелами и коронами изъ золота, лебедями съ золотыми ногами“ и пр., кромѣ того шлемы „блиставшіе драгоцѣнными камнями“. Роскошь эта достигла вершины своей около половины этого же періода, какъ видно изъ описанія нѣсколькихъ шлемовъ съ подобными украшениями у Ульриха фонъ Лихтенштейна—². Отчасти вслѣдствіе подобной роскоши введенъ былъ обычай покрывать шлемы шелковымъ чохломъ (*zindelbinde*), который вскорѣ тоже сдѣлался предметомъ щегольства (ср. фиг. 275; фиг. 279).

в. Сообразно съ украшеніемъ названныхъ воинскихъ принадлежностей стали тоже все роскошнѣе отдѣлываться щиты (*schilt*, *schirm*). Описание одного изъ подобныхъ роскошныхъ орудій, помѣщено въ Пѣсни Нибелунговъ въ разсказѣ о состязаніи Брунгильды, и бывшемъ на ней вѣликолѣпномъ вооруженіи. Оставляя въ сторонѣ вѣскость описываемаго здѣсь щита, которую поэтъ намѣренно преувеличиваетъ безъ сомнѣнія дабы выставить физическую силу этой женщины, и составлявшую притомъ во всякомъ случаѣ явленіе совершенно исключительное, мы замѣтимъ только, что кромѣ изстари обычнаго способа обдѣлки щитовъ дорогимъ металломъ и камнями, въ это время все болѣе и болѣе было обращено вниманіе на отдѣлку гербовъ. Гербы коими украшалась лицевая сторона щитовъ, стали отнынѣ какъ бы средоточіемъ или главою всего украшения. И хотя для украшенія прочихъ частей вооруженія употреблялись нерѣдко весьма цѣнные матеріалы, какъ ж. пр. дорогой мѣхъ и даже (индійскія) жемчужины, тѣмъ не менѣе назначеніемъ герба на щитѣ было превзойти блескомъ все остальное. Вслѣдствіе этого теперь перестали расписывать щиты и украшать лицевую сторону плоскою орнаментаціею; все это замѣнялось большею частью выпуклою рѣзбою изъ дерева или металлическою чеканною работою съ разными украшениями. Сюда относится, какъ надо полагать, щитъ о которомъ упо-

¹ F. Kugler. *Kleine Schriften* в up. 1 стр. 42. пр. 1.—² Ulrich v. Lichtenstein. *Frauentienst*. 170, 20; 259, 25; 218; 451 и во мног. м.

мянута въ Пѣснѣ о Троѣ, и представлявшій „на лазоревомъ полѣ краснаго и бѣлаго льва“. Потомъ великолѣпный щитъ рыцаря Леутфрида фонъ Эпштейнъ, упоминаемый Ульрихомъ Лихтенштейнскимъ, и раздѣленный „на двое“; верхняя часть его была голубая, цвѣта сафира съ золотымъ львомъ въ коронѣ унизанной драгоцѣнными камнями. Другая часть была свѣтло-краснаго цвѣта, съ бѣлымъ горностаемъ, дивно подѣленнымъ на восемь частей, съ полосами бѣлою, красною, золотою и синею“ и пр., мы пропускаемъ другія описанія. — Форма щитовъ осталась вообще долго еще безъ перемѣны, но большіе щиты (фиг. 270) теперь были оставляемы, и вмѣсто ихъ стали употреблять небольшіе сердцевидные плоскіе щиты (фиг. 271; фиг. 274; фиг. 276; фиг. 279. с), и треугольные щиты нѣсколько большаго размѣра и слегка изогнутые (фиг. 248. b. с; фиг. 279 а). Точно такъ остался безъ измѣненій и прежній способъ прикрѣпленія и ношенія щитовъ, равно и весь наборъ шейныхъ ремней на нихъ (*schiltvezzel*). Сказанное нами сейчасъ относится впрочемъ только къ вооруженію рыцарей, у нижнихъ воинскихъ чиновъ, напротивъ, у слугъ и наемниковъ и пр. начинаютъ теперь входить въ употребленіе небольшіе накулачные щиты и тоже прочіе, приведенные уже прежде, виды большихъ и малыхъ осадныхъ щитовъ и т. д.

2. а. Начиная съ этого времени щегольство и роскошь направлены главнымъ образомъ на отдѣлку воинскаго кафтана. Длина его вскорѣ стала доходить ниже колѣнъ (фиг. 274. а), и вмѣсто разрѣзовъ спереди и сзади, теперь стали ихъ дѣлать по бокамъ, такъ что покроемъ своимъ кафтанъ этотъ совершенно походилъ на монашескій нарамникъ (фиг. 274. b). Кромѣ того одежда эта теперь стала все чаще дѣлаться изъ какой либо цѣнной матеріи, преимущественно изъ шелковой, и обшиваться по краямъ и на груди гораздо роскошнѣе, иногда даже золотомъ и драгоцѣнными камнями¹. Подобный кафтанъ яркочернаго цвѣта и подбитый желтымъ „цендалемъ“, съ богатоукрашеннымъ поясомъ носилъ въ 1240 году рыцарь Ульрихъ Лихтенштейнскій, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ²: „концы его влачили по землѣ, въ немъ были выкроены во всю ширину двѣнадцать клиньевъ. На колѣняхъ вырѣзаны были городки и нашиты красныя коймы. Сверхъ кафтана на мнѣ былъ широкій поясъ, съ оторочкою цвѣта травы зеленой и богато украшенный золотомъ. Была также на груди у меня прекрасная застежка изъ золота“ и пр. — Затѣмъ и въ Нибелунгахъ (стихъ 1727 и сл.) говорится о вооруженіи Брунгильды: — „Она приказала принести ей боевую одежду, золотую кольчугу и добрый щитъ. На ней былъ кафтанъ шелковый, изъ Ливійскаго шелка, котораго ни въ одномъ бою еще не касалось оружіе, весьма нарядный и блиставшій золотымъ шитьемъ“ и пр. — Еще ранѣе, въ *Wigalois*, упоминается даже о какомъ то рыцарѣ на которомъ былъ — „зеленый, цвѣта травы, кафтанъ бархатный, съ обшивкою“ и пр.³

Вся эта роскошь, расточаемая на украшеніе воинскаго кафтана, со-

¹ G. Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen 1. стр. 182 и и сл. Затѣмъ о шитьѣ на одеждахъ и вооруженіи см. H. von der Hagen. Handschriften gemälde und andere bildl. Denkm. и пр. въ Abhandl. d. K. Akad. d. Wissensch. in Berlin 1852 стр. 831. —² Frauendienst (C. Lachmann) стр. 450. —³ F. Bock. Geschichte der liturgischen Gewänder des Mittelalters 1. стр. 103.

средоточилась подконецъ, какъ у щита, главнымъ образомъ на отдѣлкѣ изображенія герба. Сначала довольствовались лишь однимъ такимъ изображеніемъ, вышитымъ на груди и къ которому прибавлялось развѣ еще какое либо изреченіе, или „девизъ“¹, самовольно выбранное; вскорѣ однако сталъ все болѣе и болѣе распространяться обычай, въ разныхъ мѣстахъ на одеждѣ вышивать по нѣскольку гербовъ и даже обшивать ими всю одежду какъ бы мелкими узорами (фиг. 276; ср. фиг. 275). Такъ мж. пр., въ описаніи блестящей церемоніи посвященія въ рыцари нѣсколькихъ оруженосцевъ, совершенной въ 1232 году Фридрихомъ воителемъ, сказано, что: — „на нихъ была надѣта яркочернаго цвѣта одежда, съ украшеніемъ на ней бѣлѣ лебедя“²; потомъ, въ такъ называемой „малой книгѣ о герояхъ“, упоминается въ особенности объ одномъ рыцарѣ у котораго: — „кафтанъ, точно устѣянъ былъ золотыми звѣриными изображеніями“.³ Затѣмъ, стало мало-по-малу входить въ обыкновеніе, вмѣсто пояса носить шарфъ, украшенный тоже вышитыми на немъ изображеніями. Остается еще прибавить, что часто, для сбереженія такой одежды, сверхъ ея надѣвался на плеча обычная и въ другое время, длинная мантия (фиг. 276; ср. фиг. 248 и слѣд.).

б. Въ такой же мѣрѣ въ какой увеличивалась роскошь въ отдѣлкѣ и украшеніи принадлежностей вооруженія, усиливалось съ другой стороны шегольство богатымъ убранствомъ боевыхъ коней. Съ этого времени почти всюду введены были латы для нихъ, и увеличились значительно размѣры попонъ (chovertiure) закрывавшихъ лошадей нерѣдко до копытъ, и отличавшихся отчасти такою же роскошною отдѣлкою какъ и воинскій кафтанъ. Въ это время конскою бронею стали все чаще покрывать все вообще части тѣла коня, такъ что за исключеніемъ ногъ и мягкихъ частей, оно сплошь покрывалось связанными другъ съ другомъ отдѣльными частями латъ. Части эти, состоявшія обыкновенно изъ чешуйчатого или кольчатого набора, илиже изъ соединенія мелкихъ пластинокъ и колецъ, были слѣдующія: налобникъ, очень рѣдко закрывавшій въ то же время и голову; нашейникъ, составленный изъ нѣсколькихъ полосъ, съ примыкавшимъ къ нему нагрудникомъ прикрывавшимъ грудь и тоже бока, и наконецъ задняя часть брони,

Фиг. 276.

¹ G. Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen 1. стр. 187. и 188. — ² Стало бытъ то были цвѣта австрійскаго герба. — ³ C. Simrock. стр. 106; къ нему см. Ulrich von Lichtenstein (F. Tieck) стр. 90.

не всегда даже открытая на концѣ. Все это сдерживалось и затягивалось плотно, помощью множества крючьевъ и крѣпкихъ ремней на пряжкахъ. Между переднею и заднею частями такой брони помѣщалось сѣдло съ стременами поверхъ широкой подушки покрытой чепракомъ. Сѣдло, состоявшее изъ дерева и окованное желѣзомъ, съ высокими переднею и заднею частями, притомъ набитое чѣмъ либо мягкимъ и въ добавокъ украшенное, представляло собою вообще надежное, и относительно широкое сидѣнье (фиг. 277; срв. фиг. 281), укрѣпленное на лошади посредствомъ крѣпкаго

Фиг. 277.

подбрюшнаго ремня. Стремена (steige-reif), дѣлались преимущественно изъ крѣпкаго желѣза, и большею частью были треугольной формы; ихъ привѣшивали къ сѣдлу на крѣпкихъ ремняхъ, или (хотя и рѣже) на цѣпяхъ. — Верховую сбрую составляли какъ и въ прежнее время, нагрудникъ, налобникъ, узда и поводъ. Наборъ и украшенія на этихъ вещахъ соответствовали вообще отдѣлкѣ прочихъ частей вооруженія (фиг. 277).

Главнѣйшее украшеніе, какъ уже было замѣчено выше, составляли постоянно конскія покрывала или попоны. Объ нихъ говорится въ Пѣснѣ о Нибелунгахъ (стихъ 7570), — „что сквозь попоны выступала бѣлая потовая пѣна отъ добрыхъ коней на которыхъ ѣхали герои“. Затѣмъ, въ Тро-

янской пѣснѣ (стихъ 4239), — „на великолѣпной и богатой попонѣ изъ шелка и бархата были вышиты орлы и львы и другіе еще знаки, по принятому нынѣ обычаю“. Далѣе, въ Тристанѣ Отфрида страасбургскаго (стихъ 661), говорится о — „множествѣ коней, покрытыхъ шелковыми и бархатными попонами, снѣжной бѣлизны, желтаго, коричневаго, краснаго, зеленаго и синяго цвѣта, различной отдѣлки и даже попонами на мѣху“ и пр.

Другого рода украшеніе составляли потомъ бубенчики ¹, коими во множествѣ увѣшивалась сбруя; обычай заимствованный безъ сомнѣнія отъ восточныхъ народовъ, но распространившійся далѣе на западъ только во второй половинѣ тринадцатаго вѣка, и хотя (приблиз. въ 1240 году), рыцарь Ислунгъ фонъ Шюфлихъ, выступая противъ Ульриха Лихтенштейнскаго „украшенъ былъ многими сотнями бубенчиковъ“, всетаки подобное украшеніе въ ту пору составляло еще рѣдкость, какъ объ этомъ говоритъ самъ Ислунгъ въ описаніи своего похода.

¹ Литература о костюмахъ украшенныхъ бубенчиками почти столькоже обширна какъ и литература о двухполосныхъ одеждахъ. Лучшій по этому предмету источникъ Fr. Hesse.

Е. Несмотря на вредъ какой въ это время причиняла обществу описываемая выше роскошь, доведившая до раззоренія людей въ особенности небогатыхъ, тѣмъ не менѣе страсть къ щегольству на этомъ не остановилась. Съ одной стороны теперь еще болѣе было обращено вниманія на роскошнѣйшую по возможности обдѣлку „плетеныхъ“ кольчатыхъ и „полукожаныхъ“ рубахъ (стр. 243); съ другой, приблизительно въ послѣдней четверти этого же вѣка, къ воинскому кафтану прибавилось новое украшеніе, не говоря о томъ что обдѣлка его стала вообще гораздо богаче. Украшеніе это, укрѣпляемое на плечахъ, составляли продолговато четырехугольныя дощечки (ailettes или ailerons) изъ плотной матеріи, кожи или металла съ изображеніемъ на нихъ герба (фиг. 278; фиг. 279. а; фиг. 282). Но еще прежде чѣмъ введено было упомянутое сейчасъ и въ сущности совершенно лишнее, украшеніе, почти всюду стало уже ходячимъ обычаемъ укорачивать кольчужныя рубахи, вслѣдствіе чего выступала за нижній ея край часть исподней одежды представлявшая удобное мѣсто для разнаго рода украшеній (срв. фиг. 276).

Фиг. 278.

1. Въ это же время, т. е. во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія, еще большому усиленію роскоши содѣйствовало, какъ надо полагать, также введеніе особаго рода груднаго панцыря, о которомъ выше (стр. 242) упомянуто было вскользь, хотя онъ и возникъ нѣсколько ранѣе, и отличавшійся богатствомъ обдѣлки и изящностью формъ. Панцыри о которыхъ мы говоримъ составляли, такъ сказать, крѣпкое сочетаніе чешуйчатой рубахи и воинскаго кафтана, а потому нерѣдко замѣняли этотъ послѣдній. Они состояли большею частью изъ дорогой цвѣтной матеріи (бархата или шелка), обшитой внутри металлическимъ чешуйчатымъ наборомъ, такимъ образомъ, что чешуи вездѣ прилегали къ тѣлу, а смыкавшія ихъ заклепки выходили наружу на лицевой сторонѣ панцыря въ видѣ мелкихъ металлическихъ (позолоченныхъ) пуговокъ, звѣздочекъ, крестиковъ и пр. Хотя подобнаго рода кирасы (korigazin; jazerin; ghiazzzerino), изъ практическихъ цѣлей были въ маломъ употребленіи на войнѣ, тѣмъ не менѣе появленіе ихъ открыло новую сторону въ способѣ обдѣлки этой части вооруженія, и въ то же время повело къ роскошному украшенію чешуйчатыхъ броней какъ наиболѣе сходныхъ съ ними по устройству. Быть можетъ что это и было причиною тому, что съ этихъ поръ чаще упоминается о „великолѣпныхъ“ чешуйчатыхъ броняхъ (стр. 239). Такъ мж. пр., если въ Wigalois говорится о подобной броне на которой — „было много рубиновъ и другихъ драгоценныхъ камней оправленныхъ въ золото“, — то къ исходу этой же самой эпохи, по свидѣтельству Оттокара фонъ Горнекъ, великолѣпнѣе чешуйчатыхъ броней достигало уже крайнихъ границъ: — „на королѣ Венцланѣ былъ панцырь чудной работы. По богатому бархату было нашито множество золотыхъ пластинокъ. Каждый рядъ пластинокъ покрывалъ часть другого ряда, точно чешуя на рыбѣ. Каждая пластинка была изящно украшена по угламъ четырьмя камнями и однимъ камнемъ по серединѣ. Камни были крупныя, рубины, сердолики, прассии“ и пр. (слѣдуютъ названія драгоценныхъ камней). — Въ этомъ же описаніи помянутый свидѣтель при-

водить тоже великолѣпный щитъ; на которомъ — „въ золотомъ полѣ, усы-
яннымъ большими и малыми драгоцѣнными камнями изображенъ былъ
левъ изъ отборнаго бѣлаго жемчуга съ когтями изъ рубиновъ и пр.

2. Появленіе вышеприведенной новой формы панцирей отразилось впро-
чемъ не на одной только вѣшной отдѣлкѣ брони, но въ послѣдствіе времени
на вело и на нѣкоторыя дѣйствительно практическія нововведенія, которыя,
благодаря послѣдовавшимъ усовершенствованіямъ, въ скоромъ времени пов-
сюду были приняты. Цѣлю въсѣхъ этихъ улучшеній было главнымъ обра-
зомъ усиленіе брони, помощью усовершенствованнаго металлическаго подбоя

Фиг. 279.

по образцу „коразина“, а
потомъ въ большей еще мѣрѣ,
и всѣхъ прочихъ частей охра-
нительнаго вооруженія за ис-
ключеніемъ только щита.

а. Что касается во первыхъ
тѣхъ частей полнаго воору-
женія коими прикрывалась
верхняя часть тѣла, какъ-
то, плетеныхъ кольчатыхъ и
полукожаныхъ броней, кото-
рая въ эту пору повсюду ста-
ли господствующими ¹, то въ
нихъ нововведенія о которыхъ
мы говоримъ, выказывались
главнымъ образомъ въ томъ,
что на груди, на плечахъ,
иногда и къ верхней и ниж-
ней частямъ рукъ прикрѣ-
пляемы были такъ называе-
мая „бляхи“. Бляхи эти, о ко-
торыхъ не разъ упоминаетъ
еще Ульрихъ Лихтен-
штейнскій (хотя и, быть мо-
жетъ, придавая имъ другое
значеніе), въ собственномъ

смыслѣ не были бляхи, т. е. это не были цѣльные кованые металличе-
скіе листы, но подобно „коразицу“, соединеніе многихъ стальныхъ пластинокъ,
обыкновенно продолговато четырехугольной формы (ср. фиг. 279. е). Какъ

¹ Такъ иж. пр. сказано въ Chronicon Colmariense (Böhmer fontes rec. germ. II. 86), что у антикороля Адольфа было много рыцарей и боевыхъ коней на которыхъ были подобнаго рода брони: *habebant wambasia id est, tunicam spissam ex lino et stappa vel veteribus pannis consutam, et desuper camisiā ferream, id est vestem ex circulis ferreis contextam, per quae nulla sagitta arcus hominem poterat vulnerare.* т. е. на нихъ была—вѣмбазія, то есть туника изъ плотнаго холста и подбитая паклею либо старымъ трищемъ, а сверху (была надѣта) желѣзная рубаха, то есть, одежда силетеная изъ желѣзныхъ колецъ, сквозь которыя никакая стрѣла не могла при-
дѣлывать раны человеку.

превосходный образчикъ подобной вещи, 1280-го года, можно привести на-
грудную бляху—„изъ дорогихъ пластинокъ“, бывшую на Іоаннѣ фонѣ
Михельспергѣ въ одномъ турнирѣ въ Парижѣ ¹.

б. Въ такомъ же родѣ были усилены и тѣ части вооруженія которыми
защищались ноги. Впрочемъ, для защиты собственно голеней, въ первое же
время стали употребляться чаще цѣльные поножи, чѣмъ составные изъ
пластинокъ. Металлическіе поножи притомъ дѣлались всегда въ видѣ уз-
кихъ полосъ, широкіе же напротивъ исключительно только изъ кожи обло-
женной мѣстами металломъ (фиг. 279. b). Въ связи съ этимъ введены были
еще наколѣнники собственно для защиты колѣнъ, состоявшіе изъ довольно
туго набитыхъ валиковъ (фиг. 279. a. b. c).

в. Ко всѣмъ этимъ измѣненіямъ достигнувшимъ впрочемъ полного раз-
витія своего не ранѣе какъ въ исходѣ тринадцатаго столѣтія, слѣдуетъ еще
прибавить, что верхнюю часть кольчатаго колпака замѣнилъ желѣзный
кованый шишакъ; потомъ, что перчатки стали обкладываться желѣзными
листами; и наконецъ, что вышина такъ называемаго „vazhelm“, или шлема,
нѣсколько увеличилась, а верхняя его часть приняла болѣе острую форму;
что наконецъ, противъ лица, теперь къ шишаку уже стали прилѣпывать либо
„рѣшетчатый“ навѣсецъ, либо откидное „забрало“, хотя впрочемъ еще нѣ-
сколько аляповатаго устройства ².

Въ этомъ видѣ, вооруженіе, изображеніе котораго, снятое съ одного над-
гробнаго памятника 1319-го года мы здѣсь прилагаемъ (фиг. 279. c), со-
ставляло нѣкоторымъ образомъ переходъ къ настоящимъ „листовымъ пан-
цырямъ“, форма коихъ развилась окончательно въ четырнадцатомъ вѣкѣ.
Имѣя въ виду такое устройство вооруженія, какойто рыцарь того времени
безспорно въ правѣ былъ воскликнуть: — „Пускай въ меня стрѣляютъ чет-
веро самыхъ лучшихъ стрѣлковъ, они вреда никакого этимъ мнѣ не при-
чиняютъ, когда на мнѣ броня моя и шлемъ мой“.

г. Трудно опредѣлить, подвергалосьли какимъ либо измѣненіямъ одновре-
менно также и конское вооруженіе, хотя, на основаніи нѣсколькихъ от-
носящихся сюда извѣстій того времени, можно съ достовѣрностью заключить,
что при всеобщемъ распространеніи роскоши немаловажную роль играли то-
же и конскія принадлежности, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ мж. пр. слѣ-
дующее мѣсто изъ Оттокаровой хроники: — „богатыя покрывала по обѣимъ
сторонамъ коня, и дорогой бархатъ соперничали съ солнечнымъ блескомъ“. Несмотря на то что подобное роскошное конское убранство иногда предста-
вляло значительную цѣнность, а принадлежавшія къ нему, длинныя вышитыя
покрывала нерѣдко должны были стѣснять свободныя движенія лошади, тѣмъ
не менѣе съ ними не разставались даже на войнѣ, но только откидывали назадъ.

Болѣе всего однако выказывалась роскошь на турнирахъ, здѣсь глав-

¹ F. v. Leher. Das kaiserliche Zeughaus. II стр. 508. F. U. Kopp. Bilder der Vor-
zeit. I стр. 67. — ² Изображенія нѣсколькихъ подобныхъ шлемовъ, и наврядъ ли позднѣй-
шаго времени см. у J. v. Hefner-Alteneck въ его Trachten 1. 63. J. W. Wolf. Die
Burg Tanneberg und ihre Ausgrabungen. Frankf. a. M. 1850. таб. X. A. B. J. W.
Fairholt и Th. Wright. Miscellanea graphica. Representations of ancient remains et,
London. 1875. таб. VII.

нымъ образомъ, рыцари старались другъ друга перещеголять какъ великолѣпнѣе вооруженія, такъ и роскошнымъ убранствомъ боевыхъ коней. Укажемъ по

Фиг. 280.

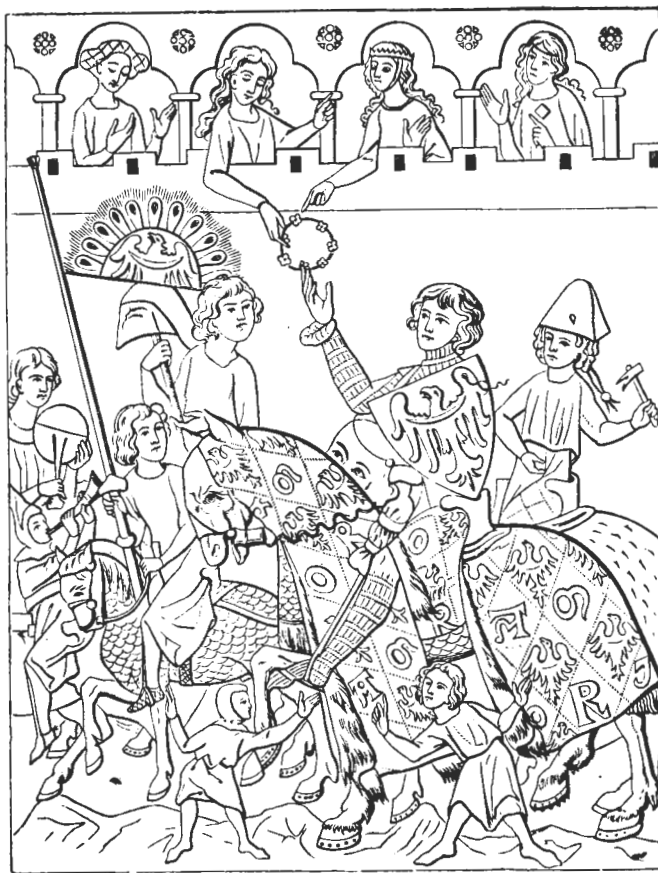
этому поводу на весьма любопытное изображеніе, (приблизительно 1300-го года), на которомъ представленъ герцогъ Генрихъ, принимающій награду за побѣду изъ рукъ своей дамы, и окруженный прислужниками или гарсунами (*garzunen*, фр. *garçons*), вмѣстѣ съ кузнецомъ (*maréchal ferrant*), сопровождавшими этого рыцаря постоянно на всѣхъ турнирахъ (ср. фиг. 281).

3. Если теперь обратимся къ преобразованіямъ совершившимся съ начала тринадцатаго столѣтія въ устройствѣ различныхъ видовъ наступательнаго оружія, и оставимъ въ сторонѣ нѣкоторыя исключительныя постановленія относительно оружія употребляемаго собственно на турнирахъ, то всѣ измѣненія можно будетъ еще въ первой половинѣ этогоже вѣка свести къ нижеслѣдующему:

а. Изъ двухъ видовъ оружія считавшихся по преимуществу принадлежностью рыцаря, копья или дротика и меча, первое стало теперь исключительно ударнымъ орудіемъ. Съ этой цѣлью длина копья была значительно увеличена (до 8 и даже 10 футовъ, не считая желѣзка), и соотвѣственно сему было усилено также древко; такъ что теперь, чтобы управиться имъ, требовалось не мало физической силы. Въ виду этого, для уравниенія вѣса копья, къ пяткѣ его придѣлывалась тяжелая металлическая оправа, а къ тому мѣсту гдѣ его держали, особый щитокъ для защиты рукъ (срв. фиг. 281). Кроме того удержался прежній обычай украшать копьѣ какимилибо отличительными цвѣтными значками, вмѣсто которыхъ впрочемъ теперь стали чаще употребляться гербовые знаки; затѣмъ, копьѣ нерѣдко украшалось на верхнемъ концѣ выложенными (золотомъ) украшеніями, а по древку, всегда обточенно-

му, росписью и пр. О подобнаго рода украшеніяхъ упоминають очень часто поэты того времени. Такъ мж. пр. въ одномъ мѣстѣ Роландовой пѣсни (стихъ 7085), описывается копьѣ съ—„древкомъ лазореваго цвѣта, весьма крѣпкое и гибкое, обложенное рогомъ и золотомъ и пр.“; потомъ и другое, еще богаче украшенное,—„копьѣ это было длинное, изъ индійскаго тростника, съ позолоченною сталью и богато украшенное рубинами“ и пр. —

Фиг. 281.

Форма наконечниковъ у копій была либо прямая и заостренная, либо ланцетовидная, и въ томъ и другомъ случаѣ наконечники нерѣдко достигали весьма значительной длины. Для состязанія на турнирѣ, и когда не предстояло какого либо серьезнаго поединка на смерть, концы копій были тупы и совершенно гладки; такого рода копьѣ, назывались *krönige* (срв. фиг. 281) ¹.

¹ Nath. Schlichtegroll. Thalhofer. Beitrag zur Literat. der gerichtl. Zweikämpfe im Mittelalter. München 1817.

6. Мечъ (swert), ставъ отчасти тоже длиннѣе и нерѣдко достигалъ до четырехъ футовъ, но въ замѣнъ ширина его нѣсколько убавилась. Въ то же время и поперечникъ на немъ, служившій для отражанія ударовъ ставъ также длиннѣе, крѣпче и разнообразной формы. Иногда концы его были загнуты вверхъ къ рукояти, иногда внизъ къ клинку, или расширялись постепенно, и къ оконечностямъ поперечника часто придѣлывались большія головки. Рукоять меча (halp; helza; helze или gehilze), дѣлалась тоже весьма разнообразныхъ формъ, большею частью четырехъгранной или витой, головка на ней (apfel) тоже увеличилась сообразно съ прочими частями. Роскошное украшеніе рукояти меча было въ ходу и теперь, такъ напр. въ „Willehalm“ упомянуть мечъ—„съ золотою рукоятью“,—а въ Пѣснѣ Нибелунговъ говорится о мечѣ Зигфрида, что—„головку меча составляла блестящая яшма, цвѣтомъ зеленѣе травы, рукоять была золотая, а ножны украшены красными тесьмами“ и пр. Какъ видно, ножны (fuoter или balk), тоже отличались красивою отдѣлкою, равно и поясъ съ принадлежавшими къ нему ремнями (swertvezzel), который впрочемъ въ это время не укрѣплялся болѣе на бедрѣ помощью петель, но застегивался на пряжкѣ (фиг. 248. а; фиг. 279. а. с). Украшенія на этихъ вещахъ составляла преимущественно дорогая золотая обкладка по шелку и бархату и пр. Въ этомъ родѣ были отдѣланы ножны на мечѣ рыцаря Отирта, о которыхъ сказано въ „Книгѣ о герояхъ:“—„украшенія на ножнахъ были золотыя; поясъ изъ зеленого шелка, толщины въ палецъ и шириною съ ладонь, былъ такимъ же образомъ украшенъ“.

Наряду съ стародавнимъ обычаемъ придавать мечамъ особыя наименованія, около начала тринадцатаго столѣтія, возникло обыкновеніе вырѣзывать на клинкахъ мечей разныя изреченія и девизы. Къ драгоценнѣйшимъ мечамъ подобнаго рода принадлежитъ знаменитый большой походный мечъ Конрада, Винтерстеттскаго шенка, и о которомъ часто упоминается въ продолженіе времени между 1219 и 1240 годами. На клинкѣ этого меча, у самой рукояти, вырѣзаны слова:—„Конрадъ, славный шенкъ Винтерстеттенскій, пусть

Фиг. 282.

я тебѣ напоминаю, чтобы ты не оставлялъ въ цѣлости ни единого шишака“. Этотъ мечъ хранится въ королевской оружейной палатѣ въ Дрезденѣ, въ немъ вѣсу девять фунтовъ пять лотовъ¹.—Къ концу этой же эпохи распространился сверхъ того обычай прикрѣплять мечъ на груди помощью цѣпи соединенной съ головкою меча (фиг. 282).

в. Что сказано было въ особенности объ украшеніи меча, можно отнести почти вполне и къ кинжалу, вытѣснявшему все болѣе изъ чисто рыцарскаго вооруженія обычный доселѣ обоюдоострый боевой ножъ скрамасаксъ, который наконецъ остался въ употребленіи только у немногихъ племенъ, пре-

¹ F. v. Leber, Das kaiserliche Zeughaus. II стр. 464 G. Klemm, Werkzeuge und Waffen стр. 230. F. A. Frenzel, Der Führer durch das histor. Museum zu Dresden, стр. 99.

имущественно у саксов и въ простомъ народѣ. Кинжалы укрѣплялись точно такимъ же образомъ на груди какъ и мечи помощьюъ цѣпи, но только съ правой стороны, такъ какъ орудіе это носили обыкновенно на правомъ боку (фиг. 279 с) ¹.

г. Съ превращеніемъ копья въ самостоятельное ударное орудіе увеличеннаго размѣра, метательное копье (ger) (или дротикъ), стало все болѣе терять значеніе рыцарскаго боеваго орудія, хотя и не повсемѣстно, такъ какъ объ немъ въ этомъ качествѣ упоминается многократно даже въ исходѣ этого періода. Для примѣра приведемъ начало описанія боя Иринга съ Гагеномъ изъ Пѣсни Нибелунговъ: — „мощною рукою они бросили копья другъ въ друга между крѣпкихъ щитовъ на блестящую одежду, такъ что высоко взвились древка копій, и затѣмъ съ яростью оба храбрые мужа ухватились за мечи и пр.“ Въ позднѣйшее время метательное копье стало принадлежностью однихъ только нисшихъ разрядовъ пѣхоты, и, какъ въ давнишнее время, составляло главное оружіе при оборонѣ стѣнъ и другихъ укрѣпленій. За то метательное копье постоянно сохраняло значеніе свое какъ охотничье орудіе, и въ этомъ качествѣ подвергалось различнымъ практическимъ преобразованіямъ (срв. стр. 94 и сл.).

д. Все что сказано было о мечахъ и копьяхъ примѣнимо одинаково и къ большимъ ручнымъ лукамъ. Это оружіе мало-по-малу почти совершенно было оставлено рыцарями въ замѣнъ самострѣла, который за все это время по всей вѣроятности былъ значительно усовершенствованъ (стр. 230 и сл.). Хотя мы не имѣемъ вполне достовѣрныхъ свѣдѣній ни о формѣ, ни объ устройствѣ самострѣловъ въ это время, тѣмъ не менѣе въ Пѣснѣ о Нибелунгахъ встрѣчаются уже указанія на нѣкоторыя улучшенія этого оружія. Такъ напр. въ этой пѣснѣ (стихъ 3826) говорится по поводу охотничьяго снаряда Сигфрида что: — „при немъ былъ тоже лугъ, который настораживался помощьюъ ручнаго прибора“ и пр., изъ чего по крайней мѣрѣ видно, что въ ту пору былъ уже придуманъ особый механизмъ (antwerke) для натягиванія тетивы, походившій быть можетъ уже формою своею на нагнетательный рычагъ или даже на натяжной винтъ употребляемый въ позднѣйшее время. — Тогда какъ не только въ упомянутой пѣснѣ, но даже въ поэмахъ новѣйшихъ временъ, о самострѣлахъ упоминается большею частью только какъ объ охотничьемъ орудіи, другіе современныя же писатели, какъ напр. лѣтописецъ Арнольдъ Любекскій, объ немъ говорятъ какъ о весьма распространенномъ воинскомъ оружіи. Такъ мж. пр. послѣдній замѣчаетъ, что въ 1204 году, въ отрядѣ императора Оттона „кромя шестнадцатитысячъ вооруженныхъ латами воиновъ, были также балистаріи, т. е. носившіе самострѣлы, и стрѣльцы вооруженные ручными луками“ ². — Лукъ у этихъ самострѣловъ безсомнѣнія состоялъ либо изъ плотно соединенныхъ между собою полосъ крѣпкаго упругаго дерева, либо изъ точно такимъ же образомъ расположенныхъ полосъ изъ рога, китоваго уса и т. под. мате-

¹ F. U. Kopp. Bilder und Schriften der Vorzeit I. стр. 123. — ² Arnold v. Lübeck. Chronic. VII. 21. потомъ и VI. 17. въ 1203-му году.

ріала, значительной длины и обтянутыхъ кожею ¹. — Самострѣльные болты, вѣроятно были переные на нижнемъ концѣ, а на верхнемъ снабжены крѣпкимъ ланцетовиднымъ остриемъ, и помѣщались въ колчанѣ, представлявшемъ тоже удобный случай для щегольства, какъ напр. Зигфридовъ колчанъ, который: — „куда какъ былъ богато украшенъ галунами, и который обтянутъ былъ усладительною (пахучею) пантеровой кожею и пр. ¹⁴

е. Прочіе рода наступательнаго оружія, какъ-то, топоръ, палица (или булава) и праща, остались въ прежнемъ видѣ; изъ нихъ только палица была до нѣкоторой степени приспособлена для турнирныхъ состязаній ².

4. а. Что касается, наконецъ, полевыхъ значковъ и другихъ подобныхъ сигнальныхъ орудій, то и теперь, какъ повсюду съ давнишнихъ временъ, были въ ходу особые знаки и эмблемы утвержденныя на шестахъ, и болѣе или менѣе искусно украшенныя знамена, затѣмъ и разнаго рода музыкальные инструменты въ числѣ коихъ самыми древнѣйшими считались упомянутыя нами уже прежде „рога“ (II. Ч. 1. фиг. 79. стр. 127). О подобныхъ рогахъ упоминается въ этомъ значеніи еще въ самыхъ древнѣйшихъ поэтическихъ твореніяхъ германцевъ, какъ напр. въ „Вальтировой“ и „Роландовой Пѣсняхъ“: — „и раздалися воинскіе звуки походныхъ роговъ“; точно такъ и въ примыкающихъ къ этимъ пѣснямъ героическихъ поэмахъ новѣйшихъ временъ, хотя и въ послѣднихъ сверхъ того уже говорится и о литаврахъ, барабанахъ, бодьшихъ и малыхъ трубахъ, и флейтахъ (срв. фиг. 247). Достаточно будетъ для примѣра привести одно мѣсто изъ „Парсиваля“: — „много щитовъ засверкало передъ нимъ, впереди его загремли блестящія трубы. Два барабанщика били въ барабаны большими палками. Гулъ разливался по всему городу. Но къ этому шуму примѣшивались звуки флейтъ призывавшихъ въ походъ и пр.“ ³.

б. Въ подражаніе существовавшему въ древнія времена обычаю, украшать знамена изображеніями языческаго культа, вмѣсто походныхъ значковъ и знаменъ выбираемы были теперь обыкновенно какія либо христіанскія символическія изображенія, къ которымъ въ позднѣйшее время иногда прибавлялись гербы тогдашнихъ главныхъ воинскихъ начальниковъ. Такія изображенія, насаживаемыя просто на шесты, были большею частью рѣзныя изъ дерева. На настоящихъ знаменахъ, напротивъ, эти изображенія и гербы вышивались по самому полотнищу. По словамъ Видукинды часть войска короля Генриха выступила въ походъ съ распущенными знаменами, и въ числѣ ихъ главное знамя было украшено — „именемъ и изображеніемъ архангела Михаила“, и это „побѣдоносное“ знамя охранялось постоянно отрядомъ ратниковъ ⁴. Согласно съ этимъ въ Роландовой пѣснѣ говорится, что

¹ Вродѣ большихъ, крѣпкихъ луковъ изъ дерева и обтянутыхъ кожею, позднѣйшихъ временъ. Ср. F. Nollain. Die königl. Gewehrgallerie in Dresden. стр. 175 и сл. —

² „Ein 'hut, durch diu süze“ здѣсь „diu süze“, т. е. сладость, принимается въ смыслѣ сладкаго (т. е. пріятнаго) запаха, свойственнаго будобы пантерѣ, и которымъ это хищное животное привлекаетъ къ себѣ другихъ звѣрей. (Der Nibelungen Lied и пр. F. H. von der Hagen.) — Пер. — ³ De Lacurne de St. Palaye. Das Ritterthum, перев. G. Klüber. — H. v. Hagen. Über die Gemälde in den Handschriften altdent. lyr. Dichter. II. (1846) стр. 30. и подъ рубрикою Geräth: „Musikinstrumente“. — ⁴ Widukind. I. 36. 38. III. гл. 44.

въ противоположность полевымъ значкамъ язычниковъ, изображавшимъ украшенныхъ золотомъ и дорогими камнями драконовъ¹, знаменемъ у христіанъ должны быть Крестъ и лики святыхъ угодниковъ; такое знамя, съ — „изображеніемъ Спасителя въ золотомъ сіяніи и апостоломъ Петромъ у ногъ Его“, — приводится въ Роландовой пѣснѣ.

в. Кромѣ этихъ знаменъ, которыхъ однако не надо смѣшивать съ упомянутыми прежде (стр. 236) знаменами, составлявшими отличіе нѣкоторыхъ привилегированныхъ лицъ, употреблялись иногда, для возбужденія духа въ войскахъ, особочтимые священныя предметы, коимъ приписывалась охранительная сила. Къ такимъ предметамъ принадлежало такъ называемое священное копье, о которомъ было уже говорено прежде (стр. 214), и которое нѣсколько разъ съ этою цѣлью выставлялъ въ войскахъ еще король Генрихъ; потомъ, настоящія знаменныя колесницы, на которыхъ водружались были священныя эмблемы, и везомыя обыкновенно роскошно убранными волами. Подобная священная колесница описана въ Willehalm (352. 1.). Совершенно въ такомъ же родѣ были устроены кароччіи (carroccio) въ италіанскихъ городахъ, и въ числѣ коихъ отличалась въ особенности колесница миланцевъ, изображеніе и крайне роскошное устройство которой преданіе приписываетъ архіепископу миланскому Ариберту².

VII. 1. Понятно что вооруженіемъ въ родѣ описаннаго нами на предъидущихъ страницахъ, и отличавшимся такою полнотою и богатствомъ отдѣлки, по одной уже цѣнности его могли пользоваться, да и дѣйствительно пользовались, только самые знатные военные чины, т. е. въ позднѣйшемъ значеніи слова, только „сословіе рыцарей“. Само собою понятно что вооруженіе нисшихъ воинскихъ чиновъ было гораздо простѣе, и даже вплоть до конца двѣнадцатаго вѣка, почти уже въ продолженіи слѣдующаго столѣтія, оно ограничивалось все еще пока смѣшанными родами оружія, мечами, копьями, топорами, луками, пращами, а что касается охранительнаго вооруженія, то развѣ только щитомъ. Воины участвовавшіе въ первыхъ крестовыхъ походахъ (между 1097 и 1142 годами), по большей части небыли еще вооружены латами, но только деревянными луками, такъ что въ эту пору считалось даже отличіемъ имѣть мечъ и самострѣлъ для метанія тяжелыхъ болтовъ³. Почти въ такомъ же положеніи находилась пѣхота при Фридрихѣ I, будучи тоже вооружена только луками и пращами. И даже въ сраженіи при Бувинѣ (въ 1214 г.) главная масса нисшаго войска (состоявшая именно изъ пѣхоты), не имѣла никакого охранительнаго оружія, и безъ разбора была вооружена мечами и копьями, дубинами и (ручными) луками⁴. — Войска обязаны были либо самѣ заимать оружіемъ, либо получали таковое на прокатъ отъ рыцарей коимъ они служили во все продолженіе времени пока они состояли на службѣ. Впрочемъ, послѣднеупомянутый порядокъ существо-

¹ По свѣдѣтельству Видукинда, въ 10 вѣкѣ на знамени саксовъ изображенъ былъ — левъ и драконъ съ парящимъ сверху орломъ. — ² См. описаніе этой святыни у K. D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters II. стр. 192 и F. v. Raumer. Gesch. der Hohenstaufen (2) V. стр. 569 и сл. J. Grimm. Rechtsalterth (2) стр. 262. — ³ F. v. Raumer. Gesch. der Hohenstaufen (2) V. стр. 559 и сл. 560, 563. прим. 2. — ⁴ J. Grimm. Rechtsalterthümer (2) стр. 568.

валъ почти только для „крѣпостныхъ людей“, и потому рыцари, смотря по средствамъ, держали у себя постоянно запасъ оружія, иногда въ довольно значительномъ количествѣ, такъ мж. пр. послѣ смерти какого-то рыцаря фонъ Фалкенштейна въ 1180 году, осталось не менѣе: 60 hastilia (копій), 12 (паръ) ferreae caligae (желѣзныхъ воинскихъ башмаковъ), 6 tubae (трубы), 15 logicae (кирасъ), 4 galeae (шишаковъ кожаныхъ), 8 osreae ferreae (желѣзныхъ напояныхъ латъ) и пр.

2. Что сказано было доселѣ примѣнимо вполнѣ также къ военному устройству городской милиціи, получившей начало свое въ тринадцатомъ вѣкѣ¹, и вслѣдствіе чего нѣкоторыми городами тогдаже изданы были особые постановленія. Такъ мж. пр. еще въ 1233 г. приказаніе, изданное городомъ Кульмомъ, обязывало каждаго владѣльца сорока моргеновъ служить въ арміи, имѣя полное вооруженіе, одно для себя и одно для коня, да еще двухъ подручныхъ лошадей; а кто обладалъ меньшимъ достаткомъ, долженъ былъ явиться въ болѣе легкомъ вооруженіи и съ одною лошадью. Въ Феррарѣ, въ 1279 г. всякій обязанный нести военную службу, долженъ былъ имѣть кольчатую рубаху, желѣзный панцырь, шлемъ, щитъ, копье и книжаль.

а. Ядро этого войска составляли впрочемъ вездѣ мѣстные ремесленники. Они выступали распределенные по цехамъ, съ своимъ знаменемъ и вооруженные только ручными луками или самострѣлами. Города однако, вскорѣ поняли, что пѣхота въ такомъ легкомъ вооруженіи, не въ силахъ будетъ устоять противъ вооруженныхъ съ головы до ногъ рыцарей, и потому придумали совершенно особое боевое орудіе. Отъ четырехъ до шести человекъ вооруженныхъ пиками (gleven) были посажены на длинную боевую колесницу, назначеніе которой было прорвать сомкнутые ряды рыцарей. Люди эти прозваны были глевнерами (glevener или gespann-glevener). Въ 1287 г. число боевыхъ коней въ Страсбургѣ доходило уже до двухъ-тысячъ².

б. Отъ этихъ „глевнеровъ“ отличались конники, принадлежавшіе къ среднему сословію, но имѣвшіе достаточно средствъ, чтобы на собственный счетъ содержать верховыхъ лошадей. Ихъ называли констофлерами (constoffler), самиже они называли себя конюшими, какъ люди не равные по происхожденію рыцарямъ³.

в. Мало-по-малу образовался еще третій классъ людей носившихъ оружіе, классъ городскихъ юнкеровъ, или владѣльцевъ вотчинныхъ и ленныхъ имѣній, имѣвшихъ право на рыцарское достоинство и потому не уступавшихъ по вѣшней обстановкѣ своей прочимъ рыцарямъ; ихъ называли „благороднымъ и глевнерами“.

¹ Весьма характеристична въ этомъ отношеніи замѣтка на 1204 годъ у Ариольда любекскаго (Chronicon VI. 6), что императоръ Оттонъ, тѣснимый Филиппомъ, въ бытность свою въ Госларѣ, набиралъ кромѣ ратниковъ тоже гражданъ, — «ибо послѣдніе, благодаря постояннымъ военнымъ упражненіямъ весьма ловко владѣютъ мечомъ, лукомъ и копьемъ». —² K. D. Hüllmann. Geschichte des Ursprungs der Städte in Deutschland (2. изд.) стр. 570 и сл. потомъ его же Städtewesen des Mittelalters III. стр. 264; 330; 332 и IV. стр. 7 и сл. —³ Еще въ 1294 году издано было императоромъ предписаніе, никого не награждать воинскою перевязью, у кого отецъ не пользовался правомъ носить оружіе. D. Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters II. стр. 179.

г. Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что еще въ 1157 году, въ Германіи, странствующимъ промышленникамъ и торговцамъ разрѣшено было имѣть при себѣ въ повозкѣ или на сѣдлѣ покрайней мѣрѣ по мечу, который впрочемъ, при остановкахъ на постоянныхъ дворахъ, они обязаны были тотчасъ отложить въ сторону; затѣмъ, что евреямъ во всѣ времена положительно строго воспрещалось носить какое бы то ни было оружіе (срв. стр. 206 и сл.).

VIII. Въ предѣидущемъ мы указали, что въ Византіи впервые установлена была строго-опредѣленная форма для священнослужительскихъ облаченій, которая однако потомъ на западѣ, вслѣдствіе постепенныхъ измѣненій, приняла самостоятельный и отличный отпечатокъ (Т. II. Ч. 1. стр. 93 и сл. 103 и сл.)¹. Когда и какъ начались эти измѣненія, и въ чемъ именно онѣ заключались, это вопросы совершенно неразрѣшимые въ виду запутанности извѣстій относящихся къ этому предмету. Вообще однако, можно принять, что измѣненія священнослужительскихъ облаченій на западѣ о которыхъ мы говоримъ, завершились вполне лишь съ окончательнымъ раздѣленіемъ обѣихъ церквей, восточной (или греко католической), и западной (или римско католической); раздѣленіемъ, предъуготовленнымъ еще ранѣе раздорами, возникшими между византійскими епископами или „патріархами“ главной церкви, и намѣстниками ихъ на западѣ „епископами“ римскими.

Главнымъ поводомъ къ раздѣленію обѣихъ церквей послужило гоненіе на иконы возбужденное въ 726 г. греческимъ императоромъ Львомъ Исаврянномъ (Т. II. Ч. 1. стр. 41)². Борьба эта представила удобнѣйшій случай римскимъ епископамъ осуществить давно питаемое ими стремленіе къ расширенію собственной власти и къ полной независимости отъ византійской патріархіи. Не принимая прямого участія въ иконоборствѣ, они тѣмъ не менѣе оказывали поддержку противной партіи, и стараясь усложнять въ пользу свою замѣшательства причиняемая греческой церкви продолжительною борьбою (до 842 г.), имъ удалось еще въ первой половинѣ осьмаго вѣка сосредоточить въ рукахъ своихъ церковную власть на западѣ. Весьма много этому содѣйствовало и то обстоятельство, что при вторженіи лангобардовъ угрожавшемъ также Риму, Стефанъ II принужденъ былъ у Пипина искать помощи въ которой ему отказала Византія. Императоръ, довольный такимъ оборотомъ доставилъ Стефану не только желаемую помощь, но сверхъ того передалъ въ руки его духовное начальство надъ всѣми провинціями которыми дотолѣ управлялъ греческій епископъ или экзархъ, такъ что съ удаленіемъ послѣдняго (въ 754 г.), въ этихъ областяхъ почти совершенно прекратилось непосредственное вліяніе греческой церкви, между тѣмъ какъ съ этихъ же поръ папство стало подъ верховное покровительство франкскихъ

¹ Литературу см. Т. II. Ч. 1. стр. 32 прим. 4 и стр. 93 прим. 2. Потомъ еще М. Lambert. Church Needlework. London. 1844. и P. K. Geiger. Notizen über Stoff, Gestalt und Grösse der heiligen Geräte und Gewänder. München. 1863.—² К. Нааяс. Kirchengeschichte. стр. 167 и сл. 282 и сл.

императоровъ. Положеніе это въ 773 утверждено было Карломъ великимъ, продолжавшимъ дѣятельно заботиться объ увеличеніи власти римскаго престола и надѣлявшимъ его землями.

Раздѣленіе обѣихъ церквей такимъ образомъ въ сущности уже совершилось. Тѣмъ-не-менѣ между ними существовала внутренняя связь, основанная на одинаковости происхожденія обѣихъ, и которой ни та, ни другая не желала прямо отрицать. Скоро однакожъ суждено было порваться этой связи, чему ближайшимъ образомъ послужилъ поводомъ споръ возникшій въ самой Византіи между патріархомъ Игнатіемъ и императоромъ Михаиломъ III; споръ, бывшій причиною церковныхъ разногласій, для улаженія коихъ Михаилъ прибѣгнулъ къ посредничеству римскаго епископа Николая II. Николай II (избранный въ 858 году), одобливъ сначала черезъ пословъ отправленныхъ имъ на Константинопольскій соборъ избраннаго Михаила на мѣсто Игнатія, патріарха Фотія, вслѣдъ за этимъ осудилъ какъ его, такъ и пословъ своихъ; послѣ чего Фотій, окружнымъ письмомъ къ восточнымъ патріархамъ объявилъ еретическими всѣ обряды несогласные съ уставомъ греческой церкви, а самого папу римскаго отступникомъ. Хотя Фотій потомъ, преемникомъ Михаила Василиемъ (Македоняниномъ), изгнанъ былъ изъ Константинополя, и возстановленіе на его мѣсто Игнатія, нѣсколько сблизило опять раздѣлившіяся церкви, тѣмъ не менѣ однако согласіе это вскорѣ было опять нарушено состоявшимся послѣ кончины Игнатія (878) полнымъ примиреніемъ императора съ Фотіемъ. Хотя возстановленіе Фотія одобрено было также папою Іоанномъ VIII, тѣмъ не менѣ однако и между нимъ и Фотіемъ возникла сильная вражда, вслѣдствіе чего папа предалъ проклятію Фотія. Этимъ дѣйствіемъ въ сущности прегражденъ былъ на всѣ времена всякій путь къ взаимному соглашенію. Положеніе это нисколько не улучшилось даже послѣ вторичнаго низложенія и заточенія Фотія Львомъ философомъ, и послѣдовавшей затѣмъ кончины этого патріарха. Проклятія Іоанновы, разпаливъ всеобщую вражду, довели ее до открытой ненависти. Къ этому надо прибавить, что въ продолженіе времени отъ конца девятаго вѣка до половины десятаго, т. е. почти менѣ чѣмъ въ семьдесятъ лѣтъ, въ Римѣ слѣдовали одинъ за другимъ до двадцати папъ, которые, благодаря возраставшему могуществу римскаго престола, какъ будто старались другъ друга превзойти въ необузданной роскоши. Понятно что подобный образъ жизни римскихъ папъ доставлялъ обильный поводъ восточнымъ патріархамъ къ многократнымъ обличеніямъ и укорамъ. Загорѣлась самая ожесточенная борьба обличительными посланіями и трактатами, кончившаяся тѣмъ, что изъ Рима отправлены были въ Византію послы требовать удовлетворенія. Получивъ въ этомъ отказъ, послы въ 1054, съ амвона въ церкви Святой Софіи, предали проклятію патріарха, который съ своей стороны на соборѣ предалъ анаемѣ папу. Съ этой поры всѣ послѣдующія попытки къ соглашенію не только остались совершенно тщетны, но еще болѣе содѣйствовали поддержанію враждебныхъ отношеній между обѣими церквями. И тогда какъ греческая церковь продолжала дѣятельность свою въ сравнительно тѣсномъ кругу и неуклонно держалась своихъ древлеустановленныхъ формъ, западная церковь въ то же время заботилась лишь о самой себѣ, и стремилась къ приобрѣтенію богатствъ и усиленію цер-

ковнополитической власти, самоувѣренно готовилась на бой за всемірное владычество.

Что касается формы или вообще внѣшняго вида богослужебнаго облаченія бывшаго въ употребленіи въ римской церкви въ продолженіе вышеописаннаго времени, то почти съ достовѣрностью извѣстно, что форма этихъ облаченій выработывалась лишь исподоволь, и вообще установилась окончательно не ранѣе шестого вѣка (Т. II. Ч. 1. срв. стр. 178 и сл.). Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что (еще въ продолженіе упомянутаго времени) стороны нѣкоторыхъ римскихъ епископовъ, присвоившихъ себѣ теперь титулъ, „папъ“, не были слѣланы собственною властью какія либо распоряженія относительно формы облаченія. Такъ мж. пр. сохранилось преданіе, что папа Григорій I (590 до 604), заботясь о внѣшнемъ благолѣпіи богослуженія установилъ съ этою цѣлью болѣе роскошную форму облаченій¹. Но какъ бы ни было, совершенный недостатокъ свидѣтельствъ по этому предмету, не позволяетъ даже догадываться, въ чемъ собственно могло заключаться предполагаемое внѣшнее устройство облаченія. За то есть много доказательствъ, что въ обѣихъ церквяхъ долго еще удержалась одинаковая форма облаченія, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ не только многочисленныя свѣдѣнія отъ шестого до девятаго вѣка, въ которыхъ прямо утверждается что византійскіе императоры посылали въ даръ западнымъ церквямъ роскошныя облаченія, но также многочисленныя изображенія въ латинскихъ миниатюрныхъ рукописяхъ². Но кромѣ того, можно представить и другія, болѣе непосредственныя основанія въ подтвержденіе сказаннаго, такъ напр. слѣдуетъ въ особенности указать въпервыхъ на то, что различіе существовавшее въ обрядахъ обѣихъ церквей отнюдь не требовало какоголибо измѣненія формы облачений; затѣмъ, что между обѣими церквями удержалась еще внѣшняя сзязь несмотря на господствовавшіе внутри ихъ раздоры, покрайней мѣрѣ еще до осьмаго вѣка, и наконецъ, что вплоть до этого времени Византія была единственнымъ мѣстомъ, или какъбы мастерскою, снабжавшею западъ почти всѣми предметами необходимыми при богослуженіи (сравни II. Ч. 1. стр. 46 и сл. стр. 93).

Такимъ образомъ, первые начатки уклоненія отъ древней формы священнослужительскихъ облаченій въ римской церкви, нельзя отнести далѣе начала девятаго вѣка, тѣмъ болѣе что полное разлѣненіе церквей состоялось окончательно нѣсколько десятковъ лѣтъ позднѣе, и въ такое время, когда преимущественно въ Сициліи и Испаніи стала съ болѣею силою развиваться самостоятельная туземная художественно-ремесловая дѣятельность; и такъ, чтобы съ достовѣрностью опредѣлить время измѣненія формы облачений, надо будетъ, на основаніи изображеній, принять исходъ этого періода.

¹ Victor Gay. Vêtements sacerdotaux у Didron. Annales archéologiques I. стр. 67 (съ 590 до 604 г.) съ указаніемъ на исторію Григорія III. 24 и VII. 11. Григорій Турскій (X. 1) говоритъ объ немъ, что по вступленіи въ духовный санъ, Григорій оставилъ великолѣпныя одежды, и сталъ носить духовную одежду.—² Относящіяся сюда изобр. у S. D'Agincourt. Peintures. Comte Bastard. Peintures et ornements des manuscrits etc. и потомъ у Ch. Louandre и Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. Tome I.

Между тѣмъ, если судить по относящимся сюда изображеніямъ, и въ особенности по упомянутымъ нами уже не разъ миниатюрнымъ рукописямъ времени императоровъ Лотаря и Карла лысаго умершаго въ 877 г., мы найдемъ форму римскихъ облаченій уже на столько своеобразно развитою (фиг. 283. а в), и, не считая немногихъ (позднѣйшихъ) частныхъ, до та-

Фиг. 283.

кой степени схожею съ облаченіемъ на другихъ изображеніяхъ римско-католическихъ епископовъ двѣнадцатаго (фиг. 283. с) и тринадцатаго вѣковъ (фиг. 284. а. в), что не только начало вышеуказаннаго измѣненія облаченій придется отнести къ болѣе раннему времени, но даже и допустить что еще тогда для нихъ установлена была основная форма. И хотя въ послѣдствіи священнослужительскія облаченія стали еще болѣе совершенствоваться, однако всѣ произведенныя въ нихъ измѣненія касались всегда единственно только украшеній. И такъ, если оставимъ въ сторонѣ тѣ немногіе, упомянутые нами предметы, коими (въ позднѣйшее время) дополнено было облаченіе, какъ то въ особенности нѣкоторые виды наглавниковъ, носимыхъ для отличія (см. I. 1. стр. 98) и введенныхъ большею частью въ десятомъ вѣкѣ, то окажется, что по крайней мѣрѣ до самаго четырнадцатаго вѣка, форма священнослужительскихъ облаченій наврядли подвергалась какимъ либо другимъ измѣненіямъ.

А. Полное облаченіе архіерея или папы, въ томъ видѣ въ какомъ оно установилось въ это время, состояло изъ нижеслѣдующихъ отдѣльныхъ

частей, приводимых здѣсь въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ онѣ надѣвались.

1. Чулки или носки (*caligae, tibialia*). Насколько вообще возможно судить по противорѣчивымъ извѣстіямъ, ношеніе чулковъ духовенствомъ, бывшее въ употребленіи еще до начала девятого вѣка, до половины двѣнадцатаго вѣка предоставляемо было вполнѣ на волю каждому, и только начиная съ этого времени длинные чулки составляютъ опредѣленную принадлежность архіерейскаго облаченія. Чулки эти были длинные, закрывавшіе ноги до колѣнъ и съ тесемками для завязыванія (фиг. 35. б); въ первое время ихъ дѣлали просто изъ холста, позднѣе обыкновенно изъ шелка окрашеннаго согласно особому предписанію въ темнофіолетовый цвѣтъ, но впрочемъ съ различными украшеніями ¹. Стадобыть чулки о которыхъ мы говоримъ были совершенно схожи съ „тибіаліями“ сохранившимися доселѣ въ числѣ германскихъ регалій (стр. 210). Еще позднѣе, въ концѣ тринадцатаго уже вѣка чулки часто дѣлались изъ бархата ².

Фиг. 284.

2. Башмаки (*sandalia, calceamenta, socculi*). Первоначально была въ употребленіи древняя римская подвязная обувь, частью простая, частью же съ богатыми украшеніями; но трудно рѣшить, долголи удержалась эта обувь. Въ послѣдствіи, быть можетъ даже при каролингахъ, но по всей вѣроятности лишь въ десятомъ вѣкѣ, изъ этой обуви образовался особый родъ полубашмаковъ, совершенно закрывавшихъ ступню, и устройство коихъ состояло въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ подошвы придѣланы были по нѣскольку широкихъ лопастей, которыя, сходясь на подѣмѣ ноги затягивались въ длину его помощью ремня. Эта форма обуви (*corium fenestratum*) потомъ уже не выходила изъ употребленія у духовенства. Въ то же время удержался и для этой обуви прежній способъ украшенія, при чемъ главную роль игралъ пурпуровый цвѣтъ, предпочитаемый всѣмъ прочимъ цвѣтамъ, и так-

¹ Gulliem. Durandi. Rationale divinatorum officiorum. III. гл. 8 (4). — ² F. Daniele. I regali sepolchri del duomo di Palermo, стр. 69 и сл.

же богатая обшивка золотомъ, камнями и жемчугомъ. Какъ образчикъ подобнаго рода башмаковъ можно привести, въ числѣ пурпуровой обуви сохранившейся между вышеназванными имперскими регаліями (стр. 210) „сандаліи“ епископа Арнольда конца двѣнадцатаго столѣтія, найденныя въ цѣлости въ его гробницѣ въ Трирскомъ соборѣ ¹.

3. Нарамникъ или нашейникъ (*amictus superhumerales*). Такъ какъ этотъ предметъ въ употребленіи исключительно только въ римско-католической церкви, то наврядли введеніе его можно отнести далѣе девятаго вѣка, хотя впрочемъ нѣкоторые полагаютъ, что о подобной вещи коегдѣ упоминается еще въ началѣ осьмого вѣка какъ о „кашионѣ“ особаго рода, или круглой повязкѣ. Писатели одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія, какъ напр. Гуголь С. Викторскій, (род. 1097 г.), производятъ названный платъ отъ верхняго одѣянія ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ или эфода, но совершенно неосновательно, ибо между названными двумя предметами нѣтъ никакого сходства. Еврейскій эфодъ состоялъ изъ двухъ четырехугольных частей, одной спереди, другой сзади и сдерживаемыхъ на плечахъ застѣжками а на груди поясомъ ². Католическое *superhumerales*, напротивъ, начиная съ десятаго вѣка, состоитъ изъ продолговатаго платъ, назначеніе котораго отчасти защищать шею, отчастиже воспрепятствовать непосредственному соприкосновенію съ нею другихъ одеждъ (ср. фиг. 284. а. б.). Съ этой цѣлью на обѣихъ углахъ одной изъ продольныхъ сторонъ этого платъ придѣланы были короткія петельки, а къ обѣимъ угламъ другой продольнойже стороны по одной длинной тесьмѣ ³. При надѣваніи такого нарамника его сперва полагали на голову такимъ образомъ чтобы край съ петельками спускался равномерно по обѣ стороны (отъ лба) на грудь, потомъ его откидывали на плечи. Затѣмъ, притянувъ обѣ тесьмы подъ мышки къ груди, ихъ продѣлали въ петельки и затянувъ тесьмы назадъ за спину, сводили концы опять на крестъ впередъ, послѣ чего ихъ завязывали на груди. — Приблизительно до одиннадцатаго столѣтія эти платъ дѣлались просто изъ крашеннаго (?) холста, но послѣ этого времени, ихъ стали все чаще украшать посерединѣ той стороны на которой находились петельки, сталобить на самомъ видномъ мѣстѣ, золотомъ нашивкою продолговато четырехугольной формы (*parura*, *plaga*) и пр. Отъ этого украшенія нарамный платъ получилъ названіе *amictus paratus* ⁴.

4. Альба (*alba*, *camisia*, *poderis*, *tunica talaris*), вообще самое древнѣйшее изъ всѣхъ священныхъ одѣяній у христіанъ. Латинская альба тождественнаполнѣ съ греческимъ стихаріонъ, и въ обѣихъ церквахъ эта одежда почти одинаково удержала отпечатокъ первоначальной своей формы. Какъ въ первыя времена такъ и теперь форма ея напоминаетъ срачицу умѣренной ширины, доходящую до лодыгъ, съ длинными рукавами, суживающимися

¹ A. du Saussay. *Panoplia episcopalis* lat. Paris 1646. — F. Bock. *Gesch. der liturg. Gewänder*. II. стр. 14. таб. I. — ² Внѣш. бытъ нар. и пр. Т. I. Ч. 1. стр. 242. —

³ Изображенія у F. Bock. *Gesch. der liturg. Gewänder* и пр. II. таб. II. фиг. 1 до 5. —

⁴ Подробности въ. *Kirchenschmuck Archiv für weibl. Handarbeit* и пр. 2 годъ. 2 тетрадь. Stuttgart. 1858. s. v. „Amict“.

у кисти рукъ, и съ широкимъ разрѣзомъ для головы; эта одежда дѣлалась изъ бѣлаго холста и безъ украшеній. Впрочемъ, отъ этой первоначальной и простѣйшей формы нѣкоторыя стали отступать въ десятомъ вѣкѣ, выбирая для альбъ вмѣсто полотна, бѣлыя и цвѣтныя шелковыя ткани, и частью прибавляя къ нимъ съ боковъ узкія цвѣтныя полосы (*latus clavus, angustus clavus*); частьюже украшая ихъ спереди по нижнему краю богатымъ золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и камнями въ видѣ продолговато-четыреугольнаго щитка (ср. 283. б; 284. а). Вслѣдствіе этого отъ подобныхъ альбъ (*alba parata* или *fimbriata*), къ которымъ принадлежитъ и богатая альба находящаяся въ числѣ имперскихъ регалій, стали отличать простую альбу или *alba pura*, какъ одежду по преимуществу возлагаемую при крещеніи на крещаемыхъ. — Та и другая форма подвязывались поясомъ.

5. Поясъ (*baltheus, zona, cingulum*), сталъ употребляться одновременно съ введеніемъ альбы, и такъ какъ послѣдняя до самого конца девятаго вѣка отличалась вообще отсутствіемъ всякихъ украшеній, то по всей вѣроятности и поясъ, равномерно съ альбою, лишь послѣ этого времени сталъ отдѣляться болѣе и болѣе роскошно. Хотя по первоначальному латинскому названію пояса—мурэна (*muropa*), можнобы повидимому заключить, что въ старину и даже въ позднѣйшее время, пояса ткались въ видѣ трубчатыхъ лентъ (напоминавшихъ нѣсколько змѣиную кожу), тѣмъ не менѣе однако, начиная съ десятаго вѣка ихъ стали дѣлать въ видѣ однолинейныхъ лентъ, и такой длины, что спущенные концы завязаннаго пояса доходили до половины ляшекъ. Впрочемъ, завязывался собственно не поясъ, а для прикрѣпленія его къ внутренней его сторонѣ были придѣланы шнурки, такъ что, когда помощью этихъ шнурковъ завязанъ былъ поясъ, концы его другъ друга не закрывали. Украшенія на поясахъ, какъ видно по экземплярамъ сохраняемымъ въ числѣ имперскихъ регалій, составляли, кромѣ любимаго шитья золотомъ и жемчугомъ, металлической оправы и пр. дорогая бахрома которою обшивались главнымъ образомъ концы пояса, и затѣмъ, золотыя гремушки въ видѣ мелкихъ яблоковъ, прикрѣпленныя къ шнуркамъ, въ подражаніе колокольчикамъ и „гранатнымъ яблокамъ“ на облаченіи вѣховзвѣтнаго первосвященника ¹.

6. Стѣла (*stola, orarium*). О предполагаемомъ происхожденіи этой принадлежности облаченія было уже говорено выше (II. 1. стр. 101), и сказанное въ приведенномъ мѣстѣ, судя по сохранившимся изображеніямъ, примѣнимо одинаково также и къ римскокатолической церкви (фиг. 283. а. б;). И потому, оставляя въ сторонѣ нерѣшенный вопросъ о происхожденіи стѣлы, мы рассмотримъ теперь одну лишь внѣшнюю форму ея. — Относительно этого пункта оказывается, что измѣненія коимъ быть можетъ подвергалась стѣла въ римской церкви начиная съ девятаго вѣка (фиг. 283. а. б), касались въ гораздо меньшей степени основной ея формы и первоначальнаго ея назначенія (какъ нашейнаго платя), чѣмъ внѣшней ея отдѣлки и способа надѣванія или употребленія. Какъ въ греческой церкви

¹ Внѣшн. б. яар. и пр. Т. I. Ч. 1. стр. 242.

такъ и въ римской названная принадлежность духовнаго облаченія удержала постоянно форму длиннаго лентообразнаго шарфа, надѣваемого греками поверхъ стихаря, а у римлянъ поверхъ соответствующей ему альбы. У послѣднихъ ораръ кромѣ того возлагался на плечи такимъ образомъ, что концы его спускались по обѣимъ сторонамъ на груди (фиг. 283. а. b; фиг. 284. а. b; ср. фиг. 66; фиг. 67 и сл.). Но въ послѣдствіи, когда въ римской церкви вошло въ обыкновеніе еще болѣе удлинять стѣлу, ея стали крестообразно препоясывать грудь, повязывая ея сверхъ того поясомъ (*cingulum*), такъ что нерѣдко оба конца стѣлы другъ друга близко прикасались или даже закрывали, подобно концамъ греческаго ораря (фиг. 283. с). Для подобнаго расположенія стѣлы существовали особыя постановленія, кои впрочемъ никогда повсемѣстно не соблюдались одинаковымъ образомъ ¹.— Одновременно съ приведеннымъ сейчасъ измѣненіемъ формы стѣлы, произошла безъ сомнѣнія замѣтная перемена тоже во вѣтшней ея отдѣлкѣ. И хотя, судя по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ римскимъ стѣламъ десятого и до двѣнадцатаго вѣка, въ римской церкви повидимому довольно долго еще удержался обычай принятый въ греческой церкви, украшать стѣлу греческими крестами (фиг. 285. а. с); но вскорѣ однако, кромѣ этихъ чисто религіозныхъ, символическихъ знаковъ, вошли въ употребленіе разнаго рода другія украшенія золотымъ шитьемъ и жемчугомъ (фиг. 285. b. d. e. f) ². Сверхъ того, вмѣсто шерстяной ткани, изъ какой до этого времени изготовлялись стѣлы, стали теперь употреблять шелковую, а концы ея обшивать подобно поясу, дорогими кистями или колокольчиками число коихъ иногда доходило до двадцатисеми. Одновременно съ приведеннымъ сейчасъ способомъ украшенія введеннымъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вошло въ обыкновеніе концы стѣлы къ низу дѣлать нѣсколько шире и даже обшивать дорогими камнями (фиг. 285. с. d; ср. фиг. 283. с).

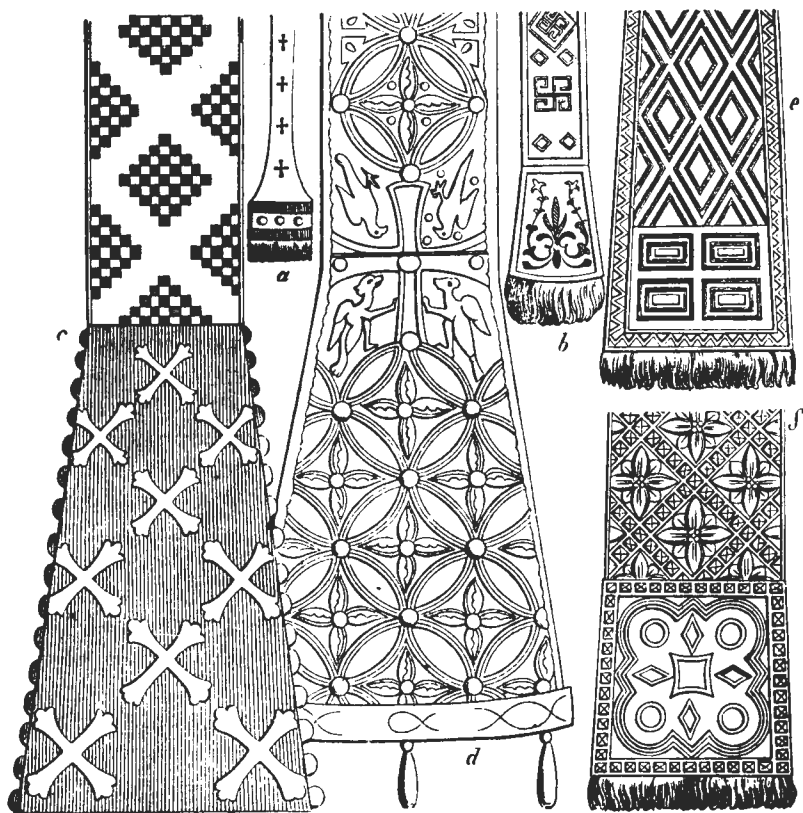
7. Ручникъ (*fanon*, *manipula*, *mappula*). Это былъ первоначально полотняный платъ употребляемый священнодѣйствующими при служеніи для утиранія пота, и потому носившій также названіе *sudarium*; но сверхъ того служившій и для вытиранія священныхъ сосудовъ. Хотя и есть основаніе предполагать что и въ греческой церкви духовенство пользовалось для такойже цѣли подобнаго рода платомъ, однакоже восточная церковь никогда не придавала этой вещи значенія самостоятельной принадлежности священнослужительскаго облаченія, хотя нѣкоторые и полагаютъ что отъ этого плата произошли употребляемая восточною церковью эпиманикія (см. Т. I. ч. 1. стр. 105). Въ какое время въ римской церкви произошло измѣненіе формы манипулы, трудно опредѣлить; изъ сохранившихся свидѣтельствъ можно заключить лишь то, что измѣненіе это совершилось постепенно и отнюдь не одинаковымъ образомъ вездѣ. Такъ напр. на нѣсколькихъ изображеніяхъ половины девятаго вѣка упомянутый платъ носить уже чисто орнаментальный характеръ познѣйшаго времени, и безразлично встрѣчается

¹ Abbé Migne. Encyclopédie и пр. Liturgie. Didron. Annales archéologiques VIII. стр. 65. рисунки тамъ же VII. стр. 143.— ² F. Bock, Gesch. der liturg. Gewänder. II. таб. IV. фиг. 1. таб. VIII. фиг. 2.

то на лѣвомъ плечѣ, то на правомъ (фиг. 283. а, b); съ другой стороны, писатели конца даже одиннадцатаго столѣтія, мж. пр. Ивонъ Шартрекій ум.

Фиг. 285.

въ 1115 году, объ немъ упоминаютъ какъ о платѣ для утиранія пота (или sudarium) ¹. Во всякомъ случаѣ однако, назначеніе манипулы, покрайней мѣрѣ вплоть до двѣнадцатаго вѣка было двоякаго рода и лишь съ этого времени она становится исключительно принадлежностью внѣшняго убранства. Манипула теперь приняла форму узкой ленты, большею частью связанной съ концевъ, и которую носили на лѣвой рукѣ. Притомъ отдѣлка ея всегда соответствовала украшенію стѣлы при которой она надѣвалась, сталобыть состояла (какъ на стѣлѣ) изъ обшивки кистями и золотыми колокольчиками (ср. фиг. 284. а. b. e. f) ².

8. Слѣдуютъ два рода верхней одежды, формы срачицы: *dalmatica* и *tunicella*. Ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ

¹ Abbé Migne. *Encyclop. der Kathol. Liturgie*, стр. 558.—² Манипулы съ погремушками приведены у Didron. *Annales archéologiques* VII. стр. 146, въ этомъ рисункѣ стр. 143; сравни F. Bock. II. таб. XVI. 3 и таб. XVIII. 3.

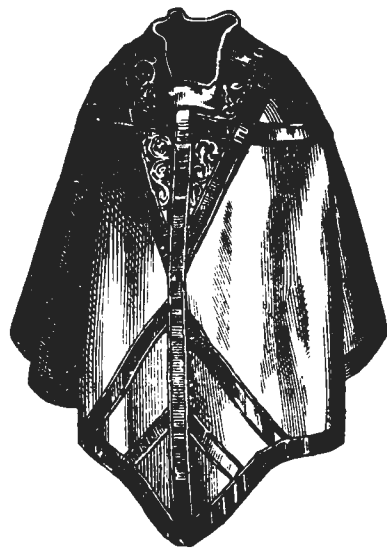
мы не встрѣчаемъ вполне несомнѣнныхъ указаній, ни о томъ, чѣмъ приведенныя одежды отличались одна отъ другой, ни въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ онѣ надѣвались, и время даже неизвѣстно, когда онѣ были введены въ римской церкви, такъ что гадательно только его относятъ, либо къ исходу осьмого вѣка, либо къ началу девятого. Оставляя въ сторонѣ опредѣленіе времени, какъ довольно правдоподобное, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ того времени (фиг. 283, а. b), главное затрудненіе представляетъ здѣсь различіе въ понятіяхъ существовавшее въ разные времена относительно названныхъ двухъ одеждъ, и возникнувшее оттого разнообразіе названій, какъ то, *dalmatica minor*, *dalmatica major*, *dalmatica major tunica*, будтобы однозначныя (?) съ *tunicella*, съ *subtile* и *subucula*¹. Такъ напр. говорятъ, что на епископа возлагалась сперва *tunicella*, а потомъ уже (сверхъ ея) *dalmatica*, что дѣйствительно согласуется съ приведенными сейчасъ названіями. По другимъ извѣстіямъ, напротивъ, какъ мж. пр. изъ упоминанія о введеніи Карломъ лысымъ „далматикъ“, можно навѣрное заключить, что во время этого императора подъ этимъ названіемъ разумѣвалась положительно, греческая, доходившая до ногъ-*tunica talaris*. Къ тому же и слово *tunicella* (подобно слову уменьшительному *tunicula*), по самому производству его означаетъ не очень длинную (скорѣе короткую), тунику. — Впрочемъ, какъ ни сбивчивы названія этихъ одеждъ, но, по крайней мѣрѣ относительно формы и способа надѣванія ихъ не подлежатъ сомнѣнію, во первыхъ, что болѣе длинная изъ нихъ надѣвалась всегда сверху, потомъ, что болѣею частью довольствовались одновременно какоюлибо одною изъ нихъ (фиг. 283. а. b. с; фиг. 284. а. b). Вообще однако, какъ та, такъ и другая изъ этихъ двухъ одеждъ, формою своею походили на закрытое кругомъ верхнее одѣяніе, обшитое съ боковъ (спереди и сзади продольными, узкими, фіолетоваго цвѣта полосами, или такъ называемымъ *angustus clavus* (фиг. 283. а. b), и съ длинными до кистей рукавами. Всю разницу между ними составлялъ первоначально только цвѣтъ, такъ какъ для болѣе длинной одежды въ то время выбирался преимущественно красный цвѣтъ (*color coccineus*), а для другой, бѣлый; обычай, которой однако, по всей вѣроятности уже въ теченіе одиннадцатаго вѣка, и съ введеніемъ другихъ украшеній уступилъ мѣсто, съ одной стороны, болѣе произвольному выбору цвѣтовъ, но съ другой въ то же время и болѣе точному опредѣленію ихъ. Въ числѣ украшеній введенныхъ въ облаченіи около половины двѣнадцатаго вѣка, слѣдуетъ упомянуть въ особенности о замѣтнѣ фіолетовыхъ лентъ золотыми ометами (или такъ называемыми *aureae listae* и *aurifrisiae*), потомъ о четырехугольныхъ дшицахъ, какія пришиваемы были спереди, повыше нижняго края названныхъ одеждъ, какъ и на альбѣ. Въ заключеніе замѣтимъ еще, что иногда этиже одежды дѣлались съ довольно высокими полукруглыми разрѣзами съ боковъ на нижнемъ краѣ (фиг. 283. с; фиг. 284. а), и что верѣдко край этотъ обшивался кругомъ мелкими звонцами.

9. Облаченіе надѣваемое при совершеніи литургіи (*raepula*,

¹ F. Bock, *Gesch. der liturg. Gewänder* II. стр. 85 и сл.

planeta, casula, casubula). Это положительно та самая одежда которая въ греческой церкви носить названія фелоніонъ и амфибалонъ, и кромѣ того также (по украшающимъ ее крестамъ), полиставріонъ. Одежда эта, происходящая отъ древнеримской пэпулы (paenula), сохранила первоначальную основную форму свою какъ въ восточной, такъ и въ римской церкви (въ послѣдней по крайней мѣрѣ до семнадцатаго вѣка), почти безъ всякихъ измѣненій (фиг. 283. а-с; фиг. 284. а. b; фиг. 286; фиг. 70. а, фиг. 67, фиг. 65, фиг. 64, сравни фиг. 8 а-с). Быть можетъ вслѣдствіе этого именно еще въ первыя времена стали украшать фелонъ по возможности роскошно, въ особенности въ латинской церкви, въ которой съ начала десятаго вѣка внѣшняя отдѣлка этой одежды все болѣе отличается великолѣпіемъ. Даже въ изображеніяхъ половины девятаго вѣка еще, въ числѣ прочихъ принадлежностей архіерейскаго облаченія, фелонъ выдѣляется не только разнообразіемъ цвѣтовъ и узоровъ, но и золотымъ ометомъ коимъ обкладывались преимущественно нижній его край, затѣмъ и край у отверстія для головы, и нерѣдко также середина задней и передней частей во всю ихъ длину (фиг. 283. а. b). Этотъ родъ украшенія фелони, возникшій по всей вѣроятности гораздо ранѣе, и при которомъ среднія полосы обшивки вмѣстѣ съ обшивкою окружающею въ видѣ буквы У отверстіе для головы, изображаютъ, какъ полагають, форму греческаго омофора, (II. Ч. 1. стр. 97), удержався въ главныхъ чертахъ еще въ послѣдующее время, при чемъ впрочемъ полосы подвергались различнымъ измѣненіямъ и стали отдѣливаться еще роскошнѣе и кромѣ того въ выборѣ матеріи для этого облаченія выказывалось все большее стремленіе къ великолѣпію. До чего наконецъ дошла въ этомъ отношеніи роскошь, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ не малое число сохранившихся старыхъ фелоней, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя, какъ мж. пр. фелонисвятыхъ Виллигіуса и Оомы кентербѣрійскаго (фиг. 286), принадлежать еще къ началу или половинѣ одиннадцатаго столѣтія ¹. Ризы эти служатъ доказательствомъ, что по крайней мѣрѣ вплоть до конца тринадцатаго вѣка для облаченій выбирались почти безъ исключенія самыя дорогія, и самыя замѣчательныя по узорамъ, восточныя шелковыя матеріи, а съ начала этого столѣтія все чаще даже и бархаты ². Потомъ, поэтимъ же облаченіямъ видно, что обшивки по краямъ, и проходящая по серединѣ фелоней полоса, стали постепенно дѣлаться шире и украшаться густымъ золотымъ

Фиг. 286.

¹ J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christlichen Mittelalters I. таб. 11. — F. Bock. Geschichte der liturg. Gewänder. I. стр. 427 и сл. II. стр. 156 и 164 и сл. —
² F. Bock. и пр. I. стр. 99.

шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; иногда даже полосы эти обкладывались щитками изъ золота или разноцвѣтной эмали и пр. Отъ множества украшеній облаченія нерѣдко были такъ тяжелы, что затрудняли свободныя движенія служащихъ, вслѣдствіе чего для облегченія надѣванія подобныхъ ризъ ихъ дѣлали либо съ разрѣзами по бокамъ, либо приспособляли такъ, что ихъ можно было подбирать помощью шнурковъ придѣланныхъ съ боковъ у предплечья, какъ видно напр. по фелони св. Виллигуса. Кромѣ того, еще въ десятомъ вѣкѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вошло въ обыкновеніе обкладывать фелонь сзади широкимъ, четырехугольнымъ щитомъ, возвышавшимся нерѣдко выше головы и (ср. фиг. 8. а. d) заступившимъ мѣсто, какъ полагаютъ, капюшона, который первоначально соединенъ былъ непосредственно съ фелоніемъ ¹.

10. Перчатки (*manicae*, или по греческому названію *chirothecae*), въ употребленіи исключительно только въ западной церкви, гдѣ, какъ говорятъ, онѣ были въ ходу еще въ концѣ седьмого вѣка ². По латинскому названію *manicae*, обозначававшему въ древности главнымъ образомъ только удлинненіе рукавовъ, и большею частью просто что-то въ родѣ наручниковъ ³, нѣкоторые заключали, что первоначально наручниками этими прикрывалась лишь наружная часть рукъ, не объясняя при томъ однако въ какое время изъ такихъ наручниковъ образовались перчатки съ пальцами (*chirothecae*). Вопросъ этотъ не разъясняется даже миниатюрными и другими изображеніями, въ которыхъ украшеніе это вообще встрѣчается уже въ познѣйшее время, навѣрно не ранѣе одиннадцатаго вѣка, а послѣ этого времени все еще только изрѣдка, такъ что лишь мало вѣроятія заслуживаетъ предположеніе, будтобы перчатки были въ употребленіи при богослуженіи еще въ седьмомъ вѣкѣ; и потому, никакъ нельзя полагать, чтобы употребленіе перчатокъ съ пальцами введено было ранѣе второй половины десятаго вѣка. Предположеніе это подтверждается притомъ же особымъ постановленіемъ, опредѣляющимъ, что перчатки носимыя епископами, должны быть несшивныя (*inconsutiles*), но тканыя, что прямо указываетъ на усовершенствованіе въ ткацкомъ дѣлѣ, какого однако едвали это производство достигло ранѣе названной эпохи.—Перчатки, подобно всѣмъ прочимъ богослужебнымъ одеждамъ, первоначально изготовлялись тоже изъ шелка и украшались такимъ же способомъ, хотя и въ меньшей степени; частью ихъ окрашивали въ пурпуровый цвѣтъ, частью по серединѣ наружной стороны ихъ вышивались узоры, иногда въ видѣ креста, словомъ, по вѣшной отдѣлкѣ своей архіерейскія перчатки соответствовали тѣмъ „хиротэкамъ“ ко и доселѣ хранятся въ числѣ императорскихъ регалій (стр. 211).

11. Перстень (*annulus*) ⁴. Тоже не принятъ въ греческой церкви, по крайней мѣрѣ не въ качествѣ принадлежности богослужебнаго облаченія.

¹ S. D'Agincourt. Peint. I. таб. XXXVIII. 2 и таб. LIV. 1. — ² Abbé Migne. Encyclop. и пр. W. Augusti. Handbuch der christl. Archäologie I. стр. 197 и III. стр. 235. — ³ Вѣшн. бытъ нар. и пр. Т. I. Ч. 2 стр. 302 фиг. 424. — ⁴ Abbé Migne. Encyclop. и пр. и dictionnaire d'orfèvrerie, de gravure et de ciselure chrétiennes и пр. par l'abbé Texier. 1857 стр. 138 и сл. съ рас.

Начало употребленія перстня іерархами западной церкви относится еще къ первымъ вѣкамъ Христіанства и повидимому заимствовано прямо отъ римлянъ, у которыхъ издавна существовалъ обычай украшать себя перстнями, и потому весьма правдоподобно одно извѣстіе, судя по которому еще въ четвертомъ вѣкѣ епископу при посвященіи его вручался особый перстень. Перстень этотъ первоначально надѣвался преимущественно на указательный палецъ, но такъ какъ при совершеніи Таинствъ приходилось его надѣвать на четвертый, то, вѣроятно съ девятаго вѣка, духовные стали носить перстень уже исключительно на этомъ пальцѣ и на правой рукѣ. Перстень долженъ быть непременно золотой и съ однимъ дорогимъ камнемъ, на которомъ, по предписанію папы Иннокентія III, не должно быть вырѣзано никакое изображеніе. Исключая этого пункта дозволялось давать перстнямъ любую форму соотвѣтственно господствовавшей модѣ.

12. Митра (*mitra*, *tiara*, *infula*, *phrygium*, *corona sacerdotalis*, *cidaris* и *suphia*) ¹. На основаніи памековъ встрѣчаемыхъ коегдѣ въ сочиненіяхъ писателей начала средневѣковаго періода, нѣкоторые пытались утверждать, что многіе изъ римскихъ епископовъ еще въ древнѣйшія времена любили отличать себя особаго рода головною повязкою изъ дорогой золотой парчевой матеріи. Допуская что такъ было дѣйствительно, хотя подобному предположенію нисколько не благопріятствуютъ памятники изобразительнаго искусства, все-таки надо будетъ принять, что сказанная головная повязка первоначально имѣла значеніе лишь произвольнаго украшенія, какое носили безразлично тоже міряне, и изъ котораго никакъ не могъ образоваться настоящій епископскій наглавникъ или митра. Во всей христіанской древности вплоть до этого періода, нигдѣ не упоминается о епископской митрѣ, ни въ уставахъ римской церкви, ни въ какихъ либо церковныхъ книгахъ, какъ объ особомъ отличіи духовнаго сана, стало-быть, такое значеніе присвоено было митрѣ уже послѣ названнаго времени. Къ тому же не ранѣе какъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, всѣмъ епископамъ безъ исключенія, дано было право носить митру.

Какого рода было первоначальное устройство митры, и какими измѣненіямъ подвергалась форма ея, это вопросы, на которые могутъ дать положительный отвѣтъ въ сущности почти только однѣ картинныя изображенія. Изъ нихъ можно наглядно убѣдиться, что первоначальная форма митры была только видоизмѣненіемъ обычныхъ вообще въ обиходномъ быту, круглыхъ шапокъ (стр. 173 и 193), и что, сохраняя эту основную форму, митра еще въ теченіе одиннадцатаго столѣтія подвергалась различнымъ измѣненіямъ, на равнѣ съ названными шапками послужившими для нея образцомъ (фиг. 287. а), и оставшимися коегдѣ еще въ употребленіи даже до двѣнадцатаго вѣка (фиг. 287. б). Къ числу измѣненій о которыхъ мы сейчасъ упомянули, и какими подвергалась круглая шапка еще до двѣнадцатаго

¹ Кромѣ указанныхъ уже прежде (стр. 257 пр. 1.) сочиненій, см. *Barbier de Montauld*, въ *Didron: Annales* и пр. XVI стр. 227 съ рис. *F. Bock. Geschichte* и пр. I. стр. 185 и 383. *Migne. Encycl.* и пр. стр. 126. *Eroze dictionn. de l'orfèvrerie* и пр. *F. U. Kopp. Bilder und Schriften der Vorzeit*. I. стр. 70. и II. стр. 28.

столѣтія, надо привести одно, состоявшее въ томъ, что тулья шапки по середины нежного вдавливалась (фиг. 287. с), и что, быть можетъ именно съ

Фиг. 287.

этой цѣлью, по тульѣ проходила проведенная отъ края околыша широкая тесьма, въ родѣ нашивного украшенія (фиг. 287. d). Такъ какъ на всѣхъ подобнаго рода шапкахъ околышъ всегда составлялъ главное украшеніе (фиг. 235), то понятно, что на отдѣлку этой части у митры стали тоже обращать особенное вниманіе. Вскорѣ однако околышъ, отдѣльно отъ шапки, пріобрѣлъ значеніе самостоятельнаго украшенія, въ видѣ длинной ленты которою вѣроятно въ воспоминаніе ветхозавѣтнаго архіерейскаго увясла, шапка обвязывалась такимъ образомъ, что оба конца этой ленты спускались равномерно по плечамъ (фиг. 287 d). Изъ этой формы, или одновременно съ появленіемъ ея, около конца одиннадцатаго вѣка возникла новая форма и какъбы видоизмѣненіе предыдущей, въ которой раздвоенная вышеупомянутую лентою тулья, представляла волиѣ видъ двойной шапки. Названная повязка въ видѣ ленты удержалась тоже при этой формѣ но не всегда, и преимущественно только какъ особенный знакъ отличія (фиг. 287. f). Эта форма отнынѣ стала образцомъ для всѣхъ послѣдовавшихъ измѣненій архіерейскихъ шапокъ. Несчитая нѣкоторыхъ временныхъ уклоненій отъ этой формы въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія (фиг. 287. e), всѣ происходившія въ ней измѣненія начиная съ исхода этогоже вѣка (фиг. 287. g), ограничивались исключительно только размѣрами шапки и возрастающею роскошью отдѣлки. Въ то же время стало опять входить въ употребленіе лентообразное начельное украшеніе съ спускающимися сзади концами, прикрѣпленное къ самой митрѣ, какъ это видно не только по изображеніямъ, но также по сохранившимся митрамъ отъ двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣка (фиг. 287. h. i; сравни фиг. 288).

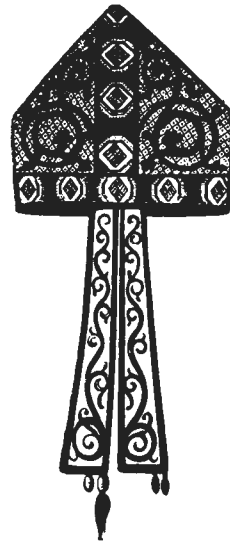
Послѣднія въ особенности отличаются разнообразнѣйшею роскошью от-

дѣлкою. Всѣ эти митры сдѣланы изъ самыхъ цѣнныхъ шелковыхъ матерій, преимущественно изъ бархата, и украшены золотымъ шитьемъ и жемчужною низью. Болѣе всего обращалось вниманія какъ видно, на украшеніе начельнаго околыша (circulus), и идущей отъ него вверхъ средней ленты (titulus), затѣмъ и на задніе висячіе концы (infulae), которые обкладывались рѣдкими, богато оправленными въ золото камнями. Митры съ подобнымъ сплошнымъ украшеніемъ (in titulo et in circulo), по установленіямъ римской церкви тринадцатаго вѣка, предназначались впрочемъ всегда только для самыхъ большихъ праздниковъ, между тѣмъ какъ для обыкновенныхъ дней установлена была простая бѣлая митра, а для прочихъ празднествъ шитая золотомъ митра, но безъ особаго начельнаго околыша (т. е. in titulo no sine circulo).

Отъ вышеназванныхъ „архіерейскихъ“ митръ отличается наглавникъ носимый папою, или тіара. Это довольно высокая, конусообразная шапка, о происхожденіи которой ничего не извѣстно¹. Судя по изображеніямъ достоверно только, что форма тіары окончательно сложилась лишь во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка, и что вплоть до исхода тринадцатаго столѣтія къ ней прибавилось главнымъ образомъ только нѣсколько символическихъ украшеній (фиг. 284. а. б). На самыхъ древнѣйшихъ изображеніяхъ, и отчасти также и на позднѣйшихъ, тіара на видъ какъ будто состоитъ изъ рѣшетчатой ткани, и единственное на ней украшеніе золотой околышъ. Въ позднѣйшее время, напротивъ, покрайней мѣрѣ съ начала тринадцатаго вѣка, встрѣчаются уже все чаще тіары украшенныя спереди восходящею золотою полосою; причемъ какъ эта полоса, такъ и околышъ обыкновенно бывають роскошно унизаны драгоценными камнями (фиг. 284 б). Самое важное измѣненіе въ тіарѣ послѣ этого времени произведено было, какъ вообще полагають, Бонифатіемъ VIII (избр. въ 1294 г. ум. въ 1303), который начельному ободу далъ форму вѣнца, а затѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него повыше прибавилъ другой, подобныйже вѣнецъ, такъ что тіара превратилась въ двойную корону. Наконецъ, къ этойже коронѣ прибавленъ былъ и третій вѣнецъ, какъ нѣкоторые полагають Венедиктомъ XII (1334 до 1342), а по мнѣнію другихъ Урбаномъ V (коронов. въ 1362 г.); въ этомъ видѣ тройная корона введена была какъ говорятъ, окончательно уже Урбаномъ VI (въ 1378 г.). Согласно сему на изображеніяхъ четырнадцатаго вѣка встрѣчается только двойная корона, и даже Иннокентій VI, умершій въ 1362 году, изображенъ на памятникѣ въ такойже коронѣ.

13. Жезль архіерейскій (baculus episcopalis, pastoralis, ferula,

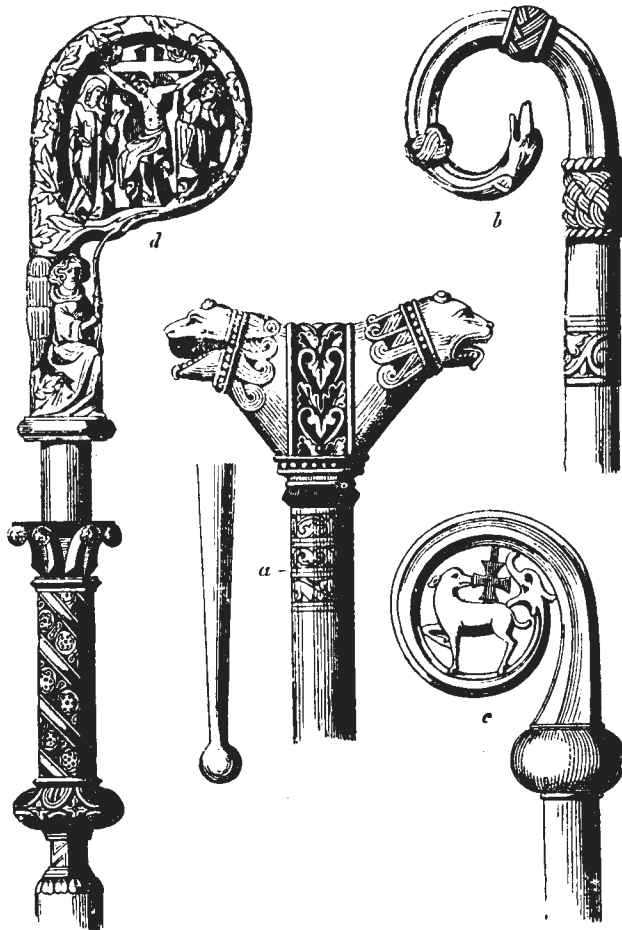
Фиг. 288.

¹ F. U. Копр. Bilder и пр. относитъ начало тіары въ десятому столѣтію. I. стр. 70 и II. стр. 28.

virga, pedum, sambuca, греч. патерисса)¹. Назначеніе этого жезла въ первенствующей церкви было, служить просто опорой, и потому онъ имѣлъ всегда форму крѣпкаго костыля (Т. II. Ч. 1. стр. 105). Относительно того, въ какое время жезль сталъ знакомъ духовнаго управленія и власти, у насъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Однакожъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ можно заключить, что такое значеніе присвоено было жезлу въ сравнительно раннее время, т. е. приблизительно еще въ осьмомъ столѣтіи, причемъ впрочемъ долго еще не измѣнялась первоначальная практическая форма его, какъ объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ нѣсколько сохранившихся жезловъ епископовъ западной церкви, и мж. пр. жезль Жерарда, епископа Лиможскаго, умершаго въ 1022 г., (фиг. 289. а). Впервые фор-

Фиг. 289.

¹ L'abbé Barrault и A. Martin. Le baton pastoral и пр. L. v. Wolfscron. Der Bischofsstab и пр.

ма жезла въ западной церкви измѣнилась по всей вѣроятности уже въ исходѣ десятаго столѣтія, а можетъ быть даже и позднѣе. Съ этого времени увеличилась длина жезла, и вмѣсто рукоятки въ видѣ костыля, появилась рукоятъ согнутая внизъ кляукою на подобье пастушьяго посоха и соединявшаяся съ жезломъ посредствомъ пуговки (фиг. 289. b. c). Съ начала одиннадцатаго столѣтія эта форма осталась положительно господствующею въ римской церкви, и только въ послѣдствіи она измѣнилась нѣсколько прибавленіемъ разнообразныхъ украшеній. Въ противоположность древнѣйшей формѣ съ костылемъ, отличающейся большею частью весьма богатою отдѣлкою и преимущественно рѣзбою (фиг. 289. a), на отдѣлку этой новой формы въ первое время какъ будто не обращалось вниманія, и все украшеніе жезловъ ограничивалось тѣмъ, что верхній конецъ ихъ, или рожокъ, изготовлялся изъ слоновьей кости, а пуговка соединявшая эту рукоятъ съ жезломъ, изъ металла, вмѣсто того чтобые дѣлать изъ дерева какъ слѣдовало по уставу. Вскорѣ однако, еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, стали мало по малу удаляться отъ этой простоты и придавать рожку на жезлѣ форму змѣи (фиг. 289. b), а потомъ, дабы символически изобразить побѣду Христіанства надъ зломъ, стали помѣщать крестъ въ пасти змѣи, или въ загибѣ рожка агнца съ знаменемъ (фиг. 289. c). Наконецъ, около половины двѣнадцатаго столѣтія, изображеніе змѣи замѣнено было символическимъ сплетеніемъ изъ цвѣтовъ, листьевъ, и сучьевъ, въ которомъ помѣщались сцены изъ Священнаго Писанія, преимущественно Распятіе, Благовѣщеніе, Увѣнчаніе Пр. Дѣвы и пр.; этотъ способъ украшенія жезловъ доведенъ былъ до высокой степени совершенства въ особенности въ тринадцатомъ столѣтіи (фиг. 289. d). Соотвѣтственно описанному измѣненію формы и отдѣлки рукоятки архіерейскаго жезла, измѣнялись тоже нижняя ея часть и пуговка подъ ней, которыя все чаще стали отдѣлываться въ видѣ мелкихъ фигуръ (святыхъ, мучениковъ и т. п.), или какихъ либо архитектурныхъ украшеній. Кромѣ того мѣнялся тоже и матеріалъ изъ котораго дѣлались рукоятки, и хотя крюкъ изготовлялся по прежнему главнымъ образомъ изъ слоновой кости, за то еще въ весьма раннее время стали и для самаго жезла, вмѣсто дерева нерѣдко употреблять тоже кость; иногда обѣ части выдѣлывались весьма изящно изъ металла съ эмалевою обкладкою и позолотою. — Папа не носитъ пастырскаго жезла, такъ какъ въ процессіяхъ и при торжественныхъ выходахъ его либо носятъ на креслѣ, либо водятъ подъ руку; впрочемъ, на нѣкоторыхъ изображеніяхъ тринадцатаго вѣка онъ представленъ иногда держащимъ въ рукѣ длинный жезлъ, съ утвержденнымъ на немъ крестомъ (фиг. 284. a). — Относительно формы настоятельскихъ жезловъ, существуетъ предписаніе, въ силу котораго крюкъ на рукоятки долженъ быть непременно загнутъ внутрь, дабы этимъ означать, что власть которою эти лица облечены, ограничивается исключительно предѣлами обители ихъ. Подобное предписаніе могло очевидно послѣдовать только послѣ того уже какъ епископскіе жезлы начали дѣлаться съ загнутыми вверхъ рожками на рукоятки, форма, которая вошла въ обыкновеніе навѣрно не ранѣе половины шестнадцатаго столѣтія.

Кромѣ описанныхъ доселѣ принадлежностей архіерейскаго облаченія въ римской церкви были, да и отчасти теперь еще въ употребленіи, нѣсколько

другихъ богослужебныхъ одеждъ, которыя, въ видѣ совершенно особенныхъ почетныхъ отличій, присвоены были частью одному лишь епископу римскому, то есть папѣ, въ качествѣ первосвятителя или *pontifex maximus*, частью только архіепископамъ, илиже тѣмъ изъ епископовъ, которымъ онѣ были пожалованы папою въ знакъ особаго къ нимъ благоволенія. Всѣ эти одежды, безъ исключенія, возлагались при священнодѣйствіи поверхъ вышеисчисленныхъ облаченій и состояли изъ нижеслѣдующихъ предметовъ.

14. Лента (*pallium*, *pallium archiepiscopale*). Оставляя въ сторонѣ различныя мнѣнія относительно происхожденія этой одежды, основывающіяся на однихъ лишь предположеніяхъ отчасти весьма мутнаго свойства, достаточно одного только взгляда на форму облаченія греческой церкви начинающаго съ исхода шестого вѣка, и на изображенія чисторимскаго священнослужительскаго облаченія со второй половины девятого, чтобы убѣдиться, что римское *pallium* положительно одно и то же, что употребляемый въ греческой церкви омофоръ (смотри Томъ II. Ч. 1. стр. 96 внизу и фиг. 64, фиг. 65 и сл.; сравни и фиг. 283 а—с; фиг. 284 а. б). Какъ въ восточной церкви, такъ и въ римской, этотъ нарамникъ имѣлъ видъ неширокой ленты вытканой изъ волны, согласно церковному уставу, украшенной многими крестами чернаго цвѣта, а въ позднѣйшее время пурпуроваго ¹, и которая, возлагаемая на плечи архіерея, опускалась концами спереди и сзади. Въ десятомъ столѣтіи нарамникъ этотъ въ обѣихъ церквахъ былъ на столько одинаковаго вида, что посолъ Ліутпрандъ въ донесеніи своемъ о Константинополѣ прямо называетъ греческій омофоръ-палліумъ ². Но если допустимъ, что на приведенномъ выше рисункѣ (фиг. 65), снятомъ съ стѣннаго изображенія въ храмѣ С. Софіи, форма нарамной ленты передана вѣрно ³, то въ такомъ случаѣ измѣненіе какому она подверглась на западѣ заключалось главнымъ образомъ только въ томъ, что въ римской церкви упомянутая лента постоянно сохраняла форму изображенную на рисункѣ, т. е. форму раздвоеннаго шарфа, обхватывавшаго плечи, и сшитая такъ нарочно, въ видѣ „*torquis*“ (или ярма); потому, что на западѣ длина ея значительно убавилась, тогда какъ въ восточной церкви подобное устройство нарамника вскорѣ замѣнилось опять формою простой перевязи (срв. фиг. 66 и сл.), бывшею дотолѣ въ употребленіи. Впрочемъ, еще въ концѣ двѣнадцатаго вѣка перестали укорачивать палліумъ (фиг. 283 а — с), и съ этого времени

¹ Адамъ бременскій, I. 54 рассказываетъ, что «исповѣдникъ Хоьеръ въ 917 или 918 былъ похороненъ въ церкви с. Михайла. Спустя двадцать пять лѣтъ въ его могилѣ были найдены одни лишь »кресты отъ его палліума«; сталобыть, надо полагать что они были изъ шелка или даже вышиты золотомъ. — ² Liutprand. Gesandtschaftsbericht, гл. 62.—³ Я вынужденъ вставить сюда эту оговорку вслѣдствіе одного замѣчанія которое я получалъ отъ лица принадлежащаго къ греко-католической церкви (изъ Петербурга), по поводу высказаннаго мною выше мнѣнія (см. Т. II. Ч. 1. стр. 96 внизу), въ опроверженіе котораго указывается на то, что въ греческой церкви омофоръ никогда не имѣлъ форму палліума, а напротивъ, всегда представлялъ собою просто ленту; и что сообщаемое В. Зальценбергомъ (фиг. 65) изображеніе омофора положительнаго не вѣрно. Оригинальное стѣннописное изображеніе въ храмѣ святой Софіи, въ сожалѣнію опять закрашено, и потому свѣрять съ нимъ рисунокъ стало невозможнымъ. Впрочемъ, неизвѣстно, на чемъ основано приводимое выше утвержденіе.

длина его опять увеличивалась, такъ что въ тринадцатомъ вѣкѣ она достигала почти по земли (фиг. 284 а—b), причемъ иногда къ нижнему ея краю пришивались звонцы какъ у манипулы и у стѣлы.

15. Оплечникъ (*amiculum, superhumerales, rationale episcoporum*). Эта одежда, которая возникла повидимому не ранѣе какъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и давно уже (вѣроятно еще въ шестнадцатомъ), вышла изъ употребленія, соответствовала устройствомъ своимъ описанію нарамника или эфода ветхозавѣтнаго первосвященника ¹, и подобно эфоду состояла изъ двухъ совершенно равныхъ частей четырехугольной формы, передней и задней. Обѣ эти части у каждаго изъ нижнихъ краевъ оканчивались короткими выпусками продолговатой формы и на плечахъ соединялись щитообразною лопастью. Обѣ главныя части этой одежды были болѣе или менѣе богато украшены, преимущественно вышитыми эмблемами, фигурами святыхъ и т. п. а наплечныя части изображеніями двѣнадцати апостоловъ, въ подражаніе тоже эфоду, на застежкахъ котораго вырѣзаны были имена двѣнадцати колѣнъ израильскихъ (II. Моисей, гл. XXVIII. ст. 9—14).—Но кромѣ того римская церковь усвоила себѣ, опятьтаки въ подражаніе ветхозавѣтной, въ видѣ особаго отличія, самую главную и драгоценную принадлежность облаченія еврейскаго первосвященника — „урумъ и туммимъ“, получившую въ западной церкви названіе:

16. *Rationale pectorale* или *formale*) т. е. наперсника. Согласно Моисееву предписанію (стихъ 16 — 29), что наперсникъ — „долженъ быть четырехугольный, двойной, въ пядень длиною и въ пядень шириною“, и что — „въ него должны быть вставлены оправленные камни въ четыре ряда“ и пр., и что — „сила камней должна быть двѣнадцать, по числу (двѣнадцати) именъ сыновъ Израилевыхъ“, — въ римской церкви это духовное отличіе (или *rationale*), дѣлалось обыкновенно въ видѣ продолговатаго четырехугольника съ оправленными въ него въ четыре ряда сверху внизъ, двѣнадцатью драгоценными камнями. Нѣкоторые позднѣйшіе писатели, писавшіе о богослуженіи римской церкви, на основаніи обстоятельства что застежка на плащѣ (*pluviale*) ², употребляемомъ въ Италіи папою, епископами и кардиналами, носить названія *formale* и *rationale*, выводили заключеніе, что упомянутый наперсникъ въ сущности всегда означалъ лишь подобнаго рода золотую и богатоукрашенную застежку ³; однако, мнѣніе это не только ничѣмъ не подтверждается, но напротивъ, есть прямыя указанія, что вышеприведенныя названія въ продолженіе времени отъ наперсника перенесены были на упомянутую застежку, въ ту пору когда первый сталъ выходить изъ употребленія. Вплоть до двѣнадцатаго столѣтія вышеназванный плащъ (*pluviale*) служилъ духовнымъ лицамъ главнымъ образомъ только одеждою для защиты отъ холода и носимою при процессіяхъ подъ открытымъ небомъ ⁴. Изображенія наперсника встрѣчаются часто и преимущественно на

¹ Вѣѣши, бытъ народовъ и пр. Т. I. Ч. I. 241 и 242. — ² См. далѣе № 17 подробное описаніе. — ³ Abbé Migne. Encyclop. и пр. стр. 145. — ⁴ F. Bock. Gesch. der liturg. Gewänder. I. стр. 223, 364, 373 и въ немъ таб. V.

пластическихъ произведенійхъ двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣка; форма его въ нихъ вполне сходна съ ветхозавѣтнымъ описаніемъ эфода (фиг. 284 b.).

Къ исчисленнымъ выше священнымъ одеждамъ и принадлежностямъ духовнаго облаченія, прибавились въ разное время еще нижеслѣдующіе предметы, которымъ впрочемъ, въ западной церкви никогда не присвоивалось такого высокаго значенія какое имѣло священнослужительское облаченіе, частью потому, что эти одежды, какъ напр. плащъ, возникли не изъ настоящеслужебной формы облаченій, частьюже, что онѣ были введены уже въ позднѣйшее время.

17. Плащъ (*pluviale*, *каппа*). По основной формѣ своей онъ соответствовалъ бывшимъ въ употребленіи въ обиходномъ быту накиднымъ одеждамъ (фиг. 248. а—с), но съ тою особенностью, что плащи повидимому снабжены были безъ исключенія, капишонами. Въ такомъ видѣ одеждою этою, какъ дождевымъ плащемъ (оттуда и названіе *pluviale*), пользовалось духовенство при крестныхъ ходахъ, а въ зимнее время даже и въ церквахъ, вслѣдствіе чего плащи дѣлались изъ какой либо плотной матеріи и совершенно безъ украшеній. Хотя и здѣсь опятьтаки нельзя опредѣлить съ точностью время, когда плащи стали употребляться при богослуженіи въ качествѣ парадныхъ одѣяній, тѣмъ не менѣе кажется что такое значеніе имъ присвоено было никакъ не ранѣе исхода двѣнадцатаго вѣка¹. Предположеніе это подтверждается во первыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ это столѣтіе установлены были подобные плащи для пѣвчихъ во время церковныхъ празднествъ; а во вторыхъ, что въ этоже время плащи стали дѣлать съ рукавами, противъ чего однако со строгостью возставалъ Иннокентій III на латеранскомъ соборѣ. Во всякомъ случаѣ плащи о которыхъ мы говоримъ, съ этихъ поръ все болѣе стали употребляться внутри церкви, и вообще на форму ихъ само духовенство обращало особое вниманіе. Подобно прочимъ принадлежностямъ облаченія ихъ стали изготовлять изъ самыхъ дорогихъ матерій, и украшать дорогимъ шитьемъ преимущественно по продольнымъ краямъ и верхней части между плечами и пр. иногда на нижнемъ краѣ нашивались звонцы, при чемъ прикрепленный къ плащу капишонъ, точно такъ какъ у „казулы“, не рѣдко превращался тоже въ богато украшенный щитъ (*clipeus*). Подобною великолѣпною отдѣлкою, въ числѣ многихъ сохранившихся такого рода ризъ (*pluviale*), и отчасти съ капишонами, отличаются въ особенности: одно *pluviale* тринадцатаго столѣтія, въ монастырѣ с. Павла въ Каринтіи; потомъ другое въ Ахенскомъ соборѣ, съ нашитыми на немъ звонцами; затѣмъ, такъ называемая „каппа святого Лудовика тулузскаго“, и наконецъ, необыкновенно роскошный плащъ хранящійся между царскими регалиями—². Въ заключеніе остается только прибавить, что всякое духовное ли-

¹ Судя по F. Bock. *Gesch. der liturg. Gew.* I. стр. 223, богатоукрашенные плащи встрѣчаются въ числѣ облаченій не ранѣе 1250 года, а между тѣмъ, у него же: I. стр. 186 говорится: что *pluviale*, въ качествѣ вечерняго облаченія для духовенства было введено вѣроятно еще въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Ср. G. Heider. *Liturg. Gewänder* и пр. IV. (1860) стр. 111. 135 и сл.—² F. Bock. *Gesch. der liturg. Gew.* I. стр. 211. L. et P. Rostan. *Notice sur la chape de S. Louis* и пр. См. стр. 211 № 7.—

це, безъ различія чина, имѣло право носить эту одежду, такъ какъ въ сущности она не причислялась къ церковнымъ одѣянiямъ, а начиная съ тринадцатаго вѣка служила вообще отличительною одеждою для лицъ духовнаго званiя внѣ церковной ограды (см. далѣе).

18. Стихарь (*rocchetum, rocchet, superpelliceum*). Подобно тому какъ во времена имперiи римляне имѣли обыкновенiе надѣвать по нѣскольку одинаковыхъ туникъ одну на другую, точно такъ и стихарь, соответствуя какъ-бы верхней туникѣ, надѣвался поверхъ нижней туники или альбы¹. Первоначальное устройство этихъ одеждъ было одинаковое, и вся разница между ними заключалась главнымъ образомъ въ томъ только, что въ стихарѣ не дозволялось священнодѣйствовать передъ престоломъ, какъ напр. въ альбѣ, хотя впрочемъ всѣ прочiя церковныя службы разрѣшалось въ немъ совершать. Судя по этому, одѣянiя эти для которыхъ папа Николай I (858—867), какъ говорятъ, установилъ названiе „полотняныхъ одеждъ“ (*lineae togae*), составляли съ самаго начала не столько украшенiе, но главнымъ образомъ удобную служебную одежду; и потому никому не возбранялось измѣнять форму ихъ по личному усмотрѣнiю. Такимъ образомъ въ послѣдствiи стали все болѣе и болѣе укорачивать длину ихъ, которая убавилась подконецъ до такой степени, что одежды эти по сходству ихъ съ рубашкою получили названiе *camisia* и *camisele* (срачицы).

19. Баретъ² (*birretum*). Оставляя въ сторонѣ самое названiе, которое нѣкоторые производятъ отъ *birrus* (накидная одежда), другiе же съ небольшимъ основанiемъ отъ *bis rectum* (сложенное въ двое), нѣтъ никакого сомнѣнiя что баретъ образовался изъ бывшей въ общемъ употребленiи еще въ десятомъ вѣкѣ, круглой шапки, у которой вѣроятно въ этомъ же вѣкѣ для большаго удобства была нѣсколько поднята и изогнута тулья (ср. фиг. 287. а. b. c. d.)³. Всѣ дальнѣйшiя измѣненiя формы барета, какъто, съ жесткою четырехгранною тульею съ кисточкою на острой маковкѣ образуемой верхними краями тульи; потомъ и измѣненiя цвѣта этихъ шапокъ, первоначально преимущественно сiяяго, всѣ эти измѣненiя, совершившiяся уже къ концу шестнадцатаго и въ началѣ семнадцатаго вѣка, мы откладываемъ въ сторону, какъ не подходящiя къ разбираемой нами эпохѣ.

20. Кардинальская шляпа⁴, по ея красному цвѣту прозванная *pileus* и *galerus ruber*, сравнительно позднѣйшаго происхожденiя и составляетъ собственно только отличiе этого духовнаго чина. Не смотря на то что учрежденiе кардинальскаго достоинства ведетъ начало свое еще отъ временъ папы Николая II (между 1058 — 1061), тѣмъ не менѣе однако вышеназванное присвоенное кардинальскому сану, отличiе, утверждено было за нимъ лишь папою Иннокентiемъ IV на лiонскомъ соборѣ въ 1245 г., и только въ слѣдующемъ затѣмъ году представился случай воспользоваться этимъ отличiемъ. Кардинальская шляпа по всей вѣроятности еще въ то вре-

¹ Внѣшн. б. нар. I. 2. стр. 267. — ² Abbé Migne. *Encycl.* стр. 195. 95. и пр. —

³ Didron. *Annales archéol.* VI стр. 158 и сл. — ⁴ Abbé Migne. *Encycl.* и къ нему *Ans. Solerius. De pileo.* Amstel. 1617. стр. 270 съ рис.

мя имѣла теперешнюю форму круглой тульи съ широкими, жесткими полями, но безъ множества шнурковъ съ кистями съ боковъ, какими увѣшаны нынѣшнія кардинальскія шляпы, а съ одною только длинною подбородною лентою, связанною на концахъ въ кисточку. — Еще позднѣе, но неизвѣстно, при Бонифаціи VIII (избранномъ въ 1294 г.), или уже при Павлѣ II (избр. 1464), были введены красныя сутаны или рясы, и красныя шапочки (скуфы).

21. Ко всѣмъ приведеннымъ доселѣ различнымъ принадлежностямъ священнослужительскаго облаченія можнобы причислить еще особаго рода мѣховую одежду, защищавшую голову, плечи и руки, или такъ называемое *almutium*, и затѣмъ еще сумку (*bursa*)¹, болѣе или менѣе богато украшенную, но, употребленіе этихъ предметовъ не было опредѣлено никакимъ церковнымъ постановленіемъ. Къ нимъ можно прибавить и опахало и гребень²; послѣдній былъ изъ слоновьей кости, и имъ расчесывалъ епископъ волосы (и бороду) прежде чѣмъ онъ приступалъ въ полномъ облаченіи къ священнодѣйствованію у престола. Таково, по всей вѣроятности было назначеніе гребней хранившихся въ нѣкоторыхъ церквахъ, и въ томъ числѣ мж. пр. и богато украшеннаго камнями, такъ называемаго „гребня для бороды императора Генриха I“; сохраняемаго въ Кведлинбургѣ.

Б. Что касается способа отдѣлки принадлежностей облаченій вообще, и одежду священнослужительскихъ въ отдѣльности, то надо полагать, что покрайней мѣрѣ вплоть до двѣнадцатаго столѣтія, въ немъ выражался художественный вкусъ господствовавшій въ извѣстныя времена; при этомъ прилагалось особое стараніе, тѣ предметы и фигурныя изображенія, которыя, въ видѣ украшеній помѣщаемы были на облаченіяхъ, насколько было возможно и сообразуясь съ внутреннимъ значеніемъ ихъ, приспособлять къ требованіямъ церкви. Церковь и впродѣ продолжала постоянно обращать на это вниманіе; между прочимъ въ это время она установила точныя правила, ограничивавшія произвольное употребленіе, изъ мистическихъ или символическихъ видовъ, основныхъ или общихъ цвѣтовъ для торжественныхъ облаченій³. Первое достовѣрное извѣстіе объ этомъ сообщаетъ папа Иннокентій III въ началѣ тринадцатаго столѣтія, а послѣ него, этогоже вѣка писатель Дурандъ, епископъ мендскій, и оба вполне согласно передаютъ перечень цвѣтамъ, и лишь съ малою разницею также и литургическое значеніе и примѣненіе ихъ. Соотвѣтственно этимъ показаніямъ были въ употребленіи преимущественно цвѣта: бѣлый, черный, красный, зеленый, фіолетовый, и, судя по Дуранду, въ извѣстныхъ случаяхъ тоже желтый и синій, такъ напр. бѣлый цвѣтъ, изображая чистоту и радость, употреблялся всегда при празднованіи памяти исповѣдниковъ и дѣвственницъ, кои не претерпѣли мученической смерти (въ праздники Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи, Вознесенія и Тѣла Христова, всѣхъ святыхъ и въ дни посвященные памяти папъ, учителей церкви и исповѣдниковъ); — красный цвѣтъ, знаменующій

¹ Barbier de Montault въ Didron. Annales XVI. стр. 276. — ² Abbé Migne. въ пр. соч. — ³ W. Augusti. Beiträge zur christl. Kunstgesch. I. стр. 180 по 196. Его же: Handbuch der christl. Archäol. I. стр. 323. и сл.

пламенную любовь, во всѣ празднества памяти апостоловъ и мучениковъ, (въ Троицынъ день); — зеленый цвѣтъ, для воскресныхъ и празничныхъ дней; — черный цвѣтъ, изображающій печаль, въ посты и дни поминовения усопшихъ, въ страстную пятницу и на заупокойной литургіи); — синій цвѣтъ, означающій сокрушеніе и совершенное умерщвленіе плоти, въ особенности темносиній или violaceus, еще при Иннокентіи III употреблялся исключительно только два раза въ годъ (въ день убіенія младенцевъ и въ недѣлю четвертую поста), за то въ послѣдующія времена цвѣтъ этотъ былъ въ большомъ ходу попеременно съ чернымъ (отъ недѣли блуднаго сына вплоть до Пасхи, и во всѣ четыре поста на повечеріи и въ дни общихъ молитвословій); наконецъ желтый цвѣтъ, какъ цвѣтъ не установленный церковною практикою употреблялся только въ видѣ исключенія при нѣкоторыхъ празднествахъ, какъ-то, въ день с. Іосифа и на второй (поздней) литургіи въ праздникъ Рождества Христова.

Всѣ эти церковныя предписанія, какъ сказано было уже выше, касались постоянно только общаго цвѣта фона облаченій и принадлежностей къ нимъ, но отнюдь не цвѣта украшеній, нашивокъ и пр., но кромѣ того онѣ распространялись также на цвѣтъ всѣхъ частей напестольной одежды. Понятно, что подобныя требованія могли удовлетворять только очень богатыя церкви, и потому, относительно этого пункта доселѣ невозможно было полное и повсемѣстное единообразіе.

В. Упомянувъ о формѣ священнослужительскихъ облаченій, и объ отличіяхъ присвоенныхъ различнымъ духовнымъ чинамъ, мы должны коснуться теперь общаго всѣмъ духовнымъ римскокатолической церкви отличія тонсуры, окончательно утвердившейся въ это время, но сдѣлавшейся всеобщей еще въ шестомъ вѣкѣ¹. Относительно ношенія тонсуры въ первоначальныя времена ни въ римской церкви, ни въ греческой не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ, и обычай этотъ состоялъ въ томъ, что лица духовнаго званія большею частью сбрасывали волосы на головѣ, оставляя только кружокъ волосъ надъ висками (ср. фиг. 64). Но потомъ, вслѣдствіе соглашенія состоявшагося, какъ говорятъ, въ Витби въ 664 году, на западѣ принято было выстригать лишь небольшой кружокъ на темени, а на остальной части головы только короче подстригать волосы, въ совершенную противоположность господствовавшему у грековъ обычаю. — Что касается бороды, то за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній за все время предшествующее девятому столѣтію, мы должны довольствоваться вполне достовернымъ фактомъ, что римскокатолическое духовенство, усвоивъ себѣ вышеописанную форму прически, въ этомъ вѣкѣ брило бороду, вслѣдствіе чего между нимъ и греками возникли важныя разногласія, несмотря на то что на Трулльскомъ соборѣ при Юстиніанѣ въ 691 году, и грекамъ положительно было запрещено носить длинные волосы и бороду. Согласно этому авторъ „Лѣтописи с. Бертена (и с. Вааста)“, говорить о грекахъ: „они злыя на насъ и за то, что у насъ свя-

¹ Подробности см. въ *Gesch. des Bartes*. Leipzig. 1797 стр. 238 и сл. потомъ: С. J. Weber. *Die Möncherei*. I. стр. 172 и сл. W. Augusti. *Handbuch der christl. Archäologie* I. стр. 325. Abbé Migne *Encycl. Handbuch*. стр. 836.

щенники бороду брѣютъ“, и въ другомъ мѣстѣ (къ 839 г.), по поводу перехода діакона Бедо въ еврейство, онъ упоминаетъ съ особымъ удареніемъ, что „послѣ этого Бедо сталъ отпускать волосы и бороду“. — Впрочемъ, сколько можно вообще судить по другимъ разнорѣчивымъ извѣстіямъ объ этомъ же предметѣ, римское духовенство не всегда придерживалось этого обычая. Такъ мж. пр. нѣкоторые новѣйшіе писатели, частью защищая, частью порицая ношеніе бороды, съ одной стороны приводятъ въ примѣръ Іоанна XII носившаго (еще въ 960 г.) длинную бороду, съ другой, утверждаютъ положительно, что первымъ римскимъ епископомъ носившимъ бороду былъ Климентъ VII, управлявшій съ 1378 по 1394 г., между тѣмъ, изъ одного собственноручнаго письма Григорія VII отъ 1073-го года ¹, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что высшему духовенству вмѣнялось въ обязанность брить бороду. Если въ заключеніе къ сказанному прибавимъ многочисленныя распоряженія и предписанія, кои въ епархіяхъ различныхъ странъ изданы были съ цѣлью установленія хотя только общаго единства въ формѣ бороды между духовенствомъ, мы должны будемъ прійти къ убѣжденію, что несмотря на то что въ одиннадцатомъ вѣкѣ духовенство по большей части брило всю бороду, тѣмъ не менѣе однако ни въ это время ни послѣ, обычай этотъ небылъ исключительно господствующимъ, а съ двѣнадцатаго столѣтія замѣтно даже преобладаніе бороды ².

Г. Разсмотрѣвъ на предъидущихъ страницахъ отличія присвоенныя кардинальскому званію, и употребляемая въ западной церкви приблизительно съ десятого вѣка, богослужебныя одежды, и главнымъ образомъ облаченія самыхъ высшихъ чиновъ духовной іерархіи (папы, архіепископа и епископа), намъ остается дополнить обзоръ нашъ лишь немногими замѣчаніями относительно порядка ношенія сказанныхъ облаченій, и въ особенности упомянуть о служебныхъ отличіяхъ прочихъ духовныхъ чиновъ.

1. Что касается перваго пункта, то въ предъидущемъ мы уже сказали, что папа, какъ первый изъ епископовъ, отличается отъ епископа главнымъ образомъ только тіарою и тѣмъ, что онъ не носитъ епископскаго жезла, а архіепископъ въ сущности только палліумомъ, но за тѣмъ, всѣмъ названнымъ тремъ степенямъ присвоено было право ношенія полнаго облаченія. Однако, еще въ первыя времена церковью изданы были особыя правила ограничивавшія произвольное употребленіе полнаго облаченія и опредѣлявшія порядокъ внѣшняго благолѣпія въ различныя праздничныя дни соотвѣтственно большей или меньшей важности этихъ дней, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывавшія каждый разъ число одеждъ, какія должны были употребляться при служеніи. Но въ то время о которомъ мы говоримъ всѣ эти предписанія были еще очень неопредѣленны и сбивчивы, вслѣдствіе того именно что отдѣльныя церковныя начальства, отъ которыхъ исходили сказанныя распоряженія, часто расходились во мнѣніяхъ, такъ что не ранѣе какъ уже въ концѣ десятаго столѣтія состоялось опредѣленіе, — что полное облаченіе имѣ-

¹ Gregor VII. lib. 8. epist. 10. — ² См. относящіеся сюда изображенія у: M. Engelhard. J. v. Hefner-Alteneck въ прав. соч. и F. U. Kopp. Bilder и пр. I. ст. 70 и сл.

ють право носить даже самые высшіе духовные чины исключительно только въ самые большіе праздники, да и тогда въ такомъ только случаѣ „если они совершаютъ Святое Таинство *in pontificalibus*, т. е. торжественнымъ образомъ“. И только въ этихъ случаяхъ къ полному облаченію названныхъ лицъ причислялись, какъ *indumenta episcopalia* (т. е. епископскія одежды), одежды присвоенныя собственно діаконату, какъ то *tunica* или *tunicella* и такъ называемая *dalmatica* (стр. 265).—Въ послѣдствіи изданы были подобныяже предписанія и для другихъ торжественныхъ случаевъ, но время и обстоятельства столько въ нихъ измѣняли, что теперь почти ни одного изъ такихъ установленій нельзя съ достовѣрностью услѣдить. Быть можетъ сюдаже слѣдуетъ отнести преимущество дарованное папою Григоріемъ IX (1227 — 1241) архіепископамъ, заставить слугу нести впереди ихъ большой крестъ *crux gestatoria*. Къ числу торжественныхъ случаевъ о которыхъ мы сейчасъ упомянули, принадлежало главнымъ образомъ избраніе папы, сопровождавшееся, со времени посвященія Стефана III, крайне блестящимъ церемоніаломъ. Такъ меж. пр. чтобы привести одинъ только примѣръ, въ описаніи избранія папы Пасхалія II (1099), упоминается въ особенности, что на всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ епископахъ были красныя одежды (*chlamides coccineae*), и что самъ папа, послѣ избранія его въ патриаршей церкви, облачился въ одежду въ родѣ перевязи, на которой по разсказу нѣкоторыхъ, висѣли семь ключей и семь печатей, а по другимъ пурпуровая сумка, въ которой находились мускусъ, и двѣнадцать драгоценныхъ камней съ вырѣзанными на нихъ печатями. Въ одномъ постановленіи слѣдующаго за тѣмъ времени на случай избранія папы, т. е. въ тринадцатомъ церковномъ правилѣ, изданномъ при Григоріи X (1271—1276), порядокъ избранія во многомъ другой, такъ что есть основаніе предполагать, что въ подобныхъ случаяхъ костюмъ участвовавшихъ въ церемоніи духовныхъ сановниковъ и даже облаченіе самого папы не вездѣ были одинаковы. Одно правило, соблюдавшееся неизмѣнно при каждомъ изъ такихъ избраній состояло въ томъ, что если избираемое лицо не достигло еще высшихъ духовныхъ степеней, т. е. если то былъ діаконъ или иподіаконъ, то въ такомъ случаѣ его предварительно посвящали въ эти степени.

2. Но если, оставляя въ сторонѣ всѣ эти шаткія опредѣленія, мы обратимся къ изслѣдованію служебныхъ отличій прочихъ духовныхъ чиновъ, то для насъ гораздо болѣе достовѣрнымъ источникомъ будутъ служить церковныя постановленія, отчасти еще шестаго вѣка, на случай торжественнаго возложенія этихъ отличій (*investitura*) и освященія ихъ.

а. На основаніи этихъ источниковъ мы узнаемъ что при посвященіи въ пресвитерскій санъ (для отличія отъ епископскаго сана и низшихъ духовныхъ степеней), врученіе посвящаемому потира и дискаса сопровождалось возложеніемъ на него въ то же время стѣлы и казулы, какъ настоящей служебной одежды. Трудно опредѣлить когда былъ введенъ этотъ обрядъ. Въ *Ordo Gelasii* и во многихъ французскихъ служебникахъ его нѣтъ, въ другихъ-же церковныхъ книгѣхъ, какъ напр. въ сакраментаріи папы Григорія говорится только о возложеніи одной лишь казулы, а объ стѣлѣ вовсе не упоминается, вѣроятно по той причинѣ что она вручалась

еще при посвященіи въ діакона.—Прочее священнослужительское облаченіе заключалось въ слѣдующемъ: въ амиктусъ, альбѣ, цингулумъ и манипулахъ; но слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ четвертомъ столѣтіи, вслѣдствіе одного постановленія Брагскаго собора, всѣ священники обязаны были при совершеніи литургіи, сложить стѣлу крестообразно (×) на груди ¹.

б. Хотя право ношенія вышеназванныхъ одеждъ присвоено было вообще всему пресвитерству, тѣмъ не менѣе весьма рано еще въ самомъ священствѣ образовалось нѣсколько особыхъ степеней соотвѣтственно различнымъ въ немъ должностямъ. Въ первое время такія должности занимали по всей вѣроятности одни только діаконы, какъ ближайшіе помощники епископовъ, а потомъ, со времени Иннокентія III (избр. въ 1198 г.), преимущественно иподіаконы, которыхъ съ этого времени стали причислять къ высшимъ духовнымъ чинамъ (*ordines maiores*). Служебныя отличія для діаконовъ составляли, право ношенія стѣлы, далматики и туницеллы, въ числѣ ихъ стѣла и далматика считаются весьма древними ²; для иподіаконовъ отличительными знаками служили туницелла и манипулы, при чемъ последнее отличіе имъ предписывалось носить на лѣвой рукѣ. Право ношенія манипуль, въ силу особаго постановленія на соборѣ въ Пуатье при Пасхаліи II (1099—1118), было присвоено только духовнымъ высшихъ чиновъ, но со включеніемъ сюдаже и иподіаконовъ. Папа однако (еще въ осьмомъ вѣкѣ), измѣнилъ этотъ обычай по отношенію къ себѣ въ томъ, что самъ не носилъ этой ленты а заставлялъ ее носить діакона.

в. При назначеніи въ какую либо изъ низшихъ должностей, въ аколуты, экзорцисты, чтецы, привратники и т. п., не требовалось никакого торжественнаго посвященія, и потому должностямъ этимъ не была присвоена никакая отличительная одежда. Въ торжественныхъ случаяхъ безъ сомнѣнія и они тоже надѣвали общеупотребительную изстари у христіанъ, бѣлую праздничную одежду, тунику альбу или таларисъ, къ которой въ послѣдствіе прибавились для нѣкоторыхъ напр. для министрантовъ или прислужниковъ, бѣлая срачица, а для цѣвчихъ сверхъ того еще плувіаль.—Всѣ вѣшнія отличія употребляемыя въ настоящее время въ нѣкоторыхъ церквахъ для этихъ низшихъ степеней введены уже въ позднѣйшее время, такъ меж. пр. нарядъ церковныхъ сторожей съ ихъ длинною тростью (*pedum*), и длинною, фіолетоваго, чернаго или краснаго цвѣта мантиєю, (иногда) съ серебряною цѣпью на шеѣ и медалью съ изображеніемъ мѣстнаго святого и покровителя церкви.

д. Хотя многими свидѣтельствами несомнѣнно удостовѣряется, что бѣлое духовенство въ церковныхъ обязанностяхъ своихъ, то есть, въ обиходномъ быту носило одежду особенной формы, за то съ другой стороны, сохранилось и не мало указаній прямо противорѣчащихъ этому факту. Такъ напр. еще древнѣйшіе писатели на западѣ, какъ мж. пр. Григорій турскій ³, согласно съ извѣстіями отъ шестаго до тринадцатаго столѣтія, не только зая-

¹ L'abbé Migne. *Encyclop. Handb.* и пр. стр. 811. — ² Объ нихъ упоминается по крайней мѣрѣ еще на соборахъ Брагар. гл. 9. и Tolet. IV. гл. 40. — ³ F. v. Raumer. *Gesch. der Hohenst.* и пр.

влияют о существованіи одновременно того и друго́го обычая, но даже сообщают вполне достовѣрныя свѣдѣнія о порядкахъ бывшихъ при этомъ въ ходу. На основаніи этихъ извѣстій, форма неслужебной одежды духовенства почти всегда колебалась между двумя крайностями, чрезвычайной убогостью, какъ у древнихъ аскитовъ и монаховъ, и непомятой, чисто свѣтской роскошью. Оставляя въ сторонѣ многочисленные примѣры мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько общихъ чертъ въ хронологическомъ порядкѣ и въ подтвержденіе въ особенности послѣдняго пункта. Не заходя далѣе эпохи каролинговъ укажемъ на замѣчательный фактъ, что еще въ 744 г. императоръ Пипинъ вынужденъ былъ духовенству формально запретить ношеніе свѣтской одежды, и что, лишь нѣсколько лѣтъ спустя (въ 785 г.) на одномъ соборѣ въ Англіи точно такъ „каноникамъ“ запрещено было строжайшимъ образомъ—„носить дорогія одѣянія изъ цвѣтныхъ индійскихъ шелковыхъ матерій“¹; оба эти запрещенія остались однако безъ послѣдствій. вполне достовѣрныя свидѣтельства, напротивъ, подтверждаютъ, что еще въ эту эпоху, но въ особенности въ продолженіе времени отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, духовные не только продолжали по прежнему щеголять богатыми свѣтскими одеждами, но не желая отставать отъ рыцарей, подобно имъ ѣздили на охоту, участвовали въ военныхъ предпріятіяхъ и открыто являлись въ полномъ воинскомъ нарядѣ². Подобное поведеніе возбуждало впрочемъ нѣрѣдко сильный ропотъ, и хотя по словамъ лѣтописца—„въ царствованіе Лудовика благочестиваго епископы и духовенство подражая примѣру этого императора, перестали мало-по-малу носить украшенную золотомъ и драгоценными камнями воинскую перевязь, *cingulum militage*, и также дорогія одежды и сапоги со шпорами“, — однако такой переворотъ совершился не повсемѣстно и къ тому же продолжался не долѣе царствованія этого государя. Преемникъ его Лудовикъ германецъ принужденъ былъ (въ 852 г.) запретить духовенству не только охотиться по и посѣщать свѣтскія зрѣлища. И въ этомъ отношеніи извѣстіе сообщаемое въ лѣтописи с. Бертна о епископѣ мелтейскомъ Валѣ — „носившемъ оружіе вопреки предписанію церкви и неприличное духовному сану его, и кромѣ того принимавшемъ даже участіе въ военныхъ дѣлахъ“, — можетъ служить однимъ изъ многихъ примѣровъ того образа жизни какой вело большинство духовныхъ сановниковъ того времени.

Если доселѣ вообще были безуспѣшны старанія отдѣльныхъ лицъ ввести своеобразную неслужебную одежду для духовенства соотвѣтствовавшую его высокому достоинству, то въ слѣдующій за этимъ періодъ времени отъ конца девятаго столѣтія до исхода десятаго, положеніе дѣлъ въ Италіи еще менѣе благопріятствовало осуществленію подобнаго намѣренія. Въ продолженіе этого времени распушенность нравовъ высшихъ церковныхъ сановниковъ въ особенности въ Италіи достигло такихъ размѣровъ, что развращенное примѣромъ ихъ духовенство даже принуждено было подать жалобу импера-

¹ D. Hüllmann и F. Bock, въ привед. сочиненіяхъ. — ² О настоятелѣ Wernher см. въ «Briefe der Päpste», письмо Стефана III къ королямъ франковъ Пипину, Карлу и Карломану за 756 годъ, гдѣ говорится — «что этотъ папа изъ благоговѣнія къ апостолу Петру надѣлъ на себя латы, и днемъ и ночью ставялъ на часахъ на стѣнахъ города».

тору на папу Іоанна XII (956 — 963), дабы ускорить предстоявшее послѣднему низложеніе. Въ числѣ множества гнусныхъ и даже ужасныхъ дѣйствій въ какихъ обвинялся этотъ слишкомъ молодой по лѣтамъ папа, обвинители его, по странному случаю, не забыли противъ него выставить въ особенности то обстоятельство, что онъ забавлялся охотою и носилъ мечъ, шлемъ и латы, обвиненіе по меньшей мѣрѣ совершенно напрасное, такъ какъ его можно было обратить не только противъ многихъ епископовъ, но по всей вѣроятности и противъ многихъ изъ обвинителей Іоанна. Распушенность, поощряемая послѣдующими папами почти въ такой же степени, продолжалась вплоть до избранія Сильвестра II (939 — 1003). Впрочемъ, и послѣ этого еще, въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ уже столѣтіи, когда съ избраніемъ Николая II (1058 — 1061) папскій престолъ занимали одинъ за другимъ нѣсколько достойнѣйшихъ первосвятителей, страсть къ чисто мірскимъ дѣламъ и нарядамъ все еще на столько обладала духовенствомъ, что церковь принуждена бывала постоянно вновь подтверждать прежнія строгія запрещенія — „отнюдь впредь не носить одеждъ пестрыхъ цвѣтовъ, разноцвѣтныхъ, красныхъ, зеленыхъ, слишкомъ короткихъ и съ разрѣзомъ, ни золотыхъ и серебряныхъ браслетовъ, ни дорогихъ мѣховъ и башмаковъ съ острыми носками и т. п.“¹. Согласно этимъ церковнымъ предписаніямъ и судя кромѣ того также по одному извѣстію 1260-го года, — духовенство, въ исполненія служебныхъ обязанностей, должно было, для отличія отъ мірянъ, носить простую каппу (каппа) или плувіаль (pluviale), закрывавшіе все тѣло, при чемъ однако ему не возбранялось, по аскетическимъ побужденіямъ носить одежду гораздо нисшаго качества—². На миниатюрахъ въ рукописяхъ двѣнадцатаго столѣтія и въ „hortus deliciarum“ аббатиссы Геррады фонъ Ландспергъ, бѣлое духовенство почти всегда изображено въ одинаковой одеждѣ какъ и міряне, только туника на нихъ постоянно голубаго цвѣта. Въ изображеніяхъ къ „Саксонскому праву“⁴, конца тринадцатаго вѣка, духовные отъ мірянъ отличаются главнымъ образомъ только бритою головою, а князь я-епископы вѣнцемъ на митрѣ³.

Е. Какъбы въ противоположность бѣлому духовенству сопротивлявшемуся постоянно введенію особой неслужебной одежды, черное духовенство или монашество, наоборотъ, какъ изстари на востокъ такъ и на западѣ, неуклонно держалось своеобразной одежды которая, возникнувъ непосредственно изъ убогой одежды древнихъ христіанскихъ отшельниковъ, несмотря на различныя измѣненія въ частности удержала свой первоначальный, основной характеръ (ср. въ первой части втораго тома стр. 107 и фиг. 71)⁴.

1. Начало монашеской жизни положено было на западѣ сравнительно въ позднее уже время, т. е. не ранѣе 341-го года, египетскими отшельниками послѣдовавшими въ Римъ за руководителемъ своимъ или аввою Анастасіе-

¹ F. v. Raumer. Gesch. d. Hohenst. и пр. Kaufmann. Caesarius и пр. D. Hüllmann. Въ прив. соч.—² Didron. Annales и пр. I. стр. 69 (къ 1260 году).—³ F. U. Kopp. Bilder und Schriften der Vorzeit. I. стр. 63 и 93. — ⁴ Относящаяся сюда литература см. I. 1. стр. 106. пр. 5.

емъ. Черезъ нихъ впервые западъ ознакомился съ ученіемъ о совершенномъ отреченіи отъ міра по образцу святого Антонія, отреченіи, котораго свидѣтелями были дотолѣ только востокъ и нижній Египетъ, эти главнѣйшія мѣста всѣхъ подобнаго рода духовныхъ направленій. Отшельники эти, наружнымъ видомъ своимъ и образомъ жизни возбуждавшіе сначала въ римскомъ населеніи одно только изумленіе смѣшанное съ отвращеніемъ, въ скоромъ времени благодаря суровой строгости къ себѣ и твердости убѣжденій пріобрѣли общее уваженіе и стали даже предметомъ подражанія. Почти въ то самое время когда Василиій кесарійскій (род. 329), приблизительно въ 357 г., собравъ вокругъ себя небольшое число отшельниковъ, положилъ основаніе общинѣ утвердившейся потомъ на востокъ и преимущественно въ Греціи подъ именемъ „базиліянцевъ“ (стр. 108), въ исходѣ четвертаго столѣтія (между 375 и 410 г.), выступили въ Италиі Амвросій и Іеронимъ, въ Галліи Мартинъ, епископъ турскій, и послѣ него въ Марсели ревнитель скиоѣ Іоаннъ Кассіанъ, и съ тоюже цѣлью въ короткое время собрали около себя многочисленныхъ послѣдователей, которые воодушевляемые одинаковымъ стремленіемъ содѣйствовали дальнѣйшему распространенію монашескаго житія.

2. Хотя этихъ людей соединяло одно общее стремленіе, въ полномъ отреченіи отъ міра жить только для Бога и подвизаться въ богоугодныхъ дѣлахъ, и въ этихъ видахъ среди нѣкоторыхъ изъ такихъ обществъ установилась какъбы внутренняя связь на началахъ послушанія настоятелю или аббѣ, избранному ими самими, тѣмъ не менѣе однако въ первое время собранія эти носили характеръ вольныхъ общинъ, людей соединившихся по доброй волѣ своей, не имѣвшихъ рукоположенія и потому не связанныхъ принесенными ими обѣтами. Нѣкоторыя попытки предпринятыя съ цѣлью ввести въ эти монашескія общины болѣе правильную организацію остались вообще безуспѣшны, по крайней мѣрѣ вплоть до начала шестого столѣтія или 529 года, когда благочестивымъ инокомъ Венедиктомъ нурсійскимъ въ уединеніи на Монте Кассино положено было основаніе братству съ строгоопредѣленнымъ монашескимъ уставомъ. Благодаря мягкости этого устава и истиннохристіанскимъ требованіямъ его въ сравненіе съ суровыми правилами бывшими дотолѣ въ ходу, онъ вскорѣ пріобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей и въ короткое время введенъ былъ на западѣ во многихъ монастыряхъ.

а. Подобно большей части постановленій содержащихся въ „уставѣ для монашествующихъ“ св. Венедикта, предписанія его относящіяся къ одеждѣ составлены весьма практично и умно. Не благопріятствуя нисколько распространенію непривлекательной и неряшливой одежды отшельниковъ того времени, уставъ, напротивъ требовалъ, чтобы монахи носили одежду сообразуясь съ климатомъ, хотябы простую но всегда опрятную. Соответственно тому, монахамъ на Монте Кассино въ частности предписано было носить (длинную) тунику (*tunica*), наплечникъ (*scapulare*) и капишонъ (*cuculum*), послѣдній въ зимнее время изъ толстой шерстяной матеріи, а лѣтомъ изъ легкой; затѣмъ сандаліи (*pedules*) или полусапоги (*caligae*), и кромѣ того во время путешествія еще наголенники (*femoralia*). Сверхъ того каждому монаху давалось для перемѣны по двѣ туники и по два капи-

шона, ношенноеже платье приберегалось въ пользу бѣдныхъ. О бородѣ и волосахъ въ уставѣ ничего не говорится, и потому мы въ правѣ заключить, что попеченіе объ этомъ природномъ украшеніи до введенія тонсуры предоставлено было на волю каждаго (ср. стр. 279).

6. Относительно формы этихъ одеждъ за исключеніемъ развѣ только такъ называемаго „скапуляра“, не можетъ уже существовать никакого сомнѣнія послѣ всего что сказано было объ одеждѣ древнихъ аскитовъ, и объ общемъ сходствѣ ея съ настоящею монашескою одеждою во все время. Туника у монаховъ, подобно соотвѣтствовавшей ей нижней одеждѣ бывшей въ употребленіи какъ въ древнѣйшія, такъ и въ новѣйшія времена, походила по всей вѣроятности на просторный кафтанъ доходившій до ногъ (фиг. 7 и сл; ср. фиг. 65 и сл.) и съ длинными рукавами, который для удобства подбирался поясомъ. Что касается *sucillum*, то судя по древнему римскому *sucillus* или *sucillio* и образовавшейся изъ него въ послѣдствіи *карра*, можно заключать что и этотъ куколь тоже былъ подобнагоже рода остроконечный колпакъ, закрытый со всѣхъ сторонъ и съ наплечникомъ различной длины оканчивавшимся спереди и сзади обыкновенно треугольникомъ (фиг. 8. d. e; ср. фиг. 247. b. c. d). Въ этой древнѣйшей его формѣ которую вѣроятно имѣлъ въ виду и Венедиктъ, кукуллумъ, подобно древней пэнулѣ (фиг. 8. а), часто соединялся непосредственно либо съ туникою, образуя съ нею и съ наголовникомъ (*карре*) общеупотребительную у монаховъ *расу* (*kutte*), (фиг. 290. b; 244. c; фиг. 245. c), либо нерѣдко тоже и съ нарамникомъ или *scapulare*.—Послѣдній составлялъ первоначально,

Фиг. 290.

т. е. приблизительно до временъ Венедикта, а быть можетъ позднѣе еще, по всей вѣроятности тоже длинный, закрытый кругомъ кафтанъ, похожій на тунику отъ которой онъ отличался только тѣмъ, что былъ уже ея и вмѣсто рукавовъ имѣлъ съ боковъ длинные разрѣзы. Вслѣдствіе того что эта одежда употреблялась для сбереженія нижней туники преимущественно при ис-

полненіи какойлибо работы и потому ее часто приходилось подбирать и заворачивать, ее стали дѣлать разрѣзную съ боковъ во всю длину, какъ видно на нѣкоторыхъ изображеніяхъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій (фиг. 290. а), при чемъ мѣстами перехватывались края, такъ что отъ этого образовывались по нѣскольку отверстій (или проймъ) для рукъ; наконецъ, приблизительно съ двѣнадцатаго вѣка названная одежда получила ту форму которую повидимому она удержала долѣе другихъ т. е. форму двухъ отдѣльныхъ полосъ, передней и задней, и соединенныхъ между собою поперечною тесьмою (ср. фиг. 274. b).—Обувь духовныхъ, *pedules* и *caligae*, походила безъ сомнѣнія на употребляемыя и нынѣ нѣкоторыми духовными орденами простыя сандалии и полусапоги; *femoralia* или наголенники, по всей вѣроятности были такойже формы какъ у мирянъ и состояли частью изъ повязки, частью изъ чулковъ и носковъ, бывшихъ и прежде въ ходу, и даже просто изъ штановъ.

в. Ко всему этому прибавилось въ послѣдствіи какъ особая монашеская принадлежность, такъ называемое *psalterium* или „четки“. То была нить съ пятнадцатью большими и стопятидесятью малыми (деревянными) шариками, соответствовавшими числу псалмовъ для счета молитвъ. Четки безъ сомнѣнія принесены были на западъ съ востока богомольцами, и въ особенности въ Индіи онѣ были въ употребленіи еще въ древнѣйшія времена. Изобрѣтателемъ четокъ нѣкоторые считаютъ св. Доминика (род. 1170), другіе же, и меж. пр. Кармелиты, Петра пустытника. Какъ бы ни было, достоверно лишь то, что четки повсюду были извѣстны на западѣ еще въ началѣ двѣнадцатаго вѣка¹, такъ что предположеніе весьма правдоподобно, что онѣ были введены Петромъ и усовершенствованы потомъ Доминикомъ.

3. Какъ скоро монашество, благодаря уставу обнародованному Венедиктомъ, приобрѣло болѣе твердую почву, оно вскорѣ распространилось на западѣ, какъ вполне установившаяся духовная конгрегація пользовавшаяся постояннымъ покровительствомъ папъ. Въ короткое время повсюду стали возникать новыя братства (*congregatio, religio*), которыя, въ виду того что Венедиктомъ не было установлено особаго цвѣта для одежды монаховъ, избрали для себя черныя, вѣроятно по примѣру „Базиліанцевъ“ поселившихся въ южной Италіи и Сициліи (Т. II. ч. 1. стр. 108).

а. Однако, несмотря на то что всѣ эти конгрегаціи разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ одинаково признавали уставъ святаго Венедикта, отдаленность одной отъ другой, и быстрое обогащеніе ихъ благодаря многочисленнымъ дарствованіямъ и привилегіямъ коими ихъ жаловали папы, все это въ совокупности было причиною, что мало-по-малу въ нихъ перестали соблюдать даже мягкія правила устава с. Венедикта, и что вообще монашеская братія, подражая бѣлому духовенству, все болѣе и болѣе увлекалась мірскими дѣлами. При всемъ томъ было конечно немало и такихъ лю-

¹ Сх. P. v. Bohlen. Das alte Indien и пр. 1830 I. стр. 339.—Еще Титмаръ мерзебургскій, въ той части лѣтописи своей, которая была составлена между 1012 и 1014 годами, говоритъ про графа Гевриха, что въ числѣ другихъ добрыхъ дѣлъ онъ какъто разъ положилъ стопятьдесятъ земныхъ поклоновъ читая псалтырь.

дей которые всѣми силами старались противодѣйствовать распущенности и собственнымъ примѣромъ возбуждали къ исправленію. — Положеніе это, въ особенности въ началѣ десятаго столѣтія, въ большей части монастырей достигло такихъ размѣровъ, что многіе духовные, даже съ менѣе строгимъ взглядомъ, вынуждены были энергически противодѣйствовать всеобщему ослабленію монастырскихъ порядковъ. Въ это самое время, около 900 и 910 г. въ лицѣ Берно или Бернона, явился ревностный защитникъ Бенедиктова устава. Ему удалось возстановить въ первоначальной чистотѣ этотъ уставъ сперва въ двухъ монастыряхъ, но вскорѣ къ нему присоединились другіе ревнители, отчасти одушевленные одинаковымъ стремленіемъ, отчасти же желавшіе еще болѣе усилить строгость устава и ставшіе такимъ образомъ какъбы основателями новыхъ духовныхъ братствъ.

б. Одновременно съ попытками кои предпринимаемы были съ цѣлью исправленія вышеприведенныхъ безпорядковъ, но главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе возниканія новыхъ „конгрегацій“ о которыхъ мы сейчасъ говорили, въ числѣ различныхъ вопросовъ былъ подвергнутъ внимательному изслѣдованію также вопросъ относительно формы монашеской одежды. Еще Бернонъ, когда онъ возстановлялъ монастыри или учреждалъ новые, какъ меж. пр. въ Ключи въ 910 г., удерживалъ всегда прежнюю монашескую одежду чернаго цвѣта. Нововводители, напротивъ, желавшіе каждый самъ по себѣ отличаться чѣмъ либо особеннымъ, воспользовались удобнымъ для нихъ обстоятельствомъ, что въ предписаніяхъ с. Бенедикта ничего не говорится ни о формѣ, ни даже о цвѣтѣ монашеской одежды. Черный цвѣтъ между тѣмъ, не только въ силу древняго преданія, но и потому что онъ принятъ былъ Бернономъ и всѣми строгими послѣдователями его устава считался какъ бы законноутвержденнымъ для монаховъ цвѣтомъ отъ котораго нельзя было отступать. Это именно обстоятельство подало поводъ еще въ самомъ началѣ къ ожесточеннымъ спорамъ между монастырями, спорамъ сопровождавшимся весьма грустными явленіями и нерѣдко даже кровавыми схватками ¹.

в. Несмотря на все это, число различныхъ видовъ орденскихъ одеждъ не только не уменьшалось, но напротивъ, постоянно возрастало. Сами папы, для усмиренія возникавшихъ по этому поводу споровъ, нерѣдко вынуждаемы бывали не только утверждать возникавшія новыя формы одежды, но даже сами издавали особыя правила для одежды, каждый разъ когда учреждалось вновь какое либо братство. Какъ дополнение къ подобнаго рода правиламъ объ одеждѣ стали потомъ издаваться особыя предписанія относительно внѣшнихъ отличій присвоенныхъ различнымъ степенямъ монастырскихъ членовъ, отъ настоятеля, аббата (или пріора), до пономаря и даже до „бѣльцевъ“ (послушниковъ) (*conversi*). Такъ напр. настоятелямъ или аббатамъ, въ знакъ достоинства ихъ присвоенъ былъ посохъ, сходный вообще съ епископскимъ жезломъ отъ котораго онъ отличался только тѣмъ, что верхній его конецъ загибался не вверхъ но внутрь (стр. 273), и что съ

¹ См. небольшое сочиненіе составляющее теперь уже библиографическую рѣдкость: „Wunderseltame Geschichte der Bärte und der spitzen Kapuzen der Ehrw. P. P. Kapuziner“ и пр. Переводъ съ франц. съ гравир. рис. Köln. 1780.

того мѣста жезла гдѣ начинался изгибъ и на которомъ рукѣ приходилось держать жезлъ свѣшивався лоскутъ матеріи (fanor, sudarium = сулокъ). Нѣкоторые аббаты сверхъ присвоенныхъ имъ отличій, въ награду за особые подвиги удостоиваемы были папами правомъ служить въ епископскомъ облаченіи (въ митрѣ, далматикѣ, поручахъ, сандаляхъ и съ перстнемъ).— За неимѣніемъ точныхъ указаній за весь этотъ періодъ относительно служебныхъ отличій прочихъ монашескихъ чиновъ, отличій, форма коихъ безъ всякаго сомнѣнія часто измѣняема была въ продолженіе этого долгаго времени, мы упомянемъ здѣсь только вкратцѣ, что „бѣльцы“ (conversi), или готовившіеся къ принятію постриженія, не давшіе еще монашескаго обѣта, и не раздѣлявшіе съ монахами обязанностей иноческаго званія, носили всегда одежду отличавшуюся отъ той, которая принята была орденемъ и также стригли волосы не по монашеской тонзурѣ.

4. Совершенно въ такомъ же родѣ были устроены и женскія общины или обители основанныя впервые въ 363 г. сестрою Пахоміа, египетскаго пустынника. На западѣ и въ нихъ также слѣдовали съ начала уставу с. Венедикта, но въ послѣдствіи, когда образовались новыя монастырскія братства, женскія обители стали держаться особыхъ уставовъ, выработанныхъ ими самими, илиже принимали уставы и форму одежды вводимые возникавшими новыми мужскими братствами. Еще Григорій турецкій упоминаетъ о такихъ въполнѣ уже устроенныхъ монастыряхъ существовавшихъ во Франціи и управляемыхъ аббатиссами (стр. 146), и указываетъ при этомъ въ особенности на то, что—„вдовы и дѣвицы, давшія обѣтъ цѣломудрія но не вступившія въ монастырь, тѣмъ не менѣе переставали носить мірскую одежду замѣняя ее монашескою одеждою и покрываломъ“. Такой обычай, о которомъ упоминаютъ впрочемъ еще Купріанъ и Тертулліанъ, удержался довольно долго наряду съ болѣе строгою формою монашеской жизни. Въ Германіи, напротивъ, начало женскимъ обителямъ положено было не ранѣе осьмого вѣка, около 718 г. Бонифаціемъ, назначившимъ для управленія ими двѣнадцать аббатиссъ.

5. 6. Нѣсколько италіянскихъ а затѣмъ и французскихъ общинъ, прежде всего примкнули къ многочисленнымъ конгрегаціямъ возникшимъ мало-помалу вслѣдъ за возстановленными Бернономъ орденами „черныхъ“ клунійскихъ бенедиктинцевъ и др. и удерживая общій съ ними уставъ, тѣмъ не менѣе относительно формы одежды слѣдовали собственной прихоти. Къ первымъ принадлежали главнымъ образомъ орденъ Камальдолійцевъ, основанный въ 1018 г. Ромуальдомъ, бенедиктинцемъ съ Монтэ Кассино на Кампо Мальдоли, потомъ конгрегація пустынниковъ Вальомбросскихъ, основанная въ 1050 г. въ лѣсу Валь Омброзо флорентинцемъ Іоанномъ Гуальбертусомъ. Члены этого братства, состоявшіе первоначально изъ отшельниковъ и пастуховъ тамошнихъ горъ, признаны были какъ дѣйствительный монашескій орденъ лишь въ 1093 г. папою Александромъ II. Цвѣтъ одежды ихъ былъ сѣрый, и по ней они получили названіе „сѣрыхъ монаховъ“, но въ послѣдствіи они замѣнили сѣрый цвѣтъ буро-краснымъ и наконецъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ цвѣтовъ, чернымъ. — Основатель Камальдолійцевъ, напротивъ, видѣвъ какъто во

снѣ монаховъ въ бѣлыхъ рясахъ восходившихъ на небо, установилъ для приверженцевъ своихъ бѣлую одежду, хотя самъ онъ постоянно носилъ власяницу ¹.—По образцу этого монашескаго ордена, одинъ изъ настоятелей его, Рудольфъ, въ 1086 г. основалъ женскіе Камальдулійскіе монастыри, въ которыхъ для монахинь тоже установлена была бѣлаго цвѣта одежда къ которой только въ позднѣйшее время прибавилось еще черное покрывало ².

7. Въ числѣ конгрегацій возникшихъ во Франціи, однимъ изъ первыхъ по времени былъ орденъ Граммонтанцевъ (Grammontains), прозванный такъ по мѣсту учрежденія его. Онъ былъ основанъ въ 1076, по другимъ извѣстіямъ въ 1083 г., однимъ французскимъ дворяниномъ Стефаномъ дэ Мюрэ или дэ Тьеръ, установившимъ для монаховъ черную одежду состоящую изъ шерстяной рясы съ наплечникомъ и капишономъ, къ чему въ послѣдствіи прибавлены были срачица бѣлаго цвѣта и черная четырехугольная шапка.

8. Вскорѣ по учрежденіи этого ордена утратившаго самостоятельность свою еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, соборный пресвитеръ (каноникъ) Бруно въ Реймсѣ съ нѣсколькими приверженцами своими, олушевляемые желаніемъ удалиться отъ міра, въ 1084 г. рѣшили основать пустынножительство должествовавшее превзойти строгостью всѣ извѣстные дотолѣ уставы и съ этой цѣлью избрали наиболѣе дикую мѣстность въ горахъ близъ Гренобля, называемую Шартрѣзъ. Вскорѣ послѣ этого Бруно былъ вызванъ въ Римъ папою Урбаномъ II, а изъ этого города отправился въ Калабрію гдѣ въ 1094 г. положилъ основаніе новой шартрѣзъ. Въ скоромъ времени число послѣдователей Бруно значительно увеличилось, и такъ какъ онъ самъ не оставилъ ордену своему опредѣленнаго устава, а между тѣмъ все сильнѣе стала чувствоваться необходимость въ таковомъ по мѣрѣ того какъ распространялся орденъ, то въ силу древнеустановленнаго правила составленъ былъ уставъ однимъ изъ генераловъ шартрѣзы, Базиліо, и который въ 1168 г. утвержденъ былъ папою Александромъ. Такимъ образомъ, бывшая дотолѣ въ употребленіи у этихъ монаховъ, красная грубая и шершавая одежда замѣнилась бѣлою одеждою Камальдулійцевъ съ прибавленіемъ къ ней чернаго капора.—Потомъ, въ 1232 году, основанъ былъ Гугономъ на томъ же уставѣ въ Патримолли въ Дофинѣ, первый женскій монастырь картезіянокъ, съ установленіемъ и для нихъ такой же бѣлой одежды съ чернымъ-же капоромъ но въ видѣ покрывала.

9. 10. Затѣмъ, почти въ одно и то же время образовались орденъ кающихся братьевъ въ Фонтэвродѣ и орденъ больничныхъ братьевъ святаго Антонія. Первый, назначеніе котораго было принимать вообще кающихся, и преимущественно падшихъ женщинъ, и которымъ управляла аббатиса, основанъ былъ магистромъ богословія и проповѣдникомъ Робер-

¹ Въ послѣдствіи для нихъ сдѣлалось обязательнымъ брить бороду, и были введены бѣлыя шляпы подбитыя черной матеріею. По монастырю основанному въ 1212 г. они получили прозваніе «монаховъ святаго Михаила Муранскаго». — ² Наплечникъ онъ подвѣшиваютъ поверхъ рясы бѣлыя, шерстяныя поясомъ.

томъ д'Арбриссель въ 1094 г. Одежда этого ордена была чернаго цвѣта; для сестеръ, съ бѣлымъ покрываломъ но безъ мантии и съ поясомъ; для братьевъ же съ ножомъ на поясѣ въ кожаныхъ ножнахъ. — Орденъ госпитальныхъ братьевъ былъ учрежденъ въ слѣдующемъ году Гастономъ, богатымъ дворяниномъ изъ Дофинэ, собравшимъ около себя число мирянъ съ единственною цѣлью ухода за больными. Такую организацію братство это удержало вплоть до начала тринадцатаго вѣка (до 1218 г.), когда оно было утверждено какъ духовный орденъ папою Гоноріемъ III. Въ 1297 году члены этого ордена возведены были папою Бонифаціемъ III въ званіе вієннскихъ канониковъ. Орденъ этотъ слѣдовалъ уставу блаженнаго Августина, но послѣ видѣнія бывшаго во снѣ основателю этого ордена, и въ которомъ святой Антоній костьюемъ своимъ (Т) ему указалъ какую одежду слѣдуетъ избрать для братіи, введены были черныя рясы съ нашитымъ на нихъ голубаго цвѣта Т (такъ называемою *potencia*), сверхъ того братія изъ смиренія носила на шеѣ простой кожаный ремешекъ съ прикрѣпленнымъ къ нему колокольчикомъ, какой изображаютъ на свинкѣ составляющей атрибутъ святого Антонія.

11. Всѣ упомянутые выше монашескіе ордена, не исключая и ордена древнихъ бенедиктинцевъ богатаго Ключни, въ послѣдствіи времени превзошло далеко новое братство основанное аббатомъ Робертусомъ. Робертусъ, хотя самъ бенедиктинецъ, будучи глубоко возмущенъ распущенностью разбогатѣвшихъ монаховъ удалился въ уединенную мѣстность Систò (*Cisteraux*), и на самыя скудныя средства собралъ въ 1098 году общину слѣдовавшую уставу Бенедикта, возстановленному имъ въ первоначальной чистотѣ, и получившую по мѣсту основанія ея названіе общины цистерціанскихъ монаховъ. Община эта увеличившись въ короткое время, и основавъ успѣшно сама нѣсколько новыхъ общинъ, въ послѣдствіи въ лицѣ святого Бернарда, одного изъ членовъ своихъ, приобрѣла себѣ духовнаго дѣтеля которому суждено было возвести ее на высочайшую степень могущества и значенія. Состоя съ 1115 года аббатомъ клервоскаго (*Clairveaux*) монастыря, возникшаго отъ систòскаго братства, Бернардъ вскорѣ приобрѣлъ въ обширнѣйшихъ кругахъ славу величайшаго мужа своего времени, совѣты котораго во всѣхъ дѣлахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, почитались наравнѣ съ оракуломъ. Значеніе это онъ сумѣлъ съ такимъ искусствомъ перенести на орденъ свой, что послѣ его кончины (въ 1153 г.) къ послѣднему принадлежало уже около двухъ тысячъ монастырей, отличавшихся значеніемъ своимъ и богатствомъ. Хотя этотъ орденъ, носившій по Бернарду тоже названіе ордена Бернардинцевъ, основанъ былъ единственно съ цѣлью возстановить безъ всякихъ измѣненій уставъ Бенедикта, и слѣдовательно одежда чернаго цвѣта установленная этимъ уставомъ стала обязательно также для бернардинцевъ, тѣмъ не менѣе однако одежда эта у послѣднихъ мало-по-малу подверглась различнымъ измѣненіямъ, возбуждавшимъ пререканія съ аббатомъ Петромъ ключнѣйскимъ; державшимся строго прежде-установленной формы и цвѣта монашеской одежды. Споръ этотъ, какъ говоритъ преданіе, рѣшенъ былъ чудеснымъ посредничествомъ Пр. Дѣвы, вручившей Робертову преемнику Альберико давно желаему орденомъ бѣлую рясу съ поясомъ. Въ то же время, въ напоминаніе о преж-

ней (черной) одеждѣ, къ бѣлой рясѣ прибавленъ былъ чернаго цвѣта наплечникъ (*scapularium*).—Спустя приблизительно, двадцать лѣтъ послѣ учрежденія Систо (около 1120 г.), настоятелемъ этого монастыря Стефаномъ, основанъ былъ въ Тартѣ, въ епархіи Лангрской, женскій монастырь цистерціанокъ, которымъ присвоена была точно такаяже одежда.

12. Еще въ то время какъ Систовскій орденъ все болѣе и болѣе распространялся, одинъ кельнскій „каноникъ“ родомъ изъ Ксантена и по имени Норбертъ, вслѣдствіе событія произведшаго въ немъ внутренній переворотъ, почувствовалъ непреодолимое влеченіе измѣнить прежній свободный образъ жизни и посвятить себя трудному поприщу проповѣдыванья покаянія. Исходивъ съ этою цѣлью страну въ овчинной одеждѣ изготовленной имъ для себя собственными руками, и собравъ около себя въ 1120 году нѣсколькихъ монаховъ, онъ учредилъ въ нездоровой низменной мѣстности Премонтре духовную общину, уставъ которой составленъ былъ по всей вѣроятности отчасти по образцу уставовъ святыхъ Антонія и Бенедикта. Изъ этой общины въ скоромъ времени образовались весьма распространившіеся въ послѣдствіи ордена премонстрантскихъ канониковъ (*canonici praemonstratenses*), и женскій, монахинь тогоже имени, основанный въ 1142 году Ричевера. Отличительную одежду Норбетова ордена составляли тоже бѣлая ряса но съ наплечникомъ бѣлагоже цвѣта и таковою она осталась и въ послѣдующія времена.

13. Нѣсколько десятилѣтій позднѣе, въ 1156 году, одному усердному крестоносцу по имени Бертольдъ калабрійскому, пришла мысль построить нѣсколько шалашей на горѣ Кармельской въ Сиріи для себя и для немногихъ единомысленниковъ, чтобы въ нихъ жить пустынною. Община эта, не имѣвшая опредѣленнаго устройства, въ началѣ тринадцатаго вѣка отъ патріарха Альберта получила уставъ, сходный въ главныхъ чертахъ съ уставомъ Василія великаго. Однако, спустя немного лѣтъ, и будучи вновь утверждена папою Гоноріемъ III, эта община, одновременно съ потерей Святой Земли, принуждена была переселиться на западъ гдѣ, утвердившись подъ названіемъ „кармелитовъ“, и смѣшавшись съ возникшими въ продолженіе этого времени орденами нищенствующихъ братій, она въ короткое время значительно распространилась образуя изъ себя не только мужскіе, но преимущественно женскіе монастыри. Одежда установленная для кармелитовъ состояла первоначально изъ бѣлой рясы и бѣлаго наплечника, происхожденіе котораго преданіе приводитъ въ связь съ бѣлою ризою въ какой Пресв. Дѣва явилась настоятелю ордена Симону Стокку когда удостоила его обѣтованія, что, кто въ этой одеждѣ умретъ, тотъ избавится отъ вѣчнаго огня. Въ память этого явленія орденъ сталъ называться тоже „братствомъ Пресв. Дѣвы горы Кармеля“. Въ послѣдствіе времени однако, бѣлая одежда по какимъ либо причинамъ замѣнена была орденною одеждою изъ коричневыхъ и бѣлыхъ полосъ, отъ которыхъ члены его получили названіе *barrati* (*les barrés*, полосатыхъ). Въ позднѣйшее время, при папѣ Иннокентіи IV, значительная часть этого ордена, какъ уже сказано было, перешла въ „нищенствующую братію“, которая, отвергнувъ какъ

ненужный предметъ обуви, въ противоположность прочимъ орденамъ, носившимъ таковую, прозвана была орденомъ босоногихъ.

14. Последнимъ отпрыскомъ бенедиктинцевъ былъ орденъ Траппистовъ (*de la Trappe*), основанный въ 1140 году графомъ Рутру де ла Першъ, и составлявшій первоначально вѣтвь Цистерціанцевъ, и который, спустя уже пятьсотъ лѣтъ, въ 1664 (до 1700) подвергшись коренному преобразованію, процвѣталъ еще долго не смотря на крайне строгій уставъ какой ввелъ въ этотъ орденъ преобразователь его Бутилье де Рансе.

15—23. Вопреки изданному Иннокентіемъ III въ 1198 году запрещенію основать новые ордена, въ продолженіе времени отъ двѣнадцатаго до четырнадцатаго столѣтія, наряду съ упомянутыми нами конгрегаціями образовалось нѣсколько новыхъ въ разныхъ мѣстахъ, имѣвшихъ каждая свой особый уставъ, не считая многочисленныхъ орденовъ нищенствующихъ братій, кои численною членовъ своихъ превосходили всѣ прочія духовныя братства. Такъ мж. пр. при Фридрихѣ I, нѣсколько изгнанныхъ имъ миланскихъ дворянъ, соединившись съ ремесленниками и преимущественно съ ткачами, основали довольно значительную общину такъ называемыхъ умилиатовъ (*humiliati*), составлявшую нѣчто среднее между духовными и мірянами. Иннокентій III подчинивъ „умилиатовъ“ правилу святого Бенедикта утвердилъ за ними избранную ими еще прежде одежду пепельнаго цвѣта.—Подобнаго же рода устройство представляло и братство мостовщиковъ (*fratres pontifices*), основанное какимъ то неизвѣстнымъ Бенезетомъ, и главное занятіе котораго заключалось въ содержаніи въ исправности мостовъ и наблюденіи за безопасностью дорожныхъ путей. — Затѣмъ слѣдуютъ: братство святого Джильберта въ Семиринггэмѣ, учрежденное въ 1135 году въ Англіи однимъ духовнымъ лицомъ по имени Гилибертусъ (*Gilibertus*) по уставу с. Бенедикта, и съ весьма своеобразною одеждою утвержденною за этимъ орденомъ папою Евгеніемъ ¹⁾; потомъ, основанный въ 1231 году Сильвестромъ Гоццолі орденъ сильвестринцевъ, отличавшійся отъ Бенедиктинцевъ главнымъ образомъ рясами бирюзоваго (а позднѣе коричневаго) цвѣта; далѣе орденъ матуринцевъ или тринитаріевъ, и наконецъ орденъ де ла Мерси; братство целестинцевъ; пустынники святого Іеронима и сервиты или *servi beatae Mariae Virginis*. Изъ этихъ пяти послѣднеупомянутыхъ, орденъ матуринцевъ посвятившій себя освобожденію изъ плѣна бѣдныхъ невольниковъ христіанъ, основанъ былъ съ 1198 году Маттою, сыномъ дворянина, и за нимъ утверждена была Иннокентіемъ III одежда бѣлаго цвѣта съ краснымъ и голубымъ крестами, въ родѣ той, въ какой учредителю этого ордена въ видѣніи явился ангелъ. — Цѣль ордена де ла Мерси была та же что у Матуринцевъ. Онъ былъ учрежденъ въ 1230 г. французомъ Піеромъ Новалэскомъ, домоправителемъ принца аррагонскаго. Первоначально это былъ чисто рыцарскій орденъ, и

¹⁾ Каноникамъ этого ордена виѣнялось въ обязанность нѣсть каждому по три рясы и одѣу овчинную. Мантия должна была быть бѣлаго цвѣта и зашитая спереди на четверть; вромѣ того имъ предписано было нѣсть шкуры для прикрытія себя. Шапки должныствовали быть на бараньемъ мѣху. Слушая миссу они обязаны были нѣсть на головѣ холщевую шапку и пр.

лишь вслѣдствіе вступившихъ въ него лицъ другихъ званій онъ былъ преобразованъ мало-по-малу въ духовный орденъ члены котораго для отличія носили вышитое на наплечникѣ изображеніе аррагонскаго герба. Позднѣе часть ихъ присоединилась къ упомянутымъ выше „босоногимъ.“ — Конгрегация целестинцевъ образовалась изъ общины пустышниковъ святаго Даміана (составившейся въ 1254 г.), и собранной Петромъ Муранскимъ по избраніи его въ папы подъ именемъ Целестина V. Бывъ признанъ папою Урбаномъ IV и утвержденъ въ 1273 году Григоріемъ X, орденъ этотъ принялъ для себя одежду бѣлаго цвѣта съ чернымъ нарамникомъ и для ношенія внѣ монастырскихъ стѣнъ черную шапку. Въ послѣдствіи целестинцы смѣшались съ выродившимся орденомъ францисканцевъ присвоившихъ себѣ тоже по папѣ Целестинѣ названіе целестинцевъ и отчасти также форму духовной одежды сихъ послѣднихъ. — Пустышники блаженнаго Іеронима возникли въ сравнительно позднее время; родоначальникомъ ихъ въ Италіи былъ пустышникъ Петръ пизанскій, а въ Испаніи ревнитель именемъ Оума; орденъ былъ утвержденъ папою Григоріемъ XI въ 1373 году. Слѣдовалъ первоначально почти исключительно правилу святаго Августина, онъ принялъ потомъ уставъ выработанный изъ твореній блаженнаго Іеронима генераломъ этого ордена Лупусомъ Дольмедо, уставъ этотъ вскорѣ потомъ утвержденъ былъ Мартиномъ V (избраннымъ на папство въ 1417 году); орденская одежда Іеронимитовъ состояла изъ подрясника и рясы, и родъ шапки каштановаго цвѣта. — Орденъ сервитовъ, наконецъ, носившій тоже названія „ордена Монте Сенаріо“ или „служителей Пресв. Дѣвы и братіи Страстей Христовыхъ“, потомъ и „братіи Аве Маріа“, былъ основанъ въ 1232 году обществомъ торговцевъ и сенаторовъ изъ Флоренціи на Монте Сенаріо; орденъ этотъ, ноставивъ для себя цѣлью самое строгое воздержаніе, существовалъ исключительно подаяніями. Сервиты, слѣдовавъ сначала тоже правилу блаженнаго Августина были однако утверждены окончательно не ранѣе 1248 года, и при этомъ получили отъ папы Мартина V привилегіи присвоенныя орденамъ монашествующихъ братій. Съ этого времени, но по всей вѣроятности и прежде еще, отличительную одежду ихъ стала черная ряса съ нарамникомъ и шапкою тогоже цвѣта, при томъ они обязаны были носить простыя сандаліи и по возможности длинную бороду.

24. Всѣми вышеисчисленными монашескими орденами, равно также и конгрегациями нищенствующихъ братій о которыхъ намъ еще предстоитъ говорить, отнюдь не исчерпывается еще окончательно рядъ духовныхъ общинъ (какъ мужскихъ, такъ и женскихъ), даже въ разбираемый нами теперь періодъ. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря о томъ что вышеназванные ордена изъ себя образовали другія самостоятельныя конгрегаціи, имѣвшія каждая свои особыя отличія, надо замѣтить, что издавна, еще въ половинѣ осьмага вѣка уже существовали многочисленныя духовныя общества, возникшія среди самого городского духовенства и пріобрѣтавшія все большее значеніе. Эти общества духовныхъ, извѣстныя подъ названіемъ канониковъ (*canonici*), составляли какъ бы посредствующее звено между монашествомъ и мірянами. Основателемъ ихъ считается епископъ Хродегангъ изъ Метца, а поводомъ къ ихъ учрежденію историки выставляютъ мірское направленіе охватившее тогдашнее духовенство. Для противодѣйствія ему епископъ этотъ,

какъ говорить преданіе, собственно для подвѣдомственнаго ему духовенства, начертилъ особыя правила или уставъ (*сапон*), обязывавшій каждого духовнаго вести строгую жизнь, но не налагавшій притомъ на него никакого монашескаго обѣта и не навязывавшій ему какой либо установленной и определенной формы монашеской одежды. Уставъ этотъ, которому обязаны были подчиняться всѣ безъ исключенія каноники и вскорѣ распространился повсемѣстно и въ послѣдствіе еще болѣе былъ усиленъ, а въ 1139 году на одномъ соборѣ въ Латеранѣ даже замѣненъ гораздо болѣе строгимъ Августиновымъ уставомъ. Наконецъ, въ 1339 г. бывъ подвергнутъ вновь коренному пересмотру Венедиктомъ XII, уставъ этотъ въ то же время дополненъ новыми предписаніями относительно формы и цвѣта одежды. Согласно сему, такъ называемые регулярные каноники или *сапонісі регуларес*, въ противоположность бѣлому духовенству, не всегда подчиненному подобнаго рода уставу, обязаны были носить исключительно только одежду чернаго, бѣлаго или коричневаго цвѣта, но не краснаго или пурпуроваго какую большею частію они носили прежде. Съ этого времени одежда духовныхъ конгрегацій вообще довольно разнообразна, и смотря по епархіямъ состоитъ либо изъ чернаго, бѣлаго, фіолетоваго, либо изъ коричневаго цвѣта подрясника, доходящаго до ступицъ, съ широкими либо узкими рукавами; изъ срачицы (*superpelliceum*, *rochet*), надѣваемой сверхъ него, и мантии (*каппа*) чернаго цвѣта, съ прикрѣпленною къ ней мѣховою накидкою (*almutium*), закрывавшею плечи подобно воротнику, и наконецъ скуфы (*calotte*) и шапки (*birretum*, *barrete*).—Въ подражаніе каноникамъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ образовались и канониссы, которымъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ тоже данъ былъ уставъ блаженнаго Августина. Предписанія изданныя для первыхъ, были распространяемы и на канониссъ получившихъ названіе регулярныхъ канониссъ святого Августина.

25. Наконецъ и ордена нищенствующихъ братій, возникшіе въ продолженіе всего этого времени, и еще въ большей мѣрѣ образовавшіеся изъ нихъ подобныяже ордена значительно содѣйствовали увеличенію числа монашескихъ костюмовъ. Первымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ служилъ, по крайне невзрачной внѣшней обстановкѣ своей, еще самъ основатель этого нищенствующаго ордена, Іоаннъ Бернардини изъ Ассизи, родившійся въ 1172 году, сынъ богатаго купца этого города, и вслѣдствіе долгаго его пребыванія во Франціи прозванный Франческо. Едвали онъ самъ конгрегаціи своей оставилъ какихъ либо предписаній относительно одежды кромѣ такихъ, на какія указывала крайняя нужда; и потому весьма вѣроятно, что названная одежда ограничивалась кускомъ грубой дерюги и веревки вмѣсто пояса; но и послѣ торжественнаго утвержденія ордена подъ названіемъ „*fratres minores*“ папою Гоноріемъ III въ 1223 году, одежда его состояла вообще изъ грубой рясы коричневаго цвѣта и веревки, замѣнявшей поясъ при босыхъ ногахъ, вслѣдствіе чего орденъ прозванъ былъ „коричневою братіею“.—Почти въ одно время съ образованіемъ этой конгрегаціи (въ 1212 г.), одна дѣвица по имени Клара изъ Ассизи, задумала учредить подобныйже женскій орденъ, *ordo Sanctae Clarae*, для котораго въ 1224 году Франческо начертилъ уставъ, и избравшій для

одежды своей сѣрый цвѣтъ, по которому онъ получилъ прозваніе ордена „сѣрыхъ сестеръ“.

26. Еще за нѣсколько лѣтъ до основанія Франческаго ордена получившаго потомъ по немъ названіе францисканцевъ, въ 1206 году, одинъ ревностный кастильянецъ по имени Доминго или Доминикусъ Гузманъ, каноникъ въ Осмѣ, возбуждаемый усиливавшимися ересями, исходилъ южную Францію призывая народъ въ проповѣдяхъ къ покаянію. Вслѣдствіе возрастающаго числа послѣдователей его помогавшихъ ему въ проповѣдываніи, обществу этому данъ былъ папою Иннокентіемъ III уставъ святаго Августина, а потомъ, въ 1216 году, съ утвержденіемъ этой конгрегаціи Гоноріемъ III подъ названіемъ ордена проповѣдниковъ или *fratres praedicatorum* она получила право повсемѣстно исправлять должность духовниковъ. Вслѣдъ за этимъ орденомъ принявшимъ тоже за правило нищенствованіе и прошеніе милостыни, вскорѣ образовалась подобная ему по направленію женская община. Съ такою же цѣлью къ нимъ примкнули потомъ такъ называемые терціаріи, тоже монашествующіе обою пола, подъ названіемъ братьевъ и сестеръ воинства Іисуса Христа, *fratres et sorores de militia Iesu Christi*.—Вслѣдствіе видѣнія въ которомъ одному монаху по имени Рено орлеанскому, Пресв. Дѣва указала бѣлую одежду, монахи и монахини доминиканскаго ордена избрали для орденской одежды своей бѣлую тунику; первые, съ нарамникомъ тоже бѣлаго цвѣта и широкою, чернаго цвѣта мантиею съ остроконечнымъ капишономъ, послѣдніа коричневаго цвѣта мантию и черное покрывало. Соотвѣтственно этимъ цвѣтамъ и терціаріи, принявшіе послѣ кончины Доминика названіе ордена исповѣдниковъ, *ordo de poenitentia Scti. Dominici* или покаянія, избрали для себя цвѣтъ черный съ бѣлымъ. Конгрегація эта впрочемъ носила тоже названія Марьянской братіи, и въ Англіи, по цвѣту капишона монашествующихъ, черной братіи, а во Франціи, по названію улицы въ Парижѣ на которой находился первый монастырь ихъ, якобинцевъ или якобитовъ.

27. Послѣ присоединенія кармелитовъ и целестинцевъ къ ордену нищенствующихъ братій, о которомъ уже сказано было выше, причиною новаго дробленія этой конгрегаціи послужило раздѣленіе, происшедшее среди францисканцевъ по поводу разногласій между Іліею кортонскимъ и Антоніемъ падуанскимъ († 1253). Отъ этого спора, возникшаго главнымъ образомъ по вопросу объ одеждѣ и поэтому прозваннаго „войною за капишоны“, ведутъ начало свое такъ называемые „*spirituales*“, отличавшіеся отъ прочихъ *fratres communitatis* или братіи еще болѣе убогою одеждою и капишонами малаго размѣра. Часть послѣднеупомянутыхъ была потомъ причислена папою Целестиномъ V къ отдѣльному ордену нищихъ или убогихъ целестинскихъ отшельниковъ, но уже въ 1302 году союзъ этотъ былъ снова упраздненъ Бонифаціемъ.—Вообще, съ самаго начала распространенія ордена святаго Франциска, въ составъ его входили конгрегація меньшей братіи или *fratres minores*, конгрегація убогихъ женъ и кающихся обою пола. Изъ нихъ къ *fratres minores* принадлежали—обсерванты, реформанты, дискальцеанты и реколлекты, и от-

ступавшіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ устава такъ называемые „конвентуалы“ и орденъ „капуциновъ“ (возникшій въ 1225 году), усвоившій себѣ съ самаго начала одежду болѣе свѣтлаго цвѣта. Вторая значительная конгрегация подъ названіемъ „убогихъ женъ“ обнимала собою женскія общины святой Клары состоявшія изъ „Даміанитокъ, Урбанитокъ, концепціонистокъ и минориссъ“. Наконецъ третью большую группу составляли „кающіеся того и другого пола“, всѣ мужчины и женщины слѣдовавшіе въ своихъ домахъ уставу составленному Францискомъ; затѣмъ, всѣ тѣ общины которыя, живя въ монастыряхъ или скитахъ, слѣдовали тремъ главнымъ правиламъ въ качествѣ „*fratres tertii ordinis S. Francisci*“, и которымъ присвоена была общая орденская одежда францисканцевъ но безъ колпака; потомъ „монахини с. Елисаветы“ и въ сущности также „корделіеры“ или „кордиджери“, слѣдовавшіе уставу главнаго ордена святого Франциска и носившіе поясъ этого святого.

28. Ко всѣмъ исчисленнымъ нами конгрегациямъ примкнули (съ 1256 года), образовавшіеся отчасти изъ нихъже ордена августинскихъ отшельниковъ и августинскихъ монахинь, носившихъ одежду сѣраго цвѣта которая въ послѣдствіе замѣнена была черною, затѣмъ, монахи святой Бригитты, пустынники святого Павла, потомъ приведенные уже выше (стр. 294) сервиты; далѣе, приблизительно съ 1250 г. „братія смерти“ или отцы смерти, конгрегация бородатыхъ босоногихъ монаховъ въ черныхъ рясахъ, съ изображеніемъ мертвой головы и подъ ней двухъ крестообразно сложенныхъ костей на апостольникѣ, и множество другихъ братствъ, такъ что подъ конецъ орденъ нищенствующей братіи обнималъ до восьмидесяти побочныхъ конгрегаций съ различными уставами и одеждою разнообразныхъ цвѣтовъ и покроя.

29. Стремленіе къ ассоціаціи не ограничивалось однако однимъ только образованіемъ чисто духовныхъ конгрегаций, но въ то же время, и даже въ относительно раннюю эпоху, еще въ одиннадцатомъ столѣтіи, оно въ такой-же мѣрѣ выказывало себя и въ учрежденіи такихъ обществъ, которыя, безъ опредѣленнаго устава, но усвоивъ себѣ особую отличительную одежду, распространялись по разнымъ странамъ подвизаясь каждое въ дѣлахъ покаянія. Такъ меж. пр. именно въ это время въ Нидерландахъ соединились съ благотворительною цѣлью нѣсколько женщинъ, носившихъ названіе бегиннокъ или бегуттокъ, и отличавшихся коричневаго, зеленаго и сянго цвѣта одеждою, число коихъ въ короткое время до такой степени размножилось преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ, что въ 1311 году, на соборѣ въ Віэниѣ, церковь вынуждена была ограничить число бегиннокъ подчинивъ небольшое число изъ нихъ особому орденскому уставу и предписавъ имъ носить только черную одежду ¹.—По образцу этихъ жен-

¹ Названіе бегиннокъ, бегуттъ и беггардовъ, производимое нѣкоторыми отъ саксонскаго слова *beggen*-просить, а другими, и въ томъ числѣ Мосгеймомъ, отъ имени святой Бегги, матери Пипина Геристальскаго, по точнымъ изслѣдованіямъ бельгійскаго врача, доктора Hallmann (1843), происходитъ отъ имени основателя названной общины священника Lambert le Begue или le Begne, родовое имя коего встрѣчается и до нынѣ въ Бельгіи. Пер.

скихъ общинъ, въ тринадцатомъ столѣтіи образовалось не малое число мужскихъ подъ названіемъ беггардовъ, единственную цѣль коихъ съ самаго начала составляло прошеніе милостыни въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Странствуя повсюду съ сумою, въ своеобразномъ костюмѣ своемъ, люди эти вскорѣ стали предаваться такимъ безчинствамъ, что одновременно съ преобразованиемъ бегиннокъ рѣшено было совершенно упразднить беггардовъ. Послѣ этого одна часть послѣднихъ для виду примкнула къ францисканцамъ, другая пристала къ доминиканцамъ и бенедиктинцамъ, а нѣкоторые, желая обезпечить существованіе свое посвятили себя уходу за больными и погребенію мертвыхъ. Эти послѣдніе ходили обыкновенно въ рясахъ сѣраго цвѣта, и частью по занимаемымъ ими жилищамъ прозваны были *cellitae*, частью же по принятому у нихъ глухому погребальному напѣву доллардами, (отъ *lallen*—жужжать, пѣть въ полголоса).

30. Сюдаже должно отнести совершенно особое общество скакуновъ и бичующихся, появившихся впервые въ Италіи въ 1260 г. и вскорѣ затѣмъ въ значительномъ числѣ во многихъ сѣверныхъ странахъ. Люди эти для искупленія тяжкихъ грѣховъ своихъ, въ черной одеждѣ, или какъ напр. въ 1296 г. въ Страсбургѣ, въ бѣлой, обнаженные по поясъ и закрывъ лице темнымъ платкомъ, ходили по всему городу бичуя тѣло свое передъ каждою церковью и каждымъ монастыремъ, сопровождая бичеваніе пѣніемъ духовныхъ пѣсень ¹.—Къ нимъ можно прибавить и лжечудотворцевъ и прочихъ обманщиковъ, то въ одиночку, то гурьбою, какъ въ шестомъ вѣкѣ (II. 2. стр. 146), бродившихъ повсюду подъ духовной личиною; потомъ и странниковъ въ ихъ изстари обычномъ нарядѣ, темной рясѣ съ нашитыми на ней раковинами, сумою на плечахъ и посохомъ.

Ж. Наряду съ монашескими орденами образовались по образцу ихъ духовные рыцарскіе ордена, представляющіе собою какъбы соединеніе рыцарства съ Христіанствомъ. Возникновеніе ихъ совпадаетъ съ началомъ крестовыхъ походовъ, и крестоносцевъ 1095 года можно до известной степени считать первымъ подобнаго рода союзомъ. Отъ него собственно ведутъ начало свое рыцарскіе ордена и тѣ рыцарскія братства кои, принявъ на себя три главные монашескіе обѣта (нестяжанія, смиренія, и цѣломудрія), въ то же время обязались жить подъ известнымъ духовнымъ уставомъ, исполняя долгъ гостепріимства въ самомъ широкомъ смыслѣ и ведя неустанно войну противъ невѣрныхъ. Такимъ образомъ, духовные рыцарскіе ордена, сходяствуя почти во всемъ съ монашескими орденами, подобно этимъ послѣднимъ съ начала тоже состояли изъ немногихъ лицъ, но съ введеніемъ опредѣленнаго устава утвержденнаго папою, и особою отличительной одеждою, численность ихъ стала быстро возрастать и все болѣе приобрѣтати значенія, такъ что вскорѣ ощутилась необходимость распредѣлять членовъ по различнымъ должностямъ. Что касается внѣшнихъ отличій въ одеждѣ этихъ рыцарей, то въ первое время, когда въ орденахъ еще соблюдалась прежняя простота, простой крестъ краснаго цвѣта, какой сами для

¹ K. a. Förstemann. Die christlichen Geisslergesellschaften. Halle. 1828. Giovanni Frusta. Der Flagellantismus und die Jesuitenbeichte. сь итал. Stuttg. 1834. особ. стр. 55 и сл. Fritsche Closener. Strassburgische Chronik и пр.

себя избрали первые крестоносцы, составляя постоянно отличительный знак духовных рыцарей, хотя впрочем, для отличенія между собою, они нерѣдко измѣняли какъ форму, такъ и цвѣтъ креста, и даже цвѣтъ той одежды (т. е. нижней и плаща), къ которой онъ обыкновенно прикрѣплялся. Только въ позднѣйшее время, когда рыцарскіе ордена разбогатѣли, и вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ монашескихъ орденахъ, развилась страсть къ роскоши, не только одежда рыцарей но и вообще вся внѣшняя обстановка ихъ стала отличаться большимъ богатствомъ. Роскошь впрочемъ выказывалась также и въ установленіи различныхъ новыхъ отличій для служащихъ и служебныхъ должностей, гротмейстера, каплановъ, ратной братіи и пр.—Наконецъ, слѣдуетъ указать еще на одну сторону, общую какъ монашескимъ, такъ и рыцарскимъ орденамъ, а именно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти послѣдніе были причиною образованія женскихъ орденовъ стремившихся къ одинаковой цѣли какъ и мужскіе, въ предѣлахъ, конечно доступныхъ дѣятельности женскаго пола.

1. Древнѣйшій изъ рыцарскихъ орденовъ обязанъ былъ учрежденіемъ своимъ главнымъ образомъ необходимости охранять святыи Гробъ Господень отъ невѣрныхъ. Орденъ этотъ былъ основанъ вскорѣ по взятіи Іерусалима около 1110 г. Готфридомъ бульонскимъ подъ названіемъ ордена святого Гроба, и для ознаменованія непосредственной связи учрежденія его съ крестоносцами, ему присвоенъ былъ какъ отличительный знакъ красный крестъ въ серебряномъ полѣ для ношенія на бѣлой одеждѣ. Вскорѣ однако надъ нимъ взялъ верхъ другой орденъ, такъ, что уже въ 1291 году оба ордена слились въ одинъ.

2. Поводомъ къ учрежденію названнаго другаго ордена служили преслѣдованія и жестокія притѣсненія, какимъ еще съ одиннадцатаго столѣтія подвергались постоянно западные богомольцы въ Палестинѣ отъ тамошняго мухаммеданскаго населенія. Частью дабы положить конецъ этому, но еще болѣе дабы имѣть возможность помогать страждущимъ въ нуждѣ, составилось общество изъ купцевъ (большею частью изъ Амальфи), получившее отъ калифа въ 1048 г. позволеніе близъ Гроба Господня построить часовню и мужской монастырь съ больницей при немъ, которую, по окончаніи ея, общество посвятило Іоанну Крестителю. Отъ ней оно потомъ получило названіе „братства святого Іоанна“, или просто Іоаннитовъ и также „больничной братіи“¹. Послѣ того какъ святой градъ взятъ былъ крестоносцами, воинскій предводитель ихъ, Готфридъ бульонскій счелъ своимъ долгомъ, въ уваженіе многочисленныхъ заслугъ оказанныхъ орденомъ Іоаннитовъ, значительно увеличить его казну, а затѣмъ и папа Пасхалій II (избр. въ 1099 г.) ему даровалъ важныя преимущества. Между тѣмъ какъ, благодаря такому покровительству, орденъ этотъ повсюду цробрѣталъ значеніе, и число принадлежавшихъ къ нему рыцарей постоянно увеличивалось, одинъ изъ тогдашнихъ настоятелей его Рэмонъ дэ Пюи, желая дать ордену бо-

¹ Новѣйшее сочиненіе объ этомъ орднѣ составлено А. v. Winterfeld по порученію принца Карла прусскаго. (Geschichte des ritterlichen Ordens St. Johannis vom Spital zu Ierusalem. Berlin. 1859. 869 страницъ).

лѣе мірское направленіе, включилъ въ уставъ его обѣтъ защищать христіанскую вѣру или церковь, и вмѣсто прежней орденской одежды, установилъ простую черную одежду съ осьмиконечнымъ крестомъ изъ бѣлаго холста.

Послѣ этого орденъ и на поприщѣ новой дѣятельности своей не только приобрѣлъ еще большее значеніе, но и одаренъ былъ новыми преимуществами, въ особенности императоромъ Фридрихомъ I въ 1185 г. и также другими правителями. Въ 1291 г. однако, будучи изгнанъ изъ главнаго мѣста своего Акра, Іоанниты переселились въ Липиссо на островъ Кипръ, и наконецъ, лишившись и этого мѣста, въ 1310 году перешли на Родосъ. Здѣсь-то, переимѣнивъ прежнее названіе свое на новое, — „родосскихъ рыцарей“, они и это послѣднее въ концѣ среднихъ вѣковъ (въ 1529 г.) замѣнили названіемъ „Малтійскаго ордена“.

3. Одновременно съ преобразованіемъ монашескаго ордена Іоаннитовъ въ упомянутый рыцарскій орденъ (въ 1117 году), Готфридъ Сент'Омерскій (или Ульдемарскій), и Гугонъ Пайэнскій, съ семью другими крестовыми рыцарями заключили союзъ съ цѣлью охраненія путей по которымъ богомольцы отправлялись въ Палестину. Получивъ въ даръ отъ Балдуина II домъ близъ стараго храма, они по этому случаю стали называться „храмовыми рыцарями“. Вскорѣ потомъ расширивъ кругъ дѣятельности своей обѣтомъ принятымъ ими на себя, охранять вѣру и святыи Гробъ, орденъ храмовыхъ рыцарей былъ утвержденъ папою Гоноріемъ III въ 1127 г. на соборѣ въ Троа, и въ то же время ему данъ былъ уставъ святого Бенедикта, измѣненный Бернгардомъ Клервоскимъ, и какъ надо полагать, при этомъ же случаѣ для него была установлена опредѣленной формы орденская одежда соотвѣтственно различнымъ духовнымъ степенямъ. Одежда эта заключалась въ слѣдующемъ: во первыхъ, въ длинномъ холщевомъ поясѣ, какъ эмблемѣ обѣта цѣломудрія, и обязательномъ для всѣхъ членовъ ордена; затѣмъ, для рыцарей въ отдѣльности (несчитая вооруженія ихъ), въ бѣломъ плащѣ съ краснымъ осьмиконечнымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ¹; потомъ, для духовныхъ, принадлежавшихъ къ ордену одежда была бѣлаго цвѣта, а для прислуживавшей братіи сѣраго или чернаго цвѣта.

Подобно „Іоаннитамъ“ орденъ храмовыхъ рыцарей въ 1291 году принужденъ былъ также переимѣнить свое главное мѣстопребываніе и перенестись на островъ Кипръ, гдѣ преимущественно онъ принялся за подавленіе набѣговъ сарацинскихъ морскихъ разбойниковъ. Наконецъ, уклонившись какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстахъ отъ первоначальной цѣли своей, орденъ этотъ былъ упраздненъ Филиппомъ красивымъ и Климентомъ VII, а знатнѣйшіе изъ членовъ его подъ обвиненіями всевозможнаго свойства, въ 1306 г. подверглись самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ.

4. Четвертый орденъ которому суждено было въ послѣдствіи превзойти важностью и значеніемъ своимъ многіе другіе ордена, обязанъ началомъ своимъ нѣсколькимъ богомольцамъ, основавшимъ въ 1128 и 1129 годахъ въ

¹ Бѣлый плащъ имъ данъ былъ, какъ говорятъ папою Гоноріемъ III (1124 — 1130) а вѣрстѣ папою Евгениемъ III (1145 — 1153).

Іерусалимѣ пріють для бѣдныхъ и больныхъ исключительно нѣмецкаго происхожденія. Общество это, подѣ названіемъ „госпиталитовъ Пресвятой Дѣвы Маріи нѣмецкаго дома (общества) Божія Матери Іерусалимской“ и „ордена нѣмецкихъ или крестовыхъ рыцарей“, или просто „Маріанитовъ“, въ сущности не пользовалось значеніемъ, но послужило главнымъ образомъ основаніемъ обширному больничному дому который приблизительно въ 1190 г., во время осады Акра учрежденъ былъ въ лагерь усердіемъ нѣсколькихъ именитыхъ торговцевъ изъ Любека и Бремена, къ которымъ примкнули не только всѣ члены названнаго перваго общества, но кромѣ того стекались постоянно вновь прибывавшіе богомольцы и въ томъ числѣ преимущественно крестовые рыцари. Вскорѣ потомъ, когда число членовъ этого общества значительно увеличилось, герцогъ Фридрихъ швабскій принялся преобразовать его въ рыцарскій орденъ испросивъ на это формальное разрѣшеніе у Генриха VI и папы Целестина III. Вслѣдъ за этимъ, членамъ общества дарованъ былъ уставъ сходный съ уставомъ Іоаннитовъ и храмовыхъ рыцарей, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дана была и орденская одежда, долженствовавшая символически изобразить ихъ двойственное происхожденіе. Соотвѣтственно сему за орденомъ осталась длинная бѣлая мантия, какую для себя избрали члены первоначальнаго общества, и сверхъ того тоже обычная у Іоаннитовъ черная нижняя одежда; но затѣмъ, для отличія отъ храмовыхъ рыцарей, на бѣломъ плащѣ былъ утвержденъ крестъ чернаго цвѣта. Послѣдніе, между тѣмъ, не удовлетворяясь этимъ и находя что плащъ у госпиталитовъ схожъ съ ихъ плащемъ, подали на нихъ жалобу папѣ Гонорію III, вслѣдствіе чего госпиталитамъ запрещено было употреблять черныи цвѣтъ. Вскорѣ однако, по настоянію Фридриха II, было отмѣнено запрещеніе и вмѣстѣ съ этимъ представлено храмовымъ рыцарямъ „все неприличіе ихъ притязаній, тѣмъ болѣе что, исключая плаща, одежда того и другаго ордена представляла довольно различій“. Къ этой, въ сущности, простой одеждѣ, еще въ самое начало основанія ордена было прибавлено нѣсколько почетныхъ отличій собственно для степени „Гохъ-и Дейчмейстера“ и для управлявшаго временно должностъ его; такъ жж. пр. съ 1219 г. стали помѣщать на черномъ орденскомъ крестѣ золотой крестъ, концы котораго изображали лиліи, а въ 1226 (?) г., по серединѣ этого креста черныи (имперскій) орелъ въ золотомъ полѣ. Сверхъ того этойже должности присвоенъ былъ и перстень въ знакъ духовной судейской власти; о позднѣйшихъ дополненіяхъ названныхъ отличій мы совѣмъ умалчиваемъ. Надо впрочемъ замѣтить, что во всѣ времена соблюдался неизмѣнно обычай, собственно на плащѣ носить только простой крестъ, а кресты болѣе роскошнаго вида прикрѣплять на груди, на нижней одеждѣ или панцырѣ.

Послѣ утраты Святой Земли орденъ переселился въ Венецію. Бывъ призванъ отсюда въ 1229 г. поляками на помощь противъ прусаковъ, ему удалось покорить себѣ страну ихъ послѣ борьбы лившейся болѣе пятидесяти лѣтъ. По окончаніи ея орденъ избралъ главнымъ мѣстопробываніемъ „гохмейстера“ городъ Маріэнбургъ въ восточной Пруссіи.

5. Съ такоюже цѣлью какую себѣ поставилъ разбогатѣвшій теперь орденъ Маріэнбургскихъ рыцарей, около 1205 года (или по другимъ извѣстіямъ еще

въ 1186-мъ году), образовался въ Ливоніи орденъ меченосцевъ, который впрочемъ уже нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1237 г.) слился съ упомянутымъ выше орденомъ. Отличительный знакъ его составляли, два красныхъ меча сложенныхъ крестомъ, съ небольшою звѣздою вверху.

Кромѣ орденовъ приведенныхъ нами доселѣ, и кои всѣ, за исключеніемъ только „меченосцевъ“, происхожденіемъ своимъ обязаны непосредственно крестовымъ походамъ, возникало въ разныхъ мѣстахъ и отчасти около того же времени, не мало другихъ орденовъ пріобрѣтшихъ также въ короткое время большое значеніе. Приведемъ изъ числа ихъ главнѣйшіе по отношенію къ разсматриваемой нами эпохѣ:

6. Орденъ С. Яго (или Іакова). Учрежденъ въ 1170 г. въ Испаніи для уничтоженія мавровъ и для охраненія богомольцевъ отправлявшихся въ С. Яго ли Компостелья въ Галицію для поклоненія мощамъ святого Іакова. Знаки этого ордена, бѣлая одежда съ краснымъ крестомъ въ видѣ меча и съ раковиною, эмблемою этого святого.

7. Орденъ Калатравы. Такъ названъ по городу Калатрава, основанъ въ 1158 г. королемъ кастильскимъ Санчо III для защиты страны противъ саррациновъ. Отъ него образовался женскій орденъ того же имени. Одежда принятая этимъ орденомъ была бѣлая (по другимъ извѣстіямъ черная), съ начала съ крестомъ краснаго цвѣта, замѣнившимся познѣе голубымъ, формы лилій. Такъ какъ этотъ орденъ въ послѣдствіе времени сталъ угрожать опасностью государству, онъ былъ въ 1494 г. слитъ съ короною.

8. Орденъ Алькантары, рыцари котораго носили тоже названіе „рыцарей святого Юліана де Перейра“. Былъ основанъ въ 1156 г. но въ качествѣ рыцарскаго ордена утвержденъ только въ 1177 г. Слѣдуя уставу цистерціанцевъ, онъ главною цѣлью для себя избралъ уходъ за больными и защиту церкви и богомольцевъ. Отличительную одежду его составляла бѣлая мантия, украшенная вмѣсто креста вплоть до 1411 года, зеленѣющимъ грушевымъ деревомъ, превратившимся съ этого времени по общему обыкновенію также въ крестъ зеленаго цвѣта изъ лилій.

9. Орденъ Ависъ. Учрежденъ въ 1147 г. въ Португаліи многочисленнымъ обществомъ рыцарей, избравшимъ для себя простое названіе „новаго рыцарства“. Цѣль его была защита страны. Просуществовавъ въ этомъ качествѣ до 1162 г., онъ былъ обращенъ въ духовный рыцарскій орденъ королемъ Альфонсомъ I, и въ 1187 г. водворенъ въ пограничномъ городѣ Ависъ, ставшимъ такимъ образомъ главнымъ мѣстопробываніемъ его. Орденскую одежду этихъ рыцарей составлялъ, почти какъ у предъидущаго ордена, бѣлый не очень длинный плащъ, съ зеленымъ крестомъ въ видѣ лилій.

10. Орденъ С. Сальваторъ. Тоже обязанъ учрежденіемъ своимъ (въ 1118 г.) королю Альфонсу, и цѣлью его было тоже уничтоженіе владычества саррациновъ (въ Арагоніи). Орденская одежда его, бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ въ видѣ якоря.

11. Орденъ дрока (растенія). Учрежденіе его относится ко времени Лудовика IX святого, 1234 г. Знаки его, золотая цѣпь носимая на шеѣ

съ лиліевиднымъ крестомъ и выложеннымъ на немъ девизомъ: „*exaltas humiles*“ (Ты возносишь смиренныхъ).

12. „Рыцари Св. Маріи“ или „*cavalieri gaudenti*“. Учрежденіе его относится ко времени вальдецевъ. Уставъ разрѣшалъ вступленіе въ орденъ и женщинамъ (сестрамъ), и даже вступленіе въ бракъ рыцарямъ. Ихъ отличительную одежду составляло сѣраго цвѣта верхнее платье и бѣлая мантия съ краснымъ крестомъ въ бѣломъ полѣ.

13. Орденъ „*de la hache*“ или „дамъ отъ топора“ Этотъ странный орденъ былъ учрежденъ, какъ говоритъ преданіе, графомъ Раймономъ барселонскимъ въ 1149 г. исключительно для женщинъ, въ память храбрости оказанной женскимъ населеніемъ противъ мавровъ во время осады Тортосы. Онѣ носили длинное платье (но какого цвѣта, неизвѣстно), и капоръ съ вышитымъ на немъ изображеніемъ топора алаго цвѣта.

14. Рыцарскій орденъ Прсв. Троицы. Объ немъ упомянуто было выше какъ о духовномъ орденѣ Матюринцевъ (стр. 293).

3. Подобно тому какъ монашескіе ордена главнымъ образомъ служили образцомъ учрежденію духовныхъ рыцарскихъ орденовъ, точно такъ изъ этихъ послѣднихъ возникли непосредственно чисто мірскіе рыцарскіе ордена¹. Происхожденіе ихъ нельзя никакъ отнести далѣе конца двѣнадцатаго столѣтія, а болѣе правильную организацію ихъ навѣрно только ко второй половинѣ тринадцатаго. Первоначально это были собранія, — братства (*fraternitates*), общества (*sodalitates*) или союзы (*foedera*), отличавшіеся отъ настоящихъ духовныхъ орденовъ главнымъ образомъ въ томъ, что, не будучи связаны никакимъ опредѣленнымъ духовнымъ обѣтомъ, конгрегаціи эти, каждая по личному соображенію членовъ ея, посвящали себя какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ занятіямъ. Учредители ихъ, принадлежавъ съ самаго начала еще преимущественно къ княжескимъ родамъ и сословію высшихъ дворянъ, придали обществамъ этимъ нѣсколько замкнутый отпечатокъ, вслѣдствіе чего право учрежденія таковыхъ обществъ мало-по-малу сосредоточилось исключительно въ рукахъ правителей, кои вскорѣ стали воспользоваться имъ какъ орудіемъ для удовлетворенія личныхъ своихъ интересовъ и чистодинастическихъ цѣлей, не сознавая притомъ сами, или не желая даже знать, въ какое ложное положеніе ихъ неминуемо ставила подобная политика. — Не желая прибавить сюда длиннаго списка рыцарскихъ орденовъ², мы приведемъ для примѣра только два, самые древніе по времени ихъ учрежденія, орденъ слона, основанный въ 1190 году въ Даніи Канутомъ IV, и данеброгскій орденъ, учрежденный тамъ же въ 1219 королемъ Вальдемаромъ II. Знаки перваго, цѣпь на шеѣ, золотой слонъ съ бѣлою эмалью, золотымъ хоботомъ и золотыми клыками, стоящій на травѣ, съ те-

¹ Кромѣ помѣнованныхъ выше (стр. 298 въ прим.) сочиненій, см. С. Т. Schwan. *Die weltlichen Ritterorden* и пр. Mannheim. 1791. J. W. Rammelsberg. *Beschreibung aller geistlichen und weltlichen Ritterorden in Europa nebst denen Bildnissen derer Ordenszeichen*. 10 томовъ. Berlin. 1784. — ² Изъ многочисленныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ см. въ особ. G. H. v. Gelbke. *Изображенія и описанія рыцарскихъ орденовъ и почетныхъ отличій всѣхъ государей и государствъ*. Fol. Berlin. 1832. Его же. *Das Buch der Ritterorden* и пр. съ 106 грав.

ремкомъ въ видѣ башни на спинѣ и обложенномъ по верхнему и нижнему краю рядами алмазовъ. На теремкѣ и боку слона помѣщенъ крестъ сложенный изъ пяти алмазовъ, а на шеѣ слона арапъ съ золотымъ копьемъ. Преній орденскій знакъ состоялъ изъ медали, на одной сторонѣ съ изображеніемъ Пресв. Дѣвы, на другой слона. Данеброгскій орденскій знакъ, золотой крестъ о четырехъ рожкахъ изъ бѣлой эмали, съ узкимъ ободкомъ краснаго цвѣта и обложенный крестообразно пятью алмазами. Какъ къ этому, такъ и къ другому ордену принадлежали сверхъ того еще особыя отличія для различныхъ степеней, „орденскаго магистра“ и пр., но всѣ эти отличія установлены уже въ позднѣйшее время.

Утварь ¹.

Количество предметовъ обиходной утвари, дошедшихъ до насъ отъ народовъ населявшихъ среднюю Европу еще въ доисторическое время, въ сущности весьма незначительно, и притомъ не даетъ почти возможности судить о степени развитія до какой въ то время была доведена промысловая дѣятельность. Всѣ эти предметы главнымъ образомъ подходятъ подъ разрядъ тѣхъ издѣлій, о которыхъ много разъ говорено было прежде, какъ то, различной формы посудинъ, по большей части изъ обожженной глины, сосудовъ формы плоскихъ чашъ и блюдовъ изъ бронзы или золота, какіе найдены были въ могилахъ (стр. 103, 104 и далѣе; фиг. 205 до фиг. 207). Но и прочіе, подобнагоже рода остатки, извлеченные изъ тѣхъже могилъ, какъ мж. пр. ремесленные орудія, приводятъ насъ къ такому же заключенію, что населеніе средней Европы еще въ весьма ранній періодъ, кромѣ найденной въ могилахъ утвари, обладало и пользовалось тоже различнаго рода хозяйственными предметами изъ дерева и изъ другихъ матеріаловъ, и которые по причинѣ непрочности ихъ ускользнули отъ нашихъ изслѣдованій.

I. Еслиже, съ одной стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что первоначальное населеніе Германіи ознакомилось съ произведеніями высшей ремесленной художественности прежде всего черезъ римлянъ, какъ о томъ достаточно свидѣлствуютъ многочисленные остатки римской утвари найденные тоже въ германскихъ могилахъ (стр. 105); то съ другой стороны, стольже мало подлежитъ сомнѣнію и то, что пока германцы полчищами сво-

¹ И здѣсь приходится опятьтаки указать на сочиненія упомянутыя уже прежде (Т. II. Ч. 1. стр. 46 прим. 3 и стр. 118 прим. *). Къ нимъ можно прибавить нѣсколько сочиненій изданныхъ уже въ новѣйшее время, въ которыхъ читатель впрочемъ найдетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія по отношенію къ разбираемой нами эпохѣ. J. B. Waring. Masterpieces of industrial art and sculptur и пр. London. 1863. E. Lièvre. Collection Sauvageot etc. Paris 1863. J. C. Robinson. The art wealth of England. и пр. 1863. въ немъ D. van der Kellen. Nederlands-Oudheden verzameling van Afbeeldingen der voor Wetenschap, Kunst en Nijverheid, etc. Amsterd. 1860. J. H. v. Hefner-Alteneck. Eisenwerke и пр. Frankfurt a M. 1862. Еромъ и C. Becker. Kunstwerke und Geräthschaften des Mittelalters. Frankf. a. M. III томъ (1863). M. de Labord. Notice des émaux, bijoux et objets divers etc. Vol. I. и въ особ. Vol. II. Paris. 1853.

ими наводняли западноримскую имперію, и даже долго послѣ занятія ими Италіи, они довольствовались захваченною ими богатою добычею и скорѣе пользовались умѣніемъ и трудомъ туземныхъ ремесленниковъ, чѣмъ испробовать силы свои въ такихъже ремеслахъ. Впрочемъ, на это у нихъ тогда и не доставало еще необходимой сноровки и нужнаго спокойствія, да кромѣ того, доставшіяся имъ богатства, состоявшія въ цѣнныхъ предметахъ всякаго рода, ихъ отвлекали отъ личнаго труда, доставляя имъ, сравнительно съ ихъ прежнею простою жизнью, на долгое время обильныя средства къ удовлетворенію даже самой изысканной роскоши. Но насколько значительны были богатства доставшіяся въ руки германцамъ, объ этомъ можно составить понятіе пробѣгая многочисленныя извѣстія сообщаемыя современными имъ лѣтописцами о непомѣрной расточительности римлянъ при послѣднихъ императорахъ, и также описаніе брака гота Атаульфа съ Пладидіею въ 414 году¹, да другія еще повѣствованія о сокровищахъ франкскихъ королей позднѣйшаго періода меровинговой династіи.

А. Не возвращаясь опять къ тому, что сказано было выше при разборѣ одежды относительно усвоенія римскихъ обычаевъ восточными готами, бургундами и лангобардами², и что въ одинаковой мѣрѣ касалось также и утвари, мы замѣтимъ только по отношенію къ франкамъ, что этотъ народъ, не выказывавшій вообще расположенія разставаться съ обычной ему грубостью нравовъ³, точно такъ относительно высшихъ ремеселъ, долѣе другихъ народовъ не съумѣлъ въ нихъ совершенствоваться а продолжалъ жить исключительно на сокровища доставшіяся ему въ добычу. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ отсталости франковъ слѣдуетъ указать и на то, что готы и лангобарды, обладая Италіею имѣли полную возможность непосредственно усвоивать себѣ и оберегать древнеримское преданіе, тогда какъ, напротивъ, въ Галліи и въ особенности въ ея сѣверныхъ областяхъ преданіе это во всѣ времена было гораздо менѣе живо. Но съ другой стороны даже и здѣсь оно всетаки сохранило настолько силы, что моглобы, какъ у западныхъ готовъ и бургундовъ не дать вполнѣ заглухнуть остаткамъ римскихъ ремесловыхъ промысловъ.

1. Благодаря многочисленнымъ войнамъ, франки положительно болѣе чѣмъ прочіе западноевропейскіе народы, успѣли награть и накопить значительныя богатства. Какихъ размѣровъ достигла у франковъ еще въ первыя времена страсть къ пріобрѣтанію богатствъ, объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ кромѣ приведенныхъ нами уже прежде извѣстій о накопленіи богатствъ въ государственной казнѣ⁴ до Хильперика I, и непомѣрной роскоши жены его Фредегунды (стр. 145 и слѣд.), еще множество другихъ показаній изъ которыхъ въ то же время видно какъ вообще дорожили подобнаго рода сокровищами знатныя сословія и правители. Такъ напр.

¹ Ср. выше стр. 140. потомъ E. Gibbon, гл. XXXI. «свадебный подарокъ поднесенный имъ отъ города Рима состоялъ изъ 100 блюдъ, въ числѣ коихъ 50 наполнены были золотыми монетами, а 50 другихъ дорогими камнями несмѣтной цѣны; каждое блюдо носилъ юноша». —² и ³ См. выше стр. 121 и сл.; стр. 124 и 140 и сл. затѣмъ и стр. 123 и 145 и сл. —⁴ Къ нимъ были приставлены особые назначенныя — «cubicularius» и «thesaurarius». Gregor von Tours. IV. 7. 26. VII. 13. Paulus Diacon. IV. 3; III. 27.

не говоря о многочисленныхъ разсказахъ Г'ригорія турскаго о значительномъ количествѣ золота и серебра и золотой и серебряной монеты, драгоценныхъ камней и пр. какими обладали названныя сословія, этотъ же лѣтописецъ указываетъ еще въ особенности на пристрастіе этихъ сословій къ великолѣпнымъ сосудамъ и преимущественно къ большимъ блюдамъ изъ дорогого металла. Король Теодорикъ, находясь въ неловкомъ положеніи по случаю неудавшагося съ его стороны покушенія на жизнь роднаго брата, Хлотара, и желая загладить вину свою, подарилъ брату своему большое серебряное блюдо, но потомъ, сожалься о сдѣланномъ имъ подаркѣ, сталъ горько жаловаться приближеннымъ своимъ на утрату, и отправилъ сына своего къ Хлотару просить униженно о возвратѣ блюда, которое послѣднимъ и было тутъ же возвращено.—Вслѣдствіе такого пристрастія франковъ къ этимъ вещамъ, пристрастія происходившаго быть можетъ отъ привычки къ подобнагоже рода издѣліямъ изъ золота, бронзы и дерева бывшимъ у нихъ прежде въ общемъ ходу (стр. 304), и составлявшимъ всегда самую главную часть столовой утвари ¹, теперь все болѣе и болѣе стало обращаться вниманія на возможно изящную отдѣлку ихъ. Весьма цѣннымъ приборомъ въ этомъ родѣ обладалъ нѣкто Муммилусъ, отъ него, послѣ обличенія его въ измѣнѣ, этотъ приборъ перешелъ во владѣніе короля Гунтрама, который приказалъ расплавить его за исключеніемъ двухъ блюлъ. Однажды за обѣдомъ король, намекая на это сказалъ ²: „все серебро которое вы видите здѣсь, нѣкогда принадлежало измѣннику Муммилусу. Въ настоящее время, по милости Божіей, оно перешло въ наши руки. Пятнадцать блюлъ, такой величины какъ самое большое блюдо, которое вы видите тамъ, я велѣлъ разбить, и для себя я оставилъ только это да другое еще, въ которомъ четыреста семьдесятъ фунтовъ вѣсу“. Но, какъ ни богатъ былъ этотъ приборъ, всетаки его превосходила еще цѣнностью своею столовая утварь принадлежавшая королю Хильперіку. Въ числѣ составившихъ ее предметовъ, одинъ только поставецъ, изготовленный „по королевскому велѣнію на славу франкской имперіи“, и на которомъ на столъ подавались различныя яства, состоялъ изъ золота и былъ обложенъ драгоценными камнями; въ немъ было вѣсу около пятидесяти фунтовъ ³.—Между тѣмъ, по свидѣтельству тогоже Г'ригорія турскаго подобные сосуды и теперь еще какъ въ прежнія времена изготовлялись тоже изъ дерева, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ этого матеріала дѣлались даже парадные сосуды, такъ напр. въ 589 году королева Брунихильда отправила къ испанскому королю вмѣстѣ съ щитомъ значительнаго объема изъ золота и обложеннымъ драгоценными камнями, еще „двѣ большія деревянныя чаши, называемыя обыкновенно *baschinon*, украшенныя золотомъ и дорогими камнями.“ ⁴

2. По приведеннымъ нами свидѣтельствамъ можно заключить, что знатныя сословія у франковъ вѣроятно любили щеголять тоже парадными сосудами другихъ формъ, заимствованныхъ отъ римлянъ, и что вообще, какъ домашняя ихъ обстановка, такъ и внутренняя отдѣлка церквей у нихъ одинаково отличались великолѣпіемъ и богатствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположеніе это

¹ ² и ³ Gregor von Tours. VI. 2. VIII. 3. IX. 28.—⁴ Paulus Diaconus. VI. 8.

подтверждается рядомъ свидѣтельствъ, въ числѣ коихъ слѣдуетъ привести извѣстіе сообщаемое опятьтаки Григоріемъ турецкимъ (III. 10.) о томъ, что Хильдебертъ, изъ многочисленныхъ сокровищъ захваченныхъ имъ въ 531 г. послѣ низложенія Амаларика въ дворцѣ послѣдняго, и состоявшихъ по большей части изъ чистаго золота и богатоукрашенныхъ дорогими каменьями, онъ пожертвовалъ въ церкви своего государства до „шестидесяти потировъ (calices), пятнадцати дорогихъ дисковъ (patenae), употребляемыхъ при Евхаристіи, и до двадцати роскошно украшенныхъ чехловъ для храненія въ нихъ списковъ Новаго Завѣта“¹. Но мы привели только одинъ изъ множества примѣровъ подобныхъ богатыхъ пожертвованій на церкви, а если собрать все относящееся сюда, то надо будетъ допустить, что особенно франкскія церкви обладали весьма значительными богатствами². Съ другой стороны, какъ на образчикъ роскоши какою иногда отличалась комнатная утварь, можно указать на извѣстіе въ Фредегаровой хроникѣ франкскихъ королей (гл. 73), объ одной весьма цѣнной вещи, подаренной римскимъ патриціемъ Агезіемъ вестготу Турсемоду (451 — 453). Это былъ большой поставецъ „missorium“, или столовый приборъ изъ массивнаго золота, въ пятьсотъ фунтовъ вѣсу, весьма художественной работы, богато обложенный каменьями и стоившій 200,000 шиллинговъ (около 383,333¹/₃ талеровъ). Хотя эта вещь потомъ и была подарена королемъ Синтила (631) франкскому королю Дагоберту за военные услуги, тѣмъ не менѣе ее вскорѣ у него отняли вестготы давъ ему въ вознагражденіе за нее вышеозначенную сумму денегъ. При завоеваніи Испаніи арабами въ ихъ руки достался вмѣстѣ съ этою вещью еще столъ весьма значительнаго размѣра изъ цѣльнаго куска изумруда, или, что болѣе правдоподобно, изъ стеклянной массы полойей на этотъ камень. Столъ кругомъ былъ обложенъ въ три ряда жемчугомъ, доска лежала на 365 ножкахъ (?) изъ золота и дорогихъ камней, а стоимость его цѣнилась въ 500,000 золотыхъ³.

3. Отъ всѣхъ подобнаго рода предметовъ принадлежавшихъ къ періоду о которомъ у насъ идетъ рѣчь (съ пятато до осьмого столѣтія), и къ которымъ слѣдуетъ причислить тоже нѣсколько епископскихъ кафедръ и парадныхъ креселъ съ „богатыми золотыми украшеніями“, о коихъ многократно упоминаютъ лѣтописцы⁴, до насъ дошли вообще лишь весьма скудные образчики. Цѣнность матеріала этихъ вещей была главнымъ образомъ причиною ихъ уничтоженія, и остатки отъ нихъ заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что это единственные образчики способные дать хотя общее понятіе о пластическихъ формахъ бывшихъ въ то время въ ходу. Не считая упомянутыхъ нами уже выше золотыхъ вещей найденныхъ въ могилахъ Хильперика (стр. 223), и золотой утвари открытой близъ Гурдона, о которой тоже было говорено прежде (Т. II. Ч. 1. стр. 114), въ числѣ самыхъ достопримѣча-

¹ Это были по всей вѣроятности оклады въ видѣ переносковъ, а быть можетъ и цилиндрическія коробки вродѣ древнеримскихъ. Ср. Вишній бытъ нар. и пр. Т. I. Ч. 2. стр. 481.—² Много относящихся сюда мѣсть у Gregor v. Tours. См. также: Abbe Texier. Dictionn. P. Lacroix и F. Seré. Histoire de l'orfèvrerie и пр.—³ Elmacin. Histor. Saracenicus I. стр. 85. Cardonne. Hist. de l'Afrique et de l'Espagne sous les Arabes. I. стр. 83. E. Gibbon. гл. XXXI. —⁴ Gregor v. Tours. VIII. 5. сравня трактатъ Lenormant.

тельныхъ древностей сказаннаго времени должно привести восемь (обѣтныхъ) коронъ второй половины седьмаго вѣка, отрытыхъ землекопами лишь въ недавнее время (1858) въ окрестностяхъ Толедо у „fuente de Guarrazar“; потомъ, нѣсколько предметовъ приписываемыхъ рукъ святого Элигія, золотыхъ-дѣлъ-мастеру королей Дагоберта I и Хлотара II, и въ числѣ которыхъ преимущественно заслуживаютъ вниманія, „тропное кресло Дагоберта“, и „драгоценный напрестольный крестъ“, находящіеся то и другой въ Парижѣ ¹.

а. Оставляя въ сторонѣ изъ поименованныхъ выше предметовъ, гробничныя древности короля Хильперика, какъ имѣющія въ настоящемъ случаѣ для насъ лишь второстепенное значеніе, то окажется, что въ числѣ прочихъ вещей, дискосъ (patena) по характеру своему долженъ быть отнесенъ къ тому же времени когда изготовленъ былъ вышеописанный кубокъ съ ручкою ². Дискосъ о которомъ мы говоримъ весь золотой и формою своею похожъ на четырехугольное, нѣсколько углубленное блюдо съ широкимъ загнутымъ краемъ. По серединѣ въ углубленіи помѣщенъ крестъ обложенный гранатами или стеклышами, каждый изъ четырехъ угловъ креста украшенъ сердцевинымъ орнаментомъ оправленнымъ бирюзою. По самому краю дискосъ обложенъ двумя рядами мелкихъ гранатъ или красными стеклышами въ сквозной оправѣ (à jour), а между ними сплошнымъ рядомъ болѣе крупныхъ камней, обдѣланныхъ плоскою гранью въ видѣ розетъ. Въ общемъ, вещь эта напоминаетъ византійскія издѣлія, какія, даже въ гораздо позднѣйшее уже время, изготовлялись греческими художниками.

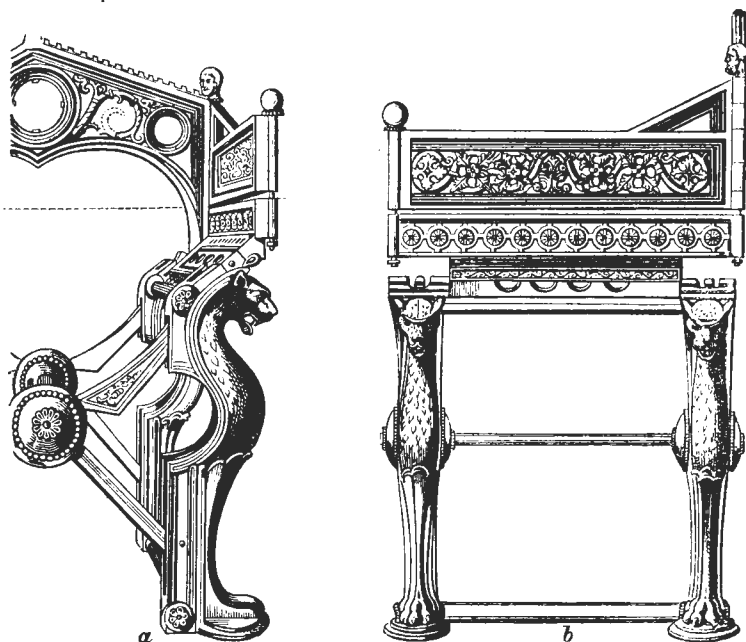
б. Въ подобномъ же родѣ и внѣшняя отдѣлка и общій характеръ осьми (обѣтныхъ) коронъ. Онѣ тоже золотыя и хотя не одинаковой величины, но по большей части очень богато украшены камнями. Такъ какъ короны эти обыкновенно висѣли, то къ каждой изъ нихъ прикрѣплены по четыре цѣпочки, которыя вверху соединяются пуговкою съ украшеніями или просто кольцомъ, форма звеньевъ цѣпочекъ впрочемъ не во всѣхъ одинакова. Четыре изъ осьми коронъ представляютъ широкій дѣльный обручъ; у остальныхъ же обручъ симметрически прорѣзанъ, такъ напр. на одной коронѣ въ видѣ сквозной колоннады съ полукруглыми арками, соотвѣтствующей расположенію колоннъ принятому въ позднеримской и греческой архитектурѣ. У всѣхъ восьми коронъ нижній край обруча кругомъ унизанъ подвѣсками изъ каменьева, напоминающими украшенія на древневизантійскихъ царскихъ коронахъ (стр. 69 и сл. и въ особ. стр. 75 и сл.). У пяти изъ большихъ коронъ въ числѣ такихъ украшеній привѣшенъ крестъ обложенный камнями, а у самой большой короны сверхъ того еще въ промежуткахъ между привѣсками весьма изящно вставлены золотыя буквы съ красной поливою, составляющія слова „RECCESVINTHVS REX OFFERET“ Стало-быть эта корона, и вѣроятно тоже остальные семь, суть даръ, принесенный по обѣту

¹ P. Lacroix. и F. Seré. Histoire de l'orfèvrerie и пр. Abbé Texier. Dictionnaire и пр. #56 и сл. 928 и сл. и въ особ. 936 и сл. M. Lenormant. Viollet-le-Duc. Dictionn. и пр. подъ словомъ «fauteuil» (стр. 108). — ² Подробности и рисунокъ съ него см. въ соч. M. de Caumont. потомъ G. Lacroix и F. Seré и у др.

церкви королемъ Рецесвинтусомъ (между 649 и 672 г.). Кромѣ приведенныхъ украшеній прочая отдѣлка на нихъ представляетъ сочетаніе кружковъ и полукруглыхъ углубленій, частью съ маленькими квадратами изъ разноцвѣтныхъ стеклышей, частью съ изгибающимися въ различномъ направленіи вѣтвями, въ видѣ пальмовыхъ листьевъ, или витыми, на подобіе веревокъ полосками, все это носить отпечатокъ выродившихся древнеримскихъ формъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна въ особенности верхняя часть пуговки на цѣпочкахъ у самой большой изъ приведенныхъ коронъ, она вырѣзана изъ кварца въ видѣ суживающейся къ пизу капители кубической формы съ пальмовыми листьями аляповатаго рисунка ¹. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ ни филигранной работы, ни настоящей эмали. Всѣ украшения либо чеканные, либо слегка парѣзаны.

в. Приписываемый святому Элигію напрестольный крестъ, напротивъ, отличается уже гораздо болѣе художественнымъ и чрезвычайно отчетливымъ исполненіемъ. Онъ сдѣланъ изъ золота, шестиконечный, богато украшенъ камнями, и напоминаетъ такого же рода произведенія греческой работы приблизительно двѣнадцатаго столѣтія. Тропное кресло, между тѣмъ, которое также считается произведеніемъ рукъ этого же святого (фиг. 291. а. б.),

Фиг. 291.

литое изъ бронзы и позолоченое, и въ цѣломъ, обличаетъ еще позднееримскія формы, за исключеніемъ только верхней части спинки (обозначенной пунк-

¹ F. de Lasteyrie. Description du trésor etc. съ рисунками.

тиромъ на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ), и составляющей дополненіе двѣнадцатаго вѣка. Стулъ этотъ, довольно похожій еще на позднеримскую *sella curulis* (см. фиг. 23 и 24), и вѣроятно сдѣланный по образцу курульскаго кресла, имѣетъ форму высокихъ складныхъ козловъ (*faldistorium*); спереди верхняя часть ножекъ изображаетъ львиныя головы, а нижній конецъ ихъ львиныя лапы. Устройство кресла таково, что на немъ можетъ быть натянуто сидѣнье любой величины.—Хотя и нельзя съ достовѣрностью утверждать, что вышеприведенныя вещи дѣйствительно сработаны собственноручно святымъ Элигіемъ умершимъ въ 659 г., по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству ученика его, святого Уэна, не подлежитъ сомнѣнію, что св. Элигій съ большимъ искусствомъ занимался золотыхъ-дѣлъ-мастерствомъ. Къ тому же громкая извѣстность пріобрѣтенная имъ въ этомъ дѣлѣ, и высокія почести коими его осыпали Дагобертъ и Хлотарь, могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что въ ту пору весьма немногіе посвящали себя этой отрасли. Между тѣмъ, во Франціи, въ монастыряхъ основанныхъ святымъ Элигіемъ, этотъ святой ввелъ занятіе ремеслами и въ особенности учредилъ золотыхъ-дѣлъ-мастерскія, изъ которыхъ впоследствии времени выходило не мало отличныхъ ремесленниковъ и даже художниковъ.

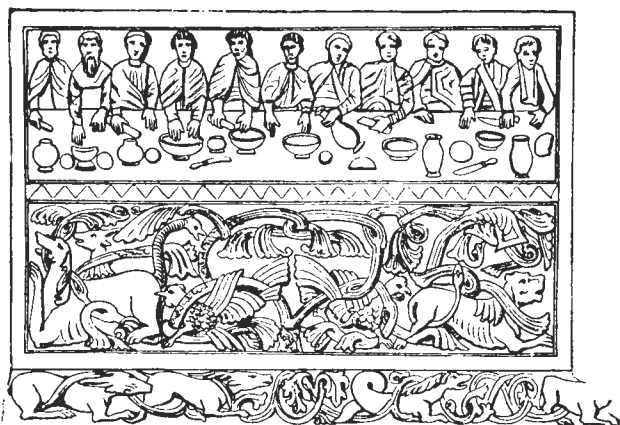
г. Прочая утварь въ этотъ же періодъ носила по всей вѣроятности такой же характеръ какъ упомянутыя выше предметы и стало бытъ представляла главнымъ образомъ смѣсь позднеримскихъ формъ съ греческими, причемъ мало-по-малу сталъ входить опять первоначальный германскій способъ украшенія. О какихъ либо отличительныхъ особенностяхъ этой утвари въ частностяхъ мы имѣемъ лишь немногія и скудныя указанія.

4. Обратимся сперва къ комнатной утваривъ тѣсно значенія этого слова. Къ разряду ея принадлежали различнаго рода сидѣнья, большіе и малые столы, сундуки и лари для храненія платья и нарядовъ, ящики небольшого размѣра, кровати, тюфики и ковры и разная мелочь, о которыхъ упоминаетъ Григорій турецкій не сообщая однако подробнаго описанія устройства ихъ. Тѣмъ не менѣе, какъ ни скудны эти свѣдѣнія, въ совокупности мы можемъ изъ нихъ составить приблизительно точное понятіе. Такъ напр. не подлежитъ рѣшительно никакому сомнѣнію, что въ это время уже оставлено было обыкновеніе заимствованное отъ древнихъ римлянъ, возлежать за столомъ на ложахъ въ родѣ дивановъ ¹, и что теперь всюду безъ исключенія принято было садиться, согласно стародавнему народному обычаю, пользуясь для этого всегда особыми сѣдалищами. Затѣмъ, достовѣрно и то, что такія сѣдалища составляли большею частью небольшіе складные стулья, или же болѣе просторныя скамьи изъ дерева, и что лишь изрѣдка встрѣчались кресла со спинкою, которыя даже въ обиходномъ быту употреблялись почти исключительно только для почета (стр. 111), причемъ ихъ обыкновенно обкладывали подушками и коврами.—Столъ, насколько объ устройствѣ ихъ позволяютъ судить тѣ же скудныя извѣстія были большею частью либо четырехугольной формы и массивны, либо круглы и различной величины ².

¹ Внѣш. бытъ напр. и пр. I. 2. стр. 564 и сл. — ² Viollet-Le-Duc. Dictionnaire du mobilier français. стр. 253.

Иногда впрочемъ скамья замѣняла столъ, если только названіе *scatnium*, употребляемое часто Григоріемъ турецкимъ, не означало въ самомъ дѣлѣ особаго рода столъ, какъ можно полагать судя по тому, что въ продолженіе всего средневѣковаго періода, словомъ „Bank“ назывались столы на которыхъ раскладывали товаръ свой ремесленники и мѣняла. Обыкновеніе покрывать столы скатертью, въ особенности передъ обѣдомъ, возникло вѣроятно весьма рано, въ то время еще когда введены были на престольныя пелены ¹, на это указываетъ одно изображеніе, повидимому, Тайной Вечери, на каѳедрѣ (*pulpitum*) въ церкви святаго Амвросія въ Миланѣ (фиг. 292), принадлежащее если не къ седьмому, то всетаки къ осьмому вѣку. — Упоминаемые многократно сундучки и ларцы для храненія драгоценностей, по всей вѣроятности были преимущественно четырехугольной формы, съ крышкою и замкомъ. По отношенію къ подобнаго рода ящичку, замѣчательнѣе нижеслѣдующій разсказъ у Григорія турецкаго (IX. 34): „Ригунта, Хильперикова дочь часто бранила свою мать, утверждая что она госпожа, а мать обязана ей повиноваться. И такъ какъ дочь не переставала

Фиг. 292.

обижать свою мать, но часто толкала ее кулакомъ и била по лицу, мать наконецъ спросила: за что ты такъ мучишь меня, дочь? Поди посмотри, вотъ вещи отца твоего, которыя у меня есть. Затѣмъ, вошедъ въ сокровищницу свою, она открыла сундукъ (*arca*), наполненный ожерельями и другими дорогими предметами для украшенія. И передавъ дочери изъ сундука много вещей, она ей сказала: устала я, поройся сама и бери себѣ что найдешь. Но какъ только та протянула руку въ сундукъ, мать захлопнула крышку дочери на затылокъ. Налѣгая тѣломъ на крышку она сильно стиснула краемъ горло дочери, такъ что у послѣдней выпучились глаза. Одна изъ бывшихъ при этомъ служанокъ, закричала громкимъ голосомъ: сюда, сюда, ради Бога,

¹) V. Augusti. Handbuch der christlichen Archäologie. I. стр. 416. II. стр. 612.

госпожу мою душить мать ея. Тутъ въ комнату бросились стоявшіе извнѣ и ждавшіе выхода дѣвицы, и избавили ее отъ угрожавшей ей смерти¹. Изъ этого разсказа выходитъ, что сундукъ былъ не малъ, но въ родѣ тѣхъ какіе и до нынѣ встрѣчаются въ деревняхъ. Лѣтописцы впрочемъ перѣдко упоминаютъ и о другихъ подобныхъ вмѣстилищахъ, такъ мж. пр. о „желѣзномъ денежномъ сундукѣ“ императора Юстиніана, но они были безъ сомнѣнія не велики, а желѣзный сундукъ Юстиніана по всей вѣроятности былъ деревянный, но съ крѣпкой желѣзной оковкою, въ родѣ той „арса“, надо полагать, которая была найдена въ одномъ изъ домовъ въ Помпеѣ¹. Сундуки употребляемые въ обиходномъ быту были вѣроятно деревянные, очень простаго устройства и по величинѣ своей соответствовали незначительному движимому имуществу нисшаго класса народа. Такъ напр. сундучекъ святаго Гелла найденный въ его могилѣ, и въ которомъ этотъ святой хранилъ свой бичъ и власяницу свою, не болѣе какъ простой деревянный небольшой ящикъ, могущій вмѣстить лишь эти предметы².—Всѣ подобнаго рода сундуки, баулы, ящики и пр. равно также и двери зацѣплялись по изстари заведенному древнеримскому способу, либо посредствомъ какой либо завязки которая запечатывалась, либо особаго устройства засововъ съ нарочито приспособленными къ нимъ ключами³.—Что касается кроватей, то объ нихъ Григорій турскій только упоминаетъ, но не описывая устройства ихъ; въ одномъ мѣстѣ, напр. онъ говоритъ что вокругъ ложа епископа стоятъ кровати другихъ духовныхъ лицъ, что впрочемъ вполне согласно съ церковнымъ предписаніемъ, запрещающимъ епископу спать не имѣя при себѣ келейниковъ⁴. Вообще, надо полагать что кровати походили на позднеримскія кровати, и стало бытъ состояли изъ станка о четырехъ ножкахъ, изъ дерева или металла, частью съ прислономъ для головы и въ ногахъ, частью и безъ такового, съ необходимыми къ нимъ принадлежностями, тюфякомъ, одѣяломъ и пр.⁵ Таковы впрочемъ, какъ мы дальше увидимъ, были и въ позднѣйшее время форма и устройство этой мебели. — Платки и ковры служили не только для покрыванія мебели (стр. 310), но преимущественно тоже для завѣшиванія стѣнъ и дверей⁶, и можетъ быть коврами же убивались и балконы (или терассы) въ большихъ домахъ, такъ какъ на этихъ площадкахъ собирались обыкновенно для обѣда.—Въ числѣ мелкой утвари упоминается о ларчикахъ для драгоценностей, о металлическихъ зеркальцахъ и т. под. вещахъ; изъ орудій служившихъ для чистки комнатъ, о метлахъ и пр.

Ко всему этому остается прибавить, что во время торжественныхъ угощеній освѣщеніе производилось обыкновенно посредствомъ факеловъ которые держали слуги. Для передвиженія сухимъ путемъ были въ

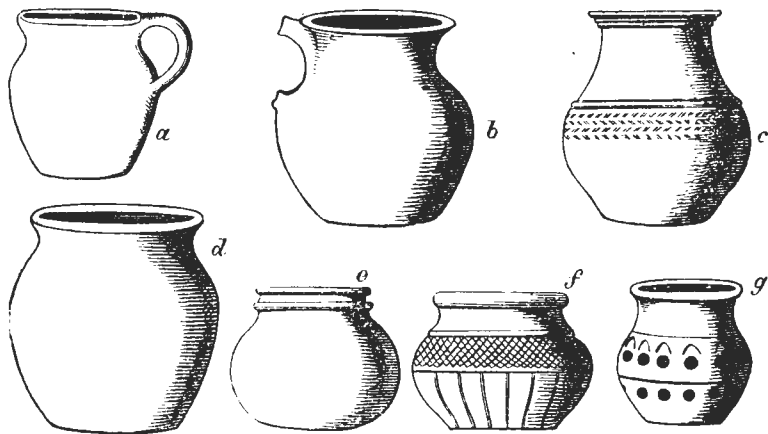
¹ Ant. Rich. (переводъ Chéruef). Dictionnaire des antiquités romaines et grecques подъ слов. «Arca»; Gill. Pompeiana II. стр. 30 и сл.—² Leben des heil. Gallus (um 771 geschrieben) lib. II. — ³ и ⁴ Внѣшн. бытъ напр. и пр. Т. I. Ч. 2. стр. 390 и 466 и сл.—⁵ Такъ напр. у Павла Діакона (V. 1.) упоминается о томъ, что во время путешествія рабы носили за господами своими «войлочные одѣяла, кровать и медвѣжья шкуры» служившія вмѣсто покрывалъ. — ⁶ Gregor von Tours. II. 23. (говоритъ въ этомъ мѣстѣ тоже о стѣнной росписи, хотя впрочемъ единственно только въ церквахъ), потомъ 11. 16, 17 и др. м. Въ замкахъ часто недоставало мѣста для гостей, которымъ въ подобныхъ случаяхъ отводили шатры: VI. 46.

употребленіи носилки по римскому обычаю, или же стародавнія повозки на четырехъ колесахъ и также телеги. Возокъ которымъ, по издавна существовавшему преимуществу мервинговъ, пользовались короли изъ этого дома, судя по преданію, былъ простая телега запряженная волами и которою управлялъ пастухъ совершенно по деревенскому обычаю.

5. а. Свѣдѣнія которыя мы сообщали доселѣ относились главнымъ образомъ только къ быту господствовавшихъ сословій, за то мы не имѣемъ почти никакихъ письменныхъ указаній объ образѣ жизни нисшихъ классовъ или народа. Единственнымъ источникомъ и въ этомъ отношеніи служатъ опятьтаки только гробничныя древности ¹. Тѣ древности которыя найлены были въ особенностивъ мѣстностяхъ гдѣ древнеязыческіе погребальные обычаи, невзирая на преслѣдованія ², удержались еще гораздо позднѣ введенія Христіанства и даже отчасти до десятого вѣка, свидѣтельствуютъ по крайнѣйшій мѣрѣ о томъ, что въ то время когда первенствующія сословія усвоили римскіе обычаи и пышность, народъ, напротивъ, вообще долго еще держался стародавняго образа жизни. Не повторяя вновь что объ этихъ древностяхъ уже сказано было выше (стр. 111 и гл.), мы ограничимся для примѣра указаніемъ опятьтаки на вещи, которыя были открыты въ оберфлахтскихъ могилахъ и заслуживаютъ вниманія тоже по отношенію къ утвари. Кромѣ разнаго рода посуды изъ крѣпкой обожженной глины, и въ сущно-

Фиг. 293.

сти ничѣмъ не отличающейся отъ находимыхъ вообще повсюду глиняныхъ горшковъ и урнъ (фиг. 293. а — d, f, g; фиг. 294. а; сравни фиг. 206), и изящнаго стеклянаго бокала вѣроятно италіанскаго происхожденія (фиг.

¹ Кромѣ соч. упомяян. выше стр. 118 прим. III см. въ особенности еще: M. Abbe-Souchet. La Normandie souterraine и пр. Paris. 1855.—² Такъ жм. пр. «Капитуломъ падеборнскимъ» въ 785 г. издано было для Саксоніи постановленіе: «если кто либо, по языческому обычаю, предастъ огню тѣло усопшаго дабы отъ него собрать пещель отъ востей, тотъ будетъ казненъ смертью». Мы не приведемъ другихъ подобныхъ предписаній позднѣйшаго времени. T. Grimm. Ueber dar Verbrennen der Leichen. Berlin. 1850.

294. в), важнѣйшая находка какую доставили помянутыя могилы, составляет довольно значительное количество утвари изъ дерева (стр. 304). За исключеніемъ немногихъ изъ этихъ предметовъ имѣвшихъ болѣе непосредственное символическое отношеніе къ культу умершихъ, но которые тѣмъ не менѣе употреблялись тоже въ обиходной жизни, большая часть безспорно принадлежитъ опятьтаки къ разряду сосудовъ, и также отчасти вѣстилищъ въ которыхъ хранились тѣла умершихъ. Въ числѣ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ сосудовъ, и въ которыхъ по большой части замѣтно подражаніе формамъ глиняной посуды (фиг. 293. е; фиг. 294. і), приведемъ выточенную съ особеннымъ искусствомъ флягу съ ручками (фиг. 294. с), и небольшой висячій сосудецъ формы продолговатаго боченка (фиг. 294. к); затѣмъ, хотя и гораздо простѣйшей работы, большія корыта (фиг. 294. і), по большой части изъ еловаго дерева (фиг. 294. г), кубокъ небольшой (фиг. 294. h), и нѣсколько различной величины плоскихъ чашъ и блюдецъ для кушанья (294. е). Одно блюдо сдѣланное изъ дерева, въ „житіи святого

Фиг. 294.

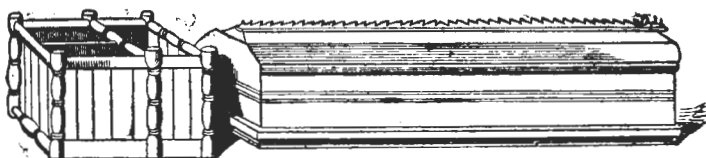

Анскара“ названо прямо блюдомъ для яствъ. Упоминаемые еще Григоріемъ Турскимъ подъ именемъ „оркае“, пузатые сосуды похожіе на бочки, служившіе для храненія сала и т. п. были по всей вѣроятности тоже

изъ дерева, и быть можетъ совершенно въ родѣ приведеннаго здѣсь (фиг. 294. g) чана. Впрочемъ, вѣроятно еще и въ прежнія времена, были уже настоящія бочки подобныя позднѣйшимъ, судя напр. по одному мѣсту въ „лѣтописи С. Бертэнъ“ къ 877 г. гдѣ, при описаніи перенесенія тѣла Карла лысаго говорится, что по причинѣ дурного запаха, пришлось тѣло положить въ „бочку засмоленную внутри и снаружи“ и обтянуть ее кожей¹.

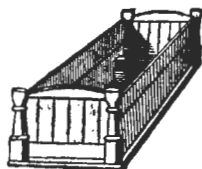
6. Упомянутыя выше вмѣстилища для тѣлъ умершихъ похожи на ящики, въ особенности нѣкоторыя изъ нихъ, выдолбленныя изъ цѣльнаго отрубка и снабженныя крѣпкою крышкою (фиг. 295), на которыхъ во всю длину посе-

Фиг. 295.

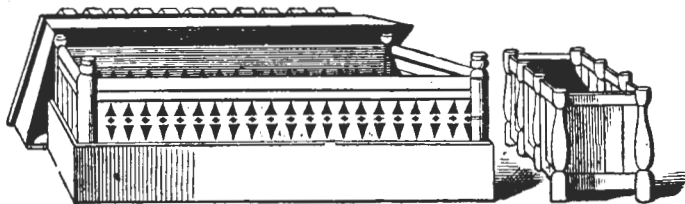

рединѣ помѣщалась иногда въ видѣ украшенія зубчатая планка, олицетворявшая змѣю, судя по находящемуся на концѣ одной изъ такихъ планокъ аляповатому изображенію змѣиной головы. Нѣкоторыя изъ этихъ гробовъ весьма тщательно составлены изъ досокъ и брусковъ (совершенно по тому способу, по какому и нынѣ дѣлаются подобнаго рода вещи), и по угламъ снабжены точеными наугольными брусками въ которые впущены боковыя стѣнки (фиг. 296; фиг. 297), и общимъ видомъ своимъ напоминаютъ скорѣе настоящія кровати, хотя, за исключеніемъ немногихъ, у которыхъ нѣсколько выступа-
ютъ наугольные бруски, нигдѣ не встрѣчается слѣда ножекъ (фиг. 296. срв. фиг. 297). У одного изъ такихъ вмѣстителей, которыхъ почти всѣ были вло-

Фиг. 296.

Фиг. 297.

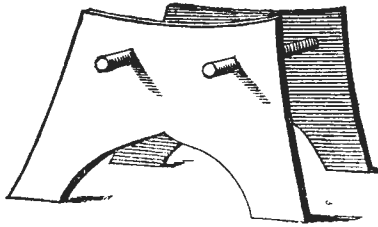

жены въ другія, бѣльшаго размѣра (фиг. 297), продолжныя стѣнки посрединѣ прорѣзаны для красы простыми узорами, а отвѣсныя наугольные брусья

¹ Gregor von Tours. IV. 43. H. Krausé. Angeiologie стр. 447 называетъ *orga* (римляне) римско-испанскимъ сосудомъ довольно значительнаго объема и удобнаго ея (стр. 243) *орхл*, а потомъ и римской амфорѣ.

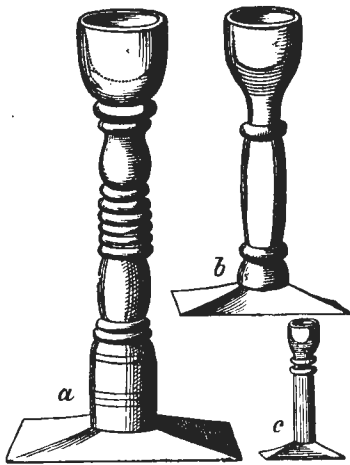
ки вверху обточены въ видѣ шариковъ (фиг. 297). Почти возлѣ каждого изъ большихъ вѣстелищъ были открываемы либо по одному такому же, но гораздо меньшаго размѣра и совершенно одинакому съ нимъ по устройству (фиг. 295; фиг. 297), либо какіе нибудь изъ упомянутыхъ выше символическихъ предметовъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежать, кромѣ нѣсколькихъ ремесленныхъ орудій (както, ткацкаго кольца и пр.), и небольшой (дѣтской) скамейки (фиг. 298), еще нѣсколько стояковъ различной величины и довольно неуклюжей токарной работы (фиг. 299. а—с.) У всѣхъ на верхнемъ концѣ выточено полукруглое углубленіе, безъ сомнѣнія предназначенное для масла или воска, изъ чего должно заключить, что стояки эти служили вмѣсто лампъ или свѣчниковъ. Если смотрѣть на эту утварь какъ на ремесленные произведенія, то, дѣйствительно, мы въ нихъ найдемъ не малый успѣхъ въ искусствѣ выдѣлывать вещи изъ дерева. Но съ другой стороны, по отношенію къ художественности, вещи эти занимаютъ весьма низкое

Фиг. 298.

мѣсто такъ какъ способъ орнаментовки ихъ не выходитъ изъ предѣловъ грубыхъ очертаній какія механически производитъ токарный станокъ. Правда, что были найдены тоже предметы отличающіеся бѣльшимъ разнообразіемъ и замысловатостью въ обдѣлкѣ, какъ ж. пр., (оставляя въ сторонѣ упомянутый нами уже прежде бронзовый

Фиг. 299.

окладъ на одномъ ножѣ фиг. 265. е), нѣсколько экземпляровъ вырѣзанныхъ изъ дерева „башмаковъ для умершихъ“; однако, все украшеніе какое мы встрѣчаемъ даже на этихъ относительно лучшихъ произведеніяхъ, нельзя сравнить со способомъ украшенія существовавшимъ еще въ пятомъ вѣкѣ и обычнымъ въ то время произвольнымъ сплетеніемъ извивающихся и переплетающихся лентъ съ расположенными между ними грубыми изображеніями изъ царства животныхъ (см. стр. 72; 85; фиг. 196. с—f; фиг. 208. b. c; и стр. 109 и сл.).

Б. Если, какъ надо полагать, въ такомъ положеніи находились повсюду ремесла, когда ими для собственныхъ нуждъ занимались нисшіе классы народа, то всетаки когдѣ уже было и прежде положено начало къ правильному развитію ремесловой дѣятельности. Въ этомъ отношеніи, какъ вообще и въ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, первымъ двигателемъ является со свойственною ему энергіею, прежде всего Карлъ великій; движимый любовью къ искусству и пользуясь сношеніями своими съ Римомъ и Византіею, ему удалось положить первое основаніе высшей, ху-

дожественно-ремесленной дѣятельности. Отсутствие вѣрныхъ указаній не позволяетъ судить, воспользовался ли Карлъ опытностью и умѣlostью туземныхъ художниковъ-ремесленниковъ, развившихся на римскихъ преданіяхъ (стр. 305 и сл.) ¹ въ южной Франціи и въ прирейнскихъ областяхъ, или же онъ принужденъ былъ обратиться непосредственно къ природнымъ римскимъ ремесленникамъ. Какъ бы то ни было, но первое предположеніе повидимому правдоподобнѣе если судить не только по способу производства работъ употребленному Карломъ великимъ при сооруженіи многочисленныхъ великолѣпныхъ построекъ, но и по тому обстоятельству, что вскорѣ послѣ кончины его стало упоминаться о франкскихъ художникахъ изъ монастырской братіи ². Главною цѣлью Карла было во всякомъ случаѣ, сплотить въ одну прочно организованную корпорацію крайне разбросанныя дотолѣ ремесловыя промыслы, что видно уже изъ того, что онъ постоянно напоминалъ смотрителямъ обширныхъ коронныхъ хозяйственныхъ дворовъ объ обязанности ихъ, заботиться о привлеченіи самыхъ лучшихъ ремесленниковъ, сапожниковъ, мыловаровъ и пивоваровъ, токарей, каретниковъ и телѣжниковъ, мѣдниковъ, кузнецовъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и пр. ³.

I. а. Въ какой формѣ проявлялась вообще ремесловая дѣятельность, объ этомъ можемъ составить понятіе по тогдашнему общему положенію дѣлъ. Германія, какъ и всему сѣверу, недоставало еще въ это время самотворческой силы, способной создать произведенія, которыя хотя приблизительно могли бы выдерживать сравненія съ тѣми какія все еще производили Италія и Византія. По этому понятно, и даже совершенно естественно, что при томъ пристрастіи какимъ одаренъ былъ императоръ къ произведеніямъ римскаго искусства, въ его имперіи художественно-ремесленная дѣятельность обратилась главнымъ образомъ къ подражанію этому искусству и его приняла въ исключительный для себя образецъ. Въль самъ же императоръ не пренебрегалъ при случаѣ воспользоваться для своихъ построекъ разнаго рода обломками отъ древнеримскихъ зданій ⁴. И поручая сооруженіе зданій и внутреннюю великолѣпную отлѣлку ихъ художникамъ-ремесленникамъ привлеченнымъ „изъ вѣхъ странъ“ ⁵, развѣ Карломъ не руководило главнымъ образомъ „римское и греческое искусство“? Въ этихъ постройкахъ, но преимущественно

¹ Что преимущественно въ этихъ краяхъ еще въ раннія времена существовала оживленная дѣятельность возбужденная и поддерживаемая вліяніемъ Рима, и что потомъ мало-по-малу она привилась и къ туземному населенію неримскаго происхожденія, въ этомъ нельзя сомнѣваться читая замѣтку Амміана Марцелліана въ 355 году (XV. 11), о богатствѣ и пр. муниципальныхъ городовъ, Майнца, Вориса, Шпейера, Страсбурга, Кельна, Тонгерна и Трира: «Видъ этихъ городовъ свидѣтельствуетъ о благосостояніи, культурѣ, любви къ искусству и наукамъ жителей ихъ. Вездѣ римляне стремились къ тому чтобы создать подобія Риму. Изъ этой любви къ родному городу возникли въ провинціальныхъ городахъ пантеоны, марсовы поля, Минервины площади, амфитеатры, термы и другія общественныя учрежденія, какія римляне привыкли видѣть у себя въ Римѣ». — ² J. D. Fiorillo Geschichte der zeichnenden Künste in Deutschland. I. стр. 26 и сл. K. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste III. стр. 485 и сл. — ³ Baluzii capitular. regum Francorum I. cap. 45 и еще гл. 62, въ которой говорится даже о плавленыхъ заводахъ, желѣзныхъ и свинцовыхъ рудникахъ. — ⁴ K. Schnaase. Gesch. d. bild. Künste III. стр. 491. — ⁵ Mönch von St. Gallen. гл. 28 и сл.

въ Ахенскомъ соборѣ и въ Ингельгеймскомъ дворцѣ, можно было видѣть двери и рѣшетки изъ бронзы необыкновенной художественной отдѣлки отчасти уцѣлѣвшія до нынѣ, и кромѣ того утварь и подсвѣчники изъ серебра и золота, а на главной церкви главу изъ чистаго золота, что безъ сомнѣнія преувеличено. Значительнѣйшая часть подобнаго рода вещей, и преимущественно церковная утварь, и замѣчательнѣйшіе по великолѣпію предметы коими наполненъ былъ императорскій дворецъ, составляли по всей вѣроятности римскія и греческія произведенія, даже допуская значительное развитіе туземныхъ ремесловыхъ промысловъ. То были частью почетные подарки папы и греческаго двора, частьюже предметы прибрѣтенные торговымъ путемъ. Достаточно будетъ, въ подтвержденіе сказаннаго сейчасъ относительно церковной утвари, напомнить о необычайной щедрости папы Льва III къ западнымъ церквамъ, щедрости вытекавшей изъ самыхъ дружественныхъ отношеній римскаго престола съ императоромъ. Такъ напр. говорятъ, что Левъ III на украшеніе и богослужебныя принадлежности однѣхъ лишь римскихъ церквей употребилъ значительную сумму 1,075 фунтовъ золота, и приблизительно до 24,000 ф. чистаго серебра ¹. Въ числѣ множества предметовъ пожертвованныхъ имъ вообще на украшеніе церквей, упоминается какъ о наиболѣе цѣнныхъ, о сорока двухъ статуяхъ изъ золота, стотридцати золотыхъ потирахъ, семидесятичетырехъ паникадилахъ, пятнадцати золотыхъ крестахъ и пр., не считая значительнаго числа пожертвованныхъ имъ же, и не менѣе цѣнныхъ напрестольныхъ одеждъ, купелей, блюдь, кадилъ, вѣнцовъ, свѣчниковъ, напрестольныхъ крестовъ, аналойевъ, книгъ и окладовъ для книгъ, ковчежцевъ для мощей и многихъ другихъ еще вещей. Какъ примѣръ необыкновеннаго богатства церквей, въ особенности италіанскихъ, въ продолженіе осьмаго до девятаго вѣка, мы привели уже выше (II. 1. стр. 113), одно описаніе того времени храма Св. Петра въ Римѣ; такое богатство свидѣтельствуетъ очевидно, что въ ту пору въ Италіи достигли значительнаго развитія какъ золотыхъ-дѣлъ-мастерство, такъ и всѣ связанныя съ нимъ искусства. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что хотя эмалевая живопись ², процвѣтавшая давно уже въ Византіи, въ осьмомъ вѣкѣ и была введена въ Италію по всей вѣроятности византійскими художниками, и этимъ дѣломъ занимались также италіанскіе художники, и что въ началѣ двѣнадцатаго вѣка даже основаны были особыя (монастырскія) школы для эмалевыхъ работъ, что тѣмъ не менѣе однако въ этой странѣ долго еще отдавалось предпочтеніе чистогреческимъ эмалевымъ произведеніямъ.

6. Что большая часть упомянутой великолѣпной утвари которою обладалъ Карлъ великій, дѣйствительно состояла изъ почетныхъ приношеній, какъ мы сказали выше, объ этомъ не только несомнѣнно свидѣтельствуютъ многократно лѣтописцы, но также подробное описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. Относительно перваго пункта напомнимъ, какъ уже сказано было прежде, о томъ что Карлу изъ Персіи присланы были кромѣ предметовъ

¹ P. Lacroix и F. Seré. Histoire de l'orfèvrerie—joaillerie. стр. 20. L'abbé Teulier. Dictionnaire d'orfèvrerie. стр. 914.—² Литературу см. Т. II. Ч. I. стр. 52. ир. 1.

для украшенія и пр. еще нѣсколько весьма цѣнныхъ подсвѣчниковъ ¹ и часы ² искусной работы; потомъ что отъ греческаго двора онъ получилъ въ подарокъ органъ ³ и двустворчатыя двери ⁴ изъ слоновой кости, и что вообще нѣдалко послы „изъ всѣхъ странъ“ ему привозили подобнаго рода дорогіе предметы ⁵. Весьма возможно, что золотой столъ пожертвованный Карломъ вмѣстѣ съ нѣсколькими богатыми сосудами въ церковь Св. Петра въ Римѣ ⁶, былъ также изъ числа подарковъ полученныхъ имъ отъ византійскаго двора, если то не было, можетъ быть, произведение южнофранкскаго мастера изъ школы св. Элигія; но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, что эта вещь была изготовлена въ Германіи рукою „германскаго“ художника. Относительно другихъ драгоценностей по части утвари принадлежавшихъ этому же императору, равно также о примѣненіи благородныхъ металловъ и драгоценныхъ камней для такихъ же цѣлей, для какихъ эти предметы употреблялись въ Римѣ и Византіи, самыя достовѣрныя указанія намъ даютъ, частью описаніе убранства склепа Карла Великаго, частью же его собственное духовное завѣщаніе. О склепѣ мы уже говорили (стр. 149); что касается завѣщанія, то въ немъ по свидѣтельству Эйнгарда ⁷, мж. пр. значилось слѣдующее: „съ этой цѣлью и на этотъ конецъ (т. е. дабы не возбудить спора и раздора), онъ раздѣлилъ на три части все имущество свое, все золото серебро и драгоценности и царскія регаліи, какое въ тотъ день (въ день кончины его), находилось на лицѣ въ его сокровищницѣ. Потомъ онъ части эти вновь раздѣлилъ за исключеніемъ третьей части. Раздѣленіе двухъ первыхъ частей на двадцать одну часть совершилось въ виду того что, такъ какъ въ имперіи есть двадцать одна столица, наследники его и друзья могли бы по частицѣ изъ доставшагося имъ имущества удѣлить каждой столицѣ. И чтобы архіепископъ каждой изъ столицъ, ту часть какую онъ получить на свою церковь, также раздѣлилъ бы съ своими викаріями, такимъ образомъ; чтобы треть ея оставалась церкви, а двѣ трети были бы раздѣлены между викаріями.“—„Та часть которая согласно волѣ императора не должна быть раздѣлена, предназначается на обыденныя нужды, тогда какъ обѣ другія части, предписаннымъ образомъ будутъ распределены и запечатаны; но та третья часть, составляя вкладъ не должна быть отчуждаема ни по какому обѣту владѣльцемъ пока онъ живъ и пользуется ею лично для себя.“—„Въ сказанную третью главную часть, состоящую какъ и другія части изъ золота и серебра, должны быть включены, согласно волѣ завѣщателя всѣ сосуды и вся утварь, изъ бронзы и желѣза или другихъ металловъ, вмѣстѣ съ оружіемъ, одеждою и прочими цѣнными или менѣе важными предметами домашняго обихода и для различнаго употребленія, какъ то, завѣсы, одѣяла, ковры, тюфяки, войлочные и кожаныя издѣлія, и все что кромѣ того еще въ тотъ день находилось въ казнохранилищѣ и платейной.“—„Если же послѣ этого найдены будутъ какіялибо священные сосуды или книги или иной какоюлибо церковный предметъ о которомъ извѣстно будетъ, что таковой не былъ имъ

¹⁻⁴ Вн. б. нар. Т. II. Ч. I. стр. 231. пр. 6; 233; II. 1. 126; 111. пр. 3.—⁵ Тамъ же: Ч. 2. стр. 149 и сл.—⁶ Рубов. къ ист. иск. и пр. Ф. Куглера. Перев. Е. Корша. I. стр. 262 внизу.—⁷ О столахъ у Византійцевъ см. Вн. б. нар. Т. II. Ч. I, стр. 115 и сл.
⁷ Einhard. Leben Kaiser Karls. гл. 33 и сл.

(т. е. Карломъ) предназначенъ въ даръ часовнѣ, то такую вещь да будетъ позволено пріобрѣсти тому кто пожелаетъ владѣть ею, съ условіемъ что онъ внесетъ стоимость ея. Точно такъ онъ завѣщалъ, что кто пожелаетъ имѣть чтолибо изъ числа книгъ собранныхъ имъ въ большомъ количествѣ въ своей библіотекѣ, можетъ таковыя купить по дѣйствительной стоимости ихъ, деньги же вырученныя изъ этой продажи, должны быть безъ вычета обращены въ пользу бѣдныхъ. Въ числѣ прочаго имущества и сокровищъ находятся, какъ всякому извѣстно, три стола изъ серебра и одинъ золотой необыкновенной величины и вѣсу. Относительно этихъ вещей Карлъ повелѣлъ, одинъ столъ четырехугольной формы и на которомъ вырѣзанъ планъ Константинополя, отправить въ Римъ въ главную церковь св. апостола Петра (стр. 319), вмѣстѣ съ прочими назначенными тудаже подарками; другой, круглый столъ, съ изображеніемъ города Рима, отдать въ кафедральный соборъ въ Равеннѣ. Третій же столъ, значительно превосходящій другіе какъ по изящной работѣ, такъ и вѣсомъ, и состоящій изъ трехъ круговъ, и на которомъ подробно и тонко вырѣзано изображеніе вселенной, потомъ и золотой столъ, по числу четвертый, согласно его (Карла) распоряженію, завѣщаются наследникамъ его вмѣстѣ съ тою частью которая предназначена на богоугодныя пожертвованія“.

в. Судя по статьямъ этого завѣщанія касающимся пожертвованій въ церкви столичныхъ городовъ, надо полагать что богатство утварью было очень значительно, Болѣе подробныя извѣстія сообщаются лѣтописцами впрочемъ только о столѣ съ изображеніемъ мировой системы и развѣ еще о нѣкоторыхъ предметахъ обиходнаго быта. О великолѣпномъ столѣ напр. Тѣганъ въ житіи Лудовика благочестиваго говоритъ, что столъ этотъ состоялъ изъ трехъ соединенныхъ между собою досокъ; потомъ въ „лѣтописяхъ С. Бертэна“ къ 842 году сообщается, что императоръ Лотарій „изъ Ахена въ Пфальцѣ взялъ всѣ царскія сокровища и тоже богатства изъ церкви въ С. Мартинѣ, и что онъ велѣлъ разрѣзать на многіе куски серебряный столъ дивной красоты и величины, на которомъ въ равныхъ отдѣленіяхъ и выпуклою работою изображена была вселенная, сводъ небесный со звѣздами и теченіе планетъ, и всѣ эти куски онъ роздалъ своимъ“; изъ этого извѣстія видно какъ высоко цѣнился даже одинъ только металлъ. О прочихъ предметахъ принадлежавшихъ тоже къ разряду утвари и обиходныхъ орудій упоминается только въ описяхъ хозяйственныхъ дворовъ императора Карла. Въ нихъ значатся „обтянутыя холстиною пуховики (vestimenta ad lectum parandum), столовыя скатерти (drappas ad discum parandum), утиральники или полотенца (toaclam), разнаго рода мѣдная посуда, мѣдные и желѣзные котлы, крюки (для вѣшанія котловъ), сковороды, бокалы, подсвѣчники, буравы, столярные струги и гладилки, топоры, заступы, серпы, лопаты и множество деревянной утвари и орудій“. Въ чемъ заключались эти послѣднія, въ описяхъ не показано; но судя потому, что въ этихъ дворахъ существовали мастерскія для различнаго рода ремеселъ, то и надо полагать что тутъ были на лицо всѣ орудія необходимыя для обдѣлки льна, для изготовленія тканей и прочихъ упомянутыхъ нами уже выше (стр. 317) ручныхъ производствъ, и вся необходимая при этомъ комнатная утварь, какъто, скамьи, столы и т. п. Кромѣ того въ капитуларіяхъ тогоже им-

ператора упоминается тоже о плавильных заводах, и о желѣзныхъ и свинцовыхъ заводахъ ¹.

В. Замѣшательства коими послѣ кончины Карла потрясена была вся его обширная имперія, оказали въ высшей степени вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе и распространеніе въ особенности художественныхъ ремеслъ. Подобно тому какъ многія мѣры принятыя Карломъ для пользы и въ поощреніе народнаго образованія обращены были въ явный ущербъ ему при слабыхъ наследникахъ этого императора, точно такъ прекратилась тоже дѣятельность въ учрежденныхъ имъ, ремесленныхъ заведеніяхъ. Правда, возбужденная имъ любовь къ этого рода дѣятельности не заглохла совершенно, но, не находя уже для себя поощренія извнѣ, ни того спокойствія какими она пользовалась прежде, она стала сосредоточиваться теперь единственно почти въ предѣлахъ монастырскихъ оградъ, и вскорѣ обратилась всецѣло на производство предметовъ служащихъ къ прославленію Бога и пользѣ церкви Его ².

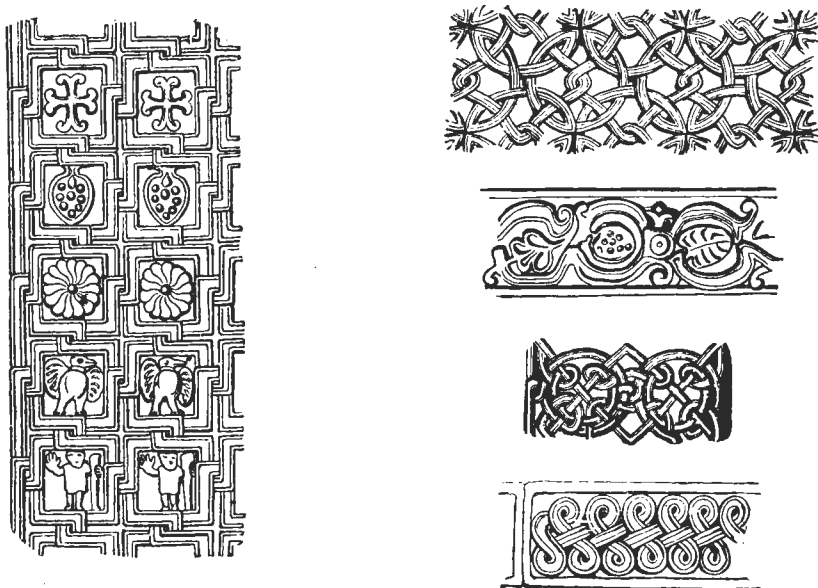
1. а. Отъ этого времени сохранилось тоже сравнительно весьма немного вещей, и притомъ всѣ эти вещи ограничиваются вообще лишь немногими выбитыми изъ золота и отчасти украшенными драгоценными камнями, или рѣзными изъ слоновой кости, окладами на евангелиаріяхъ, къ которымъ можно причислить тоже ободочки на хранимыхъ въ Парижѣ рукописяхъ Лотара и Карла лысаго. Кромѣ того уцѣлѣли еще фрагменты болѣе крупныхъ золотыхъ издѣлій, преимущественно отъ напрестольныхъ одеждъ, и весьма немногіе предметы обиходнаго употребленія. Въ числѣ вещей этой эпохи, наиболѣе замѣчательное произведеніе по художественности отдѣлки, это одежда на главномъ престолѣ въ соборѣ С. Амвросія въ Миланѣ ³. Эта хорошо сохранившаяся одежда закрываетъ всѣ четыре стороны престола и составлена изъ золотыхъ и серебряныхъ вызолоченныхъ плитъ, со многими рельефными изображеніями событій изъ Св. Писанія и изъ житій святыхъ угодниковъ, и тоже отдѣльными святыми. Всѣ поля по которымъ распределены изображенія обрамлены широкими полосами изъ того же металла, украшенными попеременно финифтью и драгоценными камнями различныхъ цвѣтовъ. Судя по надписи помѣщенной на этой одеждѣ, послѣдняя была изготовлена по заказу архіепископа Ангильберта въ Миланѣ (между 827 и 860 г.) золотыхъ дѣлъ мастеромъ Вольвинусомъ, по происхожденію нѣмцемъ, какъ полагаютъ, но рожденнымъ и получившимъ образованіе свое по всей вѣроятности въ Миланѣ. Эта работа, которую, стало быть, можно отнести къ первой половинѣ девятаго вѣка, отличается весьма яснымъ пониманіемъ распределенія пространствъ, а въ украшеніяхъ обличаетъ „смѣсь древнеримскихъ традицій съ византійскою изящностью“, но въ отдѣлкѣ частностей какуюто совершенно своеобразную неумѣлость. Орнаментовка въ общемъ соответствуетъ нѣкоторымъ частямъ украшенія на главныхъ дверяхъ этой же

¹ Baluzii. capitular. regum Francor. I. (capit. de villis) гл. 62. — ² D. Fiorillo. Geschichte der zeichnenden Künste in Deutschland. I. стр. 46 и сл. — ³ R. v. Eitelberger. Die Kirche des heiligen Ambrosius zu Mailand въ «Mittelalterl. Kunstdenkmale des österreich. Kaiserstaats» II. стр. 23. 30; тамъ же и литература объ этой церкви. Seroux d'Agincourt. Sculp. tav. 26. a—c. M. du Sommerard. Album etc. 9 Ser. Pl. XVIII и XIX.

церкви которыя, какъ полагають, тоже принадлежать еще къ эпохѣ каролинговъ. Это по большой части такое же сплетеніе лентъ и пр. какое, хотя и въ гораздо грубѣйшей формѣ, свойственно древнегерманскому способу украшенія (фиг. 300).

б. Почти то же самое можно сказать объ орнаментациі на прочихъ предметахъ о которыхъ намъ придется говорить, если эти предметы не произведенія греческихъ художниковъ, какъ напр. извѣстная „*pala d'oro*“ въ венеціанскомъ соборѣ (Т. II. ч. 1. стр. 112), и крестъ, который императоръ Лотаръ пожертвовалъ въ Ахенскій соборъ¹. Оставляя въ сторонѣ все такого рода вещи, намъ придется обратить вниманіе впервыхъ на потиръ и подсвѣчникъ находящіеся въ ризницѣ Кремсмонстерскаго мона-

Фиг. 300.

стыря; два произведенія съ которыми преданіе связываетъ память объ ангиольфигскомъ герцогѣ Тассило, сверженномъ въ 788 г. Карломъ великимъ и умершимъ плѣнникомъ въ названномъ монастырѣ. Обѣ эти вещи вылиты изъ красной мѣди; на потирѣ (фиг. 301), по верхней его части и по нижней, кругомъ расположены овальные медальоны, въ которыхъ впаяны серебряные щитки съ изображеніями четырехъ пророковъ ветхаго завѣта, Іисуса Христа и четырехъ новозавѣтныхъ пророковъ. Каждый медальонъ обрамленъ довольно широкимъ лентообразнымъ пояскомъ съ орнаментациею. За исключеніемъ верхняго и нижняго края, изъ коихъ на первомъ помѣще-

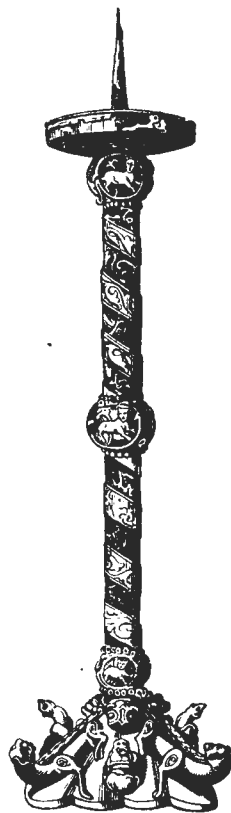
¹ M. Cahier et Martin. *Mélanges d'archéologie*. I. стр. 203 и сл. таб. XXXI и XXXII. J. Labarthe. *Recherches sur la peinture en email etc.* стр. 17 и du Sommerard. *Les arts au moyen-âge*. Ser. X. Pl. XXXIII.

но украшеніе съ фантастическими изображеніями животныхъ, а на второмъ или нижнемъ, надпись, всё остальные части потира покрыты украшеніями въ германскомъ вкусѣ. Подсвѣчникъ, напротивъ (фиг. 302), полированъ, вызолоченъ, и по нижней части, образующей фигуры животныхъ и у которой недостаетъ (трехъ) ножекъ, мѣстами обложенъ листовымъ серебромъ.—Несмотря на то что эти произведенія выѣшнимъ видомъ своимъ вооб-

Фиг. 301.

Фиг. 302.

ще еще обличаютъ подражаніе италіянскимъ и греческимъ образцамъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ проглядываютъ уже начатки своеобразнаго германскаго характера ¹.

2. Въ связи съ вышеописанными остатками слѣдуетъ указать на нѣсколько изображеній роскошной утвари и пр. встрѣаемыя въ миниатюрныхъ рукописяхъ девятаго вѣка, и потомъ также и на отдѣльныя извѣстія сообщаемыя

¹ J. Воксъ справедливо относитъ потиръ ко второй половинѣ осьмага вѣка, а подсвѣчникъ къ эпохѣ отъ осьмага до десятаго вѣка, въ чемъ однако поступаетъ уже слишкомъ осторожно, хотя и мало уцѣлѣло вещей того времени. А. Springer. прямо относитъ подсвѣчникъ къ осьмому столѣтію. См. Mittheil. der K. K. Centralcommission за 1860 г. стр. 308.

писателями того времени и представляющія какъ бы обзоръ тогдашней ремесловой дѣятельности.

а. Миниатюры о которыхъ мы сейчасъ упомянули, если изъ нихъ исключить крайне грубыя изображенія нѣкоторыхъ сосудовъ, главнымъ образомъ дають наглядное понятіе собственно о формѣ и внѣшней отдѣлкѣ тронныхъ сѣдалищъ, ибо во многихъ изъ этихъ рукописей, какъ напр. въ евангелиаріяхъ Карла лысаго и Лотара, императоры по заказу которыхъ онѣ были составлены, изображены возсѣдающими на тронахъ (ср. фиг. 252 и сл.). Судя по изображеніямъ такой тронъ, вѣроятно въ подражаніе трону византійскихъ царей (Т. II, ч. 1, стр. 124), состоялъ изъ продолговато-четыреугольной и глухой со всѣхъ четырехъ сторонъ, высокой скамьи, съ возвышающимся приступкомъ, со спинкою образуемой двумя колонками съ протянутымъ между ними ковромъ¹; сидѣнье обложено богато украшенными подушками. Другую форму опять, представляетъ напр. тронъ Карла лысаго². Этотъ тронъ почти кубической формы и окруженъ стройною колоннадою, расположенною крѣгомъ. На три фута отъ земли колоннада закрыта, по внутренней сторонѣ завѣшана коврами, а сверху соединена полукруглыми арками, поддерживающими куполовидный шатеръ. Все это весьма богато украшено золотомъ и дорогими камнями.—Кромѣ изображеній троновъ, въ упомянутыхъ миниатюрахъ встрѣчаются также небольшіе письменные столы³, и разная другая комнатная мебель, стулья, скамьи и пр.; все это довольно жалкаго исполненія, и на сколько вообще можно судить, обличаетъ еще мало развитое пониманіе формъ.

б. Что касается тѣхъ письменныхъ указаній на которыя мы тоже намекнули выше, то изъ нихъ мы узнаемъ, что, согласно съ извѣстіями приведенными еще прежде (стр. 318; 321), главное вниманіе обращено было на то чтобы богатою обстановкою дорогими произведеніями преимущественно золотыхъ-дѣлъ-мастерства, придавать возможно большее благолѣпіе церковному служенію; и что главныя мастерскія для производства подобныхъ вещей отчасти существовали уже въ южной Франціи, но главнымъ образомъ процвѣтали все еще въ Византіи и Италіи. Такъ меж. пр., дабы ограничиться не многими примѣрами, въ 772 г. по заказу святого Адріана были изготовлены для церкви Пресв. Дѣвы нѣсколько досокъ изъ чистаго золота съ эмалевыми изображеніями изъ Св. Писанія⁴. Въ 817 г. Пасхалій заказалъ сосудъ тоже изъ золота и съ подобнымиже украшеніями⁵. Ангелельмъ, епискомъ Оксерскій, скончавшійся въ 828 г. принесть въ даръ церкви Св. Стефана нѣсколько окладовъ на престолы съ украшеніями, три вѣнца и десять подсвѣчниковъ изъ серебра и большой напрестольный крестъ съ изображеніемъ Спасителя изъ золота. Вала, другой епископъ тогоже города, скончавшійся въ 889 г. пожертвовалъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. и Гинкмаръ въ 852 г. въ ц. св. Ремигия въ Реймсѣ, ковчежець для мощей изъ серебра и украшенный двѣнадцатью статуэтками епископовъ⁶. Въ

¹ и ² J. v. Hefner-Alteneck, въ пр. соч. I. таб. 31; 37. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts в пр I. France, IX Siècle, во м. м.—³ Viollet-le-Duc. Dict. в пр. стр. 155; 238.—⁴ и ⁵ Anastasius. biblioth. etc. edit. Vignoli. II. 226.—II. 344.—⁶ P. Lacroix et. F. Seré. Hist. de l'orfèvr. в пр. стр. 22.

847 г. по заказу папы Льва IV была исполнена золотая и роскошно украшенная финифтью, напрестольная одежда въ двѣстишестнадцать фунтовъ ¹. Въ 855 г. Бенедиктъ III пожертвовалъ вышитый коверъ, сплошь унизанный драгоценными камнями, мелкими золотыми украшениями и эмалевыми изображениями ². Въ 885 г. усердіемъ Стефана VI былъ исполненъ большой золотой мѣстный подсвѣчникъ, обложенный дорогими камнями, жемчугомъ и эмалью ³, и сверхъ того этимъ же папою былъ пожертвованъ еще большой напрестольный крестъ украшенный въ такомъ же родѣ—⁴. Далѣе, по отношенію къ царскимъ пожертвованіямъ разсказывается, мж. пр. что Карлъ лысый пожертвовалъ въ церковь Св. Петра въ Римѣ ⁵ одно изображение І. Христа на крестѣ изъ золота, довольно тяжелое и обложенное камнями, и что императоръ Карлъ III къ концу девятаго вѣка подарилъ аббатству Сэн-Денискому драгоценную чашу изъ агата, древнеримской работы; о другихъ извѣстіяхъ мы умалчиваемъ. Упомянутая сейчасъ чаша, бывъ обращена въ Св. Сосудъ посредствомъ придѣланнаго къ ней золотого ободка и ножки, въ такомъ видѣ до 1804 г. находилась еще въ парижской библіотекѣ ⁶, куда она была перенесена еще въ 1790 г. изъ Сэн-Дени. Въ томъ же 1804 г. чаша эта пропала и хотя была потомъ отыскана, но на ней уже недоставало прежней золотой отдѣлки.—Къ вышесказанному остается прибавить, что въ 872 г. греческій императоръ Василій отправилъ къ королю Лудовику въ Регенсбургъ разные подарки, въ числѣ коихъ находился кристаллъ необыкновенной величины и роскошно украшенный золотомъ и камнями, составлявшій вѣроятно ковчежецъ для мощей, потомъ, что еще „Санктъ-Галленскимъ монахомъ“ ⁷, упоминается о небольшихъ столовыхъ ножахъ; а въ другомъ мѣстѣ этимъ же лѣтописцемъ сообщается такое подробное описаніе одного (церковнаго) органа, что по его разсказу слѣдуетъ предположить что въ устройствѣ этого инструмента сдѣланы были въ короткое время значительныя усовершенствованія (срв. стр. 152). „Тѣже (греческіе) послы“—говорить С. Г-скій монахъ ⁸,—„между прочими вещами привезли Карлу великому также всѣхъ родовъ музыкальные инструменты и разные другія вещи. Всѣ эти вещи, рабочіе умаго Карла изслѣдовали съ вниманіемъ, не показывая тому виду, и потомъ стали весьма точно ихъ воспроизводить, въ особенности тотъ чуднѣйшій изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, который приводится въ дѣйствіе помощью кожаныхъ мѣховъ наполненныхъ воздухомъ, который проходя чрезъ мѣдныя трубки дивно подражаетъ силою звуковъ раскатамъ грома и сладкому дрожанію и мягкимъ звукамъ лютни“.

II. а. Спокойствіе и порядокъ, водворившіеся теперь въ „германской“ имперіи по прекращеніи каролинговой династіи и при послѣдовавшихъ за ней саксонскихъ князьяхъ Генрихѣ I и Оттонѣ I въ началѣ десятаго вѣка (стр. 124 и 125), въ связи съ общимъ оживленіемъ общественной жизни послѣ 1000 года (стр. 131 и сл.), въ значительной степени содѣйствовали

¹ — ⁴ Anastasius, и пр. III. 88. — III. 165. — III. 270. — III. 275. —

⁵ Annalen von St. Bertin ad ann. 877—⁶ Félibien. Hist. de l'abbaye de St. Denis. M. Montfaucon. Les Antiquités expliquées en France etc. въ особ. M. du Sommerard. Les arts au moyen-âge. 5 Ser. Pl. XXXVIII.—⁷ и ⁸ Mönch von St. Gallen II. гл. 18 и 7.

поднятію ремесловой дѣятельности. Но при томъ положеніи въ какомъ находились въ то время различныя сословія, и тѣхъ въ сущности грубыхъ еще требованій обиходной жизни, весь общественный строй благопріятствовалъ собственно только развитію такой художественно-ремесловой дѣятельности, цѣлью которой было удовлетворять потребностямъ церковнаго благолѣпія, но не обнаруживалъ пока еще вліянія своего и на нисшія ремесла, назначеніе коихъ главнымъ образомъ направлено на чисто домашнія нужды. Все относящееся къ этому разряду ремеслъ, въ это время и даже позднѣе еще, поручалось крѣпостнымъ людямъ или же особымъ нисшимъ наемнымъ служителямъ, работавшимъ исключительно только для своихъ господъ въ усадьбахъ и замкахъ, кои при догдашней малой населенности страны, большею частью находились въ весьма дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого. Такимъ образомъ съ одной стороны сильно затруднялось сообщеніе, столь необходимое для развитія всякой дѣятельности, съ другой, отсутствіе благотворной конкуренціи и личной предпримчивости оставляло лишь весьма ограниченный просторъ дѣятельности. Къ этому надо прибавить, что болѣе тяжелыя работы все еще поручались преимущественно мужчинамъ а легкія работы женщинамъ, и что бообще въ это время не существовало еще правильно организованнаго общаго труда, но напротивъ, что всякое отдѣльное лицо совершенно по своему соображенію могло пользоваться наслѣдованными имъ традиціями. Но подобно тому какъ всякаго рода дѣятельность только въ такомъ случаѣ можетъ рассчитывать на успѣхъ когда передъ ней раскрытъ обширный рынокъ для сбыта ея произведеній, такъ именно вплоть до двѣнадцатаго вѣка, т. е. до того времени когда уже успѣли окрѣпнуть города и развиться гражданская жизнь, всѣ поименованныя выше отрасли оставались въ тѣсныхъ предѣлахъ наслѣдованныхъ грубыхъ формъ.

6. Не то было съ художественными ремеслами, которыя въ продолженіе смутнаго времени царствованія каролинговъ не только не прерывались, но напротивъ спокойно процвѣтали въ монастыряхъ (стр. 321). Такимъ образомъ все то что неблагопріятствовало развитію нисшихъ ремеслъ, либо вовсе не существовало для художественныхъ ремеслъ, благодаря тогдашнему устройству монастырскихъ общинъ, либо измѣнилось въ иныя, болѣе благопріятныя условія. По уставу Св. Бенедикта каждый членъ общины обязанъ былъ трудиться, и ему дозволялось монастырскія произведенія продавать мірянамъ по существовавшимъ цѣнамъ; но сверхъ того, не только внутреннія условія жизни этихъ общинъ, но въ особенности ихъ положеніе къ остальному міру поддерживало и обусловливало постоянное живое между ними общеніе. Даже въ такомъ случаѣ когда въ какомъ либо монастырѣ кто либо изъ братіи отличался въ какой нибудь отрасли дѣятельности, то весьма нерѣдко другіе монастыри приглашали такое лицо къ себѣ на нѣкоторое время, дабы оно и у нихъ „прославляло Бога“¹ искусствомъ своимъ. Если такимъ образомъ съ одной стороны умѣніе и опытность отдѣльныхъ лицъ становилось общимъ достояніемъ для многихъ и благодаря этому произведенія ихъ пріобрѣтали все болѣе однородный характеръ, то съ другой стороны

¹ K. Schnaase. Gesch. и пр. III, стр. 507.

искреннее и безкорыстное стремление производить самое лучшее на пользу церкви вызывало соревнование, содействовавшее в значительной степени усовершенствованию производства.

При таких обстоятельствах еще к концу девятого столетия в немецких монастырях образовалось значительное число художников и ремесленников-художников, в особенности по части строительного искусства, миниатюрной и стѣнной живописи, литейного дѣла, рѣзбы и золотых-дѣлъ-мастерства, и отчасти были уже учреждены обширныя мастерскія ¹. Знаменитѣйшими в числѣ этихъ мужей были, напр. в монастырѣ в Фульдѣ, глубокой учености Рабанусъ Маурусъ, в послѣдствіи архіепископъ майнцскій (съ 785 по 856 г.), потомъ аббаты Тіото (856—869) и Гельмфридъ (въ 913 г.) За ними слѣдуютъ, трудившіеся на тойже почвѣ и отчасти ученики предъидущихъ, аббатъ Гаттонъ (956—968), прославившійся тоже какъ живописецъ, и еще болѣе извѣстный аббатъ Веригеръ (969—982). Вѣ особенности при немъ и его преемникъ аббатъ Рогингъ (1043—1047), в этомъ монастырѣ занимались усердно не только живописью по стѣнѣ и скульптурными работами, но также производствомъ весьма художественныхъ издѣлій золотых-дѣлъ-мастерства.

Почти в тоже самое время, по примѣру фульдскаго монастыря стали заниматься ремеслами и в другихъ монастыряхъ, такъ имъ. пр. в Гиршау, Корвей, Лорхѣ, Оснабрюггѣ, Трирѣ, Гильдесгеймѣ, Майнцѣ и С. Галленѣ. С. Галленскій монастырь вѣ особенности вскорѣ пріобрѣлъ громкую извѣстность, такъ что весьма рано еще онъ сталъ сборнымъ мѣстомъ къ которому стекались ученики со всѣхъ странъ. Послѣ первыхъ аббатовъ этого монастыря, коими положено было основаніе его славы, здѣсь отличался какъ ревностный покровитель всякаго рода художественной дѣятельности аббатъ Саломонъ (891—921). Подъ его водительствомъ выходили изъ значительнаго числа собиравшихся вѣ его монастырѣ духовныхъ, не только самыя искуснѣйшіе, но и весьма многосторонне развитые работники, изъ коихъ вѣ особенности двое, Тутило и Ноткеръ (973—982) вѣ одинаковой степени отличались вѣ живописи, рѣзбѣ и золотых-дѣлъ-мастерствѣ и повсюду пріобрѣли славу какъ замѣчательнѣйшіе художники своего времени. О многочисленныхъ произведеніяхъ рукъ ихъ сохранилось множество похвальныхъ отзывовъ у лѣтописцевъ. И теперь еще вѣ С. Галленскомъ монастырѣ хранится рѣзная доска изъ слоновой кости съ изображеніемъ Взятія на Небо Пресв. Богородицы и одного событія изъ житія С. Галлуса, обличающія уже болѣе свободы вѣ исполненіи, и замѣтнаго уклоненія отъ италіанскаго и греческаго способа изображенія, чѣмъ упомянутая выше утварь (стр. 323).—Какъ о современникѣ обоимъ названнымъ художникамъ, и не менѣе ихъ искусномъ вѣ живописи и золотомъ дѣлѣ художникѣ, лѣтописцы упоминаютъ еще о другомъ аббатѣ тогоже монастыря, Иммо (982—990), но изъ работъ его сохранилось только нѣсколько неоконченныхъ тканыхъ ковровъ съ изображеніемъ Вознесенія Спасителя. Преемникомъ его былъ стольже ревностный покровитель искусствъ аббатъ Ульрихъ (990—

¹ D. Fiorillo. Gesch. der zeichn. Künste и цр. 1. стр. 40 и сл.

996), а потомъ, послѣ долгаго перерыва причиненнаго опустошительными походами герцога Вельфа, аббатъ Мангольдъ (1117 — 1128) вскорѣ снова сталъ привлекать въ свой монастырь искусныхъ художниковъ.

Политическія и торговыя сношенія съ Италіею возобновившіяся съ большею силою при Оттонахъ, отразились самымъ благотворнымъ образомъ на дальнѣйшее развитіе вышесказанной дѣятельности въ монастыряхъ, поддерживаемой кромѣ того богатыми средствами коими они обязаны были щедрости жертвователей вплоть до начала одиннадцатаго столѣтія (стр. 132). Благодаря этимъ сношеніямъ съ Италіею, передъ нѣмцами раскрылась сокровищница классическихъ древностей, но вмѣстѣ съ этимъ они въ еще большей степени чѣмъ прежде освоились также и съ произведеніями византійскаго искусства. Именно въ это время искусство на востокъ приходило въ упадокъ и лучшими произведеніями даже тамъ считались тѣ коими въ эту пору обладала Италія (стр. 165 и сл.). Это обстоятельство въ особенности, и потомъ бракъ Оттона II съ Теофаніею и вліяніе последней на Оттона III (стр. 126), бывшее причиною что вскорѣ при дворѣ вошли въ моду греко-италійскіе порядки, все это въ совокупности возбуждало ремесленниковъ къ слишкомъ усердному подражанію византійскимъ произведеніямъ, такъ что въ это время въ мелкомъ искусствѣ нигдѣ не проявляется направленія къ самобытно-народному творчеству. Оттого всѣ произведенія мелкаго искусства за это время носятъ на себѣ все еще весьма замѣтный греческій отпечатокъ хотя въ нихъ и проглядываетъ нѣкоторое стремленіе къ своеобразному, такъ напр. упомянутое нами рѣзное произведеніе на кости работы Тутило, и доска изъ слоновой же кости о которой тоже было сказано выше, съ изображеніемъ Оттона II и Теофаніи (фиг. 230).

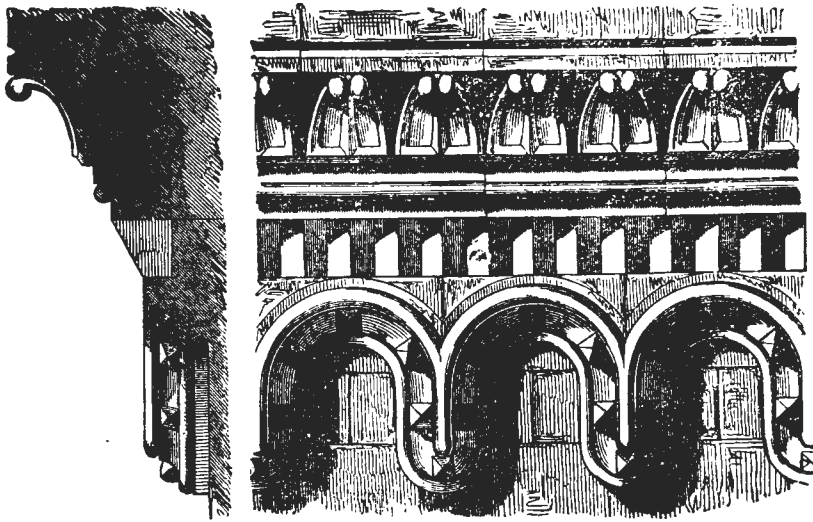
Въ одномъ лишь искусствѣ которымъ занимались также исключительно только духовные, именно въ зодчествѣ, замѣтно уже явное стремленіе къ большей свободѣ. Послѣ построекъ воздвигнутыхъ Карломъ великимъ и содѣлавшихся образцами по преобладающему въ нихъ романскому характеру, возвратъ къ византійскимъ формамъ былъ почти уже не возможенъ болѣе въ зодчествѣ. Распространявшееся все болѣе со временъ Оттоновъ, знакомство съ древнеримскими произведеніями строительнаго искусства, какъ будто возбуждало строителей еще болѣе сообразоваться съ древними формами, что конечно въ то время достигалось главнымъ образомъ только путемъ подражанія, хотя и приходится отмѣчать попытки свободной своеобразной творческой дѣятельности. Новыя формы созданныя на древнеримскихъ началахъ, получившія названіе романскаго стиля, прежде всего примѣняемы были опятьтаки въ церковномъ зодчествѣ, и въ немъ главнымъ образомъ при отдѣлкѣ частныхъ. Что касается общаго расположенія храмовыхъ зданій, то здѣсь почти вполнѣ была удержана древняя форма, но съ приспособленіемъ ея къ требованіямъ христіанской церкви. По отношенію же къ частностямъ, напротивъ, какъ напр. исполненію и расположенію орнаментовъ ¹, можно было позволять себѣ болѣе свободы, и не отступая совершенно отъ древне-римскихъ формъ видоизмѣнять ихъ согласно вкусу съ-

¹ F. Kugler Gesch. der Baukunst. II. стр. 33.

верныхъ народовъ. Такимъ образомъ возникнулъ въ замѣнъ древнеримскихъ орнаментовъ, рядъ линѣйныхъ украшеній представляющихъ ленты, частью витыя на подобіе каната, частью переплетающіяся, частью же волнообразно изгибающіяся и ломанныя зигзагомъ рейки; потомъ чешуйчатая

Фиг. 303.

украшенія и малые кубики, расположенные въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого илиже въ видѣ шахматной доски; затѣмъ шарики, пуговики и т. под. (фиг. 303). Далѣе мы теперь встрѣчаемъ украшения въ видѣ въющихъся растеній и листы и даже цвѣты, но пока еще довольно неуклюжаго рисунка (фиг. 304), и наконецъ, въ дополненіе ко всему этому, изображенія животныхъ и человѣческихъ фигуръ, отчасти крайне фантастическихъ и чудовищныхъ формъ и нерѣдко символическаго характера (фиг. 305). Во всемъ этомъ весьма замѣтнымъ образомъ преобладаетъ какъ будто стремленіе къ архитектурическому расположенію и дѣленію площадей посредствомъ горизонтальныхъ линій, колоннъ и полукруглыхъ арокъ.

Понятно, что на первыхъ порахъ попытки художниковъ воспроизводить эти новыя формы, невзирая на все ихъ стараніе, должны были отличаться главнымъ образомъ тяжеловатостью и дебеловатою наивностью. Но, благодаря развивавшемуся вкусу къ изящному и живому усердію къ труду, эти попытки продолжались не долѣе конца десятаго вѣка. Но начиная съ этого времени въ произведеніяхъ вышеописаннаго рода замѣчаются уже начатки болѣе свободнаго и самостоятельнаго творчества, достигающаго потомъ вполне опредѣленнаго характера подъ вліяніемъ утвердившагося свѣтскаго могущества папъ и новыхъ воззрѣній распространяемыхъ въ народѣ крестоносцами. Новыя формы принесенныя послѣдними съ востока тоже не мало содѣйствовали тому, что въ продолженіе всего времени отъ половины двѣнадцатаго вѣка мало-по-малу начинаютъ исчезать тяжеловатость и нерѣ-

нительность, свойственныя произведеніямъ пластическаго искусства предъидущаго времени, и что взамѣнъ ихъ возникаютъ произведенія отличающіяся

Фиг. 304.

Фиг. 305.

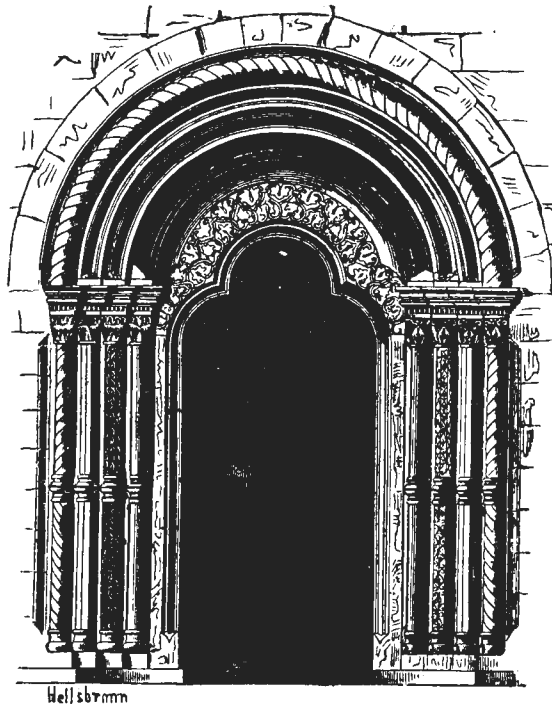

вполнѣ свободнымъ и богатымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легкимъ характеромъ. Такъ напр. что касается формъ упомянутыхъ нами сейчасъ, то собственно отъ арабовъ были заимствованы формы остроконечныхъ и такъ называемыхъ подковообразныхъ арокъ, а затѣмъ и полукруглая арка составленная изъ нѣсколькихъ малыхъ арокъ. Этиже въ сущности простыя, арочныя формы были потомъ видоизмѣняемы прибавленіемъ къ нимъ различныхъ выкружинъ, какъ напр. на трехлопастныхъ аркахъ, и разнаго рода планокъ съ украшеніями, и вообще въ самомъ способѣ орнаментовки, а въ особенности въ листованныхъ украшеніяхъ и цвѣтахъ замѣчается гораздо болѣе свободы и жизни (фиг. 306). — Этимъ сліяніемъ вышеприведенныхъ иноземныхъ формъ съ формами выработавшимися самостоятельно, въ началѣ тринадцатаго столѣтія истощилась, такъ сказать, способность къ дальнѣйшему развитію романскаго стиля, въ виду новаго направленія прорывавшагося съ своими требованіями и искавшаго для себя выраженія въ соответственныхъ имъ новыхъ художественныхъ формахъ.

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ стремленіе къ большей самостоятельности заявляло о себѣ главнымъ образомъ въ строительномъ искусствѣ, искусство это стало теперь по отношенію къ формѣ руководителемъ художественныхъ ремеселъ. Лишь въ виду явныхъ успѣховъ строительнаго искусства остановилось подражаніе произведеніямъ византійскихъ мастеровъ, и только превосходство послѣднихъ въ отдѣлкѣ частныхъ продолжало и впредь служить образцомъ для западныхъ художниковъ. Впрочемъ, возвращеніе къ родному совершилось только постепенно, ибо само строительное искусство всецѣло выработалось именно на восточныхъ образцахъ, и такъ сказзть съ ними сроднилось; тѣмъ не менѣе вліяніе востока продолжалось, надо полагать, не долѣе конца одиннадцатаго вѣка. Покрайней мѣрѣ съ этого времени во всѣхъ отрасляхъ художественныхъ ремеселъ занимавшихся

изготовленіемъ предметовъ обиходнаго и домашняго быта, начинается уже сказываться рѣшительное вліяніе нѣкоторыхъ формъ выработанныхъ народ-

Фиг. 306.

нымъ (церковнымъ) зодчествомъ. Чѣмъ болѣе развивалось послѣднее, тѣмъ въ большей степени замѣтно это вліяніе, такъ что многимъ церковнымъ предметамъ еще въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка придавали форму и видъ церковныхъ зданій, въ особенности напр. ракамъ для мощей, престолу съ его принадлежностями и даже кадиламъ и пр. и пр.

Хотя подобное вліяніе само по себѣ прямо вытекало изъ условій внутренняго строя тогдашней жизни, однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что его вызвало отчасти и то чисто внѣшнее обстоятельство, что въ эту пору не существовало еще правильно организованнаго распредѣленія труда; но что въ монастырскихъ школахъ, въ этихъ почти единственныхъ центрахъ художественной дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ каждый въ отдѣльности совмѣщалъ въ себѣ почти всѣ искусства (стр. 327 и сл.). Такой порядокъ существовалъ во всѣхъ многочисленныхъ обителяхъ посвятившихся подобнаго рода занятіямъ преимущественно въ саксонскихъ земляхъ начиная съ десятаго вѣка, какъ то въ Магдебургѣ, Кведлинбургѣ, Нордгаузенѣ, Мерзебургѣ, Мейсенѣ, Наумбургѣ и пр. Точно такъ и въ позднѣйшее время нѣсколько высшихъ духовныхъ сановниковъ даже внѣ монастырскихъ школъ занимались одновременно различными искусствами, что также значительно содѣйствовало поддержанію вышесказаннаго порядка вещей, въ особенности же пото-

му, что именно эти лица становились главными руководителями и покровителями художественной дѣятельности.

Къ числу такихъ мужей отличавшихся на поприщѣ искусства принадлежали оба наставника Оттона III, Бернвардъ, епископъ гильдесгеймскій (ум. 1023) и Виллигисъ, архіепископъ майнцскій (ум. 1011); потомъ Мейнверкъ падерборнскій (ум. 1035), Бэнно, епископъ оснабрюкскій (ум. 1088), Сигисмундъ, епископъ гальберштадтскій, Тэодоръ изъ Утики, Ноткеръ Бальбулусъ и м. др. Самымъ даровитѣйшимъ изъ нихъ былъ безспорно Бернвардъ гильдесгеймскій¹; много замѣчательныхъ произведеній его руки сохранилось донинѣ. Объ немъ біографъ его Тангмаръ говоритъ: „Хотя онъ всею душою преданъ былъ высшимъ наукамъ, тѣмъ не менѣе онъ весьма усердно занимался тоже болѣе легкими искусствами, или такъназываемыми у насъ механическими искусствами. Онъ въ особенности отличался въ живописаніи, изящно владѣлъ кистью, былъ весьма свѣдущъ въ искусствѣ обработки металловъ и мастерски умѣлъ оправлять драгоценныя камни, словомъ, былъ искусенъ почти во всякой ручной работѣ, какъ можно видѣть по многочисленнымъ великолѣпно украшеннымъ зданіямъ воздвигнутымъ имъ лично“. Кромѣ того „онъ любилъ посѣщать мастерскія въ которыхъ приготовлялись металлы для различныхъ цѣлей и внимательно изслѣдывалъ каждую работу въ отдѣльности. Всѣхъ кто къ нему привязывался онъ поощрялъ къ подобнымъ занятіямъ чуть не выше ихъ силъ. Не было художественной дѣятельности въ которой онъ самъ не попыталъ бы силъ своихъ хотябы въ ней онъ и не достигалъ совершенства. Не въ одномъ только нашемъ соборѣ, но и въ другихъ мѣстахъ онъ завелъ писарни и успѣлъ такимъ образомъ составить себѣ богатое собраніе богословскихъ и философскихъ сочиненій и книгъ. Онъ постоянно заставлялъ художниковъ обращать вниманіе на живопись, пластическое искусство и металлическое дѣло, на искусство оправлять драгоценныя камни и на все вообще что самъ придумывалъ по части какоголибо изъ такихъ занятій. Такъ и самъ онъ всегда старался воспользоваться всѣмъ, что только встрѣчалъ замѣчательнаго и хорошаго, напр. въ тѣхъ предметахъ и той различнаго рода утвари, какіе приносили бывали въ даръ королю изъ заморскихъ и шотландской (ирландской) земель². Когда онъ отправлялся ко двору, или путешествовалъ онъ бралъ съ собою особенно способныхъ молодыхъ людей и заставлялъ ихъ слѣдить за всѣмъ что только представлялось достойнаго вниманія во всѣхъ родахъ искусства. Кромѣ того онъ занимался и производствомъ мозаичныхъ работъ для украшенія половъ и самъ, по собственному изобрѣтенію и безъ посторонняго наставленія сформовалъ искусно черепицы“. „Въ запущенныхъ помѣстьяхъ предковъ своихъ онъ соорудилъ красивыя зданія, упот-

¹ D. Fiorillo. Gesch. der zeichn. Künste in Deutschl. I. стр. 70. и сл. K. Schnaase Gesch. der bild. Künste IV. Отдѣлъ 2. стр. 36. 70. 504. и въ особ. G. Kraatz. Der Dom zu Hildesheim и пр. II. стр. 48 и сл. съ рисунками. — ² K. Schnaase въ прив. соч. IV. отд. 2. стр. 462. Почетные подарки присылались королямъ постоянно чужими народами. Такъ имп. пр. Оттонъ I, получалъ подарки отъ многихъ королей и народовъ, отъ римлянъ, грековъ и саррациновъ: золотые и серебряные сосуды, бронзовую утварь искусной работы, стеклянные сосуды, тоже костяные, съ изящными украшеніями. Widukind. III. 56.

ребивъ на украшеніе ихъ камни бѣлаго и краснаго цвѣта и мозаику, такъ что все это вмѣстѣ представляло прекрасный видъ. Такъ напр. онъ покрылъ стѣны и потолки отличными картинами, замѣнивъ все старое вполне новымъ. Для торжественныхъ процессій въ нѣкоторые большіе праздники онъ изготавлялъ Евангелія обложенныя золотомъ и дорогими камнями; потомъ кадила необычайнаго вѣса и цѣны, и сверхъ всего этого, благодаря неутомимому рвенію онъ успѣлъ изготавить еще нѣсколько потировъ, одинъ ониковый, другой изъ кристалла и другой служебный потиръ изъ чистѣйшаго золота, вѣсомъ въ двадцать фунтовъ. Кромѣ того онъ повѣсилъ въ церкви громадной величины паникадило сверкавшее золотомъ и серебромъ; о многихъ другихъ вещахъ мы умалчиваемъ¹. Въ числѣ этихъ „другихъ“ вещей, по свидѣтельству тогоже писателя находился „ковчежець для храненія частицы животворящаго древа отъ креста Господня, блиставшій золотомъ и дорогими камнями.“ Мы ограничимся этимъ извѣстіемъ о Бернвардѣ современнаго ему писателя, и вполне согласнымъ съ извѣстіями другихъ писателей о дѣятельности подобныхъ Бернварду покровителей искусствъ. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій можно вывести то заключеніе, что общая дѣятельность направлена была въ то время почти исключительно на пользу церкви, и что, за исключеніемъ зодчества, миниатюрной и стѣнной живописи, она главнымъ образомъ сосредоточивалась на металлическихъ работахъ, литейномъ дѣлѣ и золотыхъ-дѣла-мастерствѣ, и связанныхъ съ ними искусствахъ, какъ то отдѣлкѣ драго-дѣнныхъ камней, филигранной работѣ, черной финифти и, судя по многимъ другимъ показаніямъ, тоже эмалевой живописи. Это послѣднее искусство будучи принесено въ Германію послѣ брака Оттона II съ греческою царевною Теофаніею византійскими художниками, скоро распространилось въ этой странѣ, благодаря особенно тому обстоятельству, что въ это время найденъ былъ способъ наводить эмаль также на мѣдь, вслѣдствіе чего она стала примѣняться въ широкихъ размѣрахъ (стр. II. 1. 52). Весьма вѣроятно, что открытіе въ Гарцскихъ горахъ въ 968 г. не далеко отъ Гослара, металлическихъ рудниковъ оказавшихся на столько обильными, что народъ въ Саксоніи сталъ уже мечтать о наступленіи золотого вѣка, имѣло весьма благотворное вліяніе на всѣ отрасли металлическихъ работъ, и тоже содѣйствовало болѣе основательному изученію плавильнаго и литейнаго дѣла и пр. Затѣмъ были все еще въ ходу рѣзба по слоновой кости, вышиваніе и тканье большихъ стѣнныхъ ковровъ и т. под. (стр. 167). Всѣми этими отраслями занимались весьма ревностно, и хотя ваяніе изъ камня пока еще (т. е. до двѣнадцатаго столѣтія) находило лишь мало поощренія, зато рѣзба по дереву никогда не переставала процвѣтать¹.

А. Все то о чемъ въ числѣ подобнаго рода произведеній за все продолженіе десятаго вѣка и вплоть до начала тринадцатаго, упоминаютъ либо очевидцы, либо свидѣтельствуютъ сохранившіеся до насъ образчики, все это, согласно общему направленію того времени предметы, имѣющіе прямое отношеніе къ церкви и церковному служенію. Число ихъ довольно значи-

¹ K. Schnaase. въ ир. соч. IV. Отд. 2. стр. 499 и сл. и отд. 1. стр. 76.

тельно ¹, и потому представляетъ возможность довольно вѣрно судить о степени развитія достигнутой въ различныхъ отрасляхъ. Прежде всего слѣдуетъ однако замѣтить, что вмѣсто прежняго обыкновеннаго, и даже отчасти произвольнаго, способа обдѣлки церковной утвари, въ это время все болѣе и болѣе выказывается стремленіе придавать соответственное духу Христіанства символическое значеніе даже самымъ мелочнымъ и незначительнымъ предметамъ церковнаго служенія, вслѣдствіе чего всѣ такіе предметы, несмотря на внѣшнее между ними различіе, тѣмъ не менѣе носятъ на себѣ одинъ общій своеобразный отпечатокъ.

1. Въ числѣ этихъ предметовъ главное мѣсто занимали постоянно священные сосуды, какъ по значенію ихъ, такъ и по количеству. Къ нимъ принадлежали прежде всего потиры со всѣми ихъ принадлежностями, какъ-то дискосомъ и особой трубкою для всасыванія Крови Христовой, затѣмъ дарохранительницы, и различнаго рода блюда и сосуды формы кружекъ, купели, водосвятныя чаши, кропильницы, кадила и мелкія коробочки для храненія ладана, склянки для св. мира и елея, и наконецъ множество ковчежцевъ для мощей разнообразныхъ формъ.

а. Изъ множества всякаго рода сосудовъ, болѣе всего обращалось вниманія на роскошную обдѣлку потировъ (*calices ministeriales*), и въ особенности большихъ парадныхъ потировъ, выставляемыхъ для украшенія на престолахъ. Нѣсколько такихъ потировъ архіепископомъ майнцскимъ Виллигисомъ принесены были въ даръ собору этого города. Всѣ они золотые и значительной величины; въ числѣ ихъ одинъ потиръ съ локоть вышиною и толщины съ палецъ и весь обложенъ дорогими камнями ². Къ такого рода потирамъ принадлежали повидимому по большей части сосуды которые по свидѣтельству Анастасія, императоры, князья и папы жертвовали въ различныя церкви (стр. 324). Но такъ какъ подобные сосуды въ качествѣ обѣтныхъ даровъ (*donaria*), предназначались главнымъ образомъ только для украшенія престола, то въ отношеніе обдѣлки ихъ художники могли позволять себѣ вообще болѣе свободы. Что же касается употребляемыхъ ежедневно въ церквахъ, служебныхъ потировъ (*calices quotidiani*) и купелей (*calices baptismales*), то для нихъ еще въ девятомъ вѣкѣ были изданы церковью особыя постановленія, опредѣлявшія форму и внѣшнюю обдѣлку этихъ сосудовъ, правила эти теперь отчасти были вновь подтверждены, а отчасти еще болѣе усилены. До указаннаго времени потиры безпрепятственно дѣлались изъ всякаго матеріала и форма ихъ была различна, въ бѣдныхъ церквахъ были даже деревянные сосуды, теперь же предписывалось имѣть исключительно только золотые или серебряные, а если средства церкви не позволяютъ имѣть другихъ сосудовъ кромѣ мѣдныхъ, то послѣдніе непременно должны быть сплошь густо вызолочены. Подобное предписаніе не могло конечно вездѣ быть буквально исполнено, и потому очень бѣд-

¹ См. сочиненія приведенныя уже прежде, II. 1. стр. 32 прим. 4; II. 1. стр. 93. пр. 2; стр. 257 пр. 1. стр. 304 пр. 1.— ² Подробности см. у W. Augusti. Handbuch, der christl. Archäol. III. стр. 518 и сл. F. Wetter. Gesch. u. pr. des Doms zu Mainz. стр. 156.

ныя церкви должны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольствоваться оловянными сосудами¹. Согласно упомянутымъ предписаніямъ, потиръ долженъ состоять изъ ножки, стержня (или рукояти), яблока и чаши; на ножкѣ (*pes*) не должно быть другаго изображенія кромѣ изображенія страданій Христовыхъ; стержень долженъ быть на столько высокъ, чтобъ его можно было удобно обхватить руками; яблоко (*nodus*), смотря по средствамъ, либо гладкое, либо обложено дорогими камнями, и наконецъ чаша (*cuppa*), суживаясь по много книзу, должна къ верхнему краю постепенно расширяться, а самый край долженъ быть прямой, не представляя никакого изгиба. Кромѣ того, всѣ художественныя украшенія на вѣшной сторонѣ чаши, должны быть по крайней мѣрѣ на два или на три пальца ниже отъ края, а самый край не плоскъ, но скорѣе заостренъ, и сверхъ того ни снаружи, ни внутри чаши, не должны быть начерчены круги, а стѣнки ея должны оставаться гладкими.

Хотя предписаніе это вообще соблюдалось въ мѣстахъ гдѣ оно было обнаружено, тѣмъ не менѣе скорѣ стали отъ него отступать, главнымъ образомъ изъ желанія придавать церковной утвари болѣе благолѣпія. Свидѣтельствомъ сему служатъ не только наставленія, какія (въ одиннадцатомъ вѣкѣ или началѣ двѣнадцатаго), даетъ Теофилъ въ сочиненіи своемъ, обнимающемъ всѣ отрасли техническихъ искусствъ, по отношенію къ формѣ и способѣ изготовленія потировъ², но еще въ большей степени сосуды которые сохранились отъ того времени. Не говоря о самомъ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ сосудовъ, извѣстной „чашѣ герцога Тассило“ (стр. 323), древнѣйшій послѣ него по времени принадлежитъ къ десятому вѣку и представляетъ уже совершенно другой вѣшній характеръ. Это такъ называемая „чаша святого Гозлина“, епископа тульскаго (922—962)³, которая даже формою своею нисколько не соответствуетъ установленному для сосудовъ предписанію. Верхняя часть этой чаши снабжена двумя ручками, форма ея полукруглая и край нѣсколько отогнутъ и притомъ сплошь украшенъ рѣзьбою, зеленопатою и синею эмалью и дорогими камнями. Въ формѣ и способѣ отдѣлки потировъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій замѣтны еще большія произвольности. Въ числѣ ихъ встрѣчаются нерѣдко сосуды сплошь покрытые либо очень рельефными украшеніями изъ листовъ и цвѣтовъ⁴, либо украшенные искусною филигранною работою, съ симметрически расположенными по ней цвѣтными камнями, какъ напр. „сосудъ святого Ремигія“ въ парижской бібліотекѣ⁵. На другихъ сосудахъ въ особенности двѣнадцатаго вѣка, встрѣчаются попеременно съ приведенными сейчасъ украшеніями также изображенія Страстей Господнихъ⁶, или почти однѣ только изобра-

¹ Подобный сосудъ съ дискомъ изъ олова, работы св. Вольфганга, какъ полагаютъ, хранится въ монастырѣ имени этого святого въ Австріи. См. E. v. Sacken въ: *Mittelalterliche Kunstdenkmale des österreichischen Kaiserstaats* I. стр. 125. — ² См. въ соч. прив. выше, II. 1. стр. 110 ир. 2. Lib. I. гл. XXIII до гл. XXXVII. Abbé Texier. *Dict. и ир.* стр. 300 „Theophile“. — ³ M. de Caumont. *Abécédaire и ир.* II. стр. 55. — ⁴ и ⁵ Ср. изобр. одного „нѣмецкаго“ потира 12-го вѣка у Didron *Annales и ир.* XVIII. стр. 273. и II. стр. 363. P. Lacroix и F. Seré *Hist. de l'orfèvrerie и ир.* стр. 51. — ⁶ A. Przewdzicki и E. Rastawiecki. *Monuments du moyen age и ир.* Vol. I. K. Weiss. *Der roman. Speisekelch des Stiftes Wilten in Tirol и ир.* въ: *Jahrb. der K. K. Centralcomm.* IV. (1860) стр. 24.

женія въ родѣ послѣднихъ, какъ напр. на изящномъ сосудѣ хранящемся въ Вильтеномъ монастырѣ въ Тироли (фиг. 307). Такоеже разнообразіе формъ

Фиг. 307.

представляютъ въ отдѣльности также и главные части всѣхъ этихъ сосудовъ. Все что сказано было о формѣ названныхъ сосудовъ за этотъ періодъ времени, сводится сталобытъ къ тому, — что всѣ части въ нихъ, какъто, ножка, рукоять, яблоко и чаша, всегда были круглой формы, и что собственно чаша, (т. е. главная или верхняя часть этихъ сосудовъ), представляла собою большею частью углубленное полушаріе, обыкновенно немного больше полушарика полного шара и съ нѣскольکو вогнутымъ или отогнутымъ верхнимъ краемъ. Рукоять или шейка по большей части довольно тонка; яблоко, напротивъ, крѣпкое и шарообразной формы; ножка обыкновенно широка и плоска; чаша, иногда снабжена двумя короткими ручками; наконецъ украшенія, вплоть почти до двѣнадцатаго столѣтія представляютъ главнымъ образомъ лентовидную и листовидную орнаментацию, болѣе или менѣе выдержанную, затѣмъ разныя изображенія изъ библейскихъ событій и св. угодниковъ, а на ножкѣ и яблокѣ евангелистовъ въ круглыхъ медальонахъ, либо гравированныхъ, либо немного выпуклыхъ.

б. Дискосъ (patena или patina), какъ одна изъ существенныхъ принадлежностей потира, и какъ сосудъ на которомъ на самомъ престолѣ готовится для Евхаристіи Агнецъ, хотя тоже представлялъ удобный предметъ для богатой вѣтшней отделки, однакожъ по отношенію къ формѣ и вѣтшней отделкѣ подчиненъ былъ болѣе строгимъ условіямъ. Самымъ назначеніемъ дискоса, во первыхъ, обуславливались его плоская форма и незначительное углубленіе; сталобытъ роскошь могла выказываться здѣсь только въ выборѣ матеріала, и развѣ еще въ отделкѣ вѣтшняго края дискоса. Ограничи-

ваясь этими предѣлами и сообразуясь съ церковными постановленіями, дискосу стали придавать такойже роскошный виѣшній видъ, какимъ отличались потиры. По буквальному смыслу этихъ предписаній дискосъ долженъ быть изъ такогже металла изъ какого сдѣлать потиръ къ которому онъ принадлежитъ, онъ долженъ быть круглый, и край хотя и острый но закругленъ, дабы легче было собирать оставшіяся на немъ крошки отъ Агнца, вся поверхность диска должна быть совершенно гладкая и безъ всякихъ украшеній, и лишь къ срединѣ немного углублена. Вслѣдствіе такихъ предписаній дискосы стали изготовляться изъ золота или серебра или позолоченой мѣди, и смотря по средствамъ заказчиковъ, даже золотые и серебряные дискосы нерѣдко доходили до двадцати и до тридцати фунтовъ вѣсу. Подобнаго рода дискосы украшались иногда, вопреки предписанію, по виѣшнему краю драгоценными камнями, филигранною работою и пр. (ср. стр. 308), а дабы удобнѣе было ихъ держать, къ нимъ придѣлывались по двѣ короткія ручки. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, когда вмѣсто обычныхъ дотолѣ небольшихъ круглыхъ просфоръ, латинскою церковью установлены были для Евхаристіи употребляемыя до нынѣ „облатки“¹, форма диска была уменьшена на столько, что онъ сталъ какъ бы покрывшкою потира къ которому онъ принадлежалъ, при чемъ все украшеніе диска большею частью ограничивалось слегка вырѣзаннымъ на немъ крестомъ. Въ числѣ различныхъ подарковъ, которые присланы были королемъ въ Гамбургъ для перестраивавшагося тогда въ этомъ городѣ собора, находился, по свидѣтельству Адама бременскаго (III. 44), кромѣ трехъ золотыхъ потировъ, еще серебряный вызолоченный дискосъ весьма роскошной отдѣлки. Потомъ и Титмаръ мерзебургскій (VI. 61), исчисляя многочисленныя подарки коими король Генрихъ II обогатилъ церковь въ Мерзебургѣ, приводитъ также золотой потиръ украшенный драгоценными камнями и дискосъ, и принадлежащую къ нимъ трубочку.

в. Упомянутыя сейчасъ трубочки (*arundo, canna, fistula, sypho, pipa, calamus*), сквозь которыя, какъ сказано было выше, преподавалась Кровь Христова, введены были единственно съ цѣлью чтобы ни капли не проронить отъ Св. Крови. Трубочки эти дѣлались обыкновенно изъ золота, серебра или слоновой кости; онѣ были совершенно прямыя съ двумя ручками и воронкообразнымъ расширеніемъ на томъ концѣ который опускался въ потиръ. Такъ какъ онѣ вышли изъ употребленія съ тѣхъ поръ какъ въ латинской церкви отмѣнено было приобщеніе мірянъ подъ двумя видами, то до насъ дошло вообще незначительное число такихъ трубочекъ².

г. Если производство вышеназванныхъ предметовъ, уже по самому назначенію ихъ, подчинено было извѣстнымъ ограниченіямъ по отношенію къ формѣ и способу украшенія, за то художникамъ предоставлено было гораздо болѣе свободы относительно разныхъ другихъ предметовъ употребляемыхъ при богослуженіи, какъто, кувшиновъ и сосудовъ въ которыхъ хранились

¹ О способѣ приготовленія, формѣ и употребленія «ростій», См. А. J. Binterim. *Über Hostienhandel in Deutschland und Frankreich*. Düsseldorf. 1852.—² E. v. Sacken. *Die Kunstdenkmale des Mittelalters* и пр. II (1857), стр. 100 съ рис. J. Vogt. *Historia fistulae eucharisticae* и пр. Bremae. 1740.

вода и вино (*ampulla, amula, manile*), и т. под. Этою свободою они пользовались въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что вскорѣ отчасти стали вдаваться въ изобрѣтеніе самыхъ причудливыхъ формъ. Неговоря о томъ, что названные сейчасъ сосуды большею частью дѣлались также изъ золота или серебра когда того позволяли средства, но кромѣ того, въ особенности умывальнымъ кувшинамъ, употребляемымъ священниками при омовеніи рукъ, любили давать формы различныхъ животныхъ, львовъ, драконовъ, птицъ, грифоновъ и даже всадниковъ; при чемъ обыкновенно вдоль по спинѣ устраивалась рукоятъ, отличавшаяся тоже своеобразною формою, и соединявшаяся спереди у рта или на лбу съ рыльцемъ кувшина. Такого рода кувшинъ, надо полагать, былъ „серебряный всадникъ“, оставшійся въ числѣ многихъ другихъ золотыхъ сосудовъ и церковной утвари послѣ архіепископа кѣльнскаго Бруно. До насъ дошло множество подобныхъ кувшинчиковъ, заказанныхъ отчасти Виллигисомъ майнцскимъ для своей церкви, и бывшихъ въ употребленіи тоже въ тринадцатомъ вѣкѣ и даже еще позднѣе (фиг. 308) ¹. Пред-

Фиг. 308.

меты эти по большей части изъ бронзы. И такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ найдены были въ древнеязыческихъ могилахъ вмѣстѣ съ другими бронзовыми вещами самыхъ древнѣйшихъ временъ, то надо будетъ полагать, что еще задолго до того какъ этими вещами стали пользоваться при церковномъ служеніи, онѣ уже были въ употребленіи въ обиходномъ быту. Но наряду съ этими вещами удержалась также „круглая форма“ для такихъ же сосудовъ, ихъ любили тоже украшать изображеніями изъ священнаго Писанія или христіанскими символами, крестомъ, агнцемъ, голубемъ и др. Подобными изображеніями украшались преимущественно ковшики употребляемые при крещеніи и литургіи, хотя и существовало предписаніе, чтобы послѣдніе были

всегда стеклянные и развѣ только съ металлическою оправою, для того чтобы можно было различать содержимыя въ нихъ воду и вино. И такъ какъ такихъ ковшиковъ полагалось всегда по два, то для установки ихъ введенъ былъ весьма рано еще особый общій поддонецъ, формы неглубокаго блюда. Когда эти ковшики стали дѣлать изъ металла, какъ напр. въ позднѣйшее время, то снаружи одинъ изъ нихъ отмѣчался буквою V, означавшею вино (*vinum*), а другой буквою A (*aqua*), воду.

д. Прочая употребляемая при церковномъ служеніи утварь заключалась главнымъ образомъ въ тазахъ и умывальникахъ для омовенія рукъ священ-

¹ Рисунки съ такихъ вещей можно встрѣтить во многихъ изъ приведенныхъ уже прежде сочиненій, какъ-то у A. Worsae. F. Kruse. E. Förstmann и пр.

нослужителей, различных сосудовъ какіе требовались при крещеніи для обливанія крещаемого и тарелкахъ для собиранія подааній. Форма и устройство всѣхъ этихъ вещей обусловливались до извѣстной степени ихъ назначеніемъ, и потому преобладающею для нихъ формою установилась круглая, болѣе или менѣе глубокихъ чашъ различной величины. Хотя самыя большіе изъ подобныхъ сосудовъ дѣлались преимущественно изъ мѣди а потомъ уже покрывались позолотою, однако, встрѣчаются въ числѣ ихъ и золотые и серебряные, богато украшенные камнями. Впрочемъ, подобными роскошными матеріаломъ и отдѣлкою отличались, понятно, большею частью только небольшіе сосуды, въ родѣ тѣхъ кои употреблялись при крещеніи и другихъ торжественныхъ священнодѣйствіяхъ. — Нѣсколько изъ дошедшихъ до насъ сосудовъ двѣнадцатаго вѣка различной величины, но первоначальное назначеніе коихъ намъ неизвѣстно, сдѣланы изъ мѣди, мѣстами позолочены и богато украшены эмалевою работою. Прибавимъ, что въ завѣщаніи Бруно кѣльскаго упоминается о греческой чашѣ, но безъ означенія для чего она служила ¹.

е. Къ этому разряду утвари можно также причислить въ отношеніе формы ихъ, цѣдилку (*colum, colatorium*) и лжицы (*cochlearia*), изъ коихъ въ латинской церкви, по крайней мѣрѣ въ началѣ двѣнадцатаго вѣка при измѣненіи нѣкоторой части церковной практики, первый изъ названныхъ предметовъ былъ на всегда изъятъ изъ употребленія. Лжицы за то въ латинской церкви служили исключительно для выниманія „гостіи“ изъ ковчежца и подливанія теплоты къ Крови Христовой ².

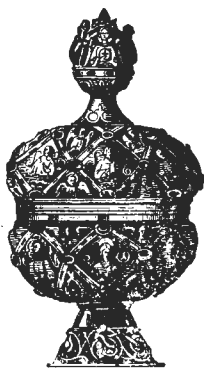
ж. Различнаго рода небольшія коробочки и сосудцы (*capsa, pyxis, pyxomelum*), для храненія неосвященнаго хлѣба, для ладона (*thus, incensum*), и св. мѣры (*chrysam*), по небольшимъ размѣрамъ своимъ всего удобнѣе могли служить предметомъ роскошной отдѣлки, и потому эти вещи дѣлались не только изъ золота и серебра, но также изъ слоновой кости и дорогихъ камней. Что касается формы, то вещи эти дѣлались вообще въ видѣ круглыхъ или продолговатыхъ коробочекъ съ крышечкою, въ особенности тѣ, въ которыхъ хранились „гостіи“ и ладонъ; впрочемъ, встрѣчаются тоже весьма причудливыя отступленія отъ этихъ формъ. Такъ мж. пр. по заказу упомянутого нами уже не разъ архіепископа Виллигиса, была изготовлена для соборной ризницы этого прелата ладанница изъ цѣльнаго крупнаго оникса, изображавшая дракона съ большимъ топазомъ на лбу и карбункулами вмѣсто глазъ ³. Большая часть сохранившихся подобнаго рода вмѣстителищ, принадлежащихъ къ одиннадцатому вѣку состоятъ, частью изъ небольшихъ четырехугольных коробочекъ, частью изъ маленькихъ овальныхъ чашъ, иногда раздѣленныхъ посрединѣ стѣнкою, и непрѣмнно съ крышкою; частьюже, какъ напр. сосудцы для храненія неосвященныхъ „гостіи“ двѣнадцатаго вѣка, либо изъ неглубокихъ круглыхъ коробокъ, либо изъ сосудовъ вродѣ вазъ, составленныхъ изъ полукруглой

¹ J. Becker и J. v. Hefner-Alteneck, потомъ и Ch. Louandre et Hangard-Maugé и пр. въ пр. выше сочиненіяхъ.—² W. Augusti. Handbuch der christl. Archäologie (извлеченіе) III. 528.—³ G. Wetter. Gesch. и пр. des Doms zu Mainz. стр. 156.

нижней части на невысокой ножкѣ, и другой полукруглой же верхней части, образующей крышку и украшенной обыкновенно вверху пугвою (фиг. 309).

Сосудцы эти были большею частью мѣдные, вызолоченные, и украшены полурельефными, гравированными или эмальированными фигурами; лишь изрѣдка сосудцы для храненія неосвященного хлѣба вырѣзывались изъ слоновьей кости. — Сосудцы для храненія мѣра (chrismatoria), дѣлались либо изъ благороднаго металла, либо, и гораздо чаще, изъ камня. Имъ давали разнообразныя формы изъ коихъ самую обыкновенною была повидимому, форма маленькаго зданія или многогранной башенки съ покрывкою на подобіе кровли.

Фиг. 309.

з. Дарохранительницы (ciborium и тоже tabernaculum)¹, сохранили свою изстари обычную неизмѣнную форму золотого или серебрянаго голубя, съ крыльями на шарнерахъ и иногда украшеннаго дорогими камнями (II. 1. стр. 113). Ихъ обыкновенно привѣшивали на цѣпочкахъ либо надъ самымъ престоломъ, либо съ боку, иногда и надъ кувелью. Въ нѣкоторыхъ церквяхъ, впрочемъ, весьма рано еще введены были дарохранительницы формы болѣе или менѣе высокой остроконечной башенки (turris, turricula), и состоявшія смотря по величинѣ ихъ либо изъ металла (золота, серебра или вызолоченной мѣди), либо изъ слоновой кости. Подобныя дарохранительницы, перѣдко отъ шести до шестнадцати фунтовъ вѣсу, и представлявшія весьма удобный предметъ для разнообразныхъ и богатыхъ украшеній, были въ особенности въ ходу въ галликанской церкви вплоть даже до семнадцатаго столѣтія. — Изъ сохранившихся доселѣ сосудовъ подобнаго рода укажемъ на двѣ дарохранительницы формы голубей. Одна была найдена во Франціи², а другая находится въ соборной ризницѣ въ Зальцбургѣ³. Затѣмъ слѣдуетъ еще привести дарохранительницу св. Вольфганга⁴ въ ц. с. Эмерана въ Регенсбургѣ, это восьмиугольная коробочка изъ слоновой кости, съ незначительно заостренной крышкою и украшенная восемнадцатью рѣзными фигурами⁴.

и. Совершенно другой формы были сосуды въ которыхъ хранилась святая вода, и изъ которыхъ производилось окропленіе этою водою помощью кропила. Эти сосуды имѣли большею частью форму и видъ небольшого ведра отъ пяти до восьми дюймовъ вышины при діаметрѣ у верхняго края отъ пяти до шести дюймовъ и съ подвижною лугообразною ручкою. Приблизительно до исхода двѣнадцатаго вѣка сосуды эти дѣлались преимущественно изъ слоновьей кости, послѣже этого времени чаще изъ металла, особенно изъ серебра и позолоченной мѣди. Снаружи ихъ украшали частью листовыми орнаментами, частью изображеніями изъ священнаго писанія и святыхъ

¹ Didron. Annales archéologiques XIV. 262. Сравни. Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français стр. 243. — ² H. Kreuser. Kirchenbau. I. 75. Ср. Abbé Texier. Dictionnaire и пр. стр. 1479. фиг. 2. — ³ Рисунки у G. Petzold Mittellateinliche Kunstschatze in Salzburg. — ⁴ H. Otte. Archäol. Katechismus. стр. 88. Ср. тоже Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné и пр. стр. 80.

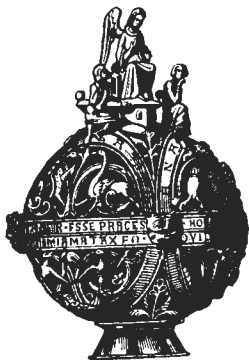
угодниковъ. На сосудахъ изъ кости украшенія были рѣзные и по возможности художественной оконченности, на металлическихъ напротивъ, литыя или чеканныя, но часто и съ чернью и финифтью. Соответственно сему отдѣлялась и ручка представлявшая иногда двухъ сходящихся драконовъ.— Въ числѣ сохранившихся отъ того времени водосвятныхъ чашъ, заслуживаютъ вниманія по отдѣлкѣ своей и художественной работѣ, во первыхъ, одна подобная чаша въ миланскомъ соборѣ, и другая еще болѣе роскошная въ одномъ частномъ собраніи въ Ахенѣ ¹. Обѣ эти чаши изъ слоновьей кости и принадлежать къ концу десятого до половины одиннадцатаго вѣка, и обѣ носятъ удостовѣрительныя отмѣтки. На основаніи ихъ первая изъ приведенныхъ чашъ принимается за подарокъ Готфрида, архіепископа миланскаго (973—978) императору Оттону II; другая тоже подарокъ и притомъ собственноручная работа Гернварда гильдесгеймскаго, поднесенный имъ сыну Оттона III (стр. 760). На одной лишь миланской чашѣ уцѣлѣла первоначальная ручка состоящая изъ упомянутыхъ двухъ драконовъ. Вокругъ этого водосвятнаго сосуда и непосредственно у верхняго его края помѣщается надшнѣ; затѣмъ идетъ лентообразный поясъ изъ цвѣточныхъ орнаментовъ въ строго выдержанномъ вкусѣ. Все почти пространство отъ этого пояса донизу раздѣлено колонками соединенными полукруглыми арками на четыре равныя площадки содержащія каждая по фигурѣ евангелиста. На аркахъ помѣщены также надписи, а въ клиньяхъ образуемыхъ ими, по орнаменту въ видѣ башеннаго сооруженія. По низу кругомъ идетъ опять лентообразный поясъ съ глубоко вырѣзаннымъ по немъ излучистымъ орнаментомъ. — Другая водосвятная чаша, семи дюймовъ вышины, вверху пяти, внизу четырехъ въ поперечникѣ, вся покрыта отдѣльными фигурами, группами и надписями весьма художественнаго исполненія, заимствованными изъ исторіи Страстей Христовыхъ. У верхняго края помѣщены двѣ головы, одна въ бородѣ, другая безъ бороды и поддерживающія мѣдную рукоятъ, лишь мало соответствующую общему характеру сосуда и по всей вѣроятности замѣняющую утраченную серебряную болѣе художественной отдѣлки. Всѣхъ изображеній одиннадцать; онѣ расположены поясами, по шести въ верхнемъ, а остальныя пять въ нижнемъ. — Третій подобныйже сосудъ хранится въ ц. св. Стефана въ Майнцѣ; четвертый наконецъ, съ богатыми украшеніями, находится въ Рейхенаускомъ монастырѣ на Констанцкомъ озерѣ.

к. Вышеприведеннымъ предметамъ соответствовали по матеріалу и внѣшней художественной отдѣлкѣ своей тоже кадилабники (*thuribulum, turabulum, thymiaterium*). Съ развитіемъ церковной практики и вѣроятно еще при Григоріи великомъ возникли два рода кадилабницъ. Первые, собственно курильницы, имѣли свое опредѣленное мѣсто въ алтарѣ возлѣ престола, либо въ сторонѣ отъ него, ихъ называли *thymiateria* ². Другія кадилабники были подвижныя, ихъ носили въ рукахъ при крестныхъ ходахъ, процессіяхъ и пр. По самому назначенію ихъ кадилабники необходимо долж-

¹ Seroux d'Agincourt. Sculpt. Tab. XII. figr. 22—23. и весьма подробно у Didron. Annales и пр. XVI. 373; XVII. 139. Th. и St. Känzler. Eine Kunstreliquie des X ten Jahrh. и пр. — ² Т. е. евмѣмниками, то были собственно—курильницы.

ны быть изъ металла и только размѣры ручныхъ кадилъ подчинены были извѣстнымъ правиламъ коими естественно обуславливались форма ихъ и отдѣлка. Такъ напр. не говоря о вѣсѣ, для ручныхъ кадилъ раскочиваемыхъ руками при кажденіи, самую удобнѣйшую формою оказалась шарообразная, т. е. форма пустого внутри подушарія, съ болѣе или менѣе возвышающеюся надъ нимъ крышкою. Что касается курильницъ, имѣвшихъ свое опредѣленное мѣсто въ церкви, то въ нихъ, какъ въ отношеніе формы, такъ и отдѣлки, фантазіи художниковъ предоставлялось гораздо болѣе свободы. Хотя изъ этого рода сосудовъ на врядъ ли что либо сохранилось ужъ потому, что по болъшой части они были довольно значительныхъ размѣровъ и нерѣдко изъ дорогихъ металловъ, тѣмъ не менѣе до насъ дошло много извѣстій свидѣтельствующихъ, что на вѣшную изящную отдѣлку подобныхъ курильницъ обращалось большое вниманіе. Такъ между проч. ограничиваясь однимъ примѣромъ, укажемъ на извѣстнаго архіепископа майнцскаго Виллигиса, подарившаго въ ризницу майнцскаго собора двѣ серебряныя курильницы (асегга), изображавшія журавлей въ натуральную величину, изъ клюва которыхъ выходилъ дымъ отъ ладона ¹.— Не уклоняясь отъ вышеописанной основной и утвержденной формы ручныхъ кадилъ, производство этого рода предметовъ сосредоточилось главнымъ образомъ на отдѣлкѣ частныхъ и мало-по-малу выработало въ этой сферѣ двѣ новыя формы представляющія подчасъ замѣтное разнообразіе въ украшеніяхъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаемыя постоянно одна наряду съ другою. Общими были какъ у той, такъ и у другой, во первыхъ—вмѣстилище содержащее жаръ или уголья, потомъ три или четыре цѣпочки прикрѣпленныя къ нему и проходившія сквозъ край прорѣзной крышки и затѣмъ соединявшіяся въ одну головку. Различіе же между обѣими заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что въ одной преобладала шаровидная форма, и орнаментъ изъ сплошнаго лентообразнаго сплетенія вѣтокъ и листьевъ съ разбросанными между ними изображеніями

Фиг. 310.

животныхъ и человѣческихъ фигуръ; тогда какъ кадилъницы другаго разряда цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ крышка ихъ, изображали сплошное церковное зданіе со всеміею частностями (II. 1. стр. 113). Какъ образчики кадилъницъ первой изъ названныхъ формъ можно привести подобный сосудъ изъ позолоченой мѣди (фиг. 310), и другой, изъ позолоченой желтой мѣди, съ весьма оригинальною рукоятью и изящною прорѣзью. Первая находится въ Лилле, другая въ Мээнской часовнѣ близъ Варбурга. Изъ кадилъницъ второй описанной нами формы, и встрѣчаемыхъ въ гораздо большемъ числѣ, укажемъ одну „нѣмецкую“ ², и другую находящуюся въ Триэръ и принадлежавшую прежде собору въ Метцѣ; мы пропускаемъ многія другія болѣе про-

¹ G. Wetter. въ прив. соч. стр. 156.—² Abbé Texier. Dictionn. и пр. стр. 1492. фиг. 3. и 1490. фиг. 1. P. La croix et F. Seré. Histoire и пр. стр. 36.

стаго устройства¹. Всѣ эти вещи принадлежать къ двѣнадцатому вѣку. Изъ двухъ послѣднихъ, кадилаицу въ Триэртѣ можно вполне назвать воспроизведеніемъ въ малыхъ размѣрахъ церковнаго зданія; формы нижней или главной ея части продолжены даже по верхней образующей крышку, и только нижняя часть кадилаицы у самаго подножія на которомъ она утверждена обдѣлана въ видѣ не глубокаго таза изъ сквознаго сплетенія листьевъ и вѣтвей. Общій видъ этой кадилаицы слѣдующій: по серединѣ возвышается четырехугольная башня, на всѣхъ четырехъ углахъ она подпирается бюстами святыхъ. Крышка, суживающаяся кверху и сквозная изображаетъ сплетеніе листьевъ и вѣтвей, и у верхняго своего конца украшена по всѣмъ четыремъ гранямъ круглыми остроконечными башенками, поддерживающими наставной орнаментъ, образуемый восходящими пальмовыми листьями на которыхъ помѣщается чей-то бюстъ. Къ каждой изъ четырехъ плоскихъ сторонъ средней башенки примыкаютъ въ видѣ незначительныхъ выступовъ, по одной четырехугольной пристройкѣ съ остроконечною кровлею шпикомъ или на два ската и съ маленькою фигурою вверху. Посреди этихъ выступовъ затѣмъ, возвышается полукруглая башенка съ полусферическою чешуйчатою кровлею. Въ томъ мѣстѣ гдѣ сходится нижняя часть кадилаицы съ верхнею проходитъ кругомъ двойной лентообразный поясъ, раздѣляющій цѣлое какъ бы на два яруса. Въ обѣихъ половинахъ продѣланы на равномъ другъ отъ друга разстояніи окошечки, сквозь которыя проходитъ дымъ. — На упомянутой выше „нѣмецкой“ кадилаицѣ только верхняя часть или крышка сдѣлана на подобіе строенія; вся нижняя часть, напротивъ, похожа на глубокую чашу составленную изъ четырехъ полукружій и покоится на короткой круглой ножкѣ. Каждый полукруглый выступъ у этой чаши обведенъ крѣпкимъ ободомъ сплошь покрытымъ вѣтвистыми украшеніями и обложеннымъ сверхъ того по низу выпуклою листовою; затѣмъ, на каждомъ изъ нихъ утверждёнъ по шпигу съ сквознымъ орнаментомъ, образуемому какъбы принадлежность нижняго края крышки, а въ углахъ между полукружіями помѣщены маленькія круглыя башенки съ круглою крышкою. Между четырьмя шпиками и ихъ угловыми башенками возвышается посерединѣ восьмиугольная остроконечная башенка, къ угламъ которой примыкаютъ попеременно по полукруглой и по четырехугольной, плоской башенкѣ съ крышкою шпикомъ. И здѣсь тоже прорѣзная часть и окошечки составляютъ отверстія сквозь которыя проходитъ дымъ. — Хотя за весьма малыми исключеніями, сохранившіеся доселѣ кадилаицы сдѣланы либо изъ красной, либо изъ желтой мѣди, однако есть основаніе предполагать, что ихъ дѣлали нерѣдко тоже изъ серебра. Двѣ кадилаицы изъ этого металла упоминаются въ числѣ подарковъ, которые посланы были въ Гамбургъ королемъ по случаю возобновленія тамошняго монастыря (стр. 337).

л. Наконецъ, къ разряду сосудовъ слѣдуетъ тоже отнести кромѣ разнаго

¹ Это по большей части круглыя или многоугольныя башенки съ остроконечною крышкою, и четырьмя полукруглыми или прямоугольными меньшими башенками съ плоскими крышками по угламъ. Башенки эти съ фронтонами, зубцами, окнами и пр. Образчики таковыхъ у J. Becker и S. v. Hefner-Alteneck. A. Worsae. и у др.

рода мелкихъ предметовъ второстепенной важности¹ и ковчежцевъ для мощей формы сосудовъ², большіе водовмѣстилища (*kolymbethra*, *piscina*), помѣщавшіяся первоначально въ особыхъ зданіяхъ, но которыя въ послѣдствіи времени перенесены были въ церкви гдѣ для нихъ отведено было опредѣленное мѣсто. Въ первыя времена когда крещеніе совершалось въ особыхъ зданіяхъ или крещальняхъ (*baptisterium*), такое вмѣстителье, занимавшее по серединѣ отведеннаго для него пространства, состояло изъ вырытаго въ землѣ и выложеннаго камнемъ водоема съ приточною водою или деревяннаго либо каменнаго чана³, и всегда достаточной глубины чтобы въ немъ могъ погрузиться взрослый человѣкъ. Но когда церковью введено было неотлагательное крещеніе для младенцевъ, и по этому случаю упразднены были сроки нарочно для этого Таинства установленные въ прежнее время, тогда обрядъ крещенія по большей части сталъ совершаться въ церквахъ и отдѣльныя отъ нихъ крещальни утратили свое значеніе, вслѣдствіе чего вырытыя въ землѣ купели еще въ девятомъ вѣкѣ замѣнены были „каменными“ стоявшими внутри церкви. Эти купели помѣщались всегда влѣво отъ главнаго входа и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и даже до двѣнадцатаго вѣка, все еще по примѣру прежнихъ временъ состояли изъ каменнаго круглаго или многоугольнаго и возвышавшагося надъ помостомъ водоема, въ которомъ даже взрослый могъ свободно помѣститься стоя. Въ общемъ однако размѣры купелей значительно убавились и большею частью ихъ стали дѣлать въ видѣ полусферическаго или урнообразнаго сосуда изъ бронзы и на ножкахъ. Вскорѣ пластическое искусство завладѣло и этимъ предметомъ; наружныя стѣнки купелей стали украшаться изображеніями имѣвшими отношеніе къ Таинству крещенія, точно такъ и подножіе купелей, но болѣе всего было обращено вниманіе на изящную отдѣлку крышекъ на нихъ.—Къ самымъ древнѣйшимъ изъ подобныхъ купелей уцѣлѣвшихъ донныя принадлежитъ находящаяся въ Муссонѣ близъ Панси, купель эта каменная, и вѣроятно современна самой церкви построенной еще въ 1085 году. Форма ея закругленный четырехугольникъ, всѣ четыре стороны его раздѣлены одна отъ другой по круглымъ угламъ колонками, а площадки между ними наполнены весьма грубо изваянными полурельефными изображеніями изъ жизни Іоанна Крестителя и пр.⁴ Другія болѣе или менѣе сходныя съ ними купели по уже двѣнадцатаго вѣка находятся въ ц. въ Цюльпихѣ⁵, въ соборѣ въ Лимбургѣ на Ланѣ⁶, потомъ нѣсколько другихъ еще, приблизительно 1200 года, въ церквахъ въ Фрейденштадтѣ⁷, въ Флѣтцѣ близъ Барби и т. д.⁸—Изъ бронзовыхъ купелей,

¹ Сюда относятся такъ называемые — калефакторы, небольшіе сосуды для нагрѣванія рукъ при священнодѣйствованіи. Это были пустые металлическіе шары съ отвѣрстіями и въ которые вставлялась металлическая коробка съ горящими угольями или горячее жѣлѣзо. Ихъ дѣлали иногда изъ серебра съ изящными украшеніями. — ² Объ нихъ будетъ говорено подробнѣе при разборѣ ковчеговъ для мощей. — ³ E. Heider. *Mittelalterl. Kunstdenkm.* и пр. I. 119. — Античная осьмиугольная римская купель изъ мрамора хранится въ Кельнѣ въ ц. св. Мартина, другая въ ц. св. Георгія близъ Бонна. См. R. v. Eitelberger и S. Gailhabaud. *L'architect.* и пр. IV. — ⁴ Grille de Beuzelin. *Statistique monumentale* и пр. Paris. 1837. таб. 12. — ⁵ G. Gubitz. *Volkskal.* 1844. стр. 141. — ⁶ F. Moller. *Denkm.* и пр. II. табл. 10. — ⁷ H. Otte. *Handbuch* и пр. стр. 37. — ⁸ S. Boisseree. *Denkmale* и пр. таб. 23. 24 G. Puttrich. *Denkmale* и пр. II. таб. 4 и 10.

какъ по древности, такъ и по художественной отдѣлкѣ, заслуживаетъ наиболѣе вниманія находящаяся нынѣ въ ц. с. Бартэлми въ Лиежѣ ¹. Она была отлита Ламбертомъ Патрасомъ изъ Динана въ 1112 г. или немного позднѣе для монастыря въ Орвалѣ, и по образцу „мѣднаго моря“, ² стоявшаго, въ притворѣ Соломонова Храма, но съ намекомъ на двѣнадцать апостоловъ, представляетъ собою полусферическій котловидный сосудъ покоящійся на двѣнадцати быкахъ и украшенный полурельефными изображениями. Ихъ всего пять, и при каждой сдѣлана надпись: Иоаннъ проповѣдующій покаяніе, затѣмъ идутъ послѣдовательно, сперва крещеніе Иоанномъ мытарей, потомъ І. Христа, сотника и наконецъ обращеніе въ Христіанство философа Кратона евангелистомъ Иоанномъ. Все это по отношенію къ тому времени передано весьма живо и даже съ благороднымъ достоинствомъ. По времени и отчасти также по отдѣлкѣ слѣдуютъ теперь, крестильница въ оснабрюкскомъ соборѣ, и изъ позднѣйшей уже поры двѣнадцатагоже вѣка, купель въ гильдесгеймскомъ соборѣ съ изображениями не отличающимися впрочемъ большою художественностью отдѣлки. Эта купель формы глубокой круглой чаши, украшена множествомъ фигуръ и поддерживается четырьмя стоящими на колѣняхъ фигурами знаменующими символически четыре райскія рѣки. Крышка, острая къ концу, покрыта подобнымиже изображениями какія на чашѣ. Полурельефныя изображенія библейскаго и символическаго содержанія распредѣлены по четыремъ равнымъ площадкамъ раздѣленнымъ между собою четырьмя толстыми колонками связанными арками. У находящейся въ Зальцбургѣ купели только подставка изображающая четырехъ колѣнопреклонныхъ львовъ довольно строгой лѣпки, принадлежитъ еще къ двѣнадцатому столѣтію, но чаша сработана уже въ четырнадцатомъ ³.

2. Кромѣ исчисленныхъ нами сосудовъ въ монастырскихъ мастерскихъ изготовлялись также различные предметы служившіе для внутренняго убранства церквей. То были частью удобопереносимыя вещи, какъ напр. приборъ для освѣщенія, переносные престолы и т. под., частью же предметы имѣвшіе свое опредѣленное мѣсто въ церкви, въ придѣлахъ и пр. Къ этому послѣднему отдѣлу принадлежали во первыхъ, престолъ съ его принадлежностями, сѣню и кіотомъ въ которомъ стояла дарохранительница (*ciborium* и *tabernaculum*), затѣмъ каедрa, различнаго вида сѣдалища для епископовъ и духовенства, большіе и малые сундуки и шкафы для храненія церковныхъ драгоценностей, аналои, молитвенныя скамейки, кружки и пр. (См. далѣе).

а. Приборъ для освѣщенія употребляемый въ церквахъ, въ теченіи времени все болѣе и болѣе усовершенствовался ⁴. Еще въ самыя раннія времена лампады и подсвѣчники различныхъ видовъ составляли одно изъ главныхъ украшеній церквей (II. 1. стр. 113). Эти первоначальныя формы, вытѣсняемыя постепенно болѣе опредѣленными формами съ символическимъ

¹ K. Schnaase. Niederl. Briefe. 533. Его же: Gesch. и пр. IV. 2. 512. Didron. Annales V. 21. и VIII. 330.—² Вязш. 6. нар. I 1. стр. 274 и сл.—³ E. Heider и др. Mittelalterliche Kunstdenkmale и пр. I. табл. XXV.—⁴ Viollet-le-Duc. Dict. и пр. 120 и сл. 141 и сл.

значеніемъ ¹, наконецъ, по мѣрѣ того какъ стали все болѣе входить въ употребленіе восковыя свѣчи, почти повсемѣстно замѣнились исключительно подсвѣчниками, канделябрами и паникадилами. Къ этому надо прибавить, что разнообразію формъ этихъ предметовъ благопріятствовало въ особенности, состоявшееся около этого времени постановленіе, опредѣлявшее болѣе правильное распредѣленіе ихъ въ церквахъ соотвѣтственно значенію церковныхъ празднествъ. Благодаря этому главнымъ образомъ, введены были постепенно особыя формы—громальныхъ подсвѣчниковъ, малыхъ ручныхъ или переносныхъ и подвѣсныхъ или паникадилъ, но на ряду съ ними остались въ употребленіи и лампы съ масломъ. Кромѣ упомянутого уже (стр. 323) подсвѣчника Тассило одиннадцатаго вѣка, до насъ дошло по нѣскольку экземпляровъ всѣхъ упомянутыхъ видовъ подсвѣчниковъ, состоящихъ за малыми исключеніями изъ литой бронзы и желтой мѣди, коегдѣ съ позолотою и эмалью.

Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ по одной уже величинѣ ихъ, колоссальныя подсвѣчники (*candelabrum*, *phagus* или по формѣ украшенія на нихъ *delphinus* и пр.) (см. II. 1. стр. 113 и прим. 3). Подсвѣчники эти стояли сбоку отъ престола и безъ сомнѣнія ведутъ начало свое отъ мраморнаго столба въ древне-христіанскихъ базиликахъ на который ставилась освѣщенная пасхальная свѣча. Вышина ихъ отъ пяти до девяти футовъ, они большею частью дѣлались изъ металла и либо для одной только свѣчи, либо для нѣсколькихъ; иногдаже, въ подражаніе свѣтильнику въ Іерусалимскомъ храмѣ имъ давали форму подсвѣчника о семи рукахъ, эта форма носила названіе *arbores*. Что касается отдѣлки перваго изъ упомянутыхъ видовъ, то въ этомъ отношеніи мастера либо воспроизводили только прежнія формы канделябровъ ², либо придерживались большею частью требованій господствовавшаго вкуса, илиже уклоняясь отъ него предоставляли полную свободу собственной фантазіи. Какъ образчикъ произведенія исполнителя самостоятельнаго творчества приведемъ подсвѣчникъ въ эрфуртскомъ соборѣ, изображающій бронзовую статую вышиною въ пять футовъ, съ вытянутыми прямо руками и въ длинномъ одѣяніи съ прямыми складками; произведеніе приблизительно конца одиннадцатаго илиже начала двѣнадцатаго столѣтія.—Подсвѣчники предназначавшіеся для нѣсколькихъ ³ свѣчей, въ то же время служили и поставцами для образовъ, ковчежцевъ съ мощами на клиросѣ и пр. соотвѣтственно такому назначенію они устраивались обыкновенно въ видѣ подмостка образуемаго изъ перекладины поддерживаемой двумя или нѣсколькими колоннами и съ утвержденными на ней непосредственно поддонцами въ которые вставлялись свѣчи. Хотя изъ подобнаго рода подмостковъ того времени до насъ ничего не дошло, за то сохранилось не мало извѣстій какъ о нихъ, такъ и о другихъ, но уже позднѣйшей эпохи. Судя по этимъ извѣсті-

¹ A. Springer. Der Bilderschmuck an romanischen Leuchtern въ Mittheil. der k.k. österr. Centralcomm. V. (1860) стр. 308 съ рис. Относительно драконовой формы нѣкоторыхъ подсвѣчниковъ см. C. Weiss. Der romanische Leuchterfuss im St. Veitsdome zu Prag, въ томъ же сборникѣ I. стр. 197. W. Augusti. Handbuch и пр. III. стр. 549.

² Ср. приведенныя выше II. 1. стр. 113 и пр. 3 и древнеримскіе канделябры фиг. 22.—

³ Viollet-le Duc. Dict. и пр. стр. 120. съ рис.

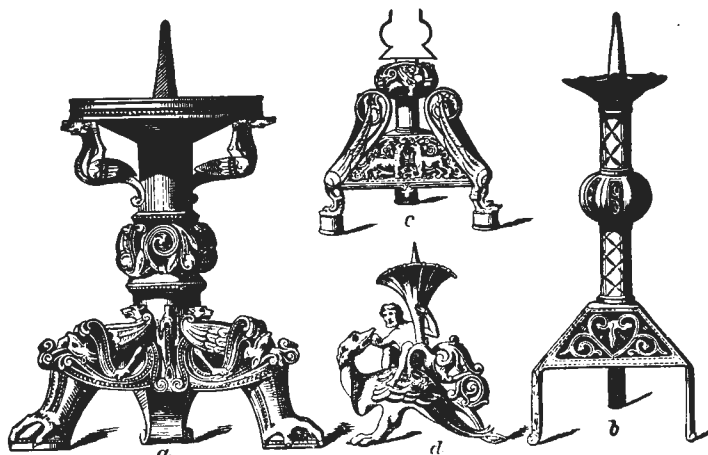
ямъ вплоть до четырнадцатаго столѣтія, все украшеніе на нихъ носило по-видимому главнымъ образомъ архитектурическій характеръ, и только одни поддонцы какихъ обыкновенно бывало до семи, украшались орнаментами въ видѣ цвѣтовъ.—О формѣ и устройствѣ семи ручныхъ подсвѣчниковъ намъ даютъ наглядное понятіе нѣсколько сохранившихся донынѣ экземпляровъ. Всѣ они состоятъ изъ трехгранной подставки, украшенной большею частью весьма художественнымъ подчасъ сквознымъ сплетеніемъ лентообразныхъ и листовенныхъ орнаментовъ съ фантастическими чудовищами и симметрически распределенными между ними человѣческими фигурами, обыкновенно такимъ образомъ, что ноги и головы чудовищъ образуютъ (три) ножки подставки. Наней утверждень прямой стержень съ орнаментами составляющій среднюю вѣтвь подсвѣчника, вокругъ которой расположены пирамидально остальные шесть. Въ прежнія времена онѣ помѣщались большею частью по обѣимъ сторонамъ, по три съ каждой. Точно такъ устроена, согласно съ изображеніемъ еврейскаго семисвѣчника на Титовой триумфальной аркѣ въ Римѣ ¹, большая часть сохранившихся подобнаго рода подсвѣчниковъ. Однимъ изъ древнѣйшихъ и въ то же время превосходнѣйшихъ, можетъ считаться большой подсвѣчникъ въ Эссенскомъ соборѣ, принадлежащій быть можетъ къ началу одиннадцатаго вѣка. За тѣмъ другой но не полный, двѣнадцатаго вѣка, въ соборѣ с. Вита въ Прагѣ. Наконецъ много другихъ еще отчасти болѣе простаго устройства новѣйшаго времени въ Брауншвейгѣ, Падерборнѣ ², Клостеръ-Нейбургѣ, Кремс-мюнстерѣ, Готтвей, Реймсѣ ³ и Миланѣ ⁴, послѣдній весьма художественное литое произведеніе тринадцатаго столѣтія.

Относительно ручныхъ или переносныхъ свѣтильниковъ (*segeostatae*) остается замѣтить, что за немногими исключеніями эти предметы почти всегда дѣлались только въ пять или шесть дюймовъ вышины, для того собственно чтобы ихъ удобнѣе могли держать въ рукахъ клирики предшествовавшіе или прислуживавшіе священнослужителямъ ⁵. Соотвѣтственно этому такимъ подсвѣчникамъ давали преимущественно форму короткаго, крѣпкаго стержня съ шаровидною выпуклостью посрединѣ его, и утвержденного на трехгранной подставкѣ съ ножками. Стержень былъ или цилиндрическій, или же имѣлъ видъ рукояти суживавшейся въ серединѣ и расширявшейся воронкою у верхняго конца. При первой изъ приведенныхъ формъ на этомъ концѣ помѣщалась особая наставка въ видѣ поддонца въ которую вставлялась свѣча (фиг. 311. а); у второй формы раструбистый конецъ стержня самъ собою замѣнялъ наставку съ поддонцемъ. Впрочемъ, дабы лучше утвердить свѣчу, на верхнемъ концѣ стержня находился заостренный желѣзный пруть. У такихъ подсвѣчниковъ подставка болѣе прочихъ частей отличалась изящными украшеніями и точно такъ какъ у семиручныхъ свѣтильниковъ, на этой части красовались различные орнаменты изъ сплетенія листовы съ чудовищами и т. п. (фиг. 311. а. с). Орнаменты на шарикѣ стержня состояли обыкновенно изъ лентовидныхъ или листовенныхъ бордюръ,

¹ Ваѣш. 6. нар. и пр. I. 1. стр. 276 фиг. 176. а. — ² W. Lübke. Die mittelalt. Kunst и пр.—³ Cahier et Martin. Melanges d'archéol. I. и III.—⁴ Didron. Annales XVII. стр. 237.—⁵ Обычай ставить на престолъ подсвѣчники возникнулъ не ранѣе конца четырнадцатаго столѣтія. Migne. Encyclop. Didron. Annales XVII. 161.

а на самомъ стержнѣ, на той части которая примыкаетъ къ поддонцу или закрывавшей его воронкѣ большею частью изъ изображеній драконовъ (фиг. 311а). Эти подсвѣчники были перѣдко золотые, иногда и литые изъ особаго

Фиг. 311.

металлическаго состава, какъ напр. видно изъ слѣдующей надписи на одномъ изъ двухъ большихъ свѣтильниковъ въ гильдесгеймскомъ соборѣ: „этотъ подсвѣчникъ изготовленъ по волѣ епископа Бернварда однимъ изъ его учениковъ, въ то время когда это искусство только возникало. Онъ не золотой, но и не серебряный, а между тѣмъ, какъ ты самъ можешь убѣдиться, литой.“ Масса состояла изъ смѣси золота, серебра и желѣза. — Наряду съ описанными нами фермами кои чаще другихъ встрѣчаются вплоть до тринадцатаго вѣка, возникало мало-по-малу еще нѣсколько новыхъ, отличавшихся частью, своеобразнымъ расположеніемъ отдѣльных частей, частьюже примѣненіемъ финифти вмѣсто обычныхъ дотолѣ рельефныхъ украшеній. Формы эти во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія принесены были по всей вѣроятности изъ Франціи, и въ особенности первая изъ нихъ отличалась преимущественно драконовыми украшеніями и т. п. (фиг. 311. d). Что касается второй формы, то хотя въ ней и была удержана трехгранная подставка, но эту часть дѣлали обыкновенно гладкою, безъ украшеній, съ протянутыми вверхъ по стержню стѣнками и прямыми ножками тоже по большей части безъ украшеній (фиг. 311. b); въ то же время и стержень съ шаровидною выпуклостью по срединѣ дѣлался въ видѣ совершенно гладкой трубки съ очень плоскою воронкообразною чашею и остреемъ на ней для утвержденія свѣчи (фиг. 311. b). Лишь изрѣдка попадаются уклоненія отъ этой основной формы съ прибавленіемъ рельефныхъ изображеній драконовъ по тремъ гранямъ подставки и раздѣленіемъ стержня соответственно его вышинѣ посредствомъ нѣсколькихъ круглыхъ выпуклостей ¹. Но взаимнѣ, гладкія мѣста все чаще

¹. Изображеніе раскрашенное подобнаго рода подсвѣчника съ пятью выпуклостями по стержню, помѣщено въ «Foreningen til norske Fortids--Mindesmaerker bewaring. Тетрадь. I. листъ 1 съ деталями.

стали теперь украшаться разноцвѣтною эмалью, преимущественно подставка но иногда и прочія свободныя части. Изъ украшеній болѣе всего предпочиталось сплетеніе вѣтвей и листьевъ съ чудовищами, или одно лишь листовое сплетеніе (фиг. 113. в), коимъ украшались въ видѣ изящной чешуйчатой сѣтки въ особенности выпуклины на стержнѣ и поддонцѣ; все это отливалось самыми яркими цвѣтами и позолотою.

Паникадила (согона, *сogonula*), по значительнымъ размѣрамъ своимъ скорѣе чѣмъ подсвѣчники прочихъ разрядовъ поддавались художественной обдѣлкѣ, притомъ же въ нихъ открывался для художниковъ удобный случай изощрять свою фантазію, такъ какъ паникадила формою своею должны были символически изобразить „горній Іерусалимъ“, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ еще надписи на нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ экземпляровъ. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ изъ такихъ паникадилъ отъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка и составляющихъ по всей вѣроятности только малую часть всего количества подобныхъ предметовъ, слѣдуетъ привести одно большое и другое меньшаго размѣра въ гильдесгеймскомъ соборѣ, да еще третье весьма роскошно украшенное, въ ахенскомъ соборѣ. Оба паникадила въ Гильдесгеймѣ изъ позолоченной мѣди, изъ нихъ большое было заказано для церкви епископомъ Гецило (ум. въ 1079), а другое епископомъ Ацелиномъ (ум. 1054). Находящееся въ ахенскомъ соборѣ пожертвовано Фридрихомъ I. Всѣ три паникадила состоятъ изъ довольно широкаго, круглаго сквознаго обруча къ которому въ извѣстныхъ промежуткахъ придѣланы небольшіе выступы въ видѣ башенокъ съ нишами для фигуръ, а между ними верхній край обруча обставленъ остreeями для утвержденія на нихъ свѣчей. Обручи у всѣхъ трехъ паникадилъ висятъ на нѣсколькихъ соединенныхъ между собою цѣпяхъ. На маломъ гильдесгеймскомъ паникадилѣ отличающемся богатыми рельефными украшениями мелкія фигуры уже исчезли. На большомъ уцѣлѣла надпись въ стихахъ. Бронзовое паникадило въ ахенскомъ соборѣ самое художественное изъ всѣхъ, и превосходитъ даже бывшее реймское паникадило, у котораго обручъ не былъ вполне круглой формы, но только изгибался полукружіями отъ одной башенки къ другой, какихъ всего было до двѣнадцати по числу вратъ упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ (XXI. 12)¹. Ахенское паникадило изображающее тоже „горній Іерусалимъ“, какъ гласитъ находящаяся на немъ надпись, составленъ изъ восьми круглыхъ обручей соответствующихъ восьмиугольной формѣ собора, какъ значится въ тойже надписи; по точкамъ пересѣченія круговъ и по вершинамъ ихъ расположены шестнадцать маленькихъ башенокъ не одинаковой формы. Изъ нихъ восемь малыхъ и круглыхъ и восемь побольше, основаніе ихъ попеременно то квадратной формы, то четырехлопастной. Всѣ эти вышечки распределены въ такомъ порядкѣ, что квадратныя составляютъ четыре угла квадрата, каждый уголокъ котораго срѣзывается сегментомъ круга съ тремя другими башенками, при чемъ остальные башенки съ ихъ полукруглыми выступами соответствуютъ восьми круглымъ башенкамъ

¹ Viollet-le-Duc. въ пр. соч. стр. 145 съ изобр. — K. Schnaase. Gesch. и пр. V. стр. 789 и сл.

на вершинахъ полукружій. Всѣ башенки съ нишами въ которыхъ безъ сомнѣнія помѣщались (несуществующія уже теперь) фигуры святыхъ угодниковъ. Далѣе, низъ у всѣхъ шестнадцати башенокъ, съ внѣшней стороны обращенной къ помосту, украшенъ рѣзными изображеніями по золотому фону, такъ что по содержанію изображенія на исподней части восьми большихъ башенокъ соотвѣтствуютъ осьми малымъ. Предметы заимствованы изъ земной жизни І. Христа: Благовѣщеніе, Рождество, поклоненіе волхвовъ, Распятіе, святая жены у Гроба, Вознесеніе, Сочествіе Св. Духа и І. Христосъ судящій міръ. У остальныхъ башенокъ на нижней части представлены восемь блаженствъ въ видѣ безкрылыхъ ангеловъ держащихъ каждый по таблицѣ съ обѣтованіемъ. Всѣ восемь таблицъ сквозныя, и каждый изъ ангеловъ помѣщается какъ бы въ рѣшеткѣ образуемой пересѣкающимися прутьями, пространство вокругъ нихъ сквозное равно также и промежутки между прутьями. Нетолько всѣ рамки вокругъ этихъ щитковъ но и прутьи рѣшетокъ, и наконецъ даже лентообразная полоса съ надписью вокругъ обруча покрыты разнообразными украшеніями но довольно простыхъ очертаній въ видѣ клѣтокъ, витыхъ линій и т. под., и золотымъ отливомъ своимъ на темнокоричневомъ лакированномъ фонѣ придаютъ цѣлому весьма нарядный видъ.

Стѣнные подсвѣчники небыли повидимому въ большомъ ходу и объ нихъ ничего не упоминается за весь этотъ періодъ. Дошедшіе до насъ экземпляры подобныхъ вещей принадлежатъ гораздо позднѣйшей эпохѣ и никакъ не старѣе пятнадцатаго столѣтія, а скорѣе походятъ на художественно исполненное произведеніе кузнечнаго или слесарнаго мастерства.— Не болѣе этого мы можемъ сказать и о выносныхъ свѣтильникахъ которые носимы были при процессіяхъ впереди шествія на шестахъ какъ это дѣлается и въ настоящее время.

Что касается наконецъ лампъ и лампадокъ (*lychni, gabatae, gabatae*), бывшихъ въ употребленіи и въ позднѣйшія времена, то объ нихъ не только существуетъ не мало изображеній, но и сохранились вполне уцѣлѣвшіе образчики. Первые доходятъ отчасти даже до девятаго столѣтія и мы видимъ изъ нихъ что излюбленныя для лампъ въ древнѣйшія времена формы роговъ, дельфиновъ и пр. удержались и позднѣе, по крайней мѣрѣ до десятаго вѣка (II. 1. стр. 113. пр. 3 ср. помѣщенную ниже фиг. 317. h. i). Сверхъ того по тѣмъ же изображеніямъ видно, что наряду съ этими формами были въ ходу тоже лампы въ видѣ чашъ, какія изстари въ употребленіи преимущественно на востокѣ (ср. фиг. 145. b. c). — Изъ дошедшихъ до насъ лампъ древнѣйшія по времени принадлежатъ по крайней мѣрѣ къ двѣнадцатому столѣтію. Онѣ бронзовыя, съ однимъ или нѣсколькими рожекми (ср. фиг. 21; фиг. 31), и формою своею явно обличаютъ подражаніе древнеримскимъ лампадамъ. Одна изъ такихъ бронзовыхъ лампъ (фиг. 312) можетъ служить весьма нагляднымъ образчикомъ подобнаго рода приборовъ для освѣщенія. Посрединѣ ея возвышается стержень, украшенный кругомъ фигурными изображеніями прорѣзною работою; рожекъ не менѣе восьми и каждый нѣкогда закрывался подвижною крышечкою. — Такъ называемыя неугасимыя лампы, какія принято ставить передъ иконы, раки съ мо-

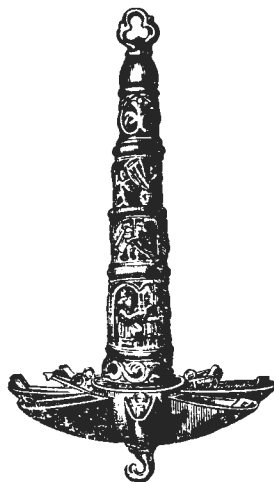
щами и пр. впервые введены были, какъ говорятъ, не ранѣе тринадцатаго вѣка ¹.

Подражаніе архитектурнымъ формамъ проглядывающее въ устройствѣ паникадилъ, еще замѣтнѣе выказывается въ отдѣлкѣ и украшеніяхъ такихъ предметовъ, кои, занимая опредѣленное мѣсто внутри церкви, по этому составляютъ какъ бы нераздѣльную часть церковнаго зданія, какъ напр. престолъ, сѣнь надъ престоломъ и каедрa со всѣми принадлежностями къ нимъ.

б. Что касается престола (*mensa, ara, altar, altare*) ², то мы замѣтили уже выше (II. 1. стр. 115), что обычные въ первоначальныя времена деревянные престолы весьма рано замѣняемы были каменными и даже металлическими, и что въ западной церкви имъ почти всегда давали форму глухого со всѣхъ сторонъ вмѣстителя въ родѣ саркофага, тогда какъ въ восточной церкви, напротивъ, удержана была для престола форма стола на четырехъ ножкахъ. Подобіе саркофага принято было для престола въ западной церкви главнымъ образомъ дабы приводить на память обычаевъ древнихъ христіанъ совершать Тайную Вечерю надъ могилами мучениковъ, и потому въ престолъ полагались мощи святыхъ угодниковъ. Последніе такимъ образомъ стали существенною принадлежностью престола, безъ которой престолъ не имѣлъ значенія и даже небылъ мыслимъ. По мѣрѣ того какъ, начиная съ шестого вѣка, все болѣе стало распространяться почитаніе мощей число престоловъ въ церквахъ значительно возросло, такъ что скорѣ одному изъ нихъ присвоено было наименованіе главнаго престола или *altare majus*. Это былъ древнѣйшій по времени, и къ тому же въ первое время единственный престолъ, стоявшій посрединѣ или внутри абсиды (или алтаря), пока въ тринадцатомъ вѣкѣ онъ небылъ отнесенъ въ глубь абсиды за клиросомъ, а другіе престолы устроены были большею частью у колоннъ главнаго корабля.

Престолъ въ двойномъ значеніи его, и какъ средоточіе всего церковнаго служенія, и какъ хранилище останковъ святыхъ угодниковъ, требовалъ въ особенности богатой виѣшней отдѣлки. Въ нѣкоторыхъ церквахъ въ которыхъ даже до конца двѣнадцатаго вѣка сохранились еще престолы формы стола, какъ напр. въ приходской церкви возлѣ собора въ Регенсбургѣ, и въ часовнѣ всѣхъ святыхъ тамъ же, потомъ и въ брауншвейгскомъ собо-

Фиг. 312.

¹ и ² W. Augusti, въ пр. соч. III. стр. 554.—Потомъ I. стр. 410. II. стр. 610. H. Otte, Handbuch der kirchl. Kunstarchäologie стр. 26 и сл. Viollet-le-Duc, Dictionn. de l'architecture и пр. подъ словомъ «Autel», Abbé Texier, Dictionn. и пр. 196. Migne, Encyclop. и пр. стр. 56. E. v. Sacken, Der Flügelaltar и пр. I. 125 и сл.

рѣ¹, мощи святыхъ помѣщались обыкновенно внутри трубчатыхъ бронзовыхъ подпоръ напребстольной доски; но въ престолахъ болѣе обычной саркофаговой формы, останки святыхъ (уложенные въ коробочку), полагались либо въ середину верхней доски, либо спереди подъ самую доску въ нарочито устроенное для этого четырехугольное углубленіе (*sepulchrum*) закрываемое обыкновенно мраморнымъ камнемъ (*sigillum*) или рѣшеткою, дабы сквозь нее можно было видѣть святыню. Этотъ послѣдній способъ храненія мощей примѣнялся главнымъ образомъ когда мощи были значительной величины, или когда то было цѣльное тѣло святого. Въ такомъ случаѣ въ самомъ престолѣ оставлялась внутри пустота для мощей и только передняя стѣнка его закрывалась рѣшеткою, а въ каменныхъ престолахъ, какъ напр. въ часовнѣ св. Стефана въ Регенсбургѣ², въ передней стѣнкѣ продѣлывались одинъ или нѣсколько рядовъ отверстій въ видѣ окошечекъ. Впрочемъ, подобнаго рода престолы повидимому еще въ раннія времена отливались цѣликомъ изъ бронзы, какъ мж. пр. такъ называемый „Кротовъ“ престолъ въ Госларѣ³, принадлежащій по всей вѣроятности еще къ одиннадцатому вѣку. Онъ продолговато-четыреугольной, изъ прорѣзныхъ бронзовыхъ досокъ которыя нѣкогда были обложены камнями и у каждаго изъ четырехъ угловъ поддерживается стоящею на колѣняхъ фигуурою строгаго характера. При отдѣлкѣ совершенно глухихъ со всѣхъ сторонъ престоловъ были въ употребленіи преимущественно архитектурныя украшенія. Боковыя стѣнки украшались большею частью колонками соединенными арками съ нишами въ которыхъ нѣрѣдко помѣщались рельефныя изображенія; иногда престолы обкладывались богатыми коврами (*pallia*, *frontalia*, *antependia*)⁴, или, какъ въ прежнія времена золотыми и серебряными досками художественной работы⁵. Какъ на образцовыя произведенія подобнаго рода укажемъ на дорогія напребстольныя одежды въ церквахъ С. Марка въ Венеціи и С. Амросія въ Миланѣ (Т. II. Ч. I. стр. 112 и Ч. 2. стр. 321). Сюда слѣдуетъ включить подобнаго же рода напребстольники въ Комбургѣ въ Швабіи, въ Клостернейбургѣ и въ базельскомъ соборѣ. Послѣдніе два повѣстивъ образцовыя произведенія золотыхъ-дѣлъ-мастерства, а Клостернейбургскій замѣчательнѣе сверхъ того по многочисленнымъ чисто-фигурнымъ изображеніямъ изъ синей и красной эмали весьма тонкой отдѣлки. Онъ былъ изготовленъ въ 1181 г. и состоитъ „изъ широкой средней доски съ половинками по бокамъ, коими въ видѣ створъ прикрывается главная доска⁶. По створамъ и по средней доскѣ расположены тремя рядами пятьдесятъ одинъ щитъ, по семнадцати въ каждомъ ряду. На каждомъ створѣ по двѣнадцать щитовъ,

¹ и ² Н. Otte, въ прив. соч. стр. 26. Н. Otte и Schuegraf. Dom zu Regensburg. I. таб. 1.—³ F. Kugler. Muscum. I. стр. 227. Ero же Kleine Schriften и пр. I. стр. 143 сърис.—

⁴ F. Bock, въ пр. соч. I. стр. 20. J. Arneht. Über die Frontalien und Dorsalien der Altarmensa vor dem 12 Jahrh. Wien. 1844. Папа Левъ IV приказалъ покрывать престолы платомъ изъ чистѣйшаго полотна, между тѣмъ, по его же велѣнію была изготовлена напребстольная одежда для главнаго престола церкви Св. Петра изъ шелковой матеріи съ золотымъ шитьемъ.—⁵ Viollet-le-Duc. Въ пр. соч. стр. 198. 231 и сл. Abbé Texier. Въ пр. соч. подъ словами: Rétable, Autel, Antependium.—⁶ G. Heider. Der Altaraufsatz im Stifte Klosterneuburg и пр. A. Comesina и S. Arneht. Der Verduner Altar in der Kirche zu Klosterneuburg. Wien. 1844.

а на средней доскѣ двадцать семь. Изображенія верхняго и нижняго ряда заимствованы изъ ветхаго заветѣ и служатъ прототипами событіямъ изъ жизни І. Христа помѣщеннымъ въ среднемъ ряду. Въ верхнемъ изображенъ періодъ времени до Моисеева законодательства; въ нижнемъ, исполненіе закона, а въ среднемъ ряду искупленіе челоѣка, какъ объ этомъ гласятъ надписи помѣщенныя въ шести мѣстахъ вдоль створъ и средней доски. По три изображенія сверху въ низъ составляютъ типологическую группу какихъ всѣхъ пятнадцать, послѣдніеже (крайніе?) ряды (изъ шести изображеній), выдѣляясь изъ этого типологическаго порядка, образуютъ сами по себѣ отдѣльную группу сюжетовъ изъ будущаго Царствія Божія. Вокругъ створъ и средней доски идетъ богатая кайма изъ отдѣльныхъ разноцвѣтныхъ эмалевыхъ орнаментовъ расположенныхъ въ видѣ цвѣтовъ. Такихъ орнаментовъ шестьдесятъ три и въ нихъ можно насчитать измѣнѣ сорокачетырехъ различныхъ способовъ украшенія. Между каймою и досками замыкающимися въ верхнемъ концѣ трехлопастными выкружными, и потомъ между тремя рядами изображеній, расположены лентами тоже надписи, частью поясняющія содержаніе изображеній, частью упоминающія о художникѣ исполнившемъ на престольникѣ и называемомъ Николаусомъ, и притомъ указывающія на нѣкоторыя измѣненія въ этомъ произведеніи позднѣйшаго времени.“—На престольная доска базельскаго собора, находящаяся нынѣ въ „Клюнійскомъ музеѣ“ въ Парижѣ имѣетъ пять футовъ пять дюймовъ ширины, и болѣе трехъ футовъ девяти дюймовъ вышины, и утверждена на крѣпкой доскѣ изъ кедроваго дерева приблизительно трехъ дюймовъ толщины ¹. „Доска эта вся золотая, вѣсу въ ней двадцатьпять марокъ; на ней, въ четырехугольной рамѣ расположены шесть колоннъ соединенныхъ полукруглыми арками. Между колоннами распределены фигуры. Въ среднемъ полѣ которое шире и тоже выше другихъ, изображенъ Спаситель, въ лѣвой рукѣ Онъ держитъ дискъ съ монограммою имени Его, правая рука Его поднята для благословенія; у ногъ Спасителя двѣ маленькія колѣнопреклоненныя фигуры, мужъ и жена, олицетворяющія, какъ полагаютъ, Генриха II и жену его Кунигунду, хотя на нихъ и нѣтъ никакихъ знаковъ императорскаго сана. Въ примыкающихъ боковыхъ поляхъ изображены три архангела съ небольшими крылами, Гавріиль и Рафаиль съ жезлами, Михаилъ съ копьемъ и святой Венедиктъ въ одеждѣ аббата съ книгою и посохомъ. Въ аркахъ надъ каждою фигурою помѣщены имена ихъ, а надъ изображеніемъ І. Христа слова „Rex Regum et Dominus Dominantium“. Въ клиньяхъ между арками маленькіе круглые медальоны съ женскими головками въ коронахъ, олицетворяющими, судя по (сокращеннымъ) надписямъ, главные добродѣтели: мудрость, правосудіе, умѣренность и мужество. Всѣ остальныя части на поляхъ вверху арка и рамка роскошно украшены арабесками въ византійскомъ вкусѣ перемѣшанными съ маленькими изображеніями разнообразнѣйшихъ видовъ животныхъ. Вверху и внизу помѣщена надпись большими латинскими уставными буквами намекающая на чудесное исцѣленія императора Генриха“. Хотя по преданію послѣд-

¹ F. Kugler. Blätter n. pr. 1837. № 15. и въ Kleine Schriften n. pr. I. стр. 486. W. Wackernagel. Die goldene Altartafel von Basel n. pr. 1857. и возраженіе Kugler'a въ Deutsches Kunstblatt. 1857. стр. 377 и сл.

ній считается жертвователемъ этого произведенія и таковымъ дѣйствительно многими признается, однако, судя по общему характеру работу эту справедливѣе отнести къ исходу двѣнадцатаго вѣка. Много другихъ вещей подобнаго же рода находятся въ Англіи и во Франціи; и магдебургскій соборъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ обладалъ престоломъ роскошно украшеннымъ золотомъ, драгоценными камнями и высокаго качества янтаремъ.

в. Украшеніемъ престола служила кромѣ того еще и сѣнь (*ciborium* и *tabernaculum*), сооруженіе возвышавшееся надъ нимъ и перешедшее тоже отъ восточной церкви къ западной (II. 1. стр. 116). Сѣнь состояла изъ навѣса въ видѣ шатра (*tabernaculum*), поддерживаемаго колонками между которыми протянуты были завѣсы (*tetravela*) закрывавшія престолъ со всѣхъ сторонъ; подъ сѣнью большею частью висѣла на цѣпочкахъ дарохранительница (*ciborium*) (стр. 340) ¹. Таково было и осталось устройство сѣни вплоть до тринадцатаго вѣка, но еще задолго до этого времени были отиѣнены занавѣсы. Въ послѣдствіе времени, когда на западѣ престолы стали устраивать у самыхъ сѣней и столбовъ (стр. 351), сѣнь надъ престоломъ была совершенно упразднена или иногда замѣнялась деревянными рѣзными украшеніями придѣланными непосредственно къ сѣнѣ и пр. Къ числу древнѣйшихъ сѣней въ западной церкви, не говоря о „сѣборіи“ въ ц. св. Петра въ Римѣ, (II. 1. стр. 113) и о которыхъ дошли до насъ извѣстія, принадлежала сѣнь въ Петерсгаузентъ въ Констанцѣ, исполненная въ 983 г. со многими другими замѣчательными вещами по заказу епископа Гебгарда. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ сѣнь о которой мы говоримъ состояла изъ четырехъ колоннъ дубоваго дерева, съ рѣзбою въ видѣ виноградныхъ листьевъ и сплошь обложенныхъ серебряными листами пожертвованными гражданами Констанца вслѣдствіе происковъ названнаго прелата. Всѣ четыре колонны стояли на изваянныхъ изъ камня цоколяхъ и верху соединены были четырьмя полукруглыми арками, (обложенными) съ одной стороны позолоченымъ серебромъ, съ другой позолоченою мѣдью. На аркахъ лежала доска изъ позолоченой мѣди съ изображеніями евангелистовъ; поверхъ ея находился серебряный наборъ съ вырѣзанными по немъ надписями; затѣмъ слѣдовало сооруженіе изъ витыхъ колоннъ, брусковъ, карнизовъ и т. под. и наконецъ, въ завершеніе всего этого, изображеніе Агнца. Престолъ надъ которымъ возвышалась эта сѣнь былъ обложенъ по сторонѣ обращенной къ востоку доскою изъ чистаго золота унизанною драгоценными камнями, а по западной сторонѣ серебряною доскою съ изображеніемъ Пресв. Дѣвы изъ золота. Все, что уцѣлѣло изъ подобнаго рода предметовъ, насколько намъ извѣстно ², за немногими исключеніями принадлежитъ уже къ концу средневѣковаго періода; это большею частью небольшія сооруженія изъ камня носящія характеръ современныхъ имъ архитектурныхъ формъ.

г. Здѣсь кстати слѣдуетъ упомянуть и о переносныхъ престолахъ (*altaria portatilia, gestatoria, viatica; tabulae itinerariae; lapides*

¹ Viollet-le-Duc. Diction. и пр. стр. 243.—² Viollet-le-Duc въ пр. соч. Diction. Anales и пр. IV. 289; XII. 115; XVI. 76. H. Müller. Beiträge и пр. II. 6. таб. 3. Heideloff. Ornamentik. тетр. 8. таб. 3. W. Augusti. Handbuch. I. 382. III. 702.

portatiles), назначеніе конихъ было доставить возможность совершить литургію въ церкви, преимущественно во время путешествія, похода и т. д. Въ первыя времена и еще въ осьмомъ вѣкѣ, пользованіе походными престолами было предоставлено только высшимъ духовнымъ лицамъ, миссіонерамъ и въ видѣ исключенія также нѣкоторымъ монашескимъ орденамъ; но съ одиннадцатаго вѣка и въ особенности въ двѣнадцатомъ, вслѣдствіе усилившагося паломничества къ святымъ мѣстамъ увеличилось тоже число походныхъ престоловъ. Какъ предметъ переносный походные престолы естественно не могли быть слишкомъ велики, и благодаря этому обстоятельству они большею частью отличались сравнительно роскошною отдѣлкою. Такой престолъ состоялъ обыкновенно изъ гладкаго шлифованнаго камня, какой либо рѣдкой породы мрамора, либо агата или оникса, поверхность котораго должна была на столько быть велика, чтобы на ней могли стоять потиръ и дискосъ. Этотъ камень, обдѣланный въ видѣ четырехугольной или овальной плиты, вставлялся въ дерево, либо въ камень, и потомъ либо обкладывался рамкою, либо задѣлывался кругомъ въ видѣ ящика подобно большимъ престоламъ. Нѣсколько престоловъ того и другого вида отъ десятаго вѣка уцѣлѣли донинѣ. По этимъ образцамъ видно, что у перваго разряда престоловъ окружающая камень рамка состояла нерѣдко изъ золота и отдѣлана была весьма художественно филигранною работою, чернью, драгоценными камнями, рѣзбою на кости и т. д. Что касается другого вида походныхъ престоловъ, то на нихъ боковыя стѣнки большею частью раздѣлены были колонками соединенными арками, внутри которыхъ на площадкахъ помѣщались маленькія фигуры. Въ переносныхъ престолахъ должны были тоже неперемѣнно находиться частицы отъ мощей, въ противномъ случаѣ престолъ не имѣлъ значенія.

д. Каеэдра помѣщалась у одной изъ боковыхъ стѣнъ (cancelli) главнаго или середняго пространства церкви или клироса, и введена была въ западной церкви уже въ сравнительно позднее время; въ послѣдствіи она совершенно вытѣснила древнюю каеэдру или амвонъ (ambo, suggestum lectorum). Нѣсколько такихъ древнихъ амвоновъ уцѣлѣло донинѣ въ Италіи; въ первыя времена съ нихъ читалось Священное Писаніе и потому они устраивались всегда посреди клироса въ видѣ возвышеннаго помоста съ перилами, выступавшаго иногда полукружіемъ и съ ступенями по обоимъ бокамъ для восхода на него. Хотя это возвышенное мѣсто, состоявшее обыкновенно изъ камня, и не было прямо предназначено для проповѣдниковъ, и по церковному уставу послѣдніе должны были говорить сидя на сѣдалищѣ (cathedra) которое для этого ставилось на ступени ведущія къ престолу; однако, мало-по-малу проповѣдники стали для бесѣдъ съ народомъ пользоваться тоже амвонами съ которыхъ голосъ ихъ былъ слышимѣе особенно въ большихъ церквахъ. Съ этой цѣлью были введены особыя каеэдры помѣщавшіяся въ наиболѣе удобныхъ для слуха мѣстахъ, и большею частью у одного изъ среднихъ столповъ въ главномъ кораблѣ храма. Въ какое время возникли впервые подобныя каеэдры трудно рѣшить, но судя по древѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ образчиковъ каеэдръ, надо полагать что онѣ существовали въ нѣкоторыхъ церквахъ еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, и что по всей вѣроятности число ихъ стало увеличиваться начиная съ тринадцатаго вѣка. По сохранившимся каеэдрамъ видно кромѣ того еще что ихъ отчасти дѣлали

изъ камня по образцу древнихъ амвоновъ, отчастиже изъ дерева, и въ такомъ случаѣ ихъ иногда украшали рѣзбою изъ слоновьей кости или обкладывали листьями дорогаго металла, драгоценными камнями и пр. Какъ примѣръ подобнаго рода украшеній можно привести каѳедру существующую донынѣ въ Ахенскомъ соборѣ и принесенную въ даръ этой церкви по преданію Генрихомъ II. Прочія извѣстныя намъ древнія каѳедры сдѣланы изъ песчаника или мрамора. Въ числѣ этихъ послѣднихъ самая замѣчательная по формѣ и по древности, каѳедра на островѣ Градо¹. Она помѣщается у сѣверной стѣны главнаго пространства вблизи престола и состоитъ изъ двухъ частей, нижней и верхней, изъ коихъ только нижняя остатокъ первоначальной каѳедры, а верхняя, представляющая сводчатый шатеръ на колоннахъ въ арабскомъ вкусѣ была дополнена въ гораздо позднѣйшее время и потому не входитъ въ нашъ разборъ. Первоначальная каѳедра имѣетъ на себѣ явный отпечатокъ начала двѣнадцатаго вѣка, а быть можетъ даже и одиннадцатаго; это возвышенная площадка съ перилами, поддерживаемая шестью колоннами и къ которой сзади ведетъ полуоборотомъ витая и крутая лѣсенька. Колонны расположены кругомъ на шестиугольномъ основаніи и стоятъ весьма близко одна къ другой; вышины ихъ немного болѣе шести футовъ, двѣ изъ переднихъ витыя, прочія гладкія, но у всѣхъ капители изъ листьевъ и цоколи одинаковой формы. Возвышающіяся надъ ними перила приблизительно четырехъ футовъ вышины и образуютъ слегка закругленные выступы между каждою парю колоннъ, такъ что въ горизонтальномъ разрѣзѣ, и за вычетомъ той стороны гдѣ устроенъ сходъ съ ступенями, мы получимъ фигуру схожую съ шестидужчатою звѣздою. На каждомъ выступѣ перилъ въ рамкѣ изъ двугранныхъ брусковъ помѣщено по одному символическому изображенію четырехъ евангелистовъ, крайне грубой рельефной работы. — Послѣ этой каѳедры и другой въ ц. С. Амвросія въ Миланѣ², въ которой впрочемъ не вполне сохранился первоначальный характеръ, заслуживаетъ вниманія изящная каѳедра въ Вексельбургѣ³. Она современна сооруженію самой церкви (1174), и цѣликомъ сложена изъ песчаника, и въ общемъ весьма напоминаетъ еще формою своею древній амвонъ. Это не высокая оградка на четырехугольномъ или почти кубическомъ основаніи, стороны которой, за исключеніемъ не много выдающейся передней стороны, кажутъ какъ бы продолженіемъ сторонъ основанія. Между продолженными боковыми сторонами основанія и оградки помѣщаются ступени ведущія на каѳедру. Въ лицевой сторонѣ основанія устроена ниша, съ обѣихъ сторонъ которой по колоннѣ поддерживающей выступающую часть оградки. Обѣ колонны различной формы, и оградка и углы основанія украшены изваяніями, составляющими поразительный контрастъ со всѣми подобными произведеніями тогоже времени не только по чистотѣ формъ, но и по нѣжности композиціи. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ замѣтна нѣкоторая внутрен-

¹ и ² R. v. Eitelberger. Der Patriarchensitz und die Kanzel zu Grado и пр. въ: Mittelalterl. Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats. I. стр. 115, особ. 117. табл. XVIII. — II. стр. 1, и въ особ. 26. таб. IV. А. — ³ L. Puttrich. Denkmale и пр. Отд. I. 1 и 2 тетрадь. F. Kugler. Kleine Schriften и пр. I. стр. 429 и сл. 470. K. Schnaase. Geschichte и пр. V. стр. 784 — H. Otte. Handbuch. и пр. стр. 83.

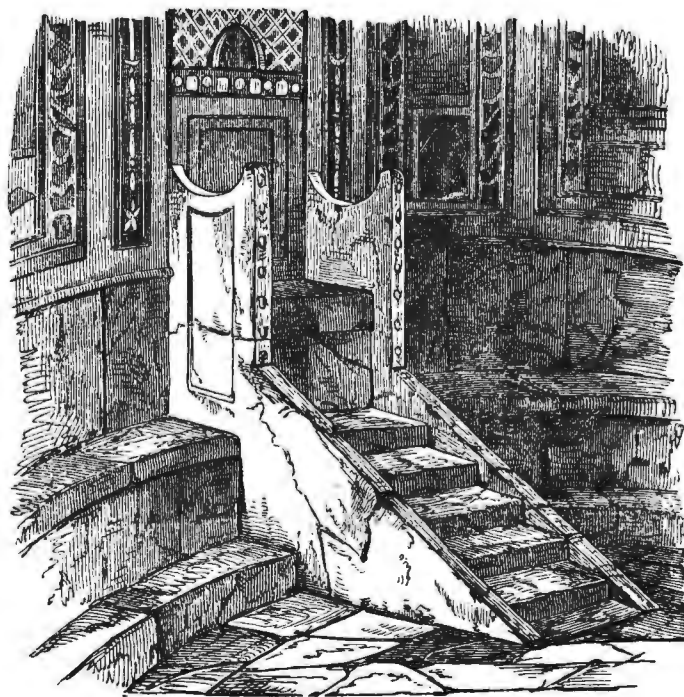
ияя связь. Изваянія на оградѣ изображаютъ: по срединѣ Спасителя на престолѣ и кругомъ знаки четырехъ евангелистовъ; съ одной стороны, Божія Матерь попирающая змѣя, съ другой Іоаннъ стоящій на человѣческой фигурѣ, символъ безвѣрія. Затѣмъ, на одной изъ боковыхъ стѣнокъ жертвоприношеніе Авраамова, на другой Моисей и мѣдный змѣй. Внизу, въ верхнихъ углахъ боковыхъ стѣнокъ основанія или покоя, жертвоприношенія Авеля и Каина, олицетворяющія жертву Христа.—Прочія сохранившіяся въ Германіи каѳедры несравненно проще, хотя и различной отдѣлки. Въ числѣ ихъ укажемъ на двѣ невысокія каменные каѳедры въ романскомъ стилѣ въ ц. Прев. Богородицы въ Гальберштадтѣ; потомъ въ Нейверкерской ц. въ Госларѣ и другую, но меньшихъ размѣровъ, въ Майнцкомъ соборѣ и современную основанію этой церкви.

е. Налой, аналогій, (*lectrum, lectrinum, pulpitum*), такого же древняго происхожденія какъ и амвонъ. Съ древнѣйшихъ временъ въ церквахъ были въ употребленіи неподвижные налои и переносные. Къ первому разряду относятся тѣ поставцы съ двумя и болѣе пологими досками, кои имѣли свое опредѣленное мѣсто посреди клироса, и на которыхъ лежали ноты церковныхъ пѣвчихъ; ко второму же разряду тѣ налои, съ которыхъ для большаго удобства читались апостолъ и евангеліе (стр. 355). Хотя эти предметы и не имѣли непосредственнаго отношенія къ церковному служенію, тѣмъ не менѣе и имъ старались придавать приличный внѣшній видъ соотвѣтствовавшій общему характеру церковнаго убранства. Съ этой цѣлью еще въ седьмомъ вѣкѣ, какъ большимъ налоямъ состоявшимъ обыкновенно изъ бронзы или мѣди, такъ и малымъ изъ дерева, придавалась большею частью форма орла съ полураспростертыми крыльями, для ознаменованія возвышеннаго духовнаго полета Іоанна богослова. Орелъ этотъ утвержденъ былъ на ножкѣ въ видѣ столбика съ украшеніями и на подставкѣ котораго помѣщались символическія изображенія четырехъ евангелистовъ. Эта форма удержалась для большихъ налоевъ безъ измѣненій вплоть до исхода средневѣковаго періода, и даже послѣ того когда уже были введены возникшіе еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и несравненно удобнѣйшіе двойные, вращающіеся налои. Для сбереженія весьма цѣнныхъ окладовъ священныхъ книгъ, состоявшихъ нерѣдко изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, рѣзбы на слоновьей кости и т. п., на налои надѣвались роскошно вышитыя шелковыя и даже бархатныя целены.

ж. Епископскія сѣдалища, каѳедры (*thronos, cathedra, faldistorium*), были тоже съ давнишнихъ временъ двухъ родовъ, неподвижныя и переносныя. О вліяніи греческаго искусства на отдѣлку епископскихъ сѣдалищъ въ первые вѣка Христіанства было уже говорено выше (II. 1. стр. 118 и сл.), а на сколько этотъ древній способъ отдѣлки измѣнился потомъ на западѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ не только самыя достовѣрныя письменныя памятники но собственно по отношенію къ неподвижнымъ сѣдалищамъ, въ особенности многочисленныя уцѣлѣвшія донынѣ епископскія каѳедры. Каѳедры эти по большей части весьма древнія и почти всѣ въ Италіи. Согласно съ письменными свидѣтельствами онѣ помѣщаются непосредственно посрединѣ у задней стѣны на клиросѣ, онѣ каменные и съ виду похожи на кресло поставленное на возвышеніи и къ которому ведутъ нѣсколько ступеней. Иног-

да надъ ними устроенъ каменный шатеръ выдающійся изъ стѣны и поддерживаемый спереди двумя колонками соединяющимися съ боковыми стѣнками кресла. Отъ каедръ вдоль той же задней стѣны по обѣ стороны устраивалось въ видѣ каменной скамьи и нѣсколько ниже кресла сидѣнье для низшаго духовенства. Какъ образчики подобныхъ сѣдалищъ можно привести каменную каедръ въ соборѣ въ Паренцо ¹ (фиг. 313), украшенную на спинкѣ искусною разноцвѣтною мозаикою ². Затѣмъ слѣдуетъ привести епископское сѣдалище въ приходской церкви на островѣ Градо ³), съ каменнымъ балдахиномъ вверху поддерживаемомъ двумя колоннами. Боковые прислоны снаружи и карнизъ балдахина украшены простымъ лентообразнымъ орнаментомъ. Всѣ эти сѣдалища вообще довольно незатѣйливы, какъ нѣм. пр. и весьма древняя каедръ въ ц. св. Амвросія въ Миланѣ ⁴, все украшеніе на которой и символическое убранство составляла безъ сомнѣнія драпировка изъ ковровъ. Есть впрочемъ сѣдалища носящія положительно символическій характеръ, какъ напр. два мраморныхъ ⁵, изъ коихъ одно въ ц. с. Николая въ

Фиг. 313.

Бари, поддерживаемое двумя колѣнопреклоненными отроками, и другое въ ц. с. Сабино въ Каносѣ на двухъ слонахъ. Въ особенности это послѣднее, но-

^{1, 2, 3 и 4} Abbé Migne въ указ. соч. стр. 464. E. Heider и др. *Mittelalterl. Kunstdenkmale* II. пр. I. стр. 105. таб. VI. I. стр. 115. таб. XVII. II. стр. 33. — ⁵ Duc de Luines. *Recherches sur les monuments et l'histoire des Normans etc.* T. 9. и сл. — H. Schultz, *Kunstwerke Unter-Italiens* таб. 9.

сящее признаки саррапинскаго вліянія, напоминаетъ преданіе, по которому с. Аврелій въ 399 г. по случаю превращенія въ христіанскую церковь капища какой-то языческой богини возсѣдавшей на львѣ, воспользовался, какъ разсказываютъ, этимъ львомъ для подставки каедръ своей, дабы этимъ выразить торжество креста надъ язычествомъ. Подобное же преданіе сохранилось также о епископской каедрѣ находившейся въ базиликѣ с. Іоанна въ Латеранѣ и сооруженной папою Александромъ III въ 1177 г. изъ мрамора. Къ ней вели шесть ступеней, надъ послѣднею были изваяны медвѣдь, василискъ, змѣя и драконъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что и въ позднѣйшія времена епископскія сѣдалища по примѣру первыхъ вѣковъ дѣлались не только изъ камня, но тоже изъ бронзы и другихъ дорогихъ матеріаловъ (II. ч. I. стр. 118 и сл.). Для примѣра укажемъ на знаменитое, такъ называемое императорское кресло, находившееся прежде въ Госларскомъ соборѣ, а теперь составляющее одно изъ украшеній собранія оружія принца прусскаго Карла I; оно цѣликомъ вылито изъ бронзы, и какъ въ цѣломъ такъ и въ частностяхъ носитъ характеръ современнаго ему „кродова престола“ въ Госларѣ (стр. 352).

Не слѣдуетъ однако изъ сказаннаго нами выводить заключенія, какъ дѣлають многіе, будтобы каменные или неподвижныя епископскія сѣдалища древнѣе переносныхъ, ибо съ самаго начала встрѣчаются каедръ обоихъ названныхъ видовъ. Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно будетъ напомнить, что епископы еще въ самыя первыя времена произносили проповѣди со ступени у престола и сидя (стр. 355), стало быть для этого нужно было особое кресло. Такимъ образомъ выходитъ, что сѣдалища перваго разряда скорѣе имѣли значеніе трона „*thronos*“, на который садились лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. Такъ мж. пр. по разсказу Титмара мерзебургскаго, епископъ Арнульфъ, будучи оскорбленъ рыцаремъ Гугалемъ, „взошелъ на сѣдалище стоявшее на верхней ступени у восточной стѣны собора“, чтобы выслушать извиненіе которое по королевскому велѣнію ему приписалъ маркграфъ Геронъ. Изъ этого разсказа явствуетъ кромѣ того, что въ нѣмецкихъ церквахъ подобнаго рода сѣдалища существовали даже до второй половины одиннадцатаго вѣка. Въ Италіи въ нѣкоторыхъ церквахъ они сохранились еще долѣе, вплоть до исхода тринадцатаго вѣка.

Переносныя сѣдалища ² сохранили практическую форму древнеримскаго курульскаго кресла (*sella curulis*), или складнаго кресла. Эта же самая форма удержана была, какъ мы видѣли (стр. 309), для императорскаго трона, и потомъ была принята и церковью для епископскихъ каедръ, пока съ перенесеніемъ престола къ задней стѣнѣ клироса (стр. 351 и сл.), стоявшія на томъ (горнемъ) мѣстѣ каменные каедръ небыли замѣнены каедрами помѣщавшимися большею частью справа отъ престола. Этимъ каедрамъ давали отчасти форму древнихъ возвышенныхъ сѣдалищъ, отчасти форму трона, и сколько возможно было блестящій виѣшній видъ. Соотвѣтственно тому ихъ дѣлали изъ металла, изъ позолоченой бронзы и пр. или дорогаго дерева обложеннаго золотыми и серебряными листьями, слоновьей костью со встав-

¹ F. Kugler. Kleine Schriften и пр. I. стр. 143. — ² Viollet-le-Duc. 41, 108, 281.

ленными въ нее дорогими камнями; иногда каѳедры эти украшались рѣзными либо рельефными изображеніями изъ Священнаго Писанія, а передняя часть ручекъ отдѣлялась въ видѣ львиныхъ головъ и ножки въ видѣ львиныхъ лапъ. Каѳедры эти кромѣ того устраивались всегда на четырехугольномъ возвышеніи и съ приступкомъ для входа украшеннымъ въ такомъ жеродѣ какъ и каѳедры. Ступени, сидѣнье и спинка обкладывались коврами и подушками, и въ довершеніе всего этого убранства позади сѣдалища навѣшивалась драпировка, или же надъ нимъ къ стѣнѣ укрѣплялся шатеръ въ родѣ балдахина и поддерживаемый колоннами.

3. Клиросныя сидѣнья (*formulae, stalla, stalli*) ¹, встрѣчаемыя до нынѣ, принадлежать по большей части къ исходу средневѣковаго періода и сдѣланы изъ дерева. По всей вѣроятности не ранѣе конца одиннадцатаго вѣка они замѣнили каменные сидѣнья (*sedilia, subsellia*), помѣщавшіяся по обѣимъ сторонамъ древнихъ епископскихъ сѣдалищъ на горнемъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ начиная съ этого времени впервые мы встрѣчаемъ извѣстіе о деревянныхъ клиросныхъ сидѣнїяхъ, изъ чего мы должны заключить что въ ту пору уже обращалось особое стараніе на внѣшнюю отдѣлку ихъ. Хотя въ точности и нельзя опредѣлить каковы были устройство и форма этихъ сидѣній, тѣмъ не менѣе однако есть основаніе предполагать, что они сдѣланы были по образцу каменныхъ, т. е. что это были скамьи съ высокою спинкою, иногда съ ручками для удобства пожилыхъ духовныхъ. Такія сидѣнья съ высокими спинками притомъ же украшенными рѣзбою, были примѣнны въ такомъ лишь случаѣ когда духовенство помѣщалось въ одинъ только рядъ, но когда по числу духовныхъ требовалось нѣсколько такихъ рядовъ, тогда сидѣнья располагались уступами одно позади другаго, чѣмъ выгадывалось не только болѣе мѣста, но и доставлялась возможность сидѣвшимъ слѣдить за священнодѣйствіемъ. Для болѣе удобнаго размѣщенія духовенства въ этихъ рядахъ оставлены были проходы съ подъемными досками. Другое приспособленіе для облегченія стоянія на этихъ мѣстечкахъ составляли боковые прислоны устроенные надъ ручками и которые тоже дѣлались съ украшеніями. Уцѣлѣвшіе остатки такихъ клиросныхъ сидѣній не многочисленны, и принадлежатъ всѣ уже двѣнадцатому вѣку, и находятся преимущественно въ двухъ церквахъ, въ ц. с. Виктора въ Ксантенѣ и въ ратцебургской ц.; изъ нихъ самая древнѣйшая вѣроятно ратцебургскія ². Это скамьи, раздѣленныя на нѣсколько мѣстъ глухими стѣнками съ одною лишь общою продольною спинкою и съ откидными сидѣнїями въ каждомъ отдѣленіи. Боковыя стѣнки вверху доходятъ до самаго края спинки, а другимъ концомъ своимъ достигая до земли, служатъ подпорками для скамьи. Стѣнки по ребру спереди внизу вырѣзаны въ видѣ четырехугольнаго выступа, служащаго пятою двумъ маленькимъ рѣзнымъ колонкамъ; поверхъ ихъ идетъ продолговатый четырехугольный карнизецъ украшенный рѣзбою; затѣмъ, надъ нимъ, гладкое мѣсто завершающееся орнаментомъ съ котораго собственно начинается боковой при-

¹ E. Jourdain и Duval. Histoire et description des stalles de la cathédrale d'Amiens и пр. въ разныхъ мѣстахъ. — C. Heideloff. Die Kunst des Mittelalters и пр. — Viollet-le-Duc. Dictionnaire и пр. стр. 114. G. Bechstein. Gessert и др. Kunstdenkmäler I. отд. тетрадь 3.—² J. Gailhabaud. L'architecture et les arts и пр. livr. IV:

слонъ. Немного выше доски для сидѣнья боковые стѣнки нѣсколько выкружены въ глубь, потомъ кверху свиваются какъ бы спирально въ кружокъ на подобіе орнамента. Непосредственно отъ этого мѣста боковая стѣнка суживаясь нѣсколько кверху завершается валикомъ украшеннымъ съ лицевой стороны. Въ отдѣлкѣ этихъ клиросныхъ сидѣній избѣгалось по возможности однообразіе, и потому не только колонки изображающія ножки скамьи, но и всѣ прочія украшенія нѣсколько не похожи одно на другое. — Въ позднѣйшее время, но по всей вѣроятности не раньше исхода двѣнадцатаго вѣка, спинки и боковыя стѣнки у клиросныхъ сидѣній стали дѣлаться все выше и выше и роскошнѣе отдѣлываться, и подконецъ стали совершенно походить на закрытый съ боковъ деревянный балахинъ съ прорѣзными украшениями.

и. Въ противоположность описаннымъ нами доселѣ сѣдалищамъ и клироснымъ сидѣніямъ, мѣста на которыхъ въ церквахъ сидѣли міряне отличались крайнею простотою. Это были по большей части простыя деревянные скамьи, по крайней мѣрѣ вплоть до конца двѣнадцатаго вѣка ¹. Подобная скамья, можетъ быть еще десятого вѣка, хранится въ главной церкви въ Винчестерѣ ². Скамья сдѣлана изъ толстыхъ досокъ, съ толстыми четырехгранными ножками, съ очень высокой спинкою и весьма низкими боковыми прислонами. Спинка составлена изъ двухъ крѣпкихъ угловыхъ стоекъ, соединенныхъ вверху перекладиною со вставленными между ними отвѣсно досками. Боковыя стѣнки состоятъ изъ четырехугольных щитовъ съ четырехугольною же вырѣзкою внизу. На верхнемъ концѣ стоекъ наставлены орнаменты крестообразной формы, поперечники коихъ на обоихъ концахъ образуютъ кругъ съ вырѣзанною въ немъ звѣздою. Къ боковымъ щитамъ спереди по ребру приставлены по круглой дощечкѣ безъ всякихъ украшеній.

к. Шкапы (*armaria*, *argumentaria*) и сундуки, въ которыхъ хранились драгоценныя церковныя вещи, подобно вышепоименованнымъ предметамъ, дѣлались тоже всегда изъ дерева. Въ первое время эта утварь помѣщалась возлѣ престола, но съ десятого столѣтія для нея были устроены въ сторонѣ отъ средняго пространства церкви особые придѣлы или ризницы (*sacragium*, *sacristei*, *vestiarium*, *camera paramenti*), сохранившіе доселѣ свое прежнее назначеніе. Хотя до насъ дошло лишь весьма ничтожное число подобныхъ виѣстилищъ, тѣмъ не менѣе, даже по этимъ немногимъ остаткамъ замѣтно, что въ ту пору уже обращалось вниманіе не только на виѣшнюю отдѣлку ихъ, но въ особенности и на прочное, и подчасъ даже роскошное, устройство замочныхъ приборовъ, бронзовой или желѣзной оковки и прочихъ металлическихъ принадлежностей названныхъ предметовъ. — Что касается въпервыхъ сундуковъ ³, то для нихъ удержана была изстари обычная форма продолговато-четыреугольнаго ящика съ крышкою, на толстыхъ, короткихъ ножкахъ или безъ таковыхъ. Сундуки были частью сплошь окованы металлическими листами, частью только мѣстами, причемъ деревянные части украшались рѣзбою изображавшею большею частью лентообразное сплетеніе вѣтвей, человѣческихъ фигуръ и животныхъ и пр.

¹ Viollet-le-Duc. Въ упр. соч. стр. 106. — ² G. Passavant. *Kunstreise* и пр. стр. 132. съ рис. — ³ Viollet-le-Duc. *Dictionn.* и пр. стр. 23. и въ другихъ мѣстахъ.

иногда ко всему этому прибавлялась инкрустація изъ дорогаго дерева, мелкихъ пластинокъ слоновой кости и т. п. вещей. Шкафы были по большей части очень глубоки, изъ крѣпкихъ досокъ, на короткихъ ножкахъ и съ нѣсколькими дверцами расположенными либо въ рядъ, либо другъ надъ другомъ, и съ горизонтальными поверхъ ихъ металлическими запорами. Дверцы, впрочемъ, повидимому рѣдко украшались выпуклою рѣзбою, а большую частью расписывались клѣтками въ архитектурномъ вкусѣ. Въ этомъ родѣ отдѣланы мж. пр. нѣсколько древнихъ шкаповъ, преимущественно въ французскихъ церквахъ, изъ коихъ однако самый древній въ Обазинѣ (Коррезъ) по всей вѣроятности принадлежитъ уже половинѣ двѣнадцатаго столѣтія. Этотъ шкафъ довольно великъ, длиннѣе въ ширину чѣмъ въ вышину, и стоитъ не высоко отъ земли на четырехъ толстыхъ ножкахъ. Въ немъ двойныя дверцы продолговато-четыреугольной формы и закругленныя у верхняго конца? На каждой половинкѣ по двѣ толстыя горизонтальныя желѣзныя полосы соединяющіяся съ петлями, и по отдѣльному замку въ которые влѣвается засовъ. Лицевая сторона, теперь совершенно безъ украшеній, но прежде, какъ надо полагать, была расписана, и только подъ верхнимъ краемъ по шкапу протянута простая планка. Боковыя стѣнки отдѣланы въ архитектурномъ вкусѣ; съ обѣихъ сторонъ на углахъ придѣланы по двѣ тонкія полукруглыя палочки съ капителями, пространство между ними раздѣлено на двѣ равныя площади, каждая изъ нихъ дѣлится опять пополамъ колонкою, соединенною полукруглыми арками съ такимиже колонками съ боковъ площадей.—Другой, подобнагоже рода шкафъ хранится въ церкви въ Байё (Bayeux), онъ весь расписанъ но принадлежитъ уже къ началу тринадцатаго столѣтія. Третій шкафъ наконецъ, тоже расписанный, но еще позднѣйшаго времени, находится въ Ноаіонской (Noyon) церкви ¹.

л. Еще слѣдуетъ упомянуть объ одной вещи употребляемой духовенствомъ въ церквахъ преимущественно въ зимнее время для согрѣванія рукъ. Для этого существовалъ, кромѣ упомянутыхъ нами выше (стр. 344 пр. 1) грѣлокъ шарообразной формы, еще другой снарядъ бѣльшаго размѣра, такъ называемый кале факторъ (calefactor), съ виду похожій на столъ или на низкую тачку о четырехъ колесахъ. Первая изъ этихъ двухъ формъ встрѣчается часто въ древнихъ миниатюрахъ, напр. въ „hortus deliciarum“ аббатиссы Геррады фонъ Ландспергъ, второй половины двѣнадцатаго вѣка. Грѣлки второй изъ названныхъ формъ, возникшей уже въ тринадцатомъ вѣкѣ, можно встрѣтить кое-гдѣ и теперь еще въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ. Первый изъ этихъ приборовъ состоялъ просто изъ станка на четырехъ ножкахъ съ украшеніями, на которомъ помѣщалась четыреугольная жаровня со сквознымъ дномъ въ видѣ рѣшетки. Самые древнѣйшіе уцѣлѣвшіе до нынѣ приборы втораго разряда бронзовые или желѣзные. Эта жаровня довольно значительнаго размѣра, четыреугольной формы и съ днищемъ тоже въ видѣ рѣшетки, но у которой стѣнки для усиленія тяги прорѣзаны на подобіе сплетенія изъ вѣтвей; подъ рѣшеткою жаровни помѣщена толстая четыреугольная плита съ загнутыми вверхъ краями. Весь этотъ приборъ утвержденъ на четырехъ колесахъ и къ нему придѣлано дышло вмѣсто рукояти.

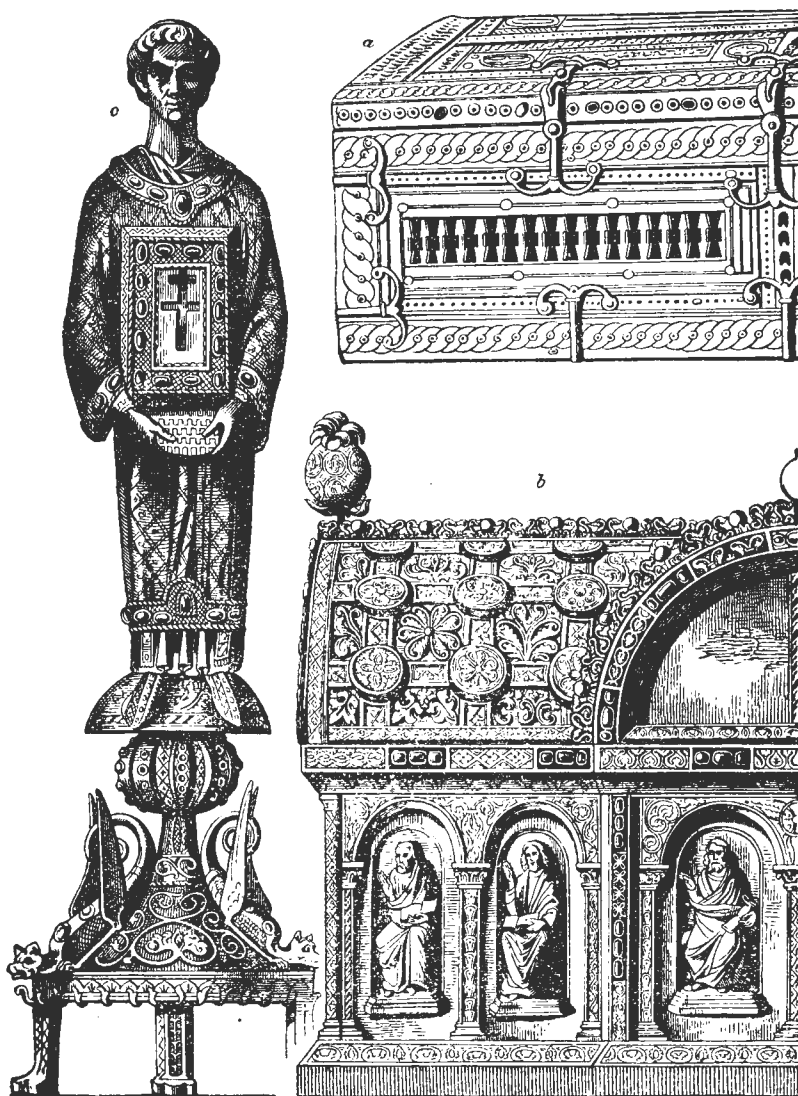
¹ Viollet-le-Duc. въ прив. соч. стр. 7, фиг. 6—10. Таб. № I. потомъ и стр. 204.

м. Раки и ковчежцы для мощей, (*reliquarium; phylacterium; capsula; capsella; capsarium; theca; tumba; arca; cista; herma; feretrum* и пр.) ¹. Отсылая читателя къ тому что объ этих предметахъ сказано было уже прежде (II. 1. стр. 117 и сл.), мы считаемъ однако уиѣстнымъ напомнить еще разъ о томъ, что формы въ родѣ ящиковъ и саркофаговъ, выработанныя впервые въ Греціи для ракъ и ковчежцевъ для мощей, будучи перенесены потомъ на западъ, оставались здѣсь постоянно господствующими вплоть до позднѣйшихъ временъ и не взирая на послѣдовавшія въ нихъ измѣненія. И въ самомъ дѣлѣ, положимъ что дѣйствительно, съ первыхъ вѣковъ вплоть до девятого столѣтія существовалъ обычай, тѣла мучениковъ или части отъ нихъ хранить подъ спудомъ подъ престоломъ, и что только послѣ этого времени стали выставлять мощи открытыми на виду всѣмъ, то весьма понятно будетъ, если въ тѣ первыя времена, для вмѣстилищъ останковъ святыхъ предпочиталась форма саркофаговъ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшая такой цѣли. Вѣроятно что съ этого времени также, сама церковь стала впервые обращать болѣе вниманія на роскошную внѣшнюю отдѣлку названныхъ вмѣстилищъ. Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что церковь всегда съ самыхъ первыхъ вѣковъ, любила придавать по возможности благолѣпный видъ тѣмъ вмѣстилищамъ, въ коихъ хранились чтимыя ею останки святыхъ угодниковъ. На западѣ усердіе въ этомъ отношеніи не могло еще въ это время выказываться въ широкихъ размѣрахъ, во первыхъ потому, что туда привозилось вообще лишь ограниченное число мощей, ровно сколько таковыхъ требовалось для освященія церквей, и во вторыхъ, что необходимыя для храненія мощей раки и ковчеги получались большею частью изъ Греціи и Италіи, такъ что туземное производство естественно ограничивалось пока только подражаніемъ иноземнымъ формамъ (стр. 317 и сл.). Последнія стали такимъ образомъ типическими на западѣ и долго еще служили образцами, даже и послѣ того когда искусство пріобрѣло уже болѣе самостоятельности, и количество привозимой святыни все болѣе и болѣе возрастало. Привозимые крестоносцами священные предметы всякаго рода, и распространявшееся даже среди мірянъ пристрастіе къ собиранію святыни, главнымъ образомъ содѣйствовало пробужденію въ художникахъ стремленія къ изобрѣтенію новыхъ формъ и новаго способа сочетанія орнаментовъ. Впрочемъ, не ранѣе какъ въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, искусству удалось исполнѣ отрѣшиться отъ унаслѣванной имъ рутины, и съ этого времени оно быстро подвигалось впередъ, создавая своеобразныя новыя формы и примѣняя къ украшеніямъ все болѣе самыя разнообразнѣйшія матеріалы (золото, серебро, мѣдь, слоновья кость, дерево, стекло, кожу, матеріи и пр.). При этомъ оно воспользовалось въ широкихъ размѣрахъ всѣми усѣхами золотыхъ-дѣлъ-мастерства и связанныхъ съ нимъ мелкихъ искусствъ, какъ то, обдѣлкою драгоценныхъ камней, филигранною работою, черневымъ и эмалевымъ дѣломъ, рѣзбою по кости, дереву, камню и пр.

¹ См. приведенныя уже въ разныхъ мѣстахъ сочиненія. W. Augusti. III. стр. 681. F. Schmidt. Ernst aus'm Werth. A. Worsaae. F. Bock. E. Heider. Violet-le-Duc. F. Kugler. Didron. Cahier et Martin. L'abbé Texier. M. de Caumont, и мн. др.

Благодаря такому развитію этихъ различныхъ художественныхъ отраслей, вышеназванныя вмѣстилища для мощей стали теперь дѣлаться всѣхъ возможныхъ размѣровъ, и сообразно съ объемомъ сохраняемыхъ въ нихъ останковъ святыхъ угодниковъ, вслѣдствіе чего, до тринадцатаго вѣка, возникло еще

Фиг. 314.

столько разнообразныхъ видовъ ракъ и ковчеговъ, что въ числѣ однихъ только дошедшихъ до насъ экземпляровъ, можно насчитать неменѣе двадцати главныхъ формъ. Было бы бесполезно и даже невозможно описать въ отдѣльности всѣ виды этихъ вмѣстителей, и потому мы ограничимся приблизительнымъ указаніемъ слѣдующихъ пяти главныхъ группъ.

1. Раки и ковчегі для мощей формы простыхъ ящиковъ. Къ нимъ принадлежатъ самыя древнѣйшія и наиболѣе объемистыя подобнаго рода вмѣстилища. Это продолговатыя четырехугольныя ящики весьма различной длины и глубины, либо на ножкахъ, либо безъ нихъ, съ двухскатною илиже совершенно плоскою, откидною крышкою, обыкновенно на петляхъ (фиг. 314. а). Раки эти большею частью изъ дерева или мѣди, или изъ дерева и окованныя мѣдью; встрѣчаются тоже раки меньшаго размѣра и цѣликомъ составленныя изъ слоновьей кости ¹. Раки изъ дерева и слоновой кости большею частью украшены кругомъ рѣзьбою; деревянныя сверхъ того еще нерѣдко обложены орнаментами изъ слоновьей кости, а костяныя мѣстами позолочены и раскрашены. Мѣдныя раки, которыя большею частью снабжены двухскатною крышкою, обыкновенно сплошь эмалированы, и кромѣ того нерѣдко украшены позолоченными выпуклыми изображеніями І. Христа на крестѣ съ Богоматерью и Іоанномъ, апостолами, святыми и пр. и иногда тоже драгоценными или поддѣльными камнями.

2. Затѣмъ слѣдуютъ раки весьма различной величины, и съ украшеніями преимущественно архитектурнаго характера, и большею частью пластической отдѣлки. По отношенію къ формѣ ихъ можно раздѣлить на два разряда: на раки въ родѣ упомянутыхъ выше ящиковъ съ двухскатною крышкою, и на раки въ видѣ маленькихъ башенъ. Первые во всемъ сходны съ описанными выше вмѣстилищами, либо отъ нихъ отличаются только формою крышки, илиже наконецъ представляютъ воспроизведенное въ маломъ видѣ церковное зданіе. У ракъ съ двухскатными крышами, украшенія, въ особенности на нижней части или ящикѣ состоятъ, какъ на престолахъ, обыкновенно изъ полуколоннокъ, распределенныхъ въ одиночку или попарно, и соединенныхъ полукруглыми арками, съ расположенными между ними (иногда въ нишахъ) фигурами святыхъ (ср. фиг. 314. б). Украшенія на крышкѣ соответствуютъ большею частью общей отдѣлкѣ самого ящика, и тоже раздѣлены полуколонками или цѣльными колонками на нѣсколько площадей, въ которыхъ помѣщены изображенія изъ священнаго писанія, а промежутки отдѣляющіе эти площадки наполнены мелкими орнаментами. Края обложены по всему протяженію металлическими прорѣзными полосами, мѣстами украшенными выпуклыми пуговками. — У другого изъ приведенныхъ двухъ видовъ ракъ крышка либо выгнута (фиг. 314. в), либо слегка покатая, а вверху на ней помѣщается небольшой выступъ, почти исключительно формы упомянутыхъ выше ракъ съ двухскатною крышкою ². Но какъ у той, такъ и у другой формы ракъ, нижняя часть украшена въ такомъ же родѣ какъ у вышеупомянутыхъ вмѣстилищъ, формы ящиковъ; но за то отдѣлка на дугообразныхъ крышкахъ большею частью представляетъ правильное расположеніе тонкихъ орнаментовъ (фиг. 314 в). Покатыя крышки съ упомянутымъ выступомъ вверху, напротивъ, почти всегда украшены бывають различными

¹ F. Bock. Reliquienschatz и пр. Еромѣ: Das heilige Köln. и пр. таб. IV. 22. —
² Viollet-le-Duc. Dict. rais. и пр. стр. 215. фиг. 1. F. Bock. Das heilige Köln и пр. таб. XXIV. Еромѣ: Reliquienschatz zu Aachen стр. 43. № 17; стр. 56 № 21, и еще лучше у Ernst aus'm Werth. Denkmale. A. Worsaae. Nordiske Oldsager стр. 139. № 525. Didron. Annales XIII. стр. 112.

изображеніями святыхъ мучениковъ, или событіями изъ земной жизни и страданій І. Христа, и въ этомъ же родѣ отдѣланы и боковыя стѣнки на выступѣ. Подобнаго рода раки почти всегда дѣлались изъ металла, изъ металлическихъ досокъ, или же изъ дерева, обложеннаго металлическими листами. Отдѣлка на нихъ представляла богатое сочетаніе рѣзбы и чеканки, филигранпой, черневой и эмалевой работъ, рѣзбы изъ слоновьей кости и пр. и также драгоценныхъ камней, примѣромъ чему можетъ служить великолѣпная „рака трехъ царей (волхвовъ)“ въ кѣльнскомъ соборѣ. — Сюда же слѣдуетъ отнести еще третью форму ракъ, тоже въ родѣ ящиковъ съ покатою крышкою, или съ крышкой съ выступомъ вверху, но у которой по угламъ и по стѣнкамъ и даже по верхнимъ краямъ, расположены колонки, соединенныя остроконечными арками на подобіе церковнаго строенія. При этомъ площадки между колонками отдѣланы нерѣдко въ видѣ маленькихъ нишъ обрамленныхъ багетами, и въ которыхъ помѣщены весьма подчасъ выпуклыя изображенія святыхъ угодниковъ. Верхніе края иногда обложены вдоль узорчатыми планками, съ наставленными на нихъ пятью хрустальными шарами въ богатой оправѣ. Какъ одно изъ древнѣйшихъ произведеній въ этомъ родѣ, укажемъ на раку въ часовнѣ св. Вита въ Зальцбургѣ, принадлежащую къ десятому или одипадцатому вѣку, и какъ полагаютъ не безъ основанія, изображающую древній соборъ этого города.

Упомянутые выше ковчеги для мощей въ видѣ башенъ, бываютъ и круглой формы и многогранные, съ полусферическою или конусообразною крышкою, безъ ножекъ или на одной подставкѣ. Подставка всегда металлическая, но самое вмѣстилище либо рѣзное изъ кости, либо изъ металла. Украшеніе на нихъ составляютъ большею частью полуколонки, расположенныя кругомъ по вѣшней сторонѣ, а площадки между ними наполнены изображеніями, такъ что рядъ такихъ полуколонокъ, возвышаясь на болѣе или менѣе широкомъ и многостороннемъ основаніи украшенномъ тоже изображеніями, образуетъ середній поясъ всего вмѣстилища и служитъ какъ бы подпоркою крышки, которая нерѣдко отдѣлялась на подобіе черепичной кровли ¹. Иногда бываютъ два ряда колонокъ соединенныхъ арками и раздѣленные другъ отъ друга однимъ или нѣсколькими узорчатыми поясками, и надъ которыми возвышается башенка съ такимъ же украшеніемъ какъ на нижней части; башенка завершается крышкою, большею частью конической формы и роскошной отдѣлки съ крестомъ вверху ².

3. Ковчежцы, изображающіе головы или какія либо другія части человѣческаго тѣла, формою своею прямо указываютъ на содержимую въ нихъ часть мощей. Такъ напр. для храненія череповъ св. угодниковъ возникли ковчеги формы головъ и быстовъ, которымъ на сколько было возможно, придавали сходство съ чертами угодниковъ. Всѣ подобныя вмѣстилища дѣлались изъ металла, большею частью изъ серебра. Волосы на этихъ быстахъ обыкновенно вызолочены, а одежда на плечахъ и груди украшена драгоценными камнями. Ковчежцы предназначаемые для храненія руки

¹ и ² Didron. Annales т. пр. XVI. стр. 276.—XIV. 120. ср. F. Bock. Das heilige Köln т. пр. таб. XV. фиг. 58.

какоголибо угодника, дѣлались часто въ видѣ рукава отъ одежды и непременно изъ металла, роскошно обложеннаго камнями, и если то была цѣльная рука съ кистью, то эта часть обкладывалась обыкновенно листовымъ серебромъ ¹.

4. Ковчежцы въ видѣ человѣческихъ фигуръ, были большею частью изображенія извѣстныхъ святыхъ, коихъ мощи въ нихъ содержались ². Всѣ подобныя вмѣстителища сдѣланы изъ дерева, слоновой кости или металла; изъ нихъ послѣднія отличались по преимуществу весьма роскошною отдѣлкою (фиг. 314. с). Они дѣлались безъ ножекъ илиже съ подставкою, украшенною въ такомъ же родѣ какъ самая фигура, и открывались большею частью на шарнерахъ ³. Иногда этиже фигуры служили влагалищами внутреннихъ коробочекъ, содержащихъ частицы мощей святыхъ угодниковъ ⁴.

5. Ковчежцы для хранения мощей, формы сосудовцевъ, хотя и бываютъ весьма различныхъ видовъ, но вообще могутъ быть распределены на два разряда: на простые сосудцы безъ всякихъ декоративныхъ прибавокъ, и на сосудцы съ самой разнообразною орнаментациею. Первые и безспорно древнѣйшіе, носятъ отчасти вплоть еще характеръ древнеримскихъ бальзамаріевъ или склянкокъ для мазей. Они большею частью сдѣланы изъ камня (оникса, агата, горнаго хрустала), иногда, но рѣже, также изъ слоновой кости, рога и пр. Съ виду они походятъ на склянки и баночки и иногда слегка выгранены для красоты. Къ другому разряду подходятъ сосудцы почти такой же формы и по большей части стеклянные, но отличающіеся отъ предъидущихъ въ томъ, что нижняя часть на нихъ либо обдѣлана въ видѣ подставки или ножки ⁵, либо что сосудецъ весь вложенъ въ особый поставецъ болѣе или менѣе роскошной отдѣлки, и иногда охватывающій его почти совершенно ⁶. Эта послѣдняя форма обдѣлки, предоставлявшая полный просторъ изобрѣтательности художниковъ, усовершенствовалась впрочемъ лишь въ теченіе тринадцатаго столѣтія и до шестнадцатаго — ⁷. Изъ значительнаго числа уцѣлѣвшихъ донинѣ ковчежцевъ формы сосудовъ, первое мѣсто принадлежитъ хрустальнымъ склянкамъ конца десятаго вѣка, составляющимъ издавна собственность ризницы дворцовой церкви въ Кведлинбургѣ (фиг. 315) ⁸.

Фиг. 315.

¹ F. Bock. Reliquienschatz и пр. стр. 35. № 14. Еромее: Das heilige Köln и пр. таб. XIV. фиг. 53; таб. II. фиг. 7. 8. A. Worsaae. Nordiske Oldsag. стр. 142 № 350. —

² F. Bock. Das Schatzverzeichnis des Doms von St. Veit и пр. IV. стр. 238 (3). —

³ Viollet-le-Duc. въ прав. соч. стр. 130. фиг. 3. А. В. — ⁴ Didron. Annales XV. стр. 284. — ⁵ и ⁶ Didron и пр. X. 34 и XIII 326. — ⁷ Viollet-le-Duc. и пр. стр. 220. —

⁸ F. Kugler. Kleine Schr. и пр. I. стр. 633 и сл.

6. Сюдаже слѣдуетъ наконецъ включить значительное число ковчежцевъ для мощей, формы четырехугольных ¹ и круглыхъ плитъ ², крестовъ ³ и пр. отличающихся почти безъ исключенія, богатою отдѣлкою золотомъ, камнями и пр. — За всѣми исчисленными выше формами ковчежцевъ остается еще не малое число такихъ, кои не подходятъ ни къ одной изъ описанныхъ шести общихъ группъ, и по большей части возникли уже къ концу тринадцатаго столѣтія.

Но кромѣ производства упомянутой нами выше утвари было довольно много другихъ еще предметовъ, представлявшихъ обширное поле на которомъ свободно могли изощрять изобрѣтательность свою художники, и въ особенности золотыхъ-дѣлъ-мастера, такъ напр. изготовленіе и отдѣлка окладовъ на книги ⁴, на престольныхъ и выносныхъ крестовъ, отчасти съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя ⁵; потомъ окладовъ на иконы, рѣзныхъ вещей и мн. др. Формовщикамъ и литейщикамъ доставляло вдоволь работы отливаніе колоколовъ ⁶, дверей ⁷ и различныхъ металлическихъ вещей ⁸; слесарямъ и тому подобнымъ мастерамъ, изготовленіе металлическихъ приборовъ, рѣшетокъ и пр. ⁹, а рѣзчикамъ по дереву исполненіе надпрестольныхъ кіотовъ, панелей для стѣнъ ¹⁰ и церковныхъ дверей ¹¹; наконецъ швецы и ткачи, приготавливали все что относилось до внутреннего убранства покоевъ и мебели, ковры, подушки и пр. ¹² и также церковныя хоругви, покровы и тому по-

¹ Viollet-le-Duc. и пр. стр. 228. фиг. 10. — ² Didron и пр. XVIII. 154. — ³ Многочисленные образчики у A. Worsaae въ прив. соч. стр. 130 и сл. № 510 и сл. F. Bock. Reliquienschatz и пр. стр. 36 № 15 стр. 37. № 16. Didron. стр. 326. — ⁴ О подобныхъ окладахъ упоминаютъ часто древніе писатели, такъ жж. пр. Адамъ бременскій (III) 44 о служебникахъ въ золотыхъ окладахъ девяти фунтовъ вѣсу, и Титмаръ мерзебургскій (VI. 61) о подобныхъже окладахъ «украшенныхъ золотомъ и драгоценными камнями»; ср. по этому поводу: H. Otte. Handbuch и пр. 183. K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste и пр. IV. 1 отдѣлъ 343. F. Kugler. Kleine Schr. II. 344. Рисунки у P. Lacroix и Seré. Histoire и пр. 25. A. Worsaae. Nordiske Oldsager. 137. № 522. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. J. Becker и J. v. Hefner-Alteneck. Geräthschaften и пр. — ⁵ Кромѣ рисунковъ у F. Bock въ Das heilige Köln; Reliquienschatz и пр. и Ernst aus'm Wërth. и пр.; въ особ. Didron. Annales III. 558, здѣсьже помѣщено изслѣдованіе о Крестѣ, V. 318. XVI. 308. XIV. 284. W. Augusti Handb. и пр. III. 557 и сл. H. Otte. Handb. и пр. 47. F. Kugler. Kleine Schr. S. 409, и преимущественно L. Decamps des Bas. Beitrag zur mittelalt. Goldschmiedekunst у пр. 1859 съ 4 табл. — ⁶ H. Otte. Handbuch и пр. 44 и его же: Glockenkunde. Leipzig. 1859. — ⁷ Сравни перечень сохранявшихся доселѣ бронзовыхъ дверей у F. Adelung. Die Korssunschen Thüren in der Kathedralkirche zu Nowgorod. Berlin 1823. F. Kugler. Kleine Schr. S. 149. K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste IV. 1 отдѣлъ, 345 и IV. 2 отд. 505. H. Otte. въ пр. соч. 180. — ⁸ Сюда принадлежатъ жж. пр. бронзовая колонна въ Гильдесгеймѣ украшенная спиральными рельефами и приписываемая епископу Гериварду: Kraatz. Dom zu Hildesheim II. 61. таб. 7. K. Schnaase. Gesch. и пр. IV. 2 отд. 507. Оригинальный гипсовый слѣпокъ въ берл. музей. — ⁹ K. Schnaase и пр. 805. J. v. Hefner-Alteneck. Eisenwerke и пр. 1862. — ¹⁰ Образчики позднѣйшаго времени у L. Bechstein. E. v. Bibra и др. Kunstdenkmale и пр. отд. 1. тетр. 6. таб. VIII. — ¹¹ Замѣчательный образчикъ двери Св. Маріи на палатойа въ Кельнѣ: Boisseréc. Denkmale таб. 9. K. Schnaase. Gesch. и пр. IV. отд. 2. 513. — ¹² Въ замѣчаніи Вруно кельнскаго упомянуто множество «ковровъ, покрывалъ, завѣсъ, скатертей» и пр. О коврахъ и подушкахъ: Viollet-le-Duc. Dict. 48. W. Augusti. Handbuch и пр. III. 555. H. Otte. Handbuch и пр. 35, 49. F. Bock. Gesch. и пр. въ прив. ж. K. Schnaase. Gesch. и пр. IV. 1 отд. 341. ср. рисунки нѣкоторыхъ частей древнихъ ковровъ въ Кведлинбургѣ у L. Bechstein. E. v. Bibra и др. Denkmäler der Kunst in Deutschl. Отд. 1. тетр. 5. таб. XIII и XIV.

добные предметы; о работах производимых ваятелями и каменщиками ¹ мы здѣсь умалчиваемъ.

Б. Если послѣ всего сказаннаго выше насъ спросятъ, въ какомъ положеніи находились въ это время производство и устройство утвари, употребляемой въ это время въ домашнемъ, или обиходномъ быту, намъ придется за отвѣтомъ обратиться почти исключительно къ рисункамъ въ рукописяхъ, къ произведеніямъ ваянія и пр. и довольствоваться весьма немногими разбросанными письменными указаніями. Изъ нихъ мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ разбираемой нами эпохѣ, что производство выше-названнаго разряда вещей весьма мало уклонилось отъ стародавнихъ грубоватыхъ формъ, и что послѣднія почти безъ измѣненія удержались вплоть до половины двѣнадцатаго столѣтія. Но даже и въ это время, одни только предметы коими пользовались высшія сословія, отличаются болѣе художественнымъ отпечаткомъ, напоминающимъ отчасти формы тогдашней церковной утвари. Сказанное относится впрочемъ не только къ мебели или комнатной утвари въ тѣсномъ значеніи этого слова, но главнымъ образомъ къ сосудамъ, хотя объ нихъ собственно до насъ дошли крайне скудныя извѣстія.

1. Относительно этого отдѣла домашней утвари намъ извѣстно лишь то, что наряду съ сосудами изъ обожженной глины, какими пользовались въ обиходномъ быту, была въ ходу тоже деревянная, и что для болѣе изысканныхъ потребностей отдавалось всегда предпочтеніе металлическимъ сосудамъ передъ прочими родами утвари. Затѣмъ, изъ тѣхъ же извѣстій усматривается, что хотя и существовала значительная потребность въ сосудахъ изъ стекла, камня или слоховей кости, но что эти предметы составляли уже довольно рѣдкое явленіе. Объ увеличившемся потребленіи металлическихъ сосудовъ свидѣлствуетъ въ особенности то обстоятельство, что производство ихъ еще въ половинѣ десятаго вѣка достигло уже такого развитія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и преимущественно въ Нидерландахъ, что издѣлія эти гуртомъ вывозились какъ товаръ ². Производствомъ подобныхъ вещей отличались въ особенности между 980 и 1104 годами, Визе въ Асбэвѣ (Hasbain) и Юи (Hui) въ Кондрѣ, то и другое мѣсто въ Льежской области. Какого рода были эти сосуды, объ этомъ умалчиваютъ извѣстія, но есть основаніе предполагать что то были преимущественно сосуды изъ мѣди и желѣза, употребляемые для обиходныхъ потребностей. Сырой матеріалъ для этихъ вещей привозился отчасти изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, такъ напр. мѣдь получалась изъ Венгріи, Богеміи и Швеціи, желѣзо изъ Швеціи и Испаніи, олово большею частью изъ Англіи ³. Понятно, что въ домахъ высшихъ классовъ, можно было встрѣтить и теперь не малое количество парадной утвари болѣе или менѣе цѣнной, такъ мж. пр. сохранилось извѣстіе, что герцогъ Оттонъ послѣ побѣды его надъ императоромъ Генрихомъ II при Эльстерѣ, нашелъ въ лагерѣ послѣдняго великолѣпныя палатки много сундуковъ принадлежавшихъ духовенству, и наполненныхъ священническими облаченіями, церковными сосудами и т. п. и тоже зо-

¹ О каменныхъ и лѣзныхъ работахъ. K. Schnaase. Gesch. der bild. Kunst. IV. отд. 2. 512 и сл. V. 727 и сл. въ особ. 746 и сл. — ² и ³ D. Hüllmann. Städtewesen и пр. I. стр. 262 и сл. и 267 и сл.

лото въ кускахъ значительную сумму, деньги и пр. но сверхъ того ему досталось и не малое количество золотой и серебряной утвари для обиходнаго употребленія. Всѣ эти цѣнные предметы составляли частью собственность кѣльнскихъ и тріерскихъ епископовъ, частью-же герцога Фридриха фонъ Штауфена и „прочихъ богатыхъ господъ“, приверженцевъ императора.

Несмотря на то, что при изготовленіи сосудовъ изъ благородныхъ металловъ или какихъ-либо цѣнныхъ матеріаловъ, всегда обращалось въ то же время вниманіе и на форму, изображенія и фигуры на этихъ издѣліяхъ весьма посредственной художественной отдѣлки. Формы почти сплошь крайне незатѣливы и по большой части даже аляповаты, что впрочемъ можно объяснить неумѣlostью мастеровъ девятого и десятого вѣка ¹. Но такойже характеръ свойственъ сплошь также произведеніямъ подобнаго же рода одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка, такъ что вообще надо полагать, что при изготовленіи упоминаемыхъ сосудовъ, руководствовались пока еще преимущественно только практическими соображеніями.

а. Что касается различныхъ видовъ сосудовъ въ отдѣльности, то и теперь, по примѣру прежнихъ временъ, болѣе всего обращалось вниманіе на сосуды для питья и столовую посуду, хотя собственно не прибавилось ничего новаго къ существовавшимъ дотолѣ различнымъ формамъ сосудовъ. Сосуды для питья по прежнему состояли главнымъ образомъ изъ различнаго вида чашъ и кубковъ ², съ тою разницею только, что теперь ихъ чаще дѣлали изъ дорогихъ металловъ. Въ миниатюрахъ, преимущественно двѣнадцатаго вѣка, чаши почти безъ исключенія изображались въ видѣ полушарообразнаго сосуда на не высокой ножкѣ и либо желтаго (т. е. золатаго) цвѣта, либо цвѣта серебра; кубки напротивъ, частью формы нынѣшнихъ бокаловъ и такихъ же цвѣтовъ, частью имѣютъ форму маленькихъ (деревянныхъ) боченковъ съ обручами на нихъ (фиг. 316. с). Впрочемъ, встрѣчаются прямые намеки, что еще въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкахъ, саксонскіе золотыхъ-дѣльмастера изготовляли серебряныя чаши съ поддонцами столь изящной работы, что эти вещи отправлялись даже какъ художественные предметы въ Италию. Кромѣ того остались все еще въ употребленіи древніе рога для питья; то были или настоящіе воловь рога, или рѣзные изъ слоновьей кости и украшенные металлическою оправою, приблизительно въ такомъ же родѣ какъ охотничьи и военные рожки (фиг. 79. а—с.) ³. Встрѣчаются также, хотя и рѣдко, сосуды для питья изъ другихъ матеріаловъ, какъ мж. пр. изъ кокосовыхъ орѣховъ, страусовыхъ яицъ и т. под. вещей, привезенныхъ съ Востока. Такого рода уцѣлѣвшій доселѣ „питьевой сосудъ святого Ульриха“ (923—973), онъ сдѣланъ изъ тыквы, обложенной внутри серебромъ и съ золотымъ щиткомъ на днѣ на которомъ вырѣзанъ ликъ названнаго святого.

б. Къ столовой посудѣ принадлежали какъ и въ прежнія времена: раз-

¹ P. Lacroix et F. Seré. Histoire de l'orfèvrerie и пр. 108. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts Somp. I. X. Willemin. Monuments français и пр. —

² Еще въ «Breviar. Caroli Magni» сосуды для питья распределяются на «populares» (чубы, чаши) и «baccinus» (бокалы). Brunn. Beiträge и пр. 71, 72, 74, 76. — ³ F. von der Hagen. Handschriftengemälde и пр. des 12 bis 14 Jahrhunderts. 1850. 152.

личной величины и вмѣстительности блюда изъ металла, частью съ подставкою, частью безъ таковой, и иногда слегка украшенныя по вѣншей сторонѣ (фиг. 316. д; ср. фиг. 320). Особыхъ тарелокъ не было, и такъ какъ даже вплоть до двѣнадцатаго вѣка, духовенство осуждало употребленіе вилокъ какъ предосудительную роскошь¹, то ими пользовались въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, продолжая брать пищу изъ блюда прямо руками подобно азіятцамъ, и употребляя лишь для жидкихъ яствъ маленькія ложки. Вилки, служившія такимъ образомъ только орудіемъ помощи для раскладывавшихъ яствы, были довольно велики и о двухъ зубьяхъ; ножи, коими тоже только разрѣзывались предварительно яствы, были вообще широки и съ рукояткою въ родѣ нынѣшнихъ большихъ ножей (фиг. 316. в. с. ср. фиг. 320). Все что кромѣ того можно встрѣтить въ миниатюрахъ, ограничивается немногими мелкими вещами, какъ-то, сосудцами для приностей, солонищами, умывальными тазами, ситами и пр.

в. Для разливанія питей употреблялись какъ и прежде различнаго вида металлическія кувшины, съ ручками и безъ таковыхъ, частью гладкіе, частью съ немногими украшеніями (фиг. 316. f.); а для храненія жидкостей, бывшіе тоже прежде въ ходу, мѣхи и большія бочки (barridos) съ желѣзными обручами, какія впервые введены были, какъ говоритъ преданіе, самимъ Карломъ великимъ въ его помѣстьяхъ².

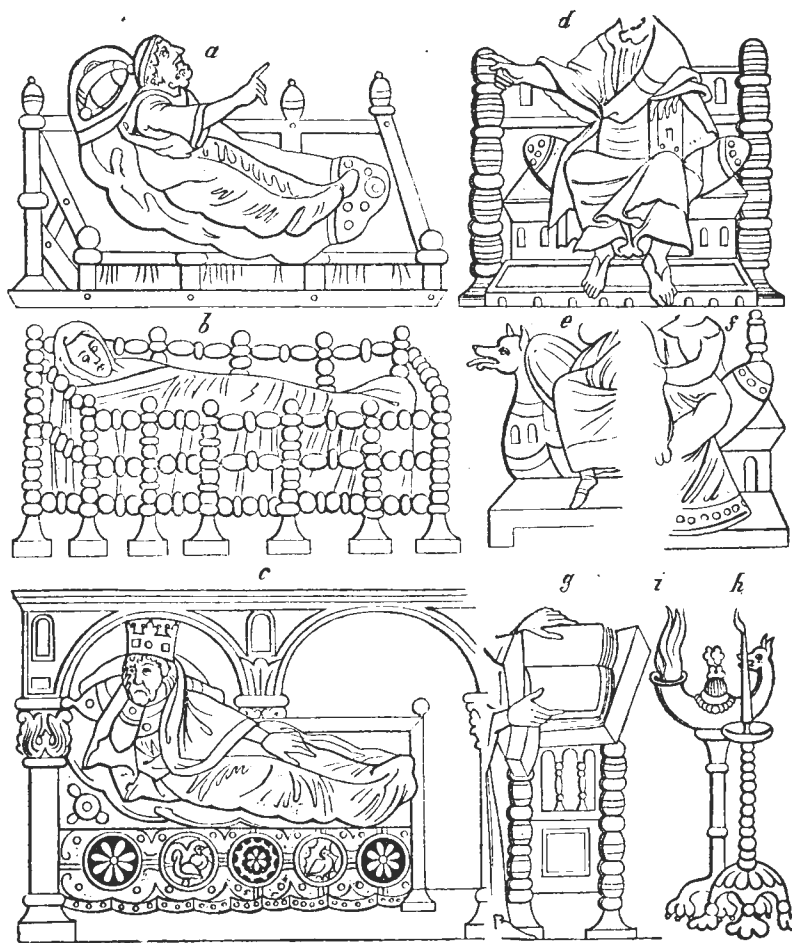
2. Что касается мебели или комнатной утвари, въ тѣснѣйшемъ значеніи слова, то объ ней мы можемъ составить себѣ болѣе точное понятіе, благодаря многочисленнымъ и довольно подробнымъ воспроизведеніямъ подобныхъ предметовъ въ миниатюрныхъ рукописяхъ. Изъ нихъ явствуетъ, что вплоть до половины двѣнадцатаго вѣка, мебель вообще все еще носитъ тяжеловатый отпечатокъ, лишь изрѣдка смягчаемый менѣе жесткими чертаніями, и ничѣмъ почти не отличающійся отъ характера свойственнаго стариной деревянной утвари, которая открыта была въ Швабіи (фиг. 295 и сл.). Не ранѣе какъ съ половины этого вѣка формы принимаютъ мало-по-малу болѣе пріятныя чертанія. Изъ приведенныхъ выше изображеній видно кромѣ того еще, что мебель вообще отнюдь не всегда изготовлялась исключительно только изъ дерева, но что, хотя и рѣже, она дѣлалась также отчасти, либо цѣликомъ изъ металла³, въ особенности изъ бронзы. Деревянную мебель въ послѣдствіи любили украшать не только вышуклою рѣзбою, но также инкрустаціею изъ дорогаго дерева другихъ цвѣтовъ, слоновой кости и пр.

а. Для подробнаго изслѣдованія вышеназванныхъ предметовъ, за все продолженіе времени вплоть до половины двѣнадцатаго столѣтія, самымъ нагляднымъ источникомъ могутъ служить изображенія, хотя и крайне неудо-

¹ K. Schnaase. Gesch. и пр. IV. 2 отд. 29 прим. — ² Ср. Capitulare de villis cap. 68 у Brunn. Beiträge и пр. Pertz. Monumenta german. hist. III. О бочарахъ упоминается впервые въ Monument. Boica IX стр. 503. — ³ Viollet-le-Duc. въ прив. соч. 171 и 109 фиг. 1.

влетворительныя въ отношеніе перспективы, помѣщенные въ „штуттгартскомъ псалтырѣ“, приблизительно исхода десятого вѣка (фиг. 317. а—і; ср.

Фиг. 317.

стр. 160 и сл.). Въ этихъ изображеніяхъ въ числѣ сѣдалищъ, царскій тронъ носить отчасти вполнѣ еще древнюю форму козловъ (употребляемыхъ для пилки дровъ), съ львиными головами и на львиныхъ лапахъ (стр. 309) ¹, отчасти и форму продолговатаго четвереугольнаго ящика на высокой подставкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ сѣдалище это либо снабжено сзади и съ боковъ высокими прислонами (фиг. 317. d.) ², либо, согласно съ описаніемъ трона при коронованіи Оттона I въ 936 г. ³, поставлено между колоннами

¹ и ² J. v. Hefner-Alteneck. Trachten и пр. I. таб. 75. D. и таб. 75. A. —
³ Widukind. II. гл. 1. J. v. Hefner-Alteneck въ прив. соч. I. таб. 50 таб. 74.
 Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires и пр. I. Viollet-le-Duc
 въ прав. соч. стр. 42 и сл.

(изъ мрамора), и всегда богато украшено серебромъ, золотомъ, цвѣтными камнями и обложено подушками и коврами.—Сѣдалища употребляемыя въ обиходномъ быту ¹, большею частью имѣютъ видъ ящика, либо съ прислономъ, либо безъ такового (фиг. 317. f.); иногда, но вообще довольно рѣдко, имъ давали причудливыя формы какихъ-либо чудовищныхъ животныхъ (фиг. 317. e.). Въ богатыхъ домахъ подобныя сѣдѣнья всегда покрывались коврами и обкладывались подушками, кромѣ того впереди каждаго устроена была скамейка, дабы удобнѣе было всходить на нихъ ². — Затѣмъ, изъ тѣхъже миниатюрныхъ изображеній видно, что не только въ простыхъ классахъ, но даже въ самыхъ высшихъ сословіяхъ были въ употребленіи скамейки на трехъ ножкахъ ³, потомъ и небольшія деревянныя переносныя скамьи, и большія скамьи вдоль стѣнъ, мѣсто которыхъ въ жилыхъ покояхъ иногда занимали продолговато-четыреугольныя лари и лавки.

б. Изображенные въ миниатюрахъ столы, вообще довольно значительныхъ размѣровъ. Они состоятъ изъ полукруглой или продолговато-четыреугольной доски, утвержденной непосредственно на толстыхъ ножкахъ, или покоящейся на нѣсколькихъ, близко придвинутыхъ одна къ другой подпорахъ въ видѣ козловъ ⁴. Края доски обыкновенно кругомъ немного выступаютъ и съ нихъ спускается драпировка, закрывающая почти совершенно подпоры. Рассказываютъ про Оттона III, будто бы онъ, подражая древнимъ римлянамъ и грекамъ, обѣдалъ одинъ за столомъ полукруглой формы на возвышеніи, и такимъ нарушеніемъ нѣмецкаго народнаго обычая навлекъ на себя всеобщее порицаніе ⁵.—Письменные столы состоятъ обыкновенно изъ наклонной доски на одной только ножкѣ и съ утвержденною на ней чернильницею въ видѣ короткаго рога; ножка или подставка иногда довольно грубыхъ очертаній, а доска устроена такъ, что ее можно выдвигать или опускать. Налои или читальныя столы, формою и устройствомъ своимъ отчасти сходны съ описанными выше (стр. 357 ср. фиг. 317. g.), отчасти же съ изстари обычными на востокъ письменными столиками (фиг. 143. b).

в. Кровати почти безъ исключенія состоятъ изъ продолговатаго рѣшетчатого станка на четырехъ или нѣсколькихъ ножкахъ. Впрочемъ, при этой формѣ главное различіе составляютъ не только число брусковъ или палочекъ и способъ сочетанія ихъ, но самый способъ орнаментовки (фиг. 317. a. b. c; ср. фиг. 318). У нѣкоторыхъ кроватей изголовье на видъ значительно выше противоположнаго конца, у другихъ опять обѣ эти части только какъ будто выдаются болѣе, кромѣ того встрѣчаются кровати, у которыхъ на одной изъ продольныхъ сторонъ возвышается что-то въ родѣ спинки (фиг. 317. c). Судя по нѣкоторымъ изображеніямъ есть основаніе предполагать, что именно подобнаго рода станки весьма часто дѣлались изъ металла ⁶. Принадлежность такихъ кроватей составляли во первыхъ, по всей вѣроятности тюфякъ или нѣсколько перинъ, потомъ цилиндрической или овальной формы подушка и одѣяло изъ плотной матеріи. Одѣяло и подушки были большею

¹ Thietmar von Merseburg. V. 3. Viollet-le-Duc. въ прив. соч. стр. 203 съ рисунками.—² и ³ Viollet-le-Duc. Dictionn. и пр. 107 и 253 съ изобр.—⁴ Thietmar и пр. IV. 29.—⁵ Viollet-le-Duc. Dictionn. и пр. 238 и сл.—⁶ Viollet-le-Duc. Dict. и пр. стр. 172.

частью узорчатые. Для большаго щегольства, станки не имѣвшіе спереди прислона, обкладывались богатыми коврами спускавшимися до земли, и все

Фиг. 318.

ложе кругомъ убиралось драпировкою изъ богатыхъ матерій (фиг. 317. с.). Что касается ложъ, то вообще, еще съ первыхъ временъ все вниманіе было обращено на то, чтобы въ устройствѣ этой мебели соединить удобство и красоту, какъ мж. пр. видно изъ того обстоятельства, что авторъ житія епископа Адальберта пражскаго (999 г.), прославившагося строгостью жизни, упоминаетъ о принадлежавшей этому святому подушкѣ изъ шелковой матеріи пурпуроваго цвѣта. Затѣмъ, этотъ же писатель съ особою любовью описываетъ два парадныхъ ложа, видѣнныхъ названнымъ епископомъ въ сновидѣніи¹. Оба ложа, говоритъ онъ, — „были чрезвычайно роскошно убраны, но его ложе (т. е. Адальбертово), далеко превосходило роскошью другое, оно все было обложено блестящимъ пурпуромъ и шелковыми украшеніями, у изголовья красовалась шитая золотомъ завѣса, на которой вверху были вышиты слова: вотъ, дочь, невеста твоя, приносить тебѣ даръ“².

г. Сундуки, ящики и т. под. укладки³, изображенныя въ миниатюрахъ, носятъ вообще отпечатокъ подобнаго же разряда церковной утвари (стр. 361). Маленькіе ящики или ларчики для драгоценностей, повидимому большею частью дѣлались изъ дерева и слоновой кости съ болѣе или менѣе богатыми рѣзными украшеніями. Какъ удѣлѣвшій образчикъ подобнаго рода произведеній заслуживаетъ вниманія ящикъ, быть можетъ еще одиннадцатаго вѣка, хранящійся въ ц. св. Пельтруды въ Чивидальѣ⁴. Онъ продолговато-четыреугольной формы, по всей вѣроятности изъ кедроваго дерева, и по всѣмъ четыремъ сторонамъ сплошь обложенъ четырехугольными пластинками изъ слоновьей кости, а планочки коими обрамлены пластинки, украшены рѣзбою изъ такой же кости⁵.

д. Освѣщеніе производилось главнымъ образомъ посредствомъ лампъ

¹ и ² Bischof Adalberts. Leben. гл. 11 и 24. — ³ Viollet-le-Duc. Dict. и ир. стр. 23 и сл. 26 и сл. съ рис.—⁴ и ⁵ Подробно въ Mittheil. der k. k. öster. Centralcom. IV. 325. таб. X. В.—Величина его 13" 5"', высота 4" 2"'; ширина одной стороны 6" 10"', другой 7".

съ масломъ, въ рѣдкихъ случаяхъ покои освѣщались сальными и восковыми свѣчами, кои большею частью употреблялись пока только церквахъ ¹. И хотя еще въ десятомъ вѣкѣ упоминается о „подсвѣчникахъ употребляемыхъ въ обиходномъ быту“ ², но при этомъ вѣроятно имѣлись въ виду хозяйства знатныхъ и высшаго духовенства, илиже подъ названіемъ подсвѣчников подразумѣвались вообще стояки на которые ставились лампы (стр. 316). Впрочемъ, на рисункахъ почти не замѣтно разницы между обиходными и церковными лампами, первыя однако чаще дѣлались въ видѣ грушеобразныхъ или воронкообразныхъ висячихъ лампъ (фиг. 322; ср. фиг. 317 h. i; стр. 350).

е. Приборы для отопленія составляли либо „жаровни“, въ родѣ тѣхъ, кои употреблялись въ церквахъ (стр. 362), либо, для большихъ покоевъ, очаги, помѣщавшіеся въ выложенныхъ въ стѣнахъ каминахъ, и въ которыхъ на металлическихъ стойкахъ горѣли толстыя дрова ³. Стойки эти были всегда парныя и совершенно одинакія; спереди къ нимъ придѣланъ былъ отвѣсный пруть съ кольцами и крючьями, на которые вѣшались необходимыя при топкѣ орудія, кочерги, угольные щипцы и пр., а внизу находился другой пруть, соединявшій обѣ стойки и на который клались дрова, по немъ стойки свободно раздвигались на любое разстояніе.

ж. Зеркала и часы не только и теперь еще, но даже до самаго исхода тринадцатаго столѣтія считались рѣдкостью даже въ самыхъ высшихъ сословіяхъ. Все что объ этихъ предметахъ сказано было по отношенію къ востоку (II. 1. стр. 231 и 233), примѣнимо и къ западу, впрочемъ, надо замѣтить, что въ концѣ десятаго вѣка учитель Оттона III, Гербертъ, въ послѣдствіи папа Сильвестръ II, посвящая время астрономическимъ изысканіямъ, на досугѣ занимался составленіемъ солнечныхъ часовъ ⁴.

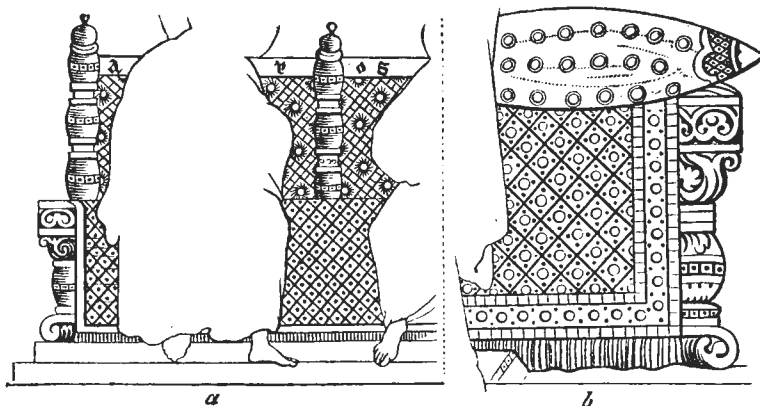
В. Вплоть до начала тринадцатаго столѣтія, намъ едвали приходится отмѣчать какого либо дальнѣйшаго развитія въ изобразительномъ и пластическомъ искусствахъ, за исключеніемъ развѣ только вышеуказаннаго (стр. 369) постепеннаго стремленія къ выработкѣ болѣе художественныхъ формъ, начавшееся около половины двѣнадцатаго столѣтія. Стремленіе это, заявившее себя болѣе определеннымъ образомъ только въ произведеніяхъ позднѣйшаго уже времени, выказывается по отношенію къ частностямъ собственно въ слѣдующемъ ⁵:

а. Наряду съ прежними тронными сѣдалищами мы иногда встрѣчаемъ сѣдалище, замѣняющее тронъ и похожее на нынѣшнія кресла но гораздо длиннѣе ихъ, и у котораго задняя и боковыя стѣнки и ножки сдѣланы обыкновенно по прямой линіи; иногда, хотя и рѣдко, боковыя стѣнки немного изги-

¹ D. Hüllmann. Städtewesen и пр. IV. 135. — ² Routger's Leben des Bischofs Bruno von Cöln. гл. 49. — ³ Viollet-le-Duc. въ прив. соч. стр. 135 съ рис. — ⁴ Thietmar von Merseburg VI. 61. — ⁵ M. Engelhard. Herrad von Landsperg и пр. F. Kugler. Kleine Schriften и пр. I. 36; 46 и сл. Потомъ сочиненія графа Bastard, Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. X. Willemin. Monuments français и пр. J. v. Hefner-Alteneck и ми. др.

баются внутрь ¹, а спинка, большею частью очень высокая ², вверху нѣсколько отогнута назад ³. Станокъ бываетъ, либо деревянный, либо металлическій, и всегда весьма роскошно украшенъ. Въ первомъ случаѣ, орнаменты нерѣдко различныхъ цвѣтовъ и выложены изъ слоновой кости и пр.; по металлическіе станки кромѣ того, обложены выпуклыми львиными головами и грифоновыми лапами и разноцвѣтными камнями; спинка и сидѣнье всегда обложены узорчатыми коврами и подушками. Иногда надъ подобнымъ сѣдалищемъ возвышается балдахинъ, поддерживаемый четырьмя стройными колоннами ⁴.—Въ числѣ прочихъ сѣдалищъ, употребляемыхъ въ обиходной жизни, встрѣчаются подобныяже кресла ⁵ но меньшихъ размѣровъ, и еще болѣе походяція на нынѣшнія кресла. У нѣкоторыхъ въ числѣ ихъ между задними стойками протянутъ узорчатый коверъ закрывающій спинку ⁶.—Все встрѣчаемые кромѣ того стулья и скамьи со спинкою или безъ таковой, частью совершенно схожи съ прежними, глухими со всѣхъ сторонъ сѣдалищами формы ящиковъ, частью же состоятъ изъ станка на четырехъ ножкахъ съ спинками, и украшеннаго по всѣмъ его частямъ разнообразною незатѣйливою рѣзбою, иногда и расписаннаго или обложеннаго пластинками изъ слоновой кости (фиг. 319. а. б). Спинка состоитъ, либо изъ ковра, либо изъ

Фиг. 319.

тонкаго тростниковаго плетенія. Остальное убранство этихъ сидѣній составляютъ какъ всегда ковры, подушки и приступки.

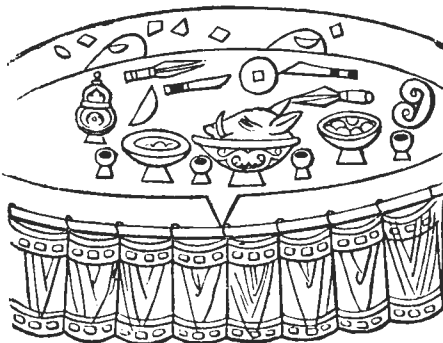
б. Столы ⁷ отчасти прежнихъ формъ, отчастиже попадаются столы и съ круглою или овальною доскою (фиг. 320). Столы, въ особенности круглые, либо кругомъ завѣшаны какъ въ прежнее время (фиг. 320), либо покрыты до низу скатертью ⁸, на которую сверху положена иногда еще цы-

¹ M. Engelhard. Herrad и пр. атласъ таб. IV (внизу). — ² Къ упомянутому уже выше тронному креслу короля Дагоберта придѣлана была въ 12 стол. высокая спинка (стр. 309 фиг. 291). — ³ Ch. Louandre et Mangard-Maugé. Les arts sompt. и пр. I. France XII siècle (fin). — ⁴ Viollet-le-Duc. Dict. raisonné и пр. стр. 285 фиг. 3. — ⁵ Thietmar и пр. VI. 46. — ⁶ Viollet-le-Duc. стр. 44 фиг. 4. — ⁷ Viollet-le-Duc. 253 и сл. — ⁸ M. Engelhard. Herrad. атласъ таб. IV (вверху). Viollet-le-Duc. 256. фиг. 3.

новка. Ножки столовъ, хотя нигдѣ на изображеніяхъ не видны вполне, но по всей вѣроятности были такового устройства и такимъ же образомъ украшены рѣзбою, какъ ножки скамей и пр. Письменные столы отличаются отъ прежнихъ главнымъ образомъ только въ томъ, что доска утверждена почти безъ исключенія на одномъ только, точеномъ стоякѣ, по большей части пузатой формы и стоящемъ на трехъ маленькихъ ножкахъ¹.

Фиг. 320.

в. Кровати въ это время не дѣлались уже какъ прежде въ видѣ рѣшетчатого ложа, но замѣнились тяжелыми станками на подобіе одра съ разнообразною орнаментациею по краямъ, и на четырехъ ножкахъ болѣе или менѣе изящной обдѣлки и различной толщины и вышины (фиг. 321, 322). Онѣ открыты по обѣимъ продольнымъ сторонамъ, и только у изголовья и въ ногахъ снабжены прислономъ, изъ коихъ первый значительно выше другого.

Фиг. 321.

Оба прислона совершенно одинаковаго устройства, состояли по всей вѣроятности изъ металлических прутьевъ или стояковъ обтянутыхъ кожаными ремнями, такъ что они нѣсколько поддавались давленію подушки (ср. фиг. 322). Во всемъ остальномъ онѣ совершенно сходны съ прежними кроватями, и раз-

¹ М. Engelhard, Herrad, атласъ таб. VIII.

вѣ только нѣсколько богаче украшены; кромѣ того надъ изголовьемъ почти всегда изображена висячая лампа (фиг. 322).

Фиг. 322.

г. Ларчики, коробки и прочіе относящіеся сюда мелкіе предметы, вездѣ только слегка обозначены въ миниатюрахъ, тѣмъ не менѣе можно принять, что эти вещи удержали свойственный имъ издавна характеръ, и что лишь орнаментовка на нихъ не много измѣнилась (стр. 374) ¹.

III. Въ продолженіе первыхъ пятидесяти годовъ тринадцатаго вѣка, удержались еще повидимому безъ измѣненій, формы утвари выработанныя предъидущимъ временемъ, и лишь послѣ этого въ уцѣлѣвшихъ образчикахъ и изображеніяхъ усматривается новое уклоненіе отъ прежнихъ образцовъ, въ духѣ того художественнаго направленія, которое, вышедъ къ концу двѣнадцатаго вѣка изъ сѣверной Франціи, прозвано было готическимъ или германскимъ. Подобно „ромаискому“ стилю въ десятомъ вѣкѣ, и готическій прежде всего отразился въ произведеніяхъ зодчества. Впрочемъ, мы должны оговориться, хотя поворотъ указанный нами сейчасъ обнаружился вполне только въ позднѣйшее время, тѣмъ не менѣе, еще въ началѣ тринадцатаго вѣка, совершилось уже существенное измѣненіе въ положеніи не только искусствено

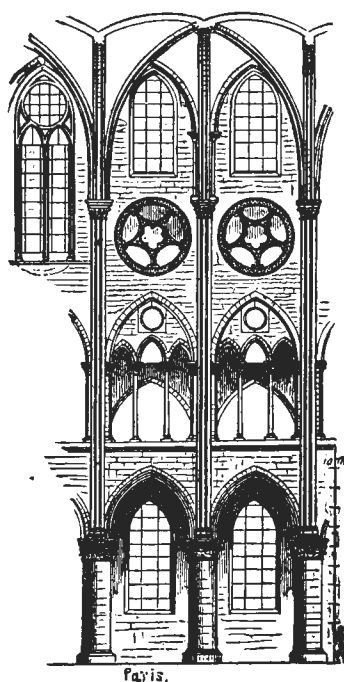
¹ Viollet-le-Duc. стр. 23, 63, 76 съ рис.

и всѣхъ почти ремесловыхъ промысловъ. До того времени этими отраслями заправляло и ихъ поддерживало почти исключительно духовенство, но съ развитіемъ городского положенія и возрастаніемъ благосостоянія гражданъ, занятіе искусствами и ремеслами перешло въ руки послѣднихъ, и возникшіе изъ этого цехи и рабочіе союзы вскорѣ убили всякую конкуренцію духовныхъ. Такимъ образомъ, если при прежнихъ отношеніяхъ само духовенство опредѣляло форму и внѣшнюю отдѣлку произведеній искусства и ремесленныхъ издѣлій, то весьма понятно что теперь требованія и вкусъ мірянъ руководили выборомъ формъ даже относительно церковныхъ предметовъ, хотя впрочемъ въ этомъ пунктѣ на первыхъ порахъ принимались въ соображеніе и преданіе и постановленія церкви.

Что касается зодчества, то въ немъ вышесказанное новое направленіе выразилось прежде всего въ стремленіи придать болѣе мягкости и свободы тяжелымъ и массивнымъ формамъ, какія создавало предъидущее время. Съ этою цѣлью стали постепенно всюду замѣнять полукруглую арку островерхою или стрѣльчатою аркою, которой съ самаго начала примѣненія ея въ зодчествѣ, придавалось лишь второстепенное значеніе. Такимъ образомъ возникла новая система сводовъ, потребовавшая соотвѣтствующее преобразование прочихъ архитектурныхъ формъ. Форма стрѣльчатой арки стремящейся въ высь, въ замѣнъ круглой арки, стала отнынѣ нормою общаго расположенія архитектурныхъ сооружений. Повинуясь закону стрѣльчатой формы, всѣ прочія части, какъ внутреннія, такъ и наружныя, вытягиваясь вверхъ, приняли теперь болѣе стройный видъ, и внутреннія пространства, увеличившіяся значительно поднятіемъ сводовъ, потребовали для освѣщенія ихъ болѣе высокихъ и широкихъ оконныхъ проемовъ (срав. фиг. 323). Столбамъ внутри зданій, придавали преимущественно форму связокъ, стройно возвышающихся колоннъ продолженныхъ вверхъ по ребрамъ свода до самаго замка; въ соотвѣтствіе имъ раздѣлили такогo же рода пилястрами стѣны въ боковыхъ и главномъ пространствахъ церквей, дабы этимъ смягчить однообразіе обширныхъ пустыхъ площадей (фиг. 324). Точно такъ дано было и болѣе легкій и стройный видъ боковымъ устоямъ съ исходящими отъ нихъ откосными дугами, подпирющими пяты выдающейся части середняго корабля церкви.

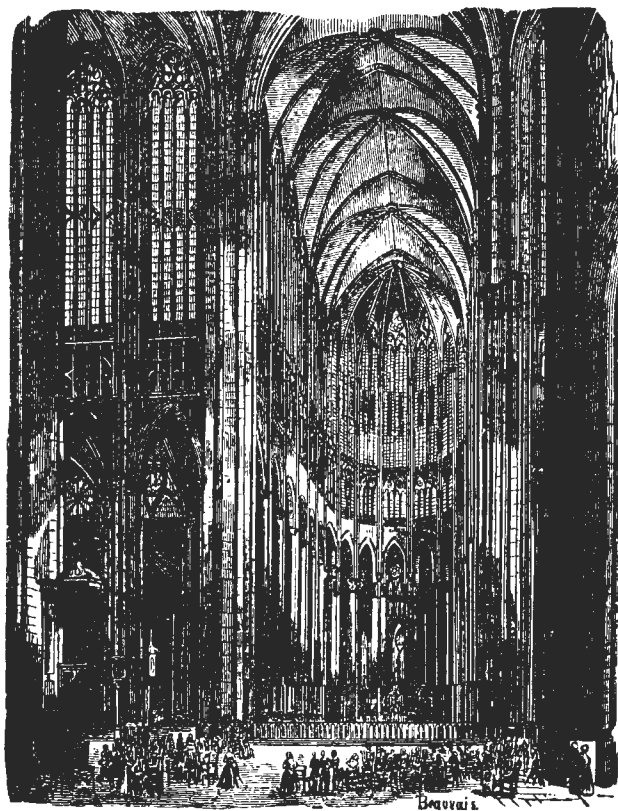
Отдѣлка этихъ частей соотвѣтствовала вполнѣ общему характеру зданія (фиг. 325), которое завершали высокія, стройныя и постепенно утончавшіяся къ верхушкѣ башни, числомъ обыкновенно до двухъ, возвышавшіяся справа и слѣва надъ главнымъ входомъ (фиг. 326). Что касается внѣшней

Фиг. 323.

отдѣлки и орнаментовки, то въ нихъ все болѣе и болѣе высказывается уклоненіе отъ господствовавшихъ дотолѣ строгихъ формъ, въ замѣнъ коихъ теперь образцы заимствуются предпочтительно изъ растительнаго царства родной почвы. Съ другой стороны человѣческія фигуры и фигуры животныхъ, въ это время примѣнялись въ архитектурѣ только какъ совершенно самостоятельные предметы, и помѣщались на видныхъ мѣстахъ въ углубленіяхъ между отвѣсными выкружками по сторонамъ отъ главныхъ входовъ. Въ это же время въ архитектурѣ замѣтно кромѣ того явное стремленіе еще болѣе усвоить себѣ древнеримскій способъ орнаментовки, и согласно съ новымъ художественнымъ направленіемъ, либо слить его съ туземными формами, либо преобразовать эти послѣднія на древнеримскій ладъ.

Фиг. 324.

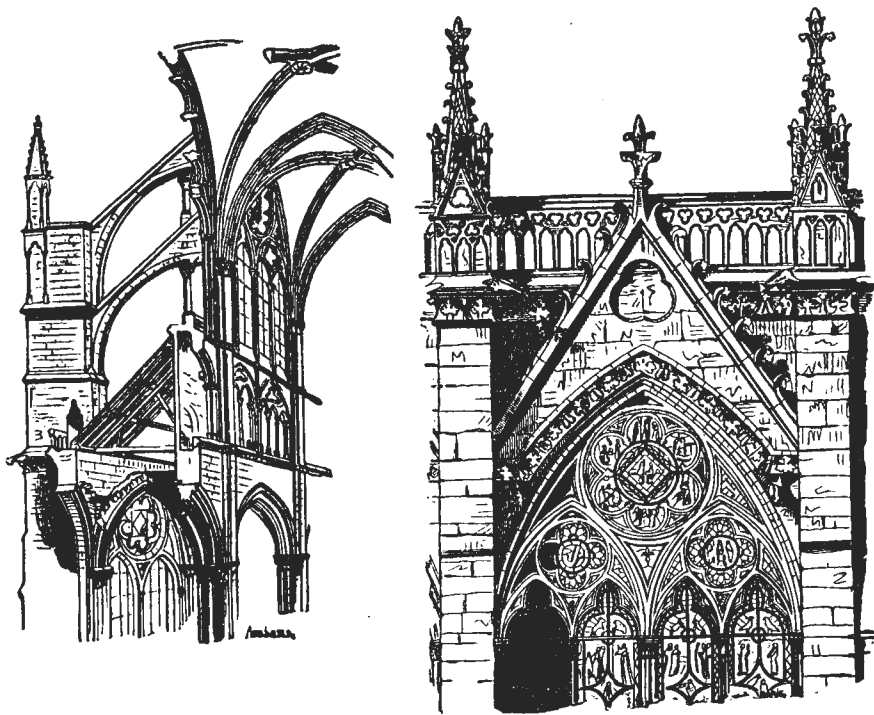

А. Въ числѣ производителей мелкихъ художественныхъ вещей, прежде другихъ пытались примѣнять къ дѣлу вышеизложенную систему, мастера занимавшіеся изготовленіемъ церковной утвари. Попытка эта однако и на этотъ разъ отразилась не столько въ формѣ и отдѣлкѣ сосудовъ и вообще металлическихъ издѣлій, чашъ, дисковъ, кадиланицъ, подсвѣчниковъ и т. п. сколько главнымъ образомъ въ такихъ предметахъ, которые имѣли непо-

средственное отношеніе къ церковному зданію, какъ-то, церковной мебели и тѣхъ хранилищахъ для мощей, въ отдѣлкѣ коихъ и прежде художники большею частью воспроизводили архитектурныя формы.

1. Что касается собственно сосудовъ, то судя по дошедшимъ до насъ экземплярамъ такихъ вещей, должно полагать, что формы выработанныя въ прежнее время дѣйствительно удержались вполне вплоть до конца тринадцатаго вѣка, и что вообще только въ частностяхъ, или украшеніяхъ, замѣчаются мѣстами маловажныя измѣненія. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія даже самый главный представитель этого разряда вещей, т. е. потиръ. Правда, еще ранѣе этого времени сдѣланы были попытки согла-

Фиг. 325.

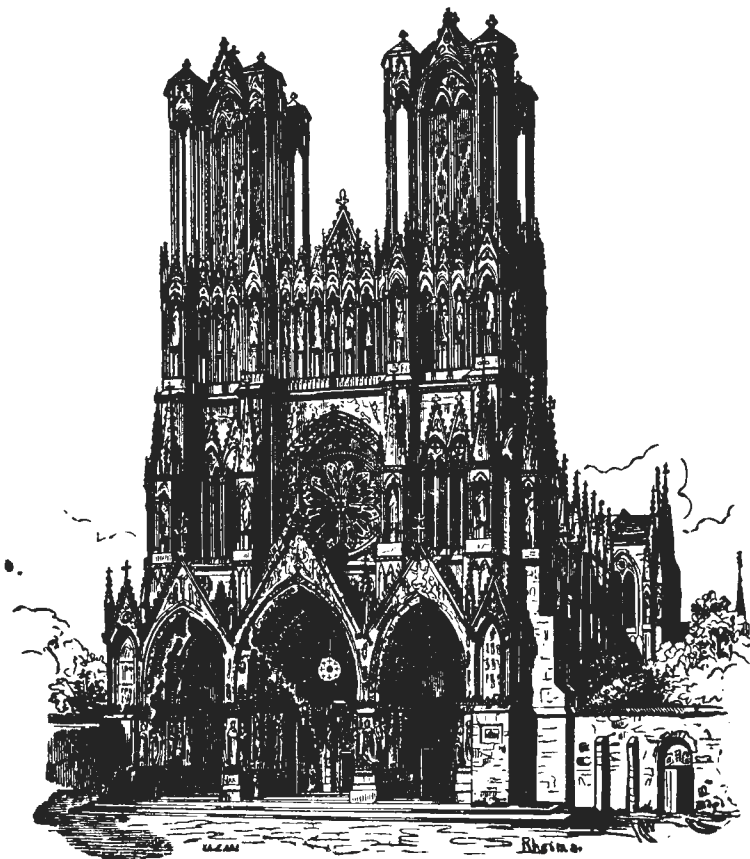

совать форму и внѣшность потира съ требованіями новаго художественнаго направленія и придать этому сосуду болѣе легкій и изящный видъ, но то былъ лишь робкій починокъ ограничившійся въ сущности тѣмъ, что верхняя часть потира, т. е. собственно чаша, иногда дѣлалась нѣсколько выше и стройнѣе, и болѣе овальной формы; середняя часть или стержень съ яблокомъ, не круглымъ но многограннымъ, и что нижняя часть часто отдѣлялась въ видѣ розетъ ¹. Къ сказанному сейчасъ остается прибавить только,

¹ См. изображенія у Didron. Annales archéol. IV. стр. 109; III. стр. 206. F. Bock. Das heilige Köln и пр. Apostelkirche. H. Petzold. Schätze и пр. Тетрадь III. Przdzieski и Rastawiecki. II. серія 21 и 22.

что еще въ концѣ этого періода, западную церковь установлена была форма новаго вида сосуда—„Монстранціи“ (monstrantia), формальное введеніе котораго, замедлившееся по внѣшнимъ причинамъ, послѣдовало не ранѣе какъ между 1317 и 1330 годами ¹.

Фиг. 326.

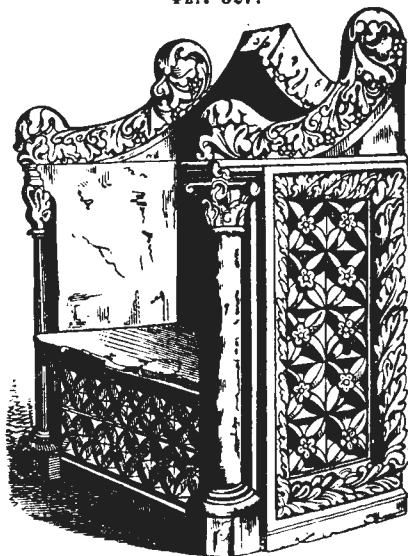

2. За исключеніемъ свѣтильниковъ и крестильницъ ², къ которымъ одинаково примѣнимо то что мы сказали сейчасъ о сосудахъ, вся остальная стояла церковная утварь, по одной уже формѣ ея гораздо болѣе поддавалась примѣненію сказанной новой системы. Почти на всѣхъ предметахъ въ отдѣлку которыхъ входили прежнія архитектурическія формы, полукруглая арка и пр. какъ напр. на престолахъ съ стѣнью, наложяхъ, епископскихъ кафедръ, клиросныхъ сидѣньяхъ, шкапахъ и пр. ³, эти прежнія формы отнынѣ были замѣняемы формами стрѣлчатой системы, съ свойственными послѣдней

¹ Ср. мн. пр. E. Heider. Die gothische Monstranze zu Sedletz in Böhmen и пр. въ Mittelalt. Kunstdenkm. и пр. I. стр. 55 (таб. VII).—² Viollet-le-Duc. Dict. rais. и пр. стр. 122. потомъ превосходное изображеніе d'arbre de la Vierge въ Миланѣ у Didron. Annales и пр. XVII. стр. 237.—³ Viollet-le-Duc. подъ соответствующими этимъ предметамъ названіями: autel и пр.

выкружинами и способом украшенія, при чемъ кстати обращалось также болѣе или менѣе вниманія на общую гармонію. Этиже самые предметы допускали притомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, примѣненіе тѣхъ древнеклассическихъ формъ на которыя мы намекнули выше, и какія себѣ усвоило и тогдашнее зодчество. Впрочемъ, судя по дошедшимъ до насъ экземплярамъ (фиг. 327), формы стрѣльчатой системы примѣнялись пока еще не часто, и болѣею частью только на произведеніяхъ изъ камня, какъ то, при отдѣлкѣ престоловъ, сѣдалищъ и тому подобныхъ предметовъ, имѣвшихъ болѣе непосредственное отношеніе къ самому зданію. Потому такое примѣненіе мы встрѣчаемъ несравненно рѣже въ Германіи, чѣмъ на родной почвѣ древнеклассическихъ преданій, въ самой Италіи. — Относительно этихъ предметовъ въ отдѣльности, намъ остается только въ дополненіе къ сказанному прибавить, что начиная съ этого времени епископскія каноэды все чаще стали дѣлаться цѣликомъ изъ металла. Формы ихъ отличаются болѣею частью легкостью и свободой, украшенія составлены изъ листовъ, а спинка, подобно спинкамъ у клиросныхъ сидѣній (стр. 360), значительно выше ¹. Внѣшняя отдѣлка церковныхъ шкаповъ тоже представляетъ теперь болѣе удачное и изящное сочетаніе рѣзьбы и росписи. Наконецъ, относительно ракъ для мощей должно еще замѣтить, что въ замѣнъ прежней формы этихъ вещей, походившей на гробъ или ящикъ, и мало-по-малу выходившей изъ употребленія, какъ мы уже сказали выше, возникли самыя разнообразнѣйшія формы; а когда при отдѣлкѣ этихъ предметовъ требовалось изобразить какую либо церковь, то въ такомъ случаѣ образцами служили постоянно формы господствующей стрѣльчатой архитектурной системы ².

Фиг. 327.

Б. Объ устройствѣ и формѣ домашней утвари можно составить себѣ понятіе единственно только по изображеніямъ. На основаніи этихъ источниковъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при производствѣ такой утвари, еще до исхода разсматриваемой нами эпохи проглядывало уже, хотя пока и нѣсколько сдержанное, стремленіе согласовать формы ея съ требованіями новаго художественнаго направленія.

1. Столовая утварь, сосуды для питья и для яствъ, составлявшіе въ особенности предметъ щегольства, всегда отличались болѣе тщательною внѣшнею отдѣлкою. Щегольству подобнаго рода предметами способствовали въ значительной степени, какъ возраставшее благосостояніе горожанъ, такъ и пышныя пиршества, вошедшія въ обычай между рыцарями во время турни-

¹ Viollet-le-Duc. Стр. 118, 286; въ особ. 288. — ² Viollet-le-Duc. стр. 3.

ровъ, и наконецъ, соперничество обѣихъ этихъ сословій превзойти другъ друга блескомъ и богатствомъ столовой посуды. Въ обиходной жизни, конечно, гражданское сословіе и теперь отличалось сдержанностью и просто-тою ¹, что однако нисколько ему не мѣшало, какъ въ частности богачамъ, такъ и цѣлымъ корпораціямъ, выставлять на показъ свое богатство и въ особенности завѣтные золотые и серебряные сосуды. Вышему дворянству, не желавшему отставать отъ гражданъ, приходилось самому соперничать съ князьями, въ рукахъ которыхъ мало-по-малу накопилось такимъ образомъ значительное количество дорогихъ сосудовъ. Тогда какъ приборъ золотой и серебряной столовой посуды императора Фридриха II (умершаго въ 1249 г.) не превышалъ цѣнностью своею тысячи марокъ ², все количество серебра и золота, коимъ уставленъ былъ столъ при коронованіи Вячеслава въ 1297 г. цѣнилось уже въ шесть тысячъ марокъ ³.

Главными мѣстами производства подобныхъ парадныхъ сосудовъ въ Германіи считались въ это время города Аугсбургъ и Нюрнбергъ и преимущественно послѣдній, пользовавшійся кромѣ того громкою славою за мѣдныя, желѣзныя и деревянныя издѣлія, тогда какъ Аугсбургъ славился въ особенности еще оловянными и стеклянными вещами высокой доброты ⁴. Такъ какъ вещи эти, состоявшія изъ кубковъ, кружекъ, котловъ, блювъ, горшковъ и пр. по большей части принадлежали къ разряду обиходной утвари, то надо полагать, что онѣ вообще весьма мало отличались формою отъ обычныхъ дотошъ подобнаго же рода предметовъ, какъ то впрочемъ и видно по дошедшимъ до насъ, хотя и не совсѣмъ удовлетворительнымъ изображеніямъ. Еслиже Арнольдъ любекскій въ одномъ мѣстѣ (IV. гл. 3), счелъ нужнымъ упомянуть о томъ, что „въ Тюрингенѣ, кубки постоянно дѣлаются уже въ нижней части“ ⁵, то это прямо указываетъ на мѣстное видоизмѣненіе формы этихъ сосудовъ. — Въ изображеніяхъ, въ числѣ другихъ предметовъ встрѣчаются также большія деревянныя ванны ⁶, шайки изъ бочечныхъ досокъ съ ручками ⁷, большіе пузатые котлы висящіе надъ огнемъ на цѣпяхъ, мѣхи и мн. др.

2. Формы изображенной на картинахъ мебели или комнатной утвари носятъ на себѣ не только отпечатокъ туземнаго художественнаго направленія, но отчасти тоже признаки постороннихъ вліяній, изъ коихъ наиболѣе плодотворнымъ должно считать то, которое вызвано было знакомствомъ съ отдаленнымъ востокомъ. Такъ мж. пр. форма и устройство нѣкоторыхъ видовъ ложъ и креселъ и преимущественно тронныхъ сѣдалищъ, явно обличаютъ подражаніе восточно-азійскимъ и индійскимъ формамъ.

а. Въ числѣ сидѣній и въ особенности тронныхъ и почетныхъ сѣдалищъ, наряду съ существовавшими въ то время формами, возникаютъ те-

¹ F. v. Raumer. Geschichte der Hohenstaufen и пр. (2) VI. 744.—² Arnold von Lübeck. V. гл. 2. Супруга его Изабелла, за то, обладала весьма цѣннымъ приборомъ золотой и серебряной посуды, и даже кухонная утварь, говорятъ, была вся серебряная: F. v. Raumer въ прив. соч. (2) III. 560.—³ Ottocar von Horneck Reimchronik гл. 652 и сл. у Th. Schacht. стр. 302.—⁴ D. Hüllmann. Städtewesen и пр. I. 376. 240 и сл. 350.—⁵ F. von der Haagen. Handschriftengemälde и пр. таб. III.—⁶ U. F. Kopp. Bilder und Schriften I. 126 и сл.

перь разнообразные новые виды этой мебели. Наиболее распространенными из них можно повидимому считать, родъ большихъ стульевъ съ круглою или многоугольною доскою и спинкою, боковыми прислонами и подпорками ¹. У всѣхъ этихъ стульевъ спинка прямая и обхватываетъ доску или самое сидѣнье, либо со всѣхъ сторонъ (за исключеніемъ конечно передней части которую занимаетъ сидящее на такомъ креслѣ лице), или же только известную часть окружности ея. Такъ напр. у стульевъ съ шестиугольною доскою; самой любимой въ то время формы, спинка захватывала иногда три, иногда пять изъ шести сторонъ доски ². Въ этомъ послѣднемъ случаѣ части спинки, ближайшія къ открытому мѣсту сидѣнья, дѣлались иногда по обѣимъ сторонамъ нѣсколько ниже остальныхъ частей. Спинки болѣею частью походятъ на рѣшетки въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ, а раздѣляющіе ихъ отвѣсные бруски украшены вверху рѣзною головкою. Бруски эти собственно составляютъ лишь продолженіе подпорокъ, число коихъ у стульевъ съ многоугольною доскою соотвѣтствовало числу ея угловъ, такъ какъ подъ каждый уголъ приходилось по подпоркѣ. У стульевъ съ круглою доскою, напротивъ, число такихъ подпорокъ не выше трехъ или четырехъ. У многоугольныхъ стульевъ пустота между ножками подъ доскою отъ угла до угла нерѣдко задѣлывалась сквозною досчечкою; потомъ, какъ у этой, такъ и у другой формы, иногда подъ сидѣньемъ помѣщались фигуры звѣрей въ сидячемъ положеніи, преимущественно львы, какъ бы подпиравшіе собою весь стулъ. Кромѣ того этиже стулья, подобно прежнимъ троннымъ сѣдалищамъ, ставились иногда на болѣе или менѣе возвышенный помостъ, такойже обыкновенно формы какъ доска для сидѣнья и съ приступкомъ спереди для входа, отличавшимся болѣею частью богатою отдѣлкою. — Почти одновременно съ вышеописанными стульями которые нерѣдко дѣлались тоже изъ слоновой кости ³, пошли въ ходъ металлическія кресла, весьма схожія по отдѣлкѣ съ рѣшетчатыми деревянными стульями; за тѣмъ, тоже деревянныя сидѣнья украшенныя по большой части рѣзбою, то съ четырьмя, то съ шестью ножками, и въ которыхъ уже вполне выдержанъ стиль новаго художественнаго направленія — ⁴. Изъ тронныхъ сѣдалищъ прежнихъ видовъ въ эту пору все болѣе стали выходить изъ употребленія глухія со всѣхъ сторонъ сѣдалища (фиг. 317. е), и вообще удержалась собственно только старинная, освященная временемъ, форма складныхъ креселъ съ львиными головами и звѣриными лапами ⁵, хотя и они въ послѣдствіи мало-по-малу подверглись передѣлкамъ на новый ладъ. Весьма вѣроятно что отъ этихъ древнѣйшихъ представителей почетныхъ сѣдалищъ велъ начало свое обычай, въ силу котораго почетное кресло главнаго судьи должно было всегда быть о четырехъ ⁶ ножкахъ. — Обычный дотолѣ способъ убирать кресла богато вышитыми коврами и подушками и украшать балдахинами, удержался не только и теперь, но даже еще болѣе усилился, и

¹ и ². Viollet-le-Duc. стр. 45 и 48 (съ изобр.). — ³ Arnold von Lübeck. III. гл. 30. — ⁴ Viollet-le-Duc стр. 51. (рис.). — ⁵ Самые точныя изображенія подобныхъ креселъ можно видѣть на печатяхъ князей и епископовъ. M. Lenormant. Le fauteuil de Dagobert Tab. XXX. C. P. Lepsius. Gesch. der Bischöfe и пр. таб. II. 2. IV. 6. VI. 9. 10. VII. 11. 12. A. Worsaae Nord. Olds. и пр. стр. 153. № 547 стр. 154. № 548 и пр. — ⁶ 4. J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer (2) стр. 163.

въ особенности балдахины въ это время отдѣлялись съ большою роскошью ¹.

6. Форма обыкновенныхъ сидѣній вообще не измѣнилась, и только совершенно глухія сидѣнья въ видѣ ящиковъ, стали теперь тоже выходить изъ употребленія, и если кое-гдѣ еще встрѣчаются подобные ящики, какіе мж. пр. иногда устраивались подъ скамьями, то они обыкновенно отдѣланы во вкусѣ того времени съ колонками связанными стрѣльчатыми арками и пр. ². Подобно прочимъ сидѣнья и эти послѣднія обкладывались всегда коврами и подушками, составлявшими въ богатыхъ домахъ предметъ особаго щегольства.

в. Въ устройствѣ столовъ едвали произошла какая либо перемѣна, хотя весьма вѣроятно что теперь ихъ дѣлали нетолько какъ прежде изъ двухъ отдѣльныхъ частей, столечницы и подстоля, но также съ придѣланными непосредственно къ доскѣ ножками. Впрочемъ, по изображеніямъ трудно судить объ устройствѣ столовъ, ибо самые большіе, напр. обѣденные столы, въ изображеніяхъ покрыты богатымъ ковромъ спущеннымъ до земли (фиг. 328). Съ этого времени стало все болѣе входить въ обычай, особен-

Фиг. 328.

но въ большихъ помѣщеніяхъ, съ одной стороны, дѣлать неподвижные каменные обѣденные столы, съ другой, преимущественно для многочисленныхъ обѣдовъ, собираться не за однимъ общимъ столомъ, но за нѣсколькими небольшими столами. Столы эти, которые дѣлались частью изъ металла, частью изъ дерева, отличались нерѣдко весьма изящною отдѣлкою на всѣхъ болѣе видныхъ частяхъ и въ особенности на ножкахъ. — Такова была преимущественно отдѣлка небольшихъ налоевъ и письменныхъ столовъ, изъ коихъ первые изготовлялись теперь часто всецѣло изъ металла и непременно съ пологою столечницею для постановки книгъ ³. Форма письмен-

¹, ² и ³ Viollet-le-Duc. Dict. в пр. стр. 285. и особ. 92 и сл. (съ рис.), потомъ стр. 35, 107. стр. 162, 239 (съ рис.).

ныхъ столовъ осталась вообще прежняя, и только подпорка или ножка, дѣлалась большею частью въ видѣ четырехграннаго столба съ оголовьемъ изъ широко раскинутой листвы и поддерживающаго пологую доску стола—¹. Письменный приборъ состоялъ по прежнему изъ вмѣстилища для чернилъ формы рога или изъ настоящаго рога, помѣщавшагося въ особомъ влагалищѣ въ родѣ ящичка, которое въ то же время могло служить тоже хранилищемъ для перьевъ и ножей ². Для бѣглыхъ замѣтокъ пользовались какъ и прежде, по древнѣйшему обычаю, большими таблицами покрытыми воскомъ, и штифтомъ для писанія на немъ ³. Способъ, употребляемый въ это время быть можетъ даже при судопроизводствѣ за недостаткомъ особыхъ столовъ ⁴.

г. Ложе или кровать ⁵, въ числѣ прочей мебели составлялъ предметъ, въ отдѣлкѣ и убранствѣ котораго по преимуществу выказываются новое художественное направленіе въ связи съ постоянно усиливавшеюся роскошью. Станки для кроватей въ это время отличаются еще болѣе изящною рѣзбою и болѣе роскошною отдѣлкою изъ слоновьей кости и благородныхъ металловъ, и въ добавокъ, окружающія кровати съ трехъ сторонъ стѣнки, представляютъ новое поле для разнообразныхъ украшеній (фиг. 329). Кромѣ того тюфяки, покрывала и подушки, но главнымъ образомъ завѣсы, и драпировка стали тоже изготавливаться теперь изъ болѣе цѣнныхъ матеріаловъ ⁶. Замѣтимъ, что вездѣ гдѣ подробно описывается убранство постели рѣчь собственно идетъ только о завѣсахъ и драпировкѣ, что прямо наводитъ на предположеніе, что именно на эти принадлежности ложа болѣе всего обращалось вниманіе.

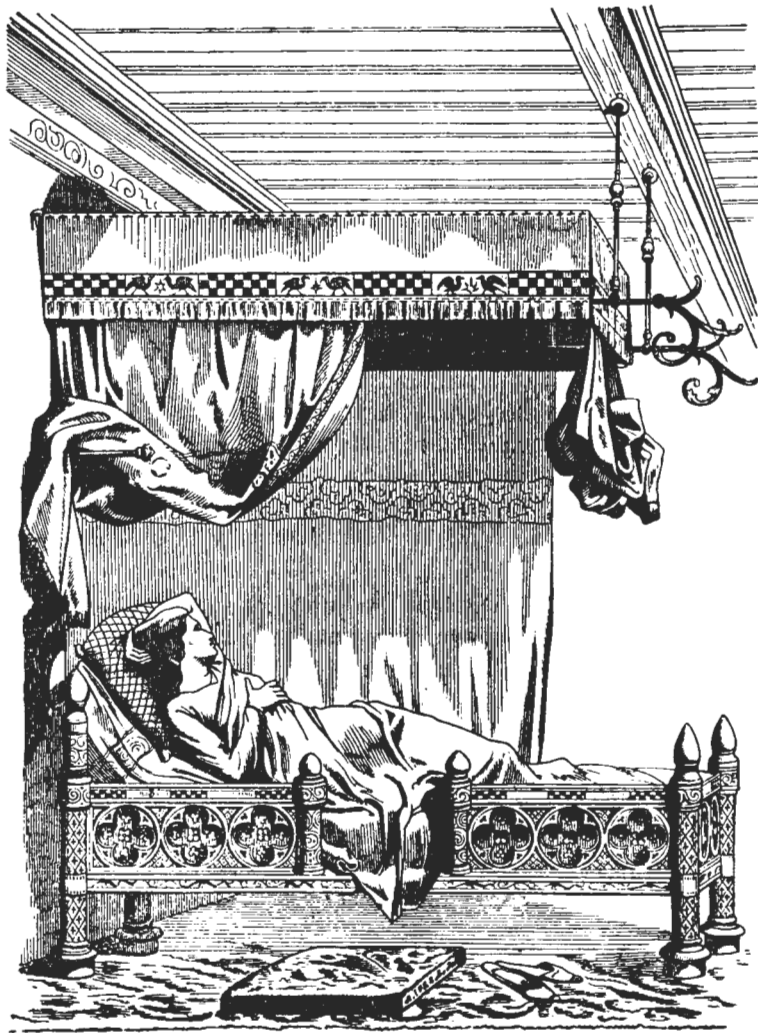
Такъ мж. пр. по поводу кровати которую король венгерскій Бела въ 1189 г. подарилъ императору Фридриху I, лѣтописецъ замѣчаетъ съ особымъ удареніемъ, что—„кровать эта была обложена великолѣпно украшенною подушкою и роскошнымъ одѣяломъ“ ⁷.

Дѣтскія колыбели, кои вплоть до двѣнадцатаго столѣтія изготовлялись большею частью просто изъ цѣльнаго древеснаго обрубка, или изъ легкаго тростниковаго плетенія въ видѣ глубокаго корытца, послѣ этого времени стали все чаще дѣлаться на подобіе кроватей, но только съ подножкой для качанія, при чемъ въ знатныхъ и богатыхъ домахъ ихъ роскошно украшали и убирали совершенно какъ это дѣлалось съ кроватями для взрослыхъ ⁸. Когда въ 1211 году, ландграфъ тюрингентскій Германнъ отправилъ пословъ своихъ за дочерью короля венгерскаго Андрея, нареченною невестою сына своего, король передалъ посламъ дочку свою которой было не болѣе четырехъ годовъ, въ колыбели изъ чистаго серебра, и въ этомъ видѣ ее принялъ на Вартбургѣ женихъ, которому только что минулъ девятый годъ ⁹. Колыбель которая въ видѣ свадебнаго подарка вручена была

¹ Такъ мж. пр. изображенъ подобный столъ у подножія одного креста въ Сент-Омерскомъ музеѣ: Didron. Ann. XVIII. 1, 16. — ² Viollette-Duc. 238. — ³ F. v. der Haagen. Handschriftengemälde и пр. стр. 837. Еромѣ. Über die Gemälde и пр. II. 29. — ⁴ U. F. Kopp. Bilder und Schriften I. 120. — ⁵ G. Klemm. Culturgesch. I. 130 и сл. — ⁶ Viollette-Duc. 177. (съ рисунками). — ⁷ Arnold von Lübeck. III. гл. 30. — ⁸ Viollette-Duc. стр. 37 (съ рис.). — ⁹ A. Galetti. Gesch. и пр. 1779. I. 76.

Фридриху II при его обрученіи съ Изабеллою въ 1235 году, отличалась тоже чрезвычайно роскошною отдѣлкою; покрывало на ней состояло изъ слоновой кости, золота, раковинъ и жемчуга ³.

Фиг. 329.

д. Форма сундуковъ, ящиковъ и ларей повидимому нисколько не измѣнилась за это время, и только оковка на этихъ вещахъ и украшенія дѣлались теперь вообще во вкусъ господствовавшаго новаго художественнаго направления. Въ этоже самое время сталъ все болѣе распространяться обычай украшать коробки, и въ особенности ларчики для драгоценныхъ вещей,

³ F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst. (2) III. 561.

сверхъ обычныхъ уже орнаментовъ, также рельефными изображеніями любовныхъ сценъ и девизами въ томъ же родѣ. Изъ этого нѣкоторые выводили заключеніе, что эти ящички которые мж. пр. изготовлялись тоже изъ дерева и тисненой кожи, предназначались для свадебныхъ подарковъ ¹.

е. Вслѣдствіе возникшей въ это же время моды между женщинами высшихъ сословій, носить при себѣ постоянно ручное зеркальце на дорогой лентѣ на шеѣ или на поясѣ ², для этой вещи были придуманы теперь особая изящная оправы и футляры изъ слоновьей кости, и украшенные подобно упомянутымъ нами коробкамъ сценами любовныхъ походовъ ³.

ж. Способъ освѣщенія остался тоже безъ перемѣны, съ тою лишь разницею что теперь въ домахъ высшихъ классовъ, и только при особенно торжественныхъ случаяхъ, наряду съ факелами и лампами зажигались тоже восковые свѣчи, для которыхъ потомъ были изобрѣтены особые стѣнные подсвѣчники, считавшіеся впрочемъ долго еще рѣдкостью ⁴.

з. Отопленіе тоже производилось по прежнему способу посредствомъ каминовъ устроенныхъ въ стѣнахъ и состоявшихъ нѣдко изъ трехъ устьевъ, обложенныхъ иногда кругомъ „четыреугольными мраморными наличниками“ ⁵.

и. Точно такъ удержался и обычай покрывать стѣны и полы внутри покоевъ роскошными коврами высокой цѣны ⁶. Въ особенности у знати дорогіе ковры составляли необходимое условіе убранства, но преимущественно — „дворецъ герцога, всюду былъ обтянутъ шелковыми, вышитыми золотомъ и изящной работы коврами“ ⁷.

Тамъ гдѣ неудобно или нельзя было имѣть ковровъ, ихъ замѣняли соломенными рогожками, циновками, а при какихъ либо торжественныхъ случаяхъ, настилкою изъ зеленыхъ вѣтвей, листьевъ и цвѣтовъ, — „множествомъ желтыхъ цвѣтовъ и розъ и травъ зеленыхъ былъ усыпанъ каменный полъ“ ⁸.

IV. Изъ прочихъ предметовъ причисляемыхъ къ утвари въ общемъ значеніи этого слова, подверглись немаловажнымъ усовершенствованіямъ и измѣненіямъ мж. пр. игральные приборы и также музыкальные инструменты. Къ числу древнѣйшихъ игръ, слѣдуетъ отнести игру въ кости, переходившую какъ бы наслѣдственно отъ одного поколенія къ другому, затѣмъ нѣсколько родовъ незамысловатыхъ игръ въ родѣ шашечной, къ которымъ должно прибавить и шахматы, игру принесенную изъ Испаніи отъ арабовъ еще въ сравнительно раннее время, и потомъ, перешедшую изъ Италіи въ Германію *hoggig*, игру въ родѣ издревле уже извѣстныхъ игръ шарами (см. II. 2. стр. 115) ⁹.

¹ Ср. объ нихъ въ особ. F. v. d. Haagen. Handschriftengemälde и пр. 1850, стр. 149, 151, 154; и еромъ: Gemälde II. стр. 20. Потомъ C. Becker. Deutsches Kunstblatt. 1848. № 12. стр. 46.—² и ³ Willehalm. 67, 12. Tristan. 11728, 11977. Wigalois. 9728.—C. Becker. и J. v. Hefner-Alteneck Geräthsch. des Mittelalt. и пр. II. таб. 3, 41, 69.—⁴ и ⁵ Parcival. 229, 23. 230, 5.—⁶ G. Klemm. Cultur-gesch. I. 120 Viollet-le Duc. Dict. и пр. 262 и сл.—⁷ Parcival. 627, 22. Tristan. ст. 880.—⁸ Tristan. ст. 886; срв. Parcival. 549, 12. Willehalm. 144, 1.—⁹ G. Klemm. въ прав. соч. I. стр. 193.

А. 1. Изъ всѣхъ родовъ игръ самую распространенною была игра въ кости. Ею забавлялись не только простой народъ, но и высшіе классы общества, несмотря на то что противъ нея неоднократно возставали какъ духовныя такъ и свѣтскія власти. Въ числѣ различныхъ предосудительныхъ дѣяній, въ какихъ въ 963 году духовенство обвиняло папу Іоанна II передъ императоромъ Оттономъ, выставлялось мж. пр. ¹ что „этотъ папа забавлялся игрою въ кости и при этомъ призывалъ на счастье Юпитера, Венеру и другихъ еще демоновъ“. Но ничто не помогло; ни настоятельныя увѣщанія духовенства, ни его старанія убѣдить народъ, что, какъ писалъ еще Гейнмаръ фонъ Цветеръ ²: — „самъ дьяволъ выдумалъ игру въ кости, дабы этимъ уловить душъ многихъ людей“; страсть къ этой игрѣ усилилась до такой степени, что невзирая на постоянно повторявшіеся запрещенія ³, вслѣдствіе усиленнаго запроса, образовался въ Парижѣ особый цехъ ремесленниковъ, занимавшихся исключительно изготовленіемъ игральныхъ костей ⁴. Въ миниатюрахъ, особенно конца этого періода, встрѣчается много изображеній игры въ кости ⁵ и также другой, игры въ шары, которая тоже подвергалась многократнымъ запрещеніямъ ⁶.

2. Гораздо бѣльшимъ почетомъ пользовались постоянно игры въ родѣ шашечной, а изъ нихъ въ особенности шахматная игра, которая, по кажущемуся сходству ея съ военными дѣйствіями весьма скоро пришлась по вкусу рыцарству, за исключеніемъ однако нѣкоторыхъ орденовъ, какъ напр. храмовыхъ рыцарей, которымъ по орденскому уставу воспрещались вообще какія то бы ни были игры ⁷. — Одною изъ любимѣйшихъ игръ въ тринадцатомъ столѣтіи считалась игра, обь устройствѣ которой однако не сохранились никакія указанія; родъ шашечной игры, съ доскою раздѣленной на клѣтки, и шестью черными и столькоже бѣлыми шашками, изъ коихъ по шести приходилось на игрока, при этомъ три игральныхъ кости на обоихъ ⁸. Для шахматной игры, напротивъ, требовалось по всей вѣроятности столько же шашекъ какъ и нынѣ, но форма и значеніе этихъ фигуръ были другія; иногда фигуры были такъ велики, что въ данномъ случаѣ ими легко можно было обороняться какъ метательнымъ орудіемъ ⁹. Такъ какъ эта игра составляла по преимуществу забаву высшихъ сословій, то необходимія къ ней принадлежности весьма рано еще стали отдѣлываться съ нѣкоторою роскошью, въ особенности доска, которую нерѣдко обкладывали инкрустаціями и рельефными украшеніями. Въ числѣ драгоценныхъ подарковъ которые Робертъ, король венгерскій въ 1335 г. послалъ Іоанну королю богемскому, была и шахматная доска отличавшаяся великолѣпіемъ и художественнымъ исполненіемъ ¹⁰.

Б. Музыкальные инструменты ¹¹ въ это время ограничивались пока

¹ Liutprand, Gesch. des Kaisers Otto, гл. 10. — ² F. v. der Haagen. Minnesinger и пр. II. 196. и сл. № 108 и сл. — ³ D. Hüllman. Städtewesen и пр. IV. стр. 247. — ⁴ F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst. (2) VI. 747. — ⁵ F. v. der Haagen. Über die Gemälde in den Sammlungen der altdeutschen lyr. Dichter II. (1846). стр. 17. — ⁶ D. Hüllman. Städtewesen и пр. — ⁷ F. v. Raumer, въ прив. соч. (2) I. 471. — ⁸ и ⁹ F. v. der Haagen. Über die Gemälde и пр. II. (1846). стр. 17. — Потомъ I. (1844). табл. III. — ¹⁰ D. Hüllman. Städtewesen и пр. IV. стр. 255. — ¹¹ Botte de Toulmon. Sur les instruments de musique employés au moyen âge въ: Mémoires de la société royale des antiquaires de France (1844) Vol. XVII. E. de Coussemaker. Essai sur les instruments de

еще только тѣми немногими видами кои изъ значительнаго количества извѣстныхъ древнимъ римлянамъ музыкальныхъ инструментовъ пережили ихъ самихъ ¹. То были, по свидѣтельству блаженнаго Иеронима ², и не считая упомянутого уже выше (Т. II. ч. 1. стр. 127) органа: различныхъ видовъ „tubae“ или трубы; потомъ, „bombulum“, инструментъ состоявшій изъ желѣзнаго прута съ горизонтальными поперечниками къ которымъ приделаны были двадцатьчетыре колѣкольчика и двѣнадцать металлическихъ палочекъ; „cithara“, треугольной формы, двадцатичетырехструнный инструментъ; „sambuca“, труба составленная изъ нѣсколькихъ трубокъ; „psalterium“ или „pavulum“, по всей вѣроятности малая десятиструнная арфа, четырехугольной формы; „tympanum“, тамбуринъ, и наконецъ „chorus“, духовой инструментъ, вѣроятно въ родѣ волынки съ двойною трубкою.

I. Въ предыдущемъ мы уже сказали, что изъ приведенныхъ сейчасъ инструментовъ, органъ впервые сталъ извѣстенъ на западѣ только въ царствованіе Пипина и Карла великаго (Т. II. ч. 1. стр. 127 и сл.). Точно такъ, по свидѣтельству Санктъ-Галленскаго инокъ, мы указали въ особенности на то обстоятельство, что греческими послами доставлены были Карлу „инструменты всякаго рода“, и что франкскіе мастера съ успѣхомъ воспользовались этими образцами (стр. 325). Какъ ни шатко, быть можетъ, это извѣстіе по отношенію къ сообщеннымъ въ немъ частностямъ, но покрайней мѣрѣ несомнѣнно то, что этотъ императоръ, заботясь объ образованіи и о смягченіи нравовъ своего народа, первый обратилъ серьезное вниманіе на развитіе музыки, и сталобыть тоже на усовершенствованіе музыкальныхъ инструментовъ. Сказанное нами подтверждается не только многочисленными свидѣтельствами о пристрастіи Карла къ церковной музыкѣ, но сверхъ того также сохранившимися отъ девятаго вѣка спискомъ музыкальнымъ инструментамъ бывшимъ въ то время въ ходу ³. Въ этомъ перечнѣ упомянуто не менѣе двадцатичетырехъ видовъ музыкальныхъ инструментовъ слѣдующихъ названій: „tuba, campana, organa, cithara, sambuca, nasaria, tympanum, symphonia, flahuta, dulciana, tibia, sambucus, calamus, psalterium, lyra, sistrum, cornu, blandosa, chorus, taborellus, cabreta, harpa, rebeca и fistula“. — Въ рукописяхъ того времени сохранились изображенія, хотя отчасти довольно неотчетливо исполненныя, но по которымъ можно всетаки составить понятіе о формѣ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ въ спискѣ инструментовъ. Ихъ можно раздѣлить на три главные группы:

1. Ударные инструменты ⁴:—а. Сюда принадлежатъ прежде всего

musique au moyen âge, въ: Didron. Annales archéol. и пр. III, IV, V, VII, IX, со многими изобр. (Издано тоже подъ особымъ заглавіемъ: Histoire des instruments de musique и пр. съ 200 изобр. инструментовъ Paris) P. L. Jacob. Curiosités de l'histoire des arts. Paris 1858. стр. 373. Les instruments de musique au moyen âge; въ немъ, но болѣе по отношенію къ позднѣйшей порѣ средневѣковаго періода; G. Kastner. Les danses des morts. Dissertations et recherches histor. philos. littéraires et musicales и пр. съ 190 фигурами. XX. табл. Paris 1852 и для 16 и 17 стол. крожѣ того: «Sammlung musikalischer Instrumente» въ Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. Новая серія, 7-ой годъ.. 1860. Nr. I стр. 6 и сл. съ изобр.—¹ Вѣщм. бытъ народовъ и пр. Т. 1. ч. 2. стр. 470 и сл. — ² Epistola ad Dardan. De diversis generibus musicorum instrumentis.—³ Рукопись Aymeric de Peyrac (въ парижск. библ. № 5944 и 5945). — ⁴ Изобр. у E. Coussemaker въ Didron. Annales IV. 95 и сл.

колокола, какъ простые и одиночные (*campanae*), такъ и подобранные по нотамъ (*tintinnabula*). О колоколахъ ¹ упоминается еще въ шестомъ вѣкѣ, а начиная со второй половины девятого они уже повсюду стали появляться при церквахъ ². Въ это время колокола были двухъ родовъ, литые ³ (*vasa fusilia*) и кованые (*productilia*). Первые отливались изъ бронзы, но иногда, хотя и рѣдко, изъ смѣси бронзы и серебра ⁴; вторые дѣлались обыкновенно изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ листовъ склепанныхъ мѣдными гвоздями. Форма того и другого рода колоколовъ хотя за малыми исключеніями такаяже какъ и теперь, но тогдашніе колокола вообще меньшаго размѣра. Подобный колоколъ склепанный изъ желѣзныхъ листовъ и носящій имя „*Saufang*“, находится въ ц. св. Цециліи въ Кельнѣ, и судя по преданію принадлежитъ къ началу седьмого столѣтія. Вышина его не болѣе 15½ дюймовъ, форма овальная, а ширина его у нижняго края 8¾. Инструментовъ съ колокольчиками было нѣсколько родовъ. Самый простѣйшій изъ такихъ инструментовъ состоялъ изъ горизонтальнаго прута на которомъ висѣли колокольчики разной величины и тона, и по которымъ били молоткомъ. Другой инструментъ, подъ названіемъ „*symbalum*“, съ восемнадцатью и двадцатью колокольчиками приводился въ сотрясеніе рукою. Колокольчики прикрѣпленные по два и по три на проволоку одни надъ другими помѣщались все вмѣстѣ на обручѣ, отъ котораго шелъ ремень съ рукою на концѣ въ видѣ кольца. Затѣмъ мы встрѣчаемъ и такъ называемое „*bombulum*“, о которомъ упоминается еще въ пятомъ вѣкѣ; но въ значительно измѣненномъ видѣ, сравнительно съ его прежнимъ устройствомъ. Теперь инструментъ представляетъ собою какъ бы шесть изъ двухъ спирально свитыхъ металлическихъ трубъ, согнутыхъ вверху подъ прямымъ угломъ. У вѣшняго конца сгиба, виситъ на металлической цѣпи большая четырехугольная доска или ящикъ изъ металла, обложенный металлическими чешуями которыя вѣроятно были подвижныя. У каждой изъ обѣихъ продольныхъ (отвѣсныхъ) сторонъ ящика помѣщаются въ два ряда другъ надъ другомъ, по три крѣпкія металлическія ручки съ колокольчиками разной величины. Когда ударяли въ колокольчики, звонъ производимый ими, проходя черезъ трубы, долженъ былъ дѣйствительно значительно усиливаться.

б. Гремущка „*sistrum*“ и трианглъ „*triangulum*“. Изъ нихъ первый инструментъ, по происхожденію египетскій, теперь почти такогоже вида какъ въ древности. Это металлическій обручъ съ металлическими поперечными палочками, на которыя продѣты металлическіе кольца. „*Triangulum*“, тоже древневосточный инструментъ, состоялъ изъ загнутаго треугольникомъ металлическаго прута, иногда съ украшеніемъ посерединѣ. Первый потрясывали рукою, а изъ втораго извлекали звуки помощью металлической палочки ⁵.

в. Кроталы „*scrotala*“, и тимпаны „*tympana*“. Первые были родъ кастаньетъ, тимпаны, родъ барабана или литавры, состоявшій изъ металли-

¹ Н. Otte. Handbuch и пр. стр. 44 и сл.—² Ср. относящіеся сюда мѣста: Rimbert. Leben des Erzbischofs Ansgar гл. 32. Jahrbücher von Fulda гл. 869 и 872 г. Godehards Leben гл. 73. Mönch v. St. Gallen I, гл. 29. Widukind. III. гл. 73 и мн. др.

³ Walaf. Strabo de exord. et increment. reg. eccles. гл. 5.—⁴ Mönch von St. Gallen. I. гл. 29.—⁵ Вѣшн. бытъ нар. и пр. Т. I. ч. 1. стр. 88. фиг. 80.

ческого или деревянного корпуса или котла, затянутого кожей и съ принадлежавшими къ нему билами. Тимпаны были не одинаковых размѣровъ, и потому, смотря по величинѣ, носили различныя названія. И такъ какъ барабаны впервые принесены были на западъ съ востока, то весьма вѣроятно, что извѣстные въ этоже время инструменты „*taborellus*“ и „*pasagia*“, въ виду сходства этихъ названій съ арабскими названіями „табля“ для малаго барабана, и „наккара“ для большаго, были ни что иное какъ барабаны описанной выше формы (Т. Н. ч. 1. стр. 237 и сл.). Быть можетъ упомянутая въ спискѣ „*gebeca*“ въ сущности тоже не болѣе какъ заимствованная отъ арабовъ „дарабукке“ (тамъже). Сохранились названія другихъ инструментовъ извѣстныхъ еще съ седьмага вѣка, какъ-то „*tympanellum*, „*tympaniolum*, „*tabornum*“, и быть можетъ тоже „*symphonia*“.

2. Духовые инструменты. Изъ числа ихъ въ миниатюрахъ изображены флейты и трубы; объ органѣже упомянуто въ рукописяхъ многократно подъ названіемъ „*organa*“. Къ флейтамъ принадлежали: „*flauta*, „*dulciana*, „*tibia*, „*cabreta*“, потомъ „*salamus*, „*chorus*“ и „*fistula*“; къ трубамъ главнымъ образомъ „*tuba*“, затѣмъ „*cornu*“ и „*sambuca*“.

а. Относительно флейтъ, надо замѣтить, что подъ названіемъ „*flauta*“ подразумѣвались, если не флейты вообще, то повидимому извѣстные виды этого инструмента. Какъ нѣкоторые полагаютъ, слѣдуетъ сюда отнести прежде всего извѣстныя еще древнимъ римлянамъ, одиночныя и двойныя флейты различной длины и толщины ¹, изъ коихъ послѣднія сверхъ того отличались между собою еще тѣмъ, что обѣ соединенныя флейты были иногда прямыя и одинаковой длины, иногдаже одна изъ нихъ была короче другой или изогнута у конца; кромѣ того измѣнялось тоже число звуковыхъ отверстій. — „*Tibia*“ по всей вѣроятности походила и теперь на древнеримскую, крайне простую тибію съ дульцемъ и четырьмя отдушинами, а „*salamus*“ на древнюю свирѣль, видоизмѣненіемъ которой слѣдуетъ повидимому считать и „*dulciana*“. — „*Fistula*“, напротивъ, теперь не означала уже какъ въ прежнія времена, инструментъ изъ нѣсколькихъ соединенныхъ трубочекъ неравной длины, хотя впрочемъ онъ иногда и употреблялся, но небольшую дудку, приблизительно въ родѣ флажолета. — „*Cabreta*“ по всей вѣроятности походила на „*cabretta*“ или „*chevette*“ позднѣйшаго времени, и тоже родъ свирѣли съ мѣхомъ изъ козьей шкуры для вдунанія воздуха. „*Chorus*“ наконецъ, о которомъ упоминаетъ еще блаженный Іеронимъ (стр. 391), судя по тѣмъже изображеніямъ дѣлался теперь въ видѣ продолговато-четыреугольнаго ящика (вѣроятно изъ кожи), склепаннаго гвоздями и снабженнаго на одной изъ узкихъ его сторонъ двумя трубочками, а на другой только одною трубкою составлявшею дульце.

б. Въ числѣ трубъ, „*tuba*“ и „*cornu*“ безъ сомнѣнія соответствовали военнымъ трубамъ у древнихъ римлянъ, носившимъ этиже названія ². Слѣдовательно „*tuba*“ и „*cornu*“, не означали одинъ лишь отдѣльный видъ трубъ, но „*tuba*“ все вообще прямыя трубы, а „*cornu*“ все изогнутыя трубы, не взирая на различіе формъ въ отдѣльности, изъ котораго возникъ рядъ осо-

¹ Вѣщн. бытъ нар. и пр. Т. I. ч. 2. стр. 470 и сл. — ² Вѣщн. бытъ нар. и пр. Т. I. ч. 2. стр. 327 и сл.

быхъ наименованій. Такъ напр. хотя „cornu“ означало настоящіе рога, тѣмъ не менѣе существовалъ инструментъ этогоже названія и у котораго труба согнута была въ одинъ оборотъ, а оба параллельные конца равной длины, соединены были почти посрединѣ двойною трубкою; этотъ инструментъ, весьма схожій съ древнею „bucina“, назывался „sambuca (sambutta)“. Сюдаже принадлежитъ и „pandorium“ объ устройствѣ котораго однако намъ ничего не извѣстно.

в. По замѣткѣ сообщаемой Санктъ-Галленскимъ монахомъ (стр. 325), слѣдуетъ заключить, что именно около этого времени въ устройствѣ органа (organa) ¹ слѣданы были кое-какія усовершенствованія на западѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ и то обстоятельство, что между 872 и 882 годами папою Іоанномъ VIII выписанъ былъ изъ Германіи органъ-ный мастеръ. Между тѣмъ органы въ это время все еще малы и неуклюжи, трубки въ нихъ мѣдныя, клавиши аляповаты и числомъ не свыше двѣнадцати.

3. Струнные инструменты ². Изображенные въ миниатюрахъ образчики свидѣлствуютъ вообще о весьма маломъ развитіи струнныхъ инструментовъ, и въ особенности незначительномъ числѣ смычковыхъ инструментовъ. У большей части этихъ инструментовъ струны перебирались либо непосредственно пальцами (одною рукою или обѣими), либо особою палочкою, древнимъ „плектронъ“.

а. Къ этому послѣднему разряду принадлежала лира, lutha. Она по формѣ или совершенно сходна съ древнеримскою лирою, или отличается отъ нея болѣе широкимъ корпусомъ, и дугобразными и сходящимися на концахъ ручками, замѣняющими горизонтальную палочку на которую натянуты струны, числомъ отъ трехъ до осьми.

б. Киѳара, cithara, состояла иногда изъ треугольной, иногда изъ продолговато-четыреугольной рамки, закругленной вверху и на которой натянуты струны, число коихъ отъ шести произвольно увеличивалось до двадцатичетырехъ. Въ рамкахъ треугольной формы, струны, находясь на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой, направляются отъ самой длинной стороны треугольника къ вершинѣ его, гдѣ онѣ сходятся на короткой поперечной палочкѣ. Въ рамкахъ второй формы, струны идутъ параллельно діагонали отъправляясь отъ косой палки внутри рамки.

в. Псалтирь, psalterium, состоялъ тоже изъ треугольной или продолговато-четыреугольной рамы, съ натянутыми внутри ея струнами, но съ тою особенностью, что у четырехугольных рамокъ продолжныя стороны частью совершенно прямая, частьюже вогнута внутрь, а у треугольныхъ двѣ стороны рамки всегда сходятся подъ очень острымъ угломъ. Затѣмъ, надо замѣтить, что струны никогда не натягивались по всей рамкѣ, но иногда даже доходили только до середины ея, и что по другой части рамки, находящейся вверху отъ поперечника въ которомъ утверждены были концы струнъ, проходили крестообразно два ремня, помощью коихъ, быть можетъ, натягивался инструментъ. Число струнъ при-

¹ Н. Otte. Handbuch и пр. стр. 40. Ср. Внѣшн. бытъ нар. и пр. Т. II. ч. 1. стр. 126. прим. 4.—² См. рисунки у Didron. Annales III. стр. 76 и сл., стр. 147 и сл.

томъ не бывало менѣ десяти, но иногда оно превосходило и двойное количество.

г. Арфа, *hagra*, на изображеніяхъ какъ по формѣ, такъ и по устройству своему, частью похожа на треугольный „псалтерій“, хотя она и держалась играющимъ на ней другимъ образомъ, частью же совершенно сходна съ теперешними арфами съ резонансомъ и выдающеюся вѣтвью. Таково было устройство арфы по преимуществу на сѣверѣ Европы, гдѣ этотъ инструментъ издревле пользовался особымъ почетомъ. Въ одной рукописи девятаго вѣка къ изображенію подобной арфы приложена отмѣтка: *cithara anglica* ¹.

д. Затѣмъ встрѣчаются еще другіе музыкальные инструменты, отчасти тоже съ обозначеніемъ названій ихъ, какъ то: „*nabulum*“ или „*nablum*, *choron* (*chorus*), *monocordion*, *organistrum*“ и (одна *lyra*) совершенно особаго устройства. — Первый изъ нихъ, *nablum*, былъ повидимому родъ псалтерія, и треугольной формы какъ настоящій псалтерій, или полукруглой, рамка однако большею частью очень массивна, и потому нерѣдко украшена бываетъ рѣзьбою; струны, въ рѣдкихъ случаяхъ превышающія числомъ двѣнадцать, всегда натянуты отъ прямой стороны рамы къ горизонтальной палкѣ. — *Choron*, точно такой формы какъ закругленная у верхняго конца кивара (*cithara*), но на немъ обыкновенно не болѣе четырехъ струнъ, которыя, выходя попарно отъ крайняго угла на нижней планкѣ рамки, идутъ расходясь между собою къ дугообразному концу инструмента. — *Monocordium*, состоялъ изъ прололговато-четыреугольнаго корпуса въ видѣ лщика, обтянутаго по верхней его сторонѣ по всей вѣроятности кожей; на каждой изъ узкихъ сторонъ находилась по прямой подставка или кобылкъ, по которымъ проходила одна только струна обвивавшаяся вокругъ колка помѣщеннаго по серединѣ одной изъ этихъ боковыхъ сторонъ. — *Organistrum* (фиг. 330. f) по формѣ своей похожа на большую гитару съ двумя, расположенными одно противъ другого, круглыми звуковыми отверстіями и съ тремя струнами, которыя, проходя по двумъ кобылкамъ на нижней части доски, сходились у рукояти съ колесомъ выступавшимъ значительно за нижній край инструмента. На шейкѣ помѣщались восемь подвижныхъ кобылокъ посредствомъ которыхъ можно было по желанію возвысить и понизить тонъ.

е. Упомянутая выше „*lyra*“ ² особаго устройства (отмѣченная на миниатюрѣ этимъ названіемъ), ничего не имѣетъ общаго съ бывшею тоже въ то время въ употребленіи древнеримскою лирою (стр. 393), но по формѣ совершенно сходна съ „мандолиною“ позднѣйшихъ временъ, отъ которой впрочемъ она отличается во первыхъ тѣмъ, что на ней только одна струна, а во вторыхъ, что на ней играли смычкомъ, по всей вѣроятности металлическимъ. Самое названіе этого инструмента, который справедливо можетъ считаться родоначальникомъ смычковыхъ инструментовъ, равно какъ и названіе „*cithara anglica*“, какое присвоено было арфѣ, ясно доказываютъ, какъ мало обращалось вниманія въ то время на точное опредѣленіе названій.

II. Если съ разсмотрѣнными нами доселѣ музыкальными орудіями, мы

¹ Didron. Annales III. стр. 148. — ² Didron. Annales III. стр. 152.

сравнимъ многочисленныя изображенія и названія соответствующихъ имъ инструментовъ за весь долгій періодъ отъ десятаго до четырнадцатаго столѣтія, то въ результатѣ окажется, что за исключеніемъ немногихъ новыхъ названій прибавившихся въ теченіе этого времени, названія инструментовъ остались вообще тѣ какія были и прежде. Но съ другой стороны, въ продолженіе этогоже долгаго періода, формы музыкальных инструментовъ во многомъ измѣнились, и прежняя сбивчивость названій не только осталась во всей силѣ, но отчасти даже увеличилась вслѣдствіе того, что издавна утвердившіяся за извѣстными инструментами названія, присвоиваемы были безразлично инструментамъ совершенно иного свойства и не такой формы. Менѣе всего измѣнились ударные инструменты; въ большей уже степени духовыя, тогда какъ струнные инструменты, благодаря отчасти усовершенствованному умѣнью владѣть смычкомъ, подверглись весьма существеннымъ преобразованіямъ, и число ихъ даже значительно увеличилось.

1. Ударные инструменты.—а. Простые колокола и колокольчики. Размѣръ колоколовъ къ этому времени увѣличился и колокола теперь почти исключительно отливались изъ бронзы; потомъ (для звучности) раструбъ колокола дѣлался либо толще, либо тонше, и языкъ то длиннѣе то короче. Одинъ колоколъ въ Гильдесгеймѣ, вылитый при епископѣ Аце линѣ около половины одиннадцатаго вѣка, вѣсилъ, говорятъ, до ста центнеровъ; освященный въ 1206г. на Петербургѣ близъ Галле колоколъ „Петронилла“, вѣсилъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ центнеровъ¹. Колоколъ 1159 года, находящійся на колокольнѣ „de Bisdomini“ въ Сіанѣ, имѣетъ еще форму бочки, что впрочемъ составляетъ уже исключеніе изъ правила.—У инструментовъ съ колокольчиками число этихъ послѣднихъ теперь отчасти увеличилось, и колоколчики стали правильнѣе подбираться по извѣстной скалѣ; потомъ, лице управлявшее звономъ, мало-по-малу замѣнилось особымъ механизмомъ, приводившимъ въ движеніе молотки.—Инструментъ называемый дотолъ „cymbalum“, не измѣнивъ формы своей сталъ теперь называться *flagellum*.

б. Изъ чисто-ударныхъ инструментовъ, „bomulum“ удержалось вплоть до начала двѣнадцатаго столѣтія, а „sistrum“ и „triangulum“ оставались постоянно въ употребленіи (стр. 392).—„Кроталы“ во Франціи сперва были переименованы въ „maronnettes“, а затѣмъ, въ тринадцатомъ уже вѣкѣ, получили названіе „cliquettes“ (ср. фиг. 229. а).

в. Барабаны, извѣстны съ этого времени подъ названіемъ „tamburen“, и отчасти немного измѣнились, вслѣдствіе чего для этихъ инструментовъ возникло нѣсколько новыхъ названій, изъ коихъ наиболѣе ходячими были для барабановъ въ которые били либо рукою, либо одною только палкою: „tympana, tamburin, taburel; а для барабановъ при двухъ палкахъ: „tabornum, taburium, taburcinum, taborinum“ и пр. (ср. фиг. 247. с; фиг. 253. б). Были кромѣ того барабаны: „timbalana“, цилиндрической формы и мѣдный; и потомъ большой: „bedon“, съ двумя дырами и пр.

2. Духовые инструменты.—а. Изъ нихъ преимущественно флейты подверглись различнымъ измѣненіямъ. Длина у нѣкоторыхъ изъ этихъ инструмен-

¹ Н. Otto въ прив. соч.

товъ увеличилась, у другихъ убавилась и пр. точно такъ, соотвѣтственно размѣру флейтъ увеличались или убавились тоже число и величина звуковыхъ отверстій, къ которымъ въ добавокъ стали примѣнять изобрѣтенные въ это же время простые и двойные клапаны. Такимъ образомъ установилось болѣе точное различіе между одинокою, двойною и малой флейтою, представительницами коихъ были: *syrinx*, *chorus*, *cornemusa*, *flageolet*, *douzaine* или *duciana*, *pandorium* и т. д. — У „*syrinx*“, или сиринги, считавшейся изобрѣтеніемъ Пана, расположеніе трубочекъ теперь измѣнилось; число ихъ тоже увеличилось, и въ одиннадцатомъ вѣкѣ доходило даже до девяти. Ихъ теперь не располагали уже какъ прежде, исключительно въ восходящей лиши уступами, но полукружіемъ; притомъ — „*chorus*“, въ послѣдствіи означавшій родъ барабана, покрайней мѣрѣ вплоть до конца одиннадцатаго столѣтія имѣлъ форму шаровиднаго пузыря, снабженнаго на одной сторонѣ игральною трубкою съ дульцемъ, а на другой звуковою трубкою, отдѣланною обыкновенно въ видѣ звѣриной головы. — „*Calamus*“, свирѣль (называвшійся въ это время тоже *calamellus* и *calamella*), превратился мало-по-малу въ „гобой“, отъ котораго образовались потомъ нѣсколько другихъ формъ, (ср. фиг. 247. д), какъ то: „*doucaine*“, прежняя „*dulciana*“, затѣмъ въ позднѣйшее время „*fagot*“, образовавшійся изъ верхней части гобоя, и который, убавившись до длины въ нѣсколько дюймовъ, названъ былъ „*soufflant*“, или „*sourdeline*“, а въ Италіи „*sambogna*“. — „*Cornemusa*“ была въ сущности тоже свирѣль, тогда какъ „*musa*“ или „*stiva*“ т. е. „*musdetta*“ двѣнадцатаго вѣка, превратилась опять въ гобой. — Дудки (свирѣлки), называвшіяся теперь *flaios* или *flauthen*, тоже умножились въ значительномъ количествѣ, такъ что до четырнадцатаго столѣтія ихъ насчитывалось около двадцати видовъ, какъ то: *fistula*, *souffle*, *pipa*, *frestel*, *fretiau* (*galoubet*)¹ и мн. др. Почти на всѣхъ этихъ инструментахъ играли только лѣвою рукою, а правою обыкновенно били тактъ по барабану или небольшому тазу.

б. Такимъ же образомъ, но въ большей еще степени, измѣнялись и совершенствовались трубы, какъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить по значительному числу возникающихъ въ это время различныхъ названій трубъ, какъ-то: „*tuba*, *lituus*, *buccina*, *taurea*, *cornu*, *cornix*, *salpinx*, *claro*, *clararius*, *clario*, *hadubba*, *classica*, *licinia*, *siticines*, *tubesta*“ и др. Изъ нихъ *tuba* и *tubesta* были длинныя и прямыя трубы какъ и въ прежнія времена; *lituus* загнута только у конца; *buccina* вся согнута, въ послѣдствіи родъ тромбона называвшійся *busine* и *busune*; *taurea*, настоящій бычачій рогъ; *cornu* и *cornix*, согнутые на подобіе рога инструменты; *salpinx*, вѣроятно лишь мало отличалась отъ „*salpinx*“ грековъ и римлянъ (Витш. бытъ. нар. и пр. I. 2. фиг. 288. b), очень длинная боевая труба въ родѣ *tuba* (ср. фиг. 247. а). Изъ остальныхъ названій многія имѣли прямое отношеніе къ тону инструмента, какъ напр. *claro*, *clario*, *clararius*. Въ числѣ ихъ были также деревянные инструменты съ металлическою обкладкою; но вообще трубы большею частью дѣлались изъ листового металла, и нерѣдко даже изъ серебра, какъ мж. пр. въ царствованіе Фридриха II¹.

¹ F. v. Raumer. Geschichte der Hohenstaufen (2) III. стр. 431.

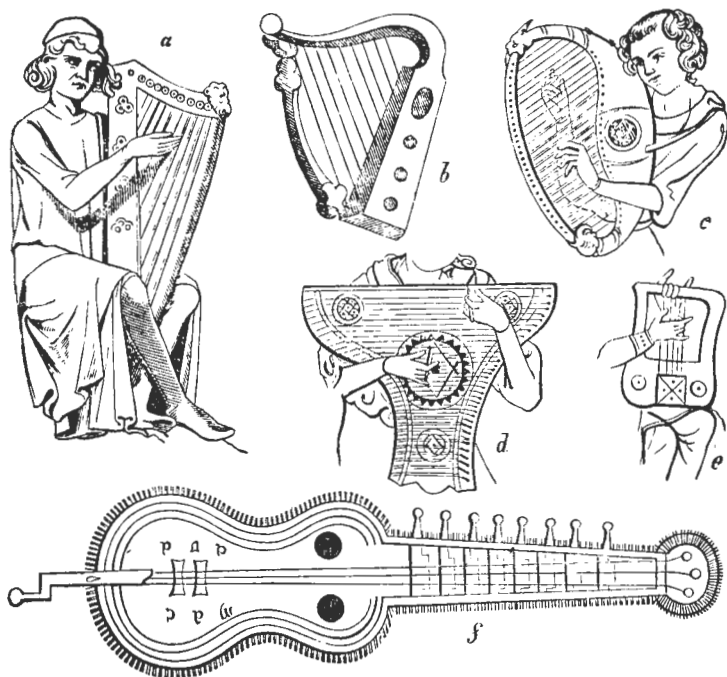
в. Органы замѣтно усовершенствовались, размѣры ихъ постепенно увеличились и трубы въ нихъ теперь оловянные. Такая перемѣна совершилась въ началѣ тринадцатаго столѣтія, съ тѣхъ поръ какъ производство этихъ инструментовъ перешло въ руки мірянъ ¹. Кромѣ церковныхъ органовъ, изъ коихъ одинъ о десяти трубахъ и съ четырьмя мѣхами изображенъ въ одной англійской рукописи двѣнадцатаго вѣка ², были въ употребленіи также небольшіе ручные органы. Въ концѣ этого періода они состояли изъ открытаго сверху и спереди ящика, задняя стѣнка и дно котораго сходились подъ прямымъ угломъ. По задней (отвѣсной) стѣнкѣ, изнутри были расположены трубы въ нотномъ порядкѣ, а снаружи у этойже стѣнки помѣщались мѣхъ. На другой (горизонтальной) доскѣ находились клавиши. Помощью ленты накинутаго на шею, этотъ инструментъ держался противъ груди. Лѣвою рукою играющій приводилъ въ дѣйствіе мѣхъ, между тѣмъ какъ правою онъ игралъ по клавишамъ.

3. Струнные инструменты.—а. Лира, сохранивъ долго первоначальную древнеримскую форму свою (фиг. 330. е), между тѣмъ замѣтно усовершенствовалась, благодаря частью тому, что резонансъ былъ уширенъ, частью, болѣе практическому устройству боковыхъ вѣтвей и нѣкоторыхъ другихъ частей. Но несравненно въ большей мѣрѣ подвергались всякаго рода измѣненіямъ псалтеріонъ и арфа въсѣхъ ея видахъ. Въ особенности первый, къ началу тринадцатаго столѣтія совершенно измѣнилъ свою форму и устройство. Къ этому инструменту, составлявшему дотолѣ родъ арфы, (стр. 393) былъ прибавленъ деревянный резонансъ, иногда круглой, иногда щитообразно-выпуклой формы, иногда же съ виду похожій на четырехугольный ящикъ (съ прямыми или выкруженными краями), съ горизонтально проходящими по нему струнами, число коихъ, смотря по величинѣ инструмента, которая тоже часто измѣнялась, никогда не составляло менѣе десяти, но часто превышало вдвое это количество. Такими остались форма и устройство этого инструмента почти вплоть до исхода четырнадцатаго столѣтія. Одновременно съ этимъ преобразованіемъ, совершившимся приблизительно въ десятомъ вѣкѣ, древній псалтеріонъ, какъ и повидимому тоже *pavulum*, были замѣнены китарою (*cithara*) и настоящею арфою (*harp*). Изъ нихъ первая, для отличенія отъ арфы съ которою ее часто смѣшивали, удержала свою первоначальную форму, хотя и видоизмѣнявшуюся смотря по народностямъ, такъ что ходячими названіями стали: „*cithara barbara, anglica, teutonica*“ и пр. То же самое должно сказать и объ арфѣ, въ измѣненіи которой, не коснувшись первоначальной формы этого инструмента, отразились главнымъ образомъ въ большемъ или меньшемъ его размѣрѣ, въ большемъ или меньшемъ числѣ струнъ, а затѣмъ и въ постоянно увеличивавшейся роскоши внѣшней отдѣлки, соответствовавшей вкусу даннаго времени и состоявшей по большей части изъ инкрустацій и рѣзной орнаментовки, для которой обыкновенно выбирались изображенія животныхъ (фиг. 330. а. б. с). Подъ названіемъ „*chogon*“ или „*chogus*“ разумѣвались теперь, и по крайней мѣрѣ еще въ продолженіе десятаго вѣка, кромѣ упомянутого выше (стр. 396) духового

¹ П. Otte, въ прив. соч. стр. 40. — ² Изображ. у негоже въ прив. соч.—Didron, *Annales* IV. стр. 31. ср. тамъже: XVI. стр. 205.

инструмента этогоже названія, также и древняя „киоара“ (cithara) о четырёх струнах (стр. 394). „Organistrum“, вплоть до конца двѣнадцатаго

Фиг. 330.

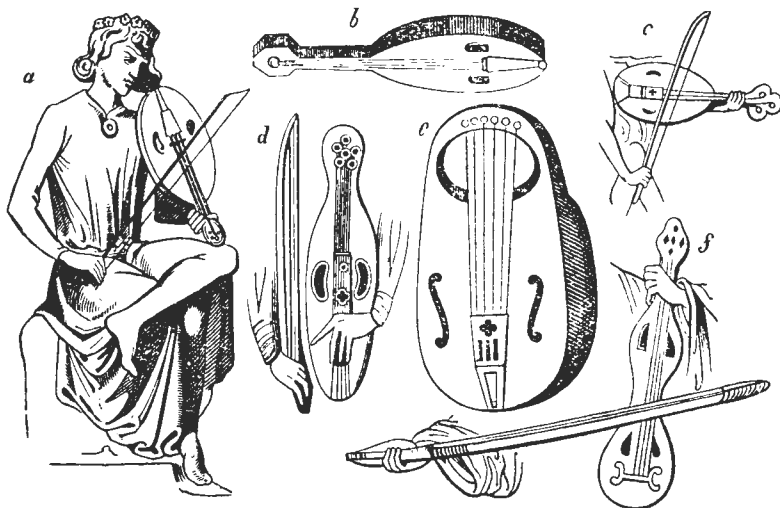
столѣтія означало тотъ самый инструментъ который носилъ этоже названіе еще въ девятomъ вѣкѣ (фиг. 330. f). „Monocordium“ или „manicordium“ назывался вообще всякій однострунный инструментъ. Изъ уменьшеннаго и измѣненнаго „organistrum“ образовалось въ послѣдствіи нѣсколько видовъ малыхъ ручныхъ органовъ: vielle или viole, rebel, rubette и symphonia, изъ коихъ послѣднеупомянутое названіе нѣкогда означало какой-то ударный музыкальный инструментъ (стр. 393) Ко всѣмъ этимъ инструментамъ прибавились потомъ, но по всей вѣроятности не ранѣе какъ въ четырнадцатомъ уже вѣкѣ, принесенныя изъ Италіи и Испаніи лютня (luth; laudis, lutuna), цитра (citre или cistre), citola, quitera и пр.

6. Какъ совершенно новый родъ музыкальных орудій являются теперь смычковые инструменты, число коихъ съ этого времени все болѣе и болѣе возрастаетъ. Возникнувъ на сѣверѣ, и вѣроятно у Норманновъ, этотъ родъ инструментовъ, предшественницею коего была лира, какъ мы видѣли (стр. 394), до такой степени распространился еще въ началѣ десятаго вѣка, что вскорѣ повсюду стали заниматься производствомъ смычковыхъ инструментовъ въ широкихъ размѣрахъ. При всемъ томъ однако, вплоть до двѣнадцатаго столѣтія, устройство ихъ было довольно простое, но послѣ этого времени инструменты эти стали быстро усовершенствоваться наравнѣ съ развитіемъ музыкальнаго искусства, при чемъ выстѣ съ измѣнявшимися формами мѣнялись тоже и названія ихъ.

Древнѣйшимъ изъ смычковыхъ инструментовъ былъ „сгрут“; названіе это, производимое отъ „сгрут“ или „сгвхт“, обличаетъ сѣверное происхожденіе, и въ теченіе времени измѣнилось въ „rote (rotte)“ и „hrotta (chrotta)“. „Сгрут“ въ его первоначальномъ видѣ, который впрочемъ онъ удержалъ безъ измѣненій въ одной только Англіи, а за предѣлами ея только до двѣнадцатаго вѣка ¹, состоялъ изъ продолговатаго плоскаго резонанса (ящика), съ прямыми и нѣсколько суживавшимися къ одному концу, илиже слегка вогнутыми продольными боками, и на которомъ струнный приборъ состоялъ первоначально изъ трехъ, потомъ изъ четырехъ струнъ, натянутыхъ вдоль по серединѣ инструмента, къ нимъ въ послѣдствіи прибавлены были еще двѣ, расходящіяся съ прочими струнами у верхняго конца инструмента, и всѣ вмѣстѣ выходившія отъ деревяннаго брусочка клинообразной формы. Въ верхней части инструмента, по обѣимъ сторонамъ были продѣланы продолговато-четыреугольныя отверстія достаточной величины чтобы играющій, просунувъ въ нихъ лѣвую руку могъ перебирать струны. На другомъ концѣ, который во время игры упирался въ ногу выше колѣна, находились по обѣимъ сторонамъ по одному отверстию или по отдушнѣ, между коими помѣщалась кобылка по которой проходили струны. Смычекъ къ этому инструменту былъ коротокъ но значительно согнутъ, и повидимому обтянутъ только одною металлическою или жиловою струною.

Можетъ быть еще до двѣнадцатаго столѣтія, но никакъ не позднѣе начала его, этотъ „сгрут“ былъ окончательно вытѣсненъ образовавшимися отъ него „rotte“ или „chrotta“. Такимъ образомъ „rotte“ на которомъ играли не только смычкомъ но въ тоже время и пальцами, составлялъ какъ бы соединеніе древняго „сгрут“ и стариной „лиры“. Въ виду такого двой-

Фиг. 331.

наго назначенія этого инструмента, ему дали форму продолговато-овальнаго ящика или резонанса, выпуклага снизу на подобіе мандолины, и съ сохране-

¹ Didron. Annales III. стр. 150. 151.

ниемъ свойственныхъ „сгоут“ проемовъ для руки; при этомъ число струнъ было опредѣлено отъ двухъ до шести. Такая форма осталась за этимъ инструментомъ безъ измѣненія вплоть до тринадцатаго столѣтія (фиг. 331. е), хотя еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ отъ него образовался особый видъ, носившій тоже въ первое время названіе „rotte“ и „chrotta“, но тѣмъ не менѣе значительно разнившійся отъ перваго въ формѣ. Этотъ видъ „rotte“ весьма разнообразной величины, иногда походилъ на гитару, иногдаже на длинный виолончель, то съ длинною, то съ короткою шейкою и тремя, либо четырьмя (жиловыми) струнами, натянутыми по кобылкѣ (фиг. 331. ф). Когда на немъ играли, игравшій лѣвою рукою обхватывалъ инструментъ сверху у шейки, и смотря по величинѣ инструмента, уставлялъ его либо въ бокъ, либо въ лашку, иногдаже держалъ его между ногами какъ виолончель, и пока лѣвою бралъ тона онъ игралъ правою, вооруженною весьма длиннымъ и крѣпкимъ смычкомъ (фиг. 331. ф).

Пока во Франціи происходили эти преобразованія съ названнымъ инструментомъ, почти одновременно въ Италіи возникли: „viola“ (viele), а въ Германіи „gige“ (geige), по всей вѣроятности подражаніе итальянской „giga“. Тотъ и другой инструментъ, отличаясь отъ послѣднееупомянутой „rotte“, главнымъ образомъ только малыми размѣрами и тѣмъ способомъ какъ ихъ держали во время игры, были весьма сходны одинъ съ другимъ не только по формѣ, но и въ томъ что на обоихъ играли совершенно какъ на нынѣшнихъ скрипкахъ, правою рукою, и держа инструментъ лѣвою за шейку, и прижавъ его либо къ груди, либо къ плечу подъ подбородокъ (фиг. 331. а. б. с). Единственное различіе между ними заключалось въ томъ, что у „gige“, называвшейся тоже „fidel“ и „videls“, было всегда не болѣе трехъ струнъ, и что шейка была либо длиннѣе, либо другой формы нежели у настоящей „viola“, (т. е. четырехгранная, округленная или нѣсколько изогнутая); у послѣдней кромѣ того число струнъ колебалось отъ трехъ до четырехъ, и шейка обыкновенно имѣла на концѣ форму фіалки (фиг. 331. с; фиг. 244. б). За исключеніемъ этихъ различій резонансъ у обоихъ инструментовъ былъ сначала плоскій и лишь мало выпуклъ, въ послѣдствіе же его стали дѣлать болѣе конусообразной формы и съ выпуклою задней стороною, а подконецъ яйцеобразной формы и съ выпуклымъ задомъ какъ у „мандолины“. Потомъ, на обоихъ было тоже по два слуховыхъ отверстія, смычки были довольно длинны но легки и только въ одну струну.

В. Въ числѣ игральныхъ приборовъ наконецъ, какими пользовались напр. фокусники, гаеры и вообще „странствующие скоморохи“ и пр. для потѣхи народа ¹, принадлежали еще съ отдаленныхъ временъ, маленькія движущіяся фигуры. Въ эту весьма любимую игру, судя по одному изображенію второй половины двѣнадцатаго вѣка, играли обыкновенно вдвоемъ на простомъ столѣ ². Игра эта, носящая на изображеніи названіе „ludus mon-

¹ F. v. Raumer. Geschichte der Hohenstaufen (2) VI. 748 и сл.—Объ играхъ вообще: J. Scheible. Die gute alte Zeit, geschildert in пр. изъ W. v. Reinöhl's Sammlungen S. 347 и сл. по отношенію къ Англіи въ особенности: J. Strutt. The sports and pastimes of the people of England и пр. with a copious index by W. Hone. London, 1845.—² M. Engelhard. Herrad von Landsperg. 96. Атласъ. таб. V.

storum⁴, состояла изъ двухъ куколокъ въ костюмахъ изображавшихъ сражающихся воиновъ, которыхъ играющіе противники передвигали на двухъ пересѣкавшихся шнурахъ.

V. 1. Охотничьи снаряды состояли постоянно съ незначительными измѣненіями, изъ упомянутыхъ уже прежде (стр. 113 и сл.) орудій, т. е. копій и, по крайней мѣрѣ до тринадцатаго вѣка, изъ простыхъ ручныхъ луковъ, но съ этого времени стали мало-по-малу употреблять самострѣлы, хотя впрочемъ преимущественно пока только при охотѣ на мелкую птицу (стр. 253). Высшее дворянство между тѣмъ, съ начала двѣнадцатаго вѣка, все болѣе пристрастилось къ соколиной охотѣ, такъ что вскорѣ этотъ родъ охоты одинъ только почитался достойнымъ рыцаря, такъ напр. объ этой охотѣ самъ Фридрихъ II составилъ книгу. Изъ породъ соколовъ болѣе другихъ цѣнился кречетъ. Король Филиппъ Августъ, потерявъ при осадѣ Аккона прекраснаго сокола этой породы, за доставку его тщетно предлагалъ туркамъ до тысячи золотыхъ ¹. Отправляясь на соколиную охоту, охотникъ несъ сокола на лѣвой рукѣ, защищенной отъ когтей птицы кожаной рукавицею. На голову сокола надѣвали клубочокъ а на ногу цѣпочку (фиг. 245. а. с. стр. 189). Для охоты выбирались преимущественно большія ловчія собаки (rüden), и малыя лягавыя собаки съ длинною шерстью, такъ называемыя (brache и breskin).

2. Рыболовные снаряды остались такіе же какъ въ прежнія времена, безъ замѣтныхъ измѣненій (стр. 114); но за то сельскохозяйственныя орудія отчасти усовершенствовались ². Такъ напр. на изображеніяхъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій плугъ не имѣетъ уже болѣе видъ простой сохи (ср. фиг. 150) ³, но снабженъ парюю колесъ и вообще искусно составленъ изъ нѣсколькихъ частей, лемеха, отрѣза (pfluoc-gesterze и pfluochoubet) и пр; его тащили одною или нѣсколькими парами воловъ, въ ярмѣ укрѣпленномъ на лбу (ср. фиг. 150). Въ числѣ сельскохозяйственныхъ орудій прибавилась кромѣ того и коса, впрочемъ въ Германіи она была принята не ранѣе какъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи.

VI. 1. Велѣдствіе незначительной потребности въ повозкахъ ⁴ для перемѣщенія людей изъ одного мѣста въ другое, доселѣ не было обращено особеннаго вниманія на улучшеніе перевозочныхъ средствъ. Несмотря на многочисленныя изображенія повозокъ за все время до начала четырнадцатаго столѣтія, въ устройствѣ ихъ выказываются положительно формы, частью древнеримскаго „carpentum“ ⁵, частью же древнеримской „carruca“, (отъ которой ведутъ свое начало французскія char, charrette, chariot, carrosse), т. е. формы двухъ-и четырехколесныхъ телегъ, съ четырехугольной

¹ J. Voigt. Die Falknerei der deutschen Ritter въ F. v. Raumer. Histor. Taschenbuch. 1830. стр. 298 и сл. F. Vogel. Gesch. der denkw. Erfindungen. Новая серія I. (1845) 172 и сл. F. v. Raumer. Gesch. der Hohenstaufen (2) V. стр. 425. — ² G. K. Anton. Gesch. der deutschen Landwirthschaft и пр. 1799. — ³ J. Strutt. Angletterre ancienne и пр. II. Таб. X, XXVI. M. Engelhard. Herrad и пр. стр. 96. Ch. Louandre et Hangard Maugé. Les arts sompt. I. XI siècle. Laboueurs et charpentiers; XII siècle. France, Laboueurs и пр. W. J. Hofdijk. Schets van de geschiedenis der Nederlanden. Amsterd. 1857 стр. 16 съ рис. и пр. — ⁴ Кромѣ помѣщ. Т. II. ч. 1. стр. 240. прим. 3 сочиненій, еще: Viollet-le-Duc. Dictionn. стр. 55. — ⁵ Вѣнш. бытъ напр. и пр. Т. I. ч. 2. стр. 475 и сл.

формы кузовомъ, утвержденнымъ непосредственно на осяхъ, отъ которыхъ проведено было дышло. Такому устройству повозокъ соответствовала и упряжь состоявшая почти только изъ хомута да постромокъ, невзирая на число лошадей, какихъ въ повозку впрягалось либо по парѣ въ рядъ, либо по двѣ пары одна позади другой, и въ этомъ случаѣ передняя пара прицѣплялась постромками къ вальку висѣвшему на самой оконечности дышла ¹. Лошадей погоняли либо бичомъ, либо шестомъ съ желѣзнымъ остреемъ ². Таково было общее устройство всѣхъ безъ исключенія повозокъ, и все различіе между товарными повозками и возками для людей, составляла единственно только внѣшняя ихъ отдѣлка, и потому послѣдніе нерѣдко отличались весьма роскошнымъ убранствомъ. Впрочемъ, хотя во всѣ времена существовали парадныя повозки для особоторжественныхъ случаевъ, но собственно только съ тринадцатаго столѣтія, и главнымъ образомъ во Франціи, начинаетъ вообще проявляться роскошь въ частныхъ экипажахъ. Такъ напр. именно въ это время, при Лудовикѣ прекрасномъ, придворнымъ дамамъ давались для отличія экипажи ³. Украшенія составляли рѣзба и роспись на наружныхъ стѣнкахъ кузова, потомъ болѣе или менѣе дорогіе ковры, коими сверху по обручамъ обтянуть былъ кузовъ на подобіе нынѣшнихъ телегъ покрываемыхъ парусиною, а внутри множество подушекъ для ослабленія толчковъ во время ѣзды. Понятно что и упряжь соответствовала остальному убранству, и что нерѣдко лошадей покрывали дорогими вышитыми коврами.

2. Кромѣ повозокъ были тоже постоянно въ употребленіи носилки ⁴ (портшезы), такойже формы какъ въ старину. Ими пользовались преимущественно больныя ⁵ и путешественники, предпочитавшіе этотъ способъ перемѣщенія ѣздѣ на лошади. По этому носилки состояли и теперь, подобно древнеримской „*lectica*“, и употребляемымъ донынѣ въ южныхъ странахъ „паланкинамъ“, изъ открытаго или завѣшаннаго коврами одра, снабженнаго у изголовья и въ ногахъ длинными раздвоенными на концѣ жердями, въ которыя становились носильщики или, для дальнихъ путешествій, впрягались обыкновенно по одной лошади спереди и сзади (ср. Т. II. ч. 1. 125 и сл. и 239 и сл.). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ погонщикъ шелъ возлѣ носилокъ съ бичемъ. И здѣсь тоже щегольство выказывалось преимущественно въ изящныхъ украшеніяхъ и дорогихъ завѣсахъ и подушкахъ.

VII. Какъ у византійцевъ, точно такъ и у западныхъ народовъ, до самаго конца четырнадцатаго столѣтія т. е. до того времени, когда всюду уже стало извѣстно употребленіе пороха, образцами для воинскихъ снарядовъ остались по прежнему древнеримскія метательныя орудія, подвижныя башни, тараны, защитительныя машины и пр. ⁶ (Т. II. Ч. 1. стр. 241), какъ объ

¹ M. Engelhard. Herrad и пр. атласъ таб. VI.—² Thietmar von Mersburg VII. гл. 11.—³ F. Beckmann. Gesh. der Erfindungen. T. I. III. 410. — ⁴ Визшн. 6. н. и пр. Т. II. ч. 1. стр. 240.—Viollet-le-Duc, стр. 187. таб. VI.—⁵ Thietmar. VI. гл. 41.—⁶ G. Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen II. стр. 241 и сл. F. v. Raumer. Gesh. der Hohenst. (2) V. 563. G. Klemm. Culturgesch. и пр. I. 493 и сл. J. Scheibele. Die gute alte Zeit и пр. I. 378. Viollet-le-Duc Essai sur l'architecture milit. и пр. Еромѣ. Diction. de l'arch. franç. O. H. Krieg von Hochfelden. Gesh. der Militär-Architectur in Deutschl. съ 137 пс. F. de Vigne. Vademecum du peintre etc. II.—Визшн. быть напр. и пр. Т. I. ч. 2. стр. 485.

этомъ свидѣтельствуютъ разбросанныя извѣстія за весь долгій періодъ до десятаго вѣка, а относительно разбираемаго нами времени, описаніе способа изготовленія помянутыхъ снарядовъ, помѣщенное въ обстоятельномъ изложеніи осады французскихъ городовъ, монаха Рише (Richer) ¹. Такъ мж. пр. этотъ авторъ, описывая одинъ воинскій снарядъ, который въ 938 году король Лудовикъ IV велѣлъ соорудить подъ стѣнами Лаона, говоритъ слѣдующее ²: „Онъ приказалъ изъ очень крѣпкихъ досокъ построить подмостки въ видѣ продолговатаго четырехугольнаго дома, въ которомъ могли помѣститься двѣнадцать человекъ. Стѣны были сложены изъ самаго крѣпкаго дуба, а крыша изъ плотно свитой плетени. Внутри онъ (король) поставилъ четыре колеса, дабы находившіеся тамъ люди могли свободно придвинуть машину къ самому замку. Крыша была не плоская но съ шипомъ, и двухскатная въ длину, дабы бросаемые въ нее камни могли удобно скатываться. Когда это сооруженіе было окончено, въ него тутъже посадили вооруженныхъ людей и придвинули къ стѣнѣ. Непріятель хотя и пытался разрушить машину бросая въ нее сверху камни, но его принудили отступить назадъ со стыдомъ и позоромъ разставленные кругомъ стрѣльцы. Когда такимъ образомъ машина была придвинута къ самому замку, устроили подкопъ и часть каменной стѣны обрушилась.“—Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель, описывая взятіе Вердена императоромъ Лотаріемъ въ 984 году, упоминаетъ о сооруженіи подвижной башни ³ въ слѣдующихъ словахъ: „Для сооруженія этой башни притащили высокіе дубы, срубленные у самаго корня. Четыре бревна, въ тридцать футовъ длины были положены на землю такимъ образомъ, что между двумя бревнами положенными рядомъ оставалось разстояніе въ десять футовъ, а два другія бревна утверждены были на нихъ подъ прямымъ угломъ и на такомъ-же разстояніи одинъ отъ другаго. Пространство заключенное между бревнами представляло стало быть площадь въ десять футовъ въ длину, и десять въ ширину, а концы бревенъ у каждаго угла выступали тоже на десять футовъ. Въ томъ мѣстѣ гдѣ связаны были эти балки, поставили посредствомъ подъемныхъ снарядовъ четыре столба въ сорокъ футовъ вышины каждый, которые, стоя отвѣсно и на одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго составляли высокій четырехугольникъ. Затѣмъ въ двухъ мѣстахъ, сверху и посерединѣ, провели ко всѣмъ четыремъ сторонамъ поперечныя балки въ десять футовъ длины, и такимъ образомъ связали крѣпко другъ съ другомъ всѣ четыре столба. Потомъ, съ окончностей бревенъ на которыхъ утверждены были столбы, провели четыре косыя подпоры въ самые столбы и немного ниже верхнихъ перекладины, дабы придать больше устойчивости срубѣ. Послѣ этого, на перекладины связывавшія столбы вверху и посерединѣ, положили настилку изъ крѣпкихъ досокъ, которую всю покрыли плетенью дабы на ней могли стоять ратники и оттуда метать копьѣ и камни на непріятеля. Когда эта машина была совсѣмъ готова,

¹ Ср. объ осадѣ Comminges въ 585 г. Gregor von Tours VII. 37, потомъ объ осадѣ Tortosa при Лудовикѣ благочестивомъ въ 811 «Das grössere Leben Kaiser Ludwigs гл. 16», и въ нему: Jahrbücher von Fulda на 894 и 896 г. и наконецъ, объ осадѣ Париза Норманнами въ 885 г. Turanne. Le siège de Paris par les Normands traduit du latin d'Alboin avec le texte en regard, Paris 1850, потомъ и Н. de Moynier. Le siège de Paris 885—886. Paris 1851.—² и ³. Richer. II, гл. 10 и III. гл. 105 и 106.

наши хотѣли-было придвинуть ее къ стѣнамъ, но убоясь разставленныхъ по стѣнамъ стрѣльцовъ, стали приискивать средства приблизиться къ непріятелю не подвергаясь опасности. По долгомъ соображеніи, придуманъ былъ дѣйствительно отличный способъ придвинуть башню къ стѣнѣ. Съ этой цѣлью было приказано вкопать въ землю четыре бревна необычайной крѣпости, такимъ образомъ, чтобы они на десять футовъ углубились въ землю, а на восемь торчали изъ нея. Эти бревна приказано было связать по всѣмъ четыремъ сторонамъ посредствомъ самыхъ крѣпкихъ поперечныхъ балокъ и послѣ обмотать канатами, одинъ конецъ которыхъ долженъ быть проведенъ по направленію противоположному непріятелю, а другой прикрѣпленъ къ башнѣ. Къ свободному концу канатовъ припрячь воловъ, такъ чтобы башня пришлась между непріятелемъ и волами, и тогда достигнется то, что по мѣрѣ того какъ волы будутъ отдаляться отъ стѣны, башня будетъ придвигаться къ ней все ближе и ближе. Благодаря этому изобрѣтенію башня, подъ которую въ добавокъ подвели деревянные катки, была придвинута къ непріятелю безо всякаго вреда для людей.¹—Этотъ же монахъ¹, въ изображеніи осады Лаона веденной Гугономъ Капетомъ въ 987 г. описываетъ устройство одного стѣнопроломнаго снаряда или тарана: „Для этого были утверждены четыре столба необыкновенной крѣпости и длины въ отвѣсномъ положеніи по одному на каждомъ углу продолговатаго четырехугольника. На самомъ верху и непосредственно надъ землею, ихъ связали поперечными балками со всѣхъ четырехъ сторонъ. Посерединѣ были поперечины только справа и слѣва. Вверху на перекладинахъ коими соединялись столбы, были утверждены два бруса такимъ образомъ, что между ними оставался совершенно свободный промежутокъ, равный одной трети разстоянія между столбами вверху. Черезъ эти бруссы были перекинуты канаты, на которыхъ висѣла коромысломъ балка съ очень толстымъ, заостреннымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Посерединѣ и на концѣ этой балки прикрѣплены тоже канаты, помощью коихъ нѣсколько рабочихъ, то притягивая, то отдавая канаты, раскачивали эту окованную желѣзомъ массу. И вотъ почему этотъ снарядъ прозванъ былъ тоже-бараномъ, ибо, подобно этому животному, когда его тянутъ назадъ, онъ стремится впередъ съ страшною силою, и нѣтъ другаго снаряда болѣе дѣйствительнаго чтобы совершенно разрушить стѣну, какой бы крѣпости она ни была. Подъ этимъ снарядомъ устроили три колеса треугольникомъ, дабы удобнѣе было передвигать его по произволу. Но такъ какъ не легко было подступить къ городу, находящемуся на довольно значительной горѣ, то и снарядъ нельзя было употребить въ дѣло.“ — Наконецъ, этотъ же писатель упоминаетъ, хотя и вскользь, объ орудіяхъ для метанія камней и другихъ метательныхъ снарядахъ², приступныхъ лѣстницахъ³, окованныхъ желѣзомъ ударныхъ шестахъ⁴, абордажныхъ крюкахъ⁵ и т. п.

Насколько въ теченіе времени усовершенствовались эти орудія, кои мж. пр. употреблялись въ дѣло также при осадѣ Пресбурга въ 1052 до 1053

¹ Richer. VI. гл. 22. — ² Richer. II. гл. 9. III гл. 104. «стрѣлы, метательныя ядра и пр. летали какъ градъ по воздуху, точно какъ будто падали съ облаковъ или ихъ извергала земля.»—³ Helmold. Chronik. гл. 19.—⁴ и ⁵ Richer. III. гл. 103. и 107.

г., невозможно въ точности опредѣлить, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ увеличеніемъ числа укрѣпленныхъ мѣстъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, развивалось тоже и устройство различныхъ оборонительныхъ и наступательныхъ орудій. Укрѣпленія, въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія отчасти настолько уже были усовершенствованы, что осаждавшіе нерѣдко принуждены бывали воздвигать контръукрѣпленія, даже изъ камня, и обширныя стѣны, съ расположенными между ними осадными башнями ¹. Крестовые походы въ особенности въ значительной степени содѣйствовали развитію этой части военного искусства. Такъ мж. пр. когда во время осады Іерусалима (въ 1099 г.), ² у осаждавшихъ оказался недостатокъ матеріала и рабочихъ силъ для устройства осадныхъ снарядовъ, генуэзскій флотъ имъ доставилъ необходимыя желѣзныя орудія и пр. и тоже „искусныхъ мастеровъ, весьма свѣдущихъ въ составленіи и установленіи подобныхъ машинъ“, послѣ чего дѣло пошло быстро впередъ. Орудія эти и снаряды заключались главнымъ образомъ въ сильныхъ метательныхъ машинахъ, турахъ для прикрытія стрѣльцовъ, и преимущественно въ подвижныхъ башняхъ. При этомъ оказались весьма дѣйствительными подкопы подведенные подъ непріятельскія стѣны.

На основаніи сказаннаго нами и также другихъ извѣстій позднѣйшаго времени оказывается, что вышеназванные осадные снаряды по большой части составлялись и устраивались уже на самомъ мѣстѣ осады. Такъ напр. при взятіи Пяуне въ 1066 г., славяне соорудили различныя осадныя орудія ³. Тоже самое было и при Диминѣ и Дубинѣ ⁴, потомъ и подъ Миланомъ, во время осады этого города Фридрихомъ I (1158 — 1162), ⁵ и наконецъ при Вурлѣ или Верлѣ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, герцогъ ⁶ „изъ сосѣдняго лѣса велѣлъ привести деревья для построенія военной машины, подобной тѣмъ, устройство которыхъ онъ видѣлъ въ Кремонѣ и Миланѣ. Это были весьма сильныя машины. Изъ нихъ одна, состоявшая изъ нѣсколькихъ ярусовъ назначалась для проламыванія стѣнъ; другая была значительно выше и устройствомъ походила на башню; она возвышалась надъ крѣпостными стѣнами, такъ что съ нея можно было метать стрѣлы въ непріятеля собиравшагося за оградой“. Впрочемъ, и здѣсь дѣло рѣшило подкопъ устроенный подъ стѣною, и благодаря которому стѣна вскоре обрушилась.

Изъ сказаннаго видно, что войско осаждавшее какое либо укрѣпленіе, брало или везло съ собою совѣмъ готовыми лишь мелкія орудія, какъ то, лѣстницы, крюки и т. п. да развѣ еще метательныя орудія. Эти послѣднія, безъ сомнѣнія, были тоже сначала заимствованы отъ древнихъ римлянъ, и потому, устройствомъ своимъ соотвѣтствовали обычнымъ у нихъ могучимъ лукамъ, аркубаллистамъ, манубаллистамъ, катанультамъ или скорпіонамъ, баллистамъ и пр. ⁷, хотя въ продолженіи времени всѣ эти орудія были усовершенствованы. Вопреки постановленію, изданному на второмъ латеранскомъ соборѣ въ 1139 году ⁸—„запрещающему, подъ страхомъ изгнанія, вредъ употреб-

¹ Подробности у Н. von Hochfelden въ прив. соч. стр. 360 и сл.—² E. Gibbon. гл. LVIII.—³ ⁴ ⁵ и ⁶ Helmold. Chronik der slaven. гл. 25.—гл. 65.—гл. 86.—гл. 92.—

⁷ Вѣшн. бытъ напр. Т. I. ч. 2. стр. 485.—⁸ F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst. (2) v. 563.

лять противъ христіанъ католиковъ подобныя смертоносныя и богопротивныя метательныя снаряды, бросающіе стрѣлы“ и пр. всѣ эти орудія остались по прежнему въ ходу преимущественно въ Италіи. Хотя свѣдѣнія какія мы имѣемъ объ ихъ устройствѣ и послѣдовательныхъ усовершенствованіяхъ вообще недостаточны, тѣмъ не менѣе можно съ достовѣрностью принять, что подобно древнеримскимъ снарядамъ и они тоже состояли главнымъ образомъ изъ орудій различной величины, напрягаемыхъ помощью тетивы и частью похожихъ на самострѣлы на колесахъ, частьюже, имѣвшихъ форму метательныхъ ящичковъ ¹ необыкновенной силы, изъ коихъ бросали весьма тяжёлые бочѣнки наполненные горючими веществами, тяжёлые балки обсаженные гвоздями и даже камни такой величины, что ихъ поднимали четверо. Когда императоръ Алексѣй въ 1203 г. укрѣпился въ Византіи ², „онъ поставилъ кругомъ на валу города машины, какихъ дотодѣ никто еще не видалъ (?). Стѣна была необыкновенной толщины и значительной вышины; на ней стояли очень высокія башни, одна отъ другой на разстояніи приблизительно пятидесяти футовъ. Между каждыми двумя изъ этихъ башенъ, со стороны моря откуда опасались нападенія, было воздвигнуто по деревянной башнѣ о трехъ до четырехъ ярусахъ, возвышавшихся надъ стѣною и съ значительнымъ числомъ ратниковъ. Затѣмъ, между каждыми двумя башнями было поставлено по машинѣ для бросанія камней (petraria), а надъ воротами соорудили очень высокія шестиярусныя башни, и отъ верхняго яруса устроили къ намъ лѣстницы съ перилами и парапетами. Верхній конецъ лѣстницъ былъ такъ высокъ, что до него могла долетѣть только пущенная съ силою стрѣла. Вокругъ всей стѣны были проведены другая стѣна не столь высокая, да еще двойной ровъ, дабы воспрепятствовать непріятелю полвести скрытно какія либо осадныя машины“.

Съ начала тринадцатаго столѣтія и одновременно съ быстрымъ развитіемъ науки объ укрѣпленіяхъ, стали все чаще употребляться метательныя орудія. Судя по сохранившимся описаніямъ сраженій того времени, одно изъ первыхъ мѣстъ въ нихъ занимали постоянно вышеназванные снаряды, которые частью употреблялись какъ самостоятельный родъ оружія, частьюже болѣе или менѣе въ связи съ другими военными снарядами, подвижными башнями и пр. Въ первомъ изъ приведенныхъ случаевъ, эти метательныя орудія устанавливались нерѣдко на нарочно устроенныя высокія насыпи или бастіоны. Такъ мж. пр. рассказываютъ ³, что во время осады какого-то мѣста, — „на семидесятидвухъ телегахъ подвозились безостановочно камни для метательныхъ снарядовъ, и что четыре = „Bleiden“ и нѣсколько = „Mangen“ были безпрерывно въ дѣйствиіи днемъ и ночью, пока не обрушились бойницы и башни на обводной стѣнѣ“; затѣмъ упоминается еще о какихъ-то метательныхъ орудіяхъ = „Tummegegn“, = „противъ дѣйствія которыхъ трудно устоять какимъбы то нибыло стѣнамъ“, и потомъ о башняхъ, называемыхъ „Ebenhoch“, на которыя тоже ставились метательныя орудія ⁴.

¹ См. изобр. у М. Engelhard. Ritter von Stauffenberg. 1823 (стр. 97) таб. XXV. F. v. Aufsess и Mone. Anzeiger zur Kunde deutscher Vorzeit V. таб. III. (въ 1220) и F. v. der Haagen. Die Schwanensage. Berlin. 1848. таб. III. — ² Arnold von Lübeck. VI гл. 20 стр. V. гл. 4 и VI. гл. 17. — ³ и ⁴ Ottokar von Horneck и пр. гл. 691 и 311.

Въ продолженіе этогоже періода сталъ также мало-по-малу выходить изъ употребленія прежній способъ изготавлять военныя орудія и снаряды на самомъ мѣстѣ гдѣ велась осада, взамѣнъ чего теперь подвозились уже всѣ отдѣльныя части вполне готовыми, такъ что ихъ приходилось только собирать, чѣмъ однако не мало замедлялось движеніе войска ¹. Оттокаръ богемскій отправляясь въ послѣдній походъ противъ венгровъ ², везъ съ собою обозъ изъ четырехсотъ телегъ, нагруженныхъ исключительно только осадными принадлежностями, которыя „легко собирались и разбирались“. Точно такъ и Генрихъ бреславскій, при сравнительно малочисленномъ отрядѣ своемъ, имѣлъ однакоже обозъ, состоявшій изъ ста телегъ съ осадными принадлежностями ³. Такого рода обозъ носилъ въ то время въ Германіи общее названіе—*Antwerk*; о разнообразіи входившихъ въ него отдѣльныхъ частей свидѣлствуютъ обычныя въ ту пору наименованія различныхъ орудій и снарядовъ, какъ то: *dribock*, *mangen*, *igel*, *katzen*, *pfeträre*, *ebenhoe* (*geschütze*), *pfedelere* (*gedilde*), *hamiden* и пр. ⁴.

Противъ этихъ осадныхъ орудій, въ числѣ коихъ *Pfeträre* (*Pfedelere*, *Peteräre*, *Petraria*, *Pierrier*), означалъ снарядъ для бросанія камней, а *Dribock* стѣнопроломное орудіе или таранъ, осаждаемые старались всячески себя защитить ⁵. Къ главнѣйшимъ оборонительнымъ орудіямъ принадлежали туры, хворостяныя корзины наполняемыя землею, штурмовыя стѣны устроенныя подъ острымъ угломъ ($<$), развѣшанные вдоль по стѣнамъ мѣшки набитые стѣномъ и т. под. Для разрушенія осадныхъ снарядовъ они пускали въ дѣло камни, желѣзные крюки, лапы и горючія вещества. Съ этою цѣлью пользовались въ особенности „греческимъ огнемъ“, или какъ его называютъ нѣкоторые писатели позднѣйшаго времени, — „языческимъ, бѣшеннымъ огнемъ“ (ср. Т. II ч. 1. стр. 125 и 241).

Палатки для нижнихъ чиновъ состояли изъ легкаго остова покрытаго цыновками или грубою тканью, или просто изъ лиственныхъ шалашей; а для высшихъ чиновъ нерѣдко изъ дорогихъ цвѣтныхъ и даже вышитыхъ матерій и пр. Подобная, весьма роскошная палатка мж. пр. была подарена Фридриху I королемъ Белою. Это былъ пурпуровый куполъ завѣшанный коврами ⁶. Палатки впрочемъ были всѣ или конусообразной формы иногда съ шаромъ вверху ⁷, или двухскатныя ⁸, и постоянно, какъ и нынѣ, прикрѣплялись къ землѣ помощью веревокъ.

О роскошномъ убранствѣ такъ называемыхъ знаменитыхъ колесницъ, коимъ въ особенности въ Италіи приписывали охраняющую силу, было уже подробно говорено выше (стр. 255).

VIII. 1. Когда, приблизительно въ четвертомъ вѣкѣ, церкви удалось почти повсюду ввести погребеніе взамѣнъ языческаго обычая сожиганія умершихъ,

¹, ² и ³ *Ottokars von Horneck. Zeitbuch* (у Th. Schacht. стр. 338). — гл. 310. — гл. 92. — гл. 217; ср. гл. 310. — ⁴ *Willehalm*. 111. 1. — *Lied von Troye*. 14163. — ⁵ F. v. Raumer. *Gesch. der Hohenst.* (2) V. 565. — ⁶ *Arnold von Lübeck*. III. 30. См. къ нему описаніе роскошныхъ шатровъ у язычниковъ у *Willehalm*. 316. 25. — ⁷ F. Kugler. *Kleine Schriften*. I. 46. (въ «*Eneidts*»). — ⁸ Ch. Louandre et Mangard-Maugé. *Les arts sompt.* I. France XII et XIII siècles и пр. № 8. H. v. d. Hagen. *Über die Gemälde etc.* II. таб. II.

вся погребальная утварь ¹ ограничивалась главнымъ образомъ носилками и гробомъ (Т. II. ч. 1. стр. 128) ².—Носилки во все времена были такого же устройства какъ употребляемые нынѣ, и развѣ только отличались отъ нынѣшнихъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. при погребеніи особоуважаемыхъ покойниковъ, ихъ увѣшивали болѣе или менѣе роскошными покрывами. Потомъ, покойниковъ не всегда носили въ могилу особо назначенные для этого носильщики, но ихъ иногда возозили на лошадяхъ или мулахъ ³. Умершій полагался либо просто на носилки, либо въ гробу ⁴. На него надѣвали обыкновенно саванъ, или его облакали, какъ напр. Сигфрида ⁵ въ „богатыя шелковыя одежды“, иногдаже, согласно послѣдней его волѣ, въ какое либо особое одѣяніе. Такъ мж. пр. Беривардъ гильдесгеймскій (стр. 332), завѣщалъ строго „чтобы его не хоронили съ почестями подобающими его сану и не въ мантии, но во вретнищѣ“ ⁶. Рыцарей хоронили съ шлемомъ и щитомъ, иногда и во всехъ доспѣхахъ; лицъ духовнаго званія въ ихъ облаченіяхъ, королей и князей перѣдко такимъ же образомъ (стр. 207 и сл.). Въ послѣдствіе времени нѣкоторые духовные ордена сумѣли убѣдить мірянъ, что для спасенія души весьма полезно быть предану землѣ въ ихъ орденской одеждѣ, вслѣдствіе чего многіе знатные поситшали воспользоваться предлагаемою ими милостью, платя за нее значительныя деньги (стр. 291).

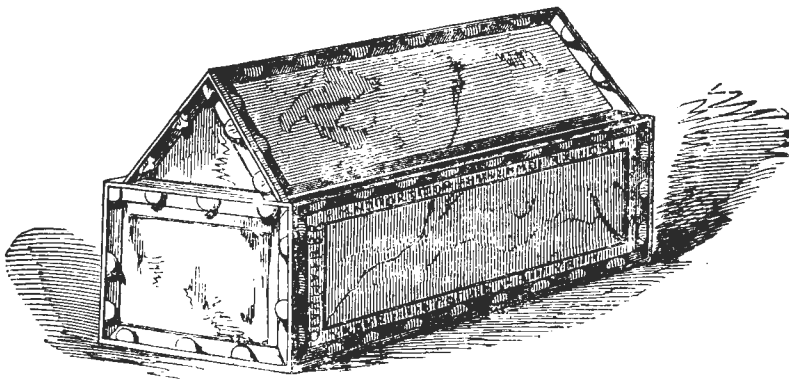
2. а. Гробы въ которыхъ предавались землѣ умершіе, смотря по состоянію какимъ послѣдніе обладали при жизни, были частью простые деревянные ящики, частью деревянные же но понаряднѣе, частью же каменные или металлическіе, и отличались болѣе или менѣе изящною отдѣлкою ⁷.—Изъ деревянныхъ гробовъ самыми древнѣйшими были долбленные изъ колоды, эта форма удержалась и въ позднѣйшее время. Одна половина колоды выдабливалась для принятія тѣла, другая служила крышею. Кромѣ этихъ простыхъ вмѣстилищъ, коихъ нѣсколько экземпляровъ найдено было въ Оберфлахтскихъ могилахъ въ Швабіи, были открыты тамъ же гробы формою похожіе на кровати и вложенные въ ящики (фиг. 297 и сл.). Въ послѣдствіи, если даже не ранѣе еще, деревяннымъ гробамъ предпочтительно давали форму изстари обычную для каменныхъ гробовъ, продолговато-четыреугольнаго ящика съ двухскатною крышею (ср. фиг. 82).

б. Для каменныхъ „саркофаговъ“ выбирали по прежнему либо песчаникъ, либо мраморъ, но иногда и болѣе цѣнный матеріалъ, порфиръ, гранитъ, базальтъ и т. п. Когда собрались предать могилѣ тѣло Сигфрида ⁸,—„повелѣно было кузнецамъ изготовить гробъ изъ серебра и золота и окоевать его стальными полосами“.

¹ Arthur Murcier. Les Sépultures chrétiennes и пр. «Inhumations» и пр. въ Didron Annales XIV стр. 153; X. 38 и сл. G. Klemm. Cultur-Gesch. и пр. I. 203 и сл. W. Augusti. Handbuch der christl. Archäol. III. 556.—² W. Augusti въ прив. соч. стр. 286 ср. J. Grimm. Über das Verbrennen der Leichen. стр. 29.—³ F. Kugler. Kleine Schr. и пр. I. 46 (въ «Enciclo»). — ⁴ Didron. Annales и пр. IV стр. 22 (съ рис.) — ⁵ Nibelungen. 4216; ср. 4212. — ⁶ Leben des Bischof Bernward von Hildesheim гл. 55 потомъ и описаніе погребенія импер. Оттона III у Thietmar von Merseburg. IV. гл. 33.—⁷ Покойниковъ и въ позднѣйшее время не всегда хоронили въ гробахъ, и даже тѣла знатныхъ полагались иногда на простую доску и въ такомъ видѣ предавались землѣ; ср. M. Gerber. Crypta S. Blasiana nova Principum austriacorum St. Blas. 1785. См. противъ этого: «Jahrbücher von Fulda» за 857 годъ.—⁸ Nibelungen. стихъ 4165.

Самые простѣйшіе изъ такихъ каменныхъ гробовъ состояли обыкновенно изъ не очень высокой плиты, немного суживавшейся къ ногамъ и выдолбленной соразмѣрно величинѣ тѣла покойника. Углубленіе представляло съ боковъ прямые края, а въ головахъ полусферическую выемку; крышка была болѣе или менѣе высока. Подобный гробъ изъ краснаго песчаника, съ отверстіемъ посерединѣ для стока влаги, приблизительно двѣнадцатаго столѣтія, былъ извлеченъ изъ земли въ церкви св. Маврікія въ Галлѣ на Салѣ ¹. Другіе каменные гробы въ этомъ же родѣ, но немного повыше и съ крышками возвышающимися у изголовья, открыты въ одномъ склепѣ соборной церкви въ Троа ². Впрочемъ, всю разницу между деревянными и каменными гробами составляли, кромѣ матеріала, главнымъ образомъ только размѣры и отдѣлка. Не говоря о матеріалѣ и объемѣ, кои понятны обуславливались средствами и прихотью заказчиковъ, въ остальномъ, какъто, отдѣлкѣ и орнаментациі, придерживались преимущественно христіанскихъ воззрѣній, и потому на крышкѣ гроба, въ головахъ, помѣщалось большею частью релье-

Фиг. 332.

ефное изображеніе креста съ эмблемами званія покойника ³. Боковыя стѣнки, напротивъ, украшались безъ всякихъ символическихъ намековъ обыкновенно колонками съ полукруглыми, либо готическими арками, соответственно стилю даннаго времени. Впрочемъ, въ отношеніе внѣшней отдѣлки гробовъ, отнюдь не всегда соблюдалось извѣстное правило, такъ напр. въ соборѣ въ Паренцо хранится гробъ 1247 года, онъ весь мраморный, на немъ вырѣзана только надпись, а края украшены изящною листовною каймою (фиг. 332).

3. Покойниковъ въ гробу или безъ гроба, при отпѣваніи, выставленіи и перенесеніи въ могилу покрывали обыкновенно болѣе или менѣе богато вышитыми погребальными покрывами ⁴. Такой обычай, безъ сомнѣнія, очень древній, представленъ даже въ вышитомъ изображеніи погребенія короля Эдварда на „Байѣскихъ обояхъ“.— Фонъ такихъ погребальныхъ по-

¹ H. Otte. Handbuch и пр. стр. 43 съ рис.—² B. Arnaud. Notices sur les objets и пр. Troyes 1844, у L'abbé Cochet. La Normandie souterraine и пр. (2 изд.) стр. 467 съ рис.—³ Ср. рис. у Didron. Annales XV. стр. 45.—⁴ Viollet-le-Duc. Dictionn. и пр. стр. 96.

крововъ чернаго цвѣта, шитье большею частью золотое и серебряное. Въ познѣйшее время, начиная съ конца двѣнадцатаго столѣтія, на нихъ часто вышивались гербъ умершаго и вдоль по серединѣ большой, широкій крестъ бѣлаго цвѣта. Вообще, съ того времени роскошь при погребеніи знатныхъ, преимущественно въ Италіи, стала до такой степени возрастать, что противъ нея многократно хотя и тщетно, издаваемы были строгія предписанія. Къ разряду подобныхъ выставленій покойниковъ слѣдуетъ причислить обычай существовавшій въ Болоньѣ ¹, выставлять гробъ на помостѣ посреди улицы, вокругъ коего расположены были скамьи, обитыя чернымъ сукномъ и на которыхъ сидѣли всѣ родственники умершаго для принятія изъявленій соболѣзнованія. Поѣздъ трогался съ мѣста только по прибытіи духовенства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Народы западной Европы ².

(Французы, Англичане, Испанцы.)

Сходство какое представляютъ картинныя изображенія и прочія повѣствованія о вышеназванныхъ трехъ народахъ, съ памятниками подобнагоже рода

¹ Fr. Raumer. Gesch. der Hohenstaufen (2) VI. 727.

² Здѣсь слѣдуетъ прежде всего указать на сочиненія приведенныя на страницѣ 118 въ примѣчаніи подъ I. О костюмѣ въ средніе вѣка вообще, и на сочиненія F. de Vigne, Vademecum, H. Shaw, R. Jacquemin и другихъ, показанныя въ томъ же примѣчаніи въ концѣ слѣдующей (119) страницы. Затѣмъ укажемъ въ особенности—I. Для Франціи: J. Malliot et P. Martin. Recherches sur les costumes etc. Paris. 1804. (Нѣмецкое изданіе: Gallerie der Sitten, Geräthschaften и пр. Strassburg u. Paris. 1812). H. Lecomte. Costumes civils et milit. и пр. depuis 1200 jusqu'à 1820. Paris. 1820. N: X. Willemin. Monuments français inédits и пр. Paris 1839. 2 T. in folio. J. Herbé. Costumes français civils, militaires et religieux и пр. Paris 1840. A. Debay. Les modes et les parures и пр. Paris. 1857. — II. Для Англіи: J. Strutt. Horda Angel Cynan. London. 1774—76. 3 тома. Еро же Regals and Ecclesiastical Antiquities. Lond. 1773—93 (новое изд. Lond. 1842). Еро же: L'Angleterre ancienne и пр. (переводъ съ англ.) Paris. 1789. 2 тома. Еро же: Dresses and habits of the people of England. London. 1796—99 (новое изд. Lond. 1842). H. Smith. Selections of the ancient costume of Great Britain and Ireland from the 7 th to the 16 th cent. Lond. 1814. S. R. Meyrick and C. H. Smith. Costume of the Original Inhabitants of the British Islands. London. 1821. J. Carters ancient Sculpture and painting now remaining in England и пр. London. 1838. G. Knights pictorial History of England и пр. Lond. 1838. Ch. Martin. The civil Costume of England from the conquest to the present time, и пр. London. 1842. Th. Hollis. The monumental effigies of Great Britain. London. 1840. C. Boutell. The monumental brasses of England and Wales. Еро же: Christian Monuments in England and Wales. G. Stothard. Monumental effigies in Great Britain. Lond. 1817. G. Cotmans. Sepulchral brasses in Norfolk and Suffolk. Lond. 1838. J. R. Planché. British Costume. A complete History of the dresses of the inhabitants of the British Islands. London. 1849. T. A. Day and J. B. Dines. Illustrations of Mediaeval costume of England. London. 1852. J. O. Westwood. The Miniatures and Ornaments of Anglo-Saxon and Irish manuscripts. Oxford. 1862 и сл.—III. Для Испаніи: Don Valentin Carderera. Iconografia espanola ò coleccion de retrates, estatuas, mausoleos y demas monumentos ineditos de Reyes, Reynas, Grandes, Capitanes, Escriitores y otros personajes celebres de la nacion, desde el siglo XI hasta el XVII. Madrid. 1858 и сл. въ большой листъ. D. Fiorillo. Geschichte der zeichnenden Künste IV (Geschichte der Malerei in Spanien). Götting. 1806, на страницѣ 1 и сл. говорить о многихъ миниатюрныхъ рукописяхъ 10-го вѣка, и сл. но мнѣ неизвѣстны рисунки съ нихъ.

и принадлежащими изслѣдованнымъ нами выше племенамъ, ясно свидѣтельству о совершенной одинаковости развитія бытовыхъ отношеній на западѣ. Сказанное между тѣмъ нисколько не относится исключительно только къ церковнымъ предметамъ ¹, для которыхъ дѣйствительно установлены были опредѣленные правила, но вполне примѣнимо, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя мѣстныя особенности, и ко всему что касалось до воинской одежды, вооруженія и утвари ², и всѣхъ вообще предметовъ внѣшней обиходной жизни. Въ какой мѣрѣ такая одинаковость дѣйствительно выражалась въ бытовыхъ отношеніяхъ франковъ, бриттовъ и испанцевъ, по крайней мѣрѣ еще до осьмого столѣтія, мы уже показали въ предъидущей главѣ ³; точно такъ тамъ же мы указали и на то, что начало народнаго развитія у всѣхъ этихъ племенъ, было почти безъ исключенія одинаковое, и основывалось главнымъ образомъ на постепенномъ усвоеніи ими древнеримскихъ обычаевъ и учреждений. Вслѣдствіе этой общности бытовыхъ началъ, и всюду одинаково дѣйствовавшаго вліянія духовенства, дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній и образованія вообще, получило равномерное направленіе, отразившееся также на всемъ что касалось внѣшняго быта. И хотя, въ чисто государственномъ отношеніи, сказанное примѣнимо собственно только къ Франціи и Англіи, и притомъ же только къ времени до одиннадцатаго столѣтія, за то какъ тамъ, такъ и въ самой Испаніи, (несмотря на то что этою страну, начиная съ осьмага вѣка владѣли арабы), для культурнаго развитія были уже положены начатки, и стало-быть была и подготовлена твердая почва для свободнаго развитія условій и отношеній внѣшняго быта этихъ народовъ.

Въ ряду государствъ, Германія ранѣе другихъ приобрѣла самостоятельное положеніе въ Европѣ. Въ то время какъ Франція раздѣлена была на мелкія ленныя княжества, а сѣверная часть ея (съ 912 года) находилась все еще во власти норманнскихъ завоевателей; въ то время какъ въ Англіи за обладаніе опустошенныхъ областей спорили саксы, англѣ, фризы, потомъ (съ 1016 года) и датчане, наконецъ (съ 1066 года) нормандцы изъ Нормандіи, а Испанія, подъ властью враждовавшихъ другъ противъ друга арабовъ, распадалась на множество отдѣльныхъ королевствъ,—въ это время германцамъ удалось возвыситься на степень могущественнаго народа, сплоченнаго энергическою рукою первыхъ государей изъ саксонскаго дома, Генриха I и Оттона I (ср. стр. 125 и 131). Благодаря могучему положенію, которое завоевали себѣ германцы цѣною многихъ и кровавыхъ битвъ, они стали положительно передовымъ народомъ на западѣ, такъ что все что вырабатывалось ими по части бытовой жизни и обычаевъ, мало-по-малу становилось достояніемъ всѣхъ. Пока Германія играла первенствующую роль на западѣ положеніе это не измѣнялось; но когда, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ при императорѣ Генрихѣ IV, и борьбы Гогенштауфеновъ за обладаніе Италіею, государство это, съ воцареніемъ Фридриха I (въ 1152 году), низведено было съ его прежняго величія (стр. 127 и сл.), мѣсто за-

¹ Литературу см. выше стр. 257. прим. 1.—² Литературу см. выше стр. 220. прим. 1. сравни кстати стр. 304. прим. 1.—³ См. стр. 140 и сл. 155 и сл. а относит. вооруженія см. стр. 220.

нимаемое имъ, и роль которую оно играло перешли къ Франціи, и эта послѣдняя держава въ свою очередь стала на западѣ законодательницею. По отношенію къ различнымъ сторонамъ бытовой жизни поворотъ этотъ являетъ лишь ту особенность, что при господствѣ французовъ, преобразованія и нововведенія принимались успѣшнѣе и скорѣе, чѣмъ во время преобладанія Германіи. Впрочемъ, въ это время и внѣшнія обстоятельства болѣе способствовали быстрѣйшему распространенію и усвоенію всего новаго, такъ напр. такому взаимному обмѣну содѣйствовали въ значительной степени, съ одной стороны, крестовые походы, въ которыхъ приняли участіе почти всѣ западныя государства; съ другой стороны, относительно Франціи и Англіи въ особенности, болѣе тѣсное сближеніе этихъ государствъ, вслѣдствіе родственныхъ союзовъ между обоими царственными домами. Такъ мж. пр. вслѣдствіе брака Генриха II короля англійскаго, графа Анжускаго, съ Элеонорою, наслѣдницею Поату, Гюенны и Гасконьи въ 1154 году, одна изъ прекраснѣйшихъ областей наиболѣе развитой въ умственномъ отношеніи южной части Франціи, Аквитаніи ¹, была подчинена Англіи на цѣлые вѣка ²; потомъ, сближеніе этихъ двухъ странъ стало еще тѣснѣе вслѣдствіе двойнаго брака заключеннаго въ 1298 году, между Эдуардомъ I англійскимъ и сестрою Филиппа IV французскаго, и сыномъ перваго, принцемъ Уэльскимъ, и дочерью тогоже Филиппа ³. Несмотря на то что въ Испаніи, послѣ основанія въ ней отдѣльныхъ мавританскихъ королевствъ, внутреннія отношенія вообще приняли другой, болѣе замкнутый характеръ, тѣмъ не менѣе однако, между христіанскими королевствами Испаніи и прочими западными государствами сохранилось живое общеніе, благодаря которому испанцы не остались въ сторонѣ отъ общаго культурнаго движенія. Впрочемъ, судя по терпимости, какую выказывали арабскіе владыки въ обращеніи съ побѣжденными, надо полагать, что и ихъ затронуло отчасти общее стремленіе, тѣмъ болѣе что они не только старались перенимать нѣкоторыя учрежденія христіанъ, но даже ввѣряли христіанамъ высшія гражданскія должности. Однако, и здѣсь тоже небыло недостатка во внѣшнихъ причинахъ, содѣйствовавшихъ обобщенію и распространенію новыхъ понятій и обычаевъ, такъ мж. пр., не говоря объ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ, укажемъ на многократныя вторженія норманновъ, въ особенности въ западныхъ приморскихъ областяхъ; затѣмъ и на болѣе тѣсное сближеніе Кастильи (1154 года) а потомъ и Наварры съ Франціею: въ заключеніе слѣдуетъ сюдаже привести и возбужденный папою (хотя уже въ 1211 году), крестовый походъ противъ арабовъ, продолжавшійся цѣлый годъ, и въ которомъ приняли участіе до вось-

¹ «Вообще въ этой прекраснѣйшей изъ всѣхъ странъ, точно такъ какъ и въ ломбардской провинціи италіянскаго королевства, гражданское сословіе весьма рано счумѣло возвыситься до понятія о гражданской чести, общественномъ образованіи, и нравственныхъ добродѣтеляхъ. Еще въ 1200 году провенсальскій поэтъ Арно де Марвель, восхваляетъ всеобщее уваженіе, какимъ пользовалось на югѣ Франціи сословіе гражданъ, для котораго открытъ былъ доступъ ко двору, въ танцевальныя собранія и на турниры». D. Hüllmann. *Städtewesen des Mittelalters* I. стр. 210; ср. кроме того: Agibert. IV. 379. объ одеждѣ въ южной части Франціи. — ² Сравни о вліяніи этого союза на искусства K. Schnaase. *Gesch.* V. 89 и сл. — ³ Послѣдствіемъ этого союза было введеніе французскаго языка въ парламентъ, гдѣ онъ оставался въ употребленіи до 1215 года. F. C. Dahlmann. *Gesch. der engl. Revolution* изд. 3. 1844. стр. 8 и сл. Ср. R. Planché. *British Costume*. стр. 113.

мидесятитысячъ рыцарей изъ Италіи, Германіи и Франціи. Какъ бы то ни было впрочемъ, но уцѣлѣвшіе донинѣ памятники христіанскаго населенія Испаніи, и здѣсь тоже подтверждаютъ вышесказанное мнѣніе объ одинаковости бытовыхъ отношеній у западныхъ народовъ.

Послѣ всего что было сказано въ предыдущей главѣ, намъ остается теперь главнымъ образомъ обратить вниманіе лишь на немногія частности, прибавившіяся послѣ двѣнадцатаго вѣка и могущія служить къ болѣе точному различенію нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ нами предметовъ, хотя и должно замѣтить, что такихъ частныхъ вообще не много, и что притомъ наврядъли ихъ можно считать несомнѣнными и характеристическими особенностями.

I. Что касается впервыхъ Франціи, то мы уже сообщали, что еще до начала двѣнадцатаго вѣка въ этой странѣ возникла причудливая мода на башмаки съ длинными носками (стр. 186). По поводу этой и другихъ глупостей моды, одинъ строгій критикъ нравовъ того времени говоритъ довольно рѣзко: ¹ „концы этихъ башмаковъ торчатъ вверхъ, точно змѣйные хвосты или скорпіоны, и качаются и завиты, точно рога у барана; такое извращеніе природы отвратительно. Мужчины волочатъ одежду, и рукава теперь такой длины и такъ широки, что закрываютъ самыя кисти рукъ; обремененный подобною одеждою не въ состояніи, ни шагнуть, ни работать. Спереди голова у этихъ щеголей выбрита, а сзади они отпускаютъ волосы и припекаютъ завитки горячими щипцами, какъ непотребныя женщины,—по всему этому видно что подобно вонючимъ козламъ, имъ пріятно валяться въ омутѣ блуда“.

Эти уродства были безспорно прямымъ результатомъ реакціи противъ почти всеобщаго, монашески-аскетическаго, настроенія предыдущей эпохи, отразившагося какъ въ образѣ жизни такъ и въ костюмѣ. Но съ двѣнадцатаго вѣка, подъ облагораживающимъ вліяніемъ изящныхъ искусствъ, въ костюмѣ и также въ вооруженіи начали вырабатываться болѣе натуральныя формы и болѣе соответствовавшія тѣлосложенію, которыя потомъ вскорѣ всюду принялись, и въ особенности охотно усваивались нѣмцами (ср. стр. 135 и 185 и дал.). Этому повороту, совершившемуся въ царствованіе Лудовика VII (между 1137 и 1180 годами), Франція обязана впервые возникновеніемъ французскаго—національнаго костюма, такъ что съ этого времени можно было по поводу одежды сказать, что — „она скроена и сшита чисто на французскій ладъ. Одновременно съ измѣненіемъ формы одежды, стали тоже болѣе обращать вниманіе на достоинство матеріала и на изящную внѣшнюю отдѣлку. Хотя впрочемъ при этомъ королѣ, воспитанномъ въ монашескихъ правилахъ и нелюбившемъ пышности, относительно внѣшности соблюдалась еще нѣкоторая сдержанность, тѣмъ не менѣе въ его царствованіе стали уже щеголять золотыми вещами, мѣховыми одеждами, шелковыми и узорчатыми тканями и пр. Со смерти Лудовика (въ 1180 г.), страсть къ роскоши, сдерживаемая дотошъ, еще болѣе усилилась, и охвативъ даже среднія сословіяпривыкла такіе опасные размѣры, что ближайшій преемникъ этого

¹ Oderic. Vital. 682 на 1089 годъ. Bouquet. XVI. предисл. 17 у F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst. (2) VI. 722. K. Schnaase. Gesch. der bild. Künste. IV. Отд. 2. 32.

короля, Филиппъ Августъ (1180—1223) принужденъ былъ запретить ношеніе подобнаго рода украшеній всему дворянству, за исключеніемъ только самыхъ первыхъ чиновъ государства (ср. фиг. 333). Но, несмотря на

Фиг. 333.

запрещенія, одежда у обоихъ половъ въ царствованіе этогоже короля стала еще роскошнѣе и богаче, и въ ней даже исчезли совершенно послѣдніе слѣды прежней тяжеловатости. Костюмъ мужчинъ высшихъ классовъ въ это время составляли: нижняя одежда съ длинными, довольно узкими рукавами, доходившая только до колѣнъ, либо до половины икръ; потомъ, подобнаяже верхняя одежда меньшей длины и съ короткими рукавами: та и другая одежды обшивались по нижнему краю, у ворота и на рукавахъ. Затѣмъ, широкій поясъ съ украшеніями, штаны изъ шелковой матеріи въ родѣ трико или изъ узорчатой ткани, вышитые башмаки или полусапожки, шапка суконная или бархатная, обыкновенно называемая „mortier“, и широкій плащъ съ изящною застежкой на груди (ср. фиг. 333). Женскій костюмъ напротивъ, не считая конечно длинной нижней одежды, состоялъ изъ тонкаго платья, тоже съ длинными узкими рукавами; другой, болѣе широкой, верхней одежды съ короткими, не очень широкими рукавами, или совершенно безъ рукавовъ (ср. фиг. 255. с) и нѣсколько открытой на груди, такъ что изъ подъ нея видна была богатая обшивка нижняго платья; къ этому слѣдуетъ прибавить вышитый золотомъ поясъ, съ висящею на немъ сумою, длинное покрывало, мантию и полусапожки, и волосы заплетенные въ длинныя косы (ср. фиг. 219. б. и фиг. 256, стр. 198). Что касается обуви, то хотя послѣ Лудовика VII мода на башмаки съ длинными носками не была вполне оставлена, но тѣмъ не менѣе длина ихъ значительно убавилась. Распространившійся съ конца двѣнадцатаго вѣка обычай, брить бороду, возникъ также повидимому во Франціи ¹.

При такой наклонности къ щегольству нарядами, малѣйшее послабленіе въ законѣ только еще болѣе усиливало страсть къ роскоши и мотовству. Такъ мж. пр. вслѣдъ за кончиною Филиппа и воцареніемъ Лудовика VIII (1223—1226), роскошь въ среднемъ и нисшемъ классахъ дворянства уси-

¹ D. Hüllmann, Städtewesen и пр. VI. 146.

лилась до такой степени, что въ короткое царствованіе его многіе изъ нихъ совершенно раззорились ¹. Дабы воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію такого зла, преемникъ этого короля, Лудовикъ IX, святой (1226—1270) вскорѣ по вступленіи своемъ на царство въ 1230 г. обнародовалъ подробное предписаніе объ одеждѣ, послѣдствія котораго впрочемъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ ограничились тѣмъ, что теперь снова пошли въ ходъ длиннополая одежды и плащи съ капишонами, что, правда, придавало одеждѣ того и другаго пола болѣе строгій, церковный отпечатокъ, но въ то же время и довольно однообразный общій видъ (фиг. 334. а. в. с; ср. фиг.

Фиг. 334.

243 и сл.). Самъ король, высказывая мнѣніе, внушаемое ему личнымъ убѣжденіемъ и свойственною ему бережливостью ², — что, дабы болѣе пра-

¹ Такъ иж. пр. Vinisauf (V. 20), порицая щегольство французовъ въ Сиріи во время крестоваго похода Филиппа Августа, говорятъ: «они разрѣзы на рукавахъ затягиваютъ шнурами, талью опоясываютъ изысканными поясами, верхнія одежды подтягиваютъ негнѣнымъ образомъ впередъ, и что прежде служило для прикрытія задней части, то насильственно подбирается на противоположныхъ частяхъ. Они облачивали животъ платьями вмѣсто того, чтобъ ими закрывать спину, носятъ дорогія ожерелья и вѣнки и пр. F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst (2) VI. стр. 723. — ² Joinville. 5—8. Du Fresne въ Joinville стр. 129 и др.

виться женѣ и заслуживать большее уваженіе согражданъ, мужчина долженъ одѣваться прилично“, онъ этимъ самъ давалъ волю всякому любившему наряжаться. Хотя и нельзя отрицать, что въ продолженіе его правленія страсть къ роскоши до нѣкоторой степени сдерживалась, тѣмъ не менѣе есть положительныя указанія современныхъ писателей,—„что многіе, даже при дворѣ Лудовика носили шелковыя и бархатныя одежды, превышавшія значительно цѣнностью своею одежды самаго короля“, и что—„многіе гораздо болѣе заботились о приобрѣтеніи дорогихъ кунныхъ шубъ, нежели о спасеніи души“ (ср. стр. 181 и сл.). Въ этоже самое время, съ 1264 года, съ Карломъ Анжускимъ, роскошь стала распространяться также въ Италіи. Приведемъ по этому поводу отрывокъ описанія „Богатства“ изъ „пѣзмы о розѣ“ Гильома де Лорриса ¹, относящейся приблизительно къ 1250 году:— „Богатство было одѣто въ пурпурное платье, и скажу вамъ, не шутя, что не было равнаго ему во всемъ мірѣ какъ по роскоши, такъ и по красотѣ, и ни одно платье ему не было такъ къ лицу. Оно все было обложено пурпуромъ и на немъ были вышиты изображенія князей и королей. На шеѣ оно завязывалось лентою шитою золотомъ, весьма красивою и роскошною. Поясъ былъ унизанъ по краямъ множествомъ блестящихъ дорогихъ камней. Пряжка была изъ дорогихъ камней, весьма нарядная и крѣпкая. Всюду было золото и вся ткань была густо обложена имъ. Подъ платьемъ у „Богатства“ былъ золотой обручъ, лучше котораго, полагаю, никто не видалъ, онъ былъ изъ цѣльнаго золота. Только хорошій счетчикъ могъбы счесть, сколько тутъ было камней. Никто не сумѣлъ-бы опредѣлить цѣны всѣмъ этимъ камнямъ оправленнымъ въ золото. Гранаты, рубины и крупные сафиры, перламутра до десяти унцій. Но самый дорогой изъ нихъ, карбунклъ, красовался спереди на платьѣ“. Въ другомъ мѣстѣ поэтъ, говоря о „благоприличіи“ вообще, даетъ слѣдующія наставленія:—„Въ одеждѣ и нарядахъ соображайся съ твоими доходами. Хорошее платье и красивыя украшенія располагаютъ къ намъ людей. Платье заказывай искусному мастеру, чтобы полы были приличнаго покроя и рукава вшиты какъ слѣдуетъ. Старайся тоже чтобы у тебя были почаще новыя полусапожки и башмаки со шнуровкою, и обрати вниманіе чтобы они были въ пору. Такимъ образомъ ты посрамишь завистниковъ на каждомъ шагу. Пусть у тебя будутъ перчатки и кошелекъ шелковые. На платьѣ носи поясъ. И если ты не изъ богатыхъ, то будь бережлива. Не одѣвайся какъ можешь лучше чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Вѣнокъ изъ цвѣтовъ, недорогой, и розанъ дикій, доступны всякому, даже и небогатому. Не допускай на себѣ нечистоты, мой чаще руки, чисти зубы, держи ногти въ чистотѣ и не слишкомъ отращивай ихъ. Расчесывай волосы, не натирай себя румянами, пущеже всего не дѣлай никому глазки, ибо это свойственно развѣ только непотребнымъ женщинамъ, у которыхъ одно притворство и лукавство замѣняютъ истинную любовь“.

Постановленія изданныя Лудовикомъ IX съ цѣлью обуздать страсть къ щегольству нарядами, послѣ его кончины остались въ полномъ пренебреженіи, несмотря на то что и преемники его Филиппъ III (въ 1270 г.) и преимущественно Филиппъ VI прекрасный (съ 1285 года и въ осо-

¹ Le Roman de la Rose p. G. de Lorris et J. de Meung. 1814 4. Vols.

бенности въ 1294 году), пытались противоѣствовать распущенности обнародованіемъ новыхъ законовъ противъ роскоши. Вскорѣ послѣ смерти Людовика, мужчины замінили длиннополую нижнюю одежду свою прежнюю короткою, доходившею только до колѣнъ, и дали полную волю страсти своей къ дорогимъ матеріямъ, цѣннымъ мѣхамъ и дорогой обшивкѣ золотомъ, камнями, жемчугомъ и т. п. Слѣдуя примѣру мужчинъ и женщины стремились теперь всѣми силами вознаградить себя за перенесенныя ими лишенія, такъ что мж. пр. теперь возникла вновь, почти совершенно уже забытая, мода на башмаки съ длинными носками, и этотъ родъ обуви, прозванный—*poulaine* въ царствованіе Филиппа VI (быть можетъ по имени вводителя этой моды), удержалась потомъ вплоть до конца пятнадцатаго вѣка, несмотря на то что противъ нея возставало постоянно духовенство¹. До какой степени въ это время усилились страсть къ щегольству и мотовству, объ этомъ можно судить и по статьямъ упомянутого выше довольно обстоятельнаго регламента объ одеждѣ 1294 года, который впрочемъ, точно такъ какъ всѣ предшествовавшія ему законоположенія подобнаго же рода, не имѣлъ никакого существеннаго результата. Въ силу этого регламента² воспрещалось гражданамъ, носить бѣличій мѣхъ и горностаѣ, золотыя украшенія и дорогіе камни, обшивки золотыя съ камнями или жемчугомъ, а женамъ ихъ наряжаться въ золотыя и серебряныя вѣнцы. Ни одному духовному лицу, исключая прелатовъ и высшихъ духовныхъ чиновъ, не дозволялось носить упомянутыя дорогіе мѣха, кромѣ только въ видѣ головного убора. Герцогамъ, графамъ и баронамъ, обладавшимъ ежегоднымъ доходомъ въ шесть тысячъ ливровъ, равно также и дѣйствительнымъ рыцарямъ разрѣшалось ежегодно имѣть по четыре одежды, ихъ конюшимъ и оруженосцамъ только по двѣ, и по столькоже вышеназваннымъ высшимъ духовнымъ лицамъ, ихъ подчиненнымъ, ихъ секретарямъ, раздавателямъ милостыни и помощникамъ. У кого три тысячи ливровъ ежегоднаго дохода, долженъ довольствоваться тремя одеждами въ годъ, а у кого двѣ тысячи, двумя. Молодымъ людямъ и незамужнимъ женщинамъ позволялось имѣть лишь по одной одеждѣ, и даже замужнимъ только въ такомъ случаѣ разрѣшалось имѣть болѣе одного платья, если у нихъ былъ доходъ по крайней мѣрѣ въ двѣ тысячи ливровъ въ годъ. По отношенію къ матеріямъ законъ этотъ опредѣлялъ, что даже самые знатные господа и дамы не должны покупать матеріи дороже двадцати сольдовъ за парижскій локоть, нисшее дворянство не дороже восемнадцати, граждане не свыше пятнадцати и шестнадцати, оруженосцы не дороже шести и семи, а женщины вообще не дороже двѣнадцати сольдовъ. Въ случаѣ неисполненія какого-либо изъ этихъ предписаній, на ослушниковъ налагались значительныя денежныя взысканія, размѣръ коихъ въ

¹ Въ сочиненіи столькоже рѣдкомъ, какъ и замѣчательномъ по гравюрамъ на деревѣ, и носящемъ заглавіе: *Practica Mayster Johanne Liechtenbergers* и пр. gedruckt vff grünen MDCCCXCII, въ 36 главѣ (на 1487 годъ), съ приложеніемъ соответствующаго тексту рисунка, сказано буквально: «приказано было сечь игральныя доски, и обрѣзать длинныя волосы и носки у башмаковъ. Все это должно было исполниться въ присутствіе папы». — ² Ch. Fr. Menestrier. *De la chevalerie ancienne et moderne*. Paris. 1632. стр. 111. 132; къ нему ср. A. H. Berlepsch. *Chronik vom ehrbaren und uralten Schneidergewerk*. стр. 31 и сл.

подробности опредѣленъ въ томъ же регламентѣ. И несмотря на эти запрещенія, всё одѣвались и носили украшенія какъ имъ хотѣлось, и даже жены гражданъ носили одежды на горностаевомъ мѣху и потому, не только это предписаніе но и всё подобнаго рода постановленія, носили въ сущности измѣнчивый характеръ налоговъ на роскошь.

II. Въ Англіи, съ воцареніемъ Вильгельма завоевателя (съ 1066 до 1087 года), все болѣе и болѣе укоренялись (нормано) французскіе обычаи и костюмъ.

Еще на самомъ древнѣйшемъ памятникѣ этой эпохи, на такъ называемыхъ „байёскихъ обояхъ“¹, въ вышитомъ на нихъ супругою Вильгельма, Матильдою, изображеніи завоеванія Англіи, имѣющемъ двѣсти двѣнадцать футовъ въ длину, костюмъ и вооруженіе англичанъ во всемъ сходны съ французскими, изображенными на памятникахъ современныхъ этому произведенію. Объ этомъ сходствѣ сохранились и другія свидѣтельства, указывающія въ то же время и на то обстоятельство, что въ Англіи приблизительно вплоть до тринадцатаго вѣка, французскія моды и обычаи принимались вообще нѣсколько медленнѣе чѣмъ въ Германіи. Въ одномъ отношеніи впрочемъ, англичане повидимому еще рано проявляли преимущество свое передъ французами, а именно въ искусствѣ вышиванія одеждъ. Такъ напр. въ одиннадцатомъ столѣтіи, французовъ и норманцевъ приводили въ удивленіе весьма роскошно вышитыя одѣянія британскихъ рыцарей, и по признанію ихъ, англійскимъ женщинамъ принадлежало преимущество передъ всѣми другими въ этомъ искусствѣ². Этотъ родъ вышиванія, судя по сходству англійскихъ изображеній даже половины двѣнадцатаго столѣтія (фиг. 335), съ нѣкоторыми французскими подобными же работами конца того же вѣка (фиг. 333), быть можетъ прямо принесенъ былъ изъ Англіи во Францію³. Здѣсь же слѣдуетъ кстати указать какъ на оста-

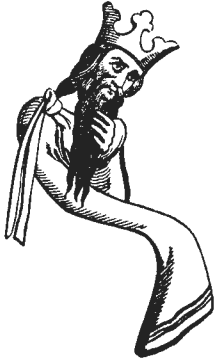
Фиг. 335.

¹ Gervais de Larne: Recherches sur la tapisserie и пр. appartenant à l'église cathédrale de Bayeux. Caen. 1824. Сравни: Maurey d'Orville. Notice historique sur la tapisserie и пр. Paris, l'an XII, и M. Achille Jubinal. Les anciennes tapisseries historiques (Nancy, Bayeux, Dijon, Valenciennes etc.). — ² J. Strutt. Dresses and habits и пр. 69. ср. выше стр. 167. — ³ Ср. иж. пр. C. A. Böttiger. Kleine Schriften и пр. изд. J. Sillig. 2 изд. III. 33:—«Über die herrschende Mode der gewürfelten Stoffe»,

токъ, частью древнескандинавскихъ ¹, частью древнебританскихъ обычаевъ ², на сохранившееся у нѣкоторыхъ мужчинъ обыкновеніе носить браслеты, и нацарапывать по кожѣ фигуры различныхъ цвѣтовъ ³. Кроме того надо еще замѣтить, что не взирая на медленность съ какою англичане принимали французскія формы, они при этомъ нерѣдко вдавались въ крайности. Такъ напр. усвоивъ себѣ около 1066 года возникшую въ один-

Фиг. 336.

надцатомъ вѣкѣ на материкѣ между женщинами, моду на длинные верхніе рукава (фиг. 237), они стали вскорѣ значительно расширять и удлинять рукава ⁴. А когда въ двѣнадцатомъ столѣтіи подобныйже переворотъ совершился и въ остальной Европѣ (фиг. 253), въ Англіи не только у женщинъ стали появляться рукава такой длины, что ихъ приходилось подбирать почти на половину, но и мужчины высшихъ сословій подражали прекрасному полу, лишь мало измѣняя форму рукавовъ (фиг. 336) ⁵. Одинъ поэтъ конца двѣнадцатаго вѣка, говоря объ англійскихъ красавицахъ, ставитъ имъ въ укоръ ⁶, что, въ противоположность южнымъ сосѣдкамъ своимъ, онѣ всячески стараются уменьшить румянецъ на лицѣ, что онѣ воздерживаются отъ

пищи, дабы казаться блѣдными, считая блѣдность цвѣтомъ любящихъ сердецъ. Подобныя, крайне сентиментальныя понятія, наврядъ-ли могли имѣть вліяніе на форму и цвѣтъ костюма, развѣ только предположимъ, что красавицы въ то время уже старались придавать одеждѣ своей такъ называемый „романтическій“ отпечатокъ, предположеніе, которое однако мы не беремъ на себѣ рѣшить. У вѣщеносныхъ особъ остались и теперь большею частью въ употребленіи прежнія длинныя одежды доходившія до пятъ (ср. фиг. 334) ⁷; но исключая приведеннаго случая, французскіе обычаи и моды начиная съ этого времени, т. е. съ начала тринадцатаго столѣтія, стали вообще такъ быстро обобщаться въ Англіи, что самое распространеніе ихъ совершилось почти незамѣтно. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательнъ фактъ, что Филиппъ II во Франціи и Ричардъ „львиное сердце“ въ Англіи, въ 1190 году оба сѣеобща обнародовали особое постановленіе объ одеждѣ, направленное главнымъ образомъ противъ роскоши рыцарей ⁸, и въ силу котораго имъ предписывалось впредь на плащахъ и воинской одеждѣ не употреблять, пурпура, бѣличьяго мѣха, горностая и пр. Между тѣмъ, какъ приведенное постановленіе обоихъ этихъ королей, такъ и всѣ послѣдовавшія, оста-

¹ О пристрастіи древнихъ скандинавовъ къ золотымъ украшениямъ и въ особ. къ браслетамъ см. выше стр. 85 и 204 и сл. — ² Сравни о „пиктахъ“ (picti-раскрашенные или расписные), Вѣшній бытъ нар. и пр. Т. I. ч. 2. стр. 53 и сл. — ³ William of Malmesbury, 102, у F. v. Raumer. Gesch. der Hohenstaufen (2) VI. стр. 722. ср. R. Planché. British Costume и пр. стр. 51. — ⁴ и ⁵ R. Planché. British Costume и пр. стр. 63.—стр. 75 съ рас. — ⁶ F. v. Raumer. Gesch. der Hohenst. и пр. VI. 725. K. Schnaase. Gesch. и пр. V. 16. прим. приводитъ буквально относящееся сюда мѣсто поэта Nequam (†1215). — ⁷ R. Planché. British costume и пр. стр. 66 и сл.—⁸ Du Cange. Dissertation sur l'histoire de St. Louis. I. стр. 128 у Chr. Meiners. Historische Vergleichung der Sitten und Verfassungen и пр. des Mittelalters mit denen unsers Jahrhunderts II. стр. 128. Къ нему сравни; A. Berlepsch. Chronik vom ehrbaren и пр. Schneidergewerk, стр. 30 и выше стр. 291.

лись мертвою буквою, и несмотря на многократно повторяемые и подтверждаемые вновь предписанія подобнагоже рода, при бракосочетаніи дочери Генриха III англійскаго съ королемъ шотландскимъ въ 1251 году, на это торжество явились до тысячи англійскихъ рыцарей въ шелковыхъ одеждахъ, а на слѣдующій день этиже рыцари представлялись въ другихъ одеждахъ изъ такихъже дорогихъ матерій¹. Вскорѣ однако и сами англичане стали вводителемъ нѣкоторыхъ новыхъ модъ, такъ мж. пр. моды на павлинья шляпы изъ „Лундерса“, которыя въ короткое время приняты были въ Германіи и въ другихъ странахъ (стр. 194; 202).

Что касается вооруженія, то мы уже сказали выше (стр. 233), что какъ во Франціи такъ и въ Англіи, наряду съ бывшими въ то время уже въ употребленіи разными видами оружія, въ началѣ одиннадцатаго столѣтія были введены „пластинчатая броня“, *cottes à rondache*.

III. Въ Испаніи наконецъ, сколько позволяетъ судить дошедшее до насъ скудное число памятниковъ относящихся къ разбираемой нами эпохѣ, бытовые отношенія носили приблизительно такойже характеръ какъ во Франціи и Англіи. Впрочемъ, можно вообще принять, что владычество арабовъ въ этой странѣ, имѣло отчасти вліяніе и на костюмъ тамошнихъ христіанъ; предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ испанскихъ памятникахъ позднѣйшаго времени мы встрѣчаемъ явные слѣды такого вліянія.

¹ Math. Paris. стр. 555. у Ch. Meiners. *Histor. Vergleichung* и пр. II. стр. 124.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ ПО ИХЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Западные славяне.

- Фиг. 151. а—d. S. Bartoli. Columna Trajana. tav. 75.
— 152. а—с. тамъже tav. 28. 68.
— 153. а. A. Vossberg. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, u. s. w. Taf. I. b. тамъже Taf. 20. с; Taf. 16. d; Taf. 3.

Восточные славяне.

- Фиг. 154. а. Dubois de Montpéreux. Voyage en Caucase. IV. Ser. Arch. Pl. XXIV. b—с. тамъже 8. 1.
— 155. а. тамъже Pl. XXI. 5. b. Pl. XVII. b. с. Pl. XXI. 1. d. 3. e. Pl. XXII.
— 156. а. b. A. G. Houbigant. Moeurs et costumes des Russes. Tab. 36.
— 157. а. b. тамъже Tab. 31.
— 158. а. b. S. Bartoli. Columna Antonina. Tab. 53. 140.
— 159. а—с. K. Bähr. Gräber der Liven. Taf. I. 6, 7, 8.
— 160. а—i. тамъже Taf. V. 1, 26, 3, 8, 11, 12, 9 а, 10.
— 161. а—f. тамъже Taf. VIII. 4; IX. 1, 2; V. 13, 6, 7.
— 162. а—f. тамъже Taf. VII. 9, 8 а, 3; VIII. 2, 8, 16.
— 163. а—i. тамъже Taf. XIII.
— 164. а—l. тамъже Taf. XVIII. 3. 1; XV. 6; XIX. 4. 16. 7. 11; XVIII. 8. 9. 10. 4. ~
— 165. а—с. Alterthümer des russischen Reichs. IV. 2.
— 166. Тамъже II. 34.
— 167. а—с. тамъже I. 4.
— 168. Тамъже I. 4.
— 169. а—b. тамъже IV. 7; I. 20.
— 170. Тамъже IV. 10.
— 171. а—с. тамъже IV. 28.
— 172. Тамъже I. 20.
— 173. Тамъже IV. 7.
— 174. Тамъже IV. 10.
— 175. Тамъже III. 31.
— 176. а—с. тамъже I. 9—12; 4.

- 177. Rockstuhl. Musée d'armes rares anciennes et orientales etc. Pl. CXXXII.
- 178. Alterthümer des russischen Reichs. III. 44.
- 179. Тамъже III. 9.
- 180. а—d тамъже III. 32, 33, 34, 35.
- 181. а—с тамъже III. 82.
- 182. а—е тамъже III. 114, 78, 77, 114.
- 183. а—b тамъже III. 130.
- 184. Тамъже III. 117.
- 185. Тамъже I. 15.
- 186. Didron. Annales archéologiques X. стр. 209.
- 187. Тамъже XV. стр. 77.
- 188. Тамъже XV. стр. 80.

Скандинавы (датчане, шведы, норвежцы, исландцы).

- Фиг. 189. P. Gaymard. Voyage en Islande et au Grönland I. tab. 9.
- 190. Mémoires de la société royale des Antiquaires du Nord. 1848—49. Kopenh. 1852. tab. V.
  - 191. A. Sparrmann. Reise etc. III. 4.
  - 192. а—s A. Worsaae. Nordiske Oldsager N 366, 368, 431, 443, 457, 454, 441, 447, 451, 434, 442, 436, 381, 383.
  - 193. а. b. тамъже N 393, 397.
  - 194. а—с. тамъже N 378, 377, 375.
  - 195. а—g тамъже N 372, 373, 384 a b, 390, 391, 388, 387.
  - 196. а—g тамъже N 410, 412, 424, 428, 413, 420, 567.
  - 197. а—с. тамъже N 204 a, 206, 203.
  - 198. а—с. тамъже N 571, 340, 339.
  - 199. Тамъже N 474.
  - 200. а—f. тамъже N 341 a, 349, 342 a, 348, 498, 338.
  - 201. а—g. тамъже N 324, 323, 493, 330, 325, 574, 572.
  - 202. а. b. тамъже N 337, 491.
  - 203. а—f. A. Worsaae. Nordiske Oldsager N 487, 355, 480, 485, 486, 356.
  - 204. Тамъже N 201.
  - 205. а. F. Lisch. Jahrbücher X. стр. 244. b. тамъже. с. тамъже X. стр. 260. d. тамъже XI. стр. 356. e. тамъже X. стр. 255. f. тамъже XI. стр. 258. g. тамъже XIV. стр. 340. h. тамъже XI. стр. 357. i. тамъже X. стр. 256. k. тамъже XI. стр. 359. l. A. Worsaae. Nordiske Oldsager N 100. m. тамъже N 97. n. F. Lisch въ пр. соч. X. стр. 254.
  - 206. а—e. A. Worsaae. Nordiske Oldsager N 501, 500, 503, 502, 499.
  - 207. а—g. Тамъже N 281, 278, 283 a, 283 b, 280, 282. g. Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde стр. 63.
  - 208. b. c. A. Worsaae, въ прив. соч. N 472, 485.
  - 209. а. b. Тамъже N 365, 362.
  - 210. а—d. Тамъже N 319, 528.
  - 211. F. Kugler. Geschichte der Baukunst. II. стр. 573.

- 212. Тамъже II. стр. 574.
- 213. a—b. Foreningen til norske Fortids Mindesmaerkers Bewaring. Pl. II и VI.
- 214. A. Worsaae. Nordiske Oldsager N 556.
- 215. P. Gaumard. Voyage en Islande et au Grönland. I. tab. 20.
- 216. A. Worsaae. Nordiske Oldsager N 558.

Итальянцы, восточные готы, лангобарды, бургунды, франки, нѣмцы.

- Фиг. 217. a—c. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. Taf. 19; сравни тамъже таб. 76, и E. v. Eye и J. Falke. Kunst und Leben der Vorzeit. Томъ I.
- 218. a—b. J. Gailhabaud. Denkmäler der Architectur II. тетрадь 59.
  - 219. a. b. F. Wagner. Trachten des christl. Mittelalters. тетрадь II. таб. 4; сравни X. Willemin. Monuments français inédits I.
  - 220. J. O. Guttonsohn und Knapp. Die Basiliken des christl. Roms. тетрадь IV и V.
  - 221. F. Kugler. Kleine Schriften und Studien etc. I. стр. 76 и сл.
  - 222. a—c. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France IX. siècle, milieu et fin).
  - 223. a. тамъже I. (France IX siècle, milieu). b. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. таб. 37. c. Ch. Louandre въ прив. соч. (France IX siècle, 2-me moitié).
  - 224. a. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. Taf. 37. b. Seroux d'Agincourt. Peint. I. Pl. XLIII. 4.
  - 225. a. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. Taf. 37; сравни S. D'Agincourt. Peint. I. b. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France IX siècle, 1-me moitié).
  - 226. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte. 4-е изд. I. стр. 397.
  - 227. a. b. Jahrbücher des württemberg. Alterthumsvereins III. тетрадь XI. 31, 14, 13.
  - 228. a—f. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. Taf. 53 и 74.
  - 229. a—d. тамъже I. Taf. 50, 53, 74 E и 75 I.
  - 230. F. Kugler. Handbuch и пр. I. стр. 362.
  - 231. a. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. Taf. 2. b. тамъже I. Taf. 7.
  - 232. a. J. v. Hefner-Alteneck въ прив. соч. Taf. 1. b. Didron. Annales archéologiques XIII. стр. 154.
  - 233. a. J. v. Hefner-Alteneck въ упом. соч. I. Taf. 43. b. Ernst aus'm Werth. Denkmäler der Kunst и пр. Отдѣлъ 1. Томъ I. таб. XVII фиг. 4 д.

- 234. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France XI. siècle, 1-ère moitié).
- 235. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten и пр. I. Taf. 58.
- 236. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France, XI siècle).
- 237. a. b. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten и пр. I. Taf. 35. c. тамъже I. Taf. 43.
- 238. Тамъже I. Taf. 90.
- 239. Тамъже I. Taf. 90
- 240. a—c. M. Engelhard. Herrad von Landsperg, Hortus deliciarum. Taf. I.
- 241. a—c. тамъже.
- 242. a—b. тамъже, Taf. II. c. S. D'Agincourt. Peint. I. Tab. LXVI. 1.
- 243. a—b. H. v. d. Hagen. Abhandl. d. k. Akad. der Wissenschaften 1852. Tab. I и II. c. тамъже. Abhandl. 1852. Taf. III.
- 244. a. тамъже Abh. 1851. Taf. IV. b. тамъже. Abh. 1853. Taf. VI. c. тамъже. Abh. 1846. Taf. V.
- 245. a. b. тамъже. Abhndl. 1848. Taf. II и I. c. тамъже Abhndl. 1853. Taf. I.
- 246. a—d. U. F. Kopp. Bilder und Schriften der Vorzeit. I. стр. 158, 98, 105, 82.
- 247. a. H. v. d. Hagen. Abhandlg. 1844. Taf. III. b. тамъже. Abhndl. 1847. Taf. I. c—d. тамъже. Abh. 1844. Taf. III.
- 248. a. H. Müller. Beiträge zur deutschen Kunst und Geschichtskunde II. N 14. b. c. C. P. Lepsius. Dom zu Naumburg и пр. Taf. VI. Taf. III.
- 249. a. H. von der Hagen. Abhandl. къ 1848 г. Taf. III. b. тамъже. Abh. 1858. Taf. VI.
- 250. F. Kugler. Kleine Schriften und Studien и пр. I. стр. 43.
- 251. H. Müller. Beiträge zur deutschen Kunst-und Geschichtskunde I. N IV.
- 252. M. Engelhard. Herrad von Landsperg, Hortus deliciarum. Taf. II.
- 253. a. b. тамъже. Taf. VIII. Taf. IV.
- 254. Тамъже. Taf. VI.
- 255. a. b. H. von der Hagen. Abhandl. къ 1852 г. Taf. I. Taf. II. c. тамъже. Abhandl. 1846. Taf. VI.
- 256. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France XII siècle, fin).
- 257. c. d. M. Engelhard. Herrad von Landsperg, Hortus deliciarum. Taf. I. Taf. II.
- 258. a. H. v. d. Hagen. Abhandl. 1851. Taf. VIII. b. P. Lepsius. Dom zu Naumburg Taf. III. c. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. Taf. 60.
- 259. a. H. v. d. Hagen. Abhandl. 1844. Taf. II. b. тамъже Abh. 1852. Taf. VII. c. тамъже. Abh. 1846. Taf.

- VII. d. тамъже. Abh. 1844. Taf. IV. e. тамъже. Abh. 1846. Taf. II.
- 260. а—с. тамъже. Abhandl. 1846. Taf. I.
- 261. а. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Taf. II. b. Jahrbuch der k.k. Central-Commiss. II. (1857) Taf. XI. c. d. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten I. Taf. 86. e. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France XIII. siècle).
- 262. а. b. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 71. 67.
- 263. H. Müller. Beiträge zur deutschen Kunst-und Geschichtskunde II. N 4.
- 264. F. von der Haagen. Die Schwanensage. Berlin. 1848. Taf. V.
- 265. Jahrbücher des wirtemb. Alterthumsvereins Taf. IX. 2. b. с. тамъже. Taf. IX. 22, 28. d. тамъже Taf. VIII. 15. e. тамъже Taf. VIII. 13. f. g. тамъже Taf. IX. 21. h. i. тамъже Taf. 1. 25.
- 266. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires I. (France IX. siècle, milieu).
- 267. а—f. S. D'Agincourt. Peint. I. Tav. XLIV. 2.
- 268. а. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. Taf. 51. b. Ernst aus'm Werth. Denkmäler der bild. Kunst и пр. Отдѣлъ 1. Т. 1. табл. XVII. фиг. 3.
- 269. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 33.
- 270. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Taf. III.
- 271. F. Kugler. Kleine Schriften und Studien I. стр. 44.
- 272. Тамъже I. стр. 42.
- 273. Тамъже I. стр. 43.
- 274. а. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten и пр. I. Taf. 27. b. тамъже I. Taf. 4.
- 275. F. von der Hagen. Gemälde der Maenesseschen Handschrift и пр. (Abhandl. der Akad. der Wissensch. Berlin. 1853). Taf. V.
- 276. J. G. Büsching. Grabmal des Herzogs Heinrich IV von Breslau. стр. 3.
- 277. B. Scott. Antiquarian Glanings in the North of England. Pl. XXII.
- 278. H. v. der Haagen. Handschriftengemälde und andere bildl. Denkmale der deutschen Liederdichter des 12 bis 14 Jahrh. (Abhandl. Berlin. 1850). Taf. III.
- 279. а. Didron. Annales archéologiques IV. стр. 211. b. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten des christl. Mittelalters I. Taf. 77. c. тамъже II. Taf. 87.
- 280. Didron. Annales archéologiques XVI. стр. 360.
- 281. F. v. d. Hagen. Über die Gemälde in den Sammlungen der altdeutschen lyrischen Dichter. II. Taf. IV.

- 282. Didron. Annales archéologiques XVI. стр. 360.
- 283. a. b. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. I. (France IX, siècle, 1-ère moitié). c. **тамъже** XII siècle.
- 284. a. Didron. Annales archéologiques. I. стр. 161. b. J. Gailhabaud. L'architecture du V-meau XVII-me siècle et les arts qui en dépendent. I. Eglise cathédrale de Rheims; F. Bock. Gesch. der liturg. Gewänder. I. Taf. VI.
- 285. a—d. Didron. Annales archéologiques XVII. стр. 142. e. f. **тамъже** стр. 150.
- 286. M. de Caumont. Abcdaire ou rudiments etc. II. 256.
- 287. a. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten и пр. I. Taf. 87. b. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts sompt. I. (France XII. siècle). c. J. v. Hefner-Alteneck. Taf. 36. d. **тамъже** e. L'abbé Barrault et Arthur Martin. Le bâton pastoral. Fig. 16. f. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten. I. Taf. 57. g. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Atlas. Taf. V. h. J. v. Hefner-Alteneck. Taf. 28. i. **тамъже** Taf. 10.
- 288. M. de Caumont. Abcdaire ou rudiments d'archéologie II. стр. 258.
- 289. a. b. c. L'abbé Barrault et Arthur-Martin. Le bâton pastoral. Fig. 37, 47 и 59. d. J. Becker и J. v. Hefner-Alteneck. Geräthschaften des christl. Mittelalters II. Taf. 8.
- 290. a. Seroux d'Agincourt. Peint. I. Tab. LXIX. Fig. 10. b. Didron. Annales archéologiques XV. стр. 176.
- 291. a. b. Ch. Lenormant. Le fauteuil de Dagobert. Tab. I.
- 292. G. Heider и др. Mittelalt. Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats II. стр. 26.
- 293. a—g. Jahresbericht des wirtemb. Alterthumsvereins. Тетрадь III. Taf. X. 7; XI. 3; X. 22; XI. 63; X. 44; XI. 9; XI. 49.
- 294. a—k. **тамъже**. Taf. X. 33; IX. 33; IX. 9. 10; XI. 29; XI. 62; IX. 16; X. 45; XI. 53; XI. 36; XI. 18.
- 295. **Тамъже** Taf. VIII. 3.
- 296. **Тамъже** Taf. XI. 7.
- 297. **Тамъже** Taf. IX. 8, 31.
- 298. **Тамъже** Taf. XI. 10.
- 299. a—c. **тамъже** Taf. X. 38; X. 34; VIII. 31.
- 300. G. Heider и др. Mittelalt. Kunstdenkmale d. österr. Kaiserstaats. II. стр. 23.
- 301. Mittheilungen der k. k. österreich. Central-Commission. IV. T. 1.

- 302. Тамъже IV. Taf. II.
- 303. W. Lübke. Grundriss der Kunstgeschichte стр. 297. Fig. 168.
- 304. F. Kugler. Geschichte der Baukunst II. стр. 408.
- 305. Тамъже II. стр. 162.
- 306. F. Kugler. Handbuch der Kunstgeschichte (4 изд.) I. стр. 503.
- 307. Jahrbuch der k. k. österr. Central-Commiss. IV. стр. 24.
- 308. B. Scott. Antiquarian Glanings of the North of England. Pl. 22.
- 309. Didron. Annales archéologiques XIV. стр. 1.
- 310. Тамъже IV. стр. 293.
- 311. a. Didron. Annales archéol. XII. стр. 140. b. тамъже. IV. стр. 1. c. тамъже V. стр. 318. d. Martin et Cahier. Melanges d'archéol. I. Pl. XIV. и XV. а; сравни Mittheilungen der k. k. österreich. Central-Commiss. Wien 1860. стр. 312 и сл.
- 312. Didron. Annales archéol. IV. стр. 148.
- 313. E. Heider и др. Mittelalterl. Kunstdenkmale d. österr. Kaiserstaats I. стр. 105. Fig. 4.
- 314. a. F. Bock. Das heilige Köln. Beschreib. d. mittelalterl. Kunstschatze in seinen Kirchen: Aus St. Gereon Taf. I. b. тамъже. Aus St. Ursula VII. 28. c. Didron. Annales archéolog. XIII. стр. 322.
- 315. F. Kugler. Kleine Schriften u. Studien zur Kunstgesch. F. стр. 634.
- 316. b-f. M. Engelhard. Herrad и пр. Atl. Taf. IV.
- 317. a-i. J. v. Hefner-Alteneck. Trachten и пр. I. Taf. 52; 74.
- 318. F. Kugler. Kleine Schriften и пр. I. стр. 159.
- 319. a. b. M. Engelhard. Herrad von Landsperg. Atl. Taf. IV.
- 320. Тамъже.
- 321. Тамъже Taf. V.
- 322. Тамъже.
- 323. F. Kugler. Gesch. der Baukunst III. стр. 48.
- 324. Тамъже стр. 65.
- 325. Тамъже стр. 62 и W. Lübke. Grundriss der Kunstgesch. (1) стр. 383. Fig. 225.
- 326. F. Kugler. Gesch. der Baukunst III. стр. 60.
- 327. Didron. Annales archéol. II. стр. 176.
- 328. J. Gailhabaud. L'architecture et les arts qui en dépendent. II. (Peinture dans le choeur de l'église cathédrale a Brunswik).
- 329. Viollet-de-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français I. Meubles стр. 178.
- 330. a. (Coussemaker) Didron. Annales archéolog. IX. стр. 289. — b. IX. стр. 293. — c. XVI. стр. 98. — d. XVI. стр. 98. — e. XVI. стр. 99. — f. III. стр. 154.

- 331. а. тамъже IX. стр. 289.—b. IX. стр. 382. — с. VII. стр. 97.—d. VII. стр. 162.—e. VII. стр. 242.—f. VII. стр. 240.
- 332. E. Heider и др. Mittelalterliche Kunstdenkmale des österr. Kaiserstaats I. стр. 111. Fig. 10.

Французы, англичане, испанцы.

- Фиг. 333. Ch. Louandre et Hangard-Maugé. Les arts somptuaires. I. France. XII siècle, fin.
- 334. а. b. с. J. Gailhabaud. L'architecture et les arts qui en dépendent etc. I. (Cathédrale de Chartres. Porche septentrional).
- 335. B. Scott. Antiquarians Gleanings in the North of England. (Norman Wall-Painting in the Durham Cathedral).
- 336. R. Planché. British Costume. A complete history etc. стр. 66.

Рисунки дозволены цензурой. Москва, 4 Сентября 1876 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ВНѢШНІЙ БЫТЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Восточно-европейскіе народы.

Славяне. Предварительное замѣчаніе стр. 1. Нравы и бытъ древнихъ славянъ вообще стр. 2.

Западные славяне. Историческій обзоръ стр. 4. Торговля и промышленность 6. Храмы и идолы 8.

Одежда и Утварь стр. 9. Одежда славянъ вообще 9. Одежда пруссовъ 11. Дальнѣйшія переиѣны одежды вплоть до совершеннаго оиѣмеченія пруссовъ 11. Народныя одежды славянъ 12. Оружіе и вооруженіе 13. Облеченія языческихъ жрецовъ 14. Утварь 14. Музыка и музыкальные инструменты 15. Земледѣльскія орудія 16.

Восточные славяне. (Руссы). Историческій обзоръ стр. 16. Нравы и образъ жизни 21. Торговля и промышленность 23. Господство Монголовъ 25.

Одежда стр. 25. Простонародная одежда 27. Мужская 28. Женская 28. Одежда высшихъ сословій въ десятомъ столѣтіи 30. Могильныя древности ливонцевъ и пр. 31. Головные покрывшия и повязки 31. Шейныя кольца, грудныя подвѣсы и пр. 32—35. Оружіе и доспѣхи 35. Дальнѣйшія переиѣны одежды подъ вліяніемъ Византии, при Владимирѣ 37, и подъ вліяніемъ владычества монголовъ 39. Царскій орнатъ 40. Одежда знати и придворныхъ 42. Оружіе и вооруженіе 44. Оборонительное 47. Нападательное 49. Церемоніальный нарядъ языческихъ жрецовъ 50. Облеченіе духовенства греко-россійской церкви послѣ Владимира 51.

Утварь стр. 51. Коренная русская ремесловая промышленность 52. Устройство и внутренняя обстановка домовъ вообще 53. Пышная обстановка великокняжескаго двора 54. Дальнѣйшее развитіе утвари 55.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народы сѣверной Европы или Скандинавіи.

(Датчане, шведы, норвежцы, исландцы). Историческій обзоръ стр. 56. Попытки насажденія Христіанства въ Даниі, Швеціи, Норвегіи 62 — 68. въ Исландіи 68. Нравы и обычаи жизни 69. Торговля и промышленность 70. Вл-

кинги 71. Вернигеры 72. Преобразование бытовых отношеній подъ вліяніемъ Христіанства 73. Сношенія съ германцами 73.

Одежда стр. 75. Древняя народная одежда 75. Матеріалы и выдѣлка ихъ 76. Одежда мужчинъ 77. Рубаха, штаны, поясъ 79. Обувь 80. Кафтаны и верхнія одежды вообще 81. Головные уборы, наручники 82. Женская одежда 82. Нижняя и штаны 82—83. Головные уборы и пр. 83. Самоукрашенія 84. Предметы для украшенія 85. найденныя въ могилахъ 85 и дал. Оружіе и вооруженіе 89. оборонительное 91. щиты и пр. 91—94. Нападательное оружіе 94. Мечи, копья, топоры и пр. 95—98. Конская сбруя 98. Сигнальные рожки 99. Раздѣленіе сословій и ихъ отличія 99. Власть королей 101. нарядъ царственныхъ лицъ и высшихъ сословій 101. Одежда языческихъ жрецовъ 102. Облеченіе римско-католическаго духовенства 102. Приданое и нарядъ невестъ, траурная одежда 102—103. Національные костюмы швейцаръ 103.

Утварь стр. 103. Могильные памятники доисторическихъ временъ 103. глиняныя издѣлія 104. металлическія 106. ремесленныя орудія 106. Столовая посуда 107. сосуды для питей 107—109. Комнатная утварь 109. Кресла 109. другія сидѣнья 111. столы 111. ложа, сундуки 112. нагрѣваніе комнатъ 112. освѣщеніе 112. домашнія орудія для изготовленія одеждъ и пр. 113. Охотничьи, земледѣльческіе и рыболовные снаряды 113—114. повозки и сани 114. игральные приборы 115. Музыка и музыкальные инструменты 115—116. языческій культъ 116—118. погребальная утварь 118.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Народы южной и средней Европы.

(Италійцы, остготы, лангобарды, бургунды, франки, германцы). Историческій обзоръ стр. 118. Введеніе Христіанства при германскихъ завоевателяхъ 122. Раздѣлъ трехъ большихъ областей, Франціи, Германіи и Италіи 122. Правы и жизнь 130 и дал. Крестовые походы, духовенство, рыцари и граждане 132 и дал. Монашескіе и рыцарскіе ордена 134.

Одежда. стр. 136. Распространеніе древнеримской одежды за предѣлами виѣталійскихъ областей западной римской имперіи 136. Подражаніе роскоши римлянъ въ этихъ областяхъ 137. Одежда германскихъ племенъ вообще 139. Постепенное измѣненіе ея подъ вліяніемъ Рима начиная съ пятаго вѣка 139. у западныхъ готовъ, бургундовъ 140. у лангобардовъ и франковъ 141. Дальнѣйшая перемѣна одежды отъ начала владычества меровинговъ до воцаренія каролинговъ 145—148. Отъ каролинговъ до конца девятаго вѣка 148—159. Одежда германцевъ въ десятомъ столѣтіи 160 и дал. Одежда низшихъ и высшихъ сословій 160. Матерія и торговые продукты 165. Одежда этихъ же сословій въ одиннадцатомъ вѣкѣ, мужская 168. женская 173. Торговля въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ 175. Изготовленіе одеждъ 183. Вліяніе на костюмъ крестовыхъ походовъ 183. Памятники изобразительнаго искусства по отношенію къ костюму 184. Одежда высшихъ сословій въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, мужская. 185. Рубашка, штаны 185. обувь 186. нижняя одежда 187. верхняя 188. плащи и тому подобныя одежды 191. головные уборы 193—195. перчатки и пр. 195. Женская одежда 195. рубашка 195. верхнее платье 197—200. головные уборы 200. Обувь и перчатки 202. Украшенія 202. у мужчинъ 202. у женщинъ 203. Предметы для украшенія 203. Одежда гражданскаго сословія 204. служащихъ 205. евреевъ 206. дѣтей. 207.—Церемониальный нарядъ властителей 207. Присвоенныя сану ихъ отличія 208. Сохранившіеся регламенты (римско) германскихъ императоровъ 209. Чулки, башманы, нижняя и верхняя одежды, поясъ 210. перчатки, мантия, корона 211. скипетръ, держава, мечи 212. Евангеліарій и пр. 213. Особыя отличія высшихъ чиновъ, дворцовыхъ служителей 215. Знаки присвоенные городскимъ учрежденіямъ 218. ремесленнымъ цехамъ 219.—Оружіе и вооруженіе, съ пятаго до девятаго столѣтія 220. охранительное оружіе 221. наступательное оружіе 223. Въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ 226 охранительное 227. наступательное ор. 230. Въ одиннадцатомъ столѣтіи: охранительное оружіе 233. наступательное 235. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи: охранительное оружіе 237. наступательное ор. 240. Воинская одежда и пр. 241. Въ тринадцатомъ сто-

лѣтін: охранительное оружіе 241. Военная одежда и пр. 244. Турниры 249. Оружіе употр. на турнирахъ 250. Сигнальные орудія, полевые значки, знамена 254. Священные копье, знаменныя колесницы 255. Вооруженіе нижнихъ чиновъ 255. городская милиція 256. — Священнослужительскія облаченія римско-католической церкви 257. Раздѣленіе церквей 258. Развѣтїе римскаго облаченія на западѣ, отъ десятаго до четырнадцатаго вѣка 259. Облаченіе архіерея или папы 260. Чулки, башмаки 261. нарамникъ, альба 262. поясъ, стола 263. ручникъ 264. дальматика и туницелла 265. Облаченіе надѣваемое при совершеніи литургіи 266. Перчатки, перстень 268. Митра 269. Жезлъ 271. Лента 274. Оплечникъ, наперсникъ 275. Плащъ 276. Стихарь, баретъ, кардинальская шляпа 277. Особая мѣховая одежда (almutium), опахадо, сумка, гребень 278. Отдѣла облаченій вообще: украшенія и особопредѣляемые цвѣта 278. Постановленія относительно волосъ и бороды 279. Отличія присвоенныя папѣ, архіепископамъ и епископамъ 280. и прочимъ духовнымъ чинамъ: пресвитерамъ 281. діаконамъ, иподіаконамъ и пр. 282. Неслужебная одежда духовныхъ лицъ 283. Одежда монашествующихъ 284. согласно уставу с. Венедикта 285. Особыя отличія чернаго духовенства 288. Одежда монашескихъ орденовъ въ отдѣльности 289. Духовныя конгрегаціи 297. (28). Скакуны и бичующіеся 298. Духовные рыцарскіе ордена 298. Мірскіе рыцарскіе ордена 303.

Утварь стр. 304. Могильныя древности доисторическихъ временъ какъ свидѣтельства давнишней ремесленности 304. Дальнѣйшее развитіе утвари подъ вліяніемъ римской расы и у: восточныхъ готовъ, бургуновъ, лангобардовъ, западныхъ готовъ и въ особенности франковъ 305. Обстановка у знатныхъ франковъ въ частности, отъ пятаго до осьмого столѣтія (роскошные сосуды и столовая посуда) 306—307. Тронное кресло короля Дагоберта 309. Комнатная утварь, стулья, столы 310. сундуки, лари и пр. 311. кровати, обои и ковры 312. Освѣщеніе 312. Носилки, телеги 313.—Обстановка у низшихъ сословій, отъ пятаго до десятаго столѣтія; гончарныя издѣлія, сосуды изъ глины, дерева и металла 313. Комнатная утварь и пр. 315. Развѣтїе туземной ремесленной дѣятельности при вароллингахъ 316. золотыхдѣль-мастерство, эмалевое производство и пр. 317. Великолѣпная утварь Карла великаго 318. Художественныя ремесла во время политическихъ смутъ послѣ кончины Карла великаго 321. Уцѣлѣвшія произведенія девятаго и десятаго столѣтій 321. Изображенія и письменныя свидѣтельства о художественныхъ произведеніяхъ за этотъ періодъ времени 324. Развѣтїе ремеселъ въ Германіи съ начала десятаго вѣка 325 и дал. Содѣйствіе развитію художественныхъ ремеселъ монастырскихъ школъ отъ десятаго до тринадцатаго вѣка 324. Образованіе романскаго архитектурнаго стиля и вліяніе этого стиля на формы вообще 328, 330.—Церковная утварь отъ десятаго до тринадцатаго столѣтія въ частности 333. Потиръ 334. Дискосъ 336. Трубочки, ковши и сосуды для воды и вина 337. Цѣдилаки, лжицы, коробочки и ладанницы 339. Дарохранительницы, сосуды для храненія святой воды 340. Кадильницы 341. Крещальни 344. Приборы для освѣщенія 345. Престолъ 351. Сѣнь надъ престоломъ 354. Переносные престолы 354. Каведра 355. Налой 357. Епископскія сѣдалища 357. Переносныя сѣдалища (для проповѣдниковъ) 359. Кларосныя сѣдѣнья 360. Сѣдѣнья для мірянъ 361. Шкафы и сундуки 361. Грѣлки употребляемыя духовенствомъ 362. Ракі и ковчежцы для мощей 363. Другія произведенія художественно-ремесленной дѣятельности за этотъ періодъ 368.—Домашняя утварь отъ десятаго до половины двѣнадцатаго столѣтія 369. Сосуды изъ глины, дерева и металла 369. Сосуды для нитя 370. для храненія жидкостей 371.—Мебель, или комнатная утварь въ тѣснѣйшемъ значеніи слова 371. Тронъ 372. Сѣдѣнья вообще 373. Столы 373. наложы, кровати 373. Сундуки, ящики, лари 374. Приборы для нагрѣванія и освѣщенія комнатъ 375. зеркала и приборы для измѣренія времени 375. Отъ половины двѣнадцатаго столѣтія до начала тринадцатаго 375. Троны и другія сѣдѣнья 375. Столы 376. кровати 377. сундуки, ящики и лари 376.—Дальнѣйшія измѣненія утвари съ начала тринадцатаго вѣка 378. Постепенный переходъ художественно-ремесленной дѣятельности отъ духовенства въ гражданскій 379. Развѣтїе германскаго или готическаго архитектурнаго стиля и вліяніе его на формы вообще 379.—Церковная утварь 380. Сосуды, и въ особенности потиръ 381. Церковная мебель вообще и въ частности 382.—Домашняя утварь съ начала тринадцатаго столѣтія 383. сосуды и столовая посуда 383. Мебель и комнатная утварь въ частности 384. Троны и прочія сѣдѣнья 385. Столы читальныя и письменныя 386. кровати 387. сундуки, лари 388. Ручныя зеркала 389. Приборы для освѣщенія и отопленія, ковры 389.—Игральныя приборы, отъ пятаго до четырнадцатаго столѣтія; игра въ кости, въ шашки, въ шары и шахматы 389.—Музыкальные инструменты отъ пятаго до десятаго столѣтія 390. Ударные инструменты 391. Духовые инструменты 393. Струнные инструменты 394. Игральныя приборы 401.—

Охотничьи и сельскохозяйственные снаряды, отъ пятаго до четырнадцатаго столѣтія 402. Повозки 402. Посилки 403.—Воинскіи снаряды, отъ пятаго до четырнадцатаго столѣтія 403. Подвижныя башни 404. Тараны и пр. 405. Осадныя орудія 406. Послѣ тринадцатаго столѣтія 407. Палатки 408. Погребальная утварь, отъ пятаго до четырнадцатаго столѣтія 408. Посилки и гробы 409. Погребальные погровы 410.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Народы западной Европы.

(**Французы, Англичане, Испанцы**). Общій обзоръ костюма этихъ народовъ сравнительно съ прочими европейскими народами и въ особенности съ нѣмцами 411. Характеристическія особенности костюма, начиная съ одиннадцатаго столѣтія, у французовъ 414. у англичанъ 419. у испанцевъ 421.

ИЗДАНИЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

Аванасьева.....	Народныя Русскія сказан. 4 части. Изд. 2.	6 р.
—.....	Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части	8 р.
Бэра.....	Исторія всемірной торговли. 3 ч. Пер. Э. Циммермана.	7 р. 50 к.
Берга.....	Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
—.....	Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ).	7 р.
Вейса.....	Вѣншній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ вре- менъ. Т. I, Ч. 1 и 2-ая и Т. II, Ч. 1-ая. Пер. В. Чаева.	12 р.
Вольскаго.....	Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками.	2 р. 50 к.
Гартмана.....	Сущность міроваго процесса или философія безсознатель- наго, въ 2-хъ книгахъ. А. Козлова.	4 р. 50 к.
Геттиера.....	Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, Кн. I и II	4 р. 75 к.
Грановскаго.....	Сочиненія. 2 части	2 р.
Ешевскаго.....	Сочиненія. 3 части.	6 р.
Забѣлина.....	Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 части.	4 р.
—.....	Куново и древній сѣтунскій станъ	2 р.
Игернига.....	Борьба за право. Перев. Н. Волкова.	75 к.
Кавелина.....	Сочиненія. 4 части.	5 р.
Каррьера.....	Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Перев. Е. Корша.	20 р.
Ключевскаго.....	Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ.	2 р.
Кольцова.....	Стихотворенія. Изд. 6.	20 к.
Куглера.....	Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. 2 ч.	10 р.
—.....	Руководство къ исторіи живописи. Перев. И. Васильева.	7 р.
Курціусъ.....	Исторія Греціи. Т. I-й. Пер. А. Веселовскаго.	3 р.
Лотце.....	Микрокозмъ. 3 части. Перев. Е. Корша.	6 р. 50 к.
Любке.....	Исторія пластики. Перев. В. Чаева.	6 р.
Огарева.....	Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
Попова.....	Россия и Сербія. 2 части.	4 р.
Рихтера.....	Вліяніе целлулярной патологіи.	1 р.
Рѣшетникова.....	Сочиненія. 2 части.	5 р. 50 к.
Тацита.....	Лѣтописи. 2 тома. Перев. К. Кроненберга.	1 р. 50 к.
Трачевскаго.....	Польское безкоролье.	3 р.
Тэна.....	Чтеніе объ искусствѣ.	2 р.
Тренделенбурга.....	Логическія изслѣдованія. 2 части.	4 р.
Фета.....	Стихотворенія. 2 части.	2 р.
Фрикена.....	Римскія ватакомбы и памятники первоначальнаго христі- анскаго искусства. Часть I-я.	1 р.
Фюстель-Куланжъ.....	Гражданская община античнаго міра. Переводъ Е. Корша.	2 р. 50 к.
Чичерина.....	Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3; за каждую	3 р.
—.....	Нѣсколько современныхъ вопросовъ.	1 р.
—.....	О народномъ представительствѣ.	3 р.
—.....	Областные учрежденія	3 р.
—.....	Опыты по исторіи русскаго права.	1 р.
—.....	Очерки Англіи и Франціи.	1 р.
Шекспира.....	Драматическія сочиненія. Перев. Н. Кетчера. 7 частей.	7 р.
Шилова.....	Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Со- ловьева. Съ 6-ю родословными таблицами.	3 р.